ЛИЧНОСТЬ
ЭПОХА
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

К 800-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

ЛИЧНОСТЬ

ЭПОХА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

К 800-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ИНДРИК

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ:

ЛИЧНОСТЬ, ЭПОХА, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

К 800-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ИНДРИК
МОСКВА 2021

УДК 94(47).032
ББК 63.3(2)43
А 46

При финансовой поддержке Фонда «История Отечества»

Утверждено к печати Учеными советами
Института российской истории РАН,
Института археологии РАН

Ответственные редакторы:
Е. Л. Конявская, Л. А. Беляев

Редколлегия:
П. Г. Гайдуков, А. А. Горский, В. А. Кучкин, Н. А. Макаров, Ю. А. Петров

Рецензенты:
В. Н. Захаров, П. В. Лукин, Вл. В. Седов

Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения. Материалы международной научной конференции (25–27 мая 2021 г., Москва, Россия) / Институт российской истории РАН, Институт археологии РАН. М.: Индрик, 2021. — 526 с.; ил.

ISBN 978-5-91674-659-4

В сборнике представлены статьи, созданные на основе докладов, сделанных на международной научной конференции «Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения». Работы посвящены личности и деятельности Александра Ярославича, оценке интерпретаций его роли в российской истории современниками и потомками. Они демонстрируют плодотворность междисциплинарного подхода в изучении этих феноменов – в соединении исследований археологов и историков, филологов и искусствоведов. Книга предназначена историкам, археологам, искусствоведам, культурологам, изучающим российские древности.

© Институт российской истории РАН, 2021
© Институт археологии РАН, 2021
© Коллектив авторов, 2021
© Издательство «Индрик», оформление, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 13

П. Г. Гайдуков. Вислые свинцовые печати Александра Ярославича Невского 15

А. А. Горский. Долгосрочные последствия деятельности Александра Невского 22

Е. Л. Конявская. Образ Александра Невского в Житии и ранних летописях 31

А. В. Сиренов. Гробница Александра Невского и традиция почитания владимирских князей в XVII в. 42

Л. А. Беляев, О. М. Иоаннисян, П. Л. Зыков. Саркофаги XII–XIII вв. в монастыре Рождества Богородицы во Владимире: топография и стратиграфия 55

I. Александр Невский: личность, деятельность, эпоха

О. Ф. Кудрявцев. Александр Невский и католический Запад 79

А. В. Мартынюк. Александр Невский и Восток: истоки «молчания века» 88

А. В. Майоров. Между Никеей, Лионом и Каракорумом: ориентиры внешней политики Александра Невского 99

Г. Ленхофф. Договор Александра Невского с немецкими купцами (1259–1263) и интересы монгольских завоевателей Руси 111

А. И. Филюшкин. Св. София и Александр Невский: к вопросу о происхождении идеи «где София, там и Новгород» 120

А. В. Лаушкин. Об одной неточности новгородского летописца в статье 6751 г. 130

С. В. Городилин. Двоюродные братья и двоюродные племянники: отношения Александра Ярославича с ростовскими князьями и их предыстория 138

В. Н. Рудаков. Между Киевом и Владимиром: великий князь Ярослав Всеволодович в годы нашествия Батыя 154

С. В. Богданов. Тверские закладники времени Александра Невского 167

В. А. Воронин. Литовские князья на русской службе в XIII в. 178

С. Н. Темушев. Женитьба Александра Ярославича и внешняя политика Владимиро-Суздальского княжества по отношению к западнорусским землям в 30–40-е гг. XIII в. 187

Р. Хаутала. Ездил ли Александр Невский в Монголию? Несколько замечаний о поездках Александра Невского и его отца к монгольским правителям 199

Ю. В. Селезнев. Деятельность князя Александра Невского в контексте русско-литовских конфликтов XIII столетия 208

П. В. Кузенков. Восточнохристианский мир в эпоху Александра Невского: время испытаний 217

Г. С. Гадалова. Александр Невский и Михаил Тверской 226

С. Б. Чебаненко. Послушество и свидетельствование в Северо-Западной Руси в домонгольский период и в эпоху Александра Невского 239

С. А. Маслова. Налоговая политика монголов во времена Александра Невского 249

Ф. Д. Подберезкин. Может ли «схизматик» быть рыцарем? Статус русского воина в ливонских хрониках XIII в. 259

О. И. Дзярнович. Религиозный статус православных в прибалтийско-немецких хрониках XIII–XIV вв. 269

К. В. Вершинин. Неизвестные списки слов Серапиона Владимирского 279

М. К. Юрасов. Восточное направление внешней политики Белы IV после битвы под Ярославлем (Ярославом) 287

II. Александр Невский: история церковного почитания, историческая память

М. Б. Свердлов. Александр Невский в летописных сводах XIII – первой половины XVI в.: от реальности к символу и мифу 297

В. В. Долгов. Историческая оценка деятельности Александра Невского как повествовательная конструкция и аналитический прием 305

П. С. Стефанович. «Полк» Александра в Невской битве по Житию Александра Невского 315

Ch. J. Halperin. Alexander Nevskii and the Suzdalian Land 331

Д. А. Ляпин. Мотив нарушения границ в «Житии благоверного и великого князя Александра» 340

М. Гардзанити. Александр Невский в «Сказании о Мамаевом побоище» 346

Д. Ю. Кривцов. Образ Александра Невского в Степенной книге 359

А. Е. Тарасов. Александр Невский и церемонии встреч в миниатюрах Лицевого летописного свода 367

А. А. Романова. Заметки о почитании «новых чудотворцев» в Кирилло-Белозерском монастыре во второй половине XVI в. 377

А. В. Духанина. Рукописная и старопечатная традиции Проложной редакции Жития Александра Невского 386

Г. А. Емельяненко. Особенности повествования об Александре Невском в исторических памятниках Российского государства 1617–1652 гг. 406

Л. П. Тарасенко. Иконография благоверного князя Александра Невского по памятникам иконописи и прорисям XVII–XVIII вв. из собрания Исторического музея 416

Л. Б. Сукина. Образ Александра Невского в визуальных конструкциях «родословия» царской власти в России второй половины XVII – начала XVIII в. 428

Р. А. Соколов. Заметки о перенесении мощей Александра Невского в 1723–1724 гг. 439

Я. Э. Зеленина. Образ святого Александра Невского в княжеской иконографии XVIII – начала XX в.: между сакральным и историческим 448

И. Чекова. Святой Александр Невский в болгарской христианской живописи 466

О. В. Калугина. Образ Александра Невского в русской монументальной пластике 480

М. В. Шкаровский. Историческая память об Александре Невском на Северо-Западе России в XX в. 493

Д. Пицкова. Александр Невский — национальный герой, святой или предатель? 500

CONTENT

Preface 13

P. G. Gaydukov. Pendent Lead Seals of Alexander Yaroslavich Nevsky 15

A. A. Gorskiy. Long Term Consequences of the Activities of Alexander Nevsky 22

E. L. Konyavskaya. Image of Alexander Nevsky in the Life and in the Early Chronicles 31

A. V. Sirenov. Tomb of Alexander Nevsky and Worship of Vladimir's Princes in the 17th Century 42

L. A. Belyaev, O. M. Ioannisyan, P. L. Zikov. Sarcophagi of the 12th – 13th Centuries in the Monastery of the Nativity of the Virgin in Vladimir: Topography and Stratigraphy 55

I. Alexander Nevsky: Personality, Activities, Epoch

O. F. Kudryavtsev. Alexander Nevsky and the Catholic West 79

A. V. Martyniouk. Alexander Nevsky and the Orient: Origins of the "Silence of the Sources" 88

A. V. Maiorov. Between Nicaea, Lyon and Karakorum: The Foreign Policy Guidelines of Alexander Nevsky 99

G. Lenhoff. Alexander Nevsky's Treaty with the German Merchants (1259–1263) and the Interests of Russia's Mongol Lords 111

A. I. Filyushkin. St. Sofia and Alexander Nevsky: About the Origin of the Idea "Where Sofia is, There is Novgorod" 120

A. V. Laushkin. About one Inaccuracy of the Novgorod Chronicler in the Article of 6751 130

S. V. Gorodilin. Cousins and Cousins' Children: Alexander Yaroslavich's Relationships with the Rostov Princes and Their Background 138

V. N. Rudakov. Between Kiev and Vladimir: Grand Prince Yaroslav Vsevolodovich during the Batu Khan Invasion of Russia 154

S. V. Bogdanov. Tver Mortgagers (Zakladniki) of the Time of Alexander Nevsky's Reign 167

V. A. Varonin. Lithuanian Princes in the Russian Service in the 13th Century 178

S. N. Tsemushau. Marriage of Alexander Yaroslavich and Foreign Policy of the Vladimir-Suzdal Principality in relation to Western Rus Lands in the 30s – 40s of the 13th Century 187

R. Hautala. Did Alexander Nevsky Go to Mongolia?
Some Remarks on the Travels of Alexander Nevsky
and His Father to Mongol Rulers 199

Yu. V. Seleznev. Activities of Prince Alexander Nevsky in the Context
of the Russian-Lithuanian Conflicts of the 13th Century..... 208

P. V. Kuzenkov. Eastern Christian World in the Era of Alexander Nevsky:
Time of Trials..... 217

G. S. Gadalova. Alexander Nevsky and Michael Tversky 226

S. B. Chebanenko. Witnessing and Compurgatorship
in North-Western Rus in the Pre-Mongolian Period
and in the Reign of Alexander Nevsky..... 239

S. A. Maslova. Tax Policy of the Mongols
during the Reign of Alexander Nevsky 249

Ph. D. Podberezkin. Could the "Shismatic" Become a Knight?
Status of the Russian Warrior in the Livonian Chronicles
of the 13th Century 259

A. I. Dziarnovich. Religious Status of the Orthodox
in the Baltic-German Chronicles of the 13th – 14th Centuries..... 269

K. V. Vershinin. Unknown Copies of Sermons by Serapion of Vladimir 279

M. K. Yurasov. Eastern Direction of Bela IV's Foreign Policy
after the Battle of Yaroslavl 287

II. Alexander Nevsky:
The History of Church Veneration, Historical Memory

M. B. Sverdlov. Alexander Nevsky in Chronicles
of the 13th to the First Half of the 16th Century:
From Reality to Symbols and Myths 297

V. V. Dolgov. "Historical Significance" of the Activities of Alexander Nevsky
as a Narrative Construction and Analytical Method..... 305

P. S. Stefanovich. "Regiment" of Alexander in the Battle
of the Neva according to the Life of Alexander Nevsky..... 315

Ch. J. Halperin. Alexander Nevskii and the Suzdalian Land 331

D. A. Lyapin. Motive for Violating the Borders
in The Life of the Blessed and Grand Duke Alexander 340

M. Garzaniti. Alexander Nevsky in the Legend of the Bloody Battle of Mamai 346

D. Yu. Krivtsov. Image of Alexander Nevsky in the Book of Royal Degrees 359

A. E. Tarasov. Alexander Nevsky and Solemn Meeting Ceremonies
in the Miniatures of the Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible..... 367

A. A. Romanova. Some Words on Devotion of "New Miracle Workers" in Kirillo-Belozersky Monastery in the Latter Half of the 16th Century 377

A. V. Dukhanina. Handwritten and Printed Traditions of the Prologue Reduction of the Life of Alexander Nevsky 386

ГG. A. Emelianenko. Specifics of the Narration about Alexander Nevsky in Russian Historical Literature of 1617–1652 406

L. P. Tarasenko. Iconography of the Blessed Prince Alexander Nevsky in Monuments of Icon Painting and Icon Designs of the 17th – 18th Centuries from the State Historical Museum Collection 416

L. B. Sukina. Alexander Nevsky's Image in Visual Constructions of the "Genealogy" of Tsarist Power in Russia in the Second Half of the 17th – Early 18th Centuries 428

R. A. Sokolov. Notes on the Transfer of the Relics of Alexander Nevsky in 1723–1724 439

Y. E. Zelenina. Image of St. Alexander Nevsky in the Princely Iconography of the 18th – Early 20th Centuries: Between Sacral and Historical Significance 448

I. Chekova. Saint Alexander Nevsky in Bulgarian Christian Painting 466

O. V. Kalugina. Image of Alexander Nevsky in the Russian Monumental Plastic 480

M. V. Shkarovsky. Historical Memory of Alexander Nevsky in the North-West of Russia in the 20th Century..... 493

D. Picková. Alexander Nevsky – National Hero, Saint or Traitor? 500

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. СПб., 1836. Т. 1–4.

АДД – автореферат докторской диссертации

АКД – автореферат кандидатской диссертации

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв.

АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 1 (подгот. Л. В. Черепнин). М., 1951; Ч. 2 (подгот. А. А. Зимин). М., 1956

БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова (под ред. С. Н. Валка). М.; Л., 1949

ГИМ – Государственный Исторический музей

ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. СПб.

ИРИ – Институт российской истории

МГУ – Московский государственный университет

НАН – Национальная академия наук

НИС – Новгородский исторический сборник

НИУ ВШЭ – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

ПЭ – Православная энциклопедия

РАН – Российская Академия наук

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГБ – Российская государственная библиотека

РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб.; Пг.; Л., 1872–1927. Т. 1–39.

РНБ – Российская национальная библиотека

СККДР – Словарь книжности и книжников Древней Руси

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом). Л.; СПб.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В основе этой книги – материалы конференции «Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения», прошедшей в юбилейный 2021 год. Она была организована Российским историческим обществом, Институтом российской истории РАН, Институтом археологии РАН и научным журналом «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» при финансовой поддержке Фонда «История Отечества».

Обсуждение докладов, посвященных личности и деятельности Александра Ярославича, оценке интерпретаций его роли в российской истории современниками и потомками, стало значимым стимулом для завершения исследований, предпринятых авторами этого сборника.

Александр Невский был славен среди его современников, и его слава сохранялась на протяжении столетий. Он был символом победы русского оружия в XX в., а в XXI столетии стал «Именем России» (Проект-голосование 2008 года). В этом позитивном процессе есть и своя оборотная сторона. На конференции неизбежно, имея в приоритете научные проблемы, необходимо было учитывать и общественное звучание исторической личности, знаковости этой фигуры. Популярность Александра Невского побуждает к созданию в связи с его именем различных политических и «геополитических» идей. Однако конференция еще раз показала, что историческая личность должна изучаться в контексте ее времени, а не исходя из наших сиюминутных идеологических пристрастий. Неприемлемы попытки рассматривать его государственную, военную и дипломатическую деятельность как некий «цивилизационный выбор». Александр Ярославич был государственным деятелем той далекой эпохи, которая ставила перед ним конкретные задачи. Он решал их, будучи прекрасным стратегом и тактиком, максимально учитывая различные факторы: интересы Запада и Орды, возможности завоевателей и сложную расстановку сил в Европе. Ему приходилось делать выбор, но совершенно иной, конкретный, и нужно понимать, что пространство для маневра было весьма ограниченным.

Об Александре Невском сохранилось относительно много информации, что понятно, учитывая высокую оценку, которую давали ему современники: по словам Жития, «побеждая, он был непобедим». Житие Александра изобилует историческим материалом, который достоверен, ибо оно было создано в ближайшие годы после его кончины. Многочисленные летописные известия и рассказы также по большей части современны событиям. Но все равно остается немало неясного, спорного, поскольку источники зачастую освещают события односторонне, оставляя многое «за кадром».

Особую роль играют археологические материалы. Они представляют те неоспоримые, объективные свидетельства деятельности князя, которых так не хватает всегда пристрастным нарративам. Многочисленные свинцовые печати, которые находят по всей Руси, свидетельствуют об активности Александра как государственного деятеля. Значимы и сами изменения в иконографии святых покровителей, на них изображенных: место смиренных подвижников занимают скачущие воины. Пусть до сих пор не найдено военными археологами место Ледового побоища на Чудском озере – зато раскопки в землях исчезнувших навсегда из истории пруссов ясно показывают, какой была бы участь восточнославянских земель, окажись они под властью крестоносцев. Свою версию в археологии получает столь важная в глазах наших предков история преставления и погребения князя в монастыре Рождества Богородицы во Владимире и, в еще большей степени, прославления и переноса его мощей. Других личных реликвий до нас не дошло, но есть семейные: история помнит о шлеме, потерянном в битве на реке Липице и, возможно, принадлежавшем его отцу; о погребениях сыновей и внуков в соборах Переяславля Залесского и Москвы, которые обнаруживаются при исследованиях. В более позднее время – в XVI–XVII вв. – археологам постоянно встречаются и образы знаменитого соименника Александра, правителя Македонии, глубоко проникшие в художественный фольклор, в том числе – в декор московских печей.

Как и сами источники, тематика статей в книге подразделяется на два основных направления: личность и эпоха Александра Невского и историческая память о нем. В первом разделе – статьи, касающиеся биографии Александра Невского, его княжения в Новгороде и во Владимире, подробностей его победоносных походов и сражений, взаимоотношений с Ордой и Западом. В них представлены результаты изучения письменных источников (русских и зарубежных), в том числе литературных памятников, археологических данных, изобразительных источников. Второе направление – статьи об истории церковного почитания благоверного князя (его Житие, история мощей, иконография), а также отражении памяти о нем потомков в произведениях светского искусства.

Таким образом, эпоха Александра Невского, историческая память о нем рассматриваются с точки зрения того исторического, культурного и ментального контекста, который необходим для объективного исследования и понимания феномена Александра Невского.

П. Г. Гайдуков
Институт археологии РАН, Москва, Россия

ВИСЛЫЕ СВИНЦОВЫЕ ПЕЧАТИ АЛЕКСАНДРА ЯРОСЛАВИЧА НЕВСКОГО

В статье впервые дается обозрение всех актовых печатей, которыми канцелярия князя Александра Ярославича скрепляла документы в период его правления. К настоящему времени по раскопкам, музейным и частным коллекциям их насчитывается 146 – это втрое больше, чем дошло от документации его отца (52), братьев Андрея и Александра (4 и 30), детей Дмитрия и Андрея (81 и 33). Из материальных свидетельств исключительной по размаху общей государственной и военной деятельности князя печати – наиболее ясные и убедительные. Тематически они единообразны и несут изображения святых воинов, на одной стороне — Александра Римлянина, на другой – Феодора Стратилата (святого покровителя отца князя Ярослава Всеволодовича). В ранних версиях печати оба воина были пешими; в более поздних святой Александр изображен скачущим (западная традиция; возможно, всадник ассоциировался с самим князем), а святой Феодор держит коня в поводу.
Ключевые слова: сфрагистика, XIII век, Новгород, Северо-Восточная Русь, актовые печати, святые воины

Вислые печати использовались в Древней Руси для скрепления различных официальных документов (актов) – жалованных грамот, договоров, указов, посланий и частных писем. Право пользования ими имели лишь представители высшей светской и церковной власти: князья, их наместники и некоторые бояре; киевские митрополиты, архиепископы и епископы различных епархий и их наместники; отдельные монастыри и их игумены; представители государственного аппарата управления Новгородского государства. Печать служила подтверждением подлинности документа и законности содержания указа или требования, изложенного в нем. Она удостоверяла подпись лица, выдавшего документ.

Отмечая 800-летие со дня рождения святого князя Александра Ярославича (1221–1263 гг.), следует обратиться к его печатям – материальным свидетельствам значительной политической и военной деятельности этого князя в первые и самые тяжелые десятилетия после монгольского нашествия на Русь.

От времени правления Александра Ярославича не сохранилось ни одного письменного документа. Но в ряду других свидетельств его деятельности стоят 146 печатей, зарегистрированных к настоящему времени. Все они привешивались к различным актам, а после их утраты не были уничтожены, археологизировались и сохранились до наших дней.

89 печатей опубликованы в Своде «Актовые печати Древней Руси»: 43 – во втором томе и 47 – в третьем[1]. Позже были зарегистрированы еще 56 печатей[2].

Полторы сотни печатей XIII в., дошедших до наших дней от деятельности одного правителя, – случай в древнерусской сфрагистике исключительный. Для сравнения приведем количество известных сейчас печатей близких родственников Александра Ярославича. Печатей его отца князя Ярослава Всеволодовича зарегистрировано 52, братьев – князей Андрея и Ярослава – соответственно 4 и 30, детей – князей Дмитрия и Андрея – соответственно 81 и 33[3].

Традиция оформления многочисленных княжеских печатей XII–XIII вв. включала изображение на них образов небесных покровителей владельцев булл: самого князя и его отца. Узнав имена святых на печатях и сравнив их с именами и отчествами известных исторических персонажей, можно понять, кому они принадлежали. Изображения на княжеских печатях подчеркивают идею дарования княжеской власти от бога, а также ее преемственности от отца к сыну.

Первые печати, приписываемые князю Александру Ярославичу, были найдены на Новгородском городище еще в начале XX в. Они атрибутированы академиками Н. П. Лихачевым и В. Л. Яниным. При определении их принадлежности ученые опирались на изображения святых – одно из них олицетворяет христианское имя князя, второе – его отца. Небесным покровителем отца Александра Невского был святой Феодор Стратилат, а самого князя – святой Александр.

Н. П. Лихачеву было известно 16 печатей с изображением святых Александра и Феодора. Подробно описав печати и определив имена святых, исследователь писал: «Кто же мог бы быть владельцем такой печати? Хронологически памятник относится к XIII столетию, по типу – печать княжеская. Имя Александра встречается в XI–XIII столетиях не часто. Принимая во внимание значительное количество вариантов и еще большее количество дошедших до нас экземпляров печати, мы не можем

---

[1] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 2. Новгородские печати XIII–XV вв. С. 157–158, 240. № 372–378; *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. 3. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. С. 161–163. № 372–378в.

[2] Материалы сфрагистического архива автора. В это число вошли также печати, опубликованные И. А. Жуковым в статье «Вислые печати князя Александра Ярославича Невского 1228–1263 гг.» (Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Вып. 4. М., 2017. С. 84–93). Здесь дается описание и воспроизведение 17 печатей, пять из которых для автора настоящей статьи ранее были неизвестны. И. А. Жуков пишет об известных ему 124 печатях Александра Ярославича, которые он распределяет на четыре типа.

[3] Материалы сфрагистического архива автора.

не вспомнить великого князя Александра Ярославича (Феодоровича) Невского. Конечно это предположение…»[4].

В. Л. Янин к 1968 г. располагал уже 43 рассматриваемыми печатями. Проведя их изучение, он писал: «Сочетание имен на этих печатях, обилие их вариантов и экземпляров делают безусловным вывод об их принадлежности великому князю Александру Ярославичу»[5]. Исследователь выделил две группы печатей Александра Невского, отнеся печати первой группы «к начальному периоду его деятельности, когда Александр был только новгородским князем (1236–1240 гг.), или же в целом ко времени, когда на великом столе княжил его отец (до 1246 г.)»[6].

На печатях первой группы изображены стоящие святые воины, держащие в руках меч и щит или копье и щит; по сторонам фигур помещены имена святых: АЛЕКСАНДР и ФЕОДОР (Рис. 1). Насчитывается 29 таких печатей, оттиснутых тремя парами матриц[7].

На печатях второй группы изображен скачущий вправо всадник (с нимбом или в короне), с мечом в руке, иногда фигуру сопровождает имя – АЛЕКСАНДР. В светском всаднике в короне, вероятно, можно видеть изображение самого Александра Ярославича. На другой стороне этих печатей изображен спешившийся и ведущий коня в поводу воин с нимбом, поражающий копьем змия (образ св. Феодора в композиции «чудо о змие») (Рис. 2). Зарегистрировано 117 таких печатей, оттиснутых девятью парами матриц[8].

В сюжетах этой группы печатей прослеживаются западноевропейские традиции оформления, где уже с XI в. широко распространяется изображение всадника. А. Л. Хорошкевич сделала заключение, что употребление Александром Невским конной печати «подчеркивало его… равенство с государями Западной, Центральной и Северной Европы, вводило в многочисленную семью независимых глав небольших государственных образований»[9].

Святых Александров-воинов известно три: воин-римлянин, воин египетский и просто воин. В честь какого из этих святых был крещен князь Александр? В. К. Зиборов высказал предположение, что он был назван в честь святого Александра Римлянина, память которого чтится

---

[4] *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1928. Вып. 1. (Труды Музея палеографии. I). С. 92.

[5] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 2. С. 8.

[6] Там же.

[7] № 372 – 8 экз., № 373 – 13 экз., № 373а – 8 экз.

[8] № 374 – 28 экз., № 375 – 38 экз., № 376 – 32 экз., № 377 – 6 экз., № 378 – 5 экз., № 378а – 1 экз., № 378б – 2 экз., № 378ба – 2 экз., № 378в – 3 экз.

[9] *Хорошкевич А. Л.* «Конные печати» Александра Невского и традиции средневековой сфрагистики // Князь Александр Невский и его эпоха: Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 144.

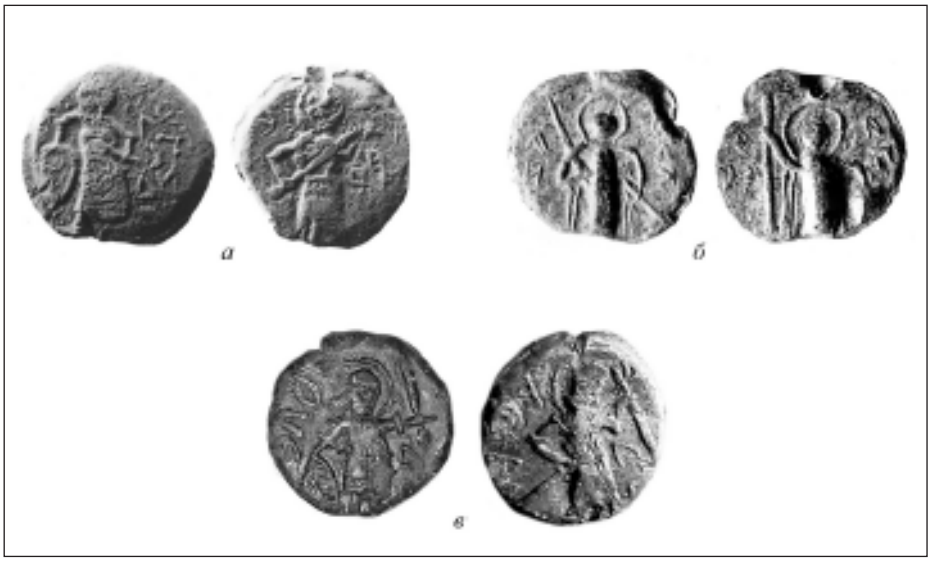

Рис. 1. Фото печатей Александра Ярославича первой группы. Увеличено.
а – Новгород, до 1917 г. (№ 372–1); б – Новгород, Городище, 1980 г. (№ 373–8);
в – Тверская обл., Весьегонский р-н, 2020 г. (№ 373а–7)

Рис. 2. Фото печатей Александра Ярославича второй группы. Увеличено.
а – Новгородская обл., Пестовский р-н, 2014 г. (№ 374–25); *б* – Новгород, Городище, 1965 и 1966 гг. (№ 376–14); *в* – Новгород, Городище, 1982 г. (№ 378–2)

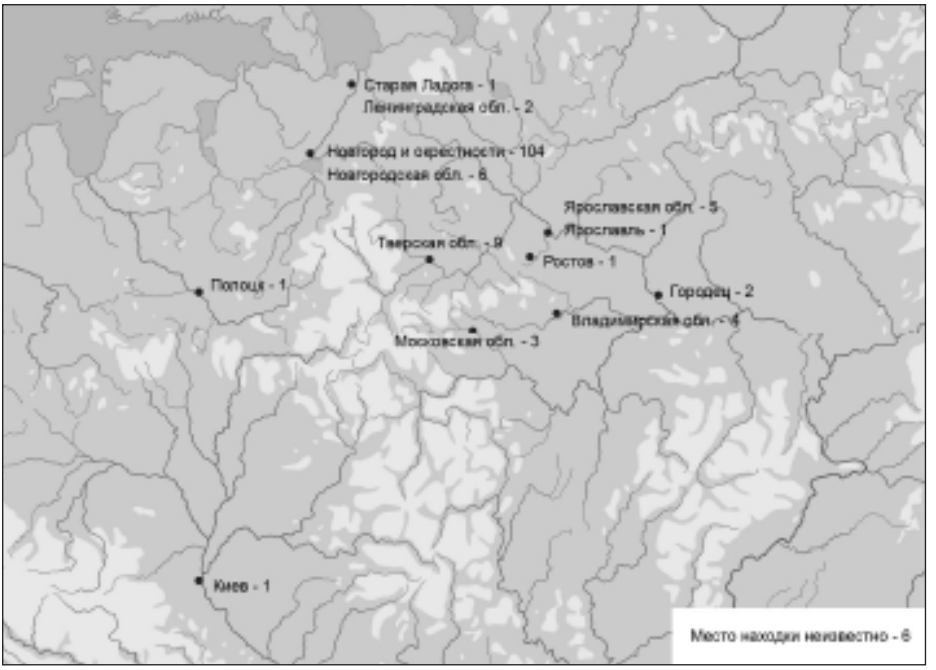

Рис. 3. Карта Восточной Европы с отметками находок печатей Александра Ярославича

13 мая[10]. К этой дате в настоящее время историки и относят рождение святого благоверного князя Александра Невского.

Ареал находок печатей Александра Ярославича очень широк, он охватывает центральные районы Новгородской земли и Северо-Восточную Русь. Отмечены печати Александра также в Западной и Южной Руси (Рис. 3).

Более 70 % булл (104 экз.) происходят из Новгорода и его окрестностей. При этом подавляющее их большинство найдено на Новгородском городище – резиденции новгородских князей. Из самого Новгорода происходят лишь пять печатей. Две из них найдены при проведении археологических раскопок: на Ярославовом Дворище в 1948 г. и на Неревском раскопе в 1955 г. (в слое 1270–1290-х гг.), еще три – случайные находки в разных частях города.

Из других регионов Новгородской земли происходят 18 печатей. Только одна из них найдена при проведении археологических раскопок: в Старой Ладоге в 2006 г.[11] Остальные – случайные находки частных лиц,

[10] *Зиборов В. К.* О новом экземпляре печати Александра Невского // Князь Александр Невский и его эпоха: Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 150.

[11] *Кирпичников А. Н., Белецкий С. В.* Памятники древнерусской сфрагистики из раскопок Земляного городища в Старой Ладоге в 2006 г. // Санкт-Петербург-

они не имеют точных топографических привязок. Две буллы происходят из Ленинградской области, шесть – из Новгородской области и девять – из Тверской области.

В различных регионах Северо-Восточной Руси зарегистрированы находки 16 печатей. Две из них найдены при проведении археологических раскопок: в Ростове в 2007 г.[12] и в Ярославле в 2019 г.[13] Остальные, как и в Новгородской земле, не имеют археологического контекста и точных топографических привязок. Пять печатей происходят из Ярославской области, четыре – из Владимирской области, три – из Тверской области, еще две – из Городца на Волге. Кроме этого, по одной печати найдено в Полоцке и в окрестностях Киева. У шести булл места находок остались неизвестными.

Большое количество сохранившихся до наших дней печатей Александра Ярославича и их широкое распространение по территории Руси свидетельствуют о его чрезвычайно высокой активности как государственного деятеля и подтверждают оценку князя как крупнейшей фигуры в русской истории этого периода.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Гайдуков П. Г., Янин В. Л. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2007 г. // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород, 2008. Вып. 22. С. 61–84.

Гайдуков П. Г., Энговатова А. В. В Ярославский музей-заповедник передана вислая печать князя Александра Невского // Институт археологии РАН [веб-сайт]. Новость от 9 декабря 2019 г. URL: https://www.archaeolog.ru/ru/press/articles/v-yaroslavskiy-muzey-zapovednik-peredana-vislaya-pechat-knyazya-aleksandra-nevskogo (дата обращения: 20.05.2021).

Жуков И. А. Вислые печати князя Александра Ярославича Невского 1228–1263 гг. // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. М., 2017. Вып. 4. С. 84–93.

ский международный летний культурно-исторический университет. 2006. Реформы в России. XVI – начало XX в. СПб., 2006. С. 280. № 17.

[12] *Гайдуков П. Г., Янин В. Л.* Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2007 г. // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород, 2008. Вып. 22. С. 77. № 3786–2.

[13] *Гайдуков П. Г., Энговатова А. В.* В Ярославский музей-заповедник передана вислая печать князя Александра Невского // Институт археологии РАН [веб-сайт]. Новость от 9 декабря 2019 г. URL: https://www.archaeolog.ru/ru/press/articles/v-yaroslavskiy-muzey-zapovednik-peredana-vislaya-pechat-knyazya-aleksandra-nevskogo (дата обращения: 20.05.2021).

Зиборов В. К. О новом экземпляре печати Александра Невского // Князь Александр Невский и его эпоха: Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 146–150.

Кирпичников А. Н., Белецкий С. В. Памятники древнерусской сфрагистики из раскопок Земляного городища в Старой Ладоге в 2006 г. // Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет. 2006. Реформы в России. XVI – начало XX в. СПб., 2006. С. 263–303.

Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1928. Вып. 1. (Труды Музея палеографии. I).

Хорошкевич А. Л. «Конные печати» Александра Невского и традиции средневековой сфрагистики // Князь Александр Невский и его эпоха: Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 140–145.

Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 2. Новгородские печати XIII–XV вв.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. 3. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг.

Petr G. Gaydukov
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

PENDENT LEAD SEALS OF ALEXANDER YAROSLAVICH NEVSKY

The article provides the first overview of all the seals used by the workers of Prince Alexander Yaroslavich to seal documents during his reign. To date, there are 146 of them based on the data of excavations and museum collections – this is three times more than those of his father (52), brothers Andrey and Alexander (4 and 30), children Dmitry and Andrey (81 and 33). Seals are the clearest and most convincing of all the material evidences of the exceptional scope of the general state and military activity of the prince. In terms of their topics, they are similar and carry images of holy warriors, Alexander of Rome on one side, and Theodore Stratelates (patron saint of the father of Prince Yaroslav Vsevolodovich) on the other side. In early versions of the seal, both warriors were on foot; in later versions, Saint Alexander is depicted galloping (Western tradition; perhaps the horseman was associated with the prince himself), and Saint Theodore holding the horse's headrope.
Keywords: sphragistics, 13th century, Novgorod, North-Eastern Russia, act seals, holy warriors

А. А. Горский
ИРИ РАН, Москва, Россия

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Распространенная точка зрения о так называемом «историческом выборе Александра Невского между Востоком и Западом» неосновательна, но реальные долгосрочные последствия деятельности Александра Ярославича имели место. Это переход статуса номинальной общерусской столицы от Киева к Владимиру, во многом благодаря которому Северо-Восток Руси стал ядром нового единого государства, и установление тесной политической связи Северо-Восточной Руси с Новгородом, способствовавшей впоследствии вхождению Новгородской земли в единое Русское государство.
Ключевые слова: Александр Невский, долгосрочные последствия деятельности

Военные победы Александра Ярославича 1240–1242 гг. над шведами и немецкими крестоносцами, несомненно, имели важное значение для будущего развития Северо-Западной Руси. До XIII в. на Северо-Западе не существовало государственных границ в прямом смысле этого понятия – «рубежи между государствами». Новгородская земля здесь соприкасалась с территориями, населенными прибалтийскими народами, еще не перешедшими на государственную стадию развития. И когда в начале XIII в. на эти территории начали продвижение завоеватели из Западной Европы – шведы на Финляндию, а немцы на Восточную Прибалтику, встал вопрос, где остановится их экспансия. И те и другие, как показали события 1240–1242 гг., не собирались «притормаживать» там, где начинались новгородские владения: шведы пытались утвердиться на Неве, немецкие рыцари заняли Псков, Изборск и Копорье. Отпор, данный захватчикам Александром Невским, их экспансию остановил, определив в основных чертах западные и северо-западные границы Новгородской (и будущей Псковской) земель с Немецким орденом и Швецией на несколько столетий[1]. Но долгосрочные последствия деятельности Александра этим не исчерпываются.

В исторической литературе и публицистике распространено утверждение, что Александр Невский совершил судьбоносный «цивилизационный выбор», осознанно избрав подчинение монголам, не посягав-

[1] Собственно говоря, и нынешние границы Российской Федерации со странами Восточной Прибалтики проходят по рубежам, где была остановлена крестоносная экспансия Александром Невским.

шим на православную веру, и отпор Западу, стремившемуся обратить Русь в католичество[2]. В зависимости от взглядов авторов (в том числе политических), этот «выбор» оценивается со знаком плюс (Александр спас русскую цивилизацию от поглощения Западом) или минус (его деятельность привела к установлению ордынского «ига», отрыву от европейской цивилизации, развитию деспотизма и т. п.). Но насколько основателен сам исходный тезис об осознанном историческом выборе?

До середины 1240-х гг. едва вступивший в третье десятилетие своей жизни Александр, княжа в Новгороде, не входил в число наиболее влиятельных князей Руси. Ими являлись три правителя. Во-первых, отец Александра, Ярослав Всеволодич, княживший во Владимире, а в 1243 г., после того, как он был вызван к Батыю и совершил поездку в ставку правителя Улуса Джучи, получивший старейшинство среди всех русских князей и княжение в Киеве (который продолжал тогда считаться номинальной столицей всей Руси), потерянное им ранее с уходом во Владимир в 1238 г.[3] Во-вторых, Даниил Романович, князь волынский, присоединивший в конце 1230-х гг. к своим владениям Галич. В-третьих, Михаил Всеволодич, князь черниговский (до нашествия владевший одно время также Киевом и Галичем). Все трое в середине 1240-х гг. посещали монгольских правителей по поводу оформления своих владельческих прав. Даниил благодаря визиту к Батыю зимой 1245–1246 гг. закрепил за собой Галич[4]. Михаил был казнен в ставке Батыя 20 сентября 1246 г.[5] Ярослав, несмотря на поддержку со стороны Батыя, был отравлен в ставке монгольского великого хана Гуюка близ Каракорума в Монголии и умер 30 сентября 1246 г.[6] После этого Александр остался старшим в семье отца, но на великое княжение владимирское взошел (в соответствии с утвержденной Батыем в начале 1246 г. волей Ярослава[7]) его дядя Святослав Всеволодич[8].

---

[2] См., например: *Вернадский Г. В.* Два подвига Александра Невского // Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. 4. С. 318–337; *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 532–536, 540–544; *Данилевский И. Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2000. С. 217–219; *Рыбаков В. С.* Стратегический выбор Александра Невского // Мир Евразии. 2013. № 4 (23). С. 50–54; *Жеребкин М. В.* Исторический выбор Александра Невского // Наука, образование и культура. 2017. № 3 (18). С. 13–19.

[3] ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 470; М., 2001. Т. 2. Стб. 805; *Горский А. А.* Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. СПб., 2016. С. 37–38.

[4] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 805–808.

[5] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471; Т. 2. Стб. 808.

[6] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471; Т. 2. Стб. 808; *Giovanni di Pian di Carpine.* Storia dei Mongoli. Spoleto, 1989. P. 323; Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 77–78.

[7] *Горский А. А.* Наследование великого княжения в середине XIII в., Батый и мачеха Александра Невского // Российская история. 2020. № 4. С. 32.

[8] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471.

Таким образом, отношения зависимости с Монгольской империей и Улусом Джучи (будущей Ордой) в основных чертах (получение власти князьями из рук монгольских правителей[9]) были оформлены еще в то время, когда Александр принадлежал к младшим князьям, и без всякого его участия. А была ли альтернатива признанию этой зависимости в виде союза с «Западом» против монголов?

В 1248 г. папа Иннокентий IV дважды обращался в своих посланиях к Александру с предложением церковной унии в обмен на союз против монголов[10]. Ранее, с 1246 г., такого рода переговоры велись папой с Даниилом Галицким[11]. Александр в 1248 г. находился сначала в ставке Батыя в низовьях Волги, а затем отправился вместе с братом Андреем в Центральную Азию, к великоханскому двору[12]. Можно полагать, что, узнав во время пребывания у Батыя содержание первого послания папы, Александр передал через посредство архиепископа Прусского нейтрально-дружественный ответ[13], но по возвращении из поездки (занявшей около двух лет) князь ответил на предложение унии отказом[14]. Есть ли основания говорить, что тем самым он делал выбор между «Востоком и Западом», который ему ныне приписывают? Такая постановка вопроса была бы правомерна, если бы в тот момент существовала реальная альтернатива. Но ее не было, что показал пример Даниила Галицкого. Даниил формально соглашался на унию, но фактически не собирался отказываться от православия, о чем свидетельствует отправление им своего ставленника Кирилла осенью 1246 г., в разгар переговоров с папой, в Никею к православному патриарху, для поставления на русскую митрополию[15]. В 1249 г. Даниил отказался от предложенной Иннокентием IV

---

[9] Именно это – признание верховной власти улусного правителя и великого монгольского хана – было ключевым моментом; упорядочивание системы сбора податей в разных русских землях, которое заняло период с середины 1240-х по конец 1250-х гг., являлось неизбежным его следствием (см.: *Горский А. А.* Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. 2014. Т. 10 (157). С. 58–79).

[10] *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М., 2002. С. 262–265, 268–270.

[11] *Большакова С. А.* Папские послания галицкому князю как исторический источник // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975 г. М., 1976. С. 122–129.

[12] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471–472.

[13] См.: *Горский А. А.* Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского // Горский А. А. «Бещисленыя рати и великия труды…»: Проблемы русской истории X–XV вв. СПб., 2018. С. 187–188.

[14] См.: *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 193 (текст Жития Александра Невского).

[15] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 809; о дате см.: Галицько-волинський літопис. Київ, 2002. С. 263.

королевской короны со ссылкой на отсутствие помощи против татар[16]. В 1252 г., в условиях конфронтации с монгольским наместником в степях западнее Днепра Куремсой, галицкий князь вновь завязал переговоры с Римом, получил в 1253 г. королевскую корону, но реальной помощи опять не было (и не могло быть, так как папа и европейские светские правители не были тогда способны организовать соединенный крестовый поход против монголов), и к середине 1250-х гг. Даниил прекратил сношения с папским престолом, а затем и окончательно подчинился ордынской власти[17]. Распространенное представление, что политика Даниила привела к поглощению Галицко-Волынской земли католическими соседями (и, соответственно, противопоставление его в этом плане Александру Невскому), не имеет оснований. Даниил, как и Александр, остался православным правителем, планы унии 1240–1250-х гг. не были реализованы и не возобновлялись ни при сыновьях Даниила, ни при его внуке Юрии Львовиче, ни при правнуках. Раздел Галицко-Волынской земли между Польшей и Литвой (кстати, еще не католической, а языческой в то время) произошел только в середине XIV в., столетие спустя со времени Даниила, после прекращения его династии, в совершенно иных исторических условиях. Никакой связи с политикой Даниила в отношении Рима 1240–1250-х гг. это событие не имело.

Таким образом, постановка вопроса о так называемом «выборе Александра Невского между Востоком и Западом» неосновательна. Реальной альтернативы не было. Разница между Александром и Даниилом только в том, что первый принял решение отказаться от идеи церковной унии быстрее, чем второй. Здесь мог повлиять как его личный опыт войн с крестоносцами, поддерживаемыми Римом, так и впечатления от поездки в Каракорум 1248–1249 гг., когда князь должен был убедиться в мощи Монгольской империи, подчинившей большую часть Евразии, а также, собственно, пример Даниила (около 1249 г., как раз когда Александр вернулся из Монголии, прервавшего на время отношения с папой по причине отсутствия от него помощи). Зависимость же от монгольских правителей была признана ведущими русскими князьями (включая Даниила) до того, как Александр вышел на первые роли, и ему приходилось действовать, исходя из уже сложившейся ситуации.

Дело было не в том, кто опаснее – «Запад» или «Восток», а в том, кто сильнее. Монголы уже завоевали Русь ко времени, когда Александр стал претендовать на наследие своего отца. Крестоносцы не имели сил для того, чтобы политически подчинить всю Русь или даже всю Новгородскую

[16] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 826–827.

[17] См.: *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 251–261; *Горский А. А.* Между Римом и Каракорумом: Даниил Галицкий и Александр Невский // Страницы отечественной истории. М., 1993. С. 4–13.

землю. Церковная уния была теоретически возможна, но от утверждения монгольской власти она бы не спасла. Собственно, даже с присоединением западных и южных русских земель к Литве и Польше в XIV в. зависимость их от Орды не исчезла (вопреки еще одному упорно тиражируемому представлению): на эти территории продолжали выдаваться ханские ярлыки, с них платилась дань[18].

Между тем реальные долгосрочные последствия деятельности Александра Ярославича для внутреннего развития Руси имели место. Но они (как ни парадоксально это выглядит в свете панегирического отношения к Александру в исторической традиции) еще со Средневековья стали приписываться другим древнерусским князьям.

Одним из таких последствий стал переход статуса номинальной общерусской столицы от Киева к Владимиру. В XVI в. это деяние было приписано Андрею Боголюбскому, но на самом деле его попытка распоряжаться киевским княжением, оставаясь во Владимире, окончилась неудачей[19]. Киев сохранял статус главного княжеского стола и в конце XII – начале XIII в., его князья именовались «князьями всея Руси»[20]. Принципиальные изменения произошли после разгрома Киева Батыем 1240 г. В 1243 г. великий князь Суздальской земли Ярослав Всеволодич был вызван к Батыю, и тот признал его «старѣи всѣм князем в Русском языцѣ (то есть народе. – *А. Г.*)»[21]: это означало, что хан передавал ему именно Киев (в котором Ярослав уже княжил ранее – в 1236–1238 гг.)[22]. Ярослав, однако, в разоренном монголами Киеве сам княжить не стал, управлял им через боярина-наместника[23]. После смерти Ярослава (1246 г.) решение о том, кто будет считаться главным среди русских князей, принималось в ставке великого хана Монгольской империи. Здесь в 1249 г. Александр получил «Кыевъ и всю Русьскую землю», а его младший брат Андрей – княжение во Владимире, столице Суздальской земли[24]. Таким образом, владение Киевом по-прежнему ассоциировалось с номинальной властью над всей Русью. Но Александр сам в Киеве, так же как и отец, садиться не стал, предпочитая находиться в Новгороде. В 1252 г. он занял владимирский стол, объединив под своей властью Владимир и Киев[25].

---

[18] См.: *Русина О.* Україна під татарами і Литвою. Київ, 1998. С. 58–61.

[19] См.: *Горский А. А.* Русь: От славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 147–153.

[20] *Горский А. А.* Титулование «всея Руси» и русские князья XI–XIII вв. // Михаил Ярославич Тверской – великий князь всея Руси. Тверь, 2008. С. 43–50.

[21] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470.

[22] *Горский А. А.* Установление взаимоотношений Монгольской империи и Руси: казус Ярослава Всеволодича // Исторический вестник. 2018. Т. 25 (172). С. 30–39.

[23] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 806: «Обдержащоу Кыевъ Ярославоу бояриномъ своимъ Еиковичемь Дмитромъ».

[24] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 472.

[25] Там же. Стб. 473.

Именно тогда и оказалась реализованной та возможность, что мелькнула на два года (1169–1171) при Андрее Боголюбском: князь, признаваемый главным на Руси, сделал своей резиденцией не Киев, а Владимир. Преемники Александра на владимирском великокняжеском столе (братья Ярослав и Василий, сын Дмитрий) также, скорее всего, формально одновременно являлись киевскими князьями[26]. Но в конце XIII столетия, в результате междоусобной борьбы внутри Орды, в которую были вовлечены русские князья, Киев был передан монголами мелким южнорусским князьям[27]. Тогда же (в 1299 г.) Киев покинул глава Русской церкви – митрополит всея Руси[28]; с этого времени его резиденция была перенесена на Северо-Восток (сначала во Владимир, потом в Москву). Теперь владимирское княжение непосредственно (вне связи с киевским) обрело статус главного на Руси. Великий князь земли Суздальской стал именоваться «князем всея Руси» без одновременного владения Киевом; два титула, «великий князь суздальский» и «князь всея Руси», слились в один – «великий князь всея Руси»[29]. Разумеется, статус главного русского князя был тогда, в начале XIV столетия, в значительной мере номинальным. Но позднее, с усилением московских князей (прямых потомков Александра, с начала XIV в. – единственных), сделавших к концу XIV в. владимирское великое княжение (то есть «княжение всея Руси») своим наследственным достоянием, этот статус стал реально действовать, давая основания претендовать на всю древнерусскую территорию. И решающий шаг к утверждению Владимира в качестве общерусского центра был сделан Александром Невским.

Другим имевшим важные последствия событием стало произошедшее при Александре изменение отношений князя и Новгорода. Ранее, с XII в., новгородцы приглашали к себе князей из разных русских земель (Киевской, Черниговской, Смоленской, Суздальской) по своему усмотрению (так называемая «вольность в князьях»). Со времени Александра Невского сложилась иная система: новгородским князем стал считаться тот, кто занимал великое княжение Суздальской земли – стол во Владимире; в Новгороде он имел право держать наместников[30]. Впоследствии, в конце XV в., эта традиция, утверждавшая, что Новгород является «от-

[26] См.: *Горский А. А.* Ногай и Русь // Горский А. А. «Бещисленыя рати и великия труды…»: Проблемы русской истории X–XV вв. С. 199–200.

[27] См.: *Русина О.* Студії з історії Києва та Київської землі. Київ, 2005. С. 16–22; *Горский А. А.* Переход статуса общерусской столицы от Киева к Владимиру и княжение Михаила Ярославича // Михаил Тверской: 700 лет в исторической памяти. Тверь, 2019. С. 19.

[28] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 485, под 6808 ультрамартовским годом.

[29] *Горский А. А.* Титулование «всея Руси» и русские князья XI–XIII вв. С. 48–50.

[30] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 143–144, 148–149; *Горский А. А.* Русские земли в XIII–XIV веках… С. 58–59. Рудиментом былой «вольности» остались попытки новгородцев повлиять (в том числе в Орде) на то, кто займет

чиной» великих князей владимирских (в то время уже фактически московских), сыграет важную роль при присоединении Новгородской земли к Московскому государству. Иван III в 1471 г. в ходе конфликта с новгородцами утверждал, что Новгород является «отчиной» его прародителей: от Рюрика до Всеволода Юрьевича («Великое Гнездо») – киевских князей, с Всеволода – владимирских[31]. В реальности Всеволод, дед Александра, пытался закрепить новгородское княжение за своей династической линией, сажая там в начале XIII в. сыновей (Константина и Святослава), но не смог этого сделать: в конце 1200-х гг. (еще при жизни Всеволода, умершего в 1212 г.) в Новгороде утвердился князь смоленской ветви Мстислав Мстиславич (позже тоже ставший дедом Александра Невского – по материнской линии); и позднее, в 1220-е и начале 1230-х гг., на новгородском столе бывали представители не только суздальской, но и смоленской и черниговской ветвей Рюриковичей[32]. Утверждение нового порядка – признание Новгородом своим князем великого князя владимирского – связано с Александром Невским.

Итак, долгосрочными последствиями деятельности Александра Невского были переход статуса номинальной общерусской столицы от Киева к Владимиру, во многом благодаря которому Северо-Восток Руси стал ядром нового единого государства, и установление тесной политической связи Северо-Восточной Руси с Новгородом, способствовавшей впоследствии вхождению Новгородской земли в единое Русское государство[33]. В средневековой историографии не произошло осмысления роли Александра в этих событиях: превращение Новгорода в отчину владимирских князей связывалось с именем Всеволода Юрьевича, а перенос во Владимир столицы – с Андреем Боголюбским. Историческая мысль Нового времени отчасти пошла тем же путем, «не замечая» этих последствий. Ныне же наблюдается тенденция подставить на их место не существовавший в реальности выбор между «Востоком и Западом». В действительности значение политики Александра (рассматриваемой в контексте обстоятельств эпохи) состояло не в мифическом «цивилизационном выборе», а в том, что она способствовала созданию условий для формирования под властью его потомков нового единого государства – Российского[34].

великокняжеский стол, поддержать одного из претендентов на великое княжение против другого.

[31] ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 285–286.

[32] См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 44, 49–51, 53–54, 58–61, 64–65, 67–68, 70, 74; *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси. М., 1970. Т. 1. С. 91; *Горский А. А.* Русские земли в XIII–XIV веках… С. 25.

[33] Александр оказался, кстати, первым в истории князем, одновременно занимавшим новгородский, киевский и владимирский столы.

[34] Приходится признать, что его деятельность в этом отношении остается недооцененной.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965.

Большакова С. А. Папские послания галицкому князю как исторический источник // Древнейшие государства на территории СССР. 1975 г. М., 1976. С. 122–129.

Вернадский Г. В. Два подвига Александра Невского // Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. 4. С. 318–337.

Галицько-волинський літопис. Київ, 2002.

Горский А. А. Между Римом и Каракорумом: Даниил Галицкий и Александр Невский // Страницы отечественной истории. М., 1993. С. 4–13.

Горский А. А. Русь: От славянского расселения до Московского царства. М., 2004.

Горский А. А. Титулование «всея Руси» и русские князья XI–XIII вв. // Михаил Ярославич Тверской – великий князь всея Руси. Тверь, 2008. С. 43–50.

Горский А. А. Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. 2014. Т. 10 (157). С. 58–79.

Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. СПб., 2016.

Горский А. А. Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского // Горский А. А. «Бещисленыя рати и великия труды… »: Проблемы русской истории X–XV вв. СПб., 2018. С. 182–193.

Горский А. А. Ногай и Русь // Горский А. А. «Бещисленыя рати и великия труды… »: Проблемы русской истории X–XV вв. СПб., 2018. С. 194–223.

Горский А. А. Установление взаимоотношений Монгольской империи и Руси: казус Ярослава Всеволодича // Исторический вестник. 2018. Т. 25 (172). С. 30–39.

Горский А. А. Переход статуса общерусской столицы от Киева к Владимиру и княжение Михаила Ярославича // Михаил Тверской: 700 лет в исторической памяти. Тверь, 2019. С. 18–22.

Горский А. А. Наследование великого княжения в середине XIII в., Батый и мачеха Александра Невского // Российская история. 2020. № 4. С. 31–37.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.

Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2000.

Жеребкин М. В. Исторический выбор Александра Невского // Наука, образование и культура. 2017. № 3 (18). С. 13–19.

Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М., 2002.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

ПСРЛ. М., 1997. Т. 1.

ПСРЛ. М., 2001. Т. 2.
ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25.
Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
Русина О. Україна під татарами і Литвою. Київ, 1998.
Русина О. Студії з історії Києва та Київської землі. Київ, 2005.
Рыбаков В. С. Стратегический выбор Александра Невского // Мир Евразии. 2013. № 4 (23). С. 50–54.
Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962.
Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. М., 1970. Т. 1.
Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli. Spoleto, 1989.

Anton A. Gorskiy
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

LONG TERM CONSEQUENCES OF THE ACTIVITIES OF ALEXANDER NEVSKY

The widespread point of view about so-called "historical choice of Alexander Nevsky between East and West" is groundless, but there were real long term consequences of his activities. These were the transition of status of a nominal all-Russian capital from Kiev to Vladimir, resulting in the creation of a new united state in the North-Eastern Rus, and formation of close political connection of the South-Eastern Rus with Novgorod, which later contributed to inclusion of the Novgorodian land in the united Russian state.
Keywords: Alexander Nevsky, long term consequences of activities

Е. Л. Конявская
ИРИ РАН, Москва, Россия

ОБРАЗ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В ЖИТИИ И РАННИХ ЛЕТОПИСЯХ

Статья посвящена исследованию письменных источников, содержащих информацию об Александре Невском: Житию Александра Невского и летописным рассказам о нем в Лаврентьевской и Новгородской первой летописях. В Житии агиограф формирует образ идеального правителя, полководца и христианина. Летописные тексты содержат различные подробности событий в зависимости от интересов того или иного летописного центра.

Ключевые слова: Александр Невский, Русь в XIII в., Житие Александра Невского, Лаврентьевская летопись, Новгородская первая летопись

Наши знания о жизни и деятельности Александра Ярославича строятся в первую очередь на данных ранних письменных источников. Летописные тексты – статьи Новгородской первой и Лаврентьевской летописей, писавшиеся в ближайшее время после событий, – и Житие Александра Невского, созданное младшим современником князя, по-разному подают информацию, в ряде случаев пересекаясь, в других – дополняя друг друга.

В отношении Жития в науке определено, что до смерти Ярослава Ярославича, младшего брата Александра Невского (то есть до 1271 г.), уже существовали два вида первоначальной редакции памятника. Когда Ярослав Ярославич становится великим князем Владимирским, именно его имя вписывается вместо имени сына Александра Дмитрия в повествование о походе на Юрьев 1262 г., читающееся в Житии. Таким образом, Первый вид Жития должен датироваться до 1265 г.[1] Памятник с той или иной степенью полноты был включен во многие летописи, в том числе и в отразившую раннее летописание Лаврентьевскую летопись.

Как было показано, автор Жития был переяславцем, его предки служили семье князя, а он сам служил Александру Ярославичу, но писал Житие уже в Рождественском монастыре, где постригся после смерти своего господина[2].

---

[1] *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – начало XX в. М., 1990. С. 36–39.

[2] См.: *Конявская Е. Л.* О Житии Александра Невского // Исторический вестник. 2021. № 35. С. 71.

Во вступительной части Жития, согласно агиографической традиции, автор говорит о родителях Александра – великом князе Ярославе Всеволодовиче и его супруге Феодосии (ее славянское имя – Ростислава). Ярослава Всеволодовича автор характеризует как «кротка» «милостилюбца» и «мужелюбца» (то есть благоволившего к служебной знати, благородным «мужам»). Здесь же дается хвалебная характеристика Александра. Тенденция этой похвалы выглядит вполне определенной – Александр предстает как некий сверхчеловек: «взоръ его паче инѣх человѣк, и глас его – акы труба в народѣ». Автор подчеркивает красоту князя – сравнивая с Иосифом Прекрасным, силу – уподобляя Самсону, храбрость – Веспасиану. Такие внешние, физические характеристики подвижника встречаются в агиографических текстах не часто. Если сравнивать такое идеализирующее описание князя с «портретным» заключением Сказания о Борисе и Глебе («О Борисѣ, какъ бѣ възъръм»), оказывается, что характеристики Бориса касаются его молодости, внешней красоты и совершенства, однако без какой-либо гиперболизации и подчеркивания его превосходства над другими людьми. В Житии же Александра рыцарь немецкого Ордена Меченосцев Андреяш приходит в Новгород «хотя видѣти дивный възрастъ его» и говорит об Александре: «Прошед страны, языкъ, не видѣх таковаго ни въ царех царя, ни въ князехъ князя»[3]. Подобные же слова скажет потом Батый.

Однако подчеркивание внешних достоинств князя, выделяющих его из прочих, приобретает иной смысл, если вспомнить, что рассматриваемая характеристика предваряется цитированием пророка Исаии: «Тако глаголеть Господь: “Князя[4] азъ учиняю, священни бо суть, и азъ вожю я”». То есть князь Александр избран Богом для водительства народа, и его особый облик есть, можно сказать, Божественное указание: «Воистинну бо без Божия повелѣния не бѣ княжение его»[5].

В Житии Александра Невского не рассказывается о детских и отроческих годах жизни князя, но о событиях этого периода подробную информацию сохранила Новгородская первая летопись[6]. Под 1228 г. новгородский летописец сообщает, что Ярослав Всеволодович с супругой уезжает из Новгорода в Переяславль, оставив там старших сыновей Федора и Александра как своих представителей. Малолетние дети – пусть и под присмотром боярина Федора Даниловича и тиуна Якима – оказались в напряженной обстановке: в Новгороде начались волнения. Федор и Александр вместе с боярином Федором были вынуждены уехать из го-

---

[3] *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 162.

[4] В остальных списках точнее: «князи».

[5] *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 162.

[6] См. об этом подробнее: *Конявская Е. Л.* Образ Александра Невского в ранних летописях // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 2 (36). С. 55–57.

рода. Новгородский летописец пономарь Тимофей, составлявший эту часть владычной летописи[7], отъезд детей Ярослава с боярином и тиуном характеризует как бегство, а инициативу этого бегства однозначно приписывает Федору Даниловичу: «Тои же зимѣ побѣже Федоръ Даниловиць съ тиуномь Якимомь, поимъше съ собою 2 княжичя, Федора и Альксандра, сыропустныя недѣли въ уторник, в ночь». Далее летописец передает видение новгородцами случившегося: «Тъгда же новгородци рѣша: “дажь что зло съдумавъ на святую Софию, а побеглъ; а мы ихъ не гонили, нъ братью свою есме казнили; а князю есме зла не створили никотораго же; да оно имъ Богъ и крестъ честьныи, а мы собѣ князя промыслимъ”»[8]. «Промыслимый» князь Михаил Черниговский, а затем его сын Ростислав долго в Новгороде не задержались, и в декабре 1230 г. новгородцы вновь обратились к Ярославу Всеволодовичу, и он снова занял новгородский стол, то наезжая в Новгород, то возвращаясь в Переяславль, «а сына своя 2 посади Новѣгородѣ, Феодора и Ольксандра»[9], очевидно, в качестве наместников. Но теперь на смену мятежам пришел страшнейший голод, который сопровождался грабежами и людоедством[10]. Все эти испытания, выпавшие на долю совсем юного Александра, в Житии не упомянуты. Возможно, агиограф счел, что они не сочетаются с героическим образом князя, который выходил победителем изо всех сложных ситуаций.

В 1236 г. Ярослав Всеволодович занимает киевский стол, а Александр становится новгородским князем. О женитьбе Александра Ярославича в 1239 г. и последующей закладке им вместе с новгородцами городков на Шелони[11] сообщает Новгородская первая летопись старшего извода: «Оженися князь Олександръ, сынъ Ярославль в Новѣгородѣ, поя в Полотьскѣ у Брячьслава дчерь, и вѣнчася в Торопчи; ту кашю чини, а в Новѣгородѣ другую. Того же лѣта князь Александръ с новгородци сруби городци по Шелонѣ»[12]. Об этом в Житии также не сообщается. Агиограф

---

[7] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 130–132; *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста Новгородской Первой летописи // НИС. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 8–12, 68; *Он же.* История и структура оригинального древнерусского текста (XI–XIV вв.): комплексный анализ и реконструкция. АДД. М., 2006. С. 12–13.

[8] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ). М.; Л., 1950. С. 67.

[9] Там же. С. 70.

[10] Судя по тому, что Федор умер (1233 г.) и был похоронен в Новгороде, можно думать, что молодые князья все эти годы оставались в Новгороде.

[11] Археологические данные подтверждают строительство нескольких городков как укреплений от набегов литовцев (см.: *Седов Вл. В.* Новгородская архитектура на Шелони. М., 2001. (Архив архитектуры / Общество историков архитектуры. Вып. 14; Новгородские древности. Вып. 6). С. 7).

[12] НПЛ. С. 77.

спешит перейти к воинским и дипломатическим деяниям Александра, составившим его славу.

Первая победа Александра в Житии – это Невская битва. О приходе шведов в русские земли говорится в традиционных формулах воинских повестей: король идет «в силе тяжце, пыхая духом ратным», «шатаяся безумием», посылает послов объявить о своем приходе: «Аще можеши противитися мнѣ, то се есмь уже зде, плѣняя землю твою»[13]. На самом деле едва ли шведы собирались извещать Александра о своих акциях. В летописи говорится, что Александру пришла весть об их появлении и он действует быстро: «не умедли ни мало». Агиограф же намеренно стремится показать агрессивные устремления и самоуверенность короля. В противоположность образу врага действия русского князя представляются как вынужденные. Князь апеллирует к Божественному установлению, согласно которому каждому народу положен «предел» (границы) и никто не должен «преступать» «в чужую часть». Он идет в храм, затем получает благословение у архиепископа, наконец, говорит знаменитые слова: «Не в силах Богъ, но въ правдѣ», – и «в мале дружине»[14] выступает против неприятеля. Так рисуется образ нравственного правителя, идущего на военные акции лишь в ответ на внешнюю агрессию.

В летописном же рассказе Новгородской первой летописи Тимофей-летописец с эпическими преувеличениями описывает многочисленность и разноплеменность вражеских войск, подчеркивает, что они угрожали всей Новгородской земле: «хотяче всприяти Ладогу, просто же реку, и Новъгородъ, и всю область Новгородьскую»[15]. По-видимому, Тимофей писал свой рассказ, используя различную собранную им информацию, ибо он несколько раз упоминает о сведениях, в точности которых не до конца уверен: «инии творяху, яко и пискупъ убьенъ бысть ту же», с новгородской стороны погибло «всѣхъ 20 мужь с ладожаны, или мне (*НІмл* – менши), Богь вѣстъ»[16].

В Житии указывается совпадающая с летописной дата битвы (15 июля на память свв. Кирика и Улиты), а также час начала битвы (6-й час), которого нет в летописи. 6-й час мог быть и реальным временем начала битвы (в данное время года и в Новгородской земле – 8 час. 35 мин.). Но не исключено, что 6-й час здесь – число символическое.

---

[13] *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 162.

[14] Использование этого выражения подтверждает спешность действий Александра, о которой говорится в летописи. Более того, автор Жития подчеркивает, что из-за необходимости действовать незамедлительно князь не мог послать весть к отцу, дабы получить помощь: «уже бо ратнии приближишася».

[15] НПЛ. С. 76.

[16] Там же. С. 77.

С 6-м часом ассоциировался некий поворотный момент (ср. схождение тьмы в шестом часу после распятия Христа).

Агиограф передает легенду о чудесной помощи свв. Бориса и Глеба, видение которых было дано старейшине Ижорской земли Пелгусию. Сам же Александр геройствует подобно древним великим царям и полководцам: по словам автора, он лично врагов «изби множество бесчисленно» и самому королю «възложи печать на лице острымь своимь копиемь»[17]. Под стать его геройству подвиги шести храбрых мужей его дружины. Этот сюжет завершается рассказом о чудесной помощи ангела Божия, который побил вражескую силу там, где «бѣ непроходно полку Александрову». Причем сам автор не скрывает сюжетного образца – библейской истории о спасении Иудеи от ассирийского царя (4-я Книга Царств). Из похода Александр «возвратися с побѣдою»[18], резюмирует автор.

О последующем отъезде Александра из Новгорода в Житии не упоминается, в то время как из летописи мы знаем, что Александр, «роспрѣвъся с новгородци»[19], и с матерью, женой и всем двором уехал в Переяславль. Впрочем, причины распри не называет и летописец.

Следующий победоносный поход на немцев, когда Александр берет Копорье, а пленных немцев и переветников приводит в Новгород, хотя в летописи описывается кратко, скупо и без комментариев, но по сравнению с соответствующим фрагментом в Житии оказывается гораздо яснее и информативнее. В Житии речь идет о неких из «Западной страны», которые построили крепость «въ отечьствѣ Александровѣ» (позже, правда, эти некие будут названы немцами). Александр их победил, пленных – одних «извѣша», других привел с собой, а иных «помиловавъ, отпусти: бѣ бо милостивъ паче мѣры»[20]. В новгородской же летописи о побежденных врагах сказано более конкретно – вместо «самых», «овѣх» и «иных» говорится: «Нѣмци приведе в Новъгородъ, а инѣхъ пусти по своеи воли; а Вожанъ и Чюдцю перевѣтникы извѣша»[21]. То есть Александр частично взял в плен, а частично отпустил врагов – немцев, а представителей води и чуди, которых считал изменниками, казнил.

В Новгородской первой летописи читается подробный рассказ о Ледовом побоище. Рассказывается, что князь Александр с новгородскими войсками и братом Андреем с «низовцы» занимает пути на Псков и неожиданно захватывает город, пленных немцев и чудь отправляет в Новгород, а сам идет на Чудскую землю. Отряд, пущенный в разведку,

---

[17] *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 166.

[18] Там же. С. 168.

[19] НПЛ. С. 78.

[20] *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 169.

[21] Там же.

встретил неприятеля и был разбит. Александр отступает к озеру, ставит полки, через которые «Нѣмци и Чюдь и прошибошася свиньею». Русские полки одолевают: «Нѣмци ту падоша, а Чюдь даша плеща»[22].

Есть краткое сообщение об этих событиях и в Лаврентьевской летописи, которая о первой славной победе Александра не упоминала. В известии этого летописного памятника отражено видение и интересы человека Северо-Восточной Руси, для которого важно участие в событиях Андрея Ярославича, посланного Ярославом Всеволодовичем: «Великыи кнѧ[з] Ꙗрославъ посла сн҃а своего Андрѣа в Новъгородъ Великыи в помочь Ѡлександрови на Нѣмци». Русские войска победили неприятеля на озере «за Плесковом», взяли много полона, и Андрей возвратился «къ ѿцю своему с ч҃тью»[23]. Напротив, в псковских летописях не упоминается князь Андрей, все заслуги отданы Александру Ярославичу. Псковского летописца интересует, в первую очередь, освобождение Пскова от немцев: «Пришед князь Александръ и изби нѣмець во градѣ Псковѣ и градъ Псковъ избави от безбожных нѣмець помощию Святыя Троица»[24].

В Житии называется время начала сражения (в субботу «въсходящю солнцю»), и следует яркая картина боя: «звукъ от сечения мечнаго» создает впечатление, что озеро замерзшее «двигнулось», «и не бѣ видѣти лѣду, покры бо ся кровию»[25]. Русским полкам вновь помогали ангельские войска.

В начале Жития автор формулирует афористичный тезис: «побѣжая, а непобѣдим»[26]. И теперь эта мысль снова подчеркивается: «И не обрѣтеся противникъ ему въ брани никогда же». Тот, кто замышляет его пленить, оказывается в его руках: «А иже рече: “Имемь Александра руками”, сего дасть ему Богъ в руцѣ его»[27].

Рассказ о победе Александра Ярославича в 1245 г. над Литвой (последняя напала на принадлежавшие новгородцам земли Торжка и Бежецкого Верха), казалось бы, представляет его успехи в явно гиперболическом свете: единым выездом он «изби 7 ратии». Однако примерно такую же картину полного разгрома литовских сил дает и Новгородская первая летопись. Князь догоняет литовцев, отнимает полон, «а княжиць исѣче или боле 8». Потом князь, взяв с собой сына из Витебска, встречает «иную рать» под Усвятом уже «в малѣ дружинѣ» и «тѣхъ изби, а самъ приде сдравъ и дружина его»[28].

---

[22] Там же.

[23] ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1. Вып. 2. Стб. 470.

[24] Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 13. Слова «помощию Святыя Троица» подтверждают создание известия псковским летописцем.

[25] *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 171.

[26] Там же. С. 161.

[27] Там же. С. 171–172.

[28] НПЛ. С. 79.

Автор Жития представляет впечатляющую картину въезда Александра Невского во Владимир после смерти отца[29]: он едет «в силѣ велицѣ... и бысть грозенъ приездъ его»[30].

До рассмотренного известия и после него в Лаврентьевской летописи читается целый ряд разного характера сообщений и повествований об Александре. Таков эмоциональный рассказ о том, как, узнав о смерти отца, Александр спешит во Владимир «и плакасѧ по ѿцѣ своемь с стрые^{м} своимъ С̄тославо^{м} и с бра^{т}ею своею»[31]. Переданы подробности поездки Андрея и Александра в Орду: сказано, что Батый отправляет братьев «г Каневиче^{м}» (то есть в Каракорум), где Александр получает Киев «и всю Русьскую землю» (Андрей – Владимир). Обширность и подробность статей, связанных с Александром Невским, в Лаврентьевской летописи начиная с конца 40-х гг. XIII в. дает основания думать, что летопись в это время велась (или немного позже обрабатывалась) в его окружении. Так, несмотря на то что во Владимире находился великий князь Владимирский Андрей, на первом месте оказывается Александр. Летопись сообщает, что он оплакивает двоих князей, умерших во Владимире: Александр «плакася» над углицким князем Владимиром Константиновичем «и проводи и ч^{с}тно из Золотыѧ^{х} воротъ»[32], а затем оплакивает Василия Всеволодовича и провожает его прах в Ярославль.

Все эти факты не затронуты автором Жития. Не говорится в Житии и о болезни князя, что, впрочем, в рамках традиции: о болезнях агиографы пишут лишь в тех случаях, если болезнь приводит к смерти или оказывается неким знаком либо поворотным моментом в жизни святого. В Лаврентьевской же летописи болезнь князя не только не замалчивается, но подчеркивается, что за него молились митрополит Кирилл и епископ Кирилл, которые приезжали вместе с Александром в Новгород на поставление архиепископа. Наконец, летописец, титулуя его теперь великим князем, описывает торжественный въезд Александра во Владимир: «и оусрѣтоша и со кр^{с}ты оу Золоты^{х} воротъ митрополитъ и вси игумени, и гражане. И посадиша и на столѣ о̄ца его Ꙗрослава... И бысть радость велика в градѣ Володимери и во всеи земли Суждальскои»[33].

Согласно Житию после Неврюевой рати, которая случилась из-за гнева Батыя на Андрея Ярославича, великий князь восстанавливает города, строит церкви, возвращает людей в их дома. Как подобает идеальному правителю, он праведный судья и защитник сирот и вдовиц, «милости-

[29] Судя по тому, что этот текст расположен в Житии перед рассказом о поездке к Батыю, видимо, речь идет о его приезде во Владимир в 1247 г.

[30] *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 174.

[31] ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 471.

[32] Там же. Стб. 472.

[33] Там же. Стб. 473.

любець, благъ домочадцемь своимъ», принимает людей из других земель. Поэтому ему дается благоволение Божие: земля его расцветает «богатьствомъ и славою».

Последний поход Александра Невского – в 1256 г. на Копорье (вместе с новгородцами) – описан в Новгородской первой летописи хотя и с подробностями, но они не всегда проясняют суть происходящего. Когда князь уходит в поход, новгородцы не знают, «кдѣ князь идеть; друзии творяху, яко на Чюдь идеть»[34]. После Копорья, однако, уже ясно, что войска движутся на Емьскую землю. И тут «инии мнози новгородци» отправляются обратно. Едва ли их смутила цель похода – именно емь вместе со шведами пыталась строить крепость, что, собственно, изначально и вызвало тревогу в Новгороде. Возможно, все дело в том, что это был зимний тяжелый поход, когда «не видали ни дни, ни ночи», многие в войске князя погибли, а новгородцев «Богъ сблюде». Поход, однако, закончился полной победой князя Александра.

Обо всем этом в Житии не повествуется. Очевидным образом, агиограф не считает возможным рассказывать и о неоднократных волнениях в Новгороде, связанных с монгольским «числом». Из новгородской летописи мы знаем, что в 1258 г. монгольские представители пришли в Новгород и стали просить «десятины тамгы», при этом сын Александра Василий, княживший в городе, был на стороне противников «числа». При приближении к Новгороду отца он бежал во Псков. Великий князь отправил Василия «в Низъ», а всех тех, «кто Василья на зло повелъ», наказал урезанием носа и выниманием очей. Надо отметить, что летописец не осуждает князя, а оправдывает его действия, закончив афоризмом: «всякъ бо злыи злѣ да погыбнеть»[35].

В следующем году монгольские переписчики снова пришли в Новгород, уже «с женами своими, и инѣхъ много». Это вызвало еще более значительные антиордынские волнения и раскол в новгородском обществе. Переписчики «боялись смерти», просили у Александра Невского «сторожей». Князь велел «стеречи их сыну посадничю и всѣм дѣтемъ боярьскымъ по ночемъ». И теперь летописец явно на стороне тех, кто готов был умереть «честно за святую Софью и за домы ангельскыя»[36].

Эти факты для агиографа не могут служить прославлению Александра Невского и не упоминаются в Житии.

Характерно при этом, что в позднем Устюжском летописце, содержащем, однако, за XIII в. местный уникальный материал, в полуфольклорном сюжете о ясащике Буге, принявшем в конечном счете христианство, говорится о некоей княжеской грамоте, которая подавала сигнал к восстанию: «и прииде на Устюг грамота от великаго князя Александра Ярославича,

[34] НПЛ. С. 81.
[35] Там же. С. 82.
[36] Там же.

что Татар бити»[37]. Речь идет о волнениях 1262 г. в Ростове и Ростовской земле (Ярославль, Устюг), а также во Владимире и Суздале[38].

Зато в Житии рассказывается о другом – о том, как Западные страны пытались сделать его союзником, предлагая перейти в католичество. Однако папские послы получают от Александра решительную отповедь, где он демонстрирует свою книжность и незаурядные знания мировой истории: «От Адама до потопа, от патопа до разделения языкъ, от разьмѣшениа языкъ до начяла Авраамля… сии вся добрѣ съвѣдаемъ, а от вас учения не приемлем»[39]. Автор влагает в уста Александра Ярославича достаточно распространенный в древнерусской книжности текст историко-хронологических выкладок, почерпнутый из Хроники Георгия Амартола, «Летописца вскоре» патриарха Никифора и других Малых хроник.

С татарами Александр Ярославич договаривается о неучастии русских войск в их военных кампаниях, выкупает на собственные средства русских пленных. Но из своей последней поездки к хану князь не возвращается на Владимирский□ стол: «доиде Новагорода Нижняго, и ту пребывъ мало здрав, и, дошед Городца, разболѣся»[40].

Исключительно эмоционально пишет агиограф о кончине князя: «О, горѣ тобѣ, бѣдный человѣче! Како можеши написати кончину господина своего! Како не упадета ти зѣници вкупѣ с слезами! Како же не урвется сердце твое от корения! …аще бы лзѣ, и въ гробъ бы лѣзлъ с ним!». Митрополит Кирилл восклицает: «Уже заиде солнце земли Суздальскои!» Слышавшие же это отвечают: «Уже погыбаемь!»[41] – видимо, страшась своего будущего без защиты не знавшего поражений князя. Во время прощания с князем и погребения его во владимирском Рождественском монастыре случается чудо: эконом Севастьян и митрополит Кирилл по обычаю хотели вложить в руку преставившегося «хартию» с молитвой, «он же, акы живъ сущи, распростеръ руку свою и взят грамоту от рукы митрополита»[42]. Автор всячески подчеркивает чудесный характер этого события: тело долго везли («от далних град»), было зимнее время[43].

---

[37] ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 70.

[38] См.: *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.; Л., 1940. С. 50–52; *Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы. Исследования по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 2015. С. 184–202; *Конявская Е. Л.* Антиордынские выступления Руси во второй половине XIII – первой трети XIV в. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2019. Вып. 12. С. 172–173.

[39] *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 176.

[40] Там же. С. 177.

[41] Там же. С. 177–178.

[42] Там же. С. 179.

[43] В качестве аналогии можно рассматривать чудо с харатьей в Житии Алексея человека Божия (характерно, что, как свидетельствуют источники, Александр

О последней поездке великого князя в Орду сообщает и Новгородская первая летопись, поясняя, что «удержа и Берка, не пустя в Русь; и зимова в Татарѣхъ, и разболѣся». Указаны подробности его болезни, даты: приезд «из Татар» «велми не здравя, въ осенинѣ»[44], пострижение в Городце 14 ноября на память апостола Филиппа, преставление той же ночью, погребение в монастыре Рождества Богородицы с указанием полной даты: «мѣсяца того же въ 23, на святого Амфилохия, в пятох». Александр Ярославич удостоился от сдержанных на похвалы князьям новгородцев краткого, но выразительного некролога: «даи, Господи милостивыи, видѣти ему лице Твое в будущии вѣкъ, иже потрудися за Новъгородъ и за всю Русьскую землю»[45].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965.

Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской Первой летописи // НИС. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 3–72.

Гиппиус А. А. История и структура оригинального древнерусского текста (XI–XIV вв.): комплексный анализ и реконструкция. АДД. М., 2006.

Конявская Е. Л. Образ Александра Невского в ранних летописях // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 2 (36). С. 55–63.

Конявская Е. Л. Антиордынские выступления Руси во второй половине XIII – первой трети XIV в. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2019. Вып. 12. С. 168–179. https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7

Конявская Е. Л. О Житии Александра Невского // Исторический вестник. 2021. Т. 35 (182). С. 60–75.

Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. Исследования по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 2015.

Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – начало XX в. М., 1990. С. 15–69.

Насонов А. Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.; Л., 1940.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

принял постриг с именем Алексей). Этот мотив повторяется в Житии Игнатия Ростовского: преставившийся святой берет рукой протянутый ему свиток с именами рукоположенных им священников и дьяконов (РГБ. Ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского). № 1296. Л. 238).

[44] НПЛ. С. 83.

[45] Там же. С. 84.

Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1.

ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1. Вып. 2.

ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37.

Седов Вл. В. Новгородская архитектура на Шелони. М., 2001. (Архив архитектуры / Общество историков архитектуры. Вып. 14; Новгородские древности. Вып. 6).

Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938.

Elena L. Konyavskaya

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

IMAGE OF ALEXANDER NEVSKY IN THE LIFE AND IN THE EARLY CHRONICLES

The article is devoted to the study of written sources containing information about Alexander Nevsky: the Life of Alexander Nevsky and chronicle stories about him in the Laurentian and Novgorod First chronicles. In the Life, the hagiographer forms the image of an ideal ruler, commander and an exemplary Christian man. Chronicle texts contain various details of the events, depending on the interests of a particular chronicle center.

Keywords: Alexander Nevsky, Russia in the 13th century, Life of Alexander Nevsky, Laurentian Chronicle, Novgorod First Chronicle

А. В. Сиренов
Санкт-Петербургский Институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия

ГРОБНИЦА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО И ТРАДИЦИЯ ПОЧИТАНИЯ ВЛАДИМИРСКИХ КНЯЗЕЙ В XVII В.

Статья посвящена истории мощей Александра Невского. Автор рассматривает церковное почитание Александра Невского в сравнении с традицией описания гробниц владимирских князей в XVII в. Автор пытается доказать, что существовала только одна гробница Александра Невского – та самая, которую обнаружили в результате археологических раскопок в 1997 г.
Ключевые слова: мощи Александра Невского, история России XV–XVII вв., почитание святых, источниковедение, Александр Невский

Основным центром почитания святого, как правило, являлось место пребывания его мощей. Таковым для Александра Невского до 1723 г. был владимирский монастырь Рождества Богоматери. После кончины 14 ноября в Городце тело князя привезли во Владимир и 23 ноября похоронили во Владимире, в соборе мужского Рождественского монастыря. 11 августа 1723 г. мощи Александра Невского были вынесены из монастыря и отправлены в Санкт-Петербург, где пребывают до настоящего времени. Монастырь занимал видное место в церковной иерархии, до 1561 г. считаясь первым среди монашеских обителей, а далее до начала XVIII в. – вторым, уступив первенство Троице-Сергиеву монастырю. В 1720 г. он стал третьим после петербургского Троицкого Александро-Невского монастыря[1]. Имущественное положение Рождественского монастыря также было весьма прочным. Начиная с Юрия Даниловича, московские князья давали в обитель святого Александра земельные вклады. В XVI–XVII вв. хотя состав вкладчиков монастыря не отличался многочисленностью и особенной знатностью, а вклады не были значительными, но все же они поступали регулярно, постриженники монастыря, ставшие видными церковными деятелями, также не забывали родную обитель. Казалось бы, весьма благополучная история. Некоторым контрастом этому благополучию выступает внешний облик монастыря. Долгое время единственным каменным сооружением оставался древний Богородице-Рождественский собор, построенный еще в конце XII в. Со временем он ветшал, неоднократно горел и в середине XIX в. уже не подлежал ремонту. Другие каменные постройки появились не ранее конца XVI в.

[1] См.: *Маштафаров А. В., Тимофеева Т. П.* Владимирский в честь Рождества Пресвятой Богородицы мужской монастырь // ПЭ. М., 2005. Т. 9. С. 69–76.

В Рождественском монастыре сохранилось немало свидетельств почитания его главной святыни – мощей Александра Невского. Однако о конкретных фактах этого почитания до официальной канонизации князя в 1547 г. известно мало. Так, Житие Александра Невского появилось еще в XIII в. Первоначальная редакция подробно описывает жизнь князя, его кончину и погребение. Дальнейшая судьба его останков в Житии не освещается, что можно объяснить ранним временем составления первоначальной редакции Жития. Характерно, что в последующих переработках первоначальной редакции Жития, вплоть до середины XVI в., тема посмертных чудес развития не получила.

Обретение мощей Александра Невского традиционно датируют 1381 г. Рассказ о нем читается в так называемой Владимирской редакции Жития, составленной вскоре после канонизации князя на соборе 1547 г. во Владимире и включенной в Успенский комплект Великих Миней Четиих. Здесь впервые встречаем описание чудес, происшедших от мощей Александра Невского. Первое (если не считать произошедшего при погребении князя чуда с грамотой) чудо отнесено ко времени Куликовской битвы. Некий пономарь был свидетелем явления в Рождественском соборе двух старцев, призвавших Александра Невского отправиться на помощь своему родственнику великому князю Дмитрию в его противостоянии внешним врагам. После того как Александр Невский восстал из гроба, видение исчезло – оба старца и святой князь стали невидимы. Когда пономарь сообщил местному духовенству о своем видении, состоялось обретение мощей Александра Невского. Для этого в месте явления святого выкопали яму, обрели его нетленные мощи и торжественно положили их в раке на поверхности земли.

Затем последовали и другие чудеса от мощей – по преимуществу исцеления[2]. В редакции Жития Александра Невского, составленной бывшим владимирским архимандритом Ионой Думиным в 1591 г., в рассказ об обретении мощей внесено уточнение: главным инициатором назван митрополит, действовавший якобы в согласии с великим князем[3]. Поскольку в 1380 г. митрополита в Москве не было, а митрополит Киприан прибыл в Северо-Восточную Русь только в 1381 г., то обретение мощей Александра Невского исследователи датируют 1380 или 1381 г.[4]

Согласиться с такой датировкой не представляется возможным. Известие об обретении мощей Александра Невского в конце XIV в. не выдерживает критики. Автор Владимирской редакции Жития пишет,

---

[2] *Мансикка В.* Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913. (Памятники древней письменности и искусства. № 180). Ч. 2. С. 27.

[3] Там же. С. 104.

[4] См. об этом: *Стецюра Т. Д.* Святой благоверный князь Александр Невский // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 502–503.

что об этом событии ему рассказал священник Дмитриевского собора г. Владимира Прокопий, слышавший о нем от своего отца Ивана. Получается, что об обретении мощей, столь значимом для почитания святого событии, в самом Рождественском монастыре ничего не знали. Однако для церковного почитания было желательно подчеркнуть наличие местного прославления святого, каковое, как правило, начиналось с обретения мощей и последующих чудес. Автор Владимирской редакции Жития воспользовался рассказом дмитриевского священника, поскольку он как нельзя лучше соответствовал тогдашним представлениям о начале местного почитания святого. В действительности же, полагаем, обретения мощей Александра Невского в XIV в. не было[5].

С чего же началось церковное почитание Александра Невского? Создание Жития, безусловно, является важным этапом почитания. Но в случае Александра Невского очевидно, что его Житие имело во многом политическое и даже идеологическое значение. Произнесенные митрополитом Кириллом при погребении Александра Невского слова «Чада моя, разумейте, яко уже заиде солнце земли Суждальскыа»[6] свидетельствуют о важной роли князя и в светской, и в церковной жизни Руси того времени. Впоследствии фигуру Александра Невского как князя-династа стали использовать московские Рюриковичи. Возведение династии к князю-герою и святому выгодно отличало московских князей, например, от их соперников в борьбе за великое княжение – князей тверских. Вклады в обитель святого Александра давали московские князья Юрий Данилович, Иван Калита, Иван Красный, Дмитрий Донской, Василий Дмитриевич, Василий Темный и др.[7] Но все эти факты касаются почитания Александра Невского, так сказать, извне. Что же известно о почитании Александра Невского в том месте, где покоились его мощи? Достоверных фактов в нашем распоряжении мало. Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы рассмотреть их в контексте церковного почитания других владимирских князей.

---

[5] См.: *Sirenov A.* The legitimation of the image of the Saint: on the issue of the authenticity of the relics of Alexander Nevsky // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2016. № 1. С. 100–109. В 1399 г. митрополит Киприан писал, ссылаясь на не дошедшие до нас жалованные грамоты, что московские князья, начиная с Юрия Даниловича, жертвовали в Рождественский монастырь земли «гробу деда своего» Александра Невского (АСЭИ. М., 1964. Т. 3. С. 118. № 86). Если бы гроб как артефакт в монастыре в то время отсутствовал, то, можно думать, в грамотах были бы иные формулировки, например, «по душе». На это обстоятельство наше внимание обратил М. И. Давыдов.

[6] *Мансикка В. П.* Житие Александра Невского… Ч. 2. С. 9.

[7] ДДГ. М.; Л., 1950. С. 10, 16, 19, 25; Вкладная книга владимирского Рождественского монастыря // Труды Владимирского губернского статистического комитета. Владимир, 1864. Вып. 3. Приложение. С. 7–8; АСЭИ. Т. 3. С. 118, 119.

В обстоятельствах захоронения тела Александра Невского было немало отступлений от традиции погребения владимирских князей. Подчеркнем, что решение похоронить владимирского князя в монастырском соборе – ситуация, нетипичная для XIII в. Традиционно со времени Андрея Боголюбского, то есть со второй половины XII в., местом захоронения владимирских князей являлся кафедральный Успенский собор. В нем были похоронены все владимирские князья предшествующего периода: двоюродные деды Александра Невского Андрей Боголюбский (и его трое сыновей) и Михалко Юрьевич, его родной дед Всеволод III, дядья Константин и Юрий Всеволодовичи (и трое сыновей, жена, снохи и малолетние внуки последнего, погибшие при нашествии Батыя), отец Ярослав Всеволодович, а также княживший во Владимире непосредственно перед Александром его брат Михаил Хоробрит. Однако в большинстве своем князья-современники Александра Невского похоронены уже в других местах. Так, умерший в 1252 г. его дядя Святослав Всеволодович был погребен в специально построенном для этого Троицком приделе Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. Правда, он скончался, будучи юрьевским князем. Складывается впечатление, что именно во время Александра Невского Успенский собор перестают систематически использовать в качестве великокняжеского некрополя. При этом владимирских епископов там по-прежнему погребают. Так или иначе, Александр Невский был, видимо, первым владимирским князем, которого похоронили не в Успенском соборе. Это обстоятельство можно объяснить фактом принятия Александром монашества. Однако и его преемники на владимирском великокняжеском столе находили вечное упокоение не в Успенском соборе, а в других местах. Так, его брат Ярослав, умерший в 1272 г., был похоронен в церкви Козьмы и Дамиана в Твери. Следующий великий князь владимирский Василий Ярославич, умерший в 1276 г., был похоронен в церкви Феодора Стратилата в Костроме. Очевидно, что для столь резких изменений погребальной практики должны были быть веские причины. Князей стали хоронить в их удельных княжествах, что, безусловно, свидетельствует об усилении местных удельных традиций. Однако следует учитывать еще одно обстоятельство. Успенский собор города Владимира после обстройки галереями в 1189 г. получил 10 аркосолиев – мест, куда можно было ставить каменные саркофаги. Разумеется, гробницы могли быть спущены ниже уровня пола или поставлены рядом со стеной или уже заполненным аркосолием, но все же потенциал Успенского собора как некрополя, заложенный при реконструкции этого храма в 1185–1189 гг., к середине XIII в. был в основном исчерпан. Идея храма-некрополя, вмещающего десятки захоронений представителей одной династии, каким является Архангельский собор Московского Кремля, принадлежит уже другой эпохе. В случае же с погребением Александра Невского, как представляется, было вполне естественным искать иное место захоронения.

Использовать монастырский храм для княжеского некрополя во Владимире стали еще в начале XIII в. Имеем в виду Марию Шварновну – бабку Александра Невского, первую жену Всеволода III. После долгой болезни она построила на свои средства женский монастырь, постриглась в нем, была там похоронена и таким образом положила начало некрополю владимирских княгинь. Отметим, что в XII в. представительниц княжеской семьи хоронили в Успенском соборе[8]. Однако в XIII в. владимирские княгини и княжны находили упокоение в соборе Княгинина монастыря. Так, согласно позднейшей традиции описания княжеских некрополей, там кроме Марии Шварновны были погребены вторая жена Всеволода III Анна, жена Александра Невского Васса и его дочь Евдокия. Летопись сообщает о погребении там еще сестры и дочери Марии Шварновны[9]. Наверняка это не полный перечень погребенных в соборе Княгинина монастыря представительниц княжеской семьи. Отметим, что, за исключением Марии Шварновны, ничего неизвестно о пострижении погребенных в монашество. Таким образом, решение об использовании собора мужского монастыря для княжеского некрополя могло быть принято по аналогии с женским княжеским некрополем того времени.

Монастырский собор Рождества Богородицы был возведен в белом камне в 1192–1196 гг.[10] Несколько более поздним временем исследователи датируют галереи, которыми обстроили собор с севера, юга и запада. Фундаменты этих галерей были исследованы в конце XX в., с северной и южной сторон зафиксированы две абсидолы, одна из которых (южная) использовалась для погребения[11]. Были ли устроены аркосолии в стенах основного объема собора Рождественского монастыря? В нашем распоряжении имеется план собора, снятый непосредственно перед его реставрацией 1860-х гг., из которого видим, что в западной стене собора и в западном прясле южной стены были пробиты три арки, соединяющие основной объем храма с галереями[12]. В юго-западном углу собора, согласно Житию и Вкладной книге, находилась гробница Александра Невского[13]. В

[8] Например, в 1182 г. сестру Всеволода III Ольгу (ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1. Вып. 2. Стб. 389).

[9] См.: *Аверьянов К. А.* Великая княгиня владимирская Мария. Загадка погребения в Княгинином монастыре. М., 2020. С. 46.

[10] См.: *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XIV веков. М., 1961. Т. 1. С. 378.

[11] *Беляев Л. А., Глазов В. П., Зыков П. Л., Иоаннисян О. М.* Погребальные сооружения XII–XV веков на месте собора Рождества Богородицы во Владимире (по материалам работ 1997–2000 годов) // Земли родной минувшая судьба…: К юбилею А. Е. Леонтьева. М., 2018. С. 66, 69.

[12] См.: *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XIV веков. Т. 1. С. 381.

[13] *Тимофеева Т. П.* Владимирские монастыри Рождественский, Константино-Еленинский и Федоровский. Историко-архитектурный очерк. СПб., 2020. С. 158.

том виде, в каком этот компартимент собора известен по плану середины XIX в., гробнице просто нет места. Остается предположить, что в древности арок не существовало. Видимо, их пробили уже после перенесения мощей Александра Невского, которое состоялось в 1697 г. Вкладная книга, описывающая эту процедуру, характеризует изначальное место пребывания мощей как темное[14]. Следовательно, тогда еще не существовало арок, соединивших основной объем храма с галереями. Всего было пробито шесть арок. Три из них оказались в местах входов в храм (вместо трех порталов – северного, западного и южного, при этом западный портал перенесен на стену западной галереи), а еще три – в тех местах, где обычно устраивали аркосолии. Выскажем предположение, что арки появились в местах уже существовавших арочных проемов – порталов и аркосолиев, соответственно, для этого пришлось расширить одни и пробить насквозь стены и повысить другие.

Известна опись древних гробниц во владимирских храмах, которая дошла в рукописи 40-х гг. XVII в. РНБ. Собрание ОЛДП. О.5, но отражает реалии первой половины XVI в. В ней некрополь собора Рождественского монастыря описан следующими словами: «Да в Рождественом монастыре в церкви Рожества Пречистыя Богородицы князь великий Александр Ярославичь Невский во иноцех Алексей, да в стене 3 гробницы, а памятухов им нет и писма, хто в них опочивает»[15]. Здесь обратим внимание, во-первых, на упомянутые три безымянные гробницы, а во-вторых, на уточнение, что все три гробницы стоят «в стене», то есть в аркосолиях, в отличие от гробницы Александра Невского, которая, видимо, находилась не в аркосолии. Подчеркнем, что такое расположение гробниц могло быть не изначальным. Судя по описаниям некрополя владимирского Успенского собора, каменные гробницы могли перемещать в пространстве храма. При разборке стен Рождественского собора в 1930 г. обнаружили четыре каменных саркофага. Вполне вероятно, что три из них – это те, что стояли в XVI–XVII вв. в соборных аркосолиях[16].

Таким образом, в эпоху Александра Невского Рождественский собор был вполне пригоден для расположения в нем княжеского некрополя. Вероятно, в самом соборе существовало три аркосолия. Были ли они заполнены к моменту кончины Александра Невского, неизвестно. Возможно, что в одном из них, в юго-западном углу, и был погребен Александр Невский. В таком случае местом его упокоения, скорее всего, стал

---

[14] Вкладная книга владимирского Рождественского монастыря. С. 34.

[15] *Сиренов А. В.* Описи древних гробниц в рукописных сборниках XVII века // История в рукописях и рукописи в истории. Сборник научных трудов к 200-летию Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. СПб., 2006. С. 409.

[16] *Тимофеева Т. П.* Владимирские монастыри Рождественский, Константино-Еленинский и Федоровский… С. 173–175.

аркосолий, находившийся в южном прясле западной стены. Юго-западный угол храма традиционно был наиболее статусным местом для княжеских погребений[17]. Именно там Житие и Вкладная книга локализуют погребение Александра Невского. Захоронения, как правило, производили вдоль южной стены. Если же аркосолий был уже занят, то гробница вполне могла быть поставлена просто рядом с ним, где она, полагаем, и стояла в XVI–XVII вв.

Определенная и достоверная информация о мощах Александра Невского появляется лишь с конца XV в. Под 6999 (1491) г. в Сокращенном своде 1493 г. читается известие о пожаре во Владимире, в результате которого останки Александра Невского сгорели[18]. Это известие впоследствии попало и в Воскресенскую летопись[19]. Характерно, что летописец не называет Александра Невского святым. В созданной на рубеже 50–60-х гг. XVI в. Степенной книге приведен пространный рассказ о чудесном спасении мощей Александра Невского в пожаре 1491 г. Согласно этому повествованию, после пожара невредимыми оказались не только мощи святого князя, но и лежавший на гробе покров[20]. Характерно, что в Степенной книге не говорится о чудесном спасении самого гроба, из чего следует, что он был каменным и в его спасении от огня никакого чуда не усматривали. Однако на каменную гробницу был положен покров, на ней отсутствовала каменная же крышка, которой гробница изначально накрывалась, то есть мощи находились «на вскрытии». Все это неопровержимо свидетельствует о существовавшем в конце XV в. церковном почитании Александра Невского в Рождественском монастыре.

Вскоре после официальной канонизации Александра Невского на соборе 1547 г. Рождественский собор посетил проезжавший через Владимир царь Иван IV. Это случилось в июле 1552 г., когда царь оправлялся в казанский поход[21]. В Степенной книге описано чудо, случившееся с цар-

---

[17] *Макаров Н. А.* Топография погребений в древнерусских храмах XI–XIII вв. // Тезисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии (София, 1980). М., 1981. С. 71–73; *Панова Т. Д.* Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М., 2004. С. 104.

[18] ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 28. С. 291.

[19] ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 221.

[20] Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2008. Т. 2. С. 269.

[21] ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. С. 489. Мы ошибочно полагали, что моление Ивана IV у мощей Александра Невского имело место в его предыдущий визит во Владимир в 1550 г. (*Беляев Л. А., Зыков П. Л., Иоаннисян О. М., Сиренов А. В.* Погребение Александра Невского во Владимире: археология почитания // Исторический вестник. 2021. Т. 35 (182). С. 98–99). Однако Летописец начала царства совершенно определенно указывает, что царь молился у гроба Александра Невского в свой приезд во Владимир в 1552 г.

ским духовником Андреем (будущим митрополитом Афанасием) у гроба Александра Невского. Он сопровождал царя при посещении Рождественского монастыря, во время церковной службы заметил щель в гробе святого князя и вознамерился ощупать ее пальцами, после чего бывшая на руке язва исчезла[22]. Этот текст впоследствии, в 70-е гг. XVI в., был выписан из Степенной книги в Лицевой летописный свод[23]. В результате сопоставления этих текстов неопровержимо доказывается, что автором записи о чуде был сам духовник Андрей[24].

В 1591 г. бывший архимандрит Рождественского монастыря Иона Думин, ставший в 1589 г. вологодским архиепископом, по благословению патриарха Иова составил новую редакцию Жития Александра Невского. Несколькими годами ранее, полагаем, что в 1589 г., Иона Думин редактировал текст Степенной книги, для чего привлек Воскресенскую летопись. В результате этих занятий он обнаружил, что в Степенной книге и в Воскресенской летописи по-разному описана судьба мощей Александра Невского в пожаре 1491 г. Иона изъял лист с описанием пожара из Воскресенской летописи и заменил его выпиской из Степенной книги[25]. В своей редакции Иона привел данные о чудесах, которые произошли от мощей Александра Невского во второй половине XVI в.

В 1629 г. патриарх Филарет после своего посещения Рождественского монастыря распорядился выдать «пять колодок гвоздей луженых» для обивки бархатом «в чюдотворцове раке изнутри»[26]. Вероятно, внутри каменного гроба помещался некий деревянный ковчег. Во Вкладной книге под 7194 (1686) г. читается сообщение о вкладе монаха Алексия Трегубова. На вложенные им 20 рублей был позолочен киот над гробом Александра Невского[27]. В январе 7202 (1694) г. посадский человек Тимофей Одинец на гроб Александра Невского вложил серебряный позолоченный крест-мощевик[28].

В XVII в. мощи Александра Невского пострадали по крайней мере один раз, о чем у нас имеется непосредственное указание. Речь идет о записке, обнаруженной при вскрытии мощей в 1922 г. и повествующей о пожаре 20 мая 1681 г., после которого мощи были собраны и уложены в гробницу[29].

---

[22] Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 2. С. 270.

[23] ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 230.

[24] На это обратил внимание П. Г. Васенко (*Васенко П. Г.* Кто был автором «Книги Степенной царского родословия»? // ЖМНП. 1902. Декабрь. С. 289–306).

[25] *Сиренов А. В.* Степенная книга. История текста. М., 2007. С. 307–308.

[26] *Маштафаров А. В., Тимофеева Т. П.* Владимирский в честь Рождества Пресвятой Богородицы мужской монастырь. С. 70.

[27] Вкладная книга владимирского Рождественского монастыря. С. 22.

[28] Там же. С. 31.

[29] Первую публикацию этого документа см.: *Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н.* Красные конкистадоры. М., 1994. С. 186; К истории освидетельствования мощей

1 июля 1697 г. состоялось переложение мощей Александра Невского в новую раку. Слово на переложение мощей прежнее вместилище мощей Александра Невского описывает следующим образом: «древле люди Господни от усердия своего соделаша ракку или ковчег, яже многолетством яко сущи тленна обветша. Перваго же соделования повредившися лишися доброзрачия, зане всякое соделование и вещи на земли в тление приходят и воничтожаются»[30]. Подчеркнем, что таким образом было невозможно описать раку, установленную после пожара 1681 г., при котором мощи определенно пострадали от огня. К 1697 г. гробница Александра Невского была старой и ветхой. При раскопках соборных галерей в 1997 г. были обнаружены остатки белокаменной гробницы, вмурованные в стену южной галереи в виде дна небольшой ниши. О. М. Иоаннисян высказал предположение, что перед нами своеобразный мемориал – все, что осталось от первоначальной гробницы Александра Невского. Эти руины после переложения мощей вмонтировали в стену – в том месте, где впоследствии был устроен придел Александра Невского[31]. К сожалению, упоминания об этом мемориале в источниках отсутствуют. Не знают его ни описи соборного имущества XIX в., ни владимирские краеведы. Правда, следует иметь в виду, что ниша была почти полностью закрыта иконостасом придела Александра Невского. Опись соборного имущества 1815 г. описывает особое устройство местного ряда этого иконостаса: его крайние иконы располагались вдоль северной и южной стен придела[32]. Подобная ситуация имела место в Успенском соборе. В 1888 г., в год 800-летия со дня рождения князя Георгия Всеволодовича, в Успенском соборе была обретена его гробница, из которой мощи князя в 1645 г. переложили в раку. Гробница оказалась под иконостасом придела св. князя Глеба Андреевича[33]. Отметим, что ранее, после ремонта Успенского собора в 1774 г., его приделы были переименованы. Основанием стал факт пребывания в них древних гробниц, в которых находились останки святых князей до переложения в раки. Так, Знаменский придел получил посвящение в честь Андрея Боголюбского, а Георгиевский – в честь Глеба Андреевича[34], хотя гробница

св. Александра Невского // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2000. Вып. 23. С. 33.

[30] *Сиренов А. В.* Патриарший ризохранитель Боголеп и два памятника монастырской книжности конца XVII в. // Очерки феодальной России. М., 2003. Вып. 7. С. 251.

[31] *Глазов В. П., Иоаннисян О. М., Зыков П. Л., Повелихин А. В.* Раскопки собора Рождественского монастыря во Владимире // Археологические открытия 1997 года. М., 1999. С. 82.

[32] Текст описи опубликован: *Тимофеева Т. П.* Владимирские монастыри Рождественский, Константино-Еленинский и Федоровский… С. 139.

[33] *Виноградов А. И.* История кафедрального Успенского собора в губ. гор. Владимире. Владимир, 1905. С. 40.

[34] Там же. С. 62.

последнего была поставлена в этом приделе только в XVIII в. О пребывании там гробницы Георгия Всеволодовича в 1774 г., видимо, не вспомнили. В качестве параллели отметим, что в начале XIX в. в Рождественском соборе Георгиевский придел переосвятили в честь Александра Невского. Полагаем, что основанием для этого могла служить находившаяся там гробница Александра Невского.

Недавно опубликованный рисунок обнаруженной археологами гробницы заставляет отнестись с доверием к предположению О. М. Иоаннисяна[35]. В нишу был вмурован только фрагмент гробницы: основная часть ее днища и основание передней (или задней) стенки. Обратим внимание, что дно ниши имеет ту же сложную форму обломка, что и днище гробницы. Иными словами, ниша представляет собой свод над остатками гробницы.

Полагаем, что почитание Александра Невского как святого во владимирском Рождественском монастыре не отличалось от почитания древнерусских князей, погребенных в Успенском соборе города Владимира. Вместилищем мощей долгое время оставалась первоначальная каменная гробница, в которой князь был похоронен в 1263 г. Не ранее конца XV в. гробницу Александра Невского вынули из аркосолия и поставили у стены в юго-западном углу собора, сняли крышку, а мощи покрыли специально изготовленной пеленой[36]. Подобную картину встречаем в XVII в. при оформлении церковного почитания похороненного в Успенском соборе князя Глеба Андреевича (сына Андрея Боголюбского). Его мумифицированные останки находились в одной гробнице с братьями Изяславом и Мстиславом. В какой-то момент белокаменную крышку с гробницы сняли, и началось почитание Глеба Андреевича как святого[37]. Через некоторое время его останки пребывали уже в отдельной гробнице, далее состоялось их перенесение в деревянную раку, причем каменная гробница до настоящего времени сохраняется отдельно. Сходным образом формировалось церковное почитание князей Георгия Всеволодовича и Андрея Боголюбского. Полагаем, что так же развивалась история церковного почитания

---

[35] См.: *Беляев Л. А., Зыков П. Л., Иоаннисян О. М., Сиренов А. В.* Погребение Александра Невского во Владимире: археология почитания. С. 85. Рис. 7.

[36] Возможно, гробница изначально стояла не в аркосолии, а рядом.

[37] *Сиренов А. В.* Древнерусский некрополь города Владимира в XVI–XVII вв. по материалам описей древних гробниц // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. М.; СПб., 2011. Вып. 3. С. 169. В описи гробниц середины XVII в. РГБ. Ф. 304/I (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 810 о Глебе Андреевиче сказано: «В той же стране во угле лежат во плоти дети благовернаго великаго князя Андрея Георгиевича Боголюбскаго Изяслав, Мстислав, Глеб. Един из них видим и покланяем всеми, погребальная ж не истле, но вся аки нова» (Описание гробниц г. Владимира сер. XVII в. // Виноградов А. И. История кафедрального Успенского собора в губ. гор. Владимире. Приложение. С. 67).

Александра Невского. До конца XVII в. его останки пребывали в древней белокаменной гробнице, в которой уже в середине XVI в. фиксировалась продольная трещина. Как отметила Т. П. Тимофеева, монастырская вкладная книга вместилище мощей Александра Невского неизменно называет гробом, и только после их переложения в 1697 г. – ракой[38]. Описи владимирских гробниц XVI–XVIII вв. также различают белокаменные гробницы и раки. В этих источниках рака Александра Невского появляется только в конце XVII в., то есть после переложения мощей в 1697 г. Каменную гробницу Александра Невского украшали, по крайней мере, уже в XVI в. Так, в середине XVI в. на ней была пелена. В середине XVII в. патриарх Иосиф дал вкладом покров с вышитым изображением Александра Невского, которым накрывали мощи[39]. Во второй половине XVII в. над гробницей возвышался «киот» – видимо, подобие сени. Наконец, 1 июля 1697 г. мощи были торжественно переложены в раку и установлены в арке южного входа. Остатки древней белокаменной гробницы, частично сохранившееся днище с основаниями стенок, вмонтировали в стену южной галереи, для чего соорудили специальную стенную нишу. После перенесения мощей Александра Невского в Санкт-Петербург в 1723 г. в монастыре появились и другие мемориалы, посвященные святому князю. Место пребывания раки было отмечено металлической решеткой с натянутым холстом, на котором изображен Александр Невский. В Христорождественской церкви монастыря стояла деревянная рака с фрагментом мощей святого князя (в настоящее время эта реликвия уже в другой раке пребывает в Успенском соборе)[40]. Возможно, мемориалы XVIII–XIX вв. привлекали основное внимание паломников, и о древней гробнице со временем забыли. Вообще, для Рождественского монастыря не была характерна культура памяти, в отличие, например, от Успенского собора. В XVI в. кроме захоронения Александра Невского там не могли атрибутировать ни одного древнего погребения. Можно думать, что эта особенность сохранялась и в более поздние времена, особенно учитывая административные перипетии XVIII в. с устройством Архиерейского дома и передачей в его ведение монастырского имущества.

---

[38] *Тимофеева Т. П.* Владимирские монастыри Рождественский, Константино-Еленинский и Федоровский… С. 159. См.: Вкладная книга владимирского Рождественского монастыря. С. 20, 22, 23, 28, 31 (гроб); 29, 32, 33–35 (рака).

[39] Ныне в Государственном Русском музее. Последнюю по времени публикацию см.: Гробница святого благоверного великого князя Александра Невского. История и реставрация. СПб., 2021. С. 26. Подобные покровы, но без лицевого шитья, вкладывали и в 1659 г., и в 1689 г. (Вкладная книга владимирского Рождественского монастыря. С. 20, 22). Еще один лицевой покров второй половины XVII в. хранится в Сергиево-Посадском государственном историко-художественном музее-заповеднике (инв. № 5552-ихо).

[40] Подробнее о них см.: *Тимофеева Т. П.* Владимирские монастыри Рождественский, Константино-Еленинский и Федоровский… С. 160–163.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аверьянов К. А. Великая княгиня владимирская Мария. Загадка погребения в Княгинином монастыре. М., 2020.

АСЭИ. М., 1964. Т. 3.

Беляев Л. А., Глазов В. П., Зыков П. Л., Иоаннисян О. М. Погребальные сооружения XII–XV веков на месте собора Рождества Богородицы во Владимире (по материалам работ 1997–2000 годов) // Земли родной минувшая судьба…: К юбилею А. Е. Леонтьева. М., 2018. С. 62–72.

Беляев Л. А., Зыков П. Л., Иоаннисян О. М., Сиренов А. В. Погребение Александра Невского во Владимире: археология почитания // Исторический вестник. 2021. Т. 35 (182). С. 76–105.

Васенко П. Г. Кто был автором «Книги Степенной царского родословия»? // ЖМНП. 1902. Декабрь. С. 289–306.

Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н. Красные конкистадоры. М., 1994.

Виноградов А. И. История кафедрального Успенского собора в губ. гор. Владимире. Владимир, 1905.

Вкладная книга владимирского Рождественского монастыря // Труды Владимирского губернского статистического комитета. Владимир, 1864. Вып. 3. Приложение. С. 1–46.

Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XIV веков. М., 1961. Т. 1.

Глазов В. П., Иоаннисян О. М., Зыков П. Л., Повелихин А. В. Раскопки собора Рождественского монастыря во Владимире // Археологические открытия 1997 года. М., 1999. С. 80–82.

Гробница святого благоверного великого князя Александра Невского. История и реставрация. СПб., 2021.

ДДГ. М.; Л., 1950.

К истории освидетельствования мощей св. Александра Невского // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2000. Вып. 23. С. 32–35.

Макаров Н. А. Топография погребений в древнерусских храмах XI–XIII вв. // Тезисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии (София, 1980). М., 1981. С. 71–73.

Мансикка В. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913. (Памятники древней письменности и искусства. № 180).

Маштафаров А. В., Тимофеева Т. П. Владимирский в честь Рождества Пресвятой Богородицы мужской монастырь // ПЭ. М., 2005. Т. 9. С. 69–76.

Панова Т. Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М., 2004.

ПСРЛ. Л., 1926–1928. Т. 1.

ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8.

ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12.

ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13.

ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 28.

Сиренов А. В. Патриарший ризохранитель Боголеп и два памятника монастырской книжности конца XVII в. // Очерки феодальной России. М., 2003. Вып. 7. С. 238–255.

Сиренов А. В. Описи древних гробниц в рукописных сборниках XVII века // История в рукописях и рукописи в истории. Сборник научных трудов к 200-летию Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. СПб., 2006. С. 399–414.

Сиренов А. В. Степенная книга. История текста. М., 2007.

Сиренов А. В. Древнерусский некрополь города Владимира в XVI–XVII вв. по материалам описей древних гробниц // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. М.; СПб., 2011. Вып. 3. С. 165–170.

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2008. Т. 2.

Стецюра Т. Д. Святой благоверный князь Александр Невский // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 219–266, 502–511.

Тимофеева Т. П. Владимирские монастыри Рождественский, Константино-Еленинский и Федоровский. Историко-архитектурный очерк. СПб., 2020.

Sirenov A. The legitimation of the image of the Saint: on the issue of the authenticity of the relics of Alexander Nevsky // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2016. № 1. С. 100–109.

Aleksey V. Sirenov
Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia

TOMB OF ALEXANDER NEVSKY AND WORSHIP OF VLADIMIR'S PRINCES IN THE 17TH CENTURY

The article is devoted to the history of the relics of Alexander Nevsky. The author analyzes worship of Alexander Nevsky in the context of the tradition of describing the tombs of Vladimir princes in the 17th century. The author proves that there was only one tomb of Alexander Nevsky. It was discovered by archaeologists in 1997.

Keywords: relics of Alexander Nevsky, Russian history of the 15th – 17th centuries, worship of saints, source study, Alexander Nevsky

Л. А. Беляев
Институт археологии РАН, Москва, Россия
О. М. Иоаннисян
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия
П. Л. Зыков
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

САРКОФАГИ XII–XIII вв. В МОНАСТЫРЕ РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ ВО ВЛАДИМИРЕ: ТОПОГРАФИЯ И СТРАТИГРАФИЯ

В статье представлены данные по истории некрополя внутри и вокруг главной церкви монастыря Рождества Богородицы, где в 1263 г. был погребен князь Александр Невский. Сведения были получены в ходе раскопок (1997–2000) этого монастырского собора, построенного в 1198 г. (галереи полностью перестроены в кирпиче в XVII в.) и снесенного в 1930 г. На кладбище были обнаружены многочисленные белокаменные плиты. Данная статья дает общий обзор всех саркофагов и подробное описание тех, которые открылись в северной и западной галереях.
Ключевые слова: *археология монастыря, кладбище, погребальное сооружение, князь Александр Невский, Средневековье*

Статья подготовлена в рамках темы НИОКТР АААА-А18-118021690056-7 «Динамика исторической жизни и культурная идентичность в Восточной Европе от эпохи Великого переселения народов до Московской Руси – археологическое измерение».

Собор Рождества Богородицы во Владимире, дважды разрушенный и дважды восстановленный, интересен не только как известный памятник белокаменной архитектуры Владимиро-Суздальской Руси, но и как центр монастыря, который оставался первым и главным в России, своего рода архимандритией архимандритий, по крайней мере до XVI в.[1] Это делает несколько более понятным решение похоронить в его стенах останки князя Александра Ярославича, привезенные с места кончины, из Городца Мещерского, зимой 1263 г. Кому бы ни принадлежало это решение, самому князю (уже принимая постриг, он мог завещать положить свое тело в главном монастыре страны) или его окружению, но оно явно нетрадиционно: во Владимире князей хоронили в городском Успенском соборе, да и принятие иноческих обетов перед кончиной здесь ранее не стало еще традицией. Можно предполагать, что к моменту погребения князя здесь

[1] *Усачев А. С.* Владимирский Рождественский монастырь и почитание Александра Невского в России XVI в. // Исторический вестник. 2021. Т. 35 (182). С. 109–128.

уже сложился престижный некрополь. Монастырь был основан дедом Александра, князем Юрием Большое Гнездо, в 1197–1207 гг.; закладку его каменного храма летопись относит еще раньше (1191/1192 г.). Следовательно, до смерти князя Александра (1263 г.) прошло от половины до двух третей столетия. Здесь должны были похоронить, по крайней мере, и донаторов, и ряд настоятелей, знатных иноков и прихожан. Их имен мы не знаем (в источниках никто из похороненных в монастыре в XIII–XV вв. не упомянут, за исключением самого князя), но именно их погребения, по-видимому, предстали при разрушении храма в 1930-х гг. и при раскопках конца 1990-х гг.

Все это делает монастырский собор Рождества Богородицы интригующе интересным с точки зрения археологии его погребений, которые впервые были изучены экспедицией 1997–2000 гг. (руководители О. М. Иоаннисян, В. П. Глазов, П. Л. Зыков), работавшей на месте снесенного в начале 1930-х гг. собора в связи с его начинавшимся «восстановлением». Экспедиция в первую очередь занималась остатками храма XII в., но уделила определенное внимание и некрополю. Его материалы были поручены молодому археологу Александру Повелихину, который рано (2009 г.) умер, не успев обработать накопленное. В результате архитектурно-археологическая часть работ была опубликована, но о кладбище на два десятилетия забыли. В конце 2010-х гг. мы обратились к нему в связи с поиском тех звеньев, которые могли связать культуру Владимирской Руси с Московской, то есть объектов, возникших до нашествия монголов, но сохранившихся и после него. В оборот прежде всего были введены плиты и саркофаги XII–XIV вв., после чего стало ясно, что нужно системно проработать весь некрополь, поскольку это даст представление, по крайней мере, о контексте погребения князя Александра[2]. В связи с этим мы представили краткий обзор некрополя и попытались сопоставить сведения письменных источников (в том числе историю мощей князя, которую изучил А. В. Сиренов) и натурные наблюдения[3].

Внимание в статье было сосредоточено на погребениях в *южной* части собора, где в качестве возможных вместилищ останков князя Александра Ярославича рассматривались три варианта, связанные с южной

[2] *Беляев Л. А.* Рождение традиции: погребальные памятники Северо-Восточной Руси XII–XV веков в контексте архитектуры // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной научной конференции (9–13 сентября 2019 г., Москва, Россия). М., 2019. С. 27–29.

[3] *Беляев Л. А., Зыков П. Л., Иоаннисян О. М., Сиренов А. В.* Погребение Александра Невского во Владимире: археология почитания // Исторический вестник. 2021. Т. 35 (182). С. 76–107; *Беляев Л. А., Глазов В. П., Зыков П. Л., Иоаннисян О. М.* Погребальные сооружения XII–XV веков на месте собора Рождества Богородицы во Владимире (по материалам работ 1997–2000 годов) // Земли родной минувшая судьба… К юбилею А. Е. Леонтьева. М., 2018. С. 62–72.

и юго-западной частями наоса и галереи (Рис. 1). Дело не только в том, что именно здесь, на юго-западе здания, под хорами, локализуют захоронение князя источники. И не в том, что это отвечает погребальной традиции Руси, где некрополь обычно начинали заполнять с юга или юго-запада, о чем писали не раз Н. А. Макаров, Т. Д. Панова и другие[4], (но есть и значимые исключения: в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря некрополь развивался с северо-востока[5]).

К южной части особое внимание привлекли открытые в натуре и довольно необычные погребальные контексты: апсидиола (возможно, погребальная изначально) с саркофагом № 5 и дно от каменного саркофага № 1, вмурованное в южную стену галереи в зоне придела святого князя как основание поздней (XVII в.?) ниши (аркосолия?) (Рис. 2 и 3). Камень трактовали как вторичную реликвию, объект почитания, возникший в конце XVII в. или после переноса мощей в Санкт-Петербург. Разбор письменных источников и общей ситуации не позволил считать гипотезу доказанным фактом – прежде всего потому, что придел святого Александра возник в соборе очень поздно, фактически в конце XVIII – начале XIX в. Наконец, в наосе собора были обследованы три погребения у юго-западного столба, два из которых тоже были в саркофагах, а один – в деревянном, но с каменной крышкой (Рис. 4).

В результате южная группа опубликована, а к деталям мы вернемся в итоговой работе. Здесь дадим общий топографический обзор погребений в каменных саркофагах и подробное описание до сих пор не публиковавшихся погребений в *северной* половине храма. Нас интересуют именно каменные саркофаги в связи с тем, что, говоря о погребении князя, мы априорно полагаем, что его похоронили в каменном гробу. Это следует из всего того, что нам известно о погребальной традиции Руси вплоть до середины XVII в. При этом совсем не обязательно в аркосолии, ведь те из них, что могли существовать в соборе изначально, должны были за 60 лет заполниться.

Представим прежде всего общую картину. Все погребения в саркофагах расположены примерно на одном уровне (разность по отметкам не очень значительна), довольно близко к уровню пола (фактически прямо под ним). Это четырехугольные в плане ящики из цельных камней, прямоугольные или трапецевидные, иногда – со слабым возвышением стенок к изголовью. Эти антропоморфные черты, пусть и не слишком

[4] *Макаров Н. А.* Топография погребений в древнерусских храмах XI–XIII вв. // Тезисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии (София, 1980). М., 1981. С. 71–73; *Панова Т. Д.* Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М., 2004. С. 44–64.

[5] См.: *Беляев Л. А., Григорян С. Б., Шуляев С. Г.* Некрополь Смоленского собора Новодевичьего монастыря XVI–XVII в. Исследования 2017–2018 г.: методы и результаты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4 (78). С. 112–127.

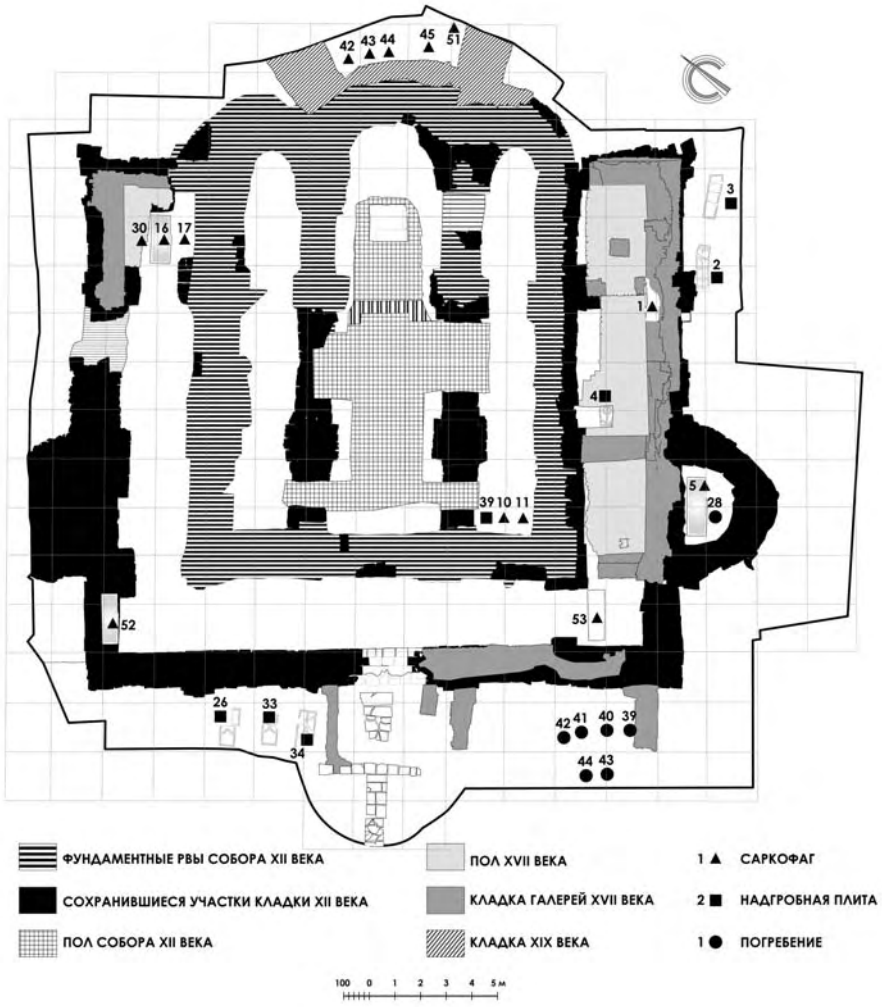

Рис. 1. Обобщенный план работ 1997-2000 гг. с указанием основных погребений

Рис. 2. Абсидиола южной стены галереи с саркофагом внутри, вид с юго-востока.

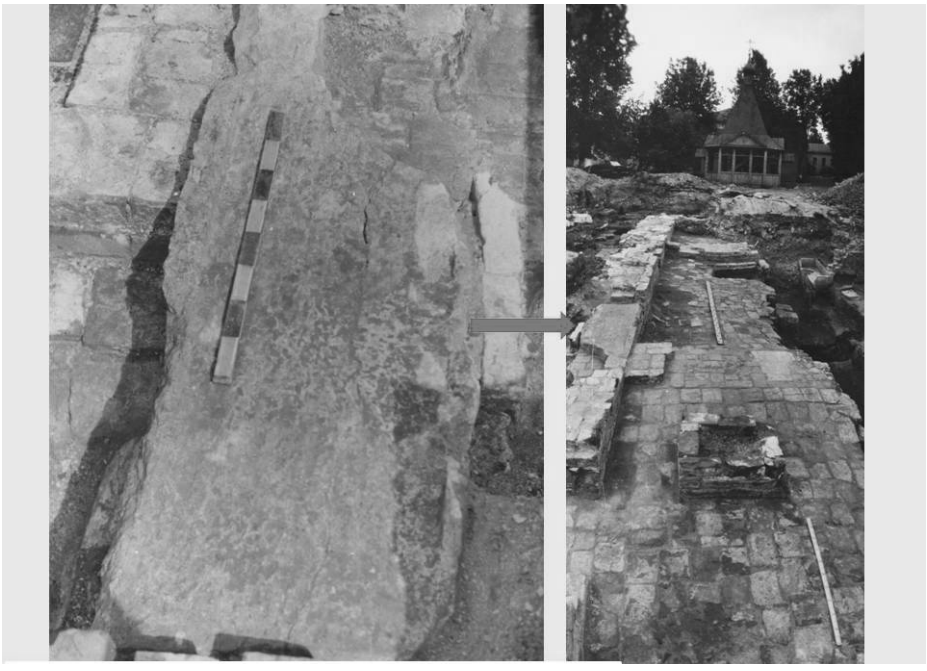

Рис. 3. Южная галерея и саркофаг № 1 (перемещенный фрагмент)

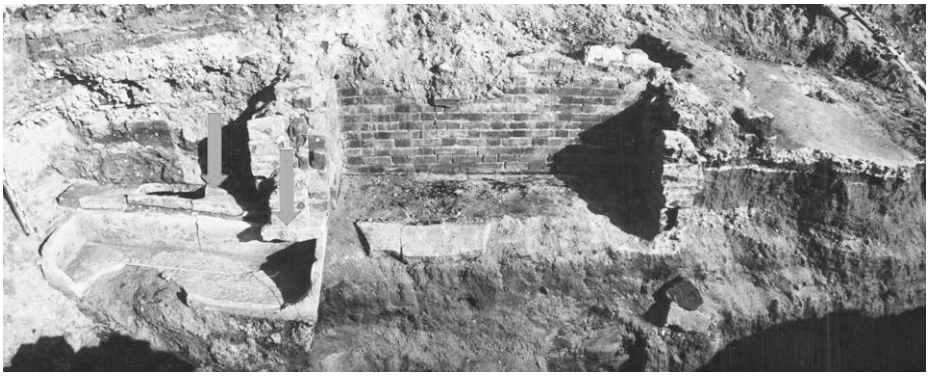

Рис. 4. Саркофаги № 10 и № 11 позади юго-западного подкупольного столба, вид с юга (кирпичное сооружение - склеп XVII в.

выраженные, поддерживает близость размеров: больше всего колеблется длина (190–205 см), меньше – ширина в плечах (55–60 см), высота почти стандартная, около 60 см. Крышки саркофагов плоские, в одном случае – с орнаментом. Допустимо думать, что как крышку просто использовали плиту – такие случаи хорошо известны для XIII–XIV вв. в Чудовом кремлевском, для XVI в. в Новодевичьем монастырях[6].

Встречены как двусоставные крышки, так и цельные, но последние преобладают. Погребения совершали в деревянных ящиках, то есть гробах, иногда собранных на гвоздях. Погребения в саркофагах изначально относились к периоду XIII–XIV вв., что устанавливается в ряде случаев стратиграфически, а в других – по аналогиям и при опоре на общую историю погребальных сооружений Северо-Восточной Руси.

Все погребения совершены по христианскому обряду, ориентированы по меридиану, головой на запад, в вытянутом положении на спине и со сложенными в районе живота и груди руками. Все найденные в саркофагах и описанные в отчете скелеты мужские, с ростом около 160–165 см (в одном случае, возможно, 170 и более), с шириной в плечах более 40 см (в одном случае 44) и в тазу 33–38 см. Среди них есть иноки. Все саркофаги индивидуальные, случаи последовательного использования их для новых семейных захоронений не доказаны. Однако на кладбище вне собора

[6] *Беляев Л. А., Курмановский В. С.* Монастырский некрополь: саркофаги и плиты // Археология Московского Кремля. Раскопки 2006–2017 гг. М., 2018. С. 116–123; *Макаров Н. А., Беляев Л. А., Курмановский В. С.* Белокаменные саркофаги и надгробия некрополя Чудова монастыря из раскопок в Московском Кремле 2015–2017 гг. // Российская археология. 2019. № 2. С. 117–133; *Беляев Л. А., Григорян С. Б., Шуляев С. Г.* Некрополь Смоленского собора Новодевичьего монастыря XVI–XVII в.

в них позднее систематически перезахоранивали кости, превратив их в оссуарии, что не позволяет выявить изначальное погребение.

Скелетные останки и некоторые саркофаги были извлечены из раскопа, их дальнейшая судьба неизвестна, хотя антропологические материалы предполагалось в будущем изучить подробнее.

Всего в отчетах экспедиции отмечено **17 саркофагов**. Топографически они делятся так: вне собора – 8 (5 за апсидой и 3 к востоку от южной экседры); в соборе – 9, из них: 2 в наосе и 7 в галереях (в северной – 3 на востоке и 1 в северо-западном углу, в аркосолии (не вскрыт); в южной – тоже 3 саркофага: основание (№ 1), саркофаг в экседре и саркофаг в западной галерее, в южной части (не вскрыт). К саркофагам внутри собора следует добавить 3, которые фиксируют фотографии 1930-х гг. in situ, возможно – в аркосолиях. Видимо, это не все саркофаги собора (их, например, можно ожидать в южной галерее под полом, который не вскрывали), но общая картина представительная. Вне собора каменных гробов было, конечно, гораздо больше, чем найдено, ведь площадь работ очень незначительна. Против всех апсид они отмечены, но вскрыты только 5; были они и у стен, судя по трем в небольшом раскопе к югу от галереи (Рис. 5, 6 и 7)

В целом очевидно, что каменные гробы – не такая уж редкость на некрополе, это престижные и дорогие, но довольно часто встречаемые изделия. Очень важно, что они встречены и на открытом кладбище, где отнюдь не стояли на поверхности, как иногда думают, но зарывались довольно глубоко в землю, подобно обычным деревянным гробам. Внутри храма они распределены неравномерно, но есть и под полом, и в аркосолиях. Их больше в галереях (что также обычно для древнерусской практики погребения), но есть по крайней мере одна группа и под полом в наосе. Бóльшая часть обнаружена *in situ*, но лишь один – в фундаменте стены XII в., то есть в аркосолии (при работах только обозначили верх его стенок). Остальные погребения в аркосолиях до нас не дошли, поскольку стены в 1930-х гг. разбирали до подошвы, и почти везде в этом преуспели. Стоявшие в них саркофаги вынули, хотя при переборке 1850-х гг. их оставили на месте. Вероятно, это именно те 3 каменных гроба, которые предлагались музеям: они фиксируются фотографиями и упомянуты в переписке именно как 3 (один из них или, возможно, четвертый в музей все-таки попал). Следует помнить, что не все гробы могли в 1930 г. извлечь (на фотографиях они показаны в момент открытия), но цифра 3 хорошо согласуется с летописным текстом описи XVI в., упомянувшей о трех «гробницах» в соборе. Допустимо думать, что аркосолиев так и было до разрушения 3, но доказать это трудно.

Опишем подробнее саркофаги северной галереи (Рис. 8, 9, 10 и 11). Здесь три каменных гроба (№ 16, 17 и 30) стояли в ряд вдоль восточного края фундамента, практически перед восточной стеной, стенка к стенке, и вскрывались по мере работ один за другим. Следует отметить, что в га-

лерее хоронили и до, и после появления каменных саркофагов: под ними прослеживались пятна могильных ям. Все три саркофага сохранили погребения, но, к сожалению, их экспертиза недостаточна: базовый осмотр в момент открытия производили сами археологи, и, хотя костяки (по крайней мере, некоторые из них) брали для антропологического исследования, его результаты неизвестны.

Саркофаг № 16 в группе – крайний с юга (Рис. 12). Он спущен из слоя с белокаменной крошкой и кусками белого камня и поставлен, также на белокаменную крошку, в слой с зеленым песком. Ящик (он сильно растрескался) вытесан из целого куска белого камня с обеих сторон нешироким резцом-зубилом с последующей подшлифовкой. Крышка была притерта к стенкам саркофага на глине и чуть выступала за них. Снаружи по углам стенки отесаны почти полукругом, но внутри встречаются под острым углом. Вверх саркофаг расширяется на 2–3 см, и в головах он шире, чем в ногах. Длина снаружи – 202 см, ширина – 66 см (в головах) и 57 см в ногах; высота – 41 см (в головах) и 37 см в ногах. Внутри длина – 190 см, ширина – 53 см (в головах) и 46 см (в ногах). Толщина стенок – 6–6,5 см. Отмечены следы «ремонта»: в восточном нижнем углу саркофага на стенках высверлены парные отверстия для крепления в них скобок или шпонок; до этого угол саркофага был выбит. Крышка плоская, толщиной 6–7 см, сохранилась фрагментарно (расколота и завалилась внутрь саркофага, недостает двух-трех фрагментов, максимальная сохранность – 149 см), в головной части сохранность ширины до 60 см, в ногах – 56 см. Теска крышки, в отличие от ящика, грубая, широкая, без выравнивания и подшлифовки. Ни на ящике, ни на крышке нет орнаментов, резных надписей или граффити.

В саркофаге сохранилось **погребение № 10**. Тонкие прослойки коричневого цвета над и под костяком, а также 4 кованых гвоздя с обеих сторон от черепа и по внешним сторонам от костей ног указывают на присутствие гроба. Вокруг костяка по бортам остался слой красной глины (1,5–2 см), мягкой, очень вязкой, которой, возможно, был примазан гроб. Над костяком найдено в засыпке около 10 угольков (от посыпания пеплом из кадила?).

Скелет в анатомическом порядке, вытянут на спине, правая рука положена на живот и согнута в локте на 97°, левая за спиной, за поясничными костями. Длина костяка 165 см, плечи 40 см, ширина таза 33 см. Кости хорошей сохранности. Позвоночник сильно искривлен (или сломан) на левую сторону.

За правой височной долей черепа, выше нее, сбоку, сквозное отверстие миндалевидной формы с ровными краями (11 × 9 мм). Над височной долей за правым надбровием – вмятина от тупого круглого предмета размером 0,7 на 0,5 см. Выбиты передние 4 зуба верхней челюсти и 1 – нижней челюсти. В области левой верхней части в костях грудины –

железный предмет округлой формы, сильно окислившийся, похожий на шляпку штукатурного гвоздя. Под черепом имелся подголовник из куска плинфы с остатками на ней раствора или поливы; за черепом найдены два бронзовых (медных) гвоздика и мелкие бронзовые бисеринки (заклепки?) – остатки головного убора (детали назатыльника или тулеи?). С наружной стороны у левого плеча – следы лезвия ножа или наконечника стрелы; на костях ног сохранились остатки кожаной или войлочной обуви с обкладкой из бересты. В заполнении над костяком встречены два фрагмента домонгольской керамики с линейным орнаментом. Подголовник, вероятно, указывает на монашеский сан погребенного. При раскопках предположили, что саркофаг перенесен на свое место из какого-то иного (основания неясны).

Саркофаг № 17 вытесан из целого куска известняка (теска широким резцом в разных направлениях) и накрыт белокаменной плоской крышкой без орнамента и граффити, примазанной к саркофагу по стыку раствором (Рис. 13). Он почти прямоугольный в плане (ширина в изголовье – 62 см, в ногах – 60 см). Стенки толщиной 6 см, высотой 34 см, расширяются вверх, так что по верху длина – 195 см, у дна – 192 см. Дно плоское, толщиной 6 см. Крышка плоская, толщиной 8 см, формой отвечает ящику (ширина – 62 и 60 см, длина – 192 см). Стенки, дно и крышка саркофага расколоты на части. Стратиграфическая позиция саркофага не определима. При раскопках саркофаг отнесли к концу XII – XIII в. Внутри саркофаг заполнял слой светло-серого цвета с включениями строительного мусора; читались тонкие прослойки древесного тлена коричневого цвета от гроба, над и под костяком; под нижней лентой тлена отмечена тонкая известковая прослойка.

На дне сохранилось **погребение № 11** в анатомическом порядке, вытянутое, на спине, с руками, сложенными на груди и согнутыми в локтях под углом 106°. Череп был завален на правую сторону, нижняя челюсть – на правой ключице. Сохранность костей хорошая. Останки рисуют в прошлом мужчину 60–70 лет (судя по швам на черепе и зубам), невысокого, плотного телосложения (посмертный рост – 157 см, в плечах – 40 см, таз – 38 см). Повреждений на костях не было выявлено. В засыпке найден большой кованый гвоздь в виде крюка, вероятно, попавший сюда случайно. Сохранился налобный кожаный венчик, в костях позвоночника – остатки плетенного из шелковых нитей и волос гайтана (от крестика, образка или ладанки?); на костях ног – кожаная обувь. Погребение сочли вторичным и датировали XV–XVI вв. на основании использования в нем кожаных изделий, характерных для монашеских захоронений (другие подробности в отчете отсутствуют), а также потому, что размер саркофага рассчитан на человека несколько более высокого.

Саркофаг № 30 ориентирован вдоль стены галереи собора. Сделан из цельного куска известняка, ящик прямоугольной формы, 209 × 62–

64 × 45–47 см (толщина стенок – 7–11 см); крышка плоская прямоугольная, толщиной 7–12 см. Следов орнамента не зафиксировано. На дне, в анатомическом порядке, лежал скелет (**погребение № 24**: мужчина, длина костяка – 165 см, в плечах – 44 см, ширина таза – 37 см). Костяк был обернут в хлопчатую ткань косого плетения. В отдельных местах под ним встречены фрагменты белого камня. Вещей не обнаружено (Рис. 14, 15, 16 и 17).

Саркофаг в западной части не вскрывался, не был обмерен и не получил номера (Рис. 18, 19 и 20). Он размещен между западным углом и первой от него пилястрой, в толще стены. С фаса его заложили кирпичом – вероятно, после вскрытия в позднее время (для нового захоронения?). На общем обмерном чертеже он выглядит как состоящий из отдельных плит, но, вероятно, так показаны трещины в монолитных стенках; внутренние стенки аркосолия сложены из крупных блоков известняка. Саркофаг показан абсолютно прямоугольным, в плане его размер выглядит стандартным, около 190 × 60 см. В будущем его следует рассмотреть в контексте всего северо-западного угла галереи, к которому позже (в XVI в.?) пристроили палатку с еще одним погребением, в «саркофаге» из белокаменной лещади, врубленном в наружную часть внешней стены галереи почти напротив аркосолия.

Подведем итоги. Обзор 4 каменных саркофагов северной галереи не дал оснований видеть в одном из них погребение князя Александра, однако он расширил состав сравнительно хорошо сохранившихся одиночных статусных погребений в саркофагах и уточнил картину их распределения. Можно быть уверенным, что захоронения в белокаменных гробах – только часть кладбища, возникшего в галерее и состоявшего в основном из простых могил.

Всего в соборе отмечено 9 каменных гробов, но их было еще больше. В них погребены мужчины пожилого возраста, многие в монашеском чине; оснований для их идентификации нет. Все это заставит в будущем рассматривать три погребения у юго-западного столба в наосе как наиболее вероятную группу, связанную с захоронением князя Александра. Хотя бы потому, что это единственные захоронения в наосе, близкие по времени XIII в. и обладающие ожидаемыми признаками его погребения: два из них в каменных гробах, под хорами, в «темном» углу «за столбом».

Отметим, что некрополь собора, как и вообще вся «археология Александра Невского», – очень характерный пункт встречи реально существующих древних объектов с национальным нарративом. И это именно тот участок, где объективность подхода к материальным источникам и потребность погрузить их в исторический рассказ местами вступают в острое противоречие. Но заостренность на событии высвечивает для археолога зону проблем, позволяя сосредоточиться на сюжетах, которые иначе просто потонули бы в массе похожих случаев.

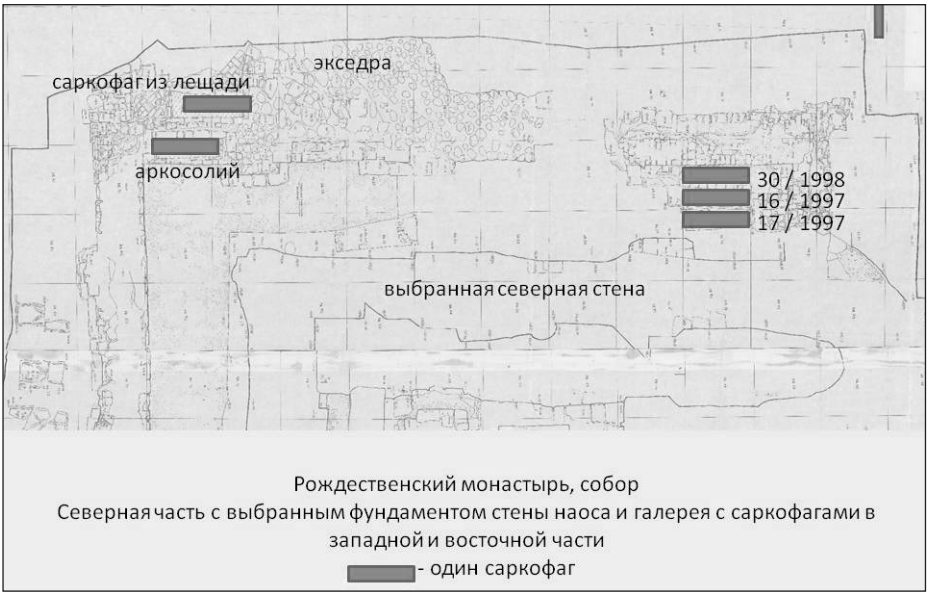

Рис. 5. Северная часть собора: галерея и саркофаги в ней, фрагмент обмерного плана

Рис. 6. Саркофаги № 16, 17 и 30 в восточном краю северной галереи, вид с юго-запада.

Рис. 7. Саркофаги № 16 и № 17 в восточном краю северной галереи, вид с юго-востока.

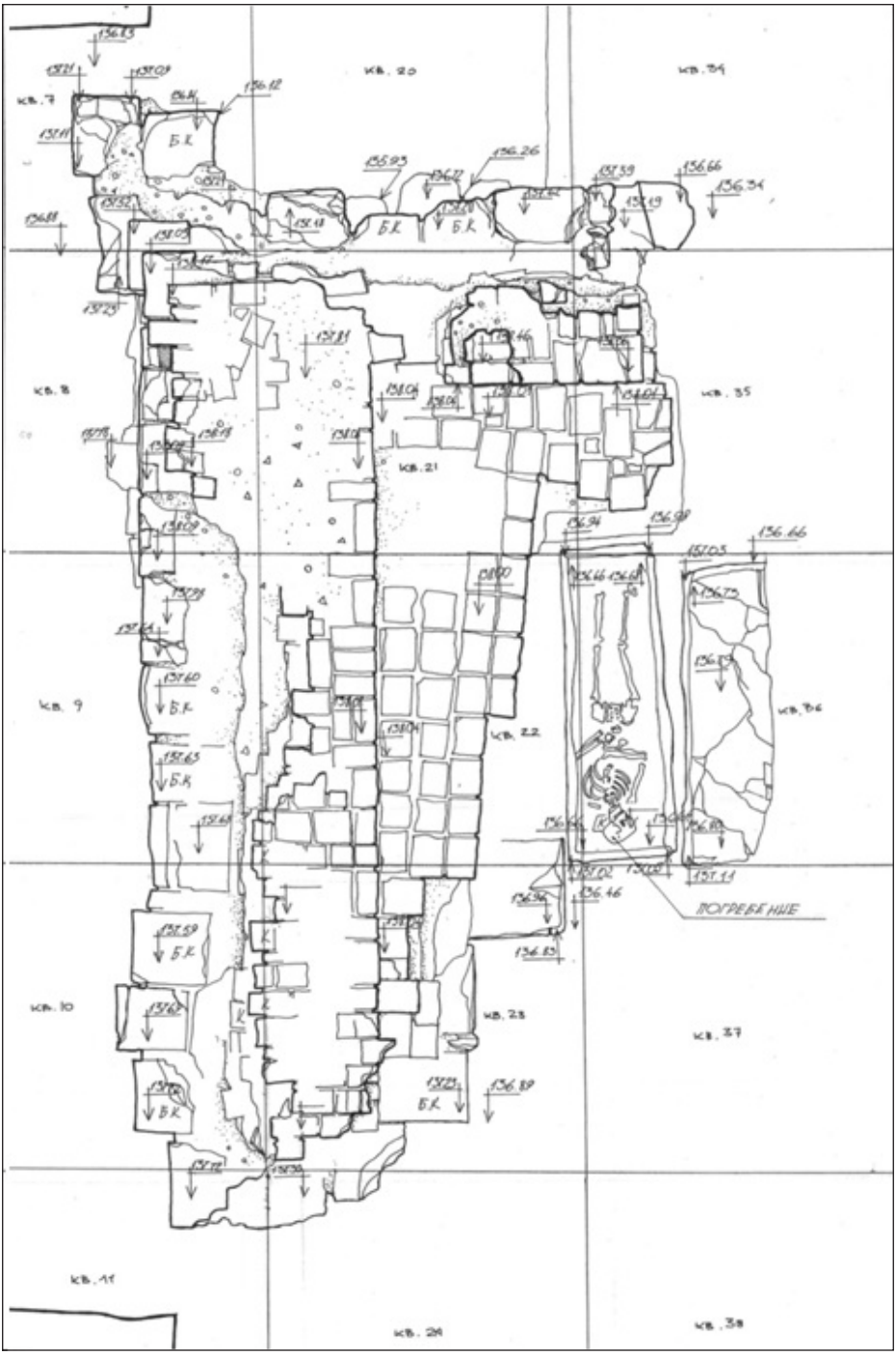

Рис. 8. Саркофаги № 16 и № 17 в восточном краю северной галереи, фрагмент обмерного плана.

Рис. 9. Саркофаги № 16 и № 17 в восточном краю северной галереи, вид сверху с востока на погребение в саркофаге № 17.

10. Погребение в саркофаге № 16 в момент расчистки, вид с юга

Рис. 11. Саркофаг № 30, вид с юго-запада

Рис. 12. Саркофаг № 30 и северо-восточная стена галереи, вид с юга

Рис. 13. Саркофаг № 30, расчищенное погребение, вид с запада

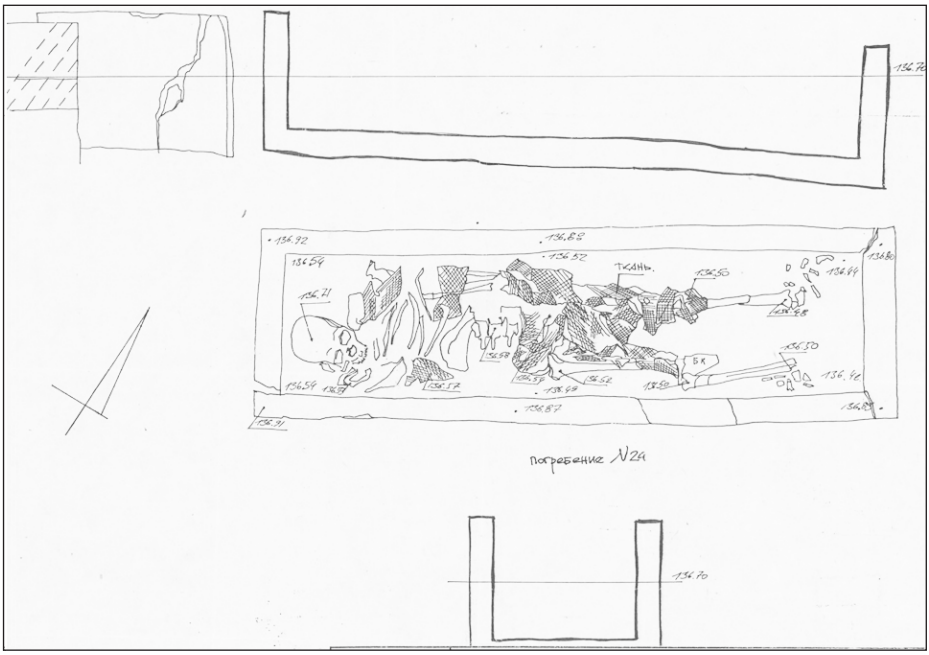

Рис. 14. Саркофаг № 30 и погребение в нем, обмерный чертеж

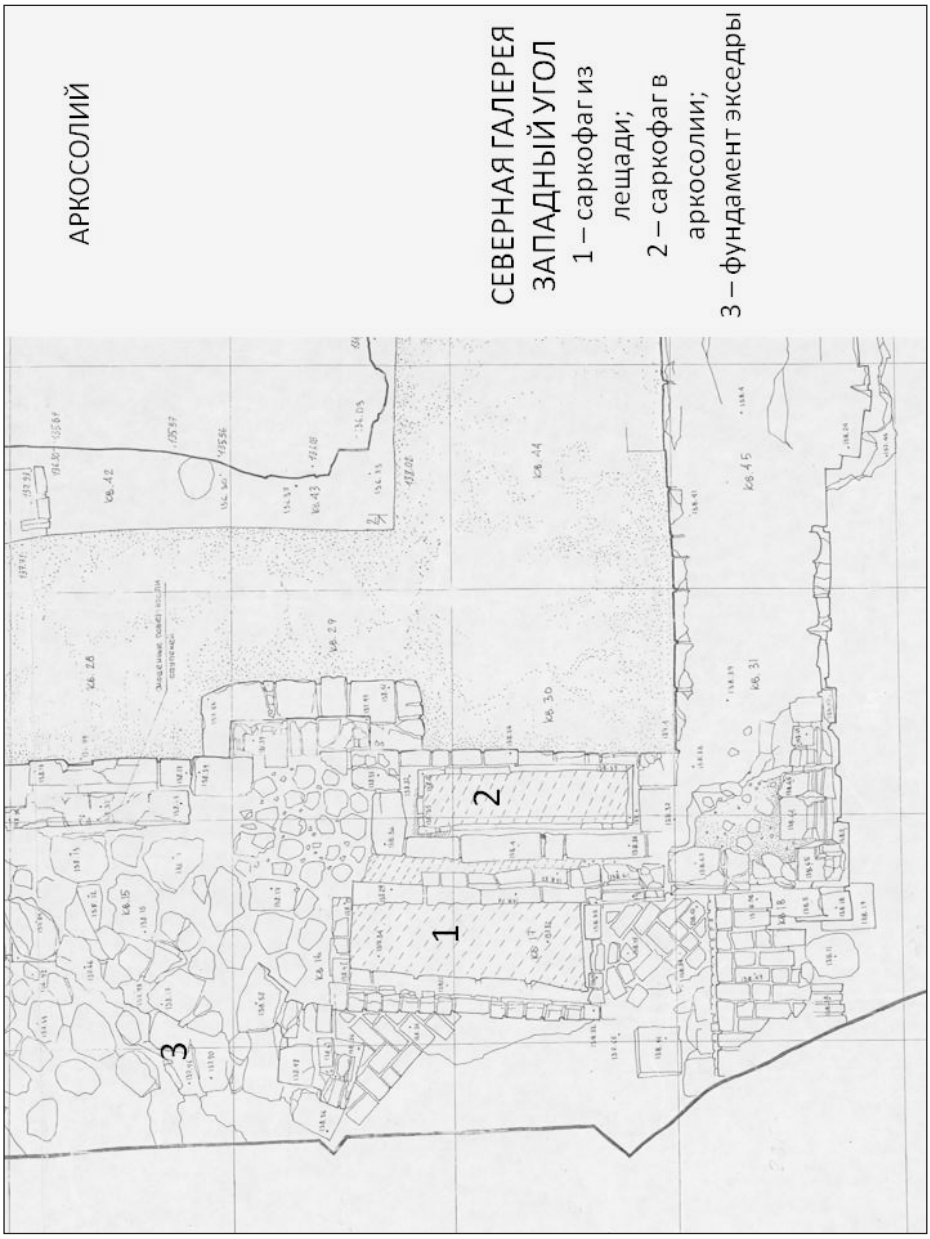

Рис. 15. Западный угол северной галереи с частью абсидиолы и саркофагами, фрагмент обмерного плана

Рис. 16. Вид с востока на ров от выбранной стены наоса и саркофаги в северной галерее

Рис. 17. Вид с севера на западную часть стены северной галереи с пристройкой XVI в. на первом плане

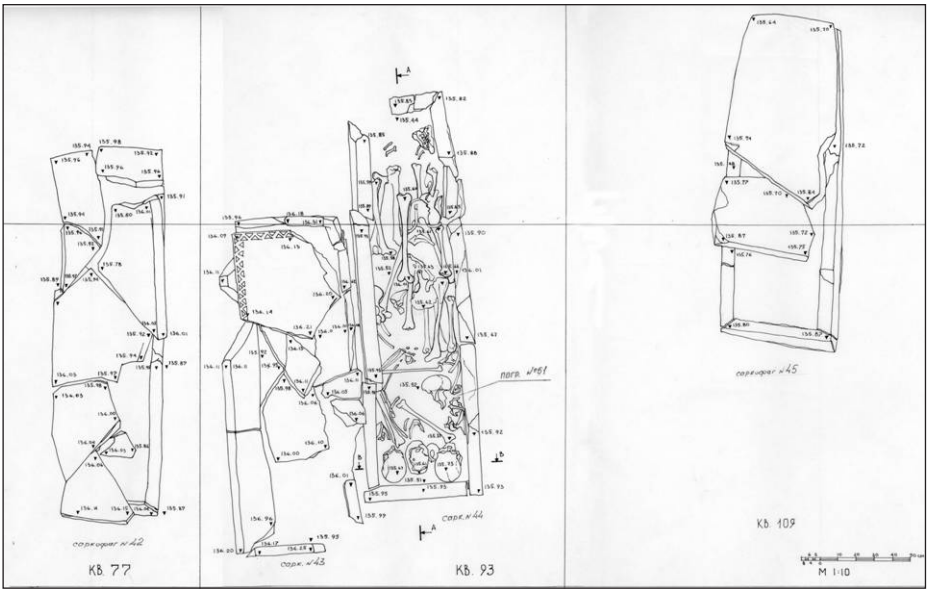

Рис. 18. Группа саркофагов к востоку от апсиды, часть обмерного плана

Рис. 19. Группа саркофагов-»осуариев» к востоку от апсиды,
вид с востока-юго-востока

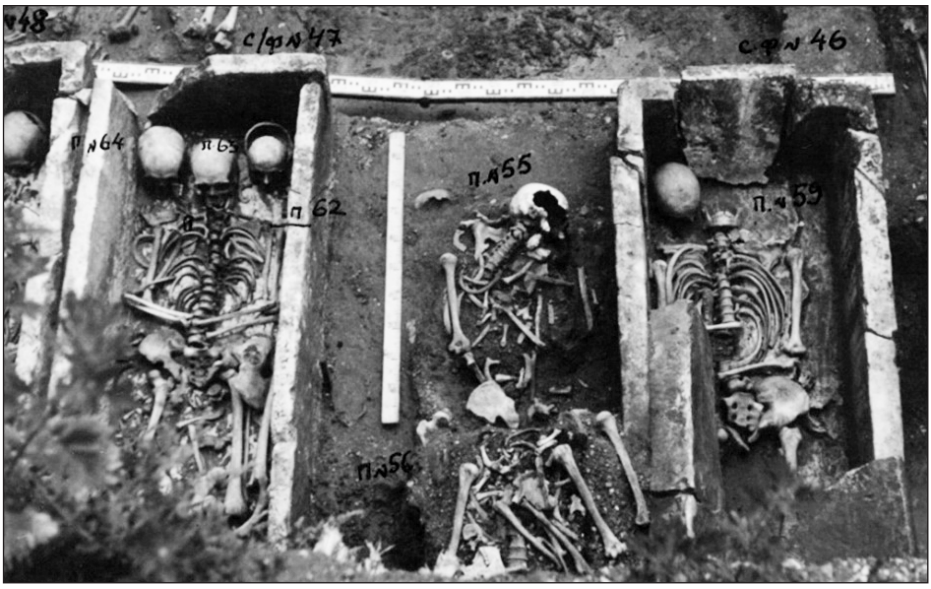

Рис. 20. Группа саркофагов -»оссуариев» к югу от собора и западу от абсидиолы, вид сверху с запада.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Беляев Л. А. Рождение традиции: погребальные памятники Северо-Восточной Руси XII–XV веков в контексте архитектуры // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной научной конференции (9–13 сентября 2019 г., Москва, Россия). М., 2019. С. 27–29.

Беляев Л. А., Курмановский В. С. Монастырский некрополь: саркофаги и плиты // Археология Московского Кремля. Раскопки 2006–2017 гг. М., 2018. С. 116–123.

Беляев Л. А., Григорян С. Б., Шуляев С. Г. Некрополь Смоленского собора Новодевичьего монастыря XVI–XVII в. Исследования 2017–2018 г.: методы и результаты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4 (78). С. 112–127.

Беляев Л. А., Глазов В. П., Зыков П. Л., Иоаннисян О. М. Погребальные сооружения XII–XV веков на месте собора Рождества Богородицы во Владимире (по материалам работ 1997–2000 годов) // Земли родной минувшая судьба… К юбилею А. Е. Леонтьева. М., 2018. С. 62–72.

Беляев Л. А., Зыков П. Л., Иоаннисян О. М., Сиренов А. В. Погребение Александра Невского во Владимире: археология почитания // Исторический вестник. 2021. Т. 35 (182). С. 76–107.

Макаров Н. А. Топография погребений в древнерусских храмах XI–XIII вв. // Тезисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии (София, 1980). М., 1981. С. 71–73.

Макаров Н. А., Беляев Л. А., Курмановский В. С. Белокаменные саркофаги и надгробия некрополя Чудова монастыря из раскопок в Московском Кремле 2015–2017 гг. // Российская археология. 2019. № 2. С. 117–133.

Панова Т. Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М., 2004.

Усачев А. С. Владимирский Рождественский монастырь и почитание Александра Невского в России XVI в. // Исторический вестник. 2021. Т. 35 (182). С. 109–128.

Leonid A. Belyaev
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Oleg M. Ioannisyan
The State Hermitage Museum, Saint Petersburg, Russia
Peter L. Zikov
The State Hermitage Museum, Saint Petersburg, Russia

SARCOPHAGI OF THE 12TH – 13TH CENTURIES IN THE MONASTERY OF THE NATIVITY OF THE VIRGIN IN VLADIMIR: TOPOGRAPHY AND STRATIGRAPHY

The article contains materials on the history of necropolis in and around the principal church of Monastery of Nativity of the Virgin where Prince Alexander Nevsky was buried in 1263. The information was obtained during the excavation (1997–2000) of the catholicon remnants (the church was built in 1198, its gallery was rebuilt completely of bricks in the 17th century; demolished in 1930). Numerous sarcophagi and tombs made of white stone were discovered. The article presents a general map of the sarcophagi and the description of those yielded by the northern and western parts of the gallery.

Keywords: monastic archaeology, a cemetery, a tomb, burial, Prince Alexander Nevsky, Middle Ages

I. АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ: ЛИЧНОСТЬ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ЭПОХА

О. Ф. Кудрявцев
Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России, Москва, Россия

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И КАТОЛИЧЕСКИЙ ЗАПАД

В статье рассматриваются планы папства обратить Александра Невского в католичество и использовать его не только для противодействия угрозе нового нашествия с Востока, но и для решения затянувшегося конфликта с Империей. Рассматривается в этой связи, что́ конкретно могло содержаться в отповеди Александра Невского папским посланцам.

Ключевые слова: Александр Невский, папство, Иннокентий IV, Фридрих II, Салимбене де Адам, Иоанн да Плано Карпини, монголы

Экспансия католического Запада в восточном направлении, с которой столкнулся Александр Невский, осуществлялась в разных формах. Хорошо известно об отражении им прямой военной агрессии шведов и ливонских рыцарей, посягнувших на земли Северо-Западной Руси. Но были и попытки «мирной», политико-дипломатической аннексии оставшихся не завоеванными монголами русских земель, и ей также успешно противостоял русский князь, которому вместе с подданными предлагалось перейти в католичество и полностью подчинить себя политике папства.

Встревоженный сообщениями о готовящемся монголами новом походе на Запад и угрозами лично ему их повелителя, папа римский Иннокентий IV[1] (понтификат июнь 1243 – декабрь 1254 г.) направил в 1247–1253 гг. послания правителям и народам ряда стран Восточной Европы с призывом к солидарным действиям ввиду ясно обозначившейся опасности повторного нашествия с Востока, нацеленного на страны латинского мира, в первую очередь на Венгрию, Польшу, земли крестоносцев в Прибалтике[2]. Две такие эпистолы Иннокентий IV адресовал Александру Ярославичу, князю Новгородскому, – от 23 января 1248 г. и от 15 сентября 1248 г.[3] Неизвестно доподлинно, дошли ли эти послания до адресата, а если дошли, то когда, где его застали и кем были вручены. Возникает также вопрос, был ли *письменный* ответ на них (или на одно из них), а если был, то почему, подобно другим иноземным документам, не сохранился

[1] См.: *Салимбене де Адам*. Хроника. М., 2004. С. 226.
[2] См.: *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М., 2002. С. 256–364 (Документы 2–5).
[3] См.: Там же. С. 268–272 (документы 11–12).

в папских архивах, почему нет хотя бы упоминания о нем в нарративных памятниках эпохи? Вопросы, которые остаются без ответа.

Тем не менее важную информацию для понимания того, как складывались отношения князя Александра Ярославича с Западным миром, из них можно извлечь. И она будет небезынтересна, если ее сопоставить с данными источников отечественного и западного происхождения. Очевидным намерением папы, заявленным в этих документах, было, во-первых, привлечь князя Александра Ярославича к союзу против монголов и, во-вторых, побудить его разными увещеваниями и посулами к переходу в католичество, что подразумевало и перемену вероисповедания его подданных. Среди прочего папа во втором послании обращался к нему со следующими словами: «Забудь прошлое, устреми все помыслы к цели более совершенной, дабы, неколебимо и решительно храня верность Церкви… ты взрастил бы цветы сладостные, кои принесут плоды, навеки избавленные от тлена»[4]. В этой витиеватой фразе без должного внимания исследователей остаются будто бы брошенные вскользь маловыразительные и на первый взгляд непонятно для чего сказанные слова «Забудь прошлое» (praeteritorum oblitus). А что, собственно, князь Александр Ярославич в прошлом должен был бы забыть? По-видимому, что-то такое, что было хорошо известно и автору/папе, и адресату/князю и что этот последний мог поставить в несомненную и очевидную вину своему высокому корреспонденту. А такими значимыми, *памятными* для обеих сторон переписки могли быть только события 1240–1242 гг., отражение русским князем на северо-западных границах новгородских владений агрессии шведов и ливонских рыцарей, действия которых он не без основания мог рассматривать и как посягательства на Русь стоявшего за ними папства.

Итак, из цитированных слов папского послания вытекает, что Святой Престол был осведомлен о битвах Александра Ярославича с силами, представлявшими католический, Западный мир, и что он придавал им серьезное значение, считая помехой для установления союзнических отношений с «королем Новгорода», как именовался русский князь во втором послании. Кроме того, из этих же слов можно также заключить: папа понимал, что и Александр Ярославич догадывался, кто стоит за походами шведов и ливонских рыцарей на Русь, – иначе зачем Святому Престолу призывать русского князя к забвению того, к чему, казалось бы, он не имеет отношения или что должно быть неизвестно русскому князю?

В русских памятниках эпохи есть недвусмысленное свидетельство о том, что князь Александр Ярославич отчетливо понимал, каким силам, в конечном счете, он призван был дать отпор. В историографии до последнего времени не задавались простым и невольно возникаю-

[4] Там же. С. 279, 270.

щим вопросом, почему в первоначальной редакции Жития Александра Невского, созданной в первые два десятилетия после его смерти, скорее всего в 1263–1265 гг.[5], захватчиками, с которыми сразился князь в 1240 г. на Неве, названы не шведы: «И бысть сеча велика над *Римляны* (курсив здесь и ниже наш. – *О. К.*), и изби их множество бесчисленно, и самому королю възложи печать на лице острым своим копием»; причем раненный князем Александром их предводитель также представлен как «король части *Римьскыя* от полунощныя страны»[6]. И это не ошибка автора. Это его позиция.

Автор Жития, слышавший о Невской битве от самого Александра Ярославича «и от инех, иже в то время обретошеся в той сечи»[7], должен был знать наверное, что на Неву в 1240 г. пришли, как сказано в Новгородской первой летописи, «свеи в силе велице и мурмане и сумь и емь»[8], то есть вместе со шведами норвежские ратники и воины двух финских племен – суми и еми[9]. Под «Римом», или «великим Римом», он мог иметь в виду только папство[10]; поэтому, именуя шведов и их союзников «римлянами», русский книжник интерпретировал отпор им как борьбу с силами римско-католического мира, если не организованными, то по крайней мере вдохновляемыми на захват православных земель папством[11]. Конечно, такое описание событий 1240 г. отражало их восприятие по прошествии четверти века кругами русского духовенства, близкими к митрополиту Кириллу[12]; однако похоже, что автор Жития, предположительно онах вла-

---

5 См.: *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – начало XX в. М., 1980. Ч. 1. С. 36–39; *Конявская Е. Л.* О Житии Александра Невского // Исторический вестник. 2021. Т. 35 (182). С. 60. Аргументация Ю. К. Бегунова (*Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 60–61), относящего создание Жития Александра Невского к 1282–1283 гг., не представляется убедительной.

6 Житие Александра Невского // Древнерусские княжеские жития / Подгот. текстов, пер. и коммент. В. В. Кускова. М., 2001. С. 195–196, 201–202.

7 Там же. С. 196, 203.

8 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 77.

9 Подробнее см.: *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978. С. 159–160.

10 Ср.: «Некогда же приидоша к нему послы от *папы, из великого Рима* (курсив наш. – *О. К.*)» (Житие Александра Невского. С. 198–199, 206–207).

11 См. также наблюдения: *Соловьев С. М.* Сочинения. М., 1988. Кн. 2. История России с древнейших времен. С. 148–149; *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. С. 195; *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. С. 223; *Leitsch W.* Einige Beobachtungen zum politischen Weltbild Alexandr Nevskijs // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Wiesbaden, 1978. S. 208.

12 *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви… С. 223.

димирского Рождественского монастыря[13], называвший «великого князя Олександра» «господином своим», а себя в двух списках Жития – «домочадцем» князя[14] и, несомненно, из бесед с ним знавший его трактовку шведского нападения 1240 г., именно ее воспроизводил прежде всего, определяя шведов как «римлян».

В посланиях к Александру Ярославичу папа был щедр на обещания. В первом из них Иннокентий IV, не жалея слов, убеждал, чтобы русский князь «матерь Римскую церковь признал и ее понтифику повиновался, а также со рвением поощрял… [своих] подданных к повиновению апостольскому престолу». А «коль скоро пристанешь ты к людям, угодным нам (по-видимому, к братьям Тевтонского ордена, указанным тут же. – *О. К.*), более того – Богу, тебя среди других католических государей особенно почитать, а о возвеличении твоей славы неусыпно радеть будем»[15]. Таким образом, Александру Ярославичу, если бы он согласился вместе со своими подданными признать папское верховенство и отречься от православия в пользу римской церкви, было обещано едва ли не первенствующее положение между монархами католической Европы, в числе коих были короли крупнейших политических образований и император. Конечно, обещание это было прежде всего дипломатической уловкой, впрочем, весьма красноречивой, хорошо показывающей, сколь значительна, масштабна была роль князя Александра Ярославича в международных делах середины XIII в., сколь важно было для папства найти способ подчинить его своей воле.

Хотя, возможно, цитированные выше слова выдают и некий расчет папства на то, чтобы, переманив русского князя на свою сторону, использовать его не только для отражения угрозы с Востока[16], но и для разрешения

---

[13] *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 58–63; *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. С. 182–183.

[14] *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 62.

[15] «Sciturus quod si hoc nostris immo Dei potius beneplacitis te cooptes, te inter cetera catholicos principes reputabimus specialem, et ad tuum incrementum honoris semper diligenti studio intendemus» (*Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь… С. 263–265). Цитированный в тексте русский перевод В. И. Матузовой и Е. Л. Назаровой («…тебя среди других католиков первым почитать, а о возвеличении славы твоей неусыпно радеть будем») уточнен. Ср. перевод Г. Рошко: «…мы выделим тебе особое место среди прочих князей католических…» (*Рошко Г.* Иннокентий и угроза татаро-монгольского нашествия. Послания папы римского Даниилу Галицкому и Александру Невскому // Символ. 1988. № 20. С. 103).

[16] См. подробнее о планах папства вовлечь Александра Невского в антимонгольскую коалицию: *Кудрявцев О. Ф.* Александр Невский и папство // Александр Невский. Государь. Дипломат. Воин. М., 2010. С. 165–170; *Горский А. А.* Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского // Не в силе Бог, но в правде. Святой благоверный князь Александр Невский. М., 2007. С. 275 (1-е изд. статьи

к выгоде для Святого Престола крайне тяжелой ситуации, сложившейся на Западе, между крупнейшими владетелями католического мира. В самом деле, почему папа сулит едва ли не первенствующее положение по сравнению с другими католическими государями князю Александру Ярославичу, малознакомому правителю расположенных на дальних границах известного тогда мира владений, находящихся совсем близко от наводящих ужас на все народы Европы степняков? Разве не было подходящих, достойных кандидатов у себя дома, среди самих католических правителей? Чтобы ответить на эти вопросы, стоит рассмотреть положение, в котором находился папа накануне и в момент составления им посланий на восток Европы, то есть во второй половине 40-х гг. XIII в.

Если характеризовать ситуацию в Европе в целом, то можно сказать, что в схватке не на жизнь, а на смерть сошлись две мощнейшие наднациональные силы – император и папа. Борьба между ними, начало которой восходит к последней трети XI в.[17], приняла особенно ожесточенный характер в правление императора Фридриха II Гогенштауфена (1194–1250 гг.). Несколько раз отлученный папами от церкви (в 1227, 1239, 1245 гг.) и, наконец, в 1245 г. лишенный императорского достоинства на Вселенском соборе в Лионе, Фридрих II в 1247–1248 гг. схватился со сторонниками папы за города Парму и Виттория, о чем подробно рассказывает хронист Салимбене де Адам[18]. Именно в этот момент, когда судьба папства во многом зависела от исхода затянувшейся битвы, а сам римский первосвященник, спасаясь от императора, вместе со своим двором пребывал в городе Лионе, находившемся во владениях французской короны, Иннокентий IV и направил свое первое послание к Александру Ярославичу, обещая русскому князю выдающееся положение перейди он в католичество.

Положение папы было близким к отчаянному, если не отчаянным. В самом деле, Фридрих II, воспитанный папами, призванный в качестве императора быть им верным сподвижником и защитником, стал, наоборот, их главным и смертельным врагом и гонителем. А ведь он считался первым среди католических монархов Европы и являлся одновременно королем германским и сицилийским. На кого, кроме ряда городов севера и центра Италии, давних противников императора, папа мог бы положиться? Только на короля Франции, силы которого были сопоставимы с силами императора. Но вот незадача, французский король Людовик IX

– 1996 г.); *Он же.* Плано Карпини, Александр Невский и планы хана Гуюка // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 3 (77). С. 9–10; *Он же.* Александр Невский как исторический деятель: спорные проблемы // Исторический вестник. 2021. Т. 35 (182). С. 16.

[17] *Hartmann W.* Der Investitur-Streit. München, 2007; *Goez E.* Papsttum und Kaisertum im Mittelalter. Darmstadt, 2009; *Schimmelpfennig B.* Könige und Fürsten, Kaiser und Papst im 12. Jahrhundert. München, 2010.

[18] *Салимбене де Адам.* Хроника. С. 221–224.

собирался в крестовый поход (VII) и, несмотря на уговоры Иннокентия IV, отказывался отложить его до тех пор, пока, по словам хрониста Салимбене, «не будет усмирен Фридрих»[19]. Трудность положения папы усугублялась явственно заявившей о себе новой угрозой с Востока: Салимбене в своей хронике приводит «Послание повелителя татар к папе Иннокентию IV», доставленное папским послом Иоанном да Плано Карпини в Лион в 1247–1248 гг., в котором содержатся откровенные угрозы в адрес Святого Престола, если он не покорится воле татарских владык[20]. И вот в этой ситуации, когда папству, скованному изнурительной борьбой с императором и в то же время в ожидании нового разрушительного нападения степняков с Востока помышляющему о защите от него, нужно было спешно искать союзников, его взоры невольно устремились на дальнюю северо-восточную периферию Европы. Князь Александр Ярославич, похоже, зарекомендовал себя в глазах Святого Престола в качестве серьезной военной и политической силы прежде всего своими победами над шведами и ливонскими рыцарями и, как могли предполагать при папском дворе, умением поладить со степняками. Вполне возможно, Святой Престол имел сильно преувеличенное представление о военных ресурсах русского князя. Как бы то ни было, но очевидно стремление использовать его не только для отражения угрозы с Востока, но и для выгодного папству решения затянувшегося на века спора с Империей. Определенно высказана мысль о том, чтобы сделать главную ставку на русского князя, а это значит – потеснить им императора и других католических государей. Дело было за «малым»: обратить Александра Ярославича и, конечно, его подданных в католичество. К этому настойчиво призывал папа князя в обоих посланиях.

Но в этом вопросе папа натолкнулся на твердый и непоколебимый отказ. О мотивах, коими руководствовался Александр Ярославич, автор этих строк писал в одной из предыдущих своих публикаций[21]. Здесь уместно будет прокомментировать известные слова из Жития Александра Невского о его ответе папским посланцам.

Однажды, повествуется в Житии Александра Невского, пришли «к нему послы от папы, из великого Рима», «от двоюнадесят кардиналу два хытреша» Агалд и Гемонт, дабы сообщить князю «учения их о законе Божии»[22]. Имена эти в других источниках не встречаются, и есть сомнение в том, точно ли послы были кардиналами[23]. О посольстве папских легатов сообщает также Новгородская первая летопись, и состоялась оно

[19] Там же. С. 229–230.

[20] Там же. С. 225. См. также об этом у Иоанна да Плано Карпини: Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 78–80, 220–221.

[21] *Кудрявцев О. Ф.* Александр Невский и папство. С. 170.

[22] Житие Александра Невского. С. 199, 206.

[23] См.: *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь… С. 329–330.

после возвращения Александра в Новгород (начало 1250 г.)[24], предположительно в 1251 или 1252 г.[25] Вполне возможно, что они передали одно из упомянутых выше папских посланий[26] или сразу оба; но не исключено, что они привезли новое, не сохранившееся обращение папы к князю, имея также поручение вести с ним беседы о вере с несомненной и непременной для папской дипломатии целью – и по этому поводу не может быть сомнений – убедить его перейти в католичество.

По-видимому, состоялись прения о вере, их содержание и ход полностью восстановить невозможно, но итог ясен из ответа Александра. Выработал он его, «здумав с мудреци своими», то есть в совете с доверенными людьми, и представил как послание папе («въсписа к нему»). Текст его, а скорее сокращенный пересказ, приводит Житие, в документах папской канцелярии оно даже не упоминается. Дав суммарный, основанный на Библии обзор развития мировой истории, представленный в виде перечисления ее основных этапов «От Адама … до перваго збора и седмого», то есть до вселенских церковных соборов, Александр далее резко заключал: «… си вся добре сведаем, а от вас учения не приемлем»[27]. Сказал, как отрезал. Даже если предположить, что эти слова – только литературный факт, сформулированы автором Жития, то нет никакого сомнения, что реальное настроение Александра Невского и русского общества относительно введения католичества они отражали вполне.

Итак, итог прений о вере и всей католической миссии ясен. Но что за аргумент привел русский князь, чем, проще говоря, он мотивировал отказ принять католичество? В научной литературе уже указывалось, что сходный с приведенным в Александровом ответе перечень исторических эпох содержится в «Летописце вскоре» и других памятниках литературы Древней Руси, куда попал он, скорее всего, из малых византийских хроник[28]. Правда, в ответе Александра нет собственно хронологии, исчис-

---

[24] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 305–306 (в летописи цитируется соответствующий фрагмент Жития о посещении папскими послами Александра Невского).

[25] 1252 г. датируют папское посольство Б. Я. Рамм (*Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X–XV веках. М.; Л., 1959. С. 167) и Ф. Б. Шенк (*Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007. С. 45).

[26] Г. Ф. Мюллер (*Müller G. F.* Leben des heiligen Alexandri Newsky. St. Peterburg, 1732. (Sammlung Russischer Geschichte. Bd 1). S. 304) полагает, что посольство передало Александру первое послание папы, А. А. Горский (*Горский А. А.* Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского. С. 277) – второе.

[27] Житие Александра Невского. С. 199, 206.

[28] *Лихачев Д. С.* Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 36–56; *Конявская Е. Л.* Хронологические вехи и подсчеты в тверских памятниках письменности XIV–XV в. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2016. Вып. 9. С. 152–153; *Она же.* О Житии Александра Невского. С. 67; *Пиотровская Е. К.* Ле-

ления эпох по годам, как в более ранних византийско-русских источниках, и акцент сделан на упомянутых в конце вселенских церковных соборах (от первого до седьмого). «Си вся добре сведаем», – говорится в ответе и подразумевается, конечно же, в первую очередь система христианского вероучения, разработанная соборами. Слова же «а от вас учения не приемлем» означали только, что ничего несогласного с определениями соборов русская сторона не примет. Речь могла идти об учении об исхождении Святого Духа, пресловутом «filioque», которое папство самочинно внесло в соборно одобренный Символ веры[29]. Именно решительное неприятие *этого* учения католической церкви должен был содержать в себе ответ Александра Невского папским посланцам, что в конечном счете означало и его отказ от перехода в католичество.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965.

Горский А. А. Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского // Не в силе Бог, но в правде. Святой благоверный князь Александр Невский. М., 2007. С. 272–286. (1-е изд. статьи – 1996 г.)

Горский А. А. Плано Карпини, Александр Невский и планы хана Гуюка // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 3 (77). С. 5–11.

Горский А. А. Александр Невский как исторический деятель: спорные проблемы // Исторический вестник. 2021. Т. 35 (182). С. 10–26.

Житие Александра Невского // Древнерусские княжеские жития / Подгот. текстов, пер. и коммент. В. В. Кускова. М., 2001. С. 194–207, 380–382.

Конявская Е. Л. Хронологические вехи и подсчеты в тверских памятниках письменности XIV–XV вв. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2016. Вып. 9. С. 152–158.

Конявская Е. Л. О Житии Александра Невского // Исторический вестник. 2021. Т. 35 (182). С. 60–74.

Кудрявцев О. Ф. Александр Невский и папство // Александр Невский. Государь. Дипломат. Воин. М., 2010. С. 159–172.

Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – начало XX в. М., 1980. Ч. 1. С. 15–69.

Лихачев Д. С. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 36–56.

тописец вскоре константинопольского патриарха Никифора в славяно-русской письменной традиции. СПб., 2021. С. 70–71.

[29] См.: *Siecienski A. E.* The Filioque: History of a Doctrinal Controversy. Oxford, 2010.

Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М., 2002.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Пиотровская Е. К. Летописец вскоре константинопольского патриарха Никифора в славяно-русской письменной традиции. СПб., 2021.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.

Рамм Б. Я. Папство и Русь в X–XV веках. М.; Л., 1959.

Рошко Г. Иннокентий и угроза татаро-монгольского нашествия. Послания папы римского Даниилу Галицкому и Александру Невскому // Символ. 1988. № 20. С. 92–114.

Салимбене де Адам. Хроника. М., 2004.

Соловьев С. М. Сочинения. М., 1988. Кн. 2. История России с древнейших времен.

Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007.

Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978.

Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007.

Goez E. Papsttum und Kaisertum im Mittelalter. Darmstadt, 2009.

Hartmann W. Der Investitur-Streit. München, 2007.

Leitsch W. Einige Beobachtungen zum politischen Weltbild Alexandr Nevskijs // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Wiesbaden, 1978. S. 202–216.

Müller G. F. Leben des heiligen Alexandri Newsky. St. Peterburg, 1732. (Sammlung Russischer Geschichte. Bd 1).

Schimmelpfennig B. Könige und Fürsten, Kaiser und Papst im 12. Jahrhundert. München, 2010.

Siecienski A. E. The Filioque: History of a Doctrinal Controversy. Oxford, 2010.

Oleg F. Kudryavtsev
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia

ALEXANDER NEVSKY AND THE CATHOLIC WEST

In the paper, the attention is focused on the pope's plans to convert Alexander Nevsky in Catholicism and to exploit him to repulse the new anticipated aggression from the East as well as to solve the long-lasting conflict with the Empire. In this connection the particular contents of Alexander Nevsky's rebuke to pope's envoys is put under investigation.

Keywords: *Alexander Nevsky, the Popes, Innocentius III, Friedrich II, Salimbene de Adam, Ioannes da Plano Carpini, the Mongols*

А. В. Мартынюк
Республиканский институт высшей школы, Минск, Беларусь

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И ВОСТОК: ИСТОКИ «МОЛЧАНИЯ ВЕКА»

В статье рассматривается один из аспектов взаимоотношений князя Александра Невского с монголами, а именно обстоятельства его «большого путешествия» в Орду и ко двору правителей Монгольской империи в 1247–1249 гг. Ставится вопрос о том, что русский князь мог увидеть во время этого путешествия, делается попытка ответить на него с помощью обращения к сочинению Иоанна де Плано Карпини. Выдвигается предположение, что столкновение локального мира Руси и большого мира глобального Средневековья должно было вызвать шок у Александра Невского. Делается переход от проблематики личного восприятия к вопросам ментальности: следы шока от травматических событий монгольского нашествия можно увидеть в специфике восприятия на уси ордынских реалий в XIII–XV вв., а также в общем феномене системного «кризиса Средневековой Руси».
Ключевые слова: Александр Невский, Средневековая Русь, Восток, Золотая Орда, монгольское нашествие, системный кризис, проблемы ментальности, культурные контакты

Александр Невский и Восток: к постановке проблемы

Князь Александр Ярославич, получивший в исторической традиции прозвище Невский, – яркий деятель истории Руси переломного XIII в. и знаковая фигура исторической памяти России. Александру Невскому суждено оставаться в центре внимания профессиональной историографии, историософских осмыслений исторических судеб России и широкого общественного интереса, который, увы, часто сопровождается инструментализацией образа князя в актуальных политических дискуссиях и созданием около- и псевдонаучных мифов о его личности и деятельности[1]. Впрочем, частица «увы», вероятно, является здесь лишней: это неизбежная судьба исторических деятелей, приобретших статус символов национальной памяти.

[1] Анализ подобных мифов, в том числе и применительно к рассматриваемой в данной публикации проблематике взаимоотношений князя с монгольскими завоевателями, см. в недавней статье А. А. Горского: *Горский А. А.* Александр Невский как исторический деятель: спорные проблемы // Исторический вестник. 2021. Т. 35 (182). С. 10–27.

Одной из наиболее сложных тем была и остается проблематика взаимоотношений Александра Невского с монголами[2]. Князь был современником завоевательных походов монголов и установления власти Орды над русскими землями. В его время, а часто и при его непосредственном участии произошли знаковые события, институализировавшие новую систему политических взаимоотношений Руси и Орды: признание князем Ярославом Всеволодовичем (отцом Александра) и иными русскими князьями сюзеренитета хана Батыя в 1243 г., первое «число» (обложение данью) в землях Руси, первые попытки сопротивления власти завоевателей (в Новгороде в 1257 и 1259 гг. и на землях Северо-Восточной Руси в 1262 г.). Во время названных событий в Новгороде в 1257 и 1259 гг. позиция Александра по отношению к Орде проявилась со всей определенностью: князь оказал решительную поддержку монгольским послам, прибывшим за данью, не остановившись перед применением жестких репрессивных мер по отношению к новгородцам[3]. Активные действия Александра по защите западных рубежей Руси, сопровождавшиеся военными победами над шведами, немцами и литовцами, с одной стороны, и его последовательная политика по уклонению от столкновений с монголами, включавшая в себя, при необходимости, и меры по поддержке их власти, с другой, требовали своего осмысления.

Такое осмысление было предложено Г. В. Вернадским, давшим ему яркое афористическое оформление: «Два подвига Александра Невского – подвиг брани на Западе и подвиг смирения на Востоке – имели одну цель: сохранения православия как нравственно-политической силы русского народа. Цель эта была достигнута: возрастание русского православного царства совершилось на почве, уготованной Александром»[4]. В этих словах историка-эмигранта, написанных в 1925 г. в Праге, отчетливо слышится отзвук своего времени: надежда на возрождение России на основе внутренних национальных сил после нового периода тяжелых испытаний. Парадигма «двух подвигов Александра Невского», предложенная Г. В. Вернадским, носит, таким образом, скорее историософский, чем научно-исторический характер. Это не помешало, а может быть, даже и способствовало ее широкому распространению в общественном дискурсе. В той или иной степени на такую постановку вопроса дает ответы и современная историография. В данной статье мы поставим вопрос

[2] См. современный обзор восточной политики Александра Невского; автор характеризует эту политику как «прагматичную» и «соответствующую сложившимся обстоятельствам»: *Маслова С. А.* К оценке восточной политики Александра Невского // Исторический вестник. 2021. Т. 35 (182). С. 44–59.

[3] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 82–83.

[4] *Вернадский Г. В.* Два подвига св. Александра Невского // Евразийский временник. Прага, 1925. Кн. 4. С. 335.

следующим образом: а что, собственно, Александр Невский мог увидеть на современном ему Востоке?

Александр Невский и его «большое путешествие» на Восток

Князь Александр был частым «ездецом» в Орду – одним из самых активных среди русских князей за весь период русско-ордынских взаимоотношений. По подсчетам современного исследователя Ю. В. Селезнева, Александр совершил шесть поездок к монголам и провел в пути и при дворах монгольских правителей в общей сложности четыре с половиной года[5]. Среди этих поездок выделяется большое путешествие в Орду, а затем ко двору правителей Монгольской империи, которое заняло около полутора лет (конец 1247 – 1249 г.). Эти сведения неизбежно будут уточняться, как в своей хронологической части (датировка отдельных поездок, в том числе и названного «большого путешествия»), так и в части уточнения конкретных маршрутов князя (см. публикацию Р. Хауталы в данном сборнике). Однако возможные уточнения не изменят общей картины: четыре с половиной года в пути к монголам и при дворах монгольских ханов – это огромный период в жизни Александра, практически 20 % от времени его самостоятельной политический деятельности в целом (1240–1263 гг.). Даже по формальным критериям поездки к монголам – важнейшая часть биографии Александра Невского. Сам по себе факт таких активных контактов князя с монголами не является удивительным, как уже говорилось выше, именно в это время происходило становление той системы взаимоотношений между Ордой и ее «русским улусом», которой суждено было просуществовать более 200 лет. Интереснее задаться вопросами, что Александр мог увидеть во время таких продолжительных поездок и как это на него повлияло.

У нас есть редкая возможность получить выразительное, почти *визуальное* представление о том, что мог увидеть русский князь на своем пути к центру Монгольской империи. За два года до Александра Невского подобное путешествие совершил папский посланник Иоанн де Плано Карпини. Сведения Плано Карпини хрестоматийны в прямом смысле слова, однако описание пути в глубинах Центральной Азии в меньшей степени привлекало внимание исследователей, чем, например, его свидетельство о бедственном положении Киева после нашествия или рассказ о пребывании при дворах хана Батыя на Волге и великого хана Гуюка в Монголии. Приведем некоторые фрагменты, относящиеся к впечатлениям Плано Карпини от путешествия между ставками этих двух ханов[6].

---

[5] *Селезнев Ю. В.* Картины ордынского ига. Воронеж, 2017. Табл. 7. С. 230–231.

[6] В настоящее время в Институте российской истории РАН готовится новое научное издание сочинения Иоанна де Плано Карпини; в данной статье

[В землях кангитов]: «В этой земле, а также в Комании, мы нашли многочисленные головы и кости мертвых людей, лежащие на земле подобно навозу… Их также истребили Татары и живут в их земле, а те, кто остался, обращены ими в рабов»[7].

[В землях Хорезма]: «В этой земле мы нашли бесчисленные истребленные города, разрушенные крепости и много опустошенных селений… У этой земли был владыка, которого звали Алтисолданус; он был умерщвлен Татарами вместе со всем своим потомством; собственное имя его нам неизвестно»[8].

[В землях найманов]: «Эта земля чрезмерно гориста и холодна, а ровных мест там немного. И эти два народа не занимались земледелием, но, подобно Татарам, жили в шатрах; Татары также их уничтожили. Через эту страну мы ехали много дней»[9].

Отметим, что Иоанн де Плано Карпини двигался чрезвычайно быстро («по всей этой дороге мы продвигались с великой поспешностью»[10]), путь от ставки Батыя на нижней Волге до ставки Гуюка он проделал за период с 7 апреля по 22 июля 1246 г. Не менее этого времени должен был занять и путь князя Александра и его спутников.

Итак, проследовавший по следам папского посланника Александр Невский должен был видеть на своем пути те же картины – останки убитых людей и следы уничтоженных «царств». Эти картины он видел на протяжении путешествия, которое длилось многие месяцы, а в целом, включая пребывания в ставках монгольских правителей, заняло у него полтора года. Следует подчеркнуть совершенно иной масштаб реалий, с которыми столкнулся русский князь на Востоке. Деятельность Александра на Руси протекала в довольно ограниченном пространстве: родные для князя земли Северо-Восточной Руси (Переяславль-Залесский, Владимир и др.), Новгород и Псков, военные столкновения на рубежах русских земель – со шведами в 1240 г., с немцами в 1242 г., с литовцами в 1245 г. Объективно это был сравнительно небольшой, локальный мир. Отправившись в далекое путешествие на Восток, Александр попал из этого *локального мира* Руси в большой мир *глобального Средневековья* (по терминологии современного немецкого медиевиста М. Боргольте) в его конкретно-историческом проявлении – Монгольской империи XIII в. Эта империя не просуществовала долго, но именно в момент путешествия Александра она находилась в зе-

использовано старое издание (Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957), как представляется, интересующая нас информация об обстоятельствах путешествия вряд ли претерпит существенные изменения в новом издании.

7 Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 72.

8 Там же. С. 72–73.

9 Там же. С. 73–74.

10 Там же. С. 74.

ните своего могущества и охватывала огромные пространства Евразии, подчинив себе или сокрушив неведомые (для Александра и выходцев из Руси) народы и царства, руины которых, как уже было указано выше, лежали *буквально* перед глазами путешественников. Контраст от столкновения этих миров был, несомненно, разительным. Особенно резким должен был быть этот контраст в сравнении со скоротечностью военных кампаний монголов на Руси. Еще раз сделаем акцент на хронотопе событий: сам путь Александра к центру империи занимал больше времени, чем, например, поход хана Батыя на земли Северо-Восточной Руси (декабрь 1237 г. – март 1238 г.: от начала вторжения в земли Рязанского княжества и до взятия Торжка), приведший к разгрому родных для Александра земель и установлению над ними власти «царей иноплеменных». Наконец, не забудем величие и блеск двора правителей Монгольской империи, перед которыми, как свидетельствуют наши источники, склонялись цари и князья покоренных народов[11]. Некоторое визуальное представление о дворе монгольских ханов периода расцвета империи можно получить из восточной миниатюры; при взгляде на эти образы становится понятным, почему в позднейшей традиции за Ордой закрепилось наименование «Золотая»[12].

Источники ничего не говорят о внутреннем мире князя Александра Невского или о его реакции на увиденное на Востоке. Но его «большое путешествие» и иные пребывания при дворах монгольских правителей должны были произвести на князя огромное впечатление. Это был совершенно иной мир, по своим масштабам превосходивший все, с чем он сталкивался в своей предыдущей жизни. При всей осторожности в выражениях, считаем возможным говорить о шоке, который Александр Невский и его спутники (и современники в целом) должны были испытать при столкновении с реалиями, выходившими за рамки их понимания и воображения. В сущности, акцентирование вопроса «что мог увидеть Александр во время своего путешествия на Восток?» отвечает (при сопоставлении со сведениями Иоанна де Плано Карпини и иных современных авторов) и на вопрос об основаниях дальнейшей политики Александра Невского по отношению к Орде: безусловное и беспрекословное подчинение власти завоевателей. Столкновение с *таким* противником должно было представляться князю самоубийственным.

---

[11] Иоанн де Плано Карпини пишет о ставке великого хана Гуюка: «Снаружи ограды был Русский Князь Ярослав из Суздаля и несколько вождей Китаев и Солангов, также два сына царя Грузии, также посол калифа Балдахского, который был султаном, и более десяти других султанов Саррацинов, как мы полагаем и как нам говорили управляющие» (Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 75).

[12] *Martyniouk A.* Die Mongolen im Bild. Orientalische, westeuropäische und russische Bildquellen zur Geschichte des Mongolischen Weltreiches und seiner Nachfolgestaaten im 13.–16. Jahrhundert. Hamburg, 2002. S. 27–76. Miniaturen 1, 2, 3, 4, 8, 9, 10.

Против высказанного выше предположения можно выдвинуть возражения, указав, например, на тот факт, что вместе с Александром «большое путешествие» на Восток совершил и его брат Андрей, который впоследствии проявил неподчинение власти Орды, чем вызвал первый карательный поход монголов на русские земли в 1252 г. Однако это возражение представляется нам кажущимся. Во-первых, и Андрей не рискнул оказать вооруженное сопротивление Орде: соответствующее сообщение Лаврентьевской летописи («здума Андрѣи князь Ярославич с своими бояры бѣгати, нежели цесаремъ служити»[13]) говорит не о попытке военного противостояния, а о том, что Андрей отказался «служить» хану Батыю, то есть не поехал по его вызову в Орду[14]. Впоследствии Андрей вернулся из своего вынужденного изгнанничества и «служил цесарям» вместе с другими русскими князьями[15]. Во-вторых, и это более важно, последствия (предполагаемого нами) личного психологического восприятия видны в действиях акторов политического процесса – русских князей второй половины XIII в. Эти действия индивидуальны, но все вместе они дают возможность судить о коллективных представлениях княжеской элиты Руси. В «восточной политике» русских князей этого времени доминирует «линия Александра» (подчинение Орде и уклонение от конфликта с ней), а не «линия Андрея» (попытка сопротивления). Таким образом, позиция князя Александра Невского по отношению к Орде оказалась созвучна общественным настроениям эпохи – и это важный аспект в рамках нашей постановки вопроса.

От конкретики личного восприятия к проблемам ментальности

Можно ли увидеть в рассматриваемой нами теме нечто большее, чем личную реакцию Александра Невского на столкновение с миром Востока? Постараемся ответить на данный вопрос, совершив переход от конкретного события и личности – к сдвигам в общественном сознании[16].

При изучении истории взаимоотношений Руси и Орды в XIII–XV вв. современный исследователь сталкивается с глубоким противоречием между историческим содержанием эпохи (как оно может быть реконструировано из нашей перспективы) и ее обеспеченностью источниками. В этот исторический период Русь была самым тесным образом

[13] ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 473.

[14] *Горский А. А.* Александр Невский как исторический деятель: спорные проблемы. С. 20.

[15] *Селезнев Ю. В.* Картины ордынского ига. Табл. 15. С. 240.

[16] См. удачное применение подобного подхода на материале истории Средневековой Руси: *Горский А. А.* «Всего еси исполнена земля Русская…»: Личности и ментальность русского средневековья. М., 2001.

связана с Ордой и Востоком в целом. Достаточно указать на включенность русских князей в политическую жизнь Орды[17], на деятельность церковной дипломатии и наличие постоянной епископии в Сарае с 1261 г.[18], на сам факт присутствия многочисленных выходцев из Руси в Орде[19], Центральной Монголии[20] и даже в Империи Юань в Китае[21]. Все это предполагает хорошее знакомство на Руси с ордынскими реалиями и ситуацией на Востоке в целом. Тем большее изумление вызывает у современного исследователя факт полного отсутствия следов этого знакомства в русской культуре XIII–XV вв. Сведения летописей кратки и сухи, они укладываются в стереотипные формулы «поехал в Орду, выехал из Орды»; церковная традиция сохранила несколько ханских ярлыков и создала пантеон мучеников; о выходцах из Руси в Орде и восточных странах нам известно из разных источников – но только не из собственно русских. Исключений из этой картины крайне мало: яркий рассказ Галицко-Волынской летописи о пребывании князя Даниила Романовича при дворе хана Батыя («ты уже нашъ же, Тотаринъ»[22]), вопросы сарайского епископа Феогноста об особенностях богослужения для «ходящих людей» (кочевников) и «приходящих от татар, хотящих креститися»[23] – по сути это и все примеры, которые можно назвать; следующим будет знаменитое путешествие Афанасия Никитина, которое уже является провозвестником новой эпохи. Характерно, что названные исключения относятся к середине XIII в., начальному этапу знакомства Руси и Орды. Складывается впечатление, что на Руси начинался процесс культурной рецепции новых реалий, открывшихся на Востоке, но он не получил своего развития, а реакция общественного сознания на эти реалии приняла иное направление.

Глубокие изменения модальности русской культуры, начало которым было положено в XIII в., не остались незамеченными исследователя-

[17] Итогом систематизации, предпринятой Ю. В. Селезневым, стал учет 267 поездок в Орду, которые совершили 109 князей и 3 княгини за период 1242–1445 гг. (*Селезнев Ю. В.* Картины ордынского ига. С. 362).

[18] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 476.

[19] Чрезвычайно ярким примером этого является перечисление Иоанном де Плано Карпини лиц, которые могли свидетельствовать о его пребывании у татар (Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 81–82).

[20] Например, русский мастер «Косма» (Кузьма) и иные «многие русские», встреченные Плано Карпини в ставке Гуюка (Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 78).

[21] Достаточно указать на наличие «русского полка» в гвардии императоров династии Юань, вопрос о котором еще ждет своего исследователя (см.: Золотая Орда в источниках. М., 2009. Т. 3. Китайские и монгольские источники. С. 20, 216).

[22] ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 807.

[23] РИБ. СПб., 1908. Т. 6. Ч. 1. Стб. 136.

ми. В свое время С. М. Соловьев, сравнивая летописание домонгольского и монгольского периодов, писал: «Нет больше живой, драматической формы рассказа, к какой историк привык в южной летописи; в северной летописи действующие лица действуют молча; воюют, мирятся: но ни сами не скажут, ни летописец от себя не прибавит, за что они воюют, вследствие чего мирятся; в городе, на дворе княжеском ничего не слышно, все тихо; все сидят запершись и думают думу про себя; отворяются двери, выходят люди на сцену, делают что-нибудь, но делают молча»[24]. Собственно, классик российской историографии говорит здесь о проблемах ментальности, разумеется, не используя это слово, вошедшее в лексикон историков в XX в.

Подобные изменения в культуре и трансформации в области ментальности, конечно, не могли произойти одномоментно, а должны были занять длительный период времени. Толчком к ним послужили события XIII в. и прежде всего – монгольское нашествие. Английский исследователь Дж. Феннел ввел в научный оборот понятие «кризиса Средневековой Руси»[25]. Под «кризисом» он понимал изменения в политической системе: ослабление княжеской власти, утрату Киевом роли ведущего политического центра, усиление процесса политической дезинтеграции русских земель и т. д. В такой трактовке наблюдения английского историка были приняты научным сообществом и получили дальнейшее развитие в историографии. Однако, на наш взгляд, поднятая Дж. Феннелом проблема значительно шире, а предложенная им парадигма *кризиса Средневековой Руси* позволяет увидеть как *системное явление* изменения, которые затронули многие стороны жизни общества Руси в XIII–XV вв.: политическую, династическую, социально-экономическую, культурную, религиозную и иные[26]. Следует отметить, что кризис – это не только упадок, но и перелом, переходное состояние, поиск новых путей развития общества, время выработки принципиально новых ответов на новые вызовы времени.

В этой связи обратим внимание на два знаменитых памятника, к которым обращаются исследователи в поисках ответа на вопрос, как на Руси осмысливались последствия монгольского нашествия, – «Слово о погибели Русской земли» и слова-проповеди владимирского епископа Серапиона[27]. Обоим памятникам свойственна ярко выраженная трагичность мироощущения, резко контрастирующая с позитивным, оптимистическим восприятием мира в литературе Руси домонгольского времени.

---

[24] *Соловьев С. М.* Сочинения. В 18 книгах. М., 1988. Кн. 2. История России с древнейших времен. Т. 3–4. С. 621.

[25] *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси, 1200–1304. М., 1989.

[26] Подробнее см.: *Мартынюк А. В.* Кризис Средневековой Руси: книга и стоящая за ней проблема // Российские и славянские исследования. Минск, 2016. Вып. 11. С. 263–268.

[27] Тексты памятников см. соответственно: БЛДР. СПб., 1997. Т. 5. С. 90–91, 370–385.

Первый из них, к сожалению, обрывается как раз на том месте, когда пришедшая на Русь беда («болѣзнь крестияном») должна была быть названа по имени. Во втором в качестве обрушившихся на земли Руси бедствий эксплицитно названо нашествие иноплеменников; сами иноплеменники упоминаются неоднократно, но всегда в иносказательной манере («приде на ны языкъ немилостивъ попустившю Богу; и землю нашю пусту створша», «наведе на ны языкъ немилостивъ, языкъ лютъ», «трудъ нашь погании наслѣдоваша, земля наша иноплеменикомъ в достояние бысть» и т. д.). Складывается впечатление, что в ментальном пространстве Руси, пережившей нашествие, формировалось отторжение по отношению к Орде. Епископ Серапион, современник князя Александра Невского, дает нам некоторую возможность представить, как мог выглядеть шок от столкновения с ордынскими реалиями, а также понять, почему знакомство с этими реалиями оставило такой слабый след в русской культуре.

Итак, «молчание века»?

В европейской культурной традиции существует понятие «молчание века». Изначально оно означало отсутствие (реальное или мнимое) сведений об Иисусе Христе в источниках I в. н. э. В настоящее время это понятие стало нарицательным для обозначения ситуации, когда историки не находят в источниках сведений о каком-либо событии или явлении, которые они ожидают найти, исходя из своих представлений о значимости этих событий или явлений в контексте эпохи. В этом смысле понятие «молчание века» может быть применено и к ситуации русско-ордынских взаимоотношений в XIII–XV вв. Политически Русь входила в единую систему (пост)монгольского мира и должна была хорошо знать его[28]. Знать не просто хорошо, а *очень хорошо*, коль скоро правители Орды на протяжении столетий выступали в качестве сюзеренов («царей» в политической терминологии того времени) русских земель, князья которых вели долгую и упорную борьбу за право получить от них ярлык на великое княжение. Однако это знание не нашло своей актуализации в русской культуре: она сформировала «ментальный барьер» по отношению к Востоку и «не увидела» его, а точнее – предпочла «забыть увиденное». Если смотреть на проблему в широкой исторической перспективе, то можно сказать, что рецепция периода владычества «царей иноплеменных» реализовалась в русской культуре в актуализации темы мученичества. Лишь

[28] См. недавнюю обзорную работу, рассматривающую взаимоотношения русских княжеств и татарских ханств именно как систему: *Рахимзянов Б. Р.* Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. СПб., 2016.

начиная с XVI века Русь смогла преодолеть этот «ментальный барьер» и заново начать знакомство с Востоком. Не случайно этот процесс совпал по времени с сокрушением и инкорпорацией иноплеменных «царств» – политических наследников Золотой Орды, а также с прокламацией в 1547 г. собственного Царства, – что стало свидетельством решительного переосмысления Русью своей истории и своего места в мире.

Вернемся к Александру Невскому и его эпохе. Князь был ярким деятелем истории Руси переломного XIII в.; он был одним из тех, кто определял политическую жизнь русских земель, в том числе и прагматику отношений с их новыми сюзеренами – правителями Орды. Основания этой политики могут быть реконструированы, но прямые указания источников на них отсутствуют, как отсутствуют и полноценные следы рецепции в русской культуре новых для нее реалий, открывшихся на Востоке. Истоки этого молчания – в травматических для Руси событиях середины XIII в., запустивших процесс глубокой трансформации и русского общества, и его самосознания.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

БЛДР. СПб., 1997. Т. 5.

Вернадский Г. В. Два подвига св. Александра Невского // Евразийский временник. Прага, 1925. Кн. 4. С. 318–337.

Горский А. А. «Всего еси исполнена земля Русская…»: Личности и ментальность русского средневековья. М., 2001.

Горский А. А. Александр Невский как исторический деятель: спорные проблемы // Исторический вестник. 2021. Т. 35 (182). С. 10–27.

Золотая Орда в источниках. М., 2009. Т. 3. Китайские и монгольские источники.

Мартынюк А. В. Кризис Средневековой Руси: книга и стоящая за ней проблема // Российские и славянские исследования. Минск, 2016. Вып. 11. С. 263–268.

Маслова С. А. К оценке восточной политики Александра Невского // Исторический вестник. 2021. Т. 35 (182). С. 44–59.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

ПСРЛ. М., 1997. Т. 1.

ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.

Рахимзянов Б. Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. СПб., 2016.

РИБ. СПб., 1908. Т. 6. Ч. 1.

Селезнев Ю. В. Картины ордынского ига. Воронеж, 2017.

Соловьев С. М. Сочинения. В 18 книгах. М., 1988. Кн. 2. История России с древнейших времен. Т. 3–4.

Феннел Дж. Кризис средневековой Руси, 1200–1304. М., 1989.

Martyniouk A. Die Mongolen im Bild. Orientalische, westeuropäische und russische Bildquellen zur Geschichte des Mongolischen Weltreiches und seiner Nachfolgestaaten im 13.–16. Jahrhundert. Hamburg, 2002.

Aleksey V. Martyniouk
National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus

ALEXANDER NEVSKY AND THE ORIENT: ORIGINS OF THE "SILENCE OF THE SOURCES"

The article examines one dimension of the relationship between Prince Alexander Nevsky and the Mongols, namely his "big journey" to the Horde and to the court of the overlords of the Mongol Empire in 1247–1249. The author tries to define, what could the Russian prince have seen during his journey. The possible answer is the information contained in the work by Giovanni da Pian del Carpine. The assumption made is that the clash of the Russian local world with the "Global Middle Ages" shocked Alexander Nevsky. The author promotes the paradigm shift from the individual perspective to the issues of mentality. The shock after the traumatic events of the Mongol invasion was expressed in a special manner of perceiving the Mongol realities in Rus from the 13th–15th centuries as well as in the general "crisis of the Medieval Rus".

Keywords: Alexander Nevsky, Medieval Rus, Orient, Golden Horde, Mongol invasion, systemic crisis, issues of mentality, cultural contacts

А. В. Майоров
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

МЕЖДУ НИКЕЕЙ, ЛИОНОМ И КАРАКОРУМОМ: ОРИЕНТИРЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

В ходе контактов с папой Иннокентием IV и его представителями Александр Невский и его отец Ярослав Всеволодович выражали готовность принять латинство и признать власть папы в церковных делах. Эти контакты происходили в условиях более широких экуменических процессов 1240–1250-х гг., руководимых главами Римской и Византийской церквей. Русские князья и иерархи принимали самое активное участие в этих процессах, сохраняя верность Византийской церкви. Монгольская угроза, затронувшая всех христиан Европы и Ближнего Востока, непосредственно способствовала активизации усилий по восстановлению церковного единства.
Ключевые слова: Александр Невский, Ярослав Всеволодович, папа Иннокентий IV, архиепископ Петр, митрополит Кирилл

Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского научного фонда, проект 21-18-00166.

В регестах папы Иннокентия IV до нас дошли копии двух посланий к Александру Невскому, датируемых 23 января и 15 сентября 1248 г. В первом письме папа сообщает об обращении в латинство отца Александра, великого князя Ярослава Всеволодовича, незадолго до его трагической гибели в Каракоруме и призывает его сына последовать этому примеру. Во втором письме папа говорит о готовности к обращению самого Александра, приветствует и хвалит его за это и, в частности, за намерение возвести во Пскове кафедральный собор для латинян[1].

Готовность Александра Невского подчиниться папской власти в корне противоречит его общей репутации последовательного защитника православия. Конечно, столь радикальное изменение политических предпочтений князя, вызывавшее недоумение многих исследователей, требует объяснений. Одно из них уже давно предложено в литературе: князь Александр поддерживал контакты с латинским Западом в надежде получить военную помощь против монголов, которую широко декларировал папа.

[1] См.: *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г.: Тексты, перевод, комментарии. 2-е изд. М.; Самолва, 2020. № 11–12. С. 308–320.

Однако, на мой взгляд, не менее важное влияние на выбор Александра должен был оказать другой фактор, пока еще недооцененный исследователями, а именно церковно-политическое сближение с папством, проводимое властями Никейской империи и выразившееся в переговорах о церковной унии конца 1240-х – начала 1250-х гг., в которых русские князья и иерархи принимали самое активное участие[2].

К сожалению, практически не сохранились русские и греческие источники, способные пролить свет на участие Руси в церковно-союзных переговорах правителей Никеи с папством. Поэтому для нашей реконструкции, предлагаемой ниже, ключевое значение приобретают свидетельства некоторых латинских источников, синхронных описываемым событиям.

26 июня 1243 г. в битве при Кёсе-Даге монголы нанесли сокрушительное поражение главным силам сельджуков, после чего монгольская угроза вплотную подошла к границам Никеи. Император Иоанн III Дука Ватац был вынужден прервать свое успешное наступление на Константинополь, срочно вернуться в Никею и направить все ресурсы на защиту своей страны. К несчастью для Ватаца, его ставка на военный союз с сельджуками не оправдалась. Уже в конце 1243 или в начале 1244 г. правители Румского султаната, а также соседних Киликийской Армении и Трапезундской империи согласились признать себя вассалами монгольского хана. В этих условиях прекращение конфронтации с папством и поиск возможностей для нового сближения с Западом стали жизненной необходимостью для Никеи, правители которой не могли допустить войны на два фронта.

По всей видимости, на рубеже 1243–1244 гг. властями Никеи был разработан план возобновления церковно-союзных переговоров с Римом. На первом этапе переговоров полномочным представителем Никеи стал временный глава Русской митрополии Византийской церкви, архиепископ Петр, известный нам только по латинским источникам, сообщающим о его неожиданном появлении при папском дворе накануне Лионского церковного собора и о последующем выступлении перед делегатами собора[3].

Матвей Парижский, крупнейший английский хронист середины XIII в., представляет Петра как беженца, искавшего спасения от монголов на Западе, и эта версия принимается многими исследователями. Однако Матвей, действительно собравший обширную информацию о Первом

[2] Подробнее см.: *Maiorov A. V.* Ecumenical Processes in the mid-13th Century and the Union between Russia and Rome // Zeitschrift für Kirchengeschichte. 2015. Vol. 126. P. 11–34; *Майоров А. В.* Апостольский Престол, Никейская империя и Русь в экуменических процессах середины XIII в. // Византийский временник. М., 2019. Т. 103. С. 128–152.

[3] См.: *Maiorov A. V.* The Rus Archbishop Peter at the First Council of Lyon // Journal of Ecclesiastical History. 2020. Vol. 71. P. 20–39.

Лионском соборе (май – июнь 1245 г.), иногда получал ее из не вполне надежных источников и в неполном виде. Не имея всей информации о Петре, Матвей не знал, что архиепископ Руси в качестве привилегированного гостя папы выступил на одном из заседаний собора и принял участие в совместном богослужении с папой и кардиналами. Об этом сообщает другой, более информированный английский источник того же времени – Анналы бенедиктинского аббатства в Бертоне, составитель которых имел доступ к королевскому архиву и архивам нескольких епископов, делегатов собора: «Среди прочих прелатов мира на Лионский собор прибыл рутенский архиепископ по имени Петр. По возвращении с собора некоторые участники рассказывали, что он не знал ни латыни, ни греческого, ни иврита, но, тем не менее, через переводчика блестяще объяснил Евангелие перед Святым Отцом [то есть папой]. Специально приглашенный, он участвовал в богослужении вместе со святым отцом и другими прелатами, [как и они] в священных облачениях, но другого вида»[4].

К выводу о «блестящем объяснении» русским архиепископом Евангелия можно было прийти только в результате конкретных вопросов латинских прелатов, имевших целью выяснить, в каком смысле – греко-православном или католическом – толковал Петр наиболее важные евангельские тексты. В свою очередь, такой вопрос мог бы заинтересовать папу и кардиналов, если бы русский архиерей привез в Лион не только новую для Запада информацию о монголах, но и предложение возобновить переговоры о союзе между Римской и Византийской церквами, при условии преодоления существующих разногласий. Не случайно вопрос о восстановлении церковного единства был включен в основную повестку собора, объявленную папой на первом пленарном заседании.

Недавние археографические открытия позволяют более точно определить статус загадочного русского архиепископа и его роль в переговорах с папой. Ныне известно пять средневековых копий свидетельств Петра, записанных, скорее всего, еще до открытия Лионского собора и затем распространенных среди его участников. Особое значение для нас имеет версия, найденная в так называемом Линцском кодексе начала XIV в., который содержит несколько уникальных чтений. В частности, в Линцском кодексе Петр титулуется как архиепископ Белграбский на Руси (Petrus archiepiscopus de Belgrab in Ruscia)[5]. Это, вероятнее всего, означает, что его кафедра находилась в Белгороде под Киевом.

---

[4] Annales monastici. T. 1 / Ed. H. R. Luard // Rerum Britannicorum Medii Aevi Scriptores. London, 1864. T. XXXVI/1. P. 272; русский перевод см.: *Матузова В. И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв. Текст, перевод, комментарий. М., 1979. С. 180.

[5] *Ruotsala A.* Europeans and Mongols in the Middle of the Thirteenth Century. Encountering the Other. Helsinki, 2001. P. 154.

Такое дополнение к титулу русского архиепископа важнее, чем может показаться на первый взгляд. Хотя его происхождение остается неясным, это не может быть случайной ошибкой переписчика или подобным недоразумением. Белгородский епископ играл важную роль в церковном управлении, выступая в качестве наместника киевского митрополита во время длительных поездок последнего за пределы Руси, например в Константинополь. Точно так же белгородский епископ исполнял обязанности предстоятеля в те периоды, когда митрополия оставалась вакантной; с середины XII в. белгородские епископы носили титул архиепископов[6].

После бегства или гибели митрополита Иосифа во время нашествия монголов на Южную Русь (1240 г.) белгородский архиепископ Петр должен был стать временным главой Русской митрополии до официального назначения нового митрополита константинопольским патриархом, пребывавшим тогда в Никее. Поскольку патриаршая кафедра в Никее оставалась вакантной между 1240 и 1243 гг., пребывание Петра в статусе временного главы Русской митрополии затянулось. Интронизация нового патриарха Мануила II (между августом и октябрем 1243 г.), поддержавшего курс на примирение с папством, привела к появлению при папском дворе одного из высокопоставленных иерархов Византийской церкви, архиепископа Петра, передавшего Западу сигнал о готовности властей Никеи к союзу с папством. Титул Петра «archiepiscopus Ruscia», используемый на Западе, соответствовал титулу «ἀρχιεπίσκοπος τῆς μητροπόλεως Ῥωσίας», использовавшемуся в документах Византийской церкви и на печатях киевских митрополитов[7]. Это значит, что Петр прибыл к папе, скорее всего, с официальным документом, подтверждавшим его полномочия и статус.

Получив указание из Никеи начать новый раунд церковно-союзных переговоров с папой, архиепископ Петр, находившийся тогда, вероятно, в Киеве, должен был согласовать свои действия с новым киевским князем Ярославом Всеволодовичем, недавно получившим этот стол по решению Батыя. Исследователями неоднократно высказывались более или менее обоснованные предположения о том, что Петр был лично связан с князем Ярославом и отправился на Запад при его содействии. Осенью 1244 г. Петр достиг Северной Италии, где неожиданно столкнулся с папской курией, покинувшей Рим из-за конфликта с императором Фридрихом II, чтобы перебраться в более безопасный Лион. Петр последовал за папой в его новую резиденцию и провел там следующие полгода, пока не получил

[6] *Назаренко А. В.* Архиепископы в Русской церкви домонгольского времени // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62). С. 71–72.

[7] *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. 3. № 53. С. 341; *Bulgakova V.* Byzantinische Bleisiegel in Osteuropa. Die Funde auf dem Territorium Altrußlands. Wiesbaden, 2004. (Mainzer Veröffentlichungen zur Byzantinistik. 6). Nr. 3.2.3.10. S. 266–267.

возможность выступить на церковном соборе. По возвращении из Лиона он, очевидно, проинформировал князя Ярослава о результатах своей миссии, что, на мой взгляд, предопределило готовность последнего к подчинению Римской церкви, засвидетельствованному в упомянутом выше письме папы к Александру Невскому.

Дело, начатое архиепископом Петром в Лионе, продолжил новый русский митрополит Кирилл, выдвинутый волынскими князьями Даниилом и Васильком Романовичами в противовес архиепископу Петру, ставленнику Ярослава Всеволодовича. По моим расчетам, Кирилл отправился на интронизацию в Никее в начале июня 1246 г.[8] К концу того же года он должен был вернуться на Русь в качестве митрополита. Согласно Галицко-Волынской летописи, по пути в Никею Кирилла сопровождала охрана, предоставленная венгерским королем Белой IV[9]. Будучи союзником и родственником никейского императора, Бела использовал свое влияние, чтобы способствовать утверждению Кирилла как нового митрополита Руси.

Примечательно, что Кирилл, хотя и явно священник, не принадлежал к иерархам Византийской церкви и в ранговом отношении был ниже архиепископа Петра. Прежде чем стать киевским митрополитом, Кирилл, скорее всего, был печатником князя Даниила, то есть главой княжеской канцелярии. Сразу после того, как Даниил вернулся из ставки Батыя ранней весной 1246 г., венгерский король и галицко-волынские князья заключили политическое соглашение, одним из условий которого было содействие венгерского короля в утверждении Кирилла в Никее[10].

Венгерская королева Мария Ласкарина (жена Белы IV и сестра первой жены Ватаца) в конце 1246 г. уведомила папу о своих недавних контактах с никейским императором и готовности последнего начать прямые переговоры с римским понтификом о церковной унии. В своем сохранившемся ответе королеве Марии от 30 января 1247 г. папа с энтузиазмом писал, что ее постоянные усилия привели к тому, что «Ватац и его люди пожелали вернуться в лоно матери церкви, и мы возликовали, услышав об этом, и хвалим тебя за это». Далее папа попросил, чтобы королева продолжила свои усилия и без промедления отправила новых послов к Ватацу[11].

На мой взгляд, слова папы предполагают, что в несохранившемся письме к нему королева Мария сообщила об успешном визите в Никею

---

[8] *Майоров А. В.* «Cum quodam rege Rucsie singelariter in prelio dimicans…»: был ли Даниил Галицкий участником битвы на Лейте? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 4 (66). С. 48–49.

[9] ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 809.

[10] Там же.

[11] Acta Innocentii PP. IV (1243–1254) / Eds. T. T. Haluščynskyj, M. M. Wojnar. Roma, 1962. (Pontificia Commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis. Fontes. Ser. 3. Vol. IV/1). No. 34. P. 77.

нового русского митрополита, получившего подтверждение готовности высших никейских властей продолжить переговоры о церковной унии. Это тем более вероятно, если вспомнить, что на пути в Никею, а значит, и на обратном пути до Венгрии Кирилла сопровождала охрана, предоставленная венгерским королем.

Из папского письма венгерской королеве следует еще одно важное наблюдение: помимо вооруженной охраны Кирилла сопровождали в Никею высокопоставленные венгерские францисканцы во главе с их провинциальным министром Яковом (Jacobo, ministro provinciali). Именно этих францисканцев королева затем отправила с докладом к папе. Эта важная деталь говорит в пользу того, что в конце лета или осенью 1246 г. в Никее не только решалась судьба митрополичьей кафедры в Киеве, но и определялись условия предстоящих церковно-союзных переговоров. Именно францисканцам Иннокентий IV доверял вести переговоры о восстановлении церковного единства с греками и участвовать в богословских дебатах, сопровождавших такие переговоры. Патриарх Мануил мог отдать предпочтение Кириллу перед архиепископом Петром (который в то время, вероятно, также находился в Никее и претендовал на пост митрополита), рассчитывая, что венгерская королевская семья будет помогать своему протеже в дальнейших переговорах с папством. Основанием для таких ожиданий были не только родственные отношения между Ватацем и Белой, чьи супруги были сестрами, но и долговременный политический союз, выразившийся в неоднократных выступлениях Белы в качестве посредника в переговорах Ватаца с папой.

По возвращении митрополита Кирилла из Никеи галицко-волынские князья и епископы уже не имели никаких сомнений насчет будущего союза Византийской и Римской церквей. По словам папского посла к монголам Иоанна Плано Карпини, проезжавшего летом 1247 г. через Волынь на обратном пути в Лион, русские князья после совещания со своими епископами единодушно заявили, что «желают иметь Господина Папу своим преимущественным господином и отцом, а святую Римскую Церковь владычицей и учительницей»[12].

Через некоторое время после возвращения из Никеи митрополит Кирилл перебрался в Северо-Восточную Русь, сблизился с Александром Невским и оставался ближайшим сподвижником князя до конца его жизни. Этот несколько неожиданный выбор Кирилла, ранее тесно связанного с волынскими Романовичами, конкурировавшими с владимиро-суздальскими князьями за власть над Киевом и контроль над Русской митрополией, очевидно, был продиктован решением никейских властей, стремившихся вовлечь в орбиту своих контактов с папством сильнейших

[12] *Giovanni di Pian di Carpine*. Storia dei Mongoli / Eds. E. Menestò et al. Spoleto, 1989. P. 330; *Джиованни дель Плано Карпини*. История монгалов / Пер. А. И. Малеина // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 81.

правителей Руси. С помощью русских князей и иерархов власти Никеи стремились продемонстрировать папству вселенский характер Византийской церкви, сохранившийся, несмотря на утрату Константинополя. Такой мотив звучит в переписке патриарха с папой[13].

Итак, усилиями русских князей, в том числе Ярослава Всеволодовича и Александра Невского, а также русских иерархов – архиепископа Петра и митрополита Кирилла – при содействии венгерской королевской семьи, предпринятыми в 1245–1248 гг., были созданы необходимые предпосылки для проведения церковно-союзных переговоров на высшем уровне.

Такие переговоры начались в 1249 г. с прибытием в Никею делегации францисканцев во главе с генеральным министром ордена Иоанном Пармским, получившим чрезвычайные полномочия от папы. Главным политическим вопросом этих и последующих переговоров было признание греками папского plenitudo potestatis, что было равносильно признанию верховной власти папы над Византийской церковью. В обмен власти Никеи рассчитывали получить гарантированный отказ папы оказывать помощь латинским властям Константинополя, что фактически открывало реальную возможность для быстрого возвращения его под власть греков[14].

Для объединения церквей требовалось преодоление давних разногласий, которым обе стороны стремились придать догматический характер. Главными из них оставались различное отношение к филиокве и литургическому использованию квасного хлеба. В начале 1250 г. под эгидой никейского императора и патриарха в Нимфее был проведен церковный собор, в котором также участвовали полномочные представители папы и некоторых восточных патриархов. Для дальнейших переговоров в мае 1250 г. в Лион было направлено ответное посольство Никеи, состоявшее из высших сановников и иерархов. Послы доставили папе письмо патриарха Мануила с предложением передать все спорные вопросы, не решенные в Нимфее, на рассмотрение будущего Вселенского собора с участием всех христианских церквей, который должен был созвать папа[15].

Сегодня мы не располагаем сведениями об участии в этих переговорах русских иерархов или других представителей. До некоторой степени это может быть объяснено утратой основного источника наших сведений об экуменических процессах середины XIII в., а именно регестов седьмого года понтификата Иннокентия IV, содержавших документы второй по-

[13] См.: Acta Honorii III (1216–1227) et Gregorii IX (1227–1241) / Ed. A. L. Tàutu. Rome, 1950. (Pontificia Commissio ad Redigendum Codicem Iuris Canonici Orientalis. Fontes. Ser. 3. T. III). No. 179b. P. 251.

[14] Подробнее см.: *Gill J.* Byzantium and the Papacy, 1198–1400. New Brunswick, NJ, 1979. P. 88–95; *Franchi A.* La svolta politico-ecclesiastica tra Roma e Bisanzio (1249–1254). La legatione di Giovanni da Parma. II ruolo di Federico II. Rome, 1981; *Chrissis N. G.* Crusading in Frankish Greece: A Study of Byzantine-Western Relations and Attitudes, 1204–1282. Turnhout, 2012. P. 158–165.

[15] Acta Innocentii PP. IV (1243–1254). Appendix. P. 195–199.

ловины 1249 – первой половины 1250 г. Однако, как мы покажем ниже, на Руси внимательно следили за этими процессами и были в курсе важнейших договоренностей Никеи с папством.

Смерть главного врага папы императора Фридриха II 13 декабря 1250 г. привела к радикальному изменению расстановки политических сил в Европе и, в частности, оказала драматическое влияние на предполагаемый союз Византийской и Римской церквей. В лице Фридриха Ватац потерял своего главного союзника на Западе, чье влияние делало папу более уступчивым на переговорах с греками.

Поздней осенью 1251 г. переговоры о церковной унии продолжились в Перудже, где, возвращаясь из Лиона в Рим, остановился Иннокентий IV. К сожалению, никаких записей, фиксирующих ход переговоров, не сохранилось. Однако документ, найденный в переписке папы Александра IV, может пролить некоторый свет на содержание дебатов. Этот документ, иногда именуемый «Capitula»[16], представляет собой исходивший от греческой стороны список конкретных условий объединения церквей, состоявший из девяти пунктов. В первых восьми пунктах содержались обязательства Византийской церкви в отношении папского первенства: послушание папе, признание за ним прав высшей апелляционной инстанции, почетное место понтифика в любом церковном совете и др. Взамен греки добивались только одного (пункт 9) – полного восстановления своего суверенитета над Константинополем: никейский император и патриарх должны были вернуться в город, а латинский император и патриарх – покинуть его[17].

Однако теперь на переговорах с греками Иннокентий IV занял более жесткую позицию, прежде всего, по главному для них вопросу – о судьбе Константинополя. Папа ясно дал понять, что он не в праве отстранить от власти законного латинского императора Балдуина II, поскольку тот не совершил никакого преступления и не имеет никакой вины перед церковью[18]. В результате уже в конце 1251 или в начале 1252 г. послы Ватаца вернулись в Никею с пустыми руками.

Провал союзных переговоров в Перудже, похоже, вызвал соответствующий отклик на Руси. В Галицко-Волынской летописи сообщается, что Даниил Романович отказался принять церковную унию и королевский венец от папы, когда этот венец доставил к князю некий епископ

[16] О датировке документа см.: *Chrissis N. G.* Crusading in Frankish Greece… P. 164; *Brubaker J. D.* Religion and Diplomacy. The Role of the Disputatio in Byzantine-Latin Relations after 1204. PhD Thesis. Birmingham, 2016. P. 343.

[17] См.: Acta Alexandri PP. IV (1254–1261) / Eds. T. T. Haluščynskyj, M. M. Wojnar. Roma, 1966. (Pontificia Commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis. Fontes. Ser. 3. Vol. IV/2). No. 28. P. 39–40; см. также: *Franchi A.* La svolta politico-ecclesiastica tra Roma e Bizanzio (1249–1254) … P. 83–87, 194–199.

[18] Acta Alexandri PP. IV (1254–1261). No. 28. P. 40–41; см. также: *Gill J.* Byzantium and the Papacy, 1198–1400. P. 94–95; *Chrissis N. G.* Crusading in Frankish Greece… P. 165.

(или епископы) Береньский и Каменецкий[19]. Поскольку Даниил мотивировал тогда свой отказ отсутствием помощи со стороны папы ввиду нового обострения отношений с монголами, это событие можно датировать 1252 г. и связывать с нападением на Галицкую землю Куремсы (Курумиши). И вновь в ситуацию должен был вмешаться венгерский король Бела IV. В письме к папе, датируемом 10 мая 1253 г., он подчеркивал свои заслуги в «возвращении рутенов к послушанию Апостольскому престолу» и уведомлял о том, что «их послы либо уже прибыли, либо с почтением подойдут к Вам в ближайшее время»[20].

В Житии Александра Невского, древнейшая редакция которого возникла уже во второй половине XIII в., сообщается о богословском диспуте, состоявшемся под эгидой князя Александра с участием присланных папой кардиналов Галда и Гемонта. В большинстве редакций и списков Жития сообщение об этом событии помещено сразу после описания так называемой Неврюевой рати, датируемой 1252 г. Русский князь и епископы решительно отвергли латинское вероучение, и папские послы отправились назад ни с чем[21].

Приход к власти нового монгольского императора Менгу, развернувшего две крупные завоевательные кампании – в Южном Китае и на Ближнем Востоке, способствовал новому сближению Никеи с Римом и привел к еще одному раунду союзных переговоров в 1253–1254 гг. Весной 1254 г. послы никейского императора и патриарха, на несколько месяцев задержанные по пути в Рим германским королем Конрадом, вновь прибыли к папе. О новых переговорах, происходивших в Ананьи, известно только по краткому упоминанию в официальном жизнеописании Иннокентия IV, составленном его капелланом Николо да Кальви (Николай де Карбио)[22]. И на этот раз стороны не пришли ни к какому определенному решению. Вскоре переговоры были и вовсе остановлены из-за смерти их главных участников в конце 1254 г., сначала Ватаца (ноябрь), а затем и Иннокентия (декабрь).

Тем не менее этот последний раунд сближения Никеи с папством также вызвал свой отклик на Руси. Из сообщения Галицко-Волынской летописи следует, что на рубеже 1253–1254 гг. Даниил Романович после долгих сомнений и колебаний согласился на церковную унию с Римом,

---

[19] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 826–827.

[20] Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia / Ed. A. Theiner. Rome, 1859. T. 1. No. 441. P. 233.

[21] Житие Александра Невского. Первая редакция, 1280-е годы / Реконструкция текста Ю. К. Бегунова // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 194.

[22] См.: *Nicolaus de Carbio*. Vita Innocentii IV / Ed. J. Pagnotti // Archivio della regia Società Romana di storia patria. 1898. T. 21. P. 112, 114; см. также: *Gill J.* Byzantium and the Papacy, 1198–1400. P. 92; *Franchi A.* La svolta politico-ecclesiastica tra Roma e Bisanzio (1249–1254) … P. 234–239.

за что был коронован папским посланником в качестве короля Руси. Летопись специально оговаривает, что этот нелегкий выбор Даниил сделал, поддавшись на уговоры своей матери, византийской принцессы, которая происходила из семьи Ангелов, царствовавшей в Константинополе на рубеже XII–XIII вв.[23]

Кроме того, в летописи подчеркивается, что Даниил принял королевский венец не только от папы, но и «от всех епископов своих», и главным доводом в пользу унии с Римом для русского князя стали надежные сведения о том, что «Иннокентий предавал проклятью тех, кто хулил православную греческую веру, и хотел собрать собор об истинной вере, о воссоединении церквей»[24]. Как видим, сведения, которыми располагал Даниил, полностью соответствовали недавним договоренностям с папством властей Никеи.

Однако после того, как новый никейский император Феодор II Ласкарис окончательно порвал с Римом и взял курс на отвоевание Константинополя с помощью военной силы (осень 1256 г.), Даниил Романович также разорвал свои отношения с папством, отказавшись от всех взятых ранее обязательств. В письме от 13 февраля 1257 г. папа Александр IV сурово порицал Даниила за его отступничество: «забыв как про духовные, так и про светские благодеяния церкви, ты проявил неуважение к благодати, пренебрег религией, нарушив данную тобою клятву, не сдержал того, что обещал в отношении покорности этой церкви и упомянутого соблюдения веры с опасностью для своей души, ущербом для веры, небрежением для названной церкви и отступничеством от Иисуса Христа»[25].

Таким образом, с точки зрения отношений с папством Александр Невский и Даниил Галицкий прошли примерно один и тот же путь. Оставаясь верными Византийской церкви и поддерживая союз с правителями Никеи, они готовы были идти на сближение с Римом лишь постольку, поскольку к такому сближению были готовы император и патриарх. Единство позиций было обусловлено общностью политических и духовных интересов, главными из которых оставались объединение усилий всего христианского мира перед лицом монгольской агрессии и возвращение грекам Константинополя – важнейшей святыни и оплота православия.

[23] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 827; см. также: *Maiorov A. V.* The Daughter of a Byzantine Emperor – the Wife of a Galician-Volhynian Prince // Byzantinoslavica. 2014. Vol. 72. P. 188–233; *Idem*. The Alliance between Byzantium and Rus' before the Conquest of Constantinople by the Crusaders in 1204 // Russian History. 2015. Vol. 42. P. 272–303.

[24] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 827.

[25] Acta Alexandri PP. IV (1254–1261). No. 31. P. 65–67.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов / Пер. А. И. Малеина // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.

Житие Александра Невского. Первая редакция, 1280-е годы / Реконструкция текста Ю. К. Бегунова // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 190–195.

Майоров А. В. «Cum quodam rege Rucsie singelariter in prelio dimicans… »: был ли Даниил Галицкий участником битвы на Лейте? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 4 (66). С. 35–51.

Майоров А. В. Апостольский Престол, Никейская империя и Русь в экуменических процессах середины XIII в. // Византийский временник. М., 2019. Т. 103. С. 128–152.

Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. Текст, перевод, комментарий. М., 1979.

Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г.: Тексты, перевод, комментарии. 2-е изд. М.; Самолва, 2020.

Назаренко А. В. Архиепископы в Русской церкви домонгольского времени // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62). С. 67–76.

ПСРЛ. М., 1998. Т. 2.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. 3.

Acta Alexandri PP. IV (1254–1261) / Eds. T. T. Haluščynskyj, M. M. Wojnar. Roma, 1966. (Pontificia Commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis. Fontes. Ser. 3. Vol. IV/2).

Acta Honorii III (1216–1227) et Gregorii IX (1227–1241) / Ed. A. L. Tàutu. Rome, 1950. (Pontificia Commissio ad Redigendum Codicem Iuris Canonici Orientalis. Fontes. Ser. 3. T. III).

Acta Innocentii PP. IV (1243–1254) / Eds. T. T. Haluščynskyj, M. M. Wojnar. Roma, 1962. (Pontificia Commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis. Fontes. Ser. 3. Vol. IV/1).

Annales monastici. T. 1 / Ed. H. R. Luard // Rerum Britannicorum Medii Aevi Scriptores. London, 1864. T. XXXVI/1.

Brubaker J. D. Religion and Diplomacy. The Role of the Disputatio in Byzantine-Latin Relations after 1204. PhD Thesis. Birmingham, 2016.

Bulgakova V. Byzantinische Bleisiegel in Osteuropa. Die Funde auf dem Territorium Altrußlands. Wiesbaden, 2004. (Mainzer Veröffentlichungen zur Byzantinistik. 6).

Chrissis N. G. Crusading in Frankish Greece: A Study of Byzantine-Western Relations and Attitudes, 1204–1282. Turnhout, 2012.

Franchi A. La svolta politico-ecclesiastica tra Roma e Bisanzio (1249–1254). La legatione di Giovanni da Parma. II ruolo di Federico II. Rome, 1981.

Gill J. Byzantium and the Papacy, 1198–1400. New Brunswick, NJ, 1979.

Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli / Eds. E. Menestò et al. Spoleto, 1989.

Maiorov A. V. The Daughter of a Byzantine Emperor – the Wife of a Galician-Volhynian Prince // Byzantinoslavica. 2014. Vol. 72. P. 188–233.

Maiorov A. V. Ecumenical Processes in the mid-13th Century and the Union between Russia and Rome // Zeitschrift für Kirchengeschichte. 2015. Vol. 126. P. 11–34.

Maiorov A. V. The Alliance between Byzantium and Rus' before the Conquest of Constantinople by the Crusaders in 1204 // Russian History. 2015. Vol. 42. P. 272–303.

Maiorov A. V. The Rus Archbishop Peter at the First Council of Lyon // Journal of Ecclesiastical History. 2020. Vol. 71. P. 20–39.

Nicolaus de Carbio. Vita Innocentii IV / Ed. J. Pagnotti // Archivio della regia Società Romana di storia patria. 1898. T. 21. P. 7–120.

Ruotsala A. Europeans and Mongols in the Middle of the Thirteenth Century. Encountering the Other. Helsinki, 2001.

Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia / Ed. A. Theiner. Rome, 1859. T. 1.

Alexander V. Maiorov
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

BETWEEN NICAEA, LYON AND KARAKORUM: THE FOREIGN POLICY GUIDELINES OF ALEXANDER NEVSKY

In the course of contacts with Pope Innocent IV and his representatives, Alexander Nevsky and his father Yaroslav Vsevolodovich expressed their readiness to accept Catholicism and recognize the papal power in church affairs. These contacts took place in the context of the broader ecumenical processes of the 1240s – 1250s, led by the heads of the Roman and Byzantine Churches. Rus princes and hierarchs took an active part in these processes, remaining faithful to the Byzantine Church. The Mongol threat, which affected all Christians in Europe and the Middle East, directly contributed to the intensification of efforts to restore church unity.
Keywords: Alexander Nevsky, Yaroslav Vsevolodovich, Pope Innocent IV, Archbishop Peter, Metropolitan Kirill

Г. Ленхофф
Калифорнийский университет, Лос-Анджелес, США

ДОГОВОР АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО С НЕМЕЦКИМИ КУПЦАМИ (1259–1263) И ИНТЕРЕСЫ МОНГОЛЬСКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ РУСИ

Новгородский торговый договор с немцами, заключенный от имени Александра Невского, и целый ряд документированных фактов вызывают вопросы о политике князя в последние годы его правления: стоял ли Александр Ярославич перед выбором между подчинением либо западным экспансионистам, либо монгольским завоевателям, как это часто изображают историки, или же, подобно другим русским князьям той эпохи, он выступил посредником между обеими сторонами для извлечения взаимной выгоды?
Ключевые слова: Александр Невский, Менгу-Тимур, торговля с немцами, западная политика Орды.

В княжение Александра Невского Новгород заключил недатированный договор о мире и торговле с немецкими купцами. Договор был заключен от имени Александра Ярославича, его сына Дмитрия, посадника Михаила, тысяцкого Жирослава и всех новгородцев с послами города Любека, Готского берега и немецкого купечества. Оригинал не сохранился. Копия договора была переписана и скреплена буллой князя Ярослава Ярославича[1]. На обратной стороне того же пергаменного листа тем же почерком переписан первый дошедший до нас новгородский торговый договор, заключенный при Ярославе Владимировиче в 1191–1192 гг.[2]

Русские источники не называют повод к составлению договора. В письме от июня 1259 г. имеется указание о прекращении торгового сообщения с Новгородом. В ответ на жалобу города Любека о «несправедливости и насилии» («injuria et violencia») против иностранных купцов в Новгороде представитель города Ревеля – важного торгового пункта на Балтике – подтвердил готовность защищать интересы немецкого ку-

[1] ГВНП. М.; Л., 1949. С. 56–57. № 29. Уточненную датировку грамоты см.: *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 82–83. О печатях на грамоте см.: *Клейненберг И. Э.* Договор Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1262–1263 гг. (по данным отчета послов немецкого купечества 1292 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Вып. 7. С. 118–126. Подробнее о немецких послах от Любека Тидрике (Dietrich) и Готского берега Олъстене (Oasten, Olsten, Holmsteinn) см.: *Goetz L. K.* Deutsch-Russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916. S. 74.

[2] ГВНП. С. 55–56. № 28. Уточненную датировку соглашения см.: *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. … С. 81.

печества во всех делах[3]. Большинство историков считают, что соглашение было заключено Александром Невским, но ряд событий задержал ратификацию грамоты до вокняжения Ярослава Ярославича (1265–1272 гг.). Среди них – победа Дмитрия Александровича под Юрьевом (1262 г.), вынужденный отъезд в Орду (1262 г.), болезнь и смерть Александра Ярославича (14 декабря 1263 г.), изгнание его наследника Дмитрия Александровича с новгородского стола (1264 г.)[4]. Впрочем, из-за пробелов в документах конкретных данных в пользу этих мнений нет.

До сих пор грамота изучалась в контексте торговых отношений Новгорода с Западом. Соглашение с немцами о коммерции не обсуждается в дискуссиях о внешнеполитических деяниях Александра Невского[5]. Торговая политика также остается за рамками споров об отношениях Александра Ярославича с монгольскими завоевателями[6]. Между тем совокупность фактов свидетельствует о возможной связи между договором Александра Невского с немецкими купцами и интересами Орды.

Начнем с короткого обзора важнейших статей договора. Первая статья обеспечивает свободную торговлю «без пакости» немецким и готским купцам в Новгороде и новгородским купцам на Готланде. Вторая статья обязывает новгородских купцов отложить свои весы (пуд) и пользоваться немецкими весами (скалвой, Schale). Третья статья подтверждает оплату штрафа немцам за «тяжу» (насилие, ссору, конфликт с возможной дракой) по 10 гривен серебра «за двѣ голове». Сопоставление текста с древнейшей грамотой и русским правом того времени позволило Л. К. Гётцу предположить, что, скорее всего, Новгород заплатил штраф за двух разыскивавшихся, но не пойманных убийц и выдал третьего. Не исключено альтернативное толкование статьи: что двое убийц заплатили штраф и выдали третьего убийцу, который не смог заплатить[7]. Четвертая статья обязывает немецких

---

[3] Hansisches Urkundenbuch / Bearbeitet von Konstantin Höhlbaum. Halle, 1876. Bd 1. S. 186. № 527. Подробнее см.: *Goetz L. K.* Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters. S. 74–75.

[4] См., например: *Рыбина Е. А.* Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М., 1986. С. 27–30, 33–34; *Она же.* О двух древнейших торговых договорах Новгорода // НИС. Л., 1989. Вып. 3 (13). С. 43–50; *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. … С. 82–84.

[5] Обзор мнений см.: *Горский А. А.* Александр Невский как исторический деятель: спорные проблемы // Исторический вестник. 2021. Т. 35 (182). С. 1–18. О политике русских князей и протоколах в более поздних переговорах с Ганзой см.: *Лукин П. В., Полехов С. В.* Латинское послание о Новгородско-Ганзейских переговорах 1292 г. // Древнейшие государства восточной Европы. 2019–2020 гг. М., 2020. С. 353, 357–361, 363–369 (латинское послание с переводом).

[6] Обзор литературы см.: *Маслова С. А.* К оценке восточной политики Александра Невского // Исторический вестник. 2021. Т. 35 (182). С. 46–59.

[7] Ср.: *Бережков М. Н.* О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. СПб., 1879. С. 180. М. Н. Бережков передает «головы» как «убитых».

купцов платить новгородцам пошлину в размере 2 кун за каждый взвешенный товар. Пятая статья гарантирует немцам свободный проезд до острова Котлинга (ныне Кронштадт) и обратно. Шестая статья разрешает немцам торговать в Карелии. Седьмая статья разрешает немецким купцам владеть тремя дворами в Новгороде. Согласно девятой статье, спорные вопросы должны разрешаться там, где они возникнут.

Договор был выгоден обеим сторонам. Жалобы немцев на торговые условия в Новгороде, упомянутые в Ревельском письме, были удовлетворены[8]. По предположению Э. Ф. Боннелла, Александру Невскому, вероятно, удалось расположить к себе часть народа, недовольного его поддержкой монгольских численников[9]. Гипотеза Э. Ф. Боннелла о причине уступок немцам была принята без возражений[10]. Заключение договора с немцами нигде не связывалось с признанием монгольского хана как верховного правителя Новгородской земли. Тем не менее для данного периода достоверные источники свидетельствуют о заинтересованности монголов в торговле, о доступе ордынских чиновников к доходам от новгородской торговли и о вмешательстве Орды в торговые дела в Западной Руси.

Пересмотрим факты, которые говорят в пользу этих трех тезисов по очереди.

Заинтересованность Чингисидов в коммерции давно документирована. В начале XIII в. Чингисхан стал активно искать мирные экономические внешнеторговые связи. Он поддерживал монгольских купцов и гарантировал беспрепятственный проезд иностранным купцам. Кочевые правители стремились расширить торговые связи по Шелковому пути из Китая через Сарай к Черному и Средиземному морям[11]. Торговые пошлины были частью системы монгольских налогов, собираемых на завоеванных территориях[12].

По наблюдению Е. А. Рыбиной, важность балтийской торговли повысилась после крушения торговли с Киевом и северными русскими городами[13]. Ранние акты и летописи подтверждают, что Орда активно бо-

---

[8] См.: *Goetz L. K.* Deutsch-Russische Handelsverträge des Mittelalters. S. 90. По словам Л. К. Гётца: «wie die größere Aktivität im deutsch-russischen Handel also auf deutscher Seite war, so hat im Ganzen unser Vertrag auch die Bedeutung eines Sieges der Deutschen mit ihren Beschwerden über die Russen».

[9] См.: *Bonnell E. F.* Russisch-Liwlandische Chronographie von der Mitte des neunten Jahrhunderts biz zum Jahre 1410. St. Petersburg, 1862. S. 88 (Commentar, Kapitel III).

[10] См., например: *Goetz L. K.* Deutsch-Russische Handelsverträge des Mittelalters. S. 88 («…die Bemerkung von Bonnell ist richtig»).

[11] *Allsen T.* Mongolian Princes and Their Merchant Partners, 1200–1260 // Asia Major. 3rd Series. 1989. Vol. 2. P. 84.

[12] *Smith J. M.* Mongol and Nomadic Taxation // Harvard Journal of Asian Studies. 1970. Vol. 30. P. 59–60.

[13] *Рыбина Е. А.* Археологические очерки истории Новгородской торговли. М., 1978. С. 19–52.

ролась за территорию, влияние и торговые привилегии на Западе с Литвой и Тевтонским орденом.

В 1245 (6753) и 1253 (6761) гг., согласно Новгородской первой летописи, литовцы нападали на Новгородскую землю[14]. В то же время они старались установить контроль над княжествами, расположенными на Западной Двине. В 1258 (6766) г. литовцы и полочане взяли Воищину, южнее Смоленска, а затем успешно атаковали Торжок[15]. Зимой того же года монгольские войска вошли в Литву и повоевали «всю землю литовьскую»[16]. Грамота, датированная периодом между 1264 и 1267 гг., утверждает соглашение между Литвой и Орденом о переходе двинских городов Полоцка и Витебска под протекторат Литвы[17].

В 1257 г. Тевтонский орден получил разрешение от папы Александра IV (1254–1261 гг.) открыто участвовать в торговой деятельности[18]. Активность Ордена внесла дополнительный вклад в нестабильность на водных путях, связывающих Ригу и Новгород, равно как и на западнодвинском пути. В 1268 г. по требованию Ордена Любек и его партнеры прервали торговлю с Новгородом до тех пор, пока не будут гарантированы безопасные условия[19]. В начале апреля 1269 г., при хане Менгу-Тимуре (1266 или 1267 г. до 1281 г.), Новгород завершил переговоры с магистром[20] и Орден разрешил Любеку возобновить торговлю.

Теперь обсудим данные в пользу второго тезиса, что Орда имела доступ к доходам от новгородской торговли. Согласно Новгородской первой летописи, зимой 1257/1258 г. «приѣхаша послы татарьскыи съ Олександромъ… и почаша просити послы десятины, тамгы, и не яшася новгородьци по то, даша дары цесареви, и отпустиша я с миромь»[21].

---

[14] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ). М.; Л., 1950. С. 79 (под 6753 г.), 80 (под 6751 г.).

[15] Там же. С. 82 (под 6766 г.). Подробнее см.: *Lenhoff G., Martin J.* Smolensk After the Mongol Invasions: A Reconstruction // Die Welt der Slaven. München, 2014. Jahrgang 59 (LIX). Heft 1. S. 117–119.

[16] НПЛ. С. 82 (под 6766 г.).

[17] Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. М., 2015. Т. 1. С. 59. № 2.

[18] Preußisches Urkundenbuch. Politische (allgemeine) Abteilung. Königsberg, 1909 (repr. Aalen, 1961). Bd 1. S. 16–17. № 22. Контекст см.: *Rennkamp W.* Studien zum deutsch-russischen Handel bis zum Ende des 13. Jahrhunderts. Nowgorod und Dünagebiet. Bochum, 1977. (Bochumer historische Studien / Mittelalterliche Geschichte. № 2). S. 206.

[19] Liv-Est- und Kurländisches Urkundenbuch nebst Regesten / Herausgegeben von F. G. von Bunge (далее – LUB). Reval, 1853 (rept. Aalen, 1967). Abt. 1. Bd. 1. Sp. 512–513. № 408; Hansisches Urkundenbuch. Bd 1. S. 225–226. № 655, 656. Немецкий проект – см.: LUB. Bd 1. Sp. 517. № 413. Договорная грамота (ранее 1 апреля 1269 г.) опубликована в ГВНП (С. 58–61. № 31).

[20] LUB. Abt. 1 Bd. 1. Sp. 527–528. № 415.

[21] НПЛ. С. 82 (под 6765 г.).

Зимой 1259/1260 г. в Новгороде появились чиновники Беркай, представитель великого хана Мунке, и Касачик, представитель золотоордынского хана Берке, «с женами своими и инѣхъ много» с целью организовать сбор дани[22]. Новгородцы взбунтовались. По просьбе монголов, испугавшихся за свою жизнь, Александр Невский повелел, чтобы их охраняли. Затем князь сопроводил татарское войско по улицам, поддерживая насильственную перепись. После отъезда войска, согласно летописи, Александр Ярославич посадил своего сына Дмитрия на стол как наместника и отъехал во Владимир[23].

Нет прямых данных о сроке пребывания Беркая и Касачика в Новгороде. Источники неоднократно упоминают ордынцев, проживающих на Руси в связи с их служебными должностями[24]. По мнению А. А. Горского, монгольские чиновники, ответственные за сбор дани в Суздальской земле в 1257/1258 г., «скорее всего, постоянно пребывали в Булгаре – ближайшем к Северо-Восточной Руси улусе»[25]. Ярлык, выданный Менгу-Тимуром русскому духовенству в 1267 г., упоминает среди служащих на Руси даньщиков поплужников, таможенников и баскаков[26]. Новгородская первая летопись отмечает, что великий баскак Амраган имел двор во Владимире[27]. Баскак Ахмат, ставленник Ногая, организовал две ремесленные слободы в Курской волости (1283 г.)[28]. Летописные сообщения о баскаке Кутулбуге (ум. 1305 г.) указывают на резиденцию в Ростове[29]. Эти известия, а также сообщение, что Беркай и Касачик приехали в Новгород «с женами», говорят в пользу резиденции (постоянного представительства). Сопо-

[22] Там же. С. 82–83 (под 6767 г.). Датировку см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 271. Об административной принадлежности чиновников см.: *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: историко-географическое исследование. Монголы и Русь: история татарской политики на Руси. 2-е изд. СПб., 2006. С. 223–224; *Allsen T.* Mongol Census Taking in Rus', 1245–1275 // Harvard Ukrainian Studies. 1981. Vol. 5. No. 1. P. 43–44, 48; *Маслова С. А.* Роль центральной администрации в организации монгольской власти на Руси // Исторический вестник. 2018. Т. 25 (172). С. 47–48.

[23] НПЛ. С. 82–83.

[24] ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1. Вып. 2. Стб. 474–475; Л., 1928. Т. 1. Вып. 3. Стб. 524 (под 6770/1262 г.).

[25] *Горский А. А.* Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. 2014. Т. 10 (157). С. 67–68.

[26] Ярлык Менгу-Тимура русскому духовенству (1267 г.) // Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3. С. 467–468.

[27] НПЛ. С. 88 (под 6777/1269/1270 мартовского г.). См.: *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. … С. 148–149.

[28] Ср.: ПСРЛ. М., 2007. Т. 18. С. 79 (Симеоновская летопись) и ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 482 (самый ранний, но дефектный текст). Подробнее см.: *Кучкин В. А.* Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. М., 1996. Вып. 1. С. 5–57.

[29] ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Стб. 528.

ставление летописного сообщения с грамотой показывает, что договор с немцами был заключен после насильственного укрепления монгольской власти в Новгороде, во время наместничества Дмитрия Александровича и от имени великого князя. В то же время нельзя исключить возможность того, что соглашение было заключено в отсутствие Александра Невского[30], но под надзором представителей монгольской власти, ответственных за сбор налогов. Нет информации об осуществлении торговых условий.

Наконец, посмотрим данные в пользу третьего тезиса, что монголы следили за торговлей на Руси и вмешивались в торговые дела. В Устюге, служившем главным узлом для перевоза меха из Новгорода через Ростов на Волгу к Орде, летопись называет «ясащика» Бугу, ответственного за контроль над регулярной доставкой дани[31]. Опасная грамота Ярослава Ярославича рижанам передает указ Менгу-Тимура дать немецким гостям свободный путь по его волости[32]. На вмешательство монголов в торговлю на Западной Двине в 70-е гг. XIII в. при князьях Ростиславичах указывает приписка к спискам E и D смоленского торгового договора Мстислава Давыдовича (1229 г.), в которой ставится условие, чтобы немецкие купцы в Смоленске не останавливались в тех же дворах, что и татары, тоже находящиеся в городе[33]. В списке A, скрепленном печатью князя Феодора Ростиславича Черного[34], эта приписка отсутствует, можно предположить, по требованию упомянутых монгольских чиновников[35].

Представленная совокупность фактов ставит вопросы, касающиеся политики, личности и особого пути Александра Невского в последние годы его княжения. Была ли деятельность Александра Невского дальновидной стратегией в интересах будущего развития Российской земли?

---

[30] Мнение Е. А. Рыбиной, что верная дата заключения договора – 1259–1260 гг., когда Александр Невский находился в Новгороде, не подтверждается (ср.: *Рыбина Е. А.* О двух древнейших торговых договорах Новгорода. С. 49).

[31] ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 30 (список Мациевича, под 6770/1262 г.), 70 (Архангелогородский летописец). О выплате дани мехом и серебром свидетельствует Ипатьевская летопись: ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 835 (под 6765/1257 г.). Подробнее см.: *Martin J.* Treasure of the Land of Darkness: The Fur Trade and Its Significance for Medieval Russia. London; New York, 1986. P. 59–60, 88–89.

[32] ГВНП. С. 57. № 30. «Цесарева грамота» на свободный путь новгородских купцов и торговлю с немцами упоминается в договоре с Ярославом Ярославичем (Там же. С. 12–13. № 3). Л. К. Гётц предполагает, что ханская гарантия послужила поводом для открытия торговли с Новгородом в 1270 г. (*Goetz L. K.* Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922. S. 42–44, 218–219).

[33] Смоленские грамоты XIII–XIV веков / Подгот. к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. М., 1963. С. 39 (с. 159–165, список D), 44–45 (с. 142–145, список E).

[34] См.: *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1928. Вып. 1. С. 22–25.

[35] О союзе князя с Ордой см.: *Ленхофф Г.* Князь Феодор Черный в русской истории и культуре. Исследование и тексты. М.; СПб., 2019. С. 13–40 (гл. 1).

Или он выступил посредником между немцами и Ордой из тех же соображений, что и ростовские и смоленские князья того времени?

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бережков М. Н. О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. СПб., 1879.

Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

ГВНП. М.; Л., 1949.

Горский А. А. Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. 2014. Т. 10 (157). С. 58–79.

Горский А. А. Александр Невский как исторический деятель: спорные проблемы // Исторический вестник. 2021. Т. 35 (182). С. 1–18.

Клейненберг И. Э. Договор Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1262–1263 гг. (по данным отчета послов немецкого купечества 1292 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Вып. 7. С. 118–126.

Кучкин В. А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. М., 1996. Вып. 1. С. 5–57.

Ленхофф Г. Князь Феодор Черный в русской истории и культуре. Исследование и тексты. М.; СПб., 2019.

Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1928. Вып. 1.

Лукин П. В., Полехов С. В. Латинское послание о Новгородско-Ганзейских переговорах 1292 г. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2019–2020 гг. М., 2020. С. 349–372.

Маслова С. А. Роль центральной администрации в организации монгольской власти на Руси // Исторический вестник. 2018. Т. 25 (172). С. 40–57.

Маслова С. А. К оценке восточной политики Александра Невского // Исторический вестник. 2021. Т. 35 (182). С. 46–59.

Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: историко-географическое исследование. Монголы и Русь: история татарской политики на Руси. 2-е изд. СПб., 2006.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. М., 2015. Т. 1.

ПСРЛ. Л., 1926–1928. Т. 1. Вып. 1–3.

ПСРЛ. М., 1998. Т. 2.

ПСРЛ. М., 2007. Т. 18.

ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37.

Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв. М., 1978.

Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М., 1986.

Рыбина Е. А. О двух древнейших торговых договорах Новгорода // НИС. Л., 1989. Вып. 3 (13). С. 43–50.

Смоленские грамоты XIII–XIV веков / Подгот. к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. М., 1963.

Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.

Ярлык Менгу-Тимура русскому духовенству (1267 г.) // Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3. С. 467–468.

Allsen T. Mongol Census Taking in Rus', 1245–1275 // Harvard Ukrainian Studies. 1981. Vol. 5. No. 1. P. 32–53.

Allsen T. Mongolian Princes and Their Merchant Partners, 1200–1260 // Asia Major. 1989. 3rd Series. Vol. 2. P. 83–126.

Bonnell E. F. Russisch-Liwlandische Chronographie von der Mitte des neunten Jahrhunderts bis zum Jahre 1410. St. Petersburg, 1862.

Goetz L. K. Deutsch-Russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916.

Goetz L. K. Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922.

Hansisches Urkundenbuch / Bearbeitet von K. Höhlbaum. Halle, 1876. Bd 1.

Lenhoff G., Martin J. Smolensk After the Mongol Invasions: A Reconstruction // Die Welt der Slaven. München, 2014. Jahrgang 59 (LIX). Heft I. S. 111–136.

Liv-Est- und Kurländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Reval, 1853 (rept. Aalen 1967). Abt. 1. Bd 1.

Martin J. Treasure of the Land of Darkness: The Fur Trade and Its Significance for Medieval Russia. London; New York, 1986.

Preußisches Urkundenbuch. Politische (allgemeine) Abteilung. Königsberg, 1909 (repr. Aalen, 1961). Bd 1.

Rennkamp W. Studien zum deutsch-russischen Handel bis zum Ende des 13. Jahrhunderts. Nowgorod und Dünagebiet. Bochum, 1977. (Bochumer historische Studien / Mittelalterliche Geschichte. № 2).

Smith J. M. Mongol and Nomadic Taxation // Harvard Journal of Asian Studies. 1970. Vol. 30. P. 46–86.

Gail Lenhoff
University of California, Los Angeles, USA

ALEXANDER NEVSKY'S TREATY WITH THE GERMAN MERCHANTS (1259–1263) AND THE INTERESTS OF RUSSIA'S MONGOL LORDS

Novgorod's trade treaty with the Baltic merchants and a cluster of documented facts raise questions about Alexander Nevsky's politics during the last five years of his reign. Was the prince forced to choose between domination by the Catholic West and submission to the Tatar "yoke," as many historians have claimed? Or, like other Rus' princes of that epoch, having reached accommodation with both, did he act as an economic middleman between the Germans and the Mongols, laying the foundation for mutual gain?
Keywords: Alexander Nevsky, Mengu-Timur, Baltic trade, Mongol policies in Western Rus'

А. И. Филюшкин
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

СВ. СОФИЯ И АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ: К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИДЕИ «ГДЕ СОФИЯ, ТАМ И НОВГОРОД»

В статье рассматривается время формирования культа св. Софии как символа Новгорода по формуле: «где святая София, там и Новгород». Учеными отмечено, что формулирование софийского культа, попавшего на страницы летописи, относится к началу XIII в. и связано с фигурой епископа Антония. Несомненна его связь с падением Константинополя в 1204 г. и умалением роли константинопольской св. Софии, функции которой как бы переносились на другие храмы Софии, в том числе новгородский храм. В статье предлагается гипотеза, что развитие культа св. Софии в Новгороде было связано с эпохой Александра Невского и было вызвано обострением военной опасности и необходимости небесного патроната, заступничества за Новгород. Это подтверждается фактом, что интенсивная апелляция к культу св. Софии на страницах новгородского летописания приходится на 1238–1270 гг., затем степень обращения к этой идее существенно снижается. Это подтверждает тезис о книжном характере идеи, ее конструировании при новгородском архиепископском дворе.

Ключевые слова: Александр Невский, Новгород, св. София, новгородское летописание

Статья написана при поддержке РНФ, проект № 21-48-04402:
«Святые и герои: От христианизации к национализму. Символ, Образ, Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)».

Символом Новгорода была знаменитая София, кафедральный собор Новгородской епархии, возведенный в 1045–1050 гг. По выражению А. С. Хорошева, «значение патроната св. Софии для Новгорода известно и общепринято… это привело к тому, что тема культа Софии практически выпала из проблематики исследований. Вероятно, произошло это от подсознательной убежденности в том, что доказывать патронат Софии – значило бы ломиться в открытую дверь. Это в конечном счете привело к неразработанности софийской проблематики и выявлению необходимости ее источниковедческой проработки»[1]. Прежде всего это относится к проблеме времени возникновения культа св. Софии как главного патрона Ве-

[1] *Хорошев А. С.* Софийский патронат по Новгородской первой летописи // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1997. Вып. 11. С. 205.

ликого Новгорода, проблеме создателя этой идеи, ее носителя и адресата. Ответы на эти вопросы не столь очевидны, как кажется на первый взгляд.

Казалось бы, культ св. Софии должен был возникнуть одновременно с ее возведением. Основание собора в литературе обычно рассматривается как часть общерусской программы «трансляции св. Софии», создания в трех главных городах (в Киеве в 1011–1018[2] или 1037 г.[3], Полоцке в 1050-х гг. и Новгороде в 1045–1050 гг.) трех концептуальных реплик Софии Константинопольской, главного храма православного христианства. По мнению П. А. Раппопорта, после этого в крупном церковном строительстве в Древней Руси наступила пауза, поскольку имелась только одна строительная артель, способная воздвигать такие постройки, и она после работы в Новгороде и Полоцке отбыла на юг, в Киев[4]. Более-менее масштабное каменное церковное строительство на Северо-Западе Руси начнется в XII в., с возведения в 1103 г. церкви Благовещения на Городище.

Существовала ли программа «трех Софий», кто ее автор (византийский император, константинопольский патриарх или киевские князья) и в чем она состояла? С одной стороны, мы не располагаем какими-либо текстами, способными ответить на этот вопрос на языке эпохи. Никто и нигде ее не формулировал, во всяком случае, такие сочинения нам неизвестны. С другой стороны, одновременное строительство в одной стране трех храмов, явно копирующих идею главной, константинопольской Софии и тем самым «транслирующих» ее на Русь, – в истории Византийской империи факт беспрецедентный. Софийские храмы в VI–IX вв. были возведены в Болгарии (один в Средеце (дал в XII–XIII вв. новое имя городу – София), другой в Несебре, третий в Охриде). Но их строительство не одномоментно и связано с разными историческими контекстами. Создание древнерусских Софий – единый одновременный акт, причем, как отметил А. И. Комеч, постройки по своему замыслу и масштабам превосходят практикуемое в Византии XI в. церковное строительство. Там в это время строили небольшие храмы[5]. Перед нами заказ древнерус-

---

[2] Долгое время принятая в науке датировка 1037 г. недавно была оспорена украинскими учеными, обосновавшими дату 1011–1018 гг. (Заснування Софійського собору в Києві: проблеми нових датувань. Матеріали круглого столу. Київ, 2010; *Никитенко Н., Корниенко В.* Древнейшие граффити Софии Киевской и время ее создания. Київ, 2012).

[3] Датировка 1037 г. обоснована в обобщающей статье А. Поппе (*Poppe A.* The Building of the Church of St. Sophia in Kiev // Journal of Medieval History. 1981. Vol. 7. P. 15–66), другие аргументы в поддержку этой даты см.: *Асеев Ю. С.* К вопросу о времени основания Киевского Софийского собора // Советская археология. 1980. № 3. С. 128–141.

[4] *Раппопорт П. А.* Древнерусская архитектура. СПб., 1993. С. 40.

[5] *Комеч А. И.* Роль княжеского заказа в построении Софийского собора в Киеве // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 50– 64.

ской княжеской власти, в котором сочетались манифестация величия православия и высокой роли князя и его приближенных, по аналогии с ролью константинопольской Софии в прославлении императора.

Вопрос в том, как этот заказ воспринимался новгородцами и как происходила трансформация образа Софии как манифестации княжеской власти Рюриковичей в символ городской общины Новгорода. Очевидно, что изначально она выступала именно княжеским символом и только потом стала таковым для города и его общины. Большую роль в изменении восприятия Софии населением играла распространявшаяся со временем христианизация, а также, как уже отмечалось В. Л. Яниным и П. В. Лукиным, проведение именно на площадке перед Софией новгородского веча (кроме того, вече проводилось «на торгу» и на Ярославовом дворище у Никольского собора)[6].

Момент, когда собор св. Софии превращается в символ Новгорода, в летописях фиксирован достаточно четко и выражен в знаменитых словах князя Мстислава Мстиславича в статье Новгородской первой летописи (далее – НПЛ) 1216 г.: «къде святая София, ту Новгород, а и в мнозе Бог, и в мале Бог и правда»[7]. С этого момента отождествление св. Софии с идеей Новгорода как общности христиан, объединенных вокруг главного городского храма, часто фигурирует в летописи. Примеры высказываний летописца на тему «Новгород и София» собраны и исчерпывающе проанализированы А. С. Хорошевым[8]. Он считает парадоксальным, что идея «где святая София, там и Новгород», «изомрем за св. Софию», ставшая в XIII–XIV вв. лозунгом противостояния вольного веча и князя (см. НПЛ под 1225, 1259, 1270, 1316, 1398 гг.), была впервые сформулирована не городской общиной, но князем – Мстиславом.

Но в этом нет ничего парадоксального, перед нами христианская универсалия, выражающаяся в декларации связи небесного патрона (в данном случае городского храма) и его паствы. И здесь не так важно, кто выступает паствой: князь и его дружина или горожане. И те, и другие одинаково объединяются под покровом одной патрональной идеи. А. С. Хорошев раскрывает смысл отношений новгородцев и Софии: «Для

---

[6] *Лукин П. В.* Новгородское вече. М., 2014. С. 135–136.

[7] ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 55. Интерпретация фразы «…а и в мнозе Бог, и в мале Бог и правда» прямо указывает на смысл объединения Новгорода (как общины христиан) и св. Софии как символа всеобщей «Премудрости Божьей» как малого с великим в единое целое. Здесь возможная перекличка с библейским текстом: «Но, получив помощь от Бога, я до сего дня стою, свидетельствуя малому и великому, ничего не говоря, кроме того, о чем пророки и Моисей говорили, что это будет» (Деян 26: 22).

[8] *Хорошев А. С.* Софийский патронат по Новгородской первой летописи. С. 205–209; *Он же.* Новгородская Святая София и Псковская Святая Троица по летописным данным (из истории местных патрональных культов) // Mediaevalia Ucrainica: Ментальність та історія ідей. Київ, 1998. Т. 5. С. 5–25.

христианского миропонимания средневекового новгородца истинная духовность – процесс взаимообратный, конкретно подтверждаемый: решимость положить свою голову за святую Софию, пролить кровь за Божье дело реализуется небесным покровительством, осеняющим жизнь новгородцев»[9].

Кто был автором софийской идеи в Новгороде? А. А. Гиппиусом высказано аргументированное предположение, что появление в новгородских летописях этой идеи было связано с деятельностью архиепископа Антония (занимал кафедру в 1210–1218, 1226–1229 гг.)[10]. Антоний известен как автор рассказа о паломничестве в Константинополь, в котором много места уделено описанию Софии Константинопольской и связанных с ней чудес (см. современное научное издание текста А. Журавель)[11]. Каков был характер этой идеи? Вопрос об этом в литературе почти не рассматривался, так как автоматически предполагалось, что ее появление вытекало из задач новгородской государственности, которой нужен был республиканский культ. Но первоначально мы видим эту идею только в летописи, на страницах книжных памятников. Ее нет в ранних агиографических сочинениях, ее следы отсутствуют в визуальных источниках. Распространение культа предполагает определенную популярность имени «София» – между тем софийская топонимика в средневековой Новгородской земле отсутствует полностью, а ономастика скудная – имя София всего несколько раз упоминается в берестяных грамотах, гораздо реже, чем другие имена, и оно здесь, безусловно, связано с христианской мученицей Софьей. Следовательно, происхождение идеи летописное. Перед нами интеллектуальный конструкт, который сперва появился в летописи, а потом был транслирован для новгородцев и уже позже стал их культурным символом и духовной скрепой. Необходимо реконструировать пути и механизмы этой трансляции.

Развитие идеи св. Софии в начале XIII в. учеными связывается со взятием Константинополя крестоносцами в 1204 г. и образованием Никейской империи[12]. Фактически это означало умаление роли констан-

---

[9] *Хорошев А. С.* Софийский патронат по Новгородской первой летописи. С. 207.

[10] *Гиппиус А. А.* Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии // Хорошие дни… Сборник памяти А. С. Хорошева. М., 2009. С. 181–198.

[11] *Jouravel A.* Die Neuausgabe des kniga Palomnik des Antonij von Novgorod // Deutsche Beiträge zum 16. Internationalen Slavistenkongress. Belgrad, 2018. (Die Welt der Slaven. Sammelbände. Bd 63). S. 157–166; *Idem.* Antonij von Novgorod – schlechter Topograph oder „Reliquienpilger"? Über die Notwendigkeit der neuerlichen Lektüre eines vieldiskutierten Textes // Für Seelenheil und Lebensglück. Das byzantinische Pilgerwesen und seine Wurzeln / Hrsg. von Despoina Ariantzi et Ina Eichner. Mainz, 2018. S. 153–162; *Idem.* Die Kniga palomnik des Antonij von Novgorod. Edition, Übersetzung, Kommentar. Wiesbaden, 2019.

[12] *Мусин А. Е.* Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование. СПб., 2010. С. 6–8.

тинопольской Софии в православном мире, что автоматически влекло бы за собой повышение роли оставшихся Софий, в том числе новгородской. В пользу этой точки зрения говорит размещение в тексте НПЛ «Повести о взятии Царьграда фрягами», описывающей, как «погыбе царство богохранимаго Констянтиняграда и земля Грьчьская»[13]. Повышенное внимание летописца к этому сюжету свидетельствует в пользу данной концепции. Однако в таком случае подобные идеи должны были бы прозвучать прежде всего в Киеве и, возможно, в Полоцке. Ведь в 1204 г. статус всех трех Софий еще не был умален. И если молчание источников в случае полоцкой Софии можно еще объяснить их отсутствием, то в киевском летописании софийская тема, если верна идея А. С. Хорошева, должна была бы прозвучать. А ее следов нет.

На наш взгляд, эта концепция в принципе правильна, но нуждается в некоторой хронологической коррекции. Для Новгорода оказалось значимым умаление роли не столько константинопольской Софии, сколько всей системы древнерусских Софий. А это происходит не в 1204 г., а в середине XIII в.: в 1240 г. гибнет киевская София (пострадала при взятии Киева монголами). Полоцк в эти годы попадает в зависимость от литовских князей, то есть выходит из сферы влияния Рюриковичей. Новгородская София в самом деле оказывается единственной, последней и в этом смысле – оплотом, символом для православных (и князей Рюриковичей, и городской общины).

Пространное и эмоционально насыщенное рассуждение летописца о заступничестве за Новгород св. Софии помещено в статье НПЛ младшего извода 1238 г. А. С. Хорошев называет этот фрагмент принципиальным для понимания природы культа Софии, который он трактует в широком смысле, как Церковь, как сверхъестественную субстанцию, как мистическое тело Христа[14]. Данная трактовка кажется слишком расширительной, но несомненно, что 1238 г. выступает этапным в развитии софийского культа.

Город был спасен от нашествия иноплеменных, враг повернул от Игнач-креста, «…за 100 веръст до Новагорода. Новъгород же заступи Бог и святая великая и сборная апостолская церковь святая Софья и святыи Кюрил, и святых правоверных архиепископ молитва и благоверных князеи и преподобьных черноризець иереискаго сбора»[15]. Перед нами новгородская редакция летописного известия о монголо-татарском нашествии. В Лаврентьевской летописи текст другой: «…Нов же город заступи Бог и святаа Богородица, соборнаа и апостольскаа церкви, святыи

[13] ПСРЛ. Т. 3. С. 46–49.

[14] *Хорошев А. С.* Новгородская Святая София и Псковская Святая Троица по летописным данным… С. 14–15.

[15] ПСРЛ. Т. 3. С. 289.

великии преподобный Кирил архиепископ Александрьский»[16]. Здесь явная ошибка летописца, потому что появление имени конкретного святого должно быть связано с датой, когда монголы повернули от Игнач-креста. Дни памяти Кирилла Александрийского – 18 января и 9 июня. Эти дни не подходят: Батый развернул свои войска в марте 1238 г. Речь должна идти о Кирилле Иерусалимском, память которого – 18 марта. Это первый случай в НПЛ, когда небесными покровителями Северо-Запада Руси выступают отцы церкви. Все это указывает, что именно чудесное спасение Новгорода от нашествия монголов в 1238 г. было событием, резко актуализировавшим вопрос о небесных патронах Новгорода.

В этом контексте надо обратить внимание на звучание в летописи софийской темы в связи с историей Александра Невского. Она присутствует в статьях НПЛ, посвященных Невской битве 1240 г. и Ледовому побоищу 1242 г., в Житии Александра Невского. Перед Невской битвой князь Александр молится перед алтарем св. Софии, в молитве цитирует начало 34-го Псалма о божественном заступничестве в борьбе с врагами[17]. Победу над немецкими рыцарями он одерживает также благодаря заступничеству св. Софии и свв. мучеников Бориса и Глеба[18]. Поход Александра на емь в 1256 г. тоже заканчивается победой «…силою честнаго креста и святыя Софеи»[19]. В 1259 г. св. София выступает заступницей перед Божьим гневом, насланным на Новгород за грехи, – «мраз велик по волости». Но «…Господь не хотя места сего святеи Софеи пуста оставити, и отврати ярость свою от нас»[20]. Под 1262 г. при описании осады новгородцами Юрьева Ливонского лозунг сформулирован еще более ярко: «И бяше тверд град Юрьев… но честнаго креста сила и святои Софии всегда низлагает неправду имеющих: тако и сии град, ни во что же твердость та бысть, но помощью Божиею одиным преступлением взят бысть…»[21].

Как мы видим, именно в связи с войнами во времена Александра Невского софийская идея все время фигурирует в НПЛ. София окончательно обретает статус небесного патрона Новгорода, а Новгород становится «местом святой Софии». За эту идею можно и нужно умирать. Особенно ярко это проявляется в летописной статье 1259 г., посвященной возмущению новгородцев монгольским требованием провести перепись населения для уплаты дани. «Число» воспринималось как символ антихристова «исчисления людей» накануне конца света и вызывало резкую реакцию: «…и чернь не хотеша дати числа, но реша: умрем честно за святую Софью и за домы ангельскыя. Тогда издвоишася люди: кто добрых,

[16] ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 522.
[17] ПСРЛ. Т. 3. С. 291.
[18] Там же. С. 296.
[19] Там же. С. 309.
[20] Там же. С. 311.
[21] Там же. С. 83, 312.

тот по святои Софии и по правой вере… рекуще: положим главы свои у святои Софьи»[22].

Представляется, что генезис софийской идеи выглядел следующим образом: в конце XII – начале XIII в. книжники из окружения новгородского архиепископа Антония, возможно, по инициативе самого архиепископа, недавно посетившего Константинополь и св. Софию, стали вносить в летопись упоминания храма Софии как символа небесного покровительства городу и городской православной общине. Можно предположить, что эта идея все чаще поминается на службах в соборе. Она возникает как книжная идея в архиепископском дворе, но через церковные службы получает распространение среди прихожан. К середине XIII в. она оказывается особенно востребованной в нескольких экстремальных для новгородцев ситуациях, связанных с именем Александра Невского: шведском нападении 1240 г., конфликте с Дерптским епископством и Тевтонским орденом 1241–1242 гг., гибели Южной Руси (и киевской Софии) в 1240 г., приходе монголов в Новгород и свершении ими действий, воспринятых населением как антихристовые (перепись 1259 г.). Во всех этих случаях именно софийская идея выступала лозунгом, вокруг которого происходило сплочение новгородцев. Возникнув как продукт книжников-интеллектуалов кружка архиепископа Антония, она получила широкое хождение среди новгородской городской общины и превратилась в ее символ.

Произошло это в середине XIII в., в правление Александра Невского. Как раз к этому времени происходит умаление роли в древнерусском христианском пространстве константинопольской, киевской и полоцкой Софий и новгородская София обретает уникальный характер. Фактор демократичности социального строя вечевого Новгорода способствовал быстрому распространению подобных символических идей, вокруг которых объединялись «мужи новгородские». Идея св. Софии оказалась прочно увязана с Новгородом, «новгородским местом», новгородцами, но не с княжеской властью (князь выступает только как исполнитель воли св. Софии, заступник за Новгород). Это отождествление мы видим в летописной статье 1270 г., рассказывающей о противостоянии князя и новгородского веча («княже, сдумал еси на святую Софью, поеди, аще изъмрем честно за святую Софью, у нас князя нетуть, но Бог и правда и святая Софья, а тебе не хочем»)[23]. А. С. Хорошев справедливо увидел в этой фразе квинтэссенцию новгородской софийской идеологии: «Буквальный смысл фразы: с нами Бог, Закон и Церковь, вполне согласуется с политическими декларациями вечевого государства, идеологи которого неразрывно связали Новгород со Святой Софией»[24].

[22] Там же. С. 82.

[23] Там же. С. 89.

[24] *Хорошев А. С.* Софийский патронат по Новгородской первой летописи. С. 211–212.

Время Александра Невского – период наиболее интенсивной манифестации софийской идеи в НПЛ. После 1270-х гг. на ее страницах количество обращений к софийской теме резко уменьшается. К ней редко, но обращаются при описании военных конфликтов (например, взятие Ландскроны в 1300 г.[25], спасение Новгорода от татарской рати в 1327 г.[26], битва на Жабце поле в 1348 г.[27], нападение литовцев на Новгород в 1381 г.[28]). Также софийский топос распространяется на другие ситуации, связанные с необходимостью небесного заступничества: столкновение новгородцев между собой («ублюде Бог и святая Софея от усобныя рати», 1384 г.[29]), эпидемия («…Божьею же милостью и святыя Софея… преста мор», 1390 г.[30]) и т. д. В статье 1398 г. манифестируется идея о тождестве св. Софии и Новгорода, причем новгородцам предлагается «… поискати святеи Софеи пригородов и волостеи, своеи отчины и едины» в противостоянии с великим князем владимирским и московским Василием I. Упоминается принесение новгородцами присяги на верность Новгороду и друг другу – крестоцелования[31].

Данное наблюдение нуждается в объяснении. Почему при Александре Невском тема патроната Софии над Новгородом – лейтмотив летописных статей, а после 1270 г. она становится эпизодической? Казалось бы, должно быть наоборот: она должна была бы превратиться в штамп, литературный топос и в этом качестве стать «дежурным» оборотом летописного повествования. Этого мы не видим. Поскольку нет основания считать, что новгородцы разочаровались в идее софийского патроната, остается констатировать, что отражение данной идеи в летописи – все-таки в большей степени феномен книжной, интеллектуальной культуры, чем рефлексия социокультурных реалий. Большую роль в ее использовании в летописном повествовании явно играли книжники из клира св. Софии, имеющие отношение к составлению летописи. Когда они описывали героическое и драматическое время Александра Невского, наполненное судьбоносными для Новгорода событиями, идею в литературном повествовании привлекали чаще.

Это наблюдение говорит о том, что для изучения хождения, эволюции софийской идеи в Новгороде летописи недостаточно. В ней слишком сильна авторская интерпретация. Для уточнения, как именно развивалась символика св. Софии в новгородском обществе, надо привлекать дополни-

[25] ПСРЛ. Т. 3. С. 331.
[26] Там же. С. 341.
[27] Там же. С. 360.
[28] Там же. С. 378.
[29] Там же. С. 379.
[30] Там же. С. 384.
[31] Там же. С. 391.

тельные источники, прежде всего визуальные, иконописные. Но это тема дальнейших исследований.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Асеев Ю. С. К вопросу о времени основания Киевского Софийского собора // Советская археология. 1980. № 3. С. 128–141.

Гиппиус А. А. Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии // Хорошие дни… Сборник памяти А. С. Хорошева. М., 2009. С. 181–198.

Заснування Софійського собору в Києві: проблеми нових датувань. Матеріали круглого столу. Київ, 2010.

Комеч А. И. Роль княжеского заказа в построении Софийского собора в Киеве // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 50– 64.

Лукин П. В. Новгородское вече. М., 2014.

Мусин А. Е. Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование. СПб., 2010.

Никитенко Н., Корниенко В. Древнейшие граффити Софии Киевской и время ее создания. Київ, 2012.

ПСРЛ. М., 1997. Т. 1.

ПСРЛ. М., 2000. Т. 3.

Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. СПб., 1993.

Хорошев А. С. Софийский патронат по Новгородской первой летописи // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1997. Вып. 11. С. 205–212.

Хорошев А. С. Новгородская Святая София и Псковская Святая Троица по летописным данным (из истории местных патрональных культов) // Mediaevalia Ucrainica: Ментальність та історія ідей. Київ, 1998. Т. 5. С. 5–25.

Jouravel A. Die Neuausgabe des kniga Palomnik des Antonij von Novgorod // Deutsche Beiträge zum 16. Internationalen Slavistenkongress. Belgrad, 2018. (Die Welt der Slaven. Sammelbände. Bd 63). S. 157–166.

Jouravel A. Antonij von Novgorod – schlechter Topograph oder „Reliquienpilger"? Über die Notwendigkeit der neuerlichen Lektüre eines vieldiskutierten Textes // Für Seelenheil und Lebensglück. Das byzantinische Pilgerwesen und seine Wurzeln / Hrsg. von Despoina Ariantzi et Ina Eichner. Mainz, 2018. S. 153–162.

Jouravel A. Die Kniga palomnik des Antonij von Novgorod. Edition, Übersetzung, Kommentar. Wiesbaden, 2019.

Poppe A. The Building of the Church of St. Sophia in Kiev // Journal of Medieval History. 1981. Vol. 7. P. 15–66.

Alexander I. Filyushkin
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ST. SOFIA AND ALEXANDER NEVSKY: ABOUT THE ORIGIN OF THE IDEA "WHERE SOFIA IS, THERE IS NOVGOROD"

The paper is devoted to the problem of the formation of the cult of St. Sophia as a symbol of Novgorod according to the formula: "where St. Sophia is, there is Novgorod". Scholars have noted that the formulation of the St. Sophia cult, which appeared on the pages of the chronicle, dates back to the beginning of the 13th century and is associated with the figure of Bishop Anthony. There is no doubt that it is connected with the fall of Constantinople in 1204 and the diminution of the role of the Constantinople St. Sophia, whose functions were transferred to other churches of Sofia, including the Novgorod Sophia Temple. The article suggests the hypothesis that the development of the cult of St. Sophia in Novgorod was associated with the era of Alexander Nevsky, and was connected with the growth of the military threat and the need for heavenly patronage for Novgorod. This is confirmed by the fact that the intense appeal to the cult of St. Sophia on the pages of the Novgorod Chronicle falls within 1238–1270, after which the degree of appeal to this idea is significantly reduced.
Keywords: Alexander Nevsky, Novgorod, St. Sophia, Novgorod Chronicles

А. В. Лаушкин
МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

ОБ ОДНОЙ НЕТОЧНОСТИ НОВГОРОДСКОГО ЛЕТОПИСЦА В СТАТЬЕ 6751 г.

Автор полагает, что псковское чудо 1243 г. с иконой Спаса могло начаться в день именин Александра Невского и что это могло оказать влияние на восприятие чуда современниками.

Ключевые слова: Александр Невский, древнерусское летописание, церковный календарь

В Новгородской I летописи (далее – *НIЛ*) под 6751 (1243) г.[1] читается пространное известие о мироточении иконы во Пскове: «Того же мѣсяца (маия. – *А. Л.*) въ 18, на память святого мученика Александра, явися знаменье въ Пльсковѣ у святого Иоана в манастыри от иконы святого Спаса надъ гробомь княгыниномь Ярославлеѣ Володимирича, юже уби свои пасынокъ в Медвѣжи головѣ: иде мюро от иконы по 12 днии, наиде 4 вощаници, яко въ стькляницю; и привезоша в Новъгородъ двѣ на благословение, а въ Пльсковѣ оставиша двѣ собѣ. Но, Господи, слава Тобѣ, давыи намъ недостоинымъ и грѣшнымъ рабомъ Своимъ таково благословение; на Тя уповаемъ, Господи Вседержателю, яко призираеши на нас убогыхъ Своею многою милостью, Человѣколюбче»[2].

Речь идет о чуде у надгробия второй жены псковского князя Ярослава Владимировича. В 1230-е гг. он дважды переходил на сторону ливонских немцев и участвовал в захвате ими Изборска в 1240 г., но затем отошел от союза с ними. Как полагают, первым браком князь был женат на некой знатной немке, сын которой и поднял руку на мачеху. Не исключено, что убийство в Медвежьей голове (Оденпе) было политическим и находилось в связи с бурными событиями вокруг Пскова на рубеже 1230–1240-х гг.[3]

В дате события автор известия допустил неточность. 18 мая праздновался не мч. Александр, а мц. Александра, поминаемая Церковью вместе с мч. Феодотом Анкирским и еще шестью святыми девами – Текусой,

---

[1] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 262–263.

[2] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ). М.; Л., 1950. С. 79.

[3] *Назарова Е. Л.* Князь Ярослав Владимирович и его роль в Ливонской политике Новгорода. Конец 20-х – начало 40-х гг. XIII в. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы научного семинара 1996–1999 [гг.]. Псков, 2000. С. 40–45; *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М., 2002. С. 321.

Клавдией, Фаиной, Евфрасией, Матроной и Иулией. Ближайшая же память какого-либо мч. Александра – св. Александра Римского – отмечалась месяцесловами под 13 мая[4]. Таким образом, новгородский летописец допустил ошибку либо в дне, либо в имени святого.

На эту ошибку обратили внимание А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский и дали ей двойной комментарий. Во-первых, по их мнению, более вероятной в данном случае является погрешность не в числе, а в имени – «женское имя перепутано с мужским»; во-вторых, поскольку «18 мая церковь отмечает память мучеников лампсакийских и среди них Андрея», а младшего брата Александра Невского звали Андреем, то не исключено, что «причиной ошибки стал сложный ассоциативный перенос имен и дат "по смежности"»[5].

Что касается второй части комментария, то остается непонятным, как должен был происходить этот «сложный перенос», чтобы в итоге привести к путанице с именами и днями памяти мчч. Александры и Александра[6]. Что касается первой его части, то ошибочное превращение исходного мужского рода имени в женский (и наоборот), без сомнения, было возможно. Так, в месяцеслове новгородского Мстиславова Евангелия (созданного не позднее 1117 г.) упоминавшийся выше мч. Феодот назван женским именем, и оно завершает собой несколько усеченный перечень Анкирских мучениц: «с(вя)т(ы)хъ женъ Текоусиси (так!), Александры, Сфаиниси, Еуфрасиаси, Матроны *и Феод(о)ты*»[7].

Сам список Анкирских святых в древнерусских календарях и книгах, построенных по календарному принципу, весьма вариативен. В другом новгородском апракосе – Симоновском Евангелии 1270 г. – имя святого

---

[4] *Лосева О. В.* Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001. С. 338–339, 342–343.

[5] *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 466.

[6] Отметим, что мчч. Петр, Дионисий, Андрей, Павел и Христина Лампсакийские, стихиры и канон которым читаются в новгородских минеях XI–XIII вв., где они перемешаны с афинскими мчч. Ираклием, Павлином и Венедимом (Минея служебная – «Путятина»: май, XI в. РНБ. Софийское собрание. № 202. Л. 77 об.–80 об.; Минея служебная, нотированная: май, XII в. ГИМ. Синодальное собрание. № 166. Л. 106–111; Минея служебная: май, XII в. РНБ. Софийское собрание. № 203. Л. 85–89; Минея служебная: май, XIII в. РНБ. Софийское собрание. № 204. Л. 49–54; *Сергий (Спасский), архиеп.* Полный месяцеслов Востока. М., 1997. Т. 2. С. 148; Т. 3. С. 186–187), долгое время остаются неизвестны русским месяцесловам – их имен нет ни под 18 мая, ни под другими днями. По данным О. В. Лосевой, самое раннее упоминание двух из перечисленных святых – Петра и Дионисия (но не Андрея) – находится в месяцеслове Апостола РГБ. Ф. 312 (Собрание И. М. Фаддева). № 56 начала XV в. (*Лосева О. В.* Русские месяцесловы XI–XIV веков. С. 342–343).

[7] Мстиславово Евангелие, до 1117 г. ГИМ. Синодальное собрание. № 1203. Л. 196 об.

Феодота написано верно: «с(вя)т(о)го Феодота», но имена святых жен, с которыми он пострадал, опущены[8] (то же самое, к слову, встречаем и в Псковском Апостоле 1307 г.[9]). В Румянцевском обиходнике первой половины XIV в. жены вслед за св. Феодотом упомянуты безымянными: «с(вя)тых Феодота и 8 д(ѣ)въ»[10] (такое же чтение встречается и в Прологах)[11]. В Евангелии Симеона Гордого 1343–1344 гг., напротив, опущено имя св. Феодота, а перечень мучениц Анкира выглядит так: «с(вя)т(ы)х женъ Текоусие, Александры, Еоуфросиньи, Матре(ны)»[12]. Тот же вариант в более краткой форме находится в Евангелии ГИМ. Синодальное собрание. № 69 1358 г.: «с(вя)т(ы)хъ жонъ Текусис[ы] и Александрии». Наконец, в некоторых месяцесловах присутствует относительная полнота в передаче списка интересующих нас святых. В Галицком Евангелии 1144 г., месяцеслов которого датируется рубежом XIII–XIV вв., перечень выглядит так: «моуч(е)н(и)ць д(ѣ)в(и)ць Текоусы и Ол(е)ксандрьѣ, и Клавдья, и Ефрасья, и Матроны, Иоульянья и с(вя)т(а)го моуч(еника) Феодота»[13].

Представленный обзор упоминаний Анкирских мучеников в ранних русских месяцесловах позволяет думать, что если действительно произошла ошибочная замена женского имени мужским, то ее следует отнести скорее к этапу редактирования некой первоначальной записи, поскольку в календарных книгах, в которых встречается имя мц. Александры и с которыми должен был сверяться гипотетический автор рассматриваемой записи, всякий раз эксплицитно подчеркивается женский состав данной группы святых. Важно и другое. Во всех приведенных случаях перечень святых жен открывает мц. Текуса (по Житию, старшая из них), а мц. Александра ставится только на второе место. А это – если полагать, что именно имя последней изначально находилось рядом с датой «мѣсяца [маия] въ 18», – ведет к выводу, что автор записи намеренно проигнорировал Текусу, чтобы упомянуть Александру. Такой «прицельный» интерес к мц. Александре Анкирской должен был иметь какой-то сознательный (или подсознательный) мотив. А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский (безотносительно к выявленному здесь предпочтению Александры Текусе) не

[8] Симоновское Евангелие, 1270 г. РГБ. Ф. 256 (Собрание Н. П. Румянцева). № 105. Л. 161 об.

[9] Псковский Апостол, 1307 г. ГИМ. Синодальное собрание. № 722. Л. 166.

[10] Обиход церковный, первая половина XIV в. РГБ. Ф. 256 (Собрание Н. П. Румянцева). № 284. Л. 95.

[11] См., например: Пролог, 1400 г. ГИМ. Синодальное собрание. № 240. Л. 80 об.–81; Пролог, первая половина XIV в. РГАДА. Ф. 381 (Рукописный отдел библиотеки Московской Синодальной типографии). Оп. 1. № 174. Л. 70–70 об.

[12] Евангелие-Апостол Симеона Гордого, 1343–1344 гг. РГБ. Ф. 304/III (Собрание рукописей ризницы Троице-Сергиевой лавры). № 1. Л. 262 об.

[13] Галицкое Евангелие, 1144 г. ГИМ. Синодальное собрание. № 404. Л. 254.

исключили, что упоминание «позже перепутанной» с Александром Александры может быть как-то связано с тем, что «Александрой, по некоторым версиям, звалась жена Александра Невского»[14].

Процитированная догадка не лишена почвы, но все же гораздо более экономным, на наш взгляд, является предположение, что погрешность в датировке псковского чуда 1243 г. была допущена не в месяцесловной памяти, а в числе месяца, чему могло способствовать чреватое описками сходство кириллических цифр 13 = г҃і и 18 = и҃і, на что в свое время указал В. А. Кучкин[15].

Если это так и автор первоначальной записи имел в виду 13 мая, то снова есть смысл обратиться к месяцесловным частям бытовавших на Руси церковных книг и выяснить, как в них обозначен этот день. В древнерусском переводе Студийского устава интересующая нас дата отсутствует вообще[16]. В календарях Евангелий, Апостолов, Обиходников и Часословов главным празднованием 13 мая, если судить по частоте упоминания, выступает память отнюдь не «святого мученика Александра» (Римского), а мученицы Гликерии-девы: ее имя называют многие месяцесловы, тогда как св. Александр – редкий гость на их страницах[17]. Причем в тех случаях, когда в названных книгах (а также в Прологах) отмечены оба имени, св. Гликерия чаще упомянута прежде св. Александра[18]. Обратная ситуация встречается в сохранившихся новгородских Минеях XI–XIII вв., которые не всегда знают о праздновании св. Гликерии 13 мая, но зато неизменно помещают под этой датой стихиры и канон мч. Александру[19]. Казалось бы, такое внимание к святому в Минеях – главных церковных

---

[14] *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. … С. 466–467.

[15] *Кучкин В. А.* О дате рождения Александра Невского // Вопросы истории. 1986. № 2. С. 176.

[16] См.: *Пентковский А. М.* Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001. С. 343.

[17] *Лосева О. В.* Русские месяцесловы XI–XIV веков. С. 338–339.

[18] См., например: Псковский Апостол, 1307 г. ГИМ. Синодальное собрание. № 722. Л. 166; Обиход церковный, первая половина XIV в. РГБ. Ф. 256 (Собрание Н. П. Румянцева). № 284. Л. 95; Пролог, 1400 г. ГИМ. Синодальное собрание. № 240. Л. 80 об.–81; Пролог, первая половина XIV в. РГАДА. Ф. 381 (Рукописный отдел библиотеки Московской Синодальной типографии). Оп. 1. № 174. Л. 65–65 об.; Пролог, рубеж XIV–XV вв. РГАДА. Ф. 381 (Рукописный отдел библиотеки Московской Синодальной типографии). Оп. 1. № 168. Л. 48 об.–49. Обратная ситуация: Галицкое евангелие, 1144 г. ГИМ. Синодальное собрание. № 404. Л. 254.

[19] Минея служебная – «Путятина»: май, XI в. РНБ. Софийское собрание. № 202. Л. 56 об.–61; Минея служебная, нотированная: май, XII в. ГИМ. Синодальное собрание. № 166. Л. 67 об.–68 об., 69–73; Минея служебная: май, XII в. РНБ. Софийское собрание. № 203. Л. 64–67 об.; Минея служебная: май, XIII в. РНБ. Софийское собрание. № 204. Л. 12–17.

руководствах по годовому кругу богослужений – свидетельствует о достаточной известности праздника мч. Александра на Руси. Однако увериться в этом мешает не только отмеченная выше слабая распространенность его памяти в других церковных книгах, но и то, что рассматриваемая хронологическая ошибка летописца, отразившаяся в Синодальном списке *НІЛ*, не обратила на себя внимания его последователей и не была исправлена ни в одном из позднейших памятников новгородского летописания, где упоминается псковское «знаменье», – в младшем изводе *НІЛ*, в Софийской I летописи, в Тверском сборнике[20]. Другими словами, память мученика все же не была «на слуху» древнерусских книжников.

А это придает внесению его имени в летописную дату несколько больший вес, нежели может показаться на первый взгляд. Воспринял ли летописец готовое месяцесловное уточнение, пришедшее вместе с новостью из Пскова, или сделал его сам, исходя из календарной даты, – возможно, это уточнение не было лишь «этикетной» формальностью, а несло в себе и некий особый смысл. В свете такого допущения любопытно указать на один стилистический штрих в статье 6751 г., словно бы «рифмующий» начало разбираемого известия, где в датировке упоминается «память святого мученика Александра», с концом предыдущего (о кончине и погребении «на Хутинѣ» прп. Варлаама), где в датировке помянут «князь Александр»: «… мѣсяца маия… погребен бысть… въ 5, на память святыя Ирины, архиепископомъ Спиридономъ и игуменомъ Сидоромъ, *при князи Александрѣ*. Того же мѣсяца въ 18, *на память святого мученика Александра*, явися знаменье въ Пльсковѣ…»[21]. Автор летописной статьи словно бы намекает на связь новгородского князя и тезоименитого ему святого.

В литературе высказывалось предположение, что небесным покровителем Александра Невского был именно св. Александр Римский, а его именины приходились соответственно на 13 мая[22]. Нельзя исключить, что перед нами косвенное свидетельство в пользу данной версии и что внимание летописца к памяти мч. Александра было вызвано как раз этим совпадением.

Как бы то ни было, владычный летописец архиепископа Спиридона[23] воспринял чудо во Пскове как благословение Божие – как добрый знак

---

[20] НПЛ. С. 297; ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Вып. 1. С. 316–317; М., 2000. Т. 15. С. 384–385; М., 1994. Т. 39. С. 84. См. также: ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 595.

[21] НПЛ. С. 79.

[22] *Кучкин В. А.* О дате рождения Александра Невского. С. 174–176; *Зиборов В. К.* О новом экземпляре печати Александра Невского // Князь Александр Невский и его эпоха. СПб., 1995. С. 150.

[23] По предположению А. А. Гиппиуса, им был пономарь Тимофей, епископский нотарий, продолживший работать над летописью и при преемнике Спиридона – архиепископе Далмате (*Гиппиус А. А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // НИС. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 8–12; *Он же.* Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы: (История и структура текста в линг-

(что выглядит не совсем обычно в ряду аналогичных событий, описанных русскими летописцами ранее[24]). Без сомнения, на современников знамение «у святого Иоана в манастыри» произвело сильное впечатление, особенно на фоне страшных потрясений последних лет. Об этом говорит яркая эмоциональность известия о чуде, да и само его появление в *НІЛ:* как показал Т. В. Гимон, приставленные к летописной работе новгородцы очень редко интересовались событиями в других городских центрах республики – Пскове, Ладоге или Русе[25], а значит, такой интерес, если он все же возникал, имел весьма весомый повод.

Описывая чудеса и знамения Божии, древнерусские книжники обычно стремились фиксировать точную дату события. Среди различных тематических групп летописных известий датированность данной группы в текстах домонгольского времени – одна из самых высоких. В основе такого положения дел лежало представление, что соотнесение с церковным календарем способно пролить дополнительный свет на тайну случившегося, приоткрыть его провиденциальный смысл[26]. И если мироточение во Пскове действительно началось в день тезоименитства Александра Невского (и потом захватило еще и праздник Вознесения Господня[27]), то такое совпадение, конечно, не могло остаться незамеченным и не усилить впечатление от знамения. Прошел всего год после триумфального возвращения князя Александра Ярославича во Псков с пленными немцами после победы на Чудском озере[28]. На таком фоне «благословение» «намъ

вистическом освещении) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2004–2005. М., 2006. С. 213–215).

[24] Ср. с изображенным в качестве грозного предзнаменования Лаврентьевской летописью под 6677 г. и Ипатьевской летописью под 6681 г. «плаче» трех икон Богородицы в Новгороде (ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 361–362; М., 1962. Т. 2. Стб. 561), а также с наполненным скорее негативными коннотациями сообщением в *НІЛ* под 6716 г. о «плаче» еще одной новгородской иконы Богородицы после убийства «без вины» боярина Олексы Сбыславича (случившегося к тому же в день его именин) (НПЛ. С. 50).

[25] *Гимон Т. В.* Упоминание неновгородских топонимов и описание путей в новгородском летописании XII–XIII вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2009 г. М., 2010. С. 422–425.

[26] *Лаушкин А. В.* Точные датировки в древнерусском летописании XI–XIII вв.: закономерности появления // Восточная Европа в древности и средневековье. XVI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2004. С. 101–104.

[27] В 1243 г. этот переходящий праздник пришелся на 21 мая, и 12-дневное чудо мироточения в любом случае – начнись оно 13 мая или 18-го – продолжалось и в этот день.

[28] О древнерусском церемониале возвращения с победой см.: *Лаушкин А. В.* Устраивали ли «триумфы» русские князья домонгольского времени? // Российская история (в печати).

недостоинымъ и грѣшнымъ рабомъ Своимъ», за которое, рассказывая о псковском чуде, благодарит Всевышнего летописец, могло приобретать в глазах современников и некий политический оттенок, распространяясь не только на Псков и Новгород, но и на победителя шведов с немцами и всю его западную политику. Некие антинемецкие коннотации, по-видимому, в понимании современников несла и сама история покойной княгини «Ярославлеи», убитой пасынком-немцем и удостоившейся после смерти очевидного знака милости от Господа Вседержителя.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

Гимон Т. В. Упоминание неновгородских топонимов и описание путей в новгородском летописании XII–XIII вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2009 г. М., 2010. С. 412–434.

Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // НИС. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 3–72.

Гиппиус А. А. Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы: (История и структура текста в лингвистическом освещении) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2004–2005. М., 2006. С. 114–251.

Зиборов В. К. О новом экземпляре печати Александра Невского // Князь Александр Невский и его эпоха. СПб., 1995. С. 146–150.

Кучкин В. А. О дате рождения Александра Невского // Вопросы истории. 1986. № 2. С. 174–176.

Лаушкин А. В. Точные датировки в древнерусском летописании XI–XIII вв.: закономерности появления // Восточная Европа в древности и средневековье. XVI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2004. С. 101–104.

Лаушкин А. В. Устраивали ли «триумфы» русские князья домонгольского времени? // Российская история (в печати).

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.

Лосева О. В. Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001.

Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М., 2002.

Назарова Е. Л. Князь Ярослав Владимирович и его роль в Ливонской политике Новгорода. Конец 20-х – начало 40-х гг. XIII в. // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы научного семинара 1996–1999 [гг.]. Псков, 2000. С. 38–45.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Пентковский А. М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001.

ПСРЛ. М., 1962. Т. 1.
ПСРЛ. М., 1962. Т. 2.
ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. Ч. 1.
ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Вып. 1.
ПСРЛ. М., 2000. Т. 15.
ПСРЛ. М., 1994. Т. 39.
Сергий (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. М., 1997. Т. 1–3.

Aleksei V. Laushkin
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ABOUT ONE INACCURACY OF THE NOVGOROD CHRONICLER IN THE ARTICLE OF 6751

The author believes that the Pskov miracle of 1243 related to the icon of the Savior could have begun on the Alexander Nevsky's name day and that this could have influenced the perception of the miracle by contemporaries.
Keywords: Prince Alexander Nevsky, Old Russian chronicle, Church calendar

С. В. Городилин
ИРИ РАН, Москва, Россия

ДВОЮРОДНЫЕ БРАТЬЯ И ДВОЮРОДНЫЕ ПЛЕМЯННИКИ: ОТНОШЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ЯРОСЛАВИЧА С РОСТОВСКИМИ КНЯЗЬЯМИ И ИХ ПРЕДЫСТОРИЯ

В статье делается ряд предположений по поводу генеалогического и политико-династического контекстов, в которых сформировались близкие и доверительные отношения великого князя Александра Ярославича и ростовских князей Бориса и Глеба Васильковичей, отраженные летописными известиями 1250-х – начала 1260-х гг.

Ключевые слова: великий князь Александр Ярославич, Ростовское княжество, ростовские князья, Борис Василькович, Глеб Василькович, великий князь Ярослав Всеволодич, Ростов, XIII век, русская средневековая история

Комплекс известий середины 1250-х – начала 1260-х гг., описывающий взаимоотношения великого князя Александра Ярославича с ростовскими князьями Борисом и Глебом Васильковичами, давно известен ученым. Наиболее ранним памятником, в составе которого дошли эти сообщения, является Лаврентьевская летопись (далее – Лавр.), а их происхождение большинством исследователей так или иначе связывается с летописанием Ростова середины – третьей четверти XIII в. Уже первое из них, 1256 г., когда «поѣхаша кнѧзи на Городець . да в Новъгородъ . кнѧ[3] же Борисъ поѣха в Татаръı . а Ѡлександръ кнѧ[3] послалъ даръı . Борисъ же бывъ Оулавчия . даръı давъ . и приѣха в свою ѡч҃ину с ч҃тью»[1], свидетельствует об особо доверительных отношениях между 24-летним ростовским князем и недавно занявшим великокняжеский стол Александром Ярославичем в столь деликатной сфере, как контакты с Ордой: Борис представляет там Александра и его интересы наряду с собственными[2]. Ту же картину рисуют и сообщения последующих лет: в поездке к Улагчи упомянуты «Александръ . Андрѣи . Борисъ», а затем того же Улагчи и всех его воевод чтят «Ѡлександръ . Андрѣи . Борисъ . Ярославъ Тфѣрьскiи» (интересно, что Борис назван за Александром и Андреем, но выше третьего из братьев Ярославичей)[3].

---

1 ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 474.

2 В сходной роли позднее обычно выступают ближайшие родственники великих князей – братья или старшие сыновья, но в нашем случае летописец указывает, что в Орду Борис поехал сам, а не был послан туда Александром.

3 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 474.

Под 1259 г. сообщается об участии ростовского князя в одном из важнейших великокняжеских мероприятий Александра – принуждении Новгорода к ордынской переписи: «тоѥ же зимъı и приѥхаша численици в Володимерь . и поидоша численици . и кнѧзи к Новугороду Великому Александръ . Андрѣи . Борисъ . ищтоша и поѥхаша ѻпѧ̑ в Володимерь»[4]. Значимость случившегося трудно переоценить: бескровное подчинение Орде Новгородской земли закрепляло правящий статус Александра в глазах хана, серьезно усиливая при этом и великого князя в его отношениях с новгородцами. Участие в поездке на Волхов не только старших из Ярославичей Александра и Андрея, но и Бориса, который был внуком великого князя Константина, некогда княжившего в Новгороде, и при этом обладал властью в одном из крупнейших в тот момент княжений Суздальской земли, на протяжении сотен километров граничившем с новгородскими землями, убедительно демонстрировало новгородцам единство по этому вопросу всех потомков Всеволода Большое Гнездо и тщетность попыток сыграть на противоречиях между ними. Ценность для Александра такой ростовской поддержки косвенно подтверждает уже следующее сообщение летописи: «приѣха из Новагорода . Ѻлександръ . к ст҃ѣи Бц҃ѣ в Ростовъ . въ сре̑ стр҃тнъıя не̑ . и клана̑ с҃ ст҃ѣи Бц҃и . и цѣлова кр҃тъ ч҃тнъıи . и кланѧсѧ єп҃пу Кирилу . ѻ҃че ст҃ъıи твоѥю млт҃вою . и тамо в Новъгоро̑ ѣхалъ ѥсмъ здоровъ . и сѣмо приѣхалъ ѥсмъ твоѥю млт҃вою здоровъ . блж҃нъıи же ѥп҃пъ Кірілъ . Борисъ и Глѣбъ и мать и̑ҳ҃ Мр҃ья кнѧгини . чтиша Ѻлександра с великою любовью и поѣха в Володимерь»[5]. Как видим, задержавшийся после переписи в Новгороде великий князь специально едет оттуда в Ростов, где встречается с Борисом и недавно вернувшимся из поездки к Мункэ и женившимся на знатной ордынке Глебом (отметим, Ростов отнюдь не находился на пути из Новгородской земли к Владимиру). Затем после известия о рождении у Александра сына Даниила вновь сообщается о его участии в делах ростовских князей. Вместе с ними, а также с митрополитом и ростовским епископом он участвует в назначении будущего преемника последнего на ростовской кафедре: «блг҃овѣрнъıи же кнѧзь Ѻлександръ сн҃ъ Ярославль . Борисъ и Глѣбъ Василковіча . волею Бг҃ію и поспѣшенъıємь ст҃ъıя Бц҃а . бл҃вньıємь митрополита Кирила . и єп҃па Кірила . изведоша архимандріта сг҃го Бг҃явленья Игнатья и бъı҃ причетні҃ цр҃ви ст҃ъıя Бц҃а в Ростовѣ»[6].

В том же году случается еще одно чрезвычайно значимое событие «Избави Бъ ѿ лютаго томленья бесурменьскаго . люди Ростовьскіѧ землѧ . вложи ярость въ ср҃дца кр҃тьяномъ . не терпѧще насилья поганъıхъ . изволиша вѣчь и въıгнаша из городовъ . из Ростова . изъ Володимерѧ .

[4] Там же. Стб. 475.
[5] Там же.
[6] Там же.

ис Суждалѧ изъ Ярославлѧ»[7]. Хотя ни Александр, ни Борис и Глеб здесь прямо не упомянуты, но звучащие в историографии предположения о связи выступлений 1262 г. против сборщиков имперских налогов с политикой великого князя, который мог учитывать разгорающуюся вражду между сторонником Ариг-Буги Берке и Хубилаем, весьма убедительны. В связи с этим мы лишь укажем, что в событиях участвовали и жители Владимирского великого княжения, и подвластные Андрею Ярославичу суздальцы, а также и ростовцы с ярославцами (что заставляет вспомнить устойчивое сочетание имен Александра, Андрея и Бориса в предшествующих известиях). Летописец особо подчеркивает единство выступлений во всей Северо-Восточной Руси, еще и применив архаичный к тому времени термин «Ростовская земля» к территории, уже давно (с 1218 г.) политически разделенной на две части между потомством Константина Всеволодича и наследниками его младших братьев[8], и сам характер известия наводит на мысль о скоординированности действий в городах различных, но на протяжении предшествующих лет неизменно дружественных друг другу княжений.

Наиболее ранним свидетельством, которое в свете последующих уже возможно принять за первый знак некой фиксируемой и подчеркиваемой далее летописцем связи между Александром Ярославичем и Борисом и Глебом Васильковичами может выступать сообщение 1249 г. о кончине Василия Ярославского: «Василии кнѧ[з] Всеволодичь престависѧ в Володимери . на памѧ[т] ста[г] Ѳеѡдора . и повезоша и на Ярославль . и Ѡлександръ кнѧ[з] проводи и . и Борисъ . и Глѣбъ . и мт҃и ихъ . блж҃нъıи же єп҃пъ Кирилъ . съ игуменъı и попъı . пѣвше п҃ни погребенъıѧ . и положиша и ч҃тно оу ст҃оє Бц҃и»[9].

Таким образом, работавший во время, близкое к описываемым им событиям, ростовский летописец обращает усиленное внимание на факты, отражающие близость своих князей Васильковичей с Александром, и очевидно демонстрирует дружественный характер их связей. В качестве еще одного аспекта, который так или иначе может быть соотнесен с обсуждаемым феноменом, укажем также на отмеченное именно применительно к послемонгольскому периоду XIII в. обстоятельство, важное для всей Северо-Восточной Руси: потомки Ярослава Всеволодича и его младших братьев не претендуют на земли потомков Константина Всеволодича, а те, в свою очередь, не ищут себе земель, принадлежащих Ярослави-

[7] Там же. Стб. 476.

[8] Обоснованно отмечалось, что границы между землями Константиновичей и прочих потомков Всеволода «имели суверенный характер»: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 101.

[9] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 472.

чам[10]. В рассматриваемое время главой Ярославичей является Александр, а Константиновичей возглавляет дружный тандем Бориса и Глеба.

Российская имперская, а затем и наследовавшая ей советская историография в своих интерпретациях характера отношений великого князя и ростовских князей уверенно опирались на сформировавшийся к тому времени образ Александра Невского: резко преобладающая позиция в них святого защитника Руси и покровителя побед России, предка всех московских князей, которому советская политическая пропаганда вкупе с талантом Сергея Эйзенштейна придают еще и выразительные черты лидера будущей нации, виделась для ученых самоочевидной и не требовала обоснований[11]. Достаточно ярко это выражено в посвященной образованию *Великорусского государства* работе А. Е. Преснякова, для которого любые свидетельства о сохранении в период развития полицентризма в средневековой Руси особой роли великокняжеской власти представлялись крайне ценными. По мнению историка, ссылающегося на вышеприведенные известия, «ростовские Васильковичи при великом князе Александре Ярославиче всецело его подручники. Они, видимо, сразу примкнули к его политике… Великий князь играет первую роль в делах ростовской епископии. Ростовское княжество – лишь особый элемент в составе Владимирского великого княжения»[12]. Подобные тезисы актуальны и до сих пор: так, в энциклопедической статье об Александре Невском Борис Ростовский назван в числе «послушных исполнителей политики Александра Ярославича»[13]. Дж. Феннел, отметив, что «трудно сказать, какими именно были отношения между Александром и потомками Константина» и что отсутствие данных о договорах между ними позволяет предполагать как политическую независимость в то время ростовского княжеского дома, определявшуюся его собственной династической структурой и внутренними связями, так и ту или иную форму зависимости правящих в Ростове князей от Александра, далее, однако, следует уже сложившейся

[10] *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 121.

[11] К тому же взгляд на русское средневековое общество как на относящееся к *феодальной формации* подталкивал к реконструкции в княжеских взаимосвязях жесткой иерархии, основанной на вертикальных отношениях вассалитета и сюзеренитета (так, крайне широко понимаемое подручничество воспринималось как форма вассально-ленной зависимости, в том же качестве осмыслялись даже родственные связи между князьями и летописные формулировки, использующие метафору родства: *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 51–53, 55–57, 59–61).

[12] *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. М., 1998. С. 64–65.

[13] *Назаренко А. В., Квливидзе Н. В.* Александр Ярославич Невский // ПЭ. М., 2011. Т. 1. С. 542.

парадигме, присоединяясь к идее об «определенной форме зависимости и подчинения по отношению к великому князю» ростовских князей и статусе «подчиненного Александра» у Бориса Васильковича[14].

Эта интерпретация, объясняющая политическую действительность второй половины 1240-х – начала 1260-х гг. сквозь призму обычных для последующей эпохи реалий неуклонного подчинения власти московских великих князей прочих князей Северо-Восточной Руси, сталкивается, однако, как кажется, с рядом противоречий. Во-первых, не предлагается объяснений, почему о ситуациях, свидетельствующих, на взгляд сторонников данной трактовки, о подвластном положении и о снижении статуса князей Ростова, специально сообщает ростовский автор, явно настроенный к Борису и Глебу крайне лояльно. Отметим, что служебная близость к великому князю, ставшая для Рюриковичей второй половины XV – XVI в. ценным активом, значимым и для социального уровня потомства, в предшествующий период до завершения формирования Московского государства воспринималась иначе. Достаточно вспомнить искреннее возмущение тверских князей в начале XV в. из-за того, что их союзную помощь великому князю Василию Дмитриевичу московская сторона, как они сочли, попыталась представить в перемирной грамоте с Витовтом образом, предполагающим их политическую и служебную зависимость. Это наносило невосполнимый урон прежним отношениям *братства* и угрожало *чести* всего тверского княжеского дома[15]. Во-вторых, «подручники» и «послушные исполнители» не так много значили для великого князя и вряд ли удостаивались его внимания, его посещений и политически значимых ролей в мероприятиях уровня новгородского числа, да и в Орде они тоже вряд ли были бы кому-то нужны. В-третьих, не объясняется, за счет чего Александр смог обрести постулируемые в рамках такой интерпретации власть и влияние над князьями Ростова, если учесть, что о каких-то его силовых акциях в отношении Ростовского княжения данных не имеется, а сами Васильковичи уже с 1240-х гг. состоят в прямых отношениях с ханами[16], причем, судя по браку Глеба, это связи весьма высокого уровня. Межкняжеские столкновения послебатыевской эпохи демонстрируют, что в той обстановке попытки политического подчинения легко вели к конфликту, к получению ущемленными защиты в Орде и поиску ими союзников среди конкурентов великого князя. Наконец, ожидае-

[14] *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси, 1200–1304. М., 1989. С. 151.

[15] ПСРЛ. М., 2000. Т. 15. Стб. 474, 476–477.

[16] Борис посещает Батыя «про свою отчину» в 1244 г. вместе с Владимиром Угличским и Василием Ярославским, в 1246 г. он вновь встречается с Батыем, отправившим его к Сартаку, а в 1248 г. у Сартака побывал и Глеб Василькович (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470–472).

мых в ситуации политического доминирования над своими *подручниками* Александра Ярославича вмешательств во внутренние дела князей ростовского дома, претензий на какие-то принадлежащие тому земли или действий, ведущих к ослаблению позиций его глав и разрушению его внутреннего единства, также неавидно, хотя, например, в это время пресекается ярославская ветвь Константиновичей и их княжение как выморочное могло бы стать объектом великокняжеских притязаний. Перечисленные обстоятельства, с учетом еще и того, что политическая линия, направленная на упрочение связей с Ордой, была общей для Александра и обоих Васильковичей, и того, что во всех описанных ситуациях те действуют вместе с ним, ничем не нанося ущерба собственным интересам, вынуждают отказаться от интерпретации их взаимоотношений с помощью модели, предполагающей в качестве своей основы подчинение великим князем князей Ростова, его доминирование над ними и сокращение их властных прерогатив в его пользу. Добавим, что тесные и доверительные связи Васильковичей с Александром Ярославичем вряд ли предопределял лишь его великокняжеский статус. Ни с кем из его преемников в 1260–1270-х гг. подобной близости ни ростовские, ни иные летописи не фиксируют, в отношениях с ними сохраняется явная дистанция, участия ростовцев в каких-то их акциях не наблюдается, и даже многочисленные поездки ростовских князей в Орду уже не связываются с великокняжескими.

Это заставляет задуматься об ином контексте особых отношений Александра с его двоюродными племянниками Борисом и Глебом. Очевидно, что среди Рюриковичей такие взаимоотношения отнюдь не были безусловной общей нормой. Напротив, поскольку вся их политическая конкуренция шла в пределах одного рода, родственная близость, прямо связанная с близостью прав на власть, сама по себе уже могла провоцировать скрыто или явно враждебные отношения. Примеры тому находятся и в первые десятилетия монгольского владычества: можно вспомнить об изгнании Михаилом Хоробритом с великокняжеского стола Святослава Всеволодича, о событиях, приведших к переходу Владимирского княжения от Андрея к Александру Ярославичу, а для последующего времени и о столкновении Ярослава и Василия Ярославичей, и о долгой борьбе сыновей Александра Дмитрия и Андрея.

Предысторией, которая так или иначе должна была повлиять на формирование в середине XIII в. связей Александра с Борисом и Глебом, неизбежно оказываются события предшествующего периода. Добившийся в борьбе с братьями великого княжения Константин Всеволодич, предполагая близость кончины, договаривается о передаче после себя владимирского стола брату Юрию, судя по всему, взамен получив гарантии родственного патроната над своими детьми (Васильку к моменту смерти отца в 1218 г. было 9 лет, Всеволоду – 7, Владимиру – 3 или 4) и сохранения

за ними отцовских городов – Ростова, Ярославля и Углича[17]. Сообщается, что после наделения двух старших сыновей столами Константин поручает тех «Бг҃ . и прчⷫтѣи ієго Мт҃ри и брату и гⷫну Гюргю . да то въı буде҃т в мене мѣсто»[18]. Впрочем, в рассказе о похоронах Константина летописец особо выделяет как Юрия, так и Ярослава Всеволодичей[19]. Предположить, что покровительство над их малолетними племянниками Константиновичами в итоге оказалось так или иначе взято на себя обоими старшими из оставшихся сыновей Всеволода[20], позволяет и известие Новгородской первой летописи под 1219 г., по которому Семьюн Емин попытался из Новгорода «въ 4-хъ стѣхъ» пойти в поход «на Тоимокары, и не пусти ихъ Гюрги, ни Ярослав сквозь свою землю»[21]. Укажем, что к Тоймокарам (под которыми всеми историками понимаются земли тоймичей за Северной Двиной ниже Устюга[22]) сквозь некую территорию, контролируемую старшими суздальскими Всеволодичами, новгородцы могли двинуться лишь одним удобным путем, хорошо известным и впоследствии: через Белозерье и далее из Кубенского озера вниз по Сухоне к Устюгу[23]. Однако отделявшие Среднее Подвинье от Новгорода белозерские, кубенские и устюжские земли в 1218/1219 г. находились под номинальной властью малолетних детей Константина, и упоминание Юрия и Ярослава как тех, кто, судя по всему, реально распоряжался в этих местах, приняв решение

---

[17] О практиках заключения соглашений между князьями-братьями, по которым тот из них, который переживает собрата, принимает по отношению к потомству умершего обязанности быть его «дѣтемъ ѡц҃ь, и волость оудержати» (ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 488), см.: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 75–80, 90–91; *Они же.* Династический мир домонгольской Руси. СПб., 2020. С. 33–38. См. также: *Лавренченко М. Л.* «Отцовство» в древнейших русских летописях // Studia Historica Europae Orientalis. 2016. Vol. 9. С. 60–61.

[18] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 442.

[19] Важные в связи с этим сюжетом наблюдения по поводу совместного участия Юрия и Ярослава в договорных отношениях с Константином уже в 1212–1217 гг. см. также: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. … С. 86–87, 89.

[20] Подобные отношения тоже были возможны, см., например: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. … С. 78–80, 84.

[21] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 59.

[22] Именно с «Устьюгом, гдѣ тамо бяху тоймици погании» связывает их и «Слово о погибели Русской земли».

[23] По этому пути осуществляется связь Новгорода с его землями в Заволочье и в XIV в.: им возвращался с Двины в 1366–1367 гг. Василий Данилович с сыном, по нему же движется в 1398 г. на Двину новгородская рать: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 369, 392. Ожидать же, что новгородский летописец мог бы назвать «своей землей» для Юрия и Ярослава «волость новгородскую» Вологду, просто невозможно.

не пропускать отряд Семьюна, позволяет уточнить личности князей-родичей, осуществлявших непосредственный патронат над Константиновичами и их владениями.

В пользу того же свидетельствует так или иначе и ситуация середины 1229 г., когда «Ярославъ оусумнѣсѧ брата своєго Юргѧ слушая нѣкъихъ льсти . и ѿлучи ѿ Юргѧ Костѧнтиновичи . г҃ . Васїлка Всеволода . Володимера . и мъıслѧшеть противитисѧ Юргю брату своєму . но Бъ҃ не попусти лиху бъıти . блг҃оразуѫ҃нъıи кнѧ҆ Юрги . призва ихъ на снєѫ҃ в Суждаль . и исправивше все нелюбьє межю собою . и поклонишасѧ Юрью вси . имуще ює ѡц҃мъ собѣ и г҆нмъ . цѣловаша кр҆тъ»[24]. Как видим, трое подросших сыновей Константина приняли участие в так и не развившейся в серьезный конфликт усобице между Юрием и Ярославом на стороне последнего, что, несмотря на итоговое примирение и на общее для Ярослава и Константиновичей признание Юрия отцом себе и господином, явно предполагает их особую близость именно к Ярославу. Таким образом, во времена юности Александра Ярославича (заметим, в начале 1229 г. тот вернулся домой из Новгорода) его ростовские двоюродные братья должны были восприниматься им в качестве близких союзников его отца и как родичи, реальные связи с которыми являются достаточно тесными.

Трагедия зимы – начала весны 1238 г. резко изменила династическую ситуацию и во владимирской, и в ростовской частях Северо-Восточной Руси. Гибнут и Юрий Всеволодич со всем своим семейством, и Василько и Всеволод Константиновичи. Летопись особо фиксирует всех оставшихся потомков Всеволода Большое Гнездо: «Бъ҃ избави . ѿ рукъı иноплеменнїѫ҃ . блг҃оч҆тваго и правовѣрнаго . великого кнѧзѧ . Ярослава . с блг҃ороднъıми своими сн҃ъı . бѣ же ихъ . s҃ . Wлександръ . Андрѣи . Костѧнтинъ . Wфонасии . Данило . Михаило . а Ст҃ославъ с сыноѫ҃ с Дмитриєѫ҃ . Иванъ Всеволодичь . Володимеръ . Костѧнтиновиц҃ . Василковича . в҃ . Борисъ . и Глѣбъ . Всеволодичь Василии . и си вси схранени бъıша Бъ҃єю блг҃ꙗтью»[25]. Власть во Владимире переходит к оказавшемуся вне Суздальской земли и сохранившему и сыновей, и дружину Ярославу: это определялось и порядком старшинства, и реальными возможностями князя в тот момент. В Ростове же сложилось положение, напоминавшее уже виденное в 1218 г.: старшему сыну убитого монголами Василько Борису шел седьмой год, а младшему, Глебу, было чуть больше года или даже меньше. Княжить в уцелевшем, но разоренном отчинном городе самостоятельно они, разумеется, не смогли бы, тем более в ситуации разрушения социальных структур и физического опустошения всего Северо-Востока. А. Е. Пресняков писал, что сохра-

[24] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 451–452.

[25] Там же. Стб. 469.

нение за Васильковичами Ростова было лишь сохранением status quo и что за ними было «признано их вотчинное право», не уточняя, впрочем, кто именно и когда это их право за ними признал[26]. Согласиться с этим, однако, сложно: такой наследный переход родовой собственности и власти, да еще и столь значимой, как старшее для Константиновичей Ростовское княжение, требовал санкции нового держателя родового старейшинства, особенно в обстановке катастрофического военного поражения, когда права вдовы и малолетних наследников нуждались не только в *признании*, но и в реальном политическом и силовом подкреплении. Вряд ли в качестве покровителя мог тогда выступить и находившийся далеко на юго-западе черниговский дед ростовских княжичей Михаил Всеволодич, вскоре вынужденный бежать в Венгрию. Особое измерение ситуации придавало то, что в живых остался Владимир Константинович Угличский, дядя Васильковичей, ставший по родовому счету старшим в потомстве Константина[27]. Теоретически именно он должен был бы теперь возглавить эту ветвь, что предоставляло ему особые полномочия, и мог бы, как минимум, выступить гарантом прав наследников павших братьев и даже посадить в их отчинных городах своих тиунов, а то и инициировать передел столов в соответствии со старшинством, хотя бы временно, до совершеннолетия Бориса и Глеба, которых можно было наделить впоследствии. Однако никаких ожидаемых следов роста правомочий Владимира летописи не содержат: весной 1238 г. в Ростове действует лишь вернувшийся с Белоозера, где он скрывался от монголов, епископ Кирилл, а затем к нему присоединяется и вдова Василько Мария Михайловна[28]. Таким образом, еще и учитывая, что зримого вмешательства завоевателей во внутренние отношения князей Северо-Востока Руси на протяжении нескольких лет после нашествия не наблюдается, тем, кто после битвы на Сити санкционировал права Васильковичей на Ростов (а также Белоозеро и Устюг), скорее всего, должен был выступить ставший великим князем Ярослав Всеволодич. Признание за ним статуса старшего родича («в отца место») и покровителя осиротевших княжичей, отец которых ранее выступал в качестве его союзника и соратника[29], могло стать естественной альтернативой переходу этого статуса к Владимиру Угличскому.

---

[26] *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. С. 60.

[27] Его старшинство отражено и приведенным перечнем 1238 г., где он назван перед Васильковичами, и сообщением 1244 г. о поездке к Батыю, где его имя тоже стоит раньше Бориса и Василия Ярославского.

[28] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 465–466. Княжичи не упомянуты, хотя, впрочем, очевидно, что они все это время пребывали с матерью.

[29] Помимо эпизода 1229 г., тут можно отметить и совместные действия воинов Ярослава, Василько и Всеволода в походе на мордву 1228 г., и поход Ярослава и Константиновичей к Серенску 1232 г.

Неизбежная мысль об этом вынуждает обратить внимание на известие под 1238 г.[30], по которому «Того҃ лѣ҃ кнѧ҃ Ярославъ великъıи . ѿда Суждаль брату своюмy Ст҃ославу . Того҃ . лѣ҃ . ѿда Ярославъ . Ивану Стародубъ»[31]. Заняв стол во Владимире, новый великий князь в рамках обычной практики распределяет среди сородичей столы. О Ростове тут, впрочем, не сказано, но о нем упомянуто в Московской Академической летописи (далее – МАк). Там в статье того же года это же сообщение читается следующим образом: «тогож лѣта сѣде Ярославъ Всеволодич на столѣ. Тогож лѣта ѡтда Ростовъ Суздаль брату Святославу. Того ж лѣта ѡтда Ярославъ брату Ивану Стародубъ»[32]. Указанный вариант, по которому Святослав Всеволодич получает не только Суздаль, но и Ростов, в историографии во внимание не принимался, что объяснимо авторитетом более ранней Лавр. А. Е. Пресняков по данному поводу уверенно заключил, что текст в МАк «явно испорчен из “отда Ярослав Суздаль брату Святославу”»[33]. Это не видится невозможным, но все же заметим, что реконструируемый вариант не соответствует чтению Лавр. В другом связанном с Ростовом памятнике, восходящем, как и МАк, к местной владычной летописи, в «Летописце русском» (далее – ЛР), известие присутствует в том же виде: «Сѣде Ярослав Всеволодичь на столѣ. Того же лѣта отда Ростовъ и Суздаль брату Святославу. Того же лѣта отда Ярослав брату Иваноу Стародубь»[34]. Таким образом, дело вроде бы не в индивидуальной ошибке списка МАк: хотя в известиях тверских и московских памятников ветви летописания, связанной со Сводом 1304 г., как и в Лавр., говорится лишь о переходе к Святославу Суздаля, ростовские летописцы не исправляли, а воспроизводили известие о передаче ему Ростова вместе с Суздалем. Также наряду с Суздалем в этой статье, как можно уверенно предположить, упоминался Ростов и в памятнике, служившем одним из источником летописей Новгородско-Софийской группы: во 2-й выборке Новгородской Карамзинской летописи (далее – НК2) и в Новгородской четвертой летописи (далее – Н4) сказано, что «сѣде Ярослав Всеволодич в Володимерѣ, а брату Святославу (да) Суждаль, а в Ростовѣ сѣдоста Василковичи Борис да (и) Глѣбъ на княженьи»[35]. Представленное известие невозможно счесть первоначальной редакцией: подобного нет ни в Лавр, ни в МАк и ЛР. Оно вряд ли могло возникнуть в раннем ростовском летописании, с учетом того, что как минимум для годовалого Глеба княжение было просто нереально. Это, судя по всему, в Ростове второй половины XIII в. хорошо

[30] Возможно, летописная дата несколько условна.

[31] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 467.

[32] Там же. Стб. 522–523.

[33] *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. С. 329. Примеч. 14.

[34] *Насонов А. Н.* Летописный свод XV века (по двум спискам) // Материалы по истории СССР. М., 1955. Т. 2. С. 294.

[35] ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 221; СПб., 2002. Т. 42. С. 114.

понимали или даже помнили: именно поэтому в ростовских дополнениях завершенного до 1282 г. «Летописца вскоре патриарха Никифора» сказано, что после Василько там «сѣде княгыни Василковая съ сынома Борисомь и Глебомь»[36]. На наш взгляд, сообщение НК2 и Н4 о вокняжении в 1238 г. Бориса и Глеба могло стать результатом правки в соответствии с хорошо известной последующей принадлежностью власти в Ростовском княжении, сделанной в XV в., автор которой так же, как и А. Е. Пресняков, предположил ошибку в увиденном им в своем источнике чтении о получении Святославом не только Суздаля, но и Ростова.

Заметим, отдельные косвенные доводы в пользу того, что вариант МАк и ЛР может быть ближе к изначальному, восходя к ростовскому летописанию второй половины XIII в., все же имеются. С учетом того, что отчинным для Святослава и его потомства был Юрьев (принадлежавший этому князю и до Батыева нашествия и перешедший потом к его сыну Дмитрию), а иных свидетельств владения им Суздалем впоследствии не встречается, возможно, что как сожженный и разграбленный Суздаль, так и Ростов Святослав получил тогда от брата временно, дабы обеспечить хотя бы минимальный политико-административный порядок, в держание и управление при сохранении за малолетними Васильковичами их прав, а не в наследную собственность. Добавим: и Ростов, и Суздаль непосредственно граничили с принадлежавшим в тот момент Святославу Юрьевским княжением. Предположение о связанных, возможно, именно с таким решением Ярослава особых отношениях Святослава Всеволодича к Ростову и к Васильковичам позволяет лучше понять некоторые не вполне ясные указания позднейших источников. Во-первых, с учетом такого допущения легче объяснимо присутствие Глеба Васильковича с его матерью Марией и с епископом Игнатием при постриге и кончине сына Святослава юрьевского князя Дмитрия в 1269 г., зафиксированное летописью[37]. Во-вторых, можно указать, что крупное владение у ростовско-юрьевской границы, волость Караш, в ранних источниках упоминается как «слободка Святославля» и ее появление на ростовском берегу р. Нерль проще всего связать с освоением приграничных территорий со стороны соседнего Юрьева и с князем Святославом Всеволодичем[38]. Наконец, женитьбу юного Бориса Васильковича

---

[36] *Пиотровская Е. К.* Византийские хроники IX в. и их отражение в памятниках славяно-русской письменности («Летописец вскоре» Константинопольского патриарха Никифора). СПб., 1998. (Православный Палестинский сборник. Вып. 97 (34)). С. 132.

[37] ПСРЛ. М., 2007. Т. 18. С. 73.

[38] АФЗХ. М., 1951. Ч. 1. № 1–4. С. 23–25. Связь возникновения этой слободы с именем Святослава Всеволодича предположил С. В. Стрельников (*Стрельников С. В.* Землевладение в Ростовском крае в XIV – первой трети XVII века. М.; СПб., 2009. С. 70).

в 1248 г. на дочери муромского князя Ярослава возможно соотнести с также муромским происхождением Святославовой супруги[39], и в таком случае возникает почва для того, чтобы предположить участие в подготовке этого брака Святослава, который занял после Ярослава великокняжеский стол и, судя по всему, играл теперь роль старшего из родичей для ростовского князя. Тут же можно отметить и особое упоминание той же летописью Ярослава и Святослава Всеволодичей во Владимире в 1238 г. на похоронах Юрия Всеволодича[40], видящееся возможной параллелью к такому же упоминанию пары оставшихся старших братьев, Юрия и Ярослава, в связи с кончиной предыдущего великого князя, Константина Всеволодича, и тогда выглядит вполне вероятной и некая преемственная близость семейного патроната Юрия и Ярослава Всеволодичей над их племянниками Василько, Всеволодом и Владимиром Константиновичами с патронатом уже над сыновьями Василько Борисом и Глебом со стороны Ярослава и Святослава.

Добавим, что последнее предположение остается так или иначе возможным и при отказе от идеи о временной передаче Ярославом Ростова в конце 1230-х гг. брату Святославу, к тому же связь с все еще юными Васильковичами, предопределенная статусом старшего родича по отношению к ним, могла быть и просто унаследована Святославом от Ярослава вместе с великокняжеским столом.

О позиции ростовских князей по отношению к сменявшим друг друга великим князьям в период 1248–1252 гг. данных нет. Во всяком случае, ярлык, полученный в итоге Александром Ярославичем, для подчеркнуто лояльных Орде Бориса и Глеба был, разумеется, определяюще значим. Заметим, что к тому времени ростовские князья стали старше и уже не нуждались в особом покровителе, замещающем отца, к тому же их династический статус и их владение отчинами были теперь надежно подкреплены ханской санкцией. Их личное отношение к великому князю Александру, отраженное летописью, явно имеет уже иной характер, не воспроизводя прежних связей юных ростовских князей с его отцом и с остальными Всеволодичами. Хотя Александр был старше своих двоюродных племянников Бориса и Глеба, но разница в возрасте была не столь велика, примерно 11 или чуть меньше лет с первым из Васильковичей и около 16 лет со вторым. С учетом и этого, и исчезновения прямой нужды в патронате, и характера известий об их дальнейших взаимосвязях выглядит уже вряд ли вероятным со стороны ростовских князей налагающее ряд обязательств принятие его себе «в отца место». Между родичами в той степени родства, в которой находились Александр и два ростовских князя, могли быть вполне применимы такие взаимные обращения друг

[39] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 450, 471.
[40] Там же. Стб. 467.

к другу, как «отец и брат» / «сын и брат»[41]. Сами их взаимоотношения с новым великим князем куда проще определить как братские в смысле достаточно широком, но все же не в том, который подразумевал взаимный братский статус вообще всех князей Рюриковичей, а как вполне реальную близость, принадлежность к уже сложившейся группе, членов которой объединяют взаимное доверие и готовность к совместным действиям в общих интересах. Это их *братство* могло подкрепляться ролью семейного покровителя и, вероятно, даже нареченного отца, которую, как мы предположили, в близком и памятном для Васильковичей прошлом сыграл Ярослав Всеволодич, родной отец Александра. Разумеется, эти связи не были основаны на принципе абсолютного абстрактного равенства, но в целом в их направленности явно преобладало горизонтальное, а не вертикальное начало[42].

Отношение Бориса и Глеба к Александру Ярославичу было укоренено в династической предыстории, в которой отец Александра еще с 1218 г. являлся одним из ключевых гарантов сохранения Ростовского княжения за отцом Васильковичей, выступавшим затем его близким союзником (как минимум, в усобице 1229 г.), а в драматичной ситуации после битвы на Сити Ярослав оказался в том же положении уже по отношению к сыновьям героически погибшего Василько. Сложившаяся в Ростове традиция тесных связей с Ярославом Всеволодичем и чувство долга по отношению к нему как к старшему родичу-покровителю, обусловленные его вкладом в удержание ростовской ветвью Константиновичей их главного отчинного стола, выглядят в этом случае вполне вероятными, как и последующее восприятие братьями Васильковичами уже сына Ярослава Александра в качестве надежного союзника и давнего партнера, признающего и готового защищать их права и интересы.

---

[41] Это, разумеется, не исключало для Васильковичей возможности в определенной ситуации обратиться к великому князю, старшему по возрасту, по поколенному счету и занимающему главный стол Северо-Востока Руси как к «отцу» (и даже, возможно, в исключительных случаях, «отцу и господину»), а для него к ним как к «братьям» или «братьям молодшим» (о гибкости в использовании князьями в политических коммуникациях терминов родства в качестве метафор см.: *Лавренченко М. Л.* Термины родства в политической жизни Древней Руси // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 3. С. 42–55). В то же время свидетельств, что Александр мог бы подобно тому, как это делал в 1220–1230-х гг. занявший место отца для Константиновичей по договору Юрий Всеволодич, отправлять Васильковичей на какие-то подвластные ему столы или в военные походы в собственных интересах, не находится.

[42] Очевидно, этому способствовало и упрочение в результате тесных отношений с великим князем власти возмужавших Васильковичей в их огромной (и в своей северной части не подвергшейся нашествию) отчине, и выстраивание ими прямых связей с Ордой, и прочность братского дуумвирата Бориса и Глеба.

Известные в домонгольскую эпоху практики патроната влиятельных старших родичей над рано потерявшими отцов племянниками, в рамках которых те обретали до совершеннолетия родственную поддержку и защиту, не связанные с последующей утратой или сокращением их властных прав в отчинных княжениях, редко отражались в источниках, но продолжали бытовать и в XIII–XIV вв. О длительной последующей актуальности складывающихся на этой основе отношений свидетельствует напоминание в 1408 г. Иваном Михайловичем Тверским Василию Дмитриевичу Московскому о подобном казусе в 1263–1271 гг.: «по роду есми тебѣ дядя мой пращуръ великий князь Ярославъ Ярославичь, княжилъ на великомъ княжении на Володимерскомъ и на Новогородцкомъ; а князя Данила воскормилъ мой пращуръ Александровича, сѣдѣли на Москвѣ 7 лѣтъ тивона моего пращура Ярослава»[43]. Тверской князь апеллировал к возникшим в результате особым родственным связям, к чувству долга московских князей, родоначальник которых побывал под покровительством предка князей тверских, и к предопределенным этим особым последующим отношениям *братства* (о котором он прямо упоминает). Нечто сходное весьма вероятно и в отношениях Бориса и Глеба Ростовских с Ярославом Всеволодичем, а затем с его сыном.

Скорее всего, в закреплении этого комплекса представлений применительно к Ярославу Всеволодичу и Александру Ярославичу у подраставших Васильковичей сыграли серьезную роль и другие значимые для этих княжичей люди – мать Мария Михайловна и епископ Кирилл, долгое время занимавший важнейшее место в политической жизни Ростова[44]. Заметим также, что обстоятельства, в которых родившийся уже позже, в 1286 г., внук Бориса Александр Константинович получает свое имя[45], вряд ли можно убедительно реконструировать, но следует указать на отсутствие этого имени в предшествовавшем именослове ростовских князей и на то, что оно явно могло тогда восприниматься как связанное с Александром Ярославичем.

Подводя итоги, повторим, что связи Бориса и Глеба с великим князем Александром, в отличие от их отношений с Ярославом Всеволодичем и его братьями, судя по всему, носили преимущественно горизонтальный, а не вертикальный характер, являясь при этом в значительной мере добровольными, осознанными и вполне прагматичными. При этом они базировались уже не на обстоятельствах, в которых одна из сторон остро нуждалась в поддержке и покровительстве, и даже не столько на кровном родстве, сколько на проистекающем из событий недавнего прошлого

[43] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 474.

[44] Возможно, с этим связано и появление рассматриваемого комплекса летописных известий.

[45] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 526.

чувстве взаимной общности и на общих политических интересах, подкрепленных доверием. Такого рода союзные и дружеские связи между князьями, как можно полагать, приобрели дополнительную социальную и политическую ценность в ситуации ордынского владычества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

АФЗХ. М., 1951. Ч. 1.

Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

Лавренченко М. Л. «Отцовство» в древнейших русских летописях // Studia Historica Europae Orientalis. 2016. Vol. 9. P. 52–67.

Лавренченко М. Л. Термины родства в политической жизни Древней Руси // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 3. С. 42–55.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Династический мир домонгольской Руси. СПб., 2020.

Назаренко А. В. Александр Ярославич Невский // ПЭ. М., 2011. Т. 1. С. 541–544.

Насонов А. Н. Летописный свод XV века (по двум спискам) // Материалы по истории СССР. М., 1955. Т. 2. С. 273–321.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 11–76.

Пиотровская Е. К. Византийские хроники IX в. и их отражение в памятниках славяно-русской письменности («Летописец вскоре» Константинопольского патриарха Никифора). СПб., 1998. (Православный Палестинский сборник. Вып. 97 (34)).

Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. М., 1998.

ПСРЛ. М., 1997. Т. 1.

ПСРЛ. М., 1998. Т. 2.

ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. Ч. 1.

ПСРЛ. М., 2000. Т. 15.

ПСРЛ. М., 2007. Т. 18.

ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42.

Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае в XIV – первой трети XVII века. М.; СПб., 2009.

Феннел Дж. Кризис средневековой Руси, 1200–1304. М., 1989.

Sergey V. Gorodilin
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

COUSINS AND COUSINS' CHILDREN: ALEXANDER YAROSLAVICH'S RELATIONSHIPS WITH THE ROSTOV PRINCES AND THEIR BACKGROUND

The article presents several suggestions concerning the genealogical and political-dynastic context, within which close and confidential relationships between the Great Prince Alexander Yaroslavich and the Rostov Princes Boris and Gleb Vasilkoviches were formed, as recorded in the chronicles covering the period from 1250s to the beginning of 1260s.
Keywords: Grand Prince Alexander Jaroslavich, Rostov Principality, Princes of Rostov, Boris Vasilkovich, Gleb Vasilkovich, Grand Prince Jaroslav Vsevolodovich, Rostov, 13th century, medieval history of Russia, Medieval Russian history

В. Н. Рудаков
Журнал «Историк», Москва, Россия

МЕЖДУ КИЕВОМ И ВЛАДИМИРОМ: ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВ ВСЕВОЛОДОВИЧ В ГОДЫ НАШЕСТВИЯ БАТЫЯ

Статья посвящена анализу деятельности великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича (1190/1191–1246) в годы нашествия Батыя на русские земли. В работе уточняются цели его похода на южнорусский город Каменец (1239 г.). На основе анализа источников высказывается гипотеза, согласно которой этот поход был осуществлен им не из Владимира, а из окрестностей Киева, где в то время мог находиться Ярослав. В связи с этим пересматривается время возвращения князя из Киева во Владимир. Скорее всего, это произошло не в середине 1238 г., как принято считать, а на рубеже 1239–1240 гг. В период его отсутствия во Владимире там правил его младший брат – князь Святослав Всеволодович (1196–1252), который при возвращении Ярослава получил Суздаль – второй по значению город Владимиро-Суздальской Руси и, возможно, статус соправителя.
Ключевые слова: великий князь Ярослав Всеволодович, Святослав Всеволодович, Михаил Всеволодович Черниговский, Батый, нашествие, битва на реке Сити, Киев, Владимир, Суздаль, поход на Каменец

Рассказ о приезде великого князя Ярослава Всеволодовича во Владимир, дошедший в составе Лаврентьевской летописи (далее – Лавр.) под 6746 (1238) г., хорошо известен. Но можно ли доверять этому сообщению? В свое время М. Д. Приселков предположил, что в этой части Лавр. мы имеем дело с отражением летописи самого Ярослава Всеволодовича, составленной для него в Ростове в 1239 г.[1] Однако это не так: при внимательном анализе текста становится заметно его позднее происхождение.

Во-первых, еще Г. М. Прохоров установил, что относящаяся к описанию деятельности Ярослава фраза «И поча ряды рядити, яко же пророкъ глаголет: “Боже, суд твой цареви дажь, и правъду твою сынови цесареви – судити людемъ твоим в правду и нищим твоимъ в суд”. И потомъ утвердися в своем честнѣмь княжении» в действительности является заимствованием из предшествующего рассказа Лавр. и касается утверждения в 6714 (1206) г. его старшего брата – великого князя Константина Всеволодовича – на новгородском столе[2]. В результате в статье 6746 (1238) г. возникает явный смысловой повтор: Ярослав Всеволодо-

[1] *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 144.

[2] В основе этой цитаты, в свою очередь, лежит цитата из Пс 71: 1–2 (см.: *Прохоров Г. М.* Повесть о Батыевом нашествии // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 81).

вич сначала «сѣде на столѣ», а затем еще «утвердися в своем честнѣмь княжении». Во-вторых, на всем протяжении весьма пространных статей Лавр. за 1238–1239 гг. сообщений о действиях самого Ярослава Всеволодовича оказывается крайне мало. Это относится, прежде всего, к его пребыванию во Владимирском княжестве: в Лавр. упомянуто об утверждении Ярослава «в своем честном княжении» и последовавшей за этим раздаче княжеских столов братьям – Святославу и Ивану (статья 6746 г.), а также о погребении братьями (в данном случае – только Ярославом и Святославом!) погибшего на реке Сити великого князя Юрия Всеволодовича (статья 6747 г.). При этом все остальное пространство рассказа Лавр. за период со второй половины 1238 г. по середину 1239 г. занимает панегирик князю Юрию, фактически являющийся продолжением рассказа о нашествии Батыя, и весьма трафаретные восхваления Господа за избавление русских «от безбожных татаръ»[3]. В-третьих, сами утверждения летописи об избавлении от татар для времени, о котором шла речь (1238–1239 гг.), выглядят явным анахронизмом. Перечисленные особенности летописного рассказа позволяют предположить его позднее происхождение.

Более конкретная информация о поступках Ярослава появляется только в самом конце статьи 6747 (1239) г. Однако в этом случае действия совершаются князем не во Владимире, а на Юге и Западе Руси: «Того же лѣта Ярославъ иде г Каменьцю; град взя Каменець, а княгыню Михайлову со множьством полона приведе в своя си. Того же лѣта Ярославъ иде Смолиньску на Литву, и Литву побѣди, и князя ихъ ялъ; а смольняны урядивъ князя Всеволода посади на столе, а сам со множеством полона с великою честью отиде в своя си»[4].

«И город Каменѣць взя…»

Интересно, что о походе Ярослава Всеволодовича на Каменец под 6746 г. сообщает и Ипатьевская летопись (далее – Ипат.): «…яко бѣжалъ есть Михаилъ ис Кыева в Угры, ѣхавъ я княгиню его и бояръ его поима, и город Каменѣць взя»[5]. Большинство исследователей склоняются к тому, что, скорее всего, речь идет о Каменце, располагавшемся в районе реки Хоморы (притока реки Случь), на границе Волыни и Киевщины, в более чем 200 км юго-западнее Киева[6].

---

[3] ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 467–469.

[4] Там же. Стб. 469.

[5] ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 782.

[6] Подробнее см.: *Рудаков В. Н.* Великий князь Ярослав Всеволодович в годы нашествия Батыя // Тетради по консерватизму. 2020. № 3. С. 421–422.

Еще Н. М. Карамзин выражал изумление по поводу того, что Ярослав, прибывший из Киева[7] в разоренный татарами Владимир, чтобы занять великокняжеский престол, вскоре вновь оказался на другом краю Русской земли[8]. Действительно, поход Ярослава на Каменец вызывает большое количество вопросов. Во-первых, что могло заставить князя через год после прибытия в столицу своих новых владений бросить Владимир на произвол судьбы и отправиться в далекую Южную Русь? Тем более в условиях, когда к ее границам приближались татары, и сами южнорусские князья (тот же Михаил Всеволодович Черниговский), наоборот, стремились покинуть ставший опасным регион. Во-вторых, где Ярослав смог взять военные силы, для того чтобы отправиться в столь дальний и столь рискованный поход? Вряд ли он мог опереться на владимирскую дружину, которая вся погибла в 1238 г.[9] Наконец, в-третьих, как Ярослав смог так быстро отреагировать на бегство Михаила из Киева, если для этого ему требовалось преодолеть расстояние, по прямой превышающее 1200 км? Если брать в расчет тогдашнюю скорость передвижения, этот путь мог занять у княжеского отряда не менее месяца[10].

Затруднения, которые исследователи испытывали с поиском ответов на эти вопросы, даже породили предположение, что речь в соответствующих статьях Лавр. и Ипат. могла идти о совершенно другом Ярославе – одном из мелких волынских князей, некоем Ярославе Ингваревиче[11]. Между тем еще Н. М. Карамзин, первым обративший внимание на странность поступка великого князя владимирского и уже тогда задумывавшийся о возможной причастности князя Ярослава Ингваревича к этим событиям, в итоге отверг подобную версию[12]. Действительно, если южнорус-

---

[7] О том, что накануне нашествия Ярослав, скорее всего, находился в районе Киева, см. подробнее: *Горский А. А.* Проблемы изучения «Слова о погибели Русскыя земли» (к 750-летию со времени написания) // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 30–32.

[8] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1992. Т. 4. С. 182. Примеч. 20.

[9] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 461.

[10] См.: *Рудаков В. Н.* Великий князь Ярослав Всеволодович в годы нашествия Батыя. С. 412. Примеч. 2.

[11] См. подробнее: *Соловьев С. М.* Сочинения: в 18 книгах. М., 1988. Кн. 2. История России с древнейших времен. Т. 3–4. С. 322. Примеч. 277. Ср.: *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1889. Т. 1. С. 17. Примеч. 36; *Грушевський М. С.* Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV сторічяя. Київ, 1991. С. 423; *Котляр Н. Ф.* Галицко-Волынская летопись. Тексты. Комментарии. Киев, 2005. С. 252; *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 602; *Он же.* Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи. Часть вторая // Rossica Antiqua. 2012. № 2 (6). С. 48.

[12] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 4. С. 182. Примеч. 20.

ская Ипат. теоретически могла иметь в виду какого-то иного Ярослава, то Лавр., отразившая летописание Северо-Восточной Руси могла рассказывать только о великом князе владимирском[13].

В качестве рабочей гипотезы, способной не только объяснить вышеперечисленные особенности текста Лавр., но и ответить на вопросы, касающиеся похода Ярослава Всеволодовича на Каменец в 1239 г., можно предложить следующее.

Вполне вероятно, что великое княжение в Киеве Ярослав мог утратить вовсе не потому, что вынужден был стремительно покинуть город и уехать во Владимир для того, чтобы занять там освободившийся после гибели старшего брата великокняжеский стол, как это принято считать, а по каким-то иным причинам, связанным, скорее всего, с продолжающейся междоусобицей в Южной Руси. Судить об этом позволяет сообщение Ипат.: «И потомь приде Ярославъ Суждальскый и взя Киевъ подъ Володимеромъ (имеется в виду князь Владимир Рюрикович. – *В. Р.*), не мога его держати»[14]. При этом он вполне мог покинуть Южную Русь не в 1237 г., как это может показаться из сообщения Ипат. (там явно нарушена последовательность событий, о чем ниже), и не в 1238 г., как это следует из Лавр., а существенно позже. Если представить, что после гибели старшего брата он не сразу покинул Киевщину и что свой поход на Каменец против Михаила Черниговского (который, согласно Ипат., занял Киев после ухода оттуда Ярослава) он осуществил не из Владимира, а с территории Южной Руси, многое встает на свои места.

Во-первых, предлагаемая трактовка объясняет, откуда Ярослав Всеволодович мог взять военные силы для нападения на князя Михаила: вероятнее всего, это была дружина, которая находилась с Ярославом в Киеве (в данном случае войск потребовалось бы существенно меньше, чем если бы он шел на Каменец из Владимира). Во-вторых, проясняются мотивы Ярослава: в пылу междоусобной войны за обладание киевским столом он вполне мог попытаться либо взять реванш над Михаилом Черниговским, либо просто поквитаться со своим давним врагом, в спешном порядке покинувшим Киев, а значит, ставшим более уязвимым. В-третьих, становится ясно, каким образом Ярослав смог столь оперативно отреагировать на бегство своего недруга (расстояние, которое ему необходимо было преодолеть, оказывалось примерно в пять-шесть раз меньше, чем если бы он выдвигался из Владимира). Наконец, это объясняет, почему составитель рассказа в Лавр. так странно описывал действия нового правителя Северо-Восточной Руси: ему просто нечего было рассказывать о его деятельности во Владимире за период 1238–1239 гг.

---

[13] См. подробнее: *Горский А. А.* Русь: От славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 186–187. Примеч. 27.

[14] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 777.

Однако как эта гипотеза соотносится с тем, что мы знаем о событиях того времени? Считается, что Ярослав отправился в погоню за бежавшим из Киева князем Михаилом Всеволодовичем, при этом черниговский князь, в свою очередь, по мнению большинства исследователей, оставил «мать городов русских» уже после того, как татары взяли штурмом Чернигов. Ни в Лавр., ни в Ипат. нет точной даты взятия Чернигова татарами[15]. Позднейшие летописи датируют это событие 18 октября 1239 г.[16] Если это так, получается, что из Киева «в Угры» Михаил бежал еще позже – поздней осенью или даже в самом конце 1239 г.[17] Значит, поход Ярослава Всеволодовича на Каменец вряд ли мог состояться раньше этого времени. Исходя из этого, исследователи традиционно датируют его поздней осенью или даже зимой 1239–1240 гг.[18]

Но Лавр. дает иную последовательность событий: сначала татары берут Переяславль Русский, затем Ярослав Всеволодович идет на Каменец и захватывает в плен жену Михаила Всеволодовича. После этого следует рассказ об освящении Борисоглебской церкви в Кидекше, уже за этим – рассказ о взятии татарами Чернигова и потом – о походе Ярослава в район Смоленска на «литву»[19].

Несмотря на то что Ипат. отражает взгляд южнорусского книжника, который вроде бы должен быть более осведомлен о событиях в Переяславле и Чернигове, датировкам Ипат. доверять нельзя[20]. Но и последовательность изложения событий в Ипат. также не может вызывать доверия. Так, рассказ о пребывании Ярослава Всеволодовича в Киеве и его возвращении в Суздаль помещен в Ипат. до рассказа о на-

---

[15] *Майоров А. В.* Летописные известия об обороне Чернигова от монголо-татар в 1239 г. (Из комментария к Галицко-Волынской летописи) // ТОДРЛ. СПб., 2009. Т. 60. С. 311. Ср.: *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 214.

[16] ПСРЛ. М., 2003. Т. 5. Вып. 1. С. 11; М., 2000. Т. 5. Вып. 2. С. 79; М., 2000. Т. 16. Стб. 51. См.: *Карпов А. Ю.* Батый. М., 2011. С. 86, 305. Примеч. 13; *Кучкин В. А.* Завоевание Руси Батыем // Российская история. 2020. № 4. С. 16.

[17] *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. История татарской политики на Руси // Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб., 2006. С. 232.

[18] *Горский А. А.* Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. СПб., 2016. С. 34; *Майоров А. В.* Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи… С. 49. Впрочем, само по себе начало похода в зимнее время вызывает определенные вопросы. Особенно если исходить, как делают авторы, из кажущейся нам неправдоподобной версии, согласно которой князь Ярослав Всеволодович выдвигался на Каменец из Владимира (то есть за тысячу с лишним километров) в условиях присутствия монгольских войск на Юге Руси.

[19] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

[20] См. подробнее: *Горский А. А.* Проблемы изучения «Слова о погибели Русскыя земли»… С. 26.

шествия Батыя на русские земли, да и в дальнейшем повествовании заметны хронологические нестыковки. Например, явно нарушена последовательность событий в рассказе о бегстве Михаила Черниговского из Киева «в Угры», в результате о взятии татарами Киева в летописи рассказывается дважды[21].

Если же исходить из информации Лавр., получается, что поход Ярослава на Каменец состоялся после взятия татарами Переяславля Южного и до последующих событий (освящения Борисоглебской церкви в Кидекше и взятия татарами Чернигова). Освящение церкви в Кидекше, согласно Лавр., происходило «на праздник Бориса и Глѣба», то есть 24 июля[22]. В этом случае бегство Михаила должно было произойти в промежуток между взятием татарами Переяславля и концом июля 1239 г. Судя по всему, Переяславль был взят 3 марта 1239 г.[23] Это не противоречит тому, что Лавр., сообщая о взятии татарами Чернигова, пишет о бегстве черниговских князей: «того же лѣта взяша татарове Черниговъ, князи ихъ выѣхаша въ Угры»[24]. По крайней мере, из нее не следует, что этот выезд произошел непосредственно перед приходом татар к Чернигову, он мог уже произойти к этому времени, то есть состояться несколько раньше.

Но это, казалось бы, противоречит сообщению Ипат., в которой о бегстве черниговского князя из Киева «в Угры» рассказывается вслед за сообщением о взятии Чернигова и после известия о приезде под Киев Менгу-хана и отправке им послов к Михаилу Всеволодовичу. Но так ли это? Вопреки устоявшемуся мнению, текст летописи позволяет предположить, что в данном случае Ипат. повествует о событиях, происходящих не последовательно друг за другом, а почти одновременно. Именно так можно интерпретировать слова летописца о том, что Батый после взятия Козельска «поча посылати на грады русьскые», то есть направлять отряды сразу в разные части Южной Руси. Это подтверждается и в рассказе о взятии Чернигова, который следует вслед за сообщением о взятии Переяславля и начинается с указания летописца на то, что отправка татарского отряда к Чернигову происходила «в то же время». Построение фразы «Меньгуканови же…» также позволяет прочесть ее таким образом, что приезд Менгу под Киев и отправка им послов к сидевшему в городе Михаилу Чер-

[21] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 783–784. На вставной характер текста обратил внимание еще А. А. Шахматов (см. подробнее: *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1900. Ч. 332. № 11. Ноябрь. С. 160–161.

[22] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469. Речь, скорее всего, идет именно о 24 июле как дне памяти святых князей, а не 2 мая – дне перенесения их мощей (см. подробнее: *Назаренко А. В., Серегина Н. С., Турилов А. А.* Борис и Глеб // ПЭ. М., 2003. Т. 6. С. 44–60).

[23] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 79; Т. 16. Стб. 51. См.: *Кучкин В. А.* Завоевание Руси Батыем. С. 15–16.

[24] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

ниговскому (собственно, и спровоцировавшая бегство князя) вполне могли произойти примерно тогда же[25].

Но мог ли Менгу оказаться в середине 1239 г. под стенами Киева? О перемещениях монгольского полководца сообщается в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина, составленном в начале XIV в.[26] Установить точное время приезда Менгу к Киеву по нему можно только гипотетически, поскольку о самом походе на Киев Рашид ад-Дин не сообщает. Принято считать, что разведывательный поход к Киеву не мог быть осуществлен ранее начала 1240 г., поскольку до этого времени Менгу осаждал аланскую крепость Магас, а значит, он мог подойти к Киеву не ранее февраля-марта 1240 г.[27] Однако А. Ю. Карпов считает, что поход Менгу мог состояться несколько раньше – не после осады Магаса, которая продолжалась до февраля 1240 г., а до этого. По мнению исследователя, «для его (Менгу. – *В. Р.*) действий у Киева остается лишь лето и самое начало осени 1239 г.»[28].

Таким образом, совокупность факторов позволяет предположить, что поход на Каменец Ярослав Всеволодович вполне мог осуществить не на рубеже 1239–1240 гг., а существенно раньше, в конце лета – самом начале осени 1239 г. И скорее всего, именно из района Каменца Ярослав двинулся на Смоленск[29], результатом чего стала его победа над «литвой» и замена смоленского князя на более лояльного Ярославу – Всеволода Мстиславича[30]. Не исключено, что, только завершив эти два похода, а заодно уладив матримониальные дела своего сына, он пришел во Владимир, чтобы занять пустовавший с марта 1238 г. великокняжеский стол. Это означает, что в действительности утверждение Ярослава Всеволодовича на главном столе Северо-Восточной Руси могло произойти не летом 1238 г., как принято считать, а позже – в конце 1239-го или даже в самом начале 1240 г.

---

[25] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 781–783.

[26] Золотая Орда в источниках. М., 2003. Т. 1. Арабские и персидские сочинения. С. 400.

[27] *Храпачевский Р. П.* Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М., 2011. С. 227–228.

[28] Золотая Орда в источниках. Т. 1. С. 407–408. Ср.: *Храпачевский Р. П.* Армия монголов периода завоевания Древней Руси. С. 225–227; *Карпов А. Ю.* Батый. С. 304. Примеч. 4. При этом А. Ю. Карпов полагает, что «относить его (Менгу. – *В. Р.*) поход на Киев к 1240 г. тоже нельзя, поскольку именно 1239 г. Лавр. датирует поход Ярослава к Каменцу, а этот поход последовал за бегством Михаила из Киева» (см.: *Карпов А. Ю.* Батый. С. 305. Примеч. 15). Более подробную аргументацию в пользу этой точки зрения см.: *Рудаков В. Н.* Великий князь Ярослав Всеволодович в годы нашествия Батыя. С. 426–427.

[29] *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси, 1200–1304. М., 1989. С. 139.

[30] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

Ил. 1. Благоверный князь Александр Невский, с житием в 36 клеймах 1620-1630-е гг. Москва
Дерево, левкас, темпера; 125,0 x 99,0

Ил. 2. Фрагмент иконы «Благоверный князь Александр Невский, с житием в 36 клеймах»

Ил. 3. Благоверный князь Александр Невский в молении Господу Вседержителю Владимиро-Суздальские земли. Конец XVII в. Дерево, темпера; 30 × 25,5 см

Ил. 4. Благоверный князь Александр Невский в молении Богоматери с Младенцем, в серебряной рамке

Ил. 1. Симон Ушаков. Икона «Древо государства Московского». 1663 г. Фрагмент

Ил. 3. Изображение степеней. Миниатюра Степенной книги. 1670 г. Фрагмент

Ил. 4. Древо русских князей и царей. Миниатюра Синодика Воскресенского Новоиерусалимского монастыря. 1680-е гг. (?). Фрагмент
Внизу:

Ил. 5. Древо Рюриковичей. Фреска Спасо-Преображенского собора Новоспасского монастыря в Москве. 1680-е гг. (?). Фрагмент

Ил. 6. Род царствия благословится. Фреска церкви Ильи Пророка в Ярославле. 1716 г. (?). Фрагмент

СЕЙ ВѢТКИ
ВЛАДИМИРЪ КНЯЗЬ
АЛЕѲАНДРЪ
ВЛАДИМИРЪ
ПЛОДЫ

Я. Э. Зеленина.
Образ святого Александра Невского в княжеской иконографии XVIII — начала XX в.: между сакральным и историческим. С. 464—481.

Ил. 4. Благоверный князь Александр Невский. Начало 1840-х гг. Санкт-Петербург. Дар императора Николая I Брестскому кадетскому корпусу. ГИМ

Ил. 7. Благоверный князь Александр Невский. 1905 г. Москва. Мастерская Д. Л. Смирнова. Вклад А. А. Либеровского в Донской монастырь в Москве. ГИМ

Ил. 1.1. Св. кн. Александр Невский и св. царь Иоан Шишман в церкви «Св. Никола» в с. Тополница близ Дупницы (1883 г.)

Ил. 2.1. Св. кн. Александр Невский под алтарной иконой Христа Германского монастыря «Св. Иван Рильский Чудотворец» близ Софии (общий вид) (1886 г.)

Ил. 3.1. Св. кн. Александр Невский и св. царь Давыд Болгарский в церкви «Введение св. Богородицы» в Панагюрище (1895 г.)

2.1

Ил. 4.1. Св. кн. Александр Невский, алтарная икона (1901 г.) в храм-памятнике «Рождество Христово» в г. Шипка (1885-1902)

Ил. 4.2. Св. кн. Александр Невский (1958-59 гг., второе расписывание церкви) в храм-памятнике «Рождество Христово» при с. Шипка (1885-1902)

Ил. 4.3. Молитва св. кн. Александра Невского и видение (1958-59 гг., второе расписывание храма) в храм-памятнике «Рождество Христово» в г. Шипка (1885-1902)

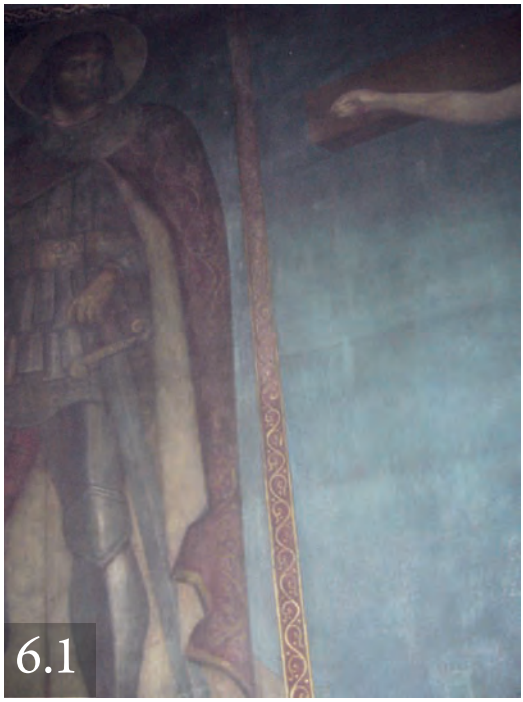

Ил. 5.1. Св. кн. Александр Невский и свв. Кирилл и Мефодий в храм-памятнике «Св. Александр Невский» в София (1904-1912 г.).

Ил. 5.2. Св. кн. Александр Невский в храм-памятнике «Св. Александр Невский» в София (1904-1912 г.).

Ил. 5.3. Св. кн. Александр Невский в храм-памятнике «Св. Александр Невский» в София (1904-1912 г.).

Ил. 6.1. Св. кн. Александр Невский, в крипте русской церкви «Св. Николай», София (1913)

Ил. 7.1. Св. кн. Александр Невский. Бумажная икона в русской церкви «Св. Пантелеймон» в Софии, район Княжево (1923)

Ил. 7.2. Св. кн. Александр Невский в русской церкви «Св. Пантелеймон» в Софии, район Княжево (1923)

Ил. 8.1 Св. Александр Невский и св. Серафим Саровский в церкви «Св. Троица» в жилом комплексе «Св. Троица» в Софии, 90-е годы XX века

7.2

Ил. 9.1. Св. кн. Александр Невский (2001) в женском монастыре «Покров Богородицы» в Самокове.

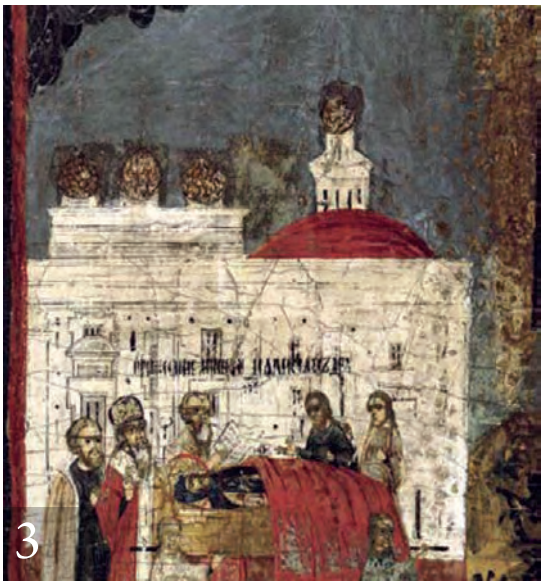
9.2. Св. кн. Александр Невский и Вход в Иерусалим (2001) в женском монастыре «Покров Богородицы» в Самокове.

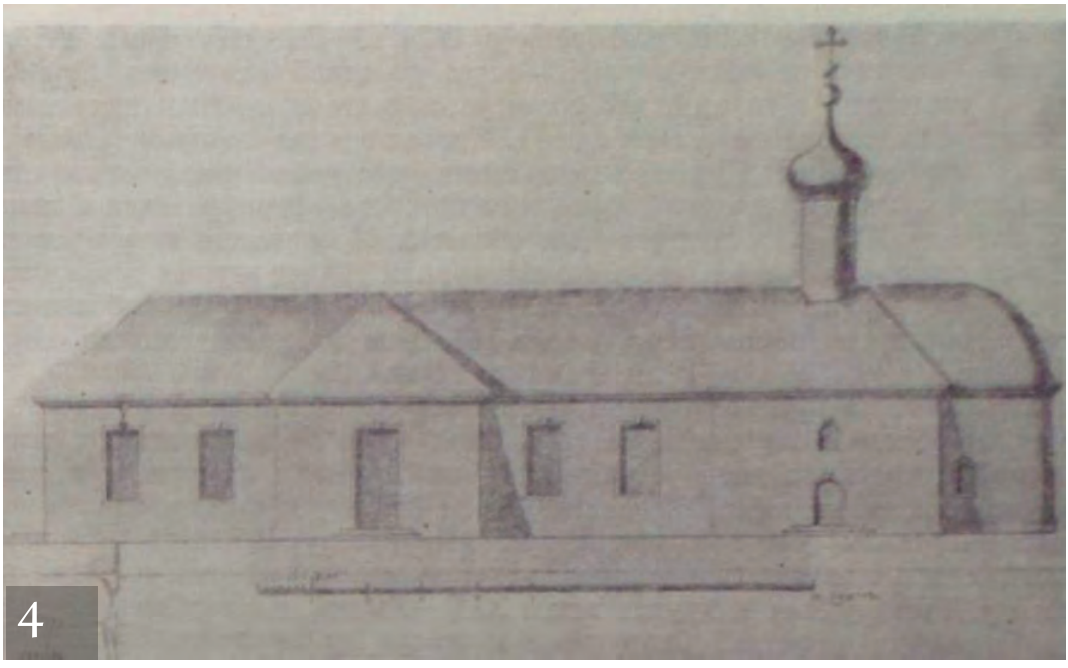

Ил. 1. Скульптура-образ св. Александра Невского из храма Святой Троицы в селе Ворша (Дмитровское) Собинского района Владимирской области. Первая четверть XVIII в. Дерево.

Ил. 2. Благоверный князь Александр Невский, со сценой перенесения мощей. XVIII век Дерево, темпера. 29×26 см КБИАХМЗ. Инв. № ДЖ-125

Ил. 3. Благоверный князь Александр Невский, со сценой перенесения мощей. XVIII век (Фрагмент)

Ил. 4. Чертеж церкви Иоанна Предтечи в Шлиссельбурге, выполненный С.Густышевым в 1758 г. (РГАДА, публикация А.Н.Кирпичникова).

Дуумвират Всеволодовичей?

Но если Ярослав появился во Владимире только на рубеже 1239–1240 гг., кто правил во Владимиро-Суздальской Руси в период с марта 1238 г.? Судя по всему, только следующий по старшинству брат – Святослав Всеволодович, княживший в это время неподалеку, в Юрьеве.

Если верить версии сражения на реке Сити, изложенной в Лавр., Святослав, в отличие от Ярослава, пришел на помощь старшему брату – великому князю Юрию Всеволодовичу, но избежал смерти, а значит, после отхода татарских войск был где-то поблизости. Возможно, какое-то время после нашествия Батыя во Владимире ничего не было известно о судьбе находившегося на другом конце Русской земли Ярослава. В этой ситуации именно его младший брат Святослав Всеволодович – как старший в роду князей Суздальской Руси – мог выдвинуться на первые роли.

Особый статус Святослава проявился в том, что только он в Лавр. назван вместе с Ярославом участником перезахоронения останков князя Юрия Всеволодовича[31]. Косвенно особое положение Святослава в этот период подтверждается и тем, что, согласно Лавр., после вокняжения Ярослава Всеволодовича во Владимире именно Святослав получил Суздаль, который до этого, судя по всему, входил в доменное владение великого князя и, по сути, являлся вторым по значимости городом «державы Всеволодовичей»[32]. Почему Ярославу Всеволодовичу понадобилось нарушить порядок, установленный старшим братом Юрием, закрепившим Суздаль во владениях великого князя? И почему сыновья Ярослава, когда в 1248 г. пришли к власти во Владимире, отменили решение своего отца, фактически отняв Суздаль у свергнутого ими с великого княжения Святослава? В рамках существующих представлений о времени появления Ярослава Всеволодовича во Владимире сколько-нибудь удовлетворительные ответы на эти вопросы так и не были найдены.

Однако если исходить из того, что выделение суздальского стола Святославу Всеволодовичу произошло не в середине 1238 г., а на рубеже 1239–1240 гг., многое становится понятнее. Передача Суздаля младшему брату выглядит как знак благодарности со стороны Ярослава Всеволо-

---

[31] Там же. Стб. 467. Третий остававшийся на тот момент в живых брат – правивший в Стародубе князь Иван Всеволодович – скорее всего, принимал участие в траурных мероприятиях в числе других «князей русских», чей статус, с точки зрения летописца, был ниже, чем статус Ярослава и Святослава.

[32] *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 110. Ср.: *Пресняков А. Е.* Образование великорусского государства. Пг., 1918. С. 54–55; *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси, 1200–1304. С. 137. См.: *Горский А. А.* Наследование великого княжения в середине XIII в., Батый и мачеха Александра Невского // Российская история. 2020. № 4. С. 32.

довича, таким способом отплатившего Святославу за то, что тот уступил ему великокняжеский стол, де-факто занимаемый Святославом с марта 1238 г. Одновременно это можно интерпретировать как попытку распределения территорий между братьями-соправителями, один из которых – Святослав – в ожидании возвращения старшего брата управлял в том числе и Суздалем.

Видимо, именно с правлением Святослава Всеволодовича следует связывать поновление и освящение храма свв. Бориса и Глеба в Кидекше. Н. С. Борисов справедливо заметил, что «реставрация и украшение одиноко стоящего в покинутой княжеской резиденции храма при отсутствии сведений о восстановлении других более значительных и, бесспорно, поврежденных памятников кажется несколько неожиданной. Объяснение следует искать в междукняжеских отношениях этих лет»[33]. Культ свв. Бориса и Глеба имел в Ростовской земле особое звучание[34]. Имена страстотерпцев носили юные князья Васильковичи – восьмилетний Борис и двух- (или трех-) летний Глеб[35]. Культ святых активно поддерживался и вдовой погибшего на реке Сити Василька Константиновича – княгиней Марьей Михайловной[36]. Вполне вероятно, что инициатива обновления Борисоглебского храма в Кидекше могла исходить от ростовского княжеского клана. Между тем Кидекша, расположенная в 4 километрах от Суздаля, не входила в состав родовых владений ростовских князей, а находилась на территории, которую в это время контролировал князь Святослав Всеволодович. Он, судя по всему, был в весьма тесных отношениях с ростовскими князьями[37]. Будучи «врио» великого князя, Святослав Всеволодович был заинтересован в поддержке со стороны ростовского клана,

---

[33] *Борисов Н. С.* Русская архитектура и монголо-татарское иго (1238–1300) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1976. № 6. С. 65.

[34] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 438, 442.

[35] Там же. Стб. 457; ПСРЛ. М., 2000. Т. 10. С. 156.

[36] *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 286.

[37] Подробнее о союзе Святослава с ростовскими князьями см.: *Борисов Н. С.* Русская архитектура и монголо-татарское иго… С. 65. Ср.: *Майоров А. В.* Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи… С. 49–50; *Хрусталев Д. Г.* Русь от нашествия до «ига». СПб., 2008. С. 167. Даже если бы Ярослав Всеволодович в это время находился во Владимиро-Суздальской земле, он вряд ли принял бы участие в столь значимом для ростовской княжеской династии мероприятии. Мать юных ростовских князей – княгиня Мария Михайловна – была дочерью черниговского князя Михаила Всеволодовича, против которого, если верить сообщениям Лавр. и Ипат., и был направлен поход великого князя Ярослава, завершившийся пленением «княгыни Михайловой», то есть матери самой Марии и бабушки князей Бориса и Глеба. Судя по всему, даже находясь в Ростове, княгиня Мария поддерживала тесные отношения с отцом. По крайней мере, в 1246 г. в свою первую поездку в Орду (ставшую, как оказалось, последней) Михаил Черниговский взял с собой 15-летнего внука – ростовского князя Бориса. Вряд ли это

опиравшегося на епископа Кирилла – де-факто главу всей церковной организации Владимиро-Суздальской Руси. И в этой связи поддержка Святославом или даже его участие в обновлении и освящении храма свв. Бориса и Глеба – это недвусмысленный шаг в сторону консолидации двух ветвей потомков Всеволода Большое Гнездо.

Показательно, что изгнавший в 1248 г. дядю с владимирского великого княжения сын Ярослава Всеволодовича Михаил Хоробрит не дал возможности Святославу вернуться в Суздаль. Пришедшие к власти во Владимире после гибели Хоробрита его братья – Александр и Андрей Ярославичи – не будучи, в отличие от отца, чем-либо обязанными своему дяде, также не позволили Святославу княжить в Суздале[38].

В особом статусе Святослава можно усмотреть следы своего рода «дуумвирата Всеволодовичей», который вполне мог существовать, по крайней мере, в первое время после вступления Ярослава в права великого князя владимирского. А может быть, и дольше. Ведь Ярославу Всеволодовичу и после возвращения во Владимир приходилось надолго покидать свои владения[39]. За шесть с половиной лет (от момента предполагаемого появления Ярослава Всеволодовича во Владимире зимой 1240 г. и вплоть до его смерти, произошедшей по дороге из Каракорума осенью 1246 г.) около двух лет он провел вне пределов Северо-Восточной Руси[40]. Вполне логично предположить, что и в это время Ярослава кто-то замещал, и этим человеком также почти наверняка был его младший брат Святослав Всеволодович.

Откуда же взялись в Лавр. сообщения за 1238–1239 гг., связанные с деятельностью Ярослава Всеволодовича во Владимире? Вероятнее всего, потомкам великого князя (либо его сыновьям, либо внукам) было невыгодно представлять дело таким образом, что в промежуток между правлением Юрия и Ярослава великокняжеский стол во Владимире какое-то время де-факто занимал князь Святослав Всеволодович. Тем более что последний после смерти Ярослава – теперь уже де-юре – ненадолго все-таки занял его место. В этой ситуации у потомков Ярослава Всеволодовича были все основания, чтобы подправить не вполне удобную им историю

могло быть сделано иначе как с благословения матери 15-летнего Васильковича (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471).

[38] См. подробнее: *Пресняков А. Е.* Образование великорусского государства. С. 54–55. Примеч. 3. Как полагает В. А. Кучкин, «с Суздальским княжеством Святослав Всеволодович мог расстаться или в 1247 г., когда, став великим князем, он уступил его одному из своих племянников, или в 1248 г., когда он потерял Владимирское княжение» (*Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 112).

[39] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470–471.

[40] См.: *Селезнев Ю. В.* Русские князья в составе правящей элиты Джучиева улуса в XIII–XV веках. Воронеж, 2013. С. 160–161.

перехода великокняжеской власти от Юрия Всеволодовича к Ярославу, которая явно не добавляла легитимности действиям самих Ярославичей в отношении свергнутого ими Святослава. В итоге упоминания о событиях, так или иначе касавшихся замещения Святославом Всеволодовичем отсутствовавшего во Владимире Ярослава, могли быть исключены из летописи[41]. А поскольку за период 1238–1239 гг. за самим Ярославом Всеволодовичем не числилось никаких дел, совершенных на северо-востоке Руси, соответствующие сообщения могли быть вписаны задним числом.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Борисов Н. С. Русская архитектура и монголо-татарское иго (1238–1300) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1976. № 6. С. 63–79.

Горский А. А. Проблемы изучения «Слова о погибели Русскыя земли» (к 750-летию со времени написания) // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 18–38.

Горский А. А. Русь: От славянского расселения до Московского царства. М., 2004.

Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. СПб., 2016.

Горский А. А. Наследование великого княжения в середине XIII в., Батый и мачеха Александра Невского // Российская история. 2020. № 4. С. 31–37.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.

Грушевський М. С. Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV сторічяя. Київ, 1991.

Золотая Орда в источниках. М., 2003. Т. 1. Арабские и персидские сочинения.

Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1992. Т. 4.

Карпов А. Ю. Батый. М., 2011.

Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись. Тексты. Комментарии. Киев, 2005.

Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

Кучкин В. А. Завоевание Руси Батыем // Российская история. 2020. № 4. С. 3–30.

[41] В свое время Ю. А. Лимонов предположил наличие в Лавр. следов отдельного суздальского летописного свода, попавшего туда в период кратковременного великого княжения князя Святослава Всеволодовича (1246–1248 гг.), «политическая направленность» которого «заключается в утверждении прав Святослава на владимирский стол». Некоторые места этого свода, по мнению исследователя, возможно, подверглись последующей правке политическими соперниками Святослава – потомками его брата Ярослава Всеволодовича (см. подробнее: *Лимонов Ю. А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967. С. 174–178).

Лимонов Ю. А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967.

Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.

Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001.

Майоров А. В. Летописные известия об обороне Чернигова от монголо-татар в 1239 г. (Из комментария к Галицко-Волынской летописи) // ТОДРЛ. СПб., 2009. Т. 60. С. 311–326.

Майоров А. В. Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи. Часть вторая // Rossica Antiqua. 2012. № 2 (6). С. 43–113.

Назаренко А. В., Серегина Н. С., Турилов А. А. Борис и Глеб // ПЭ. М., 2003. Т. 6. С. 44–60.

Насонов А. Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси // Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб., 2006. С. 213–345.

Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. Пг., 1918.

Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.

Прохоров Г. М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 77–98.

ПСРЛ. М., 1997. Т. 1.

ПСРЛ. М., 1998. Т. 2.

ПСРЛ. М., 2003. Т. 5. Вып. 1.

ПСРЛ. М., 2000. Т. 5. Вып. 2.

ПСРЛ. М., 2000. Т. 10.

ПСРЛ. М., 2000. Т. 16.

Рудаков В. Н. Великий князь Ярослав Всеволодович в годы нашествия Батыя // Тетради по консерватизму. 2020. № 3. С. 411–436.

Селезнев Ю. В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева улуса в XIII–XV веках. Воронеж, 2013.

Соловьев С. М. Сочинения: в 18 книгах. М., 1988. Кн. 2. История России с древнейших времен. Т. 3–4.

Феннел Дж. Кризис средневековой Руси, 1200–1304. М., 1989.

Храпачевский Р. П. Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М., 2011.

Хрусталев Д. Г. Русь от нашествия до «ига». СПб., 2008.

Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1900. Ч. 332. № 11. Ноябрь. С. 90–176.

Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1889. Т. 1.

Vladimir N. Rudakov
Istorik Journal, Moscow, Russia

BETWEEN KIEV AND VLADIMIR: GRAND PRINCE YAROSLAV VSEVOLODOVICH DURING THE BATU KHAN INVASION OF RUSSIA

The article is devoted to the analysis of the activity of Grand Prince Yaroslav Vsevolodovich, or Yaroslav II (1190/1191–1246) during the Batu Khan invasion of Russia. The paper specifies motives of his attack on the city of Kamenets in the South of Russia (1239). According to the hypothesis based on the analysis of various sources, this campaign was taken not from Vladimir but from the suburbs of Kiev, where Yaroslav Vsevolodovich could be possibly located at this period of time. In this connection the date of his return from Kiev to Vladimir-Suzdalian Rus should be reconsidered. Probably it happened on the edge of 1239–1240, not in the middle of 1238 as it is usually stated. During Yaroslav's absence there was his younger brother Sviatoslav Vsevolodovich, or Sviatoslav IV (1196–1252) reigning in Vladimir. When Yaroslav II had returned, Sviatoslav received Suzdal, the second most significant city in Vladimir-Suzdalian Rus and could be possibly considered as a co-ruler.
Keywords: Grand Prince Yaroslav Vsevolodovich (Yaroslav II), Sviatoslav Vsevolodovich (Sviatoslav IV), Michael Vsevolodovich (Saint Michael of Chernigov), Batu Khan, Invasion, the Battle of the Sit River, Kiev, Vladimir, Suzdal, attack on Kamenets

С. В. Богданов
Тверской государственный университет, Тверь, Россия

ТВЕРСКИЕ ЗАКЛАДНИКИ ВРЕМЕНИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

На основании материалов берестяных грамот и договорных грамот владимирских князей с Новгородом показано, что заклад в древнерусский период был формой развития феодальных отношений, поскольку в обеспечение долга закладчик передавал до возвращения долга свое имущество. Князья стремились вовлекать новгородцев в отношения заклада, Новгород противодействовал выводу из-под его сюзеренитета земельной собственности, однако, по договору 1296 г., Новгород признавал законным позорование «давних людей» «к Твери». Автор интерпретирует норму договора 1296 г. о позоровании «давних людей к Твери при Александре» так: «давние люди» договора – это закладники, вступившие с тверичами в институт заклада.
Ключевые слова: Тверь, Великий Новгород, Торжок, закладник, поручитель, позорование, договорные грамоты, берестяные грамоты, прекарий

В 1296 г. был заключен договор между Великим Новгородом и князем тверским Михаилом Ярославичем. Одна из статей этого договора гласит: «А кто будетъ давныхъ людии въ Торьжьку и въ Волоцѣ, а позоровалъ ко Тфѣри при Олександрѣ и при Ярославѣ, тѣмъ тако и сѣдѣти, а позоровати имъ ко мнѣ»[1].

Эта статья новгородско-тверского договора отсылает ко времени, когда Александр Невский был великим владимирским и одновременно новгородским князем (возможно, что и новгородским князем до получения ярлыка на стол во Владимире-на-Клязьме). В цитированной статье речь идет о новоторжцах и волочанах, которые в период княжения Александра Ярославича и его преемника на владимирском и новгородском столах Ярослава Ярославича стали «позоровать» к Твери, и по этой причине их можно назвать «тверскими закладниками». Кто такие «давние люди», которые стали «позоровать» к Твери «во времена» Александра и Ярослава, что означает их «позорование», наконец, кому они позоровали? Вот вопросы, которые требуют ответов.

Ответ на первый вопрос можно найти в двух предшествующих и одной последующей статьях этого же договора, они составляют с цитированной статьей единый комплекс, который читается так:

«А чего будеть искати мнѣ, и моимъ бояромъ, и моимъ слугамъ у новъгородьцевъ, и у новоторжьцевъ, и у волочанъ, а тому всему судъ дати

[1] ГВНП. М.; Л., 1949. № 5. С. 14–15.

безъ перевода. А холопы, и долъжникы, и поручникы выдавати по исправѣ. А кто будетъ давныхъ людии въ Торьжьку и въ Волоцѣ, а позоровалъ ко Тфѣри при Олександрѣ и при Ярославѣ, тѣмъ тако и сѣдѣти, а позоровати имъ ко мнѣ. А кто будеть закладень позоровалъ ко мнѣ, а жива в Новъгородьской волости, тѣх всѣхъ отступилъ ся есмь Новугороду»[2].

По условиям этих статей, холопы, должники и, что важно для поиска ответа на один из поставленных вопросов, «поручники» должны были выдаваться сторонами «по исправе». В этой связи оговаривается судьба «давних людей», «позоровавших к Твери», и «закладчиков», позоровавших к Михаилу Ярославичу и живших в Новгородских волостях, – от них тверской князь должен был отступиться, но только от них, а не от «давних людей».

Текст цитированных статей позволяет констатировать, что «позорование» является общим для «давних людей» и «закладников»: «давние люди» «позоровали» к Твери «при Александре и Ярославе», а закладники «позоровали» к князю Михаилу Ярославичу. Это позволяет утверждать, что «давние люди» – это закладники, «позоровавшие к Твери» «при» Александре и Ярославе Ярославичах, и они не подлежали возвращению под юрисдикцию Новгорода.

В договорных грамотах Новгорода с князем Ярославом Ярославичем вопрос о закладниках – одна из статей договора. В первой договорной грамоте великого князя Ярослава Ярославича с Новгородом 1264 г. содержится запрет приема князем закладников-новгородцев: «А закладниковъ ти, княже, не приимати, [ни] твоеи княгыни, ни тво[и]мъ бояромъ; н[и с] е[лъ ти] держати по Новгородьскои волости, ни твоеи княгыни, ни бояромъ твоимъ, ни твоимъ дворяномъ»[3].

Эта норма в расширенном виде присутствует в договоре 1266 г.:

«А из Бежицъ, княже, людии не выводити въ свою землю, ни изъ инои волости новгородьскои, ни грамотъ имъ даяти, ни закладниковъ приимати ни княгыни твоеи, ни бояромъ твоимъ, ни дворяномъ твоимъ: ни смерда, ни купцины»[4].

В этой формулировке норма о приеме закладников повторена в договоре 1268 г.[5], где решается и вопрос о закладниках-новоторжцах князя Юрия[6] (по мнению В. Л. Янина, это Юрий Андреевич, племянник Ярослава Ярославича, наместничавший в Новгороде от его имени[7]): «А что закладниковъ за Гюргемъ на Торожку или за тобою, или за кн[я]гынею,

---

[2] Там же. № 4. С. 14.

[3] Там же. № 1. С. 9–10.

[4] Там же. № 2. С. 11.

[5] *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1990. С. 147–150.

[6] ГВНП. № 3. С. 13.

[7] *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. … С. 150.

или за мужи твоими: кто купець, тотъ въ сто; а кто смердъ, а тот потягнеть въ свои погостъ; тако пошло Новегородѣ, отпустите ихъ проць»[8].

Итак, по меньшей мере после 1264 г. владимирские князья не могли принимать закладников из новгородских волостей. В 1296 г. новгородцы опирались именно на это положение прежних докончаний и обязывали князя Михаила Ярославича отпустить только тех закладников, кто стал «позоровать» к нему. Очень вероятно поэтому, что «давние люди» договора 1296 г. – это те, кто стал «позоровать» «к Твери» до 1264 г. (в предшествующие 1296 г. 30–40 лет «позоровавшие» могли уже уйти из жизни, их статус переходил к наследникам).

К актуальному вопросу о «закладниках» в первой четверти XIV в. обращались неоднократно. Формулировка договора 1268 г. о закладниках содержится в договорах великого князя Михаила Ярославича с Новгородом 1304–1305 гг.[9] В новгородской и тверской грамотах договора 1307–1308 гг. норма о закладниках конкретизирована: «А что закладниковъ въ Тържьку или инде, или за тобою, или за княгынею, или за мужи твоими: кто купецъ, поидеть в свое сто; а смѣрдъ поидеть въ свои погост; тако пошло в Новѣгородѣ, отпусти ихъ прочь»[10].

В февральском договоре 1316 г. великого князя Михаила Ярославича и Новгорода фиксируются такие последствия «замятни» между Михаилом и Торжком конца 1315 – начала 1316 г.: «А что селъ или людии новгородьскыхъ в сю замятню заложилося за князя и за княгыню, или за дѣти, или за бояр[ы], или села кто купилъ, куны ему имати, а села по Феоктисовѣ грамотѣ, что на Тфери докончалъ»[11].

Ответ на вопрос о том, что такое «позорование», не столь очевиден.

И. И. Срезневский на единственном примере новгородско-тверского договора показал, что одно из значений этого глагола – ‘числиться, принадлежать’[12]. Для всех других случаев употребления этого глагола в письменных источниках И. И. Срезневский определил его значение как ‘смотреть’ или ‘оглашать перед браком’[13]. В словаре В. И. Даля «архаическое тверское» существительное «позорянин, -нка» имеет значение ‘зритель, очевидец, свидетель, видок притомный или бытчик’[14]. Под влиянием мнения В. И. Даля А. Л. Шапиро считал, что в 1296 г. новгородцы были вынуждены отказаться от претензий на возвращение «давних людей»,

---

[8] ГВНП. № 3. С. 13.

[9] Там же. № 6. С. 15; № 7. С. 17.

[10] Там же. № 9. С. 20; № 10. С. 22.

[11] Там же. № 10. С. 23.

[12] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Т. 2. Стб. 1091.

[13] Там же.

[14] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. 3. С. 238.

которые сели в Твери при князьях Александре и Ярославе, ученый подчеркнул при этом, что речь идет о присутствовавших в Твери новгородцах. По мнению А. Л. Шапиро, «архаический тверской диалектный» глагол «позоровать» имеет значение ‘быть свидетелем, очевидцем, присутствовать, быть при чем-либо’[15].

Очевидцами, свидетелями чего могли быть эти «давние люди»? И почему они в таком случае «сидели» в Торжке и в Волоке? На эти вопросы нет внятного ответа. Не дают источники и возможности проверить адекватность определения значения глагола «позоровать» как ‘числиться’. «Причисление» может быть связано с татарским «числом», которое проводилось в период владимирского княжения Александра Невского в Суздальской, Рязанской и Муромской землях зимой 1257/1258 гг.[16], в Новгороде в 1259 г.[17] (первая попытка провести перепись в 1258 г. в Новгороде оказалась неудачной[18]) в ряду общеимперских мероприятий периода царствования императора Менгу (1251–1259 гг.)[19]. В таком случае «позоровать» означает не просто ‘причисляться’, а ‘тянуть, нести тягло’. Такое толкование «позорования» позволяет предположить, что в договоре 1296 г. речь идет о закладниках в Торжке и Волоке (Ламском), которые во время «числа» в Суздальской земле стали «тверичами», то есть уплачивали ордынский «выход» из Тверского княжества. Однако ввиду отсутствия прямых свидетельств о проведении переписей при князьях Ярославе и Михаиле это предположение остается сугубо гипотетическим.

На наш взгляд, более продуктивной для выяснения значения глагола «позоровать» является отмеченная связь между «позорованием» и закладничеством. В договоре великого князя Михаила Ярославича с Новгородом 1304–1305 гг. есть такая статья: «А кто живетъ въ Търъжку на Новотързьскои земли, а къ святому Спасу не тягнетъ къ Търъжку, княземъ отъемься, а ти поидуть ис Търъжку, куда имъ годно»[20]. В ней упоминаются люди, не «тянувшие» к Торжку, но «тянувшие» к князю Михаилу в силу того, что они «князю отъемься», то есть они «передали себя князю». По этой причине они должны были выехать за пределы «Новоторжской» земли. В новгородско-тверском договоре февраля 1318 г. есть похожая статья о тех, кто должен «потягнуть к Торжку», и в ней упоминаются закладники: «А к[то] живеть в Новоторьскомъ уѣ[зд]ѣ у святаго Спаса, а

[15] *Шапиро А. Л.* Русское крестьянство перед закрепощением (XIV–XVI вв.). Л., 1987. С. 127.

[16] ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1. Вып. 2. Стб. 474–475.

[17] ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 310–311.

[18] Там же. С. 82, 309.

[19] *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб., 2001. С. 223–224.

[20] ГВНП. № 7. С. 18.

тѣ потя[гну]ть [къ] Торжьку, буди закладьщи[къ], буди пришлецъ, бу[ди княз]я, буди дѣтѣи его, буди кня[гы]нинъ… [А кто старыи люди] в Торжьку и въ [Т]фѣри, положено на старыхъ л[ю]дехъ [сѣдѣти имъ] в прочьнои испра[вѣ]»[21].

Очевидно, «давние люди» договора 1296 г. и «старые люди» грамоты 1318 г. – это одна и та же категория жителей Торжка. По мнению В. А. Кучкина, упоминаемые «закладчики» до заключения договора 1318 г. коммендировались тверскому князю, его жене, детям, боярам и княгине Василисе и должны были быть отпущены тверским князем в свои сотни и погосты, а вот «старые люди» в Торжке по-прежнему несли повинности в пользу «зарубежных» сюзеренов[22].

Однако о коммендации в прямом значении этого понятия (‘вручение себя’) говорить не приходится. В средневековой Европе коммендация означала переход аллодиста под покровительство феодала и сопровождалась передачей земли от крестьянина феодалу, возвращением ее в качестве прекария и выплатой повинностей в пользу патрона[23]. В Древней Руси времени Александра Невского заклад – это денежный долг, исполнение которого налагало обязательства на должника и на его поручителей. Об этом можно утверждать на примере истории с долгом новгородки Анны и ее дочери (берестяная грамота № 531, первое 20-летие XIII в.): сестра Анны и ее племянница (по мнению А. А. Гиппиуса, дочь Анны[24]) давали в рост деньги, оставленные Константином мужу Анниной сестры; дочь Анны давала деньги в долг или в рост и требовала при этом заклад («И **даѧла** моѧ доци коуны людеми с | зветомо а заклада просила»), но одна из выданных сумм оказалась утраченной, поскольку должник отказался ее возвращать. Положение усугубилось тем, что Константин возложил поручительство на сестру Анны и ее дочь, таким образом, они должны были, как поручители, выплатить Константину всю сумму долга, но от поручительства Аннина сестра отказалась[25].

Второй показательный пример отражен в духовной новгородца Климента (не позднее 1270 г.)[26]. Он одолжил в Юрьевском монастыре

---

[21] Цит. по: *Кучкин В. А.* Последний договор Михаила Ярославича тверского // Михаил Тверской: личность, эпоха, наследие. Материалы конференции, посвященной 725-летию со дня рождения Михаила Ярославича, великого князя тверского и владимирского. Тверь, 27–29 ноября 1996 г. Тверь, 1997. С. 55; ГВНП. № 13. С. 25–26.

[22] *Кучкин В. А.* Последний договор Михаила Ярославича тверского. С. 64.

[23] *Сказкин С. Д.* Очерки по истории западно-европейского крестьянства в средние века. М., 1968. С. 97–99.

[24] *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004. С. 416.

[25] Там же. С. 416–417.

[26] ГВНП. № 105. С. 162–163.

20 гривен серебра, но расплачиваться ему было нечем, и в обеспечение долга он отдал монастырю два села с имуществом: «…что възялъ ес[м]ь 20 гривнъ серебра на свои рукы святаго Гергья, было же бы ми чимъ заплатит[и]. Даю за все за то два села съ обильемъ, и съ лошадьми, и съ бортью, и съ малыми селищи, и пень и колода, одерьнь святому Гергью; а заводникъ сусѣдъ мои Опалъ»[27].

Механизм заклада отражен в тверской берестяной грамоте № 1 (1240–1260-е гг.[28]). Это деловое письмо, в котором поручитель Станимир обращается к сыну кредитора Домажира Михаилу о долге Ивана: «От Станимира поклон Михаилу Домажировичу. Если хочешь взять половину денег, [то я заплачу] – я поручитель перед твоим отцом за Иванка. Если же не хочешь, так я [все равно] больше дать не могу»[29]. Новгородские берестяные грамоты, в основном относящиеся к XIII–XIV вв., дают примеры подобного поручительства[30]. Среди них – грамота № 510 (1220–1250-е гг.), в которой упоминается Домажир: «Вот обвинил Кузьма Сдылу и Домажировича. Вы (двое) торговали селом без меня, а я за то село поручитель. Вы развели [по новым местам] челядь и скотину и кобыл и [разделили] рожь, а Домажир бежал, не выкупивши [имущества] у Вячеслава из долга. Как вы (двое) торговали, так и [возместите] мой ущерб – шестьсот (не указано, каких единиц, – вероятно, гривен кун); в противном случае пошлите...»[31].

Ситуации, изложенные в указанных документах, ясно показывают институт новгородского (и в целом древнерусского) закладничества: взятые в долг деньги должны были быть возвращены, и для обеспечения возврата долга должник закладывал какое-либо имущество, у него должен был быть поручитель (важно поэтому упоминание «поручников» в договоре 1296 г. и в других договорах). В Псковской судной грамоте содержится характеристика деталей института поручительства: «А которой человек поручится за друга в серебре, а имет тот человек сочит на поручнике своего серебра, и тот истец, по ком рука дана, вымет против своего исца рядницу, а молвит так: “аз, брате, тобе заплатил то се[ре]бро за тою рукою, а у мене и рядница”, што ему не сочить истьцу на исце того серебра, ни на поручники, – ино тая порядня повинить, аже в лары не будет в ты же речи, а исцу знати поручника в своем серебре, кто по ком руку дал»[32].

---

[27] Там же. № 105. С. 162.

[28] *Богданов С. В.* Тверская берестяная грамота № 1: внестратиграфическая и стратиграфическая датировка // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2007. № 1. С. 134–153.

[29] Перевод: *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. С. 461.

[30] *Жилина Н. В.* Тверская берестяная грамота № 1 // Советская археология. 1987. № 1. С. 213.

[31] *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. С. 470.

[32] Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. С. 290. Ст. 32.

В периоды противостояния владимирских князей и Новгорода закладничество возникало в принудительном порядке, как форма наказания. Так, в 1224 г. Юрий Всеволодич наложил на Торжок контрибуцию в 7000 гривен серебра[33], в этом году в Торжке появились закладники Юрия Всеволодича, упоминаемые в договорной грамоте князя Ярослава Ярославича с Новгородом 1268 г. Напомним, что, по мнению В. Л. Янина, князь Юрий в договоре 1268 г. – это Юрий Андреевич. Нам представляется маловероятным, что Юрий Андреевич, возглавлявший новгородцев под Раковором и Псковом[34], давал новоторжцам деньги и брал у них заклад. О том, что в договоре 1268 г. идет речь о закладниках Юрия Всеволодича, свидетельствует один эпизод из истории новгородско-тверских противостояний. В начале 1316 г. великий князь Михаил Ярославич взял в Торжке огромный окуп в 50 000 гривен серебра и, кроме того, «останокъ людии в городѣ нача продаяти, колико кого станеть, а снасть отъима у всѣхъ»[35]. Все это привело к появлению новых закладников князя Михаила в Торжке, что отражено в его договоре с Новгородом февраля 1316 г.: «А что селъ или людии новгородьскихъ в сю замятню заложилося за князя, и за княгыню, или за дѣти, или за бояр[ы], или села кто купилъ… »[36]. О такого рода противостоянии Новгорода с великими князьями Александром и Ярославом прямых сведений мы не имеем, хотя в договорах Новгорода с князем Ярославом упоминается «насилие» Александра над Новгородом[37].

В любом случае, заклад был своеобразной формой развития феодальных отношений. Он втягивал закладника в экономическую и личную зависимость от феодала, его недвижимое или движимое имущество на время выплаты заклада переходило к заимодавцу, при невозможности вернуть долг и сам закладчик, и его имущество оставались у феодала. По этому критерию, действительно, можно говорить о возвращенном прекарии (*p. oblata*), когда закладчик получал свой надел обратно под обязанность выкупить в течение нескольких лет; если этого не происходило, то он считался полностью и навечно перешедшим во владение крупного собственника. В этом случае на Руси XII–XIII вв., как и в Западной Европе, в правовом отношении прекарий был завуалированной формой кредиторства, прекарные отношения создавали особую личностно-правовую связь прежнего собственника земли с феодалом и в значительной степени высвобождали его из-под власти прежнего сюзерена. Очевидно, этим обстоятельством и была вызвана острота вопроса о закладниках в новгородско-княжеских отношениях – Новгород стремился ограничить рост

[33] ПСРЛ. Т. 3. С. 64.
[34] Там же. С. 85–87.
[35] Там же. С. 95.
[36] ГВНП. № 11. С. 23.
[37] Там же. № 2, 3. С. 11, 12.

неотчуждаемых княжеских и великокняжеских земельных приобретений на своей территории (В. И. Сергеевич такую политику Новгорода объяснял стремлением ограничить выход населения из тягла и обеспечить правильное его отбывание[38]).

Наконец, обратимся к вопросу: кому «позоровали» закладники?

Норму о «позоровании» «давних людей» в Торжке и на Волоке к Твери «при Олександре» и «при Ярославе», как уже было сказано в начале статьи, мы истолковываем в смысле «во времена» Александра и Ярослава, когда они были владимирскими и одновременно новгородскими князьями. В пользу этого свидетельствует норма о купленных селах в договоре великого князя Михаила Ярославича с Новгородом (ноябрь 1317 г.), в которой предлог «при» обозначает время княжения владимирских князей в Новгороде: «А которая села куплена **при** князи Олександрѣ, **при** Ярославѣ, **при** Васильѣ, **при** Дмитриѣ, **при** Андрѣѣ»[39]. Примечательно, что в договорах упоминаются новоторжские закладники только трех князей – Юрия Всеволодича, Ярослава Ярославича и Михаила Ярославича, а также закладники людей из окружения князей Ярослава и Михаила. Источникам не известны новоторжские или волоцкие закладники князя Александра Ярославича, его княгини и бояр.

Имеет чрезвычайно важное значение то, как в договоре 1296 г. обозначены адресанты «позорования»: «давние люди» «позоровали» «к Твери», и только с 1296 г. они «позоруют» князю Михаилу, а закладники «позоруют» к князю («позоровати ко мне», «позоровали мне»), то есть принадлежат ему. Эти формулы, на наш взгляд, принципиально различные: формула «*позоровать ко мне*» означает сюзеренитет князя над закладником, а формула «*позоровать к Твери*» – лично-правовую принадлежность закладника к Твери, не к князю.

Но что означает «позоровать» к Твери?

Обратим внимание и на то, как в статьях о закладниках договоров охарактеризована их административная принадлежность: закладники-купцы договора 1268 г. должны были «потягнуть» в свое «сто», а закладники-смерды – «потягнуть» в «свой погост»; это обусловлено новгородской «стариной» («тако пошло Новегородѣ»). Такая же норма содержится в договорах 1304–1305 и 1307–1308 гг., но с конкретизацией о Торжке («А что закладниковъ в Търъжку или инде, или за тобою, или за княгынею, или за мужи твоими: кто купьць, поидеть въ свое сто; а смѣрдъ поидеть въ свои погостъ; тако пошло Новегородѣ, отпустите ихъ проць». В другом договоре 1307–1308 гг. указана необходимость покинуть Торжок теми, кто не «тянет» «к Спасу» («А кто живеть въ Търъ-

[38] *Сергеевич В. И.* Древности русского права: в 3 т. / Под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2006. Т. 1. Территория и население. Гл. VI.

[39] ГВНП. № 12. С. 24.

жку на Новотързькои земли, а къ святому Спасу не тягнеть къ Търьжку, княземь отъемься, а ти поидуть ис Торъжку, куда имъ годно»). Схожие условия оговорены в договоре февраля 1318 г., но с уточнением об уезде и о «старых» людях («А к[то] живеть в Новоторьскомъ уѣ[зд]ѣ у святаго Спаса, а тѣ потя[гну]ть [къ] Торжьку, буди закладьщи[къ], буди пришлецъ, бу[ди княз]я, буди дѣтѣи его, буди кня[гы]нинъ… [А кто старыи люди] в Торжьку и въ [Т]фѣри, положено на старыхъ л[ю]дехъ [сѣдѣти имъ] в прочьнои испра[вѣ]»). «Старые люди» первоначально позоровали «к Твери», и только в 1296 г. они стали «позоровать» «к Михаилу» (в договоре 1296 г. формула «так и седеть» сокращена, в более полном виде она отражена в договоре февраля 1318 г.: «[сѣдѣти имъ] в прочьнои испра[вѣ]»).

Очевидно, что все те, кто жил «у святого Спаса» и «тянул к Торжку», административно подчинялись Торжку, центру новгородской волости, их лично-правовая (*гражданская*) принадлежность была обусловлена нахождением в Торжке органов управления и суда – веча, посадника и владычного наместника (в Волоке (Ламском) также существовало посадничье управление, в новгородско-княжеских договорах упоминается посадничья «половина»). Указанные в договорах купцы и смерды принадлежали Новгороду и его волостям, он был их «господином», эта принадлежность обозначалась формулой «потягнути к [городу, в погост]». Напротив, для жителей княжества, в том числе и закладников, живших за его пределами, «господином» был князь, все они находились в административном подчинении у него, чему Новгород противодействовал (этим объясняется норма в договоре 1296 г.: «А кто будеть закладень позоровалъ ко мнѣ, а жива в Новъгородьской волости, тѣх всѣхъ отступилъ ся есмь Новугороду»).

Разумеется, в Новгородской земле, в ее волостях были закладники, но их «господами» были такие же новгородцы, поэтому административной связи с Новгородом – своим верховным «господином» – закладники не теряли. Другое дело – новоторжцы или волочане, которые закладывались не за новгородца и над которыми Новгород терял административный контроль; более того, из-под власти Новгорода выводились земли с населенными пунктами.

Приведенные примеры обозначения административной (гражданской) принадлежности жителей новгородских волостей позволяют вернуться к пониманию нормы «позоровать к Твери». Содержащееся в тексте договора 1296 г. указание о «позоровании» «давних людей» «к Твери» может означать, что этот город стал новым «господином» закладника. Мы считаем показательным тот факт, что Новгород не требовал возвращения этих закладников, князей Ярослава и Михаила обязывали вернуть только тех, кто «позоровал» (заложился) за них или прежде заложился за Юрия Всеволодича. Следовательно, положение «давних (или “старых”) людей» в Торжке и Волоке (Ламском) признавалось Новгородом законным, зна-

чит, законной признавалась и сделка заклада; неслучайно в 1296 г. «давние люди» в Торжке и Волоке (Ламском) должны были «сидеть в прочной исправе». Не потому ли, что закладывались они не за князей – за Александра и Ярослава Ярославичей? Может быть, новоторжцы и волочане в период новгородского и владимирского княжений Александра Невского посредством заклада втягивались в зависимость от зажиточных «тверичей»? Как консолидированная группа тверичи впервые выступают в 1245 г.[40]; о проживании в 1240–1250-е гг. – во время княжения Александра Невского в Новгороде – в Твери людей «со статусом» и при этом новгородцев свидетельствуют 1-я тверская берестяная грамота и погребения в изученном некрополе при храме Козьмы и Дамиана[41] – этот деревянный храм, по мнению Н. Н. Воронина, мог быть построен «новгородскими основателями Твери», поскольку культ Козьмы и Дамиана, как полагал еще В. С. Передольский, был особенно популярен в Новгороде[42].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Беляев Л. А., Сафарова И. А., Хохлов А. Н. Некрополь середины XII – XIII вв. на месте Спасо-Преображенского собора в Тверском кремле // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2017. Вып. 10. С. 61–108.

Богданов С. В. Тверская берестяная грамота № 1: внестратиграфическая и стратиграфическая датировка // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2007. № 1. С. 134–153.

Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. М., 1962. Т. 2.

ГВНП. М.; Л., 1949.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. 3.

Жилина Н. В. Тверская берестяная грамота № 1 // Советская археология. 1987. № 1. С. 203–216.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.

Кучкин В. А. Последний договор Михаила Ярославича тверского // Михаил Тверской: личность, эпоха, наследие. Материалы конференции, посвящен-

[40] ПСРЛ. Т. 3. С. 79.

[41] *Беляев Л. А., Сафарова И. А., Хохлов А. Н.* Некрополь середины XII – XIII вв. на месте Спасо-Преображенского собора в Тверском кремле // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2017. Вып. 10. С. 61–108.

[42] *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. М., 1962. Т. 2. С. 498–499. Примеч. 11; *Передольский В. С.* Новгородские древности. Записка для местных изысканий. Новгород, 1898. С. 163–165.

ной 725-летию со дня рождения Михаила Ярославича, великого князя тверского и владимирского. Тверь, 27–29 ноября 1996 г. Тверь, 1997. С. 29–73.

Насонов А. Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб., 2001.

Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв.

Передольский В. С. Новгородские древности. Записка для местных изысканий. Новгород, 1898.

ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1. Вып. 2.

ПСРЛ. М., 2000. Т. 3.

Сергеевич В. И. Древности русского права: в 3 т. / Под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2006. Т. 1. Территория и население.

Сказкин С. Д. Очерки по истории западно-европейского крестьянства в средние века. М., 1968.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Т. 2.

Шапиро А. Л. Русское крестьянство перед закрепощением (XIV–XVI вв.). Л., 1987.

Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1990.

Sergey V. Bogdanov
Tver State University, Tver, Russia

TVER MORTGAGERS (ZAKLADNIKI) OF THE TIME OF ALEXANDER NEVSKY'S REIGN

Based on the materials of birch bark letters and letters of agreement between the Vladimir princes and Novgorod, it is shown that the pledge in the ancient Russian period was a form of development of feudal relations. To secure the debt, the mortgagee transferred his/her property to the lender. The princes sought to involve the Novgorodians in mortgage relations; Novgorod opposed the withdrawal of land ownership from its suzerainty, however, according to the agreement of 1296, Novgorod recognized the lawful pozorovaniye of "old people" "to Tver". The author interprets the norm of the treaty of 1296 on the pozorovaniye of "old people to Tver under the reign of Alexander" as follows: "old people" indicated in the treaty are the mortgagers who entered into mortgage with the Tver people.
Keywords: Tver, Veliky Novgorod, Torzhok, a mortgager, a guarantor, pozorovaniye, letters of agreement, birch bark letters, precary

В. А. Воронин
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

ЛИТОВСКИЕ КНЯЗЬЯ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ В XIII в.

Тринадцатое столетие известно как эпоха многочисленных грабительских походов литовских дружин на русские земли. В статье рассмотрено другое, не так хорошо разработанное в историографии явление – переход литовских князей на службу к русским государям и городам. Как выясняется, в указанное время такие случаи не были такой уж редкостью. До нас дошли сведения о девяти таких лицах, которые были вынуждены оставить родину, после чего отправились на Русь. Здесь они служили великим князьям владимирским, городу Пскову и галицко-волынским князьям – как правило, в качестве полководцев. Литовские князья принимали деятельное участие в обороне русских земель от врагов, а государи Юго-Западной Руси использовали их также в ходе усобиц в Великом княжестве Литовском и в своих заграничных походах.
Ключевые слова: литовские князья, междоусобная борьба, Русь, полководец, наместник, Псков, Явед, Довмонт

Грабительские походы литовских дружин, которые в XIII в. буквально обрушились на русские земли, на долгое время стали для них опаснейшей угрозой. От кровопролития и опустошений страдали многие города и волости в самых разных частях Руси. Однако следует принимать во внимание, что для нападавших походы на русские земли также были крайне рискованными предприятиями: их там много гибло, о чем достаточно часто сообщают русские источники, прежде всего летописи. И здесь стоит обратить внимание на еще один аспект литовско-русской борьбы, который до сих пор, кажется, не был отчетливо обозначен в исследованиях. В указанный период литовцы выступают не только как воины-грабители, нападавшие на русские земли. Известен целый ряд случаев бегства литовских князей на Русь и их дальнейшей службы местным государям и городам. За период 40–90-х гг. XIII в. можно назвать довольно много таких лиц, что позволяет выделить их в определенное историческое явление.

Как правило, источники не называют причин ухода литовских князей на Русь. Однако есть основания считать, что чаще всего это были поражения от более сильных конкурентов в борьбе за власть в Литве или просто изгнание из страны. Конечно, нельзя исключать и плен. Однако плененные князья вряд ли могли занять такое высокое положение при дворах русских монархов – например, в окружении великих князей владимирских. Уровень доверия к попавшему в плен князю и его престиж

были, очевидно, более низкими, чем к эмигрантам. Кроме того, всегда существовала опасность их бегства на родину. К тому же в русских летописях можно встретить описание ситуаций, когда отряды местных правителей и городов даже не пытались захватывать в плен участвовавших в набегах на Русь литовских воинов, в том числе князей, а просто поголовно уничтожали их в ожесточенных стычках. В источниках очень редко упоминаются литовцы, которые когда-то были взяты в плен, а затем остались на Руси.

Первые случаи службы литовских князей русским государям относятся к 40-м гг. XIII в. В 1245 г. князья Явед (Авед[1]) и Кербет (очевидно, Корибут) во главе тверичей и дмитровцев, во взаимодействии с новоторжским князем Ярославом Владимировичем и новгородским Александром Ярославичем (Невским) действовали против литовцев, которые «воеваша… около Торжьку и Бежици»[2]. Корибут в одиночку упоминается и несколько раньше, в 1242 г., когда он вместе с новгородским боярином Домашем Твердиславичем в составе войска Александра Невского и его брата Андрея Ярославича выступал против немцев в ливонском пограничье[3]. Эти события непосредственно предшествовали знаменитой битве на льду Чудского озера, которая состоялась 5 апреля 1242 г. Из вышесказанного можно заключить, что Корибут и Явед были тесно связаны с сыновьями великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича. По всей видимости, они попросту состояли у него на службе. И не оставил ли новгородский князь Александр Ярославич после этих событий Яведа в качестве своего наместника в Пскове? Во всяком случае, это выглядело бы очень логично – особенно в контексте той ситуации, которая сложилась в то время в регионе. Только что освободившийся от немцев Псков, безусловно, нуждался в опытном и решительном военачальнике, который в случае необходимости был бы способен противостоять новой немецкой угрозе. Литовское происхождение Яведа несомненно. В частности, в записях 40-х гг. XV в., внесенных в так называемую Книгу данин Казимира, упоминаются крестьяне с таким именем в неменчинской и ковенской волостях Литвы[4]. «Князя Дмитриа Яведа» упоминает Стефановский синодик древнейшего псковского Спасо-Мирожского монастыря среди «благоверных князеи, давших милостыню въ святую обитель

[1] Форма имени «Авед» встречается только в поздней (XVI в.) записи псковских летописей, во всех же остальных источниках, в том числе на личной печати князя, имя написано как «Явед». Именно эту форму и следует принять как основную и наиболее точную.

[2] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ). М.; Л., 1950. С. 79, 304; ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Стб. 317; СПб., 1913. Т. 18. С. 66.

[3] НПЛ. С. 78, 295, 450; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 313.

[4] Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. Vilnius, 1998. Kn. 3. P. 27, 67.

сию»[5]. В Пскове и Новгороде при раскопках были найдены личные печати князя с легендой: «Яведова печать»[6].

Как видно, Явед упоминается в источниках всего несколько раз. Однако для своего времени он был, судя по всему, довольно значительной фигурой. Особенно важной она была для Пскова – во всяком случае, его имя помнили там еще спустя столетия.

Существуют указания на то, что как будто во второй четверти XII столетия в Пскове был еще один князь Явед. Так, например, запись 1523 г. из Первой и Третьей Псковских летописей сообщает, что за 380 лет до того князь Авед, в крещении Дмитрий, построил здесь каменный храм св. Дмитрия, а похоронен он был в местном Спасо-Мирожском монастыре[7]. Из сообщения ясно следует, что Явед был тесно связан с Псковом – скорее всего, был местным князем. Путем простых арифметических вычислений получаем, что этот Явед жил около 1143 г. В. Л. Янин и С. В. Белецкий также относят печати с именем Яведа к XII в. Об Аведе как о князе XII в. говорит А. В. Валеров в своей монографии[8].

Тем не менее есть основания сомневаться в том, что князь Явед XII в. вообще существовал. Количество лет, указанное в летописи, может быть ошибочным. Подобные ошибки в тот период не были такими редкими – особенно если речь шла о больших временных периодах. Кроме того, пересказанное выше сообщение псковского летописца содержит по крайней мере одно доказанное фактическое и хронологическое несоответствие. Из тех же псковских летописей известно, что Дмитриевскую церковь построил не Явед, а знаменитый князь Всеволод (Гавриил) Мстиславич, где он и был похоронен в скором времени после своей смерти в 1138 г.[9] Таким образом, если не считать количества лет, указанного в летописях, единственным доказательством того, что существовал «второй» Явед, который жил в XII в., является исследовательская датировка его печатей. Не берусь судить конкретно о данных артефактах, но замечу, что точное и надежное отнесение печати к тому или иному периоду не всегда возможно.

Очень похоже, что летописец ошибся в датировке. Если допустить, что в действительности с момента событий, о которых он вел речь,

---

[5] Помянник великих князей, княгинь, митрополитов и архиепископов новгородских (Стефановский синодик) / Публикация Л. В. Столяровой // Восточная Европа в древности и средневековье: генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2001. С. 213.

[6] *Белецкий С. В.* «Яведова печать» (из истории Пскова XII века) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1986. С. 21–24.

[7] Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 103; М., 1955. Вып. 2. С. 227, 292–293.

[8] *Валеров А. В.* Новгород и Псков: Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI–XIV веков. СПб., 2004. С. 125–126.

[9] Псковские летописи. Вып. 2. С. 77.

прошло не 380, а 280 лет, то мы попадаем именно на то время (1243 г.), когда на русской службе находился литовский князь Явед, существование которого нельзя поставить под сомнение. То есть в обоих этих случаях речь идет об одном человеке, а именно о том, время активной деятельности которого на Руси пришлось на 40-е гг. XIII в. Кроме всего прочего, крайне сомнительно, чтобы псковичи, равно как и жители какого-то другого русского города, приняли литовского князя в такой ранний период, как вторая четверть XII в. В это время право на власть рода Рюриковичей на Руси еще никем не оспаривалось, литовцы были здесь совсем неизвестным народом, а литовские князья не имели никакого престижа и авторитета.

Зато широкую известность на Руси приобрел Довмонт (Тимофей), в 1265/1266–1270 и 1270–1299 гг. служилый князь в Пскове. Это, бесспорно, самая яркая фигура из тех, которые представляют интерес в рамках рассматриваемой темы, и его историю мы достаточно хорошо знаем. Он был одним из самых влиятельных князей в Литве, его владения располагались в одной из ее крупных областей – Нальщанах. Здесь заметим, что, например, Галицко-Волынская летопись отличает Нальщанскую землю от Литовской. Довмонт принял активное участие в заговоре и убийстве великого князя литовского Миндовга, но затем, не выдержав борьбы с сыном Миндовга Войшелком и его сторонниками, был вынужден бежать на Русь, в Псков. Сюда он привел и весь свой «род» – триста человек. Довмонт практически сразу крестился и получил поддержку псковичей, которые избрали его своим князем. Вполне возможно, что в этом ему помогла добрая слава соотечественника Яведа, который совсем недавно управлял Псковом. Псковичи поддерживали своего нового князя. Так, они приняли деятельное участие в трех походах на Литву, которые он совершил в 1266–1267 гг. Целью этих вторжений, судя по всему, была месть князя своим противникам за проигранную борьбу и вынужденный отъезд на чужбину. Во всяком случае, после уничтожения своего личного врага князя Герденя Довмонт сразу же прекратил свои набеги на Литву.

Кстати, в третьем походе Довмонта принимали участие не только псковичи, но и новгородцы. Отметим, что враждебный и наступательный настрой жителей Новгорода по отношению к Литве на этом не иссяк. Планируя в 1268 г. свой очередной поход, командиры новгородского войска рассматривали ее как одну из возможных целей. Двумя другими были Полоцк и земли «за Наровой». И хотя в результате был избран третий вариант, ситуация выглядит достаточно ясно и красноречиво. Отметим также, что первоначально новгородцы явно склонялись к литовскому или полоцкому направлению – более того, они уже шли на юго-запад. Однако когда они достигли Дубровна, в полках снова вспыхнул спор, после чего новгородцы вернулись назад и двинулись к северо-западу, за Нарву, к Раковору.

В результате первого же своего нападения на Литву Довмонт захватил в плен всю семью Герденя – жену и двоих сыновей. Небезынтересна их судьба. Оказавшись на Руси в качестве пленных, они приняли православие – возможно, это произошло еще в Пскове. Нам известно христианское имя вдовы Герденя – Евпраксия. Кстати, она приходилась Довмонту теткой. А один из сыновей Герденя не только крестился, получив имя Андрей, но и стал впоследствии тверским епископом – вторым в истории этой епархии. По всей видимости, он попал в этот город еще молодым человеком, и важную роль здесь сыграл тверской князь Ярослав Ярославич, который в 1264–1271 гг., по выражению Рогожского летописца, «бысть князь великы владимирскыи и новогородскии». Вероятно, именно ему Довмонт передал семью Герденя, и Ярослав поселил ее в своем личном владении, Тверском княжестве.

В 1270 г. Ярослав Ярославич, на тот момент великий князь владимирский, смог утвердить в Пскове своего ставленика – князя Айгуста[10]. Он также был литовцем, на что вполне определенно указывает имя. Так, Айгустой звали дочь Гедимина, которая в 1333 г. вышла замуж за великого князя владимирского (из московской династии) Семена Гордого. Правда, княжение Айгуста в Пскове было недолгим. Видимо, в том же году он был вынужден оставить город, и туда вернулся Довмонт.

В 1293 г. великий князь владимирский Андрей Александрович направил к ливонским немцам в Герцике посольство – четырех своих князей («quatuor ex principibus regis»). Одного из них звали Довмонт (Dovmundus), второго Сурele или Свееле (Surele, Sweele), третьего Везцеле (Wezcele, Wezcelus), четвертого Константин[11]. Не вызывает сомнения, что это были очень значительные по своему статусу князья. По крайней мере одного из них можно без труда идентифицировать. Довмонт – это, разумеется, псковский князь. Что касается Константина, то это, вероятно, тот самый правитель, который, по мнению В. Е. Данилевича, княжил сначала в Полоцке, а затем в Витебске. Где-то на рубеже XIII и XIV вв. витебским князем был его сын Михаил. Впрочем, тот факт, что деятельность князя по имени Константин фиксируется в Полоцке, Витебске и Новгороде в течение такого продолжительного времени (как минимум с 50-х и по 90-е гг. XIII в.), допускает, что это могли быть разные князья – например, отец и сын. Во всяком случае, известно, что у витебского князя Михаила

[10] НПЛ. С. 89, 321.

[11] Liv-, Esth- und Curlandisches Urkundenbuch nebst Regesten. Reval, 1853. Bd 1. Nr 546. P. 684; Hansisches Urkundenbuch. Halle, 1879. Bd 1. Nr 1093. P. 378. Указанные публикации дают разные чтения имени второго князя. Более подробное рассмотрение этого сюжета и обоснование датировки событий см.: *Варонін В. А.* Падзеі 1307 года ў Полацку: спроба крытычнага разбору // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі (24–25 кастрычніка 2007 г.). Полацк, 2009. С. 38–39.

был брат, второй сын Константина. К сожалению, источники не называют его имени[12]. Мы также в точности не знаем, какое положение занимал в 1293 г. князь Константин и, соответственно, почему он попал в число представителей великого князя Андрея Александровича на переговорах с немцами. Князья Сурелe и Везцеле имели литовское происхождение. Так, датированный 1 мая 1291 г. документ Тевтонского ордена упоминает литовского нобиля Сиргеле (Syrgele), который бежал к немцам и получил от них земли в Самбии[13]. Правда, в литовской ономастике также есть и другие, сходные имена – например, Сурвило.

Вторым крупным государственно-политическим центром Руси, где мы встречаем литовских князей, было Галицко-Волынское княжество. Его правители Даниил и Василько Романовичи охотно их принимали и активно использовали в своих военных и политических акциях. Когда в 1252 г. великий князь литовский Миндовг изгнал из Литвы своего племянника Товтивила и Едивида, а также Викинта, дядю Товтивила, они направились к Романовичам. В течение двух следующих лет они приняли самое деятельное участие не только в войне галицкого и волынского князей против Миндовга, но и в других их военных походах[14]. Так, уже в том же 1252 г. Даниил и Василько отправили Викинта «во Ятвязе и во Жемойте», а затем и в Ригу к немцам, с которыми он заключил мирный договор. Товтивил, получив от Даниила Галицкого в помощь русь и половцев, много воевал в литовских землях, взял там большой полон и также в скором времени оказался в Риге. Здесь он перешел в христианство – пожалуй, это был первый случай, когда литовский князь принял католическое крещение. Товтивил и Едивид участвовали в походе на Моравию в составе войска, которое возглавляли Даниил Романович и его сын Лев. Оно действовало в районе Опавы. Разные источники относят это событие то к 1253, то к 1254 г.[15] Нужно сказать, что военная кампания была спланирована с размахом. Ее инициатором был венгерский король Бела IV, а другими участниками – краковский князь Болеслав Стыдливый и Владислав Опольский. Через какое-то время литовские князья вернулись на родину и, вероятно, примирились с Миндовгом. По всей видимости, они не слишком хорошо расстались со своими благодетелями, поскольку в 1260 г. Даниил Романович был крайне враждебно настроен к Товтивилу и специально искал его в понеманских городах, в том числе во взятом им Волковыске, чтобы захватить в плен. Однако, с большой вероятностью, Товтивил в это время княжил в Полоцке. Скорее всего, он правил там уже в 1258 г. и совершенно точно – в 1262 г.

---

[12] Русско-Ливонские акты. СПб., 1868. № 49. С. 26–27.

[13] *Baranauskas T.* Lietuvos valstybes istakas: monografija. Vilnius, [2000]. P. 239.

[14] ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 815–822.

[15] См., например: Rocznik kapitulny krakowski // Monumenta Poloniae Historica. Lwów, 1872. T. 2. S. 805; *Dlugossius J.* Annales seu Cronicae Incliti Regni Poloniae. Liber septimus, liber octavus. Varsaviae, 1975. P. 94.

Следует сказать, что Верхнее Понеманье входило в сферу приоритетных территориальных интересов галицко-волынских князей, они энергично продвигались в этом направлении. Кроме того, их связывали родственные узы с правившей в Литве семьей: в 1255 г. Шварн Данилович женился на дочери Миндовга. Как результат, Романовичи очень хорошо разбирались в расстановке сил, которая существовала в Великом княжестве Литовском. Это обстоятельство, а также большой потенциал их державы позволяли Романовичам не только активно влиять на дела в Литве, но и вмешиваться в них. Использование князей-беглецов очень хорошо вписывается в эту картину.

Итак, по источникам удается проследить службу девяти литовских князей различным русским государям и городам, хотя в действительности их могло быть существенно больше. Хронологически эти случаи относятся к 40–90-м гг. XIII в. На родине эти люди были значительными фигурами, некоторые состояли в родстве с великими князьями литовскими. Тем не менее это не спасало их от эмиграции, которая становилась результатом проигранной борьбы за статус, власть и владения, а она была в Литве в то время очень жесткой. В различных областях Руси литовские князья заняли разное положение и сыграли различную роль, однако практически все они очень активно действовали на воинском поприще. Здесь отметим, что военные таланты литовских полководцев были хорошо известны соседям. Великие князья владимирские, на службу к которым поступили некоторые литовские эмигранты, использовали их в военных операциях против немцев на Псковщине и против их же соотечественников литовцев, совершавших грабительские набеги на земли Северо-Восточной Руси. Но до более активных и масштабных действий владимирских государей, например походов непосредственно на Литву, дело не доходило. Понятно, что здесь сыграла свою роль географическая удаленность стран. Не стоит сбрасывать со счетов и ордынский фактор. Он, конечно же, сдерживал внешнеполитическую и военную активность даже самых могущественных князей северо-востока Руси. Несколько по-иному выглядела позиция феодальных республик Северо-Западной Руси. Они не были лишь объектами походов литовских дружин. А в определенные периоды Псков и Новгород проводили активную, даже наступательную, политику в отношении Литвы. Это происходило, например, во второй половине 1260-х гг. Конечно, некоторую роль здесь сыграл субъективный фактор – личная заинтересованность в походах на Литву псковского князя Довмонта. Но дело не ограничивалось только им. Увереннее всего чувствовали себя в литовских делах могущественные правители Галицко-Волынской державы. Бежавшие из Литвы князья искали и находили у них пристанище и помощь. Однако Романовичи этим не ограничивались. Они активно использовали эмигрантов для осуществления собственных – и зачастую весьма далекоидущих – планов. Так, они отводили этим князьям

важную роль в разжигании усобиц в Великом княжестве Литовском, в организации международной коалиции против Миндовга и в своих заграничных походах.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Белецкий С. В. «Яведова печать» (из истории Пскова XII века) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1986. С. 21–24.

Валеров А. В. Новгород и Псков: Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI–XIV веков. СПб., 2004.

Варонін В. А. Падзеі 1307 года ў Полацку: спроба крытычнага разбору // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі (24–25 кастрычніка 2007 г.). Полацк, 2009. С. 30–40.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Помянник великих князей, княгинь, митрополитов и архиепископов новгородских (Стефановский синодик) / Публикация Л. В. Столяровой // Восточная Европа в древности и средневековье: генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2001. С. 211–220.

Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1.

Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2.

ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2.

ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Вып. 1.

ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18.

Русско-Ливонские акты. СПб., 1868.

Baranauskas T. Lietuvos valstybes istakas: monografija. Vilnius, [2000].

Dlugossius J. Annales seu Cronicae Incliti Regni Poloniae. Liber septimus, liber octavus. Varsaviae, 1975.

Hansisches Urkundenbuch. Halle, 1879. Bd 1.

Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. Vilnius, 1998. Kn. 3.

Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Reval, 1853. Bd 1.

Rocznik kapitulny krakowski // Monumenta Poloniae Historica. Lwów, 1872. T. 2. S. 779–816.

Vasil A. Varonin
Belarusian State University, Minsk, Belarus

LITHUANIAN PRINCES IN THE RUSSIAN SERVICE IN THE 13TH CENTURY

The 13th century is known as the epoch of numerous predatory campaigns of Lithuanian squads against the Russian lands. The article examines another phenomenon not so well developed in historiography – the transition of Lithuanian princes to the service to Russian sovereigns and cities. As it turns out, at that time, such cases were not so uncommon. We have information about nine such persons who were forced to leave their homeland, after which they went to Rus. Here they served to the grand dukes of Vladimir, the city of Pskov and the Galician-Volyn dukes – as a rule, as generals. The Lithuanian princes took an active part in the defense of the Russian lands from enemies, and the sovereigns of the Southwestern Rus also used them during the strife in the Grand Duchy of Lithuania and in their foreign campaigns.
Keywords: Lithuanian princes, internecine struggle, Rus, a general, a viceroy, Pskov, Yaved, Dovmont

С. Н. Темушев
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

ЖЕНИТЬБА АЛЕКСАНДРА ЯРОСЛАВИЧА И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОГО КНЯЖЕСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К ЗАПАДНОРУССКИМ ЗЕМЛЯМ В 30–40-Е ГГ. XIII в.

В статье рассматривается один из векторов внешней политики Владимиро-Суздальского княжества в 30–40-е гг. XIII в. – противостояние экспансии со стороны литовских племен, которая являлась не менее значимой, чем происходившее одновременно монгольское нашествие. Женитьба новгородского князя Александра Ярославича на полоцкой княжне стала одним из элементов общей политики владимиро-суздальских князей, направленной на противостояние литовской экспансии. Однако сложное геополитическое положение Северо-Восточной Руси не позволило сохранить влияние на западе Руси. В итоге инициатива в консолидации здешних недавних древнерусских княжеств перешла к литве, что привело к образованию Великого княжества Литовского.
Ключевые слова: Владимиро-Суздальское княжество, Западная Русь, Новгородская земля, Смоленская земля, Полоцкая земля, Витебское княжество, Литва, литовская экспансия, Александр Ярославич, династический союз

Летом 2016 г. в белорусском городе Витебске был открыт памятник Александру Невскому. Скульптурная композиция, выполненная художниками Иваном Казаком, Александром Гвоздиковым и Евгением Колчевым, состоит из трех фигур – молодого князя Александра Ярославича, его супруги и их сына (размещен на руках у отца). Данный памятник, помимо обращения к восточнославянской средневековой истории, акцентирует внимание на традиционных семейных ценностях. Правомерность его размещения в Витебске обусловлена абсолютно достоверным фактом женитьбы Александра Ярославича на полоцкой (витебской?) княжне и посещением новгородским на тот момент князем Витебска, в котором находился его сын (в 1245 или 1246 г.)[1]. Не менее важным в этом отношении представляется и западный вектор внешней политики Владимиро-Суздальской земли, активным участником которой оказался молодой князь Александр. Но, видимо, именно последнее обстоятельство вызвало недовольство некоторых белорусских деятелей, увидевших в установке памятника наступление «русского

[1] В Новгородской первой летописи это событие датируется 1246 г. (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ). М.; Л., 1950. С. 304); в Московском летописном своде конца XV в. – 1245 г. (ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 136).

мира» и возвеличивание «врагов белорусского народа». Так, собиравший подписи против возведения в Витебске памятника Александру Невскому некто Андрусь Кешэнюк утверждал, что согласно летописям Александр Невский возглавлял объединенное новгородско-тверское войско, которое сражалось под Торопцем с объединенным белорусско-литовским войском во главе с великим князем литовским Миндовгом из Новогрудка, состоящим из жителей нашей страны; таким образом, власти собираются установить памятник лицу, убивавшему предков жителей современной Беларуси[2]. Как видим, вопрос о внешнеполитической деятельности молодого князя Александра Ярославича и его женитьбе на полоцкой княжне (что необходимо рассматривать в русле династической политики) приобрел неожиданную актуальность в наши дни.

О женитьбе князя Александра известно немного. Вполне закономерно наиболее полную информацию дает новгородское летописание: будучи именно новгородским князем, он женился на полоцкой княжне. Но следует отметить, что новгородско-софийские своды не упоминают имени супруги Александра, так же как и отчество тестя последнего – полоцкого князя Брячислава. Не упоминают летописи также и Витебск: венчание было осуществлено в Торопце, там же прошел и свадебный пир («каша», а в Новгороде – второй)[3]. Существуют также сомнения в датировке этого события (в Новгородской первой летописи, Софийской первой летописи, Воскресенской летописи – 1239 г., в Новгородской четвертой летописи – 1238 г.)[4]. Не следует буквально понимать запись Новгородской четвертой летописи: «Оженися князь Александръ въ Полоцке у Брячислава»[5] – в данном случае имеет место явное упрощение протографа.

Имя супруги Александра Ярославича выясняется благодаря известной еще в XIX в. гробнице великой княгини Александры в Успенском женском монастыре во Владимире[6]. Но у В. Н. Татищева приведено другое имя княгини – Параскевия[7]. Источник информации историком XVIII в.

---

[2] *Белов Д.* Почему в Витебске поставили памятник Александру Невскому? // Чеснок [Электронный ресурс]. URL: https://4esnok.by/mneniya/pochemu-v-vitebske-postavili-pamyatnik-aleksandru-nevskomu/ (дата обращения: 01.05.2021).

[3] «Въ лето 6747. Оженися князь Олександръ, сынъ Ярославль, въ Новегороде, поя въ Полотьске у Брачьслава дчерь, и венчася в Торопчи, ту кашю чини, а въ Новегороде другую» (НПЛ. С. 77).

[4] ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 54; СПб., 1851. Т. 5. С. 174; СПб., 1856. Т. 7. С. 144; СПб., 1848. Т. 4. С. 34.

[5] ПСРЛ. Т. 4. С. 34.

[6] *Карамзин Н. М.* История государства Российского в 12 томах. М., 1991. Т. 4. Примеч. 110; *Георгиевский В. Т.* Город Владимир на Клязьме и его достопримечательности. Владимир, 1896. С. 122.

[7] При этом, согласно В. Н. Татищеву, князь Александр женился в Новгороде: «Того же лета в Новеграде женися князь Александр Ярославич, внук Всеволож, у полоц-

не указан. Данное противоречие убедительно объяснено А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенским: при рождении будущая супруга получила два имени – Александрой ее именовали публично, а Прасковьей неофициально (исследователи обратили внимание на то, что в день празднования Параскевы Пятницы – 20 марта (предполагаемый день рождения полоцкой княжны) – отмечается и память мученицы Александры)[8].

Всего лишь гипотезой, хотя и достаточно обоснованной, является отнесение Брячислава Полоцкого к витебской ветви династии полоцких Изяславичей (или Рогволодовичей)[9]. Предполагаемый отец тестя Александра Ярославича Василько Брячиславич известен благодаря упоминаниям в Ипатьевской летописи в событиях междоусобных войн 1180-х гг.[10] В свою очередь, этот витебский князь в 1209 г. стал тестем Всеволода Юрьевича, деда Александра Ярославича (вторым браком владимирский князь сочетался с «Василковной»). Важно, что в сообщении об этом Московского летописного свода конца XV в. Василько назван именно витебским, а не полоцким князем[11]. Исходя из традиционного имянаречения сына в честь предка – деда или прадеда[12] – Брячислав Полоцкий, упомянутый лишь один раз в 1239 г. в связи с выдачей замуж дочери, определен в сыновья Васильку Брячиславичу. Между тем Витебская волость еще со второй половины XII в. воспринималась смоленскими князьями как часть собственной территории[13]. Начиная с 1165 г.[14] все известные из письменных источников (и летописей, и актов) упоминания Витебска свидетельствуют о его подчинении Смоленску, хотя на витебском престоле время от времени присутствуют местные князья (под 1175 г. – Всеслав, под 1180 г. – Брячислав, под 1195 г. – «зять» Давыда Смоленского)[15]. В это время смоленские князья распоряжались витебским столом, занимая его представителями своей династии или передавая другим (тем же витебским Васильковичам либо даже черниговским Ольговичам)[16]. О судьбе

кого князя у Брячислава поят княжну Параскевию» (*Татищев В. Н.* Собрание сочинений: в 8 т. (5 книгах). М., 1996. Т. 5, 6. История Российская. С. 25).

[8] *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 385.

[9] *Войтович Л. В.* Княжа доба на Русі: портрети еліти. Бела Церква, 2006. С. 294.

[10] Под 1180 г. упомянут именно как витебский князь (ПСРЛ. М., 2001. Т. 2. Стб. 620).

[11] ПСРЛ. Т. 25. С. 108; *Данилович В. Е.* Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896. С. 171–173.

[12] *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. … С. 11–15.

[13] *Богданов В. П., Рукавишников А. В.* Взаимоотношения полоцких и смоленских князей в XII – первой трети XIII в. // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 22.

[14] ПСРЛ. М., 2001. Т. 2. Стб. 525.

[15] Там же. Стб. 598, 609, 620, 621; ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 85.

[16] *Богданов В. П., Рукавишников А. В.* Взаимоотношения полоцких и смоленских князей в XII – первой трети XIII в. С. 22.

Витебска в первой трети XIII в. совершенно ничего не известно, но вряд ли в его положении что-то изменилось. Перечисленные обстоятельства заставляют сомневаться в обоснованности связи Витебска с браком Александра Ярославича. Но чрезвычайно важным оказывается сообщение Новгородской первой летописи о пребывании сына Александра (безусловно, с матерью) в 1246 г. в Витебске. Вероятно, в ближайшие годы после женитьбы Александра произошли серьезные перемены в положении Полоцка, а также и в личной жизни супруги новгородского князя. Возможно, княгиня с сыном оказалась в Витебске в связи со смертью своего отца, к тому времени уже вытесненного из Полоцка[17].

Полоцк во второй половине XII в. также попал в сферу влияния Смоленска, но, видимо, сохранил самостоятельность, чему способствовало соперничество различных группировок князей за влияние в регионе Верхнего Подвинья. Так, результатом междоусобных войн к концу XII в. стало временное преобладание здесь черниговских Ольговичей, однако в первой трети XIII в. вновь усилились смоленские князья[18].

Между тем весьма показательно, что в период с 1180 по 1239 г. полоцкий князь совершенно не упоминается в древнерусских источниках и в период с 1184 по 1201 г. – в «Хронике Ливонии»[19]. Это дало основание для вывода о переходе власти в Полоцке к вечу. В любом случае наблюдается ослабление верховной власти в Полоцкой земле, чем поспешили воспользоваться соседи. Вероятно, именно кризис верховной власти или династический кризис стал одним из важнейших факторов, способствовавших переходу Полоцка под влияние литвы. Причем произошло это в считаные годы уже на рубеже XII–XIII вв. (вполне вероятно, не окончательно): известно, что еще в 1191 г. полоцкие князья собирались в союзе с новгородцами идти походом на литву, в 1198 г. полочане вместе с литовцами уже нападают на новгородские Великие Луки, а с началом нового века открывается череда литовских набегов на русские земли, которые вряд ли были бы возможны без подчинения или хотя бы нейтралитета Полоцка[20].

Древнерусские княжества-земли вынуждены отражать нападения литовцев и наносить ответные удары (1200, 1203, 1221, 1225, 1228, 1229, 1237 гг.)[21], но инициатива в данном случае принадлежит противнику.

---

[17] Источники не дают ответа, по какой причине малолетний княжич, сын Александра Невского, оказался в Витебске. Не была ли это попытка утвердить власть владимиро-суздальских князей в Витебской волости?

[18] *Богданов В. П., Рукавишников А. В.* Взаимоотношения полоцких и смоленских князей в XII – первой трети XIII в. С. 26.

[19] Там же. С. 24.

[20] *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959. С. 372; *Александров Д. Н., Володихин Д. М.* Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVII веках. М., 1994. С. 16.

[21] НПЛ. С. 239, 269, 275, 285; ПСРЛ. М., 2006. Т. 26. С. 57; СПб., 1843. Т. 2. С. 334, 336.

Ян Длугош и Матей Стрыйковский сообщают также о походе литовцев в Полоцкую землю под 1216 г. Под 1223 г. их войска уже под Торопцем, в 1225 г. – «около Торжську», в 1246 г. – там же, а также около «Бежици»[22]. Польские источники свидетельствует о начале литовских нападений на Польшу с 1209–1211 гг.[23] Следует, однако, отметить, что в ранних польских хрониках первые упоминания о контактах с литвой относятся к более позднему времени. Так, в хронике Межвы, или Дзежвы (конец XIII в.), ставшей продолжением наиболее популярной в Польше хроники Винцента Кадлубка, литовцы фигурируют начиная с их набега в 1243 г.[24] В Великопольской хронике (время создания и авторство – предмет дискуссий, считается, что в основной своей части она создана в конце XIII в.)[25] литовцы появляются около 1228 г., но наиболее часто встречаются с 40-х гг. XIII в. Первое упоминание «литвинов» в Великопольской хронике связано с активной деятельностью Конрада Мазовецкого. Автор хроники утверждает, что именно по призыву последнего «языческий народ впервые начал опустошать Польское королевство»[26]. Что показательно, идея призыва на помощь «язычников» приписывается жене Конрада – русской княжне, каковой являлась дочь владимиро-волынского князя Святослава Игоревича – Агафья. Кроме того, в недатированных фрагментах применительно к XII или первой половине XIII в. литовцы упоминаются в польских рочниках (например, в силезском сокращенном рочнике)[27]. Однако наиболее часто литовцы фигурируют в рочниках с 40–50-х гг. XIII в.[28]

Показателем возрастания мощи Литвы стало событие 1236 г. Внушительная коалиция немецких рыцарей («в силе велице»), чуди и псковичей потерпела сокрушительное поражение от «безбожной Литвы», так что «приидоша коиждо десятыи в домы своя»[29]. Добавив к этому другие победы литовцев над немецкими рыцарями, приходится констатировать складывание очень мощной политической организации на базе литовского этноса, консолидированной сильной верховной властью, уже в первой половине XIII в.

---

[22] НПЛ. С. 263, 269, 304.

[23] *Błaszczyk G.* Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów naidawniejszych do współczesności. Poznań, 1998. T. 1. Trudne początki. S. 18, 20, 33.

[24] Ibidem. S. 20.

[25] Источниковедение истории южных и западных славян. Феодальный период. М., 1999. С. 134.

[26] «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. (Перевод и комментарии) / Под ред. В. Л. Янина; Сост. Л. М. Попова, Н. И. Щавелева. М., 1987. С. 149.

[27] Monumenta Poloniae Historica. Pomniki dziejowe Polski. Lwów, 1878. T. 3. P. 720.

[28] *Błaszczyk G.* Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów naidawniejszych do współczesności. S. 31.

[29] НПЛ. С. 285.

В такой ситуации Новгород вынужден защищаться: в 1200 г. в Великие Луки был послан воевода, в 1211 г. там строятся новые укрепления, и, наконец, в 1239 г. Александр Ярославич создает целую систему укрепленных городков на Шелони[30]. Не случайно сообщение об этом помещено в той же летописной статье (буквально в следующем предложении), рассказывающей о браке молодого новгородского князя[31]. Обращали внимание исследователи и на другое обстоятельство: «Политическое значение этого брака было подчеркнуто тем, что его праздновали в Торопце – опорном пункте обороны от литовских набегов»[32]. Вероятно, в первой трети XIII в. господство литвы в Полоцкой земле еще не было постоянным. Так, судя по договору 1229 г. Смоленска с Ригой и Готским берегом, первый гарантировал выполнение условий договора не только «у волости князя смоленского», но и «у Полотьского князя волости и у Витебьского князя волости»[33]. В этом можно увидеть сохранение зависимости Полоцкой земли от Смоленска[34]. Интереснейшее сообщение Новгородской первой летописи под 1222 г.: «А Ярославици, смолняне взяле Полтескъ, генваря въ 17, при князе Борисе и Глебе»[35] – как будто дает прямое свидетельство полного подчинения Полоцка смоленскими князьями (Ярославичи – как потомки Ярослава Мудрого – в данном случае противопоставляются «Рогволодовым внукам»). Это возможное подчинение могло дать защиту Полоцку от литовской экспансии, но вскоре оказалось, что сам Смоленск не в состоянии защитить даже свои земли.

К 1239 г. Смоленская земля превратилась не просто в объект литовских нападений (что стало уже обыденным явлением), речь шла о последовательной и настойчивой экспансии со стороны Литвы[36]. Свои интересы имели в западнорусском регионе Черниговская и Галицкая земли (на некоторое время они были подчинены Михаилом Всеволодовичем Черниговским), которые должны были как-то отреагировать на активность литвы. И действительно, зимой 1238/1239 г. был организован поход на Литву черниговских и галицких (во главе с Ростиславом

---

[30] *Янин В. Л.* Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 226–231; *Он же.* Предисловие // Александров Д. Н., Володихин Д. М. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVII веках. С. 4–5.

[31] ПСРЛ. Т. 3. С. 52; НПЛ. С. 77.

[32] *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. С. 376.

[33] Договор («Правда») Смоленска с Ригою и Готским берегом // Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2. С. 69.

[34] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 239.

[35] НПЛ. С. 263.

[36] Как писал Н. М. Карамзин, «[л]итовцы, обрадованные бедствием России, завладели большею частию Смоленской области» (*Карамзин Н. М.* История государства Российского в 12 томах. Т. 4. С. 8).

Михайловичем) сил[37]. Поход, видимо, был неудачным. Единственной реальной силой, способной противостоять литве, остался владимиро-суздальский князь, в орбиту влияния которого входила и Новгородская земля. Еще далеко не завершилось монгольское нашествие на Русь, но новый владимиро-суздальский князь посчитал необходимым собрать военные силы (трудно представить, чего это стоило) для похода на запад. Под 1239 г. Лаврентьевская летопись сообщает: «Того же лета Ярославъ иде Смолиньску на Литву, и Литву победи и князя ихъ ялъ, а Смольняны урядивъ, князя Всеволода посади на столе, а сам со множством полона с великою честью отиде в своя си»[38]. Обращает на себя внимание парадоксальность ситуации: Ярослав Всеволодович – правитель разоренной монголами земли – пришел на помощь Смоленскому княжеству, которое не было затронуто нашествием[39]. Но, видимо, литовское разорение, совершенно выпущенное из внимания и летописцами, и современными исследователями в связи с одновременным монгольским нашествием, было не менее губительным.

В русле той же политики противостояния литовской экспансии и попытки оставить Западную Русь в политической системе, возглавляемой княжеским родом Рюриковичей, необходимо рассматривать брак Александра Ярославича с полоцкой княжной. Неверным является утверждение, что этот брак должен был упрочить союз Новгорода с Полоцком[40]. Речь шла о проведении политических интересов Владимиро-Суздальского княжества в этом регионе.

Таким образом, Владимиро-Суздальское княжество выстраивает свою политику в отношении Западной Руси и, в частности, Полоцкой земли. Одним из звеньев этой политики являлся династический союз. Возможными оказались, несмотря на огромные потери в битвах с монголами, и военные мероприятия. Тотчас после ухода монголов оставшийся старшим среди князей Северо-Восточной Руси Ярослав Всеволодович распределяет престолы между своими родственниками и союзниками, затем (запись под 1239 г.) идет походом против основного соперника (в том числе в Западной Руси) – черниговского князя Михаила Всеволодовича: «Того ж лета Ярославъ иде г. Каменьцю, град взя Каменець, а княгыню Михаилову со множьством полона приведе в своя си»[41]. Обращает

[37] Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) / Wyd., wstępem i przypisami opatrzyli D. Dąbrowski, A. Jusupović. Kraków; Warszawa, 2017. (Pomniki Dziejowe Polski. Seria II. T. 16). S. 204; ПСРЛ. М., 2001. Т. 2. Стб. 777 (запись под 1235 г., еще до «Батыева нашествия»). Именно тогда, воспользовавшись отсутствием в Галиче Ростислава Михайловича, вернул свою «отчину» Даниил Романович.

[38] ПСРЛ. М., 2001. Т. 1. Стб. 469.

[39] *Греков И. Б., Шахмагонов Ф. Ф.* Мир истории. Русские земли в XIII–XV веках. М., 1986. С. 74.

[40] *Карпов А. Ю.* Великий князь Александр Невский. М., 2010. С. 89.

[41] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

на себя внимание, что и в этом событии, и в случае с отражением литовцев из Смоленской земли (под тем же годом) летописец непременно указывает на большой «полон». В условиях разорения монголами поселений Северо-Восточной Руси походы в другие княжества решали и более прагматические задачи восполнения людских потерь. Северо-Восточная Русь крайне нуждалась в дополнительных ресурсах для своего восстановления.

Тем не менее втягивание Северо-Восточной Руси в политику Золотой Орды, навязывание последней даннических и иных обязательств привели к утрате влияния владимиро-суздальских князей на западе Руси: инициатива в консолидации здешних недавних древнерусских княжеств перешла к литве. В то время когда владимирский великий князь решал другие внешнеполитические задачи и вынужден был подолгу отсутствовать (в связи с поездками в Орду и Монголию), Полоцкую землю пришлось уступить. Несколько дольше сохраняла свою независимость Смоленская земля, но и она к концу XIV в. вошла в состав Великого княжества Литовского (окончательно в 1404 г.).

В середине 1240-х гг. борьба с литвой идет уже за превратившиеся в пограничные территории по линии Витебск – Усвяты – Торопец. Литовцы чувствуют себя хозяевами даже в Торопецкой волости, укрываясь в Торопце с полоном, захваченным около Торжка и Бежиц (на значительном удалении в северо-восточном направлении). Именно тогда – в 1245 или 1246 г. – Александр Ярославич одержал еще несколько побед, которые представляются не менее значимыми, чем хрестоматийно известные победы новгородского на тот момент князя. Александр «с новгородци» сумел отбить весь захваченный литвой «полон», «а княжицовъ изсече ли боле 8»; затем с небольшим отрядом («съ своимъ двором») разгромил литовцев у Жижеца и «не упусти их ни мужа, и ту изби избытокъ княжиць». Вскоре, забрав своего сына из Витебска, князь «в мале дружине» нанес поражение «иной рати» литовцев около Усвят[42]. Данные события служат превосходной иллюстрацией масштаба литовской экспансии и в то же время позволяют очертить линию, за которой находилась уже сфера влияния Литвы – это территории на запад от Витебска и Усвят.

Дальнейшие события показывают неуклонное расширение влияния и могущества Литвы. В 1252 г. «изгна Миндогъ сыновца своего Тевтевила и Едивида пославшому на воину со воемь своими на воину со Выконтомъ на Русь воевать ко Смоленьску»[43]. Если еще ранее литовцы не захватили Полоцк, то это могло произойти в ходе упомянутой акции[44], при этом власть здесь уже определенно переходит к литовскому князю (Товтивил-

[42] НПЛ. С. 304.

[43] ПСРЛ. М., 2001. Т. 2. Стб. 815.

[44] *Алексеев Л. В.* Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры: в 2 кн. М., 2006. Кн. 2. С. 22; *Он же.* Полоцкая земля. С. 239.

лу). Вполне закономерно в 1258 г. полочане и литва выступают против Смоленска уже совместно: «Приидоша Литва с полочаны къ Смоленьску и взяша Воищину на щитъ»[45]. Укреплению власти Товтивилла в Полоцке способствовало принятие им христианства и женитьба на сестре Даниила Романовича, князя галицкого[46]. Занявший владимирский престол Александр Ярославич вынужден был примириться с потерей Полоцка и стал проводить по отношению к литовскому князю иную политику, используя его в борьбе против общего врага – немецких рыцарей. В этой связи Товтивилл получил весьма лестную характеристику в некрологе Новгородской летописи: в нем отмечается, что убили «добра князя Полотьского»[47].

Итак, утверждение власти литвы в Полоцкой земле произошло между 1239 г. – женитьбой Александра Ярославича на полоцкой княжне – и 1245 или 1246 г., когда новгородский князь забирает своего сына из Витебска и выбивает литовских грабителей с территорий, расположенных значительно восточнее.

Понимание значимости противоборства с литвой присутствует в «Повести о житии Александра Невского». Так, после пространного рассказа о победах Александра Ярославича в Невской битве и Ледовом побоище автор «Повести» сообщает: «Въ то время умножися языкъ Литовъски, и начаша пакостити во области Александровы. Ездя нача избивати. Единою жь случися ему выехати и поби 7 полковъ ратныхъ и множество князей и воеводъ изби, овии рукама изима. Други же его ругающихся вязаху ко хвостомъ конь своихъ. И начаша боятися имени его»[48].

Таким образом, наряду с борьбой против шведской и немецкой экспансии на северо-западе и западе Руси молодой князь Александр Ярославич вынужден был отражать еще одну внешнеполитическую угрозу, которая, как мы видим из дальнейших событий, была ничуть не менее серьезной. Борьба с литвой за влияние в регионе Верхнего Подвинья и Поднепровья оказалась заслоненной славными победами князя Александра, прозванного Невским, над рыцарями-крестоносцами. Но именно в это время решалась судьба Полоцкой земли, а вместе с тем и формирующегося Великого княжества Литовского и Русского, поскольку только благодаря материальным и людским ресурсам восточных славян[49] новое полиэтничное и поликонфессиональное государство во главе с литовской династией

---

[45] НПЛ. С. 310.

[46] *Алексеев Л. В.* Западные земли домонгольской Руси… Кн. 2. С. 22.

[47] НПЛ. С. 84. Запись есть только в Синодальном списке под 1263 г.

[48] *Мансикка В.* Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913. (Памятники древней письменности и искусства. № 180). Ч. 2. С. 7.

[49] Именно об этом писал В. Т. Пашуто: «Захват Белоруссии литовскими феодалами положил начало превращению небольшого Литовского государства в Литовское Великое Княжество» (*Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. С. 368).

смогло создать довольно устойчивую внутреннюю структуру и противостоять внешним вызовам. В условиях крайне сложного положения Северо-Восточной Руси, ослабленной в результате монгольского нашествия и последующей потери драгоценных ресурсов, необходимых для восстановления (в виде дани-«выхода»), владимиро-суздальские князья утратили влияние в Западной Руси[50]. Брак Александра Ярославича с полоцкой княжной необходимо рассматривать как одно из звеньев общей политики противостояния литовской экспансии. Династический союз в будущем мог стать основанием для вхождения всей территории Полоцкой земли не просто в орбиту влияния Владимиро-Суздальской земли, а именно в ее состав. Подобные примеры, в том числе из истории Западной Руси, хорошо известны (например, присоединение Витебского княжества к Великому княжеству Литовскому, легитимным основанием для чего послужил брак Ольгерда с витебской княжной). Однако местная политическая элита выбрала другой путь – подчинение новому государственному образованию, хотя и с иноэтничной и языческой правящей династией, но сумевшей консолидировать военные силы для отражения внешней опасности и осуществления собственной экспансии. Такой путь давал более заманчивые и вполне конкретные преференции: защиту от немецких рыцарей, прочно обосновавшихся в Восточной Прибалтике, и освобождение от даннических обязательств по отношению к Орде. Присоединению Полоцкой земли к «Литовско-Русскому государству» мог способствовать обнаруживаемый в Полоцке династический кризис. Таким образом, именно в то время, когда начиналась политическая карьера молодого князя Александра Ярославича и когда произошло одно из главных событий в его личной жизни (женитьба на полоцкой княжне), для части древнерусского этнополитического пространства решался вопрос на уровне цивилизационного выбора.

И в этой связи князь Александр достоин памятника в одном из древнейших белорусских городов, некогда входивших в состав древнерусских княжеств – Полоцкого, затем Смоленского.

[50] *Загарульскі Э. М.* Заходняя Русь: IX–XIII стст. Вучэб. дапам. Мінск, 1998. С. 92–94.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Александров Д. Н., Володихин Д. М. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVII веках. М., 1994.

Алексеев Л. В. Полоцкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 202–239.

Алексеев Л. В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры: в 2 кн. М., 2006. Кн. 2.

Белов Д. Почему в Витебске поставили памятник Александру Невскому? // Чеснок [Электронный ресурс]. URL: https://4esnok.by/mneniya/pochemu-v-vitebske-postavili-pamyatnik-aleksandru-nevskomu/ (дата обращения: 01.05.2021).

Богданов В. П., Рукавишников А. В. Взаимоотношения полоцких и смоленских князей в XII – первой трети XIII в. // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 10–32.

«Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. (Перевод и комментарии) / Под ред. В. Л. Янина; Сост. Л. М. Попова, Н. И. Щавелева. М., 1987.

Войтович Л. В. Княжа доба на Русі: портрети еліти. Бела Церква, 2006.

Георгиевский В. Т. Город Владимир на Клязьме и его достопримечательности. Владимир, 1896.

Греков И. Б., Шахмагонов Ф. Ф. Мир истории. Русские земли в XIII–XV веках. М., 1986.

Данилович В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896.

Договор («Правда») Смоленска с Ригою и Готским берегом // Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2. С. 54–71.

Загарульскі Э. М. Заходняя Русь: IX–XIII стст. Вучэб. дапам. Мінск, 1998.

Источниковедение истории южных и западных славян. Феодальный период. М., 1999.

Карамзин Н. М. История государства Российского в 12 томах. М., 1991. Т. 4.

Карпов А. Ю. Великий князь Александр Невский. М., 2010.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.

Мансикка В. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913. (Памятники древней письменности и искусства. № 180).

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959.

ПСРЛ. М., 2001. Т. 1.

ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2.

ПСРЛ. М., 2001. Т. 2.

ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3.

ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4.

ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5.
ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7.
ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24.
ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25.
ПСРЛ. М., 2006. Т. 26.
Татищев В. Н. Собрание сочинений: в 8 томах (5 книгах). М., 1996. Т. 5, 6. История Российская.
Янин В. Л. Предисловие // Александров Д. Н., Володихин Д. М. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVII веках. М., 1994. С. 3–5.
Янин В. Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004.
Błaszczyk G. Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów naidawniejszych do współczesności. Poznań, 1998. T. 1. Trudne początki.
Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) / Wyd., wstępem i przypisami opatrzyli D. Dąbrowski, A. Jusupović. Kraków; Warszawa, 2017. (Pomniki Dziejowe Polski. Seria II. T. 16).
Monumenta Poloniae Historica. Pomniki dziejowe Polski. Lwów, 1878. T. 3.

Stsiapan Tsemushau
Belarusian State University, Minsk, Belarus

MARRIAGE OF ALEXANDER YAROSLAVICH AND FOREIGN POLICY OF THE VLADIMIR-SUZDAL PRINCIPALITY IN RELATION TO WESTERN RUS LANDS IN THE 30S – 40S OF THE 13TH CENTURY

The article discusses one of the vectors of foreign policy of the Vladimir-Suzdal Principality in the 30s – 40s of the 13th century – the confrontation of expansion by the Lithuanian tribes, which was no less significant than the Mongolian invasion at the same time. The marriage of the Novgorod Prince Alexander Yaroslavich with a Polotsk Princess became one of the elements of the general policy of Vladimir-Suzdal princes aimed at confronting the Lithuanian expansion. However, the difficult geopolitical position of Northeast Rus did not allow to maintain influence in the west of Rus. As a result, the initiative in the consolidation of the Old Rus principalities, which were located here, moved to Lithuania, which led to the formation of the Grand Duchy of Lithuania.
Keywords: Vladimir-Suzdal Principality, Western Rus, Novgorod Land, Smolensk Land, Polotsk Land, Vitebsk Principality, Lithuania, Lithuanian expansion, Alexander Yaroslavich, dynastic union

Р. Хаутала
Университет Оулу, Финляндия;
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Россия

ЕЗДИЛ ЛИ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ В МОНГОЛИЮ? НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ПОЕЗДКАХ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО И ЕГО ОТЦА К МОНГОЛЬСКИМ ПРАВИТЕЛЯМ

Автор настоящей статьи рассматривает обстоятельства визитов Ярослава Всеволодича и Александра Ярославича к монгольским правителям в попытке уточнить маршруты и даты передвижения князей, а также конечные пункты их путешествий. Для достижения этой цели автор сопоставляет скудные сообщения Лаврентьевской летописи со сведениями латинских, персидских, китайских и армянских источников. Сравнение разнородных синхронных источников позволяет с определенной уверенностью сделать следующие выводы. В первый раз Ярослав Всеволодич посетил Бату в 1243 г. в его кочевой ставке, которая находилась либо в причерноморских степях, либо в Нижнем Поволжье. Второй раз князь Ярослав нанес короткий визит Бату в Нижнем Поволжье в мае 1246 г. и поспешил далее на восток, где посетил кочевую ставку Гуюка (но не Каракорум) в центральной Монголии и где скончался через два месяца после своего прибытия. Александр Ярославич, со своей стороны, посетил кочевую ставку Бату во второй половине 1248 г. на юге современного Казахстана и последовал затем в кочевую ставку Огул-Каймиш в Восточном Казахстане или Северном Синьцзяне. Таким образом, князь Александр не ездил в Монголию.

Ключевые слова: *история Монгольской империи, средневековая Русь, сравнительный анализ разнородных письменных источников, русские, латинские, персидские, китайские и армянские источники*

Настоящая статья содержит сжатый анализ поездок владимирского князя Ярослава Всеволодича к Бату и хану Гуюку, а также его сына, Александра, к вдове Гуюка, Огул-Каймиш. Данный анализ ограничивается попыткой определить местонахождение монгольских правителей на момент визита Ярослава и Александра и по возможности выяснить даты и маршрут передвижения обоих князей в ставки их суверенов. Для выяснения обстоятельств этих путешествий здесь использовано сравнение скудной информации Лаврентьевской летописи с теми дополнительными сведениями, которые предоставляют параллельные синхронные источники. Забегая вперед, здесь следует констатировать, что часть приводимых ниже выводов скорее является следствием тех или иных допущений, чем полной уверенности в достоверности доступных сведений источников.

О первой поездке Ярослава Всеволодича приходится судить по ограниченному кругу источников. В частности, Лаврентьевская летопись сообщает, что в 1243 г. князь Ярослав посетил Бату и вернулся от него с «великой честью» и назначением старшим князем «в русском языце»[1]. Новгородская первая летопись старшего извода, со своей стороны, датирует путешествие 6750 г. либо ошибочно, либо подразумевая, что князь Ярослав покинул Владимир в первые месяцы 1243 г.[2] Поездка Ярослава Всеволодича была, очевидно, вызвана известием о возвращении Бату из Болгарии по завершении Западного похода, и в связи с этим соображением дату Лаврентьевской летописи можно сопоставить с параллельным и независимым источником, а именно, со «Сборником летописей» Рашид ад-дина. Персидский хронист часто дает ошибочные даты по мусульманскому календарю, но предваряет их корректными датами по монгольскому летоисчислению, которые отличаются особой точностью касательно военных действий во время Западного похода. В отношении завершения военных операций на Балканах Рашид ад-дин, в свою очередь, уточняет, что Бату отправился из Болгарии в начале года зайца, то есть в конце января 1243 г.[3]

Передвижение армии Бату из Дунайской дельты по направлению к Нижнему Поволжью должно было существенно замедляться наличием большого числа пленников, уведенных из Венгерского королевства[4]. Поэтому князь Ярослав вполне мог посетить Бату в тот промежуток времени, когда монгольский правитель находился где-то в причерноморских степях. Однако в связи с отсутствием точных данных о времени отправления Ярослава Всеволодича из Владимира здесь можно предположить с той же степенью уверенности, что владимирский князь мог посетить Бату уже к тому времени, когда последний достиг степей восточнее Волги. Здесь, кроме того, следует уточнить, что князь Ярослав посетил кочевую ставку Бату, но не город Сарай, который еще не был основан: Иоанн де Плано Карпини не упоминает Сарая в своей «Истории монголов», и первое свидетельство существования Сарая в качестве «нового селе-

[1] ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1. Вып. 2. Стб. 470.

[2] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов М.; Л., 1950. С. 79.

[3] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей / Пер. Ю. П. Верховского; Под ред. И. П. Петрушевского. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 46; *Rashiduddin Fazlullah's* Jami'u't-tawarikh, Compendium of Chronicles. A History of the Mongols / Transl. W. Thackston. Cambridge, Mass., 1998–1999. P. 332; The Successors of Genghis Khan / Transl. J. A. Boyle. New York; London, 1971. P. 71.

[4] См. в первую очередь свидетельство магистра Рогерия (*Johannes de Thurocz.* Serenissimoru[m] Hungarie regu[m] chronica: bene reuisa ac fideli studio emendata. Augsburg, 1488. Fol. 166^{v}; *Anonymus and Master Roger.* The Deeds of the Hungarians & Epistle to the Sorrowful Lament upon the Destruction of the Kingdom of Hungary by the Tatars / Eds. and transl. M. Rady, L. Veszprémy, J. Bak. Budapest; New York, 2010. P. 220).

ния» («noua uilla»)[5] встречается только у Гийома де Рубрук, составившего свой «Итинерарий» в Акре в сентябре 1255 г., сразу же по окончании своего путешествия.

Сведения Лаврентьевской летописи о второй поездке Ярослава Всеволодича, на этот раз не только к Бату, но и к хану Гуюку в центральную Монголию, дополняются значительно более обильной информацией параллельных источников. Лаврентьевская летопись сообщает, что князь Ярослав снова отправился к Бату в сопровождении своих братьев и племянников в 6753 г., то есть в промежуток времени между 1 марта 1245 и 28 февраля 1246 г. В следующем же предложении летопись уточняет, что братья Ярослава, Святослав и Иван, вернулись от Бату со своими племянниками в 1246 г. И через несколько строк, вслед за описанием казни черниговского князя Михаила Всеволодича в ставке Бату, Лаврентьевская летопись упоминает смерть князя Ярослава, произошедшую, согласно летописи, 30 сентября 1246 г. по дороге из Монголии[6]. Галицко-Волынская летопись дополняет это упоминание коротким утверждением, что Ярослав Всеволодич был отравлен монголами[7]. Более обильные сведения о поездке Ярослава предоставляет вторая редакция «Истории монголов», которую Иоанн де Плано Карпини составил в Лионе в конце 1247 или начале 1248 г.

Покидая на пути в Монголию ставку Бату 8 апреля 1246 г., Иоанн де Плано Карпини расстался со своими безымянными спутниками, которые отправились в это же время в совершенно противоположном направлении. Через полмесяца, то есть около 23 апреля, они достигли ставки Мочи, двоюродного брата Бату, восточнее Днепра (годом позже Иоанн де Плано Карпини покрыл это расстояние примерно за 15 дней) и были задержаны там в качестве заложников вплоть до возвращения брата Иоанна с востока в следующем году. Здесь, по словам брата Иоанна, их застал князь Ярослав, очевидно, двигаясь из Киева в ставку Бату[8].

Князь Ярослав должен был встретить спутников Иоанна де Плано Карпини на левобережье Днепра не позже начала мая, поскольку, по свидетельству брата Иоанна, он оказался в центральной Монголии в конце июля того же года[9]. В промежутке между этими датами Ярослав Всеволодич, по всей видимости, достиг в 20-х числах мая ставки Бату, который

---

[5] Cambridge. Corpus Christi College. MS 066A. Fol. 105^{v}; *Guglielmo di Rubruk*. Viaggio in Mongolia / Ed. et transl. P. Chiesa. Milano, 2011. XXXVII, 3. P. 288.

[6] ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 471.

[7] ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 808.

[8] Cambridge. Corpus Christi College. MS 181. P. 311, 319, 320; *Giovanni di Pian di Carpine*. Storia dei mongoli / Ed. E. Menestò; Transl. M. Lungarotti. Spoleto, 1989. IX, 18–19, 46, 49. P. 312, 329, 331.

[9] Cambridge. Corpus Christi College. MS 181. P. 314; *Giovanni di Pian di Carpine*. Storia dei mongoli. IX, 31. P. 319.

спешно направил его в Монголию для того, чтобы Ярослав Всеволодич успел принять участие в торжествах после интронизации Гуюка. Князь Ярослав, следовательно, покинул ставку Бату на полтора месяца позже Иоанна де Плано Карпини, но прибыл в центральную Монголию одновременно с братом Иоанном. Быстрому передвижению Ярослава Всеволодича, тем не менее, находится удовлетворительное объяснение: в отличие от Иоанна де Плано Карпини, Ярослав Всеволодич проезжал не через юг современного Казахстана, но более коротким путем по его северным областям. По этому маршруту через восемь лет передвигался в обратном направлении Гийом де Рубрук, покрывший путь из Монголии в Нижнее Поволжье примерно за 65 дней[10]. Князь Ярослав, таким образом, мог успеть прибыть в Монголию в конце июля, отправившись с левобережья Волги примерно 24 мая.

О последовавшем далее двухмесячном пребывании Ярослава Всеволодича в Монголии можно судить с повышенной уверенностью благодаря информации Иоанна де Плано Карпини. Брат Иоанн уточняет, что сам он не посещал Каракорума[11], и там, по всей видимости, не был и князь Ярослав, поскольку Гуюк и его мать, Турегене-хатун, находились за пределами монгольской столицы. Как и Иоанн де Плано Карпини, Ярослав Всеволодич остановился в ставке Турегене-хатун в полудне пути на юг от Каракорума, в местности, где располагался шатер под названием «желтая орда» («sira orda»)[12]. 14 августа Ярослав Всеволодич переместился на 3–4 лиги (примерно 10–20 км) на юг, в местность, где располагался шатер Гуюка под названием «золотая орда» («orda aurea»). Здесь Гуюк официально принял князя Ярослава после своей интронизации 24 августа. Далее, после нескольких дней празднований, Ярослав Всеволодич снова последовал за Гуюком на юг в местность, где располагался пурпурный шатер, подаренный Гуюку его китайскими подданными. После очередных празднований ставки Гуюка и Турегене-хатун разделились и проследовали параллельным курсом на юг. Ярослав Всеволодич находился во время этого передвижения в ставке матери Гуюка, которая пригласила к себе князя 23 сентября и лично поднесла ему праздничные явства. Ярослав Всеволодич занемог сразу же после этих угощений и умер в ставке Турегене-хатун 30 сентя-

[10] Cambridge. Corpus Christi College. MS 066A. Fol. 104^{v}, 106^{r}; *Guglielmo di Rubruk*. Viaggio in Mongolia. XXXVI, 14. XXXVIII, 18. P. 280, 316.

[11] Cambridge. Corpus Christi College. MS 181. P. 280; *Giovanni di Pian di Carpine*. Storia dei mongoli. I, 4. P. 230.

[12] Cambridge. Corpus Christi College. MS 181. P. 315; *Giovanni di Pian di Carpine*. Storia dei mongoli. IX, 31. P. 319. Это название упоминают Джувейни (*'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini*. Genghis Khan: The History of the World Conqueror / Transl. J. A. Boyle; second edition by D. O. Morgan. Manchester, 1997. P. 239) и Рашид ад-дин (*Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 2. С. 41; *Rashiduddin Fazlullah's* Jami'u't-tawarikh, Compendium of Chronicles… P. 329; The Successors of Genghis Khan. P. 63–64).

бря[13]. Князь Ярослав, таким образом, умер не по пути домой, а все еще пребывая в ставке матери Гуюка, и его кончина имела место в значительном отдалении от Каракорума.

По словам Иоанна де Плано Карпини, вскоре после кончины Ярослава Всеволодича Турегене-хатун послала за его сыном, Александром, который был извещен о смерти отца от гонцов матери Гуюка, но отказался от немедленного отправления на восток. Сам брат Иоанн мог узнать об этом отказе только по прибытии в ставку Бату 9 мая 1247 г.[14] или позднее, во время его дальнейшего продвижения на запад от Волги. Иоанн де Плано Карпини, таким образом, свидетельствует тот факт, что Александр Ярославич еще не покинул Владимира весной 1247 г. Лаврентьевская летопись, в свою очередь, сообщает под 6755 г., что князь Александр отправился вдогонку за своим братом к Бату, который потребовал от Александра Ярославича продолжить свой путь «г Каневичем», то есть к неопределенному главе Монгольской империи[15]. Новгородская первая летопись старшего извода датирует отправление князя Александра совершенно неприемлемым 6754 г.[16], вероятно, подразумевая под этой датой начало 1247 г. и соответственное прибытие в Новгород гонцов Турегене-хатун. Датировка Лаврентьевской летописи, со своей стороны, допускает возможность того, что Александр Ярославич покинул Владимир в конце февраля 1248 г. Однако и эта дата Лаврентьевской летописи представляется слишком ранней (вероятно, она подразумевает отправление брата Александра, Андрея) по следующим соображениям.

Как в свое время заметил А. А. Горский[17], согласно булле «Aperuit Dominus oculos» Иннокентия IV, адресованной Александру Ярославичу 15 сентября 1248 г., сын покойного князя Ярослава обратился к папскому легату и архиепископу Пруссии, доминиканцу Альберту Зуэрбееру, с просьбой сообщить понтифику, что он, как выражался папа, «нашел стезю, по которой он смог бы кратчайшим путем добраться до ворот рая». По всей видимости, эта булла отображала реакцию князя Александра на предыдущее послание «Pater futuri saeculi», которое понтифик адресовал тому же Александру Ярославичу 23 января 1248 г. и в котором Иннокентий IV побуждал князя принять церковную унию

[13] Cambridge. Corpus Christi College. MS 181. P. 314–317; *Giovanni di Pian di Carpine.* Storia dei mongoli. IX, 31–37. P. 319–323. Дату смерти князя уточняет Лаврентьевская летопись, и она вполне соответствует описанию брата Иоанна.

[14] Cambridge. Corpus Christi College. MS 181. P. 317, 319; *Giovanni di Pian di Carpine.* Storia dei mongoli. IX, 37, 46. P. 323, 329.

[15] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471.

[16] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 79.

[17] *Горский А. А.* «Бещисленыя рати и великия труды…»: Проблемы русской истории X–XV вв. СПб., 2018. С. 182–187.

и в то же время призывал его связаться с «братьями из тевтонского дома в Ливонии»[18]. Эти соображения предполагают, что Александр Ярославич успел получить первое послание папы еще до отъезда из Владимира и немедленно ответил своим письмом архиепископу Альберту, описавшему ответ князя в своем личном послании Иннокентию IV. По всей видимости, князь Александр отправил свой ответ где-то посередине временного промежутка между датами обеих булл Иннокентия IV, и, следовательно, он покинул Владимир примерно после середины мая 1248 г.

Согласно Лаврентьевской летописи, Александр Ярославич посетил первым Бату, но вначале он должен был прибыть в Нижнее Поволжье. В это время, однако, главы Улуса Джучи там уже не было, и Бату заменял в Нижнем Поволжье его сын. В частности, Киракос Гандзакеци ясно свидетельствует тот факт, что Сартак возглавлял в это время западную часть Улуса Джучи вместо своего отца, хотя он ошибочно утверждает, что Бату направился на восток только после известия о смерти Гуюка весной 1248 г.[19] Тем не менее уже К. де Бридра («c. de bridra»)[20] сообщал о том, что Бату направился навстречу Гуюку на восток в стремлении остановить его наступление, и, таким образом, К. де Бридра свидетельствует, что Бату покинул Нижнее Поволжье до составления «Истории тартар», то есть до 30 июля 1247 г.[21] Бату, следовательно, направился на восток до 30 июля и после 9 мая 1247 г., когда Иоанн де Плано Карпини еще застал его в Нижнем Поволжье.

Джувейни, в свою очередь, упоминает в нескольких местах, что к моменту смерти Гуюка весной 1248 г. Бату находился на юге или юго-востоке современного Казахстана, в местности Ала-Камак/Ала-Тограк[22], вероятно, рядом с горным хребтом Заилийский Алатау, между озером Иссык-Куль и рекой Или, либо в окрестностях Каялыка южнее озера Балхаш, рядом с современным Талдыкорганом. Здесь Бату продолжал пребывать до предварительного избрания Мунке, вернее, его утверждения в качестве единственного кандидата на имперский трон, произошедшего в период между 5 мая и 2 июня 1250 г.[23] Здесь же, вполне возможно, Бату задержи-

---

[18] Acta Innocentii P.P. IV (1243–1254). Romae, 1962. (Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis. Ser. 3. Vol. 4. T. 1). P. 110–112, 117.

[19] *Киракос Гандзакеци.* История Армении / Пер. с древнеармян., предисл. и коммент. Л. А. Ханларян. М., 1976. С. 218.

[20] Так прочитывается его имя в люцернском кодексе 1340 г. (Luzern. Zentral- und Hochschulbibliothek. P 13. Fol.:4, Fol. 372[r]).

[21] Luzern. Zentral- und Hochschulbibliothek. P 13. Fol.:4, Fol. 375[r], 378[r].

[22] *'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini.* Genghis Khan… P. 263, 267, 557.

[23] История Казахстана в персидских источниках. Алматы, 2005. Т. 1. Джамал ал-Карши. ал-Мулхакат бис-с-сурах / Пер. Ш. Х. Вохидова, Б. Б. Аминова. С. 121.

вался и до официального возведения Мунке в ханы у реки Керулен на востоке современной Монголии 1 июля 1251 г.[24]

Александр Ярославич, следовательно, посетил Сартака в Нижнем Поволжье и направился в ставку Бату на юге современного Казахстана. Затем он продолжил путь к вдове Гуюка, Огул-Каймиш, которая являлась на тот момент регентшей Монгольской империи, но предпочла удалиться из Монголии после кончины мужа. Анналы Гуюка в «Юань ши» (цзюань 2), в частности, уточняют, что Гуюк скончался в промежуток времени между 27 марта и 24 апреля 1248 г.[25], в то время как Джувейни сообщает, что Гуюк скончался в районе реки Урунгу в современном Синьцзяне[26]. После этого, по словам Рашид ад-дина, Огул-Каймиш перевезла тело своего мужа и похоронила его в долине реки Эмиль в современной префектуре Тачэн (Тарбагатай) Северного Синьцзяня и в Восточно-Казахстанской области[27]. Здесь же, по словам Джувейни, Огул-Каймиш предпочла остаться вплоть до разрешения вопроса о наследовании трона Монгольской империи[28].

По словам Гийома де Рубрук, посол французского короля, доминиканец Андре де Лонжюмо, посетил Огул-Каймиш в начале лета 1250 г. именно в долине Эмиля[29]. Здесь же за год с лишним до этого Огул-Каймиш должна была наделить Александра Ярославича киевским столом, хотя точная дата визита князя к регентше Монгольской империи остается неясной. С определенной уверенностью, тем не менее, можно утверждать, что Александр Ярославич не ездил в Монголию, поскольку в этом не было необходимости, и вернулся во Владимир и Новгород, следуя с востока современного Казахстана через его южные области и Нижнее Поволжье.

---

[24] «Юань ши» (цзюань 3): *Abramowski W.* Die chinesische Annalen des Möngke: Übersetzung des 3. Kapitels des Yüan-shih // Zentralasiatische Studien des Seminars für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn. Wiesbaden, 1979. Vol. 13. S. 17; Золотая Орда в источниках. М., 2009. Т. 3. Китайские и монгольские источники. С. 183. Джувейни: *'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini.* Genghis Khan… P. 566–569.

[25] *Abramowski W.* Die chinesischen Annalen von Ögödei and Güyük: Übersetzung des 2. Kapitels des Yüan-Shih // Zentralasiatische Studien des Seminars für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn. Wiesbaden, 1976. Vol. 10. S. 152; Золотая Орда в источниках. Т. 3. С. 179.

[26] *'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini.* Genghis Khan… P. 261.

[27] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 2. С. 121; *Rashiduddin Fazlullah's* Jami'u't-tawarikh, Compendium of Chronicles… P. 95; The Successors of Genghis Khan. P. 185.

[28] *'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini.* Genghis Khan… P. 262.

[29] Cambridge. Corpus Christi College. MS 066A. Fol. 77^{v}, 85^{v}; *Guglielmo di Rubruk.* Viaggio in Mongolia. XVII, 2; XXVII, 5. P. 82, 138.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Горский А. А. «Бещисленыя рати и великия труды… »: Проблемы русской истории X–XV вв. СПб., 2018.

Золотая Орда в источниках. М., 2009. Т. 3. Китайские и монгольские источники.

История Казахстана в персидских источниках. Алматы, 2005. Т. 1. Джамал ал-Карши. ал-Мулхакат бис-с-сурах / Пер. Ш. Х. Вохидова, Б. Б. Аминова.

Киракос Гандзакеци. История Армении / Пер. с древнеармян., предисл. и коммент. Л. А. Ханларян. М., 1976.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1. Вып. 2.

ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. Ю. П. Верховского; Под ред. И. П. Петрушевского. М.; Л., 1960. Т. 2.

Abramowski W. Die chinesischen Annalen von Ögödei and Güyük: Übersetzung des 2. Kapitels des Yüan-Shih // Zentralasiatische Studien des Seminars für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn. Wiesbaden, 1976. Vol. 10. S. 117–167.

Abramowski W. Die chinesische Annalen des Möngke: Übersetzung des 3. Kapitels des Yüan-shih // Zentralasiatische Studien des Seminars für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn. Wiesbaden, 1979. Vol. 13. S. 7–71.

Acta Innocentii P.P. IV (1243–1254). Romae, 1962. (Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis. Ser. 3. Vol. 4. T. 1).

'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini. Genghis Khan: The History of the World Conqueror / Transl. J. A. Boyle; second edition by D. O. Morgan. Manchester, 1997.

Anonymus and Master Roger. The Deeds of the Hungarians & Epistle to the Sorrowful Lament upon the Destruction of the Kingdom of Hungary by the Tatars / Eds. and transl. M. Rady, L. Veszprémy, J. Bak. Budapest; New York, 2010.

Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei mongoli / Ed. E. Menestò; Transl. M. Lungarotti. Spoleto, 1989.

Guglielmo di Rubruk. Viaggio in Mongolia / Ed. et transl. P. Chiesa. Milano, 2011.

Johannes de Thurocz. Serenissimoru[m] Hungarie regu[m] chronica: bene reuisa ac fideli studio emendata. Augsburg, 1488.

Rashiduddin Fazlullah's Jami'u't-tawarikh, Compendium of Chronicles. A History of the Mongols / Transl. W. Thackston. Cambridge, Mass., 1998–1999.

The Successors of Genghis Khan / Transl. J. A. Boyle. New York; London, 1971.

Roman Hautala
University of Oulu, Finland;
Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia

DID ALEXANDER NEVSKY GO TO MONGOLIA? SOME REMARKS ON THE TRAVELS OF ALEXANDER NEVSKY AND HIS FATHER TO MONGOL RULERS

The author of this article examines the circumstances of the visits of Yaroslav Vsevolodich and Alexander Yaroslavich to Mongol rulers in an attempt to clarify the routes and dates of the princes' movement, as well as the destination points of their travels. To achieve this goal, the author compares the scant data contained in the *Laurentian Chronicle* with the information from Latin, Persian, Chinese, and Armenian sources. Comparison of heterogeneous synchronous sources allows the author to draw the following conclusions with some certainty. The first time Yaroslav Vsevolodich visited Batu in 1243 at his nomadic camp, which was either in the Pontic steppes or in the Lower Volga region. The second time Prince Yaroslav paid a short visit to Batu in the Lower Volga region in May 1246 and hurried further east, where he visited the nomadic camp of Güyük (but not Karakorum) in central Mongolia and where he died two months after his arrival. In his turn, Alexander Yaroslavich visited the nomadic camp of Batu in the second half of 1248 in the south of the modern Kazakhstan and then followed to the nomadic camp of Oghul Qaimish in Eastern Kazakhstan or Northern Xinjiang. Thus, Prince Alexander did not travel to Mongolia.
Keywords: history of the Mongol Empire, medieval Rus, comparative analysis of heterogeneous written sources, Russian, Latin, Persian, Chinese, and Armenian sources

Ю. В. Селезнев
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В КОНТЕКСТЕ РУССКО-ЛИТОВСКИХ КОНФЛИКТОВ XIII СТОЛЕТИЯ

В данной работе предлагается статистическое сравнение событий русско-литовских конфликтов в период деятельности князя Александра Невского и жизни и деятельности его отца и его детей. Хронологически этот период включает в себя весь XIII в.: от года рождения отца Александра князя Ярослава Всеволодовича (от последнего десятилетия XII столетия) до смерти сына Александра князя Андрея. Анализ событий русско-литовских военных столкновений показывает, что русские княжества занимают оборонительную позицию, которая, в целом, на протяжении XIII в. приносит успехи: литовские набеги успешно отражаются, выстраиваются оборонительные линии на путях вторжения противника.

Ключевые слова: Александр Невский, Русь, Литва, Даниил Галицкий, Василько Волынский, Миндовг, Довмонт, Торопец, Усвят

Александр Невский в нашем представлении, составленном в школьные годы и после прочтения массы литературы о нем, выглядит величайшим полководцем своего времени. Его таланты привели к разгрому шведских морских «волков» на Неве. Экспансия мощнейшей армии грозного Тевтонского ордена была властно остановлена у Вороньего камня на Чудском озере. Нарождающееся Литовское государство в своем стремлении к гегемонии в Восточной Европе также натолкнулось на волю, военное умение и удачу князя Александра Ярославича.

Его незаурядность порождает в нас закономерное ожидание: именно он должен разгромить самого грозного противника XIII столетия – монголо-татарские полчища Батыя. Однако сколько бы мы ни искали в синхронных источниках хотя бы намеков на победоносное шествие дружины князя по степи, мы наталкиваемся не столько на молчание источников, сколько на явное повиновение и покорность князя завоевателям. Этот непреложный факт все чаще вызывает к жизни обвинения в коллаборационизме, в предательстве русских интересов, в пораженчестве этого гениального полководца. И объяснения, что подвиг смирения – это, быть может, значительно больший подвиг, нежели ратный, не дают нам почвы для оправданий действий, а точнее, вооруженного бездействия князя Александра Ярославича: наше сознание не позволяет нам самим смириться с тем, что столь величайший человек своего времени не поднялся на еще более высокую ступень успеха и славы.

Так оно устроено, наше сознание – полководец должен быть победителем всегда и везде. И нашему сознанию не дает покоя вопрос: почему он не одолел нашего главного противника, почему склонил шею под ярмо иноземного владычества?

Однако все тревоги и вопросы относятся к **нашим** проблемам, к **нашему** восприятию мира, исторической ситуации и места в мире нашей Родины и, собственно, Александра Ярославича.

Все наши ожидания не имеют никакого отношения к реальному князю Александру Ярославичу, к реальным отношениям Руси и Швеции, Руси и немецкого Ордена, русских княжеств и Ордынского государства, Руси и Литвы.

Военные действия князя Александра Ярославича против литовских отрядов не нашли обширного описания в источниках. Тем не менее внимание к сражениям уже состоявшегося полководца, каковым после победы на Неве и на Чудском озере считается князь Александр, с его литовскими противниками привлекается с закономерным постоянством.

Не удивительно, что Ф. Б. Шенк отметил: в «истории памяти об Александре Невском победы над Литвой обычно оказываются на третьем месте после битв 1240 и 1242 гг.»[1].

Нарастание напряженности в отношениях с Литвой исследователи объясняют усилением государства к середине XIII столетия. Так, А. Ю. Карпов и вслед за ним авторы статьи «Роль Александра Невского в отечественной истории» указывают, что «князь вел умелую политику с Литвой», но «когда усилилась Литва … Александр Ярославович строит крепость на р. Шелони, для защиты русских рубежей от нападений Литвы»[2].

В. Т. Пашуто замечает, что просмотр летописных известий «убеждает в возрастании сил Литвы», а набеги «одиночных отрядов сменяются походами дружин целых групп литовских князей»[3]. При этом исследователь отмечает, что русское летописание «видит смысл литовских набегов в ограблении богатых новгородских и смоленских городов, лежавших на торговых путях, угоне полона, коней с “товаром”»[4].

Дж. Феннел полагает, что с 1238 г. началась настоящая экспансия Литвы, «когда правителем стал Миндовг (Миндаунас)». Именно он, по мнению исследователя, «представлял для Александра большую угрозу,

---

1 *Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007. С. 43.

2 *Карпов А. Ю.* Великий князь Александр Невский. М., 2010. С. 97; *Михайлов В. А., Ананьев С. В., Сороков С. П.* Роль Александра Невского в отечественной истории // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2018. Т. 12. № S1. С. 179–181.

3 *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959. С. 51–52.

4 Там же.

чем немцы на севере»[5]. Более того, «Александр был не в силах помешать постепенному переходу Полоцкого княжества в зависимость от Литвы». Однако «ему удалось положить конец регулярным нападениям литовских отрядов на границы Новгорода и Пскова»[6].

В своей статье М. В. Фомичев и М. А. Несин делают вывод, что «набеги Литвы на Русские земли в 40-е годы XIII в. уже не являлись обычными грабительскими походами, а ставили своей целью завоевание территорий». При этом «успешное отражение набегов 1245 и 1248 гг. … отсрочило дальнейшую экспансию прибалтийских правителей на земли Северо-Восточной Руси»[7].

Тем не менее существует мнение, что в «нашей исторической литературе этому эпизоду свершений князя почему-то уделяется незаслуженно мало внимания, хотя он имел чрезвычайно важное значение для Руси». В частности, подчеркивается, что «Александр нанес сокрушительное поражение Литве у Зубцова близ границы Смоленского княжества. После этого литовцы были настолько напуганы Александром, что "начаша оттоле блюстися имени его". С тех пор Литва направила свои завоевательные усилия на Киев, Полоцк, Чернигов, а на Северо-Восточную Русь не покушалась. Это было крупное полководческое достижение Александра с учетом той труднейшей ситуации, в которой оказалось Владимирское княжество»[8].

Довольно лаконичные известия источников позволяют давать итогам событий широкий спектр оценок и трактовок.

При этом, чтобы получить новые сведения о явлении, требуется изменение угла зрения. В данной работе предлагается статистическое сравнение событий русско-литовских конфликтов в период деятельности князя Александра Невского и жизни и деятельности его отца и его детей: каковы были события и явления до активности Александра и каковы после. Это позволит, на наш взгляд, более взвешенно рассмотреть значение деятельности князя Александра и влияние его личности на изменения векторов развития различных процессов.

Хронологически этот период, занимающий чуть больше ста лет, включает в себя весь XIII в.: от года рождения отца Александра князя Ярослава (в крещении – Феодора) Всеволодовича, который родился, по разным данным, 8 февраля 1190 или 1191 г. – до смерти сына Александра князя Андрея 27 июля 1304 г.

---

5 *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси, 1200–1304. М., 1989. С. 141.

6 Там же.

7 *Фомичев М. В., Несин М. А.* Александр Невский и Литва: военно-политические отношения Северо-Восточной Руси и Литвы в 30–60-е гг. XIII в. // Novogardia. 2019. № 2. С. 61.

8 *Иванов А.* Слово об Александре Невском // Государство. Общество. Церковь. Материалы международной научной конференции. Владимир, 2020. С. 64–65.

Причем, захватывая последнее десятилетие предыдущего XII в., мы поступаем не вполне корректно, ведь активную деятельность князь Ярослав начал не сразу после рождения: первые действия, которые можно назвать взрослыми и самостоятельными, фиксируются под 1204 г., когда 13-летний княжич принял участие в большом походе против половцев вместе с великим князем Рюриком Ростиславичем и другими князьями. А в 1205 г. был заключен брак между Ярославом и половецкой княжной, дочерью князя Юрия Кончаковича. Тем не менее для более взвешенной позиции за отправную точку анализа мы принимаем год рождения князя Ярослава.

Литовские племена, соседствующие с русскими княжествами, оказались вовлеченными в военно-политическую историю Древней Руси. Первоначально территория, занятая племенами, составившими ядро литовского государства, оказалась объектом экспансии киевских правителей. В период политической раздробленности на Руси литовские отряды становились союзниками противоборствующих сторон[9].

В начале XIII столетия литовские племена консолидировались и на карте Восточной Европы появилось Литовское княжество, правители которого вели активную, в том числе завоевательную, политику. Событием, которое явственно демонстрирует наличие раннегосударственных объединений на территории Литвы, является договор 1219 г. между Галицко-Волынским княжеством и князьями литвы, дяволтвы и жемайтов. Среди пяти старших литовских князей в нем упомянут Миндовг. В 1230-х гг. он занял лидирующие позиции среди литовских князей.

Формирование Великого княжества Литовского проходило на фоне сопротивления крестоносцам Ордена меченосцев в Ливонии и Тевтонского ордена в Пруссии, монгольского нашествия на Русь[10]. В то же время политика литовских князей была направлена на расширение территории государства в северо-западном и северо-восточном направлениях, что наиболее ярко проявилось в период правления великих князей Войшелка и Тройдена.

Тем не менее для рассматриваемого времени первое вооруженное столкновение с литовцами фиксируется в 1198 г. В Новгородской первой летописи отмечается, что литовский отряд выступил союзником полочан: «На ту же осень придоша полочяне съ Литвою на Лукы и пожьгоша хо-

[9] ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 519, 620–621; *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. СПб., 1842. Т. 2. Стб. 182; Т. 3. Стб. 38; *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. С. 59, 64; *Соловьев С. М.* Сочинения. М., 1993. Кн. 1. История России с древнейших времен. Т. 1–2. С. 8, 510; *Селезнев Ю. В.* Княжеские усобицы в Древней Руси 1132–1169 гг. М., 2018. С. 333–335.

[10] Амелькин А. О., Селезнев Ю. В. Нашествие Батыя и установление ордынского ига в общественном сознании Руси XIII–XVII веков. Воронеж, 2004.

ромы»[11]. Таким образом, действия литовцев нельзя признать полностью самостоятельными.

Последними в XIII столетии зафиксированы боестолкновения в 1285 г. Краткое известие о вторжении литовцев на новгородские земли зимой 1284/1285 г. не содержит никаких подробностей: «Тои же зимѣ Литва воеваша волость»[12]. Летом 1285 г. довольно крупный отряд литовцев разорил волость Олешню, принадлежащую тверскому епископу. В погоню за грабителями направилась внушительная коалиция из войск тверичей, москвичей, волочан, новоторжцев, зубчан, ржевичей. Погоня настигла противника «на лѣсь в канунъ Спасову дни» (конец июля) и разгромила литовцев: «князя ихъ Домонта убиша, а иных изъимаша, а овых избиша, полонъ весь отяша, а инии розбѣжашася»[13].

Других боестолкновений до смерти князя Андрея Александровича в 1304 г. в источниках не фиксируется.

Всего за рассматриваемое время источники сохранили известия о 57 конфликтах русских князей с литовскими войсками.

Из них 36 раз литовцы вторгались на русские земли. Инициаторами военных действий русские князья являлись 18 раз. Еще три раза таким инициатором выступала ордынская власть, привлекавшая на свою сторону своих русских подданных. Всего, таким образом, зафиксирован 21 эпизод вторжения со стороны Руси.

Соотношение побед и поражений зафиксировано иное: в 18 случаях литовские войска вышли победителями; 35 раз одержали победу русские рати; в четырех случаях победителя определить невозможно или военных действий не велось. Причем в 19 эпизодах вначале конфликта литовским отрядам удается разорить территории русских княжеств, но их преследуют русские войска и наносят им поражение.

Показательно, что в источниках отмечено только одно участие русских войск как союзных в литовской усобице. В русских усобицах в данный период литовские армии не участвуют.

Таким образом, в XIII столетии военные действия русских войск носят преимущественно оборонительный характер.

Наиболее часто литовской агрессии подвергались новгородские земли: таких эпизодов зафиксировано семь. По четыре раза разорение испытали волынские территории, Псков и его окрестности, Торопец.

---

[11] ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 44, 238; *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. 3. Примеч. 101. Стб. 49; Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. С. 50.

[12] ПСРЛ. Т. 3. С. 326; *Соловьев С. М.* Сочинения. М., 1993. Кн. 2. История России с древнейших времен. Т. 3–4. С. 228.

[13] ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 483; *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. С. 45; *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 2. Т. 3–4. С. 228.

Дважды разграблены окрестности Клина, Торжок и его окрестности (один раз сожжен посад Торжка); окрестности Старой Руссы, Смоленск (еще дважды разорена Смоленская земля; всего – четыре раза); территория около Турийска; территория Черниговской земли; Дорогочин (еще один раз зафиксирована осада крепости). По одному разу в качестве объекта нападения названы: Великие Луки, Возвягль, Воищина, окрестности Зубцова, Каменец, Комна, Луцк, Любно, Морева, Пересопница, берег р. Протвы, тверская волость Олешня, берега озера Селигер, Червень.

Дважды отмечены сражения под Берестьем и Пинском. Трижды литовские отряды разгромлены у озера Усвят.

На литовской стороне пять раз объектом военных действий был Новогрудок, трижды Волковыйск и Нальшаны (Нальшанская земля); дважды Гродно (Городно), Мельник, Услоним (Слоним); по одному разу – Визна, Дявелте, Зелва, территории по берегам рек Двина и Наров.

Чаще всего в военных конфликтах с литвой командовали русскими войсками князья Даниил (Галицкий) и Василько (Волынский) Романовичи. Причем совместное их участие зафиксировано в 12 эпизодах; еще один раз при общем командовании князя Даниила Романовича его брат Василько прислал волынский полк. Кроме того, единоличные действия князя Василька Романовича отмечены еще дважды и один раз волынская рать участвует в конфликте с Литвой по распоряжению своего князя. Всего, таким образом, братья Романовичи оказались задействованы в 16 вооруженных конфликтах с Литвой.

Их дети, совместно с отцами или самостоятельно, участвовали в военных действиях против Литвы: Лев Данилович – пять раз; Роман и Шварн Даниловичи – по два раза; Владимир Василькович – четырежды.

Два раза в конфликтах с Литвой участвовал волынский воевода Желислав.

Трижды зафиксировано участие в военных действиях против Литвы ратей во главе с князем Романом Михайловичем Брянским (и Черниговским).

Князь Ярослав Всеволодович – отец Александра Невского – в военных действиях против Литвы участвовал четыре раза. Причем в одном эпизоде (1223 г.) его дружине не удалось нагнать грабительский литовский отряд.

Участие самого Александра Ярославича в войнах с Литвой отмечено только в 1245 г. Тогда под Торопцем русские войска «княжиць исѣче боле 8»[14]. У Усвята на князя Александра, который был «в малѣ дружинѣ»,

[14] ПСРЛ. Т. 3. С. 79, 304; *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. СПб., 1842. Т. 4. С. 21; *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. С. 51; *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 2. Т. 3–4. С. 176–177.

напоролась иная литовская рать, которая тоже была разгромлена[15]. Вероятно, именно эти события в Житии Александра Невского представлены следующим образом: «В то же время умножися языка литовьскаго и начаша пакостити волости Александрове. Он же выездя и избиваше я. Единою ключися ему выехати, и побѣди 7 ратий единѣмъ выездомъ и множество князей их избби, а овѣх рукама изыма, слугы же его, ругающеся, вязахуть их къ хвостомъ коней своихъ. И начаша оттолѣ блюсти имени его»[16].

Его брат князь Михаил Ярославич погиб на Поротве во время вторжения литовских войск. У Зубцова литовские отряды были тогда разгромлены братьями Александра – вероятно, Ярославом (Тверским) и Константином (Дмитровским). Сам Александр и его брат Андрей в это время были в Каракоруме[17].

Сын Александра Василий, будучи новгородским князем, отразил вторжение литовцев в 1253 г.

Будучи псковским князем, Довмонт трижды совершал походы в Литву. Показательно, что до появления во Пскове Довмонт вторгся в брянские земли, то есть один раз участвовал в русско-литовских конфликтах на стороне Литвы.

Наиболее частым противником русских князей был князь Миндовг, четырежды воевавший с галицко-волынскими князьями и по одному разу – со смоленскими и черниговскими князьями (всего шесть раз). Еще два раза в боестолкновениях выступал командующим Хвал, упоминающийся в источниках как воевода Миндовга. Дважды с русскими княжествами воевал князь Тройден, и один раз он направлял против Руси своего воеводу Серпутия; дважды противником являлся князь Гердень.

В период активной военно-политической деятельности князя Александра Ярославича Невского (1240–1263 гг.) зафиксировано 22 вооруженных конфликта русских княжеств с литовскими отрядами. Причем 14 конфликтов приходятся на столкновения Литвы с галицко-волынскими князьями; только семь – это Северо-Восточная Русь, и 21 столкновение с Черниговским княжеством. Столько же – 22 эпизода – отмечено до 1240 г. После смерти князя Александра в период жизни и деятельности поколения его детей упоминается 13 конфликтов Руси и Литвы.

Таким образом, князь Александр Ярославич участвовал в войне с литовцами один раз в 1245 г. Его армии удалось отразить набеги литовцев и

---

[15] ПСРЛ. Т. 3. С. 79, 304; *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. 4. С. 21; *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. С. 51; *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 2. Т. 3–4. С. 176–177.

[16] Житие Александра Невского / Подгот. текста, пер. и коммент. В. И. Охотниковой // БЛДР. СПб., 1997. Т. 5. С. 366.

[17] *Селезнев Ю. В.* Вокняжение Александра Невского в 1252 г.: политические реалии и их отражение в русской письменной традиции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 36–42.

на восемь лет приостановить набеги на новгородские земли. Наибольшее количество конфликтов с Литвой приходится на Галицко-Волынскую Русь, причем в годы деятельности князей Даниила и Василька Романовичей и литовского князя Миндовга. Эти наблюдения не случайны – у Литвы и Галицко-Волынской Руси к 1230-м гг. формируется достаточно протяженная общая граница, что закономерно приводит к пограничным конфликтам и войнам за сферы влияния. При этом молодое литовское государство отличается военным напором и экспансией, что способствует расширению общей границы с русскими княжествами (за счет захваченных земель этих княжеств).

Русские княжества занимают оборонительную позицию, которая, в целом, на протяжении XIII в. приносит успехи: литовские набеги преимущественно отражаются, выстраиваются оборонительные линии на путях вторжения противника. Поход 1245 г. в погоню за литовцами и их разгром князем Александром Невским стоит в этом ряду как вполне привычный и естественный эпизод. Выделяется он тем, что фиксируется три боестолкновения, одно при этом внезапное, когда князь был «в мале дружине». Но все эти столкновения оказались успешными для русского воинства. Этот факт привлек внимание летописцев и агиографов и вслед за ними исследователей. Несомненно, полководческий талант князя Александра этими победами подтверждался. Но крупных военных действий князь против Литвы не проводил и значительных побед в сражениях не одерживал.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Амелькин А. О., Селезнев Ю. В. Нашествие Батыя и установление ордынского ига в общественном сознании Руси XIII–XVII веков. Воронеж, 2004.

Житие Александра Невского / Подгот. текста, пер. и коммент. В. И. Охотниковой // БЛДР. СПб., 1997. Т. 5. С. 358–368, 515–518.

Иванов А. Слово об Александре Невском // Государство. Общество. Церковь. Материалы международной научной конференции. Владимир, 2020. С. 58–80.

Карамзин Н. М. История Государства Российского. СПб., 1842. Т. 2–4.

Карпов А. Ю. Великий князь Александр Невский. М., 2010.

Михайлов В. А., Ананьев С. В., Сороков С. П. Роль Александра Невского в отечественной истории // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2018. Т. 12. № S1. С. 179–181.

Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959.

ПСРЛ. М., 1962. Т. 1.

ПСРЛ. М., 1962. Т. 2.

ПСРЛ. М., 2000. Т. 3.

Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977.

Селезнев Ю. В. Вокняжение Александра Невского в 1252 г.: политические реалии и их отражение в русской письменной традиции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 36–42.

Селезнев Ю. В. Княжеские усобицы в Древней Руси 1132–1169 гг. М., 2018.

Соловьев С. М. Сочинения. М., 1993. Кн. 1. История России с древнейших времен. Т. 1–2; Кн. 2. История России с древнейших времен. Т. 3–4.

Феннел Дж. Кризис средневековой Руси, 1200–1304. М., 1989.

Фомичев М. В., Несин М. А. Александр Невский и Литва: военно-политические отношения Северо-Восточной Руси и Литвы в 30–60-е гг. XIII в. // Novogardia. 2019. № 2. С. 45–80.

Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007.

Yuriy V. Seleznev
Voronezh State University, Voronezh, Russia

ACTIVITIES OF PRINCE ALEXANDER NEVSKY IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN-LITHUANIAN CONFLICTS OF THE 13TH CENTURY

This paper presents a statistical comparison of the events of the Russian-Lithuanian conflicts during the period of Prince Alexander Nevsky's activity and the life and activities of his father and his children. Chronologically, this is a period that takes a little more than a hundred years, including the entire 13th century: from the year of birth of Alexander's father, Prince Yaroslav Vsevolodovich (from the last decade of the 12th century), to the death of Alexander's son, Prince Andrew. The analysis of the Russian-Lithuanian military conflicts shows that Russian principalities occupy a defensive position, which, in general, throughout the 13th century, brings success: Lithuanian raids are successfully repelled, defensive lines are built on the enemy's invasion routes.

Keywords: Alexander Nevsky, Rus, Lithuania, Daniil Galitsky, Vasilko Volynsky, Mindovg, Dovmont, Toropets, Usvyat

П. В. Кузенков
Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

ВОСТОЧНОХРИСТИАНСКИЙ МИР В ЭПОХУ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО: ВРЕМЯ ИСПЫТАНИЙ

Первая половина XIII в. ознаменована серией событий, которые можно назвать системным кризисом Восточнохристианской цивилизации, ядром которой являлась Византийская империя. Кризис не ограничивался захватом Константинополя участниками Четвертого крестового похода и дезинтеграцией Византии. Не менее важные процессы переориентации на «латинский» мир протекали в славянских государствах Балкан. Об определенном усилении западного влияния можно говорить и в отношении «предмонгольской» Руси. В этом контексте политика великого князя Александра Невского приобретает особое значение как один из ключевых эпизодов реакции православной цивилизации на вызовы эпохи. Она должна рассматриваться в ряду деяний других политических лидеров Восточной Европы, сумевших в ситуации политического вакуума после распада Византии самостоятельно выступить на защиту религиозной и культурной традиции. С этого времени роль константинопольских василевсов и патриархов как безусловных лидеров восточнохристианского мира начинает переходить к региональным политическим и церковным деятелям. Именно такой фигурой является Александр Невский, вошедший в русскую историческую традицию не столько как военный герой, сколько как борец за духовные и политические идеалы.

Ключевые слова: восточнохристианская цивилизация, история Церкви, отношения Восток – Запад, Византия, Древняя Русь, Балканы, взаимодействие культур, политическая идеология, Александр Невский

Начало XIII в. стало эпохой тяжелых потрясений для всего Восточного христианства. Начало столетия было ознаменовано эпохальным событием – катастрофой Константинополя, захваченного и разграбленного направлявшимися на мусульманский Восток рыцарями Четвертого крестового похода, которые вмешались в династические споры византийских императоров. Когда 12 апреля 1204 г. французские и немецкие рыцари с итальянских кораблей ворвались в самый большой и богатый город христианской Европы, а брошенный войсками и подданными василевс Алексей V бежал, Ромейская империя перестала существовать. На ее месте появилось несколько «латинских» государств, а главный храм православного мира – собор Святой Софии в Константинополе – превратился в резиденцию венецианского католического патриарха[1].

[1] См. размышления об этом эпохальном событии отечественных и зарубежных историков: *Dujčev I.* Le grand tournant historique de l'an 1204 // Зборник радова

Незадолго до этих событий болгары, которым ранее удалось восстановить независимость от Византии, вступили в переговоры с папой Иннокентием III. И в ноябре 1204 г., через несколько месяцев после падения Константинополя, римский легат короновал болгарского вождя Калояна с титулом «rex Bulgarorum et Blachorum», а Тырновского архиепископа миропомазал в сан католического примаса. Калоян, по-своему истолковав происшедшее, поблагодарил папу за дарование болгарам царства и патриаршества[2]. Как бы то ни было, свершившимся фактом стала уния Болгарской церкви с Римом.

В соседней Сербии ситуация была не менее сложной. В 1202 г. дуклянский краль Вукан, убедивший папу Иннокентия III восстановить Барскую митрополию как центр католического влияния на Балканах, в союзе с венграми захватил Рашку, и только вмешательство болгар помешало ему подчинить всю Сербию и выполнить свое обещание о ее подчинении Риму. Рашку вернул себе младший брат Вукана Стефан, первым браком женатый на византийской принцессе, а вторым – на внучке венецианского дожа Энрико Дандоло (инициатора захвата Константинополя). В 1217 г. он и сам перешел на сторону папства, получив от того же Иннокентия III королевскую корону и войдя в историю с эпитетом Первовенчанный. Драматизм ситуации заключался в том, что и Вукан, и Стефан были сыновьями преподобного Стефана Мироточивого и братьями святого Саввы, столпов сербского Православия. Савва, порвав с братом, бежал на Афон[3].

Но и на Афоне было неспокойно. В 1214 г. афонские монахи смиренно обратились к папе Иннокентию за заступничеством – и получили самую горячую поддержку. Святая Гора, духовный оплот Православия, была взята под личную протекцию Апостольского Престола. А паломничество туда было приравнено к паломничеству в Рим[4].

В этой связи следует вспомнить, что, когда в 1095 г. папа Урбан II в Клермоне провозглашал Первый крестовый поход, он призывал рыца-

---

Византолошког института. 1975. Т. 16. С. 63–68; *Медведев И. П.* Завоевание Константинополя крестоносцами в 1204 г. как средневековый аналог событиям из современной международной жизни // Византия и Запад. Тезисы докладов XVII Всероссийской научной сессии византинистов. М., 2004. С. 123–124; *Назаренко А. В.* 1054 и 1204 годы как вехи русской истории // Международная церковно-научная конференция «Православная Византия и латинский Запад». Сборник материалов. М., 2005. С. 86–94; *Angold M.* Turning Points in History: the Fall of Constantinople // Byzantinoslavica. 2013. Т. 71. P. 11–30.

[2] См.: *Sweeney J. R.* Innocent III, Hungary and the Bulgarian Coronation: A Study in Medieval Papal Diplomacy // Church History. 1973. Vol. 42. No. 3. P. 320–334.

[3] См.: *Гуськова Е. Ю.* Листая страницы сербской истории. М., 2014. С. 15–30.

[4] См.: *Hofmann G.* Athos e Roma // Orientalia Christiana. Roma, 1925. Vol. 5. P. 137–184. Письмо папы в рус. пер.: *Порфирий (Успенский), еп.* История Афона. СПб., 1892. Т. 3. Отд. 2. С. 76–77.

рей всей Европы «поспешить на помощь братьям, обитающим на Востоке, на которых обрушились турки и арабы», и содействовать восточным христианам в изгнании врагов христианского мира. «Пусть ныне ведут справедливый бой с варварами те, кто в прежние времена сражался против братьев и сородичей», – взывал понтифик[5]. Но прошло всего столетие – и воины Христовы обратились в обычных наемников и грабителей, готовых ради наживы направить оружие и против христиан.

Следует особо подчеркнуть, что даже спустя 150 лет после полного разрыва церковных отношений между Римом и Константинополем раскол христианского мира на латинский Запад и греческий Восток мало заметен в источниках. И если оставить в стороне полемику богословов и споры политиков, христианская традиция продолжала осмысляться как в целом общая для всех народов Европы (разумеется, в той мере, в какой вообще можно говорить о единстве средневекового мира). Культурные различия и даже конфликты между католическими странами были не менее сильными, чем между латинским Востоком и греческим Западом. Не случайно первые крестовые походы против христиан были направлены папой не против православных (в 1204 г. крестоносцы, как известно, действовали самочинно и попали под папское отлучение), а в Южную Францию, против альбигойских катаров в 1209–1229 гг.

Разрыв между Римом и Константинополем долгое время воспринимался как очередной виток церковно-политического соперничества двух мировых центров христианства, который лишь масштабом отличался от аналогичных конфликтов, имевших место едва ли не во всех регионах Европы. Достаточно вспомнить затяжной конфликт между папами и немецкими императорами в XI–XII вв. или противостояние между папством и императором Фридрихом II Штауфеном в первой половине XIII в. Кстати, Фридрих II, освободивший Иерусалим из рук мусульман, как известно, также «удостоился» от папы низложения по обвинению в ереси – в первую очередь, из-за своего союза с никейским василевсом Иоанном Ватацем, которого булла Иннокентия IV именует «врагом Бога и Церкви»[6].

Настоящим рубежом в отношениях Востока и Запада стала первая половина XIII в. С одной стороны, после того как на месте Византии появилась Латинская Империя, а весь Балканский полуостров фактически примкнул к Западной цивилизации, будущее мирового Православия как особой, восточной формы христианства, со своей духовной и бого-

[5] *Заборов М. А.* История крестовых походов в документах и материалах. М., 1977. С. 48–50.

[6] Об этом правителе, яркая фигура которого высветила начало мировоззренческого кризиса уже внутри католического мира в эту эпоху, см.: *Воскобойников О. С.* Душа мира: Наука, искусство и политика при дворе Фридриха II (1200–1250). М., 2008.

словской традицией, стало выглядеть весьма туманным. Но с другой – откровенно хищнические и в то же время малосогласованные действия латинских завоевателей, а также гонения против православного духовенства – все это вызвало глубокое разочарование и отторжение в восточнохристианском мире. А вслед за этим и нарастающее сопротивление.

Тактические союзы с папством славянских правителей вовсе не означали безусловного успеха католичества. Как правило, это были эпизоды политической игры, вызванные эволюционными процессами культурно-политической эмансипации славянского мира. При этом ослабление ключевого политического соперника болгар и сербов – Византии – вызвало обратную реакцию: никто из славянских правителей не был заинтересован в усилении латинского влияния, в смене греческого господства франкским.

Калоян, предложивший дружбу и союз латинскому императору Балдуину, получил в ответ угрозу загнать его обратно в рабство, из которого он вышел. В итоге новоиспеченный «католический король» болгар сам возглавил сопротивление крестоносцам. В 1205 г. он разгромил и казнил Балдуина и истребил цвет латинского рыцарства. А в 1207 г. в битве с болгарами сложил голову еще один предводитель Четвертого крестового похода, король Фессалоники Бонифаций Монферратский. Впрочем, православных греков Калоян ненавидел не меньше «франков» и гордо носил имя «Ромеобойцы» – как мститель за прошлые жестокости византийцев. И только эта застарелая вражда болгар и греков позволила латинянам удержаться в Константинополе.

Наследник Калояна Борил был разбит латинянами и вступил в союз с императором латинской Романии Генрихом I, который женился на его дочери. И только при Иване Асене II Болгария вернулась в Православие. Этот правитель прибыл в Болгарию из Русской земли, а именно – из Галицко-Волынского княжества, где и набрал войско для борьбы за царский престол[7]. Иван Асень стал одним из самых знаменитых исторических деятелей в болгарской истории, и именно на его могиле через шесть с половиной веков, в 1908 г., князь Фердинанд I торжественно объявил о восстановлении независимого Болгарского царства.

В Сербии к православной традиции вернулся сам Стефан Первовенчанный под давлением народа и своего брата, святого Саввы. При этом он добился от никейского императора и патриарха самостоятельности Сербской церкви. Перед смертью он принял монашество и впоследствии был канонизирован. А если вспомнить, что и Савва Сербский в свое время бежал не просто на Афон, а в Русский Свято-Пантелеимонов монастырь, можно заключить, что, хотя и косвенно, Русь играла существенную роль в консолидации антилатинских сил на Балканах в начале XIII столетия.

[7] О роли Болгарии на христианском Востоке при царе Иване Асене II см.: *Васильев А. А.* История Византийской империи. СПб., 1998. Т. 2. С. 194–196.

Сама Русская земля в эту эпоху была названием весьма рыхлого конгломерата княжеских владений, объединяемых, по сути, только династией Рюриковичей и единой митрополией Константинопольского патриархата. В XII в., после упадка Киева, начали усиливаться окраинные политические образования – Галицко-Волынская Русь на юго-западе, Владимиро-Суздальская Русь на востоке, а также Новгородская земля, ставшая автономной республикой. И все эти области находились под заметным влиянием Западного мира, в первую очередь культурным и экономическим. Особенно это характерно для Галицко-Волынской Руси. В известном эпизоде с коронацией папским легатом Даниила Романовича Галицкого в 1253 г. на согласие князя повлияло, как утверждает летопись, убеждение его матери, Евфросинии, которая, возможно, была византийской принцессой, тесно связанной с латинским миром (ее сестра была женой германского короля Филиппа Швабского). Обосновывая эту гипотезу, А. В. Майоров одновременно выдвигает тезис о тесной связи политики Даниила Галицкого с политикой никейских императоров[8].

Но даже во Владимиро-Суздальской земле, далеко отстоявшей от Запада, расцвет храмового зодчества в XII–XIII вв. ознаменован очевидным влиянием поздней романской архитектуры. На западные, а не на арабские и византийские, как ранее, образцы были ориентированы в эту эпоху денежная и весовая системы Руси. Наконец, династические и политические связи Рюриковичей со странами католической Европы были весьма тесными, и на их интенсивности удивительным образом почти никак не сказалась пресловутая схизма 1054 г. Даже сам Александр Невский, как известно, в 1251 г. сватался к норвежской принцессе Кристине, дочери короля Хакона IV Старого, который, кстати, в том же самом году мог бы стать политическим лидером католического мира: папа Иннокентий IV предлагал ему императорский престол низложенного Фридриха II, но норвежский король уклонился от такой чести[9].

И в этой связи уместно вспомнить, что болгарский и сербский векторы соединятся в обратной волне, в форме так называемого второго южнославянского влияния, выходящего за чисто филологические рамки. Знаменательной вехой здесь стала присылка на Русь в 1262 г., за год до кончины Александра Невского, списка новейшего сербского Номоканона – так называемой Толковой Кормчей св. Саввы, которая впоследствии станет основным юридическим сборником Русской церкви. Прославший

[8] См.: *Майоров А. В.* Русь, Византия и Западная Европа: Из истории внешнеполитических и культурных связей XII–XIII вв. СПб., 2011. С. 635–708 (Ч. 7. «Между Римом и Никеей»).

[9] Об этом сообщает английский хронист Матвей Парижский (см.: *Norseng G.* Håkon 4 Håkonsson // Store Norske Leksikon [web-site]. URL: https://snl.no/H%C3%A5kon_4_H%C3%A5konsson_-_den_gamle (date of access: 10.07.2021)).

книгу из Болгарии видинский деспот Яков Святослав (кстати, русский по происхождению) сопроводил ее характерным обращением к митрополиту Кириллу: «Шлю тебе, протофроню, книгу сию, да ся словом твоим вселенная Руская просвѣтитъ»[10]. Эта православная «русская вселенная» уже вызревала на месте потерпевшей крах византийской ойкумены.

Таким образом, кризис XIII в. стал важной вехой в процессе духовно-интеллектуальной эмансипации славянского мира. Если до этого славянские народы шли в фарватере греческой духовной и культурной традиции и после конфликта 1054 г. именно византийские богословы задавали тон полемике с латинянами, то теперь роль защитников восточнохристианской традиции берут на себя – часто под давлением политических обстоятельств – правители славянских государств.

Греческие правители осколков Византии воспринимали своих единоверцев-славян как не менее опасных соперников, чем латиняне. В их политике наметилась ясная линия на церковно-политический компромисс и сближение с католическим Западом, которая нашла свое логическое завершение в Лионской унии 1274 г. Характерно, что именно на Лионском соборе главное расхождение между католической и западной церковными традициями – Filioque – оказалось зафиксировано в качестве догмата Католической церкви. Это окончательно перевело латинскую схизму в формат догматической ереси, после чего церковный раскол между Востоком и Западом принял необратимый характер.

В свете вышеизложенного становится ясной эпохальная роль Александра Невского, чьи победы над крестоносцами на Неве и Чудском озере следует рассматривать не как эпизоды военной, религиозной или политической истории, а в первую очередь как одно из ключевых звеньев в процессе оформления духовной и идейной парадигмы русской цивилизации[11]. Характерно, что «Повесть о житии и храбрости благоверного и великого князя Александра»[12] – памятник церковной книжности – акцентирует вовсе не религиозный, а этнический и политический аспект его сопротивления крестоносцам: Невскую битву она описывает как нападение «короля области Римской из северной страны» с целью вызова славе русского кня-

---

[10] *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С. 141.

[11] Об образе св. Александра Невского в отечественной культуре см.: *Isoaho M.* The Image of Alexandr Nevskiy in Medieval Russia: Warrior and Saint. Leiden; Boston, 2006; *Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007; *Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А.* Александр Невский: эпоха и память. СПб., 2009; *Долгов В. В.* Феномен Александра Невского. М., 2020.

[12] См.: Житие Александра Невского / Подгот. текста, пер. и коммент. В. И. Охотниковой // БЛДР [Электронный ресурс]. СПб., 1997. Т. 5. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4962 (дата обращения: 10.07.2021).

зя и завоевания его земли, а Ледовое побоище – как «поход на немецкую землю, чтобы не похвалялись немцы, говоря “унизим славянский язык”». Во время торжественной встречи Александра псковским духовенством воспевались победы князя над иноземцами по аналогии с победами Давида над иноплеменниками (здесь мы встречаем любопытную актуализацию на средневековой почве библейской ветхозаветной парадигмы, в которой военные противостояния Израиля с язычниками-иностранцами объединяют религиозный и этнополитический планы). Характерно, что заимствовавшая житийные рассказы о Невской битве и Ледовом побоище Симеоновская летопись (конец XV в.) вообще характеризует Александра Невского как борца «за христіаны съ погаными Татары»[13], то есть перемещает духовный вектор его подвигов в традиционное для России поле восточной политики.

Таким образом, материал источников, соотнесенный с анализом исторического контекста, позволяет трактовать деятельность Александра Невского на Руси – по аналогии с политикой Ивана Асеня в Болгарии, Стефана Первовенчанного в Сербии, а также никейского императора Иоанна Дуки Ватаца для греческого мира – не столько в качестве защиты Православия против натиска католического мира, сколько как действия национального лидера по отстаиванию интересов своего народа и Отечества перед лицом угрозы военно-политического порабощения и унижения. Православие же является органичным опорным элементом этой национальной традиции – и русский великий князь не столько защищает его от католиков, сколько отказывается предавать в ответ на льстивые речи «послов от папы из Великого Рима» (очевидно, Иннокентия IV)[14]. И в этом его отличие от других великих политиков XIII в. – Калояна, Михаила Палеолога или Даниила Романовича Галицкого, чья политика обладала гораздо большим диапазоном, если можно так сказать, идеологического маневра, что и помешало им стать в подлинном смысле национальными героями – в отличие от великого князя Александра Ярославича, православного святого и, как показывают опросы, самого знаменитого в сегодняшней России исторического деятеля[15].

[13] ПСРЛ. М., 2007. Т. 18. С. 72.

[14] Житие Александра Невского.

[15] Именно Александр Невский оказался победителем в телевизионном опросе 2008 г. «Имя Россия», направленном на выбор самых знаменитых личностей, связанных с Россией.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Васильев А. А. История Византийской империи. СПб., 1998. Т. 2.

Воскобойников О. С. Душа мира: Наука, искусство и политика при дворе Фридриха II (1200–1250). М., 2008.

Гуськова Е. Ю. Листая страницы сербской истории. М., 2014.

Долгов В. В. Феномен Александра Невского. М., 2020.

Житие Александра Невского / Подгот. текста, пер. и коммент. В. И. Охотниковой // БЛДР [Электронный ресурс]. СПб., 1997. Т. 5. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4962 (дата обращения: 10.07.2021).

Заборов М. А. История крестовых походов в документах и материалах. М., 1977.

Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. Александр Невский: эпоха и память. СПб., 2009.

Майоров А. В. Русь, Византия и Западная Европа: Из истории внешнеполитических и культурных связей XII–XIII вв. СПб., 2011.

Медведев И. П. Завоевание Константинополя крестоносцами в 1204 г. как средневековый аналог событиям из современной международной жизни // Византия и Запад. Тезисы докладов XVII Всероссийской научной сессии византинистов. М., 2004. С. 123–124.

Назаренко А. В. 1054 и 1204 годы как вехи русской истории // Международная церковно-научная конференция «Православная Византия и латинский Запад». Сборник материалов. М., 2005. С. 86–94.

Порфирий (Успенский), еп. История Афона. СПб., 1892. Т. 3. Отд. 2. (Переизд.: М., 2007.)

ПСРЛ. М., 2007. Т. 18.

Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007.

Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978.

Angold M. Turning Points in History: the Fall of Constantinople // Byzantinoslavica. 2013. T. 71. P. 11–30.

Dujčev I. Le grand tournant historique de l'an 1204 // Зборник радова Византолошког института. 1975. Т. 16. С. 63–68.

Hofmann G. Athos e Roma // Orientalia Christiana. Roma, 1925. Vol. 5. P. 137–184.

Isoaho M. The Image of Alexandr Nevskiy in Medieval Russia: Warrior and Saint. Leiden; Boston, 2006.

Norseng G. Håkon 4 Håkonsson // Store Norske Leksikon [web-site]. URL: https://snl.no/H%C3%A5kon_4_H%C3%A5konsson_-_den_gamle (date of access: 10.07.2021).

Sweeney J. R. Innocent III, Hungary and the Bulgarian Coronation: A Study in Medieval Papal Diplomacy // Church History. 1973. Vol. 42. No. 3. P. 320–334.

Pavel V. Kuzenkov
Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

EASTERN CHRISTIAN WORLD IN THE ERA OF ALEXANDER NEVSKY: TIME OF TRIALS

The first half of the 13th century was marked by a series of events that can be called a systemic crisis of the Eastern Christian civilization, with its core in the Byzantine Empire. The crisis was not limited to the capture of Constantinople by the participants of the 4th Crusade and the disintegration of Byzantium. No less important processes of reorientation to the "Latin" world took place in the Slavic states of the Balkans. A certain increase in the Western influence can be seen in the pre-Mongolian Rus. In this context, the policy of the Great Prince Alexander Nevsky acquires special significance as one of the key episodes of the reaction of the Orthodox civilization to the challenges of the era. It should be viewed in the context of the actions of other political leaders in Eastern Europe, who, in a situation of political vacuum after the collapse of Byzantium, were able to independently defend traditional religious ideals. From that time on, the role of the Constantinople emperors and patriarchs as undisputed leaders of the Eastern Christian world began to give way to regional political and church leaders. Alexander Nevsky was such a person, who went down in the Russian history not so much as a military hero, but as a fighter for spiritual and political ideals.
Keywords: Eastern Christian civilization, history of the Church, East-West relations, Byzantium, Ancient Russia, Balkans, interaction of cultures, political ideology, Alexander Nevsky

Г. С. Гадалова
Тверской государственный университет, Тверь, Россия

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И МИХАИЛ ТВЕРСКОЙ

В статье автор анализирует летописные источники о жизни и деятельности великих князей владимирских Александра Невского и Михаила Ярославича Тверского. Сравнительный анализ источников показал, что, несмотря на княжение в разной политической ситуации, оба князя строго выполняли свои обязанности как государи Северо-Восточной Руси и соблюдали договоренности с ордынскими правителями: получали ярлыки на княжение, чтили новоявленных ханов, заступались за свой народ и были готовы сложить свои головы во имя веры и Отечества.

Ключевые слова: летописи, Древняя Русь, великие владимирские князья, Александр Невский, Михаил Ярославич Тверской

Между датами рождения князей Александра Невского (1221–1263) и его племянника Михаила Ярославича (1271–1318) – 50 лет. Они жили в разное время, воспитывались в разной семейной обстановке, княжили в разной политической ситуации и во многом отличались друг от друга, но оба были успешными полководцами, не проигравшими ни одного сражения. Выдающиеся политики своего времени, Александр и Михаил хорошо понимали необходимость взаимодействия церковной и светской власти. При жизни они пользовались уважением и любовью сограждан, а после смерти удостоились причисления к лику святых.

Александр сел на новгородский стол в 15 лет и занимал его под патронатом отца до его смерти в 1246 г., Михаил взошел на тверской стол в 13 лет и до своей свадьбы в 23 года княжил под опекой матери княгини Ксении, совет с которой держал до ее кончины в 1312 г. На великокняжеском престоле Александр правил 11 лет, Михаил – 12. Каждый пять раз ходил в Орду, чтобы отстоять или подтвердить свое право на вотчинное и великое княжение, а главное – оградить свой народ от тягот монгольского владычества. В связи с этим интересно проанализировать и сравнить деяния князей Александра Невского и Михаила Тверского на благо Отечества.

В 1238 г. Батый не пошел на Великий Новгород, а Дюдень в 1293 г. на Тверь. Оба князя остались живы и совершили свою миссию на земле:

6745 (1238) г. Батыева рать	**6801 (1293) г. Дюденева рать**
«Тогда же гонишася безбожнии Татарове отъ Торжьку Серегерскимъ путемъ до Игнача креста… За сто верстъ толико Новагорода не дошли, заступи бо его Богъ и святаа Богородица отъ поганыхъ Агарянъ. Оттуду же поиде Батый назадъ въ Рязань… »[1].	«И оттолѣ восхотѣша ити на Тферь. Тогда велика бысть печаль Тферичемъ, понеже князя ихъ Михаила не бяше въ земли ихъ, но въ ордѣ… Се же чюдо бысть, како заступи Богъ князя Михаила, идуща изъ орды… Татарове же и князь Андрѣи слышаша приѣздъ княжь Михаиловъ, не поидоша ратью къ Тфери, но поступиша на Волокъ… »[2].

Удивительно, но оба князя болели примерно в одном возрасте – Александр в 30 лет, Михаил в 27, о чем летописцы сообщали с тревогой:

6759 (1251) г.	**6806 (1298) г.**
«Того же лѣта болѣзнь бысть тяжка князю Александру, но Богъ помилова и, и молитва христолюбиваго отца его Ярослава и митрополита, и епископа Кирила»[3].	«Тое же весны бысть болѣзнь тяжка князю Михаилу»[4].
«Того же лѣта въ Новѣгородѣ разболѣся князь велики Александръ Ярославичь, и бысть болѣзнь его тяжка зѣло; но Господь Богъ и съ пречистою Его Матерью умоленъ бысть о немъ святыими своими угодники, и пресвещеннымъ Кириломъ, митрополитомъ Киевскимъ и всеа Русии, и архиепископомъ Далматомъ Новогородцкимъ, и епископомъ Кириломъ Ростовскимъ и всѣмъ священнымъ съборомъ, и прародители и родители его молитвами»[5].	«Того же лѣта бысть болѣзнь тяжка зѣло великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому»[6].

В обоих случаях летописцы отметили природные катаклизмы, последовавшие в годы болезни князей. Летом 1251 г. в Новгороде прошли

[1] ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 58.
[2] Там же. С. 82–83.
[3] Там же. С. 70; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 323
[4] ПСРЛ. Т. 18. С. 84.
[5] ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. С. 138.
[6] Там же. С. 171.

проливные дожди, а осенью мороз уничтожил урожай: «Того же лѣта наидоша дождеве и поима вси рли и обилья и сѣна, и мостъ снесе на Волхове великии; и на осень поби мразъ все обилие, но и останокъ избися»[7]. Болезнь князя Михаила приключилась после пожара в княжеском доме, а затем в Тверской край пришли мор и засуха: «Того же лѣта бысть моръ на скотъ. Того же лѣта бысть сухмень, засуха велика, загарахуся борове, лѣсове, болота, мхове»[8].

Князь Михаил Ярославич не участвовал как его именитый предок в сражениях с немцами и шведами, хотя в 1301 г. он мог проявить себя в битве с северными соседями, когда вышел из Твери на помощь великому князю Андрею Александровичу, напавшему с новгородцами на шведское укрепление Ландскрона. Однако принять участие в битве тверскому князю не пришлось, так как, узнав о перемирии со шведами, Михаил вернулся домой. Подобная ситуация была зимой 1256 г., когда призыв о помощи получил Александр Невский: новгородцы позвали князя на борьбу со шведами, которые предприняли попытку построить город на русском берегу р. Наровы. Узнав о сборе союзных сил, шведы ушли «за море», но владимирский князь поход не отменил и в суровых зимних условиях пошел в Юго-Восточную Финляндию и разрушил опорные пункты шведов, установленные ими в 1250 г. на русской территории, где проживала емь[9].

1256 г.	**1301 г.**
«В лѣто 6764. Приидоша Свѣя и Емь и Сумъ и Дидманъ со своею волостью и множество рати и начаша чинити городъ на Наровѣ… и послаша новгородци в Низъ ко князю по полкы, а сами розослаша по своеи волости, такоже копяще полкы. Они же, оканнии, услышавше, побѣгоша за море. В то же лѣто, на зиму, прииха князь Александръ, и митрополит с нимъ; и поиде Александръ на путь…»[10].	«В лѣто 6810 князь великии Андрѣи Александровичь съ Новогородци и съ всѣми ратьми ходилъ на Нѣмци… Князь же Михаило Тферскыи не дошедъ Новагорода Великаго, слышавъ, оже Нѣмци побежени быша, и възвратися назадъ…»[11].

Как пишет о походе Александра Невского Р. А. Соколов, «вернуть емь под опеку Новгорода Александру не удалось: шведская экспансия за-

[7] ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 230 (6759 г.).
[8] ПСРЛ. Т. 18. С. 84 (6806 г.).
[9] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ). М.; Л., 1950. С. 81 (6764 г.).
[10] Там же. С. 308–309.
[11] ПСРЛ. Т. 18. С. 85.

шла слишком далеко»[12]. Вместе с тем, по мнению Дж. Феннела, «даже если этот поход не достиг тех целей, ради которых он был предпринят, то по крайней мере он отбил у шведов охоту совершать набеги на русскую территорию еще на четверть столетия»[13].

С точки зрения А. А. Горского, к долгосрочным последствиям политической деятельности князя Александра Ярославича привело произошедшее при нем изменение отношений князя и Новгорода: теперь новгородцы не приглашали по своему усмотрению князей, поскольку «новгородским князем стал считаться тот, кто занимал великое княжение Суздальской земли – стол во Владимире»[14]. Вольный Новгород принимал служение великих князей, гарантировавших ему защиту и помощь, но и свои интересы постоянно отстаивал. В договорной грамоте 1266 г. с великим князем Ярославом Тверским новгородцы даже припомнили, что и Александр «дѣялъ насилие на Новѣгородѣ»[15]. В целом, тверским князьям Ярославу и Михаилу пришлось неоднократно вести борьбу с Новгородом. Князь Михаил Тверской, получив ярлык на великое княжение в 1305 г., сумел сесть на новгородский стол только 16 июля 1307 г.[16]

Дважды в Великий Новгород в период правления Александра приходили татарские численники. Новгородцы подчинились обстоятельствам, ибо понимали и ценили своего великого князя – победителя, сумевшего, вероятно, договориться с ордынцами и получить экономические выгоды для новгородских купцов. Великий князь Михаил Тверской продолжил дело Александра в дипломатии с Ордой, убедив ханов не присылать баскаков на Русь. Став великим князем владимирским, Михаил Ярославич взял на себя ответственность по взиманию податей, чтобы реже татарские послы тревожили Русскую землю[17].

Предвидя возможные военные действия литовцев на Новгородской земле, в 1239 г. Александр Ярославич занялся укреплением порубежных границ с Литвой и построил в одночасье городки-крепости по р. Шелони[18]. О его храмоздательной деятельности данных у нас нет. Михаил Ярославич

---

[12] *Соколов Р. А.* Политика Александра Невского в Балтийско-Скандинавском регионе // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 155.

[13] *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси, 1200–1304. М., 1989. С. 155.

[14] *Горский А. А.* Александр Невский как исторический деятель: спорные проблемы // Исторический вестник. 2021. Т. 35 (182). С. 22; *Он же.* «Всего еси исполнена земля русская…»: Личности и ментальность русского Средневековья. М., 2001. С. 51.

[15] ГВНП. М.; Л., 1949. С. 11. № 2.

[16] НПЛ. С. 92 (6812, 6816 гг.). См. также: *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. С. 101.

[17] ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 163 (6826 г.); *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). С. 104; *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2003. С. 28.

[18] НПЛ. С. 77 (6747 г.).

в 1297 г. построил Новый городок (Старицу), а в 1317 г. укрепил Тверской кремль[19]. В 1285 г. 13-летний Михаил вместе с матерью княгиней Ксенией и епископом Симеоном заложили в Твери первый в Северной Руси после нашествия Батыя каменный храм, Спасо-Преображенский собор.

Как заметил В. А. Кучкин, Александр Невский «в отличие от деда, отца, родных братьев, даже собственных детей, ни разу не участвовал в кровавых междоусобных княжеских схватках»[20]. Тверскому князю Михаилу, воспитанному на образе своего великого предка, приходилось вынужденно сталкиваться с князьями Рюриковичами, и прежде всего с внуком Александра – князем Юрием Московским, обезумевшим от отсутствия перспектив получить законное великое княжение[21].

В вину Михаилу нередко ставится его поход на Торжок в феврале 1316 г., где, как свидетельствует Новгородская первая летопись, он совершил клятвопреступление: после заключения мира взял в заложники князя Афанасия Даниловича и несколько новгородских бояр[22]. Но великий князь владимирский не мог оставить без последствий самовольство князя Федора Ржевского и новгородцев, арестовавших в Торжке его наместника. Решение князя Михаила о разрушении Кремля в городе и продаже пленных шло в рамках закона Средневековья. Тому пример действия самих новгородцев, которые, 25 февраля 1170 г. одержав победу над суздальцами, «овыхъ избиша, а иныхъ изимаша, а прокъ злѣ отбѣгоша; и продавахоу Суздa[лца] по двѣ ногатѣ»[23]. И сам Александр Невский проявил однажды жестокость именно к мятежникам, подстрекавших в Новгороде его сына к восстанию. Александру, сопровождавшему в 1257 г. «численников», удалось мятеж подавить, сына, бежавшего в Псков, вернуть в Суздальскую землю, а мятежников жестоко покарать: «овомоу носа оурезаша, а иномоу очи выимаше»[24].

В период великого княжения Александра Невского обширность и подробность статей, связанных с его деятельностью в Лаврентьевской летописи, начиная с конца 40-х гг. XIII в. дает основания думать, что летопись в окружении великого князя в это время велась (или не-

[19] ПСРЛ. Т. 18. С. 81 (6793 г.); СПб., 1863. Т. 15. Стб. 407, 409 (6805, 6825 гг.).

[20] *Кучкин В. А.* Александр Невский – правитель и полководец // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 128.

[21] Отец Юрия – князь Даниил Московский не был на владимирском столе, что по закону о престолонаследии в Древней Руси лишало московских князей великого княжения. См. об изменениях в престолонаследии на Руси в период правления ордынцев: *Горский А. А.* 700 лет первому шагу Москвы к статусу общерусской столицы // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2017. Вып. 5. Пятые чтения памяти академика Л. В. Милова. С. 40–44.

[22] ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 71 (6823 г.).

[23] См.: ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 163–164 (6677 г.).

[24] См.: Там же. С. 232 (6765 г.).

много позже обрабатывалась), хотя о семье сведений почти нет. Дискуссионными остаются вопросы о женах и дочерях князя, об их именах и полных датах рождения детей. Из летописей известно только о браке в 1239 г. 18-летнего Александра с полоцкой княжной Брячиславной[25]. Согласно источникам, в семье князя родились четыре сына: Василий (до 1245 – 1271), Дмитрий (1250–1294), Андрей (ок. 1255 – 1304), Даниил (1261–1303) – и три дочери: Евдокия, гробница которой находилась в Княгинином монастыре во Владимире, Мария – жена псковского князя Довмонта, и неизвестная по имени княжна, супруга витебского князя Константина Борисовича[26].

В Твери с 1271 г. велось летописание на Тверской кафедре[27]. Позднее записи о событиях Тверского княжеского двора делались и при княжеском доме. По мнению М. Д. Приселкова, точно датированная дата пострига 10 февраля 1293 г. княжны Софьи, сестры князя Михаила, является первой записью великокняжеского летописания в Твери, которую ученый связывает с деятельностью князя Михаила Ярославича[28]. Однако отсутствие Михаила в княжестве в этот период свидетельствует, скорее всего, о ведении семейных записей под руководством его матери Ксении или непосредственно тверской княгиней, которая, как известно из летописей, сама обучила сына «святымъ книгамъ и всякой премудрости»[29]. Характерно, что с ее смертью подробных семейных записей не стало. Так, не известны число и месяц кончины великой княгини Ксении, почившей в 1312 г., судьба дочери князя Михаила и дата рождения его младшего сына Василия. От брака с Михаилом ростовская княжна Анна Дмитриевна родила дочь Феодору (11.10.1299–?) и четверых сыновей: Дмитрия (15.09.1298–15.09.1326), Александра (7.10.1300–28.10.1339), Констан-

---

[25] Венчание состоялось в Торопце, а «вторую кашу» сыграли в Новгороде (см.: НПЛ. С. 77 (6747 г.)).

[26] *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1889. Т. 1. С. 39–40 и примеч. 108; *Сиренов А. В.* Источники XVI в. о браках Александра Невского // Александр Невский и Ледовое побоище: Материалы научной конференции, посвященной 750-летию Ледового побоища. Санкт-Петербург. 7 апреля 2012 г. СПб., 2014. С. 44–52; *Кузьмин А. В.* Княгини Мария и Наталия Псковские: (Спорные вопросы происхождения и биографии) // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2019. № 2 (14). С. 75–89.

[27] *Конявская Е. Л.* Тверское владычное летописание конца XIII – XIV в. // Средневековая Русь. М., 2011. Вып. 9. С. 139–152; *Она же.* О тверском владычном летописании конца XIII – начала XIV вв. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2014. Вып. 7. С. 288–294; *Она же.* «Симеон из Полотска» – первый тверской епископ // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2017. Вып. 10. С. 17–24.

[28] *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 159–160.

[29] ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 207; СПб., 1856. Т. 7. С. 188 (6827 г.).

тина (1306–1346/1347) и Василия (1312/1313–24.07.1368)[30]. После вступления князя Михаила Ярославича на великое княжение в Твери оформляется великокняжеский летописный свод 1305 г., создаются литературные памятники, развивается монастырская культура с ее книгописными и иконописными мастерскими, налаживаются связи с Византией, что, по мнению Н. Н. Воронина, определяет Тверь как своеобразный культурный центр, объединивший «выходцев из Константинополя и с православного Востока»[31].

Воспитанный в православной вере, юный Александр с детства общался с ростовскими и новгородскими владыками, которые, несомненно, оказывали на него большое влияние. Взрастал Александр в общении с архиепископом новгородским Спиридоном (1229–1249), который благословлял его на ратные подвиги и способствовал возвращению в Новгород в 1241 г. Сменивший Спиридона на Новгородской кафедре владыка Далмат (1251–1274) был для Александра опорой в решении возникавших проблем с новгородцами. С митрополитом Кириллом (1247–1281), ставленником князя Даниила Галицкого, Александр не только нашел взаимопонимание, но даже повлиял на его антитатарскую позицию. В 1261 г. в Сарае была открыта православная епархия, куда митрополит Кирилл поставил епископа Митрофана[32]. Добрые отношения связывали Александра Невского с ростовским епископом Кириллом (1230–1262), который после уничтожения Владимирской кафедры оказался старшим иерархом Северо-Восточной Руси. Великий князь Александр Ярославич вместе с митрополитом и ростовскими князьями выбирал преемника Кирилла – архиепископа Игнатия (1262–1288)[33].

Важность успешного взаимодействия княжеской власти с церковной понимали и в Твери. Созданная великим князем Ярославом Ярославичем, Тверская кафедра во главе с епископом Симеоном (1271–1289) была значимым шагом на этом пути. Владыка Симеон стал наставником князя Михаила от его рождения и до своей кончины. А в 1289 г. тверской князь вместе со своей матерью княгиней Ксенией и боярами выбирал нового епископа Андрея (1289–1315, ум. 1323), ставшего ему опорой и поддержкой. Добрые отношения Тверского княжеского дома с митрополитом Максимом (1283–1305) во многом способствовали развитию княжества, а в момент выдвижения Михаила на великокняжеский престол именно

[30] ПСРЛ. Т. 18. С. 84–85 (6807–6809 гг.); Т. 10. С. 176; Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 35 (6814 г.). О времени рождения Василия см.: *Гадалова Г. С.* Женщины Тверского княжеского дома. Тверь, 2020. С. 95–96.

[31] *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М., 1962. Т. 2. С. 145.

[32] ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1. Вып. 2. Стб. 476 (6769 г.).

[33] *Соколов Р. А.* Александр Невский и Русская Православная Церковь // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 181–196.

митрополит поддержал законность престолонаследия тверского князя. После смерти митрополита Максима Тверской княжеский дом дерзнул выдвинуть своего кандидата на митрополичью кафедру – Геронтия. Но, как известно, константинопольский патриарх, получив возможность объединить две русские митрополии, выбрал не тверского претендента, а настоятеля Ратского монастыря на Волыни Петра, ставленника волынского князя Юрия Львовича, бывшего зятя[34] княгини Ксении: «Лѣта 6816. Поставленъ бысть пресвященныи митрополитъ Петръ Киеву и всеи Руси, и прииде изо Царяграда в Киевъ»[35].

Общеизвестна компромиссная политика великого князя Александра Невского по отношению к Орде. Однако в 1262 г. в городах Северной Руси прокатилась волна восстаний против сборщиков дани в пользу противника Берке хана Хубилая из Каракорума[36]. Сборщики дани были перебиты или изгнаны из городов. В Устюжском летописце упоминается о грамоте Александра Невского: «И приде на Устюг грамота от великаго князя Александра Ярославича, что татар бити»[37]. Одновременность волнений в разных городах подразумевает запланированность действий и расчет участников акции использовать противоречия между монгольскими центрами. Изгнав чиновников хана Хубилая, они предполагали «спокойную реакцию его соперника Берке»[38]. И действительно, наказания не последовало.

К борьбе с ордынцами был готов и князь Михаил Тверской. Еще в 1296 г. Михаил Ярославич заключил союз с Новгородом. Сохранилась договорная грамота, согласно которой в случае «тяготы» тверскому князю «от Андрѣя, или от тат[ар]ина, или от иного кого» новгородцы должны были прийти к нему на помощь[39]. Как пишет Е. Л. Конявская, «важно заметить, что в этом ряду упоминается и “татарин”, возможность борьбы с которым рассматривается Михаилом Ярославичем в той же мере, как и с другими неприятелями». И в этом поступке молодого князя можно увидеть продолжение политики его отца и готовность Михаила вступить в схватку с ордынцами. Не случайно «при Михаиле Ярославиче появились

---

[34] Старшая дочь Ксении, жена князя Юрия Львовича, умерла в 1286 г. (см.: *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). С. 125).

[35] ПСРЛ. Т. 25. С. 159 (6816 г.).

[36] ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 476 (6771 г.).

[37] ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 70, 30 (6770 г.).

[38] *Конявская Е. Л.* Антиордынские выступления Руси во второй половине XIII – первой трети XIV в. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2019. Вып. 12. С. 172. См. также: *Насонов А. Н.* Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. М.; Л., 1940. С. 51–53; *Горский А. А.* Александр Невский и монголы // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 177.

[39] ГВНП. С. 14. № 4.

публицистические произведения с обоснованием необходимости сильной княжеской власти, указанием на роль этой власти в освобождении от иноземного господства»[40]. Выход тверского князя на Бортеневское поле в 1317 г. – свидетельство решительности князя бороться за свою отчину со всеми, кто на нее посягал. Это не первая битва, в которой князья Северной Руси сражались против ордынцев. Напомню, что победы над монголами сыновей князя Александра Невского Дмитрия в 1285 г. и Даниила в 1300 г. не имели последствий для русских князей[41]. Но победа князя Михаила Тверского над союзным войском Юрия Московского и присутствовавшего Кавгадыя с его отрядом на Бортеневском поле всерьез напугала хана Узбека, решившегося на казнь строптивого князя.

Важными вехами в период княжения великих князей Александра Невского и Михаила Тверского стали их поездки в Орду. Первые две поездки князей были связаны с получением ярлыков на княжение. Поездка 1247–1249 гг. к Батыю привела Александра в Каракорум, где он получил Киев и «всю Русьскую землю», а в 1252 г. Батый выдал князю ярлык на владимирский стол[42]. Князь Михаил Тверской в 1293 г. ходил в низовья Дуная к хану Ногаю за ярлыком на Тверское княжение[43], где, по данным Жития княжны Софьи Тверской, заступался «за крестьяне»[44], а в 1305 г. Михаил получил от хана Тохты ярлык на великое княжение Владимирское. Дважды Александр ходил в Орду чтить новых ханов: в 1257 г. вместе с князем Борисом Ростовским и братом Андреем ездил в Сарай к хану Улагчи, в 1258 г. с братьями Андреем Суздальским и Ярославом Тверским ходил к хану Берке, брату Батыя. Поездка Михаила в 1313–1315 гг. в Золотую Орду была вызвана необходимостью чтить нового хана Узбека. Последняя поездка Александра в 1262 г. к хану Берке была предпринята, чтобы «отмолити людии от бѣды»[45], то есть от вербовки русских войск для участия

---

[40] *Конявская Е. Л.* Михаил Ярославич, вел. кн. Тверской // ПЭ. М., 2017. Т. 46. С. 32–34.

[41] Ср. под 6793 г.: «А князь Андрѣи приведе царевича, и много зла сътворися крестьяномъ. Дмитрии же, съчтався съ братьею, царевича прогна…» (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 246; Т. 25. С. 156; Т. 5. С. 201; Т. 1. Стб. 526); под 6809 г.: «Данило князь Московьскыи приходилъ на Рязань ратью и билися у Переяславля и Данило одолелъ, много и Татаръ избито бысть…» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 486). См. также: *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 16–17, 29–30. По мнению А. Н. Насонова, в битве 1285 г. вместе с князем Дмитрием принимали участие его родной брат Даниил и двоюродный брат Михаил Ярославич Тверской (см.: *Насонов А. Н.* Монголы и Русь… С. 73).

[42] *Горский А. А.* Александр Невский как исторический деятель: спорные проблемы. С. 10–22.

[43] *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 20–21.

[44] *Кучкин В. А.* Житие Софьи, сестры Михаила Ярославича Тверского // Религии мира. История и современность. 2002. М., 2002. С. 138.

[45] См.: Житие Александра Невского / Подгот. текста, пер. и коммент. В. И. Охотниковой // БЛДР. СПб., 1997. Т. 5. С. 368. См. также: *Насонов А. Н.* Монголы и Русь… С. 55.

в войне против Ирана. Две поездки тверского князя также были связаны с заступничеством за соотечественников. Два года, 1310–1311 гг., Михаил Ярославич провел при дворе хана Тохты, поскольку из-за мора и голода 1309 г.[46] он должен был пойти в Орду, чтобы, вероятно, «выпросить отсрочку платежей»[47], да к тому же решить вопрос о ярлыке на выморочное Нижегородское княжество[48]. В 1318 г., вызванный к хану Узбеку на суд, князь Михаил отверг бегство и путь спасения для себя и семьи и предпочел гибель «за други своя».

Поездки в Орду показывают, что оба князя строго выполняли свои обязанности как государи Северо-Восточной Руси, сознавая свою ответственность за Русскую землю и жизнь сограждан. Последние их поездки к золотоордынским ханам закончились смертью Александра Ярославича и мученической гибелью Михаила Ярославича. Оба князя были прославлены как общечтимые святые на церковных Макариевских соборах Русской православной церкви в 1547 и 1549 гг. Жития Александра Невского и Михаила Тверского, составленные современниками, являются важнейшими источниками информации об их жизни, деятельности и прославлении[49]. Почитание благоверных князей развивалось на протяжении веков, что нашло свое отражение в возникновении новых редакций их житий, в расширении рукописной традиции литературных произведений, в написании иконописных образов, в строительстве памятников, приделов и церквей в их честь. На иконах и фресках князья Михаил Ярославич Тверской и Александр Невский нередко изображаются рядом в княжеском одеянии. И память святых благоверных князей совершается в близкие дни: Михаила Тверского – 22 ноября (5 декабря), Александра Невского – 23 ноября (6 декабря). Именно в эти дни зимой 1941 г. началось наступление советских войск под Москвой, приведшее к победе над фашизмом. Историческая память сохраняется и умножается до настоящего времени, а имена великих князей Александра Невского и Михаила Тверского стали символом мужества, доблести и чести защитников Отечества.

---

[46] Ср.: «Въ лѣто 6817 бысть казнь отъ Бога на человѣкы, моръ на люди и на кони, и на всякы скоты, а другая бысть казнь отъ Бога, по грѣхомъ нашимъ, мышь поѣла рожь и овесъ и пшеницу и всякое жито, и того дѣля бысть дороговь велика и меженина зла, и гладъ крѣпокъ въ земли Русскои» (ПСРЛ. Т. 18. С. 87). См. также: ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 253 (6816 г.); Т. 25. С. 159 (6817 г.).

[47] *Борисов Н. С.* Михаил Тверской. М., 2017. С. 228.

[48] *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 209–211; *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 46–47.

[49] *Конявская Е. Л.* О житии Александра Невского // Исторический вестник. 2021. Т. 35 (182). С. 60–72; *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском. М., 1974. С. 232–234.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Борисов Н. С. Михаил Тверской. М., 2017.

Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М., 1962. Т. 2.

Гадалова Г. С. Женщины Тверского княжеского дома. Тверь, 2020.

ГВНП. М.; Л., 1949.

Горский А. А. «Всего еси исполнена земля русская… »: Личности и ментальность русского Средневековья. М., 2001.

Горский А. А. Москва и Орда. М., 2003.

Горский А. А. Александр Невский и монголы // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 173–178.

Горский А. А. 700 лет первому шагу Москвы к статусу общерусской столицы // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2017. Вып. 5. Пятые чтения памяти академика Л. В. Милова. С. 40–44.

Горский А. А. Александр Невский как исторический деятель: спорные проблемы // Исторический вестник. 2021. Т. 35 (182). С. 10–22.

Житие Александра Невского / Подгот. текста, пер. и коммент. В. И. Охотниковой // БЛДР. СПб., 1997. Т. 5. С. 358–369, 515–518.

Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994.

Конявская Е. Л. Тверское владычное летописание конца XIII – XIV в. // Средневековая Русь. М., 2011. Вып. 9. С. 139–152.

Конявская Е. Л. О тверском владычном летописании конца XIII – начала XIV вв. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2014. Вып. 7. С. 288–294.

Конявская Е. Л. «Симеон из Полотска» – первый тверской епископ // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2017. Вып. 10. С. 17–24.

Конявская Е. Л. Михаил Ярославич, вел. кн. Тверской // ПЭ. М., 2017. Т. 46. С. 31–36.

Конявская Е. Л. Антиордынские выступления Руси во второй половине XIII – первой трети XIV в. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2019. Вып. 12. С. 168–179.

Конявская Е. Л. О житии Александра Невского // Исторический вестник. 2021. Т. 35 (182). С. 60–72.

Кузьмин А. В. Княгини Мария и Наталия Псковские: (Спорные вопросы происхождения и биографии) // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2019. № 2 (14). С. 75–89.

Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. М., 1974.

Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

Кучкин В. А. Житие Софьи, сестры Михаила Ярославича Тверского // Религии мира. История и современность. 2002. М., 2002. С. 133–142.

Кучкин В. А. Александр Невский – правитель и полководец // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 101–128.

Насонов А. Н. Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. М.; Л., 1940.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.

ПСРЛ. Л., 1926–1928. Т. 1.

ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3.

ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. Ч. 1.

ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5.

ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7.

ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10.

ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15.

ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1.

ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18.

ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25.

ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37.

Сиренов А. В. Источники XVI в. о браках Александра Невского // Александр Невский и Ледовое побоище. Материалы научной конференции, посвященной 750-летию Ледового побоища. Санкт-Петербург. 7 апреля 2012 г. СПб., 2014. С. 44–52.

Соколов Р. А. Политика Александра Невского в Балтийско-Скандинавском регионе // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 139–158.

Соколов Р. А. Александр Невский и Русская Православная Церковь // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 181–196.

Феннел Дж. Кризис средневековой Руси, 1200–1304. М., 1989.

Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1889. Т. 1.

Galina S. Gadalova
Tver State University, Tver, Russia

ALEXANDER NEVSKY AND MICHAEL TVERSKY

In the article, the author analyzes the chronicle sources about the life and activities of Grand Vladimir Princes Alexander Nevsky and Michael Yaroslavic Tversky. A comparative analysis of sources showed that, despite the reign in a different political situation, both princes strictly performed their duties as the sovereigns of Northeastern Rus and complied with the agreements concluded with Horde rulers: they received labels for the jurisdiction, donated newly khans, secured their people and were ready to fold their heads in the name of Faith and the Fatherland.

Keywords: chronicles, Grand Princes of Vladimir, Alexander Nevsky, Michael Yaroslavic Tversky, Old Rus

С. Б. Чебаненко
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

ПОСЛУШЕСТВО И СВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ В ДОМОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД И В ЭПОХУ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

В статье рассматриваются некоторые особенности судебного процесса, послушества и института свидетельствования на Северо-Западе Руси в домонгольский период и в XIII столетии, в эпоху Александра Невского. Уже в домонгольский период можно выделить определенные региональные особенности функционирования института послушества и свидетельствования, характерные для Северо-Западной Руси. Речь идет о количестве лиц, представляющих стороны на процессе и в иных правоотношениях, а также о возможности для истца или ответчика выходить вместе с послухами на присягу. На Юге и Юго-Западе Руси в XI–XIII вв. обычным для закрепления некоторых правоотношений и для представительства по таким спорам в суде было участие шести человек, в число которых истец и ответчик не входили. Это характерно и для Северо-Западной Руси, но там (и в Смоленской земле) отмечается также обращение к пособничеству пяти человек. Кроме того, региональной особенностью могло быть участие «истцов» вместе с послухами в присяге в пропорции «сам-шестой», что и позволяло обеспечить присутствие шести человек в процессуальных действиях.

Ключевые слова: суд, соприсяжники, послухи, «извод», присяга, Новгород, Псков, Русская Правда, Псковская судная грамота, берестяные грамоты

Хотя Александр Невский известен, в первую очередь, как выдающийся военачальник и дипломат, он должен был исполнять и обязанности гражданского управления, одним из важнейших направлений которого было судопроизводство. И ему самому и, в большей степени, представителям княжеской и «земской» администрации приходилось учитывать особенности местной правовой традиции.

Представляется, что уже в домонгольский период можно выделить определенные отличительные региональные черты функционирования института послушества и свидетельствования, характерные для Северо-Западной Руси. Речь идет о количестве лиц, представляющих ту или иную сторону на процессе и в иных правоотношениях, а также о возможности участия истца и ответчика в выполнении определенных процессуальных действий, а именно возможности древнерусских «истцов» (истца и ответчика) на процессе выступать в роли послухов, выходя вместе с ними на присягу.

Многие памятники средневекового европейского права указывают, что в делах определенного рода истец или ответчик присягают вместе с некоторым количеством участников (тремя, шестью, девятью, двенадцатью и т. д.), как правило, представляющих их сторону[1]. Здесь подразумевается действие архаичного института соприсяжничества, когда на суде позицию истца или ответчика поддерживает точно обозначенное количество лиц, которые подтверждают правоту или добропорядочность той или иной стороны спора.

Особое значение имеет количество присягающих. Если стороны конфликта не предоставляли необходимое количество соприсяжников, то не могли рассчитывать на победу в судебном споре. Широко распространенным было участие в разбирательствах двенадцати человек, выступавших в том или ином качестве. Эти двенадцать человек могли быть представителями одной или обеих сторон, это могли быть люди, независимо рассматривающие спор, и т. д. Также различалось положение присягающих истца или ответчика – в зависимости от характера дела – по отношению к другим участникам процедуры. Они или входили в число двенадцати человек, представляющих их сторону, или присоединялись к ним и, таким образом, общее число соприсяжников, защищавших позицию истца или ответчика, было тринадцать. Существовали и другие комбинации с другим количеством участников.

Древнерусские источники называют различное количество лиц, присутствующих на суде в качестве собственно свидетелей (видоков), свидетелей правоотношений (заключенных сделок и т. п.), а также послухов-соприсяжников, – два, шесть, семь, двенадцать и т. д.

Прежде чем говорить о региональных особенностях Северо-Запада, необходимо остановиться на том, каким было обычное число представителей сторон в других землях Руси, прежде всего – на Юге, в Киевской земле. В связи с этим, в первую очередь, необходимо назвать «изводъ» Краткой Правды (ст. 15)[2]: «Аже гдѣ възыщеть на друзѣ проче, а ѡн сѧ запирати почнеть, то ити емѹ на изводъ пред 12 человѣка; да аще боудеть

---

[1] См., например: Салическая правда. М., 1950. С. 65–66; Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961. С. 742–745, 747; *Шервуд Е. А.* Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени. (К раннему этногенезу итальянцев). М., 1992. С. 32, 59; Из истории шведского народа и государства: первые описания и законы. М., 1999. С. 120–162, 176–275, 285–305. Подборку примеров для славянских народов см.: *Васильев С. В.* Псковская судная грамота и I Литовский статут: Опыт сравнительного исследования терминологии законодательных памятников. М., 2011. С. 43–48.

[2] Время, место и обстоятельства создания Древнейшей Правды, содержащей ст. 15 об «изводе», остается дискуссионным вопросом, однако Краткая Правда в целом (включающая Древнейшую Правду и Правду Ярославичей), несомненно, связана с Русской землей в «узком смысле».

обидѧ не вдалъ боудеть достоино емоу свои скот, а за обидоу 3 гривнѣ»[3]. Здесь, как и в приведенных выше примерах из памятников европейского права, фигурирует двенадцать человек. Но каково их положение по отношению к сторонам конфликта? Истец, требующий возврата долга (или какого-то имущества), должен для решения спора «ити» «на изводъ пред 12 человѣка», то есть решать спор перед лицом двенадцати человек. Полагаем, что эти двенадцать человек были представителями обеих сторон – по шесть человек с каждой (на это, в частности, указывают некоторые данные, которые будут приведены далее). Истец же и ответчик в эти шесть и шесть человек не входили[4]. Решается спор перед этими двенадцатью «мужами», вероятно, потому, что они – по шесть человек с каждой стороны – ранее были свидетелями одалживания денег (или какой-либо иной сделки) или знали об этом событии и готовы были поручиться за своего «истца».

С двенадцатью участниками правоотношений мы встречаемся в другом юридическом памятнике, записи, фиксирующей заключение сделки с земельным участком, в которой указаны послухи, свидетели этой сделки. Граффито № 25 из киевского Софийского собора содержит сообщение о том, что княгиня Всеволодова купила «Боянову землю» в присутствии двенадцати перечисленных поименно послухов[5]: «а передъ тими послѹхы кѹпи землю кнѧгыни Боѧню вьсю»[6]. Датируется надпись, скорее всего, рубежом XI–XII вв.[7] Здесь мы видим двенадцать человек, заверяющих поземельную сделку, вероятно, они же могли быть привлечены к разбирательству в случае возможного последующего конфликта сторон. В надписи указан только покупатель – княгиня Всеволодова («Всеволожаа»),

---

[3] Правда Русская. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 71.

[4] Ранее мы полагали, что «истцы» входили в число двенадцати «мужей» (*Чебаненко С. Б.* Досудебные способы разрешения конфликтов в эпоху Пространной Правды: новгородская берестяная грамота № 548 // НИС. 2016. № 16 (26). С. 112–113), но текст статьи («ити» «на изводъ **пред** 12 человѣка») все же указывает на то, что стороны конфликта отделялись от своих представителей – участников «извода». Эти наблюдения о соотношении сторон конфликта и их представителей подтверждает ст. 47 Пространной Правды, очевидно, связанная со ст. 15 Краткой Правды: в ней вместо двенадцати человек говорится о «послухах» (без уточнения их количества), которые идут на «роту», в то время как сами тяжущиеся – нет. В ст. 47 истец не входит в число присягающих (Правда Русская. Т. 1. С. 109).

[5] *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966. С. 61, 64.

[6] Там же. С. 61.

[7] *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 415–417. Обзор литературы и новейшие аргументы см.: *Дробышева М. М.* Граффито № 25 из Софии Киевской: что мы знаем о покупке «Бояновой земли»? // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 1 (48). С. 131–134.

кто продавец – неизвестно. Было высказано мнение[8], поддержанное отчасти позже[9], что отсутствие имени продавца объясняется нахождением покупаемой земли в собственности всей киевской городской общины, также была предпринята менее убедительная попытка определить имя конкретного собственника участка[10]. Подчеркнем, что и в данном случае стороны сделки не входят в число послухов, которые указываются отдельно.

Выше мы писали, что, скорее всего, двенадцать послухов представляют стороны сделки. А. Л. Никитин предположил, анализируя имена послухов, что их можно разделить на три группы: 1) собственно свидетелей, представителей софийского клира (7 человек); 2) лиц, представлявших интересы покупателя (2 человека); 3) представителей продавца (3 человека)[11]. Однако имеющиеся в нашем распоряжении сведения не позволяют достаточно уверенно об этом говорить – явными указаниями на те или иные связи всех послухов с участниками сделки мы не располагаем[12]. Другие возможные варианты роли послухов в данном случае: представители двух сторон (к чему склоняется автор настоящей статьи) или только одной.

Высказанное выше предположение, что «извод» Краткой Правды подразумевает представительство шести человек для каждой из сторон спора, полагаем, подтверждают граффити начала XIII в. церкви Св. Пантелеймона в Галиче. В трех хорошо читаемых надписях (№ 1, 2, 3) сообщается итог судебных разбирательств: оправдание ответчиков, с указанием их имен (истцы не упомянуты), уплата ими судебной пошлины и перечисление, в каждом случае, имен шести послухов[13]. В этих актах указаны только выигравшие суд ответчики, поэтому, скорее всего, и перечисленные в них

---

[8] *Котышев Д. М.* О поземельных сделках в Древней Руси (к изучению надписи № 25 из киевской Софии) // Исследования по русской истории и культуре. Сборник статей к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. М., 2006. С. 174.

[9] *Дробышева М. М.* Граффито № 25 из Софии Киевской: что мы знаем о покупке «Бояновой земли»? С. 138.

[10] Продавцом названа княгиня Боянова, вдова некоего болгарского князя Бояна, перебравшегося в Киев (*Никитин А. Л.* О купчей на «землю Бояню» // Никитин А. Л. Основания русской истории: Мифологемы и факты. М., 2001. С. 393–401; впервые в сокращении статья была опубликована в 1992 г.: *Никитин А. Л.* О купчей на «землю Бояню» // Герменевтика древнерусской литературы XI–XIV вв. М., 1992. Сб. 5. С. 350–369).

[11] *Никитин А. Л.* О купчей на «землю Бояню» // Никитин А. Л. Основания русской истории: Мифологемы и факты. С. 395–396.

[12] См.: *Дробышева М. М.* Граффито № 25 из Софии Киевской: что мы знаем о покупке «Бояновой земли»? С. 134.

[13] Новейшую реконструкцию и перевод текстов см.: *Гиппиус А. А., Михеев С. М.* Еще раз о древнерусских надписях на стенах церкви Св. Пантелеймона в Галиче // Труды Отделения историко-филологических наук. 2019. М., 2020. С. 189, 191–192, 195–196.

послухи представляли выигравшую сторону. Можем предполагать, что со стороны истцов тоже могло фигурировать аналогичное количество лиц, представляющих их интересы[14].

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении данные XI–XIII вв. указывают на то, что на Юге и Юго-Западе Руси обычным для закрепления некоторых правоотношений (например, определенные имущественные сделки) и для представительства по таким спорам в суде[15] было участие шести человек с каждой из сторон, в число которых истец и ответчик не входили.

Для Северо-Западной Руси в этом отношении характерна несколько иная ситуация. Имеются некоторые данные, указывающие, что необходимость соблюсти присутствие шести человек на суде и для участия в определенных правоотношениях могла решаться немного иначе.

Новгородская берестяная грамота № 548 (середина XII – начало XIII в.) говорит о споре относительно несправедливо удерживаемого имущества. Текст грамоты в расшифровке и переводе А. А. Зализняка: «От … бога к Моиславу и к Миките. Почему ты, брат, [Бога не] боишься? Я же знаю, что у вас есть товар Олески (Олексы) (*или*: я же знаю, что товар Олескин у вас). А я не один был, [когда видел это], – [был еще] Яромир и трое других мужей … (вероятно: уличан, рушан и т. п.). Так отдайте же (доставьте же) им товар, побойтесь Бога»[16].

Содержание грамоты указывает на конфликт юридического характера. Вероятно, в споре участвуют лица, занимавшиеся торговлей в складчину, причиной спора могло быть имущество, оставленное на хранение («поклажа»). Представитель заинтересованной стороны, ссылаясь на заключенный в присутствии свидетелей договор или факт передачи «товара», требует его возврата. Общее количество людей, представляющих потерпевшую сторону, – шесть: сам хозяин товара и пять свидетелей перехода «товара» в руки адресатов грамоты. Эти свидетели противопоставляются второй стороне, куда входили два адресата грамоты и группа лиц, стоящая за ними. Грамота отражает попытку досудебного способа разрешения конфликта. Ее автор, ссылаясь на заключенный в присутствии свидетелей с обеих, видимо, сторон договор, требует возврата имущества. В случае отказа, может быть, последовало бы обращение ко всем участ-

---

[14] Впрочем, не во всех случаях обязательным было присутствие на суде таких же шести человек со стороны истца. Так, Русская Правда в тех или иных ситуациях требует предоставления послухов только одной из сторон.

[15] А также в досудебных способах разрешения конфликтов (примирении или посредничестве), чем, вероятно, изначально являлся «извод» Краткой Правды.

[16] *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 403. Древнерусский текст: **цьмоу бра(тє) (--) (б҃а нє б)ѣишисѧ . а ѧ вьдє ожь. ж васъ є.стє тъваръ ольскъı(нъ) [а] ѧзо нє єдино . бъıлъ . мрѧмиръ а иниχо моужє .г. ------[ъ] а правитє . имъ тъваро . б҃а сѧ бомць** (Там же. С. 402).

никам передачи «товара», но уже в качестве послухов, привлеченных к разрешению конфликта[17]. Таким образом, здесь мы имеем дело с другим соотношением конструкции «сторона сделки/конфликта – ее представители», нежели ранее описанное: один и пять человек.

Однако грамоты этого времени упоминают и уже привычное нам число послухов. Грамота № 343 (XIII в.) перечисляет послухов, которых, несмотря на определенные утраты текста, насчитывается шестеро. Текст трактуется как конец какого-то договора, начальная часть его утеряна, поэтому его участники нам неизвестны[18].

В связи с этим необходимо назвать и ст. 10 Договора Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1189–1199 гг.: «Оже емати скот варягу на русине или русину на варязе, а ся его заприть, то 12 мужь послухы, идеть роте, възметь свое»[19]. Эту норму традиционно связывают со ст. 15 Краткой Правды об «изводе» «пред 12 человѣка», чему способствует их очевидное сходство. Полагаем, что двенадцать человек ст. 10 Договора являются послухами, идущими на «роту», представителями обеих сторон – по шесть человек с каждой[20].

Тем не менее то, что в грамоте № 548 мы имеем дело не со случайным количеством участников, подтверждает грамота смоленского князя Феодора Ростиславича по судному делу о немецком колоколе (1284 г.) (Смоленская земля не относится к Северо-Западу Руси, но в этом отношении мы обнаруживаем очевидное сходство в юридической практике обоих регионов). Содержание смоленской грамоты во многом сходно с галицкими граффити[21], это запись итога судебного разбирательства, которая, кроме перечисления иных лиц, содержит список представителей победившей стороны (со стороны проигравшей таковые отсутствуют): «Се ѧз, кнѧзь

[17] *Чебаненко С. Б.* Досудебные способы разрешения конфликтов в эпоху Пространной Правды: новгородская берестяная грамота № 548. С. 103–114.

[18] *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. С. 509.

[19] Памятники русского права. М., 1955. Вып. 2. С. 126.

[20] Ст. 9 того же Договора говорит о том, что в разбирательстве участвуют одновременно послухи с обеих сторон, а чьи представители будут присягать, решает жребий: «Оже тяжа родится бес крови, снидутся послуси, и русь и немци, то вергуть жеребьее; кому ся выимьть, роте шед, свою правду възмуть» (Памятники русского права. Вып. 2. С. 126). См.: *Оспенников Ю. В.* Правовая традиция Северо-Западной Руси XII–XV вв. М., 2011. С. 372.

[21] На это обстоятельство обратил внимание Т. В. Гимон, указав, однако, что формуляр их кардинальным образом различается (*Гимон Т. В.* Древнерусские судебные документы XIII–XIV вв. // Письмо и повседневность. М., 2016. Вып. 3. С. 27–28). Объединять эти примеры также может то обстоятельство, что выигравшие суд ответчики в галицких граффито и смоленской грамоте, вероятно, были иностранцами или, как минимум, людьми, чуждыми местному обществу, и с этим обстоятельством следует связывать первые опыты письменной записи судебных решений (Там же. С. 28).

смоленьскыи федоръ .соудилъ есмь. бирелѧ .съ арманоничемъ про колоколъ про немецькыи. Бирель правъ а Арманович виноват. Выдалъ есмь арманоничя и съ дворомъ .немьцомъ за колоколъ. А ту были на соуде со мною боѧре мои .григорь, намѣстьникъ .данило .артѣмии .микѹла дѧдковичь .лоука ѡкольничии .поутѧта дѧдковичь . а ѡт немець были на соуде искали колокола .ѩн .алъбратъ из брюньжвика .геньци .ѩган варенъдоръпрръ. Моисѣи кнѧжь печатник федоров, печаталъ»[22]. Здесь, как и в новгородской грамоте, на одной из сторон выступает шесть человек: победивший Бирель и представлявшие его интересы пять человек «ѡт немець»[23].

О том, что на процессе в Северо-Западной Руси было распространено обращение к пособничеству пяти человек (как и о том, что эта традиция сохранилась после рассматриваемого периода), свидетельствует Псковская судная грамота XV в., памятник более поздний, но во многих своих частях отразивший архаичную традицию[24]. В ряде статей грамоты (9, 27, 51, 55, 56)[25] стороны конфликта обращаются к содействию четырех-пяти человек (соседей, очевидцев, «сторонних человеков», «добрых людей»), которые свидетельствуют или присягают на их стороне. Соответственно, одна сторона судебного спора представлена пятью или шестью людьми[26]. Грамота при этом разделяет истца и ответчика и их представителей, вместе они не присягают.

Открытым остается вопрос, в какой мере эту традицию принимала княжеская власть (шире – официальная власть) в домонгольский период и в XIII в.: настаивала ли администрация на присутствии на официальном суде в необходимых случаях именно шести представителей «истцов», как это было распространено на Юге и Юго-Западе Руси (и, вероятно, в других землях), или соглашалась с местными обычаями. Тяготение

---

[22] Смоленские грамоты XIII–XIV вв. М., 1963. С. 62–63.

[23] Имена Яганъ и Варенъдоръпрръ находятся на разных строчках грамоты, видимо, поэтому они и не отделены точкой (факсимиле грамоты: Смоленские грамоты XIII–XIV вв. С. 64–65). Такое же разделение имен (на пять представителей немецкой стороны) приводится, например, в следующих публикациях: *Гимон Т. В.* Древнерусские судебные документы XIII–XIV вв. С. 27; *Лицкевич О. В.* Fontes historiae Magni Ducatus Lithuaniae. 1284, ищьло было ѡтъ Р(о)ж(де)ства Г(оспод)нѧ до сего лѣта 1000 лѣтъ и двесте летъ и ѡсмьдесѧтъ лѣтъ и три лѣта, а на четвьртое лѣто псана. Смоленск. Смоленский князь Федор [Ростиславич] выносит приговор по делу о немецком колоколе (то есть весовой гире) между Бирелем и Арановичем. Эл. версия: 2019 (d212). URL: http://starbel.by/dok/d212.htm (дата обращения: 25.06.2021).

[24] *Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота и ее время: Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980. С. 109–110.

[25] Памятники русского права. Вып. 2. С. 287, 289, 293.

[26] Надо полагать, что четыре человека – необходимый минимум, а пять – оптимальное количество.

к «южнорусским порядкам», по-видимому, демонстрирует ст. 10 Договора Новгорода с Готским берегом 1189–1199 гг., заключенного со стороны Новгорода князем Ярославом Владимировичем, посадником Мирошкой Нездиничем и тысяцким Яковом. Тем не менее можно говорить о некоем сосуществовании обеих практик, предусматривающих выставление разного количества послухов.

Вероятной причиной настаивать на присутствии шести человек (кроме следования князей привычной, не местной, традиции) могло быть желание ограничить излишнюю активность сторон спора, отделив их от своих послухов (для принятия объективного решения), но так, чтобы на процедуре «роты» и в других случаях имелось необходимое количество участников. Памятники европейского средневекового права нередко говорят о том, что в делах определенного рода истец или ответчик присягают вместе со своими соприсяжниками в пропорции «сам-шестой», «сам-двенадцатый» и т. д., то есть одновременно участвуя с ними в одной и той же процедуре. Древнерусские же материалы XI–XIII вв. скорее указывают на то, что на процессе «истцы» и послухи отделялись в своих действиях, вместе на присягу не ходили, по крайней мере на официальном суде. Не исключено, что участие «истцов» в присяге вместе с послухами в пропорции «сам-шестой» было региональной особенностью Северо-Западного региона, не допускаемой, впрочем, официальным судом (см. выше о берестяной грамоте № 548).

Наконец, необходимо подчеркнуть еще один момент. Выше неоднократно указывалось, что свидетели правоотношений, заверители сделок и т. п. впоследствии в случае разногласий сторон могли привлекаться на суд. Соответственно, все, кто присутствовал в необходимом количестве, например, при сделке купли-продажи ценного имущества должны были присутствовать и на суде. Такую идеальную картину мы, по-видимому, наблюдаем в граффито о покупке «Бояней земли», которую заверяет двенадцать человек (также, наверное, к такому случаю можно отнести грамоту № 548, которая, однако, говорит о другом числе свидетелей). На практике это, конечно же, далеко не всегда могло соблюдаться (кто-то из этих людей умер, уехал и т. д.), но на суде должно быть необходимое количество послухов. В результате некоторые из них непосредственными свидетелями сделки не являлись, но могли поручиться за честность и правоту своего «истца». В итоге количество послухов, присутствующих при заверении сделки или бывших свидетелями иных правоотношений, стало не совпадать с необходимым и четко определенным количеством послухов, «добрых людей» и т. п. на суде[27].

[27] Кроме того, число заверителей правоотношений стало варьироваться (*Мартышин О. В.* Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. С. 312–313), и принцип выбора того или иного количества заверителей сделок в разных случаях не понятен.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время: Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980.

Васильев С. В. Псковская судная грамота и I Литовский статут: Опыт сравнительного исследования терминологии законодательных памятников. М., 2011.

Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966.

Гимон Т. В. Древнерусские судебные документы XIII–XIV вв. // Письмо и повседневность. М., 2016. Вып. 3. С. 18–48.

Гиппиус А. А., Михеев С. М. Еще раз о древнерусских надписях на стенах церкви Св. Пантелеймона в Галиче // Труды Отделения историко-филологических наук. 2019. М., 2020. С. 181–204.

Дробышева М. М. Граффито № 25 из Софии Киевской: что мы знаем о покупке «Бояновой земли»? // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 1 (48). С. 130–145.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Из истории шведского народа и государства: первые описания и законы. М., 1999.

Котышев Д. М. О поземельных сделках в Древней Руси (к изучению надписи № 25 из киевской Софии) // Исследования по русской истории и культуре. Сборник статей к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. М., 2006. С. 164–174.

Лицкевич О. В. Fonteshistoriae Magni Ducatus Lithuaniae. 1284, ищьло было ѡтъ Р(о)ж(де)ства Г(оспод)нѧ до сего лѣта 1000 лѣтъ и двесте летъ и ѡсмьдесѧтъ лѣтъ и три лѣта, а на четвьртое лѣто псана. Смоленск. Смоленский князь Федор [Ростиславич] выносит приговор по делу о немецком колоколе (то есть весовой гире) между Бирелем и Армановичем. Эл. версия: 2019 (d212). URL: http://starbel.by/dok/d212.htm (дата обращения: 25.06.2021).

Мартышин О. В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики М., 1992.

Никитин А. Л. О купчей на «землю Бояню» // Герменевтика древнерусской литературы XI–XIV вв. М., 1992. Сб. 5. С. 350–369.

Никитин А. Л. О купчей на «землю Бояню» // Никитин А. Л. Основания русской истории: Мифологемы и факты. М., 2001. С. 389–404.

Оспенников Ю. В. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII–XV вв. М., 2011.

Памятники русского права. М., 1955. Вып. 2.

Правда Русская. М.; Л., 1941. Т. 1.

Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

Салическая правда. М., 1950.

Смоленские грамоты XIII–XIV вв. М., 1963.

Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961.

Чебаненко С. Б. Досудебные способы разрешения конфликтов в эпоху Пространной Правды: новгородская берестяная грамота № 548 // НИС. СПб., 2016. № 16 (26). С. 103–114.

Шервуд Е. А. Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени. (К раннему этногенезу итальянцев). М., 1992.

Sergey B. Chebanenko
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

WITNESSING AND COMPURGATORSHIP IN NORTH-WESTERN RUS IN THE PRE-MONGOLIAN PERIOD AND IN THE REIGN OF ALEXANDER NEVSKY

In the article, the author takes into account some certain features of the judicial process, witnessing and compurgatorship in the Pre-Mongolian period and in the 13th century, in the times of Alexander Nevsky. One can trace some certain reginal features of compurgatorship, characteristic of North-Western Rus, even in the Pre-Mongolian period. This concerns the number of people presenting a party in a process, and the possibility for the plaintiff or the defendant to take an oath together with witnesses. In South and South-Western Rus, in the 11th – 12th centuries it was common to involve six people in the process to present parties, which number did not include the plaintiff and the defendant. In North-Western Rus (and Smolensk land) it was common to involve five people presenting parties. The regional feature was in participation of the plaintiff or the defendant together with witnesses, which made it possible to speak about six people taking part in the process.

Keywords: court, compurgators, witnesses, "izvod", an oath, juration, Novgorod, Pskov, Russkaia Pravda, Pskov Judicial Charter, birch bark letters

С. А. Маслова
ИРИ РАН, Москва, Россия

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА МОНГОЛОВ ВО ВРЕМЕНА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

В статье рассмотрены основные черты монгольской налоговой политики на Руси во время великого княжения Александра Невского (1249–1263 гг.), перечислены основные мероприятия по формированию налоговой политики монголов и наименования податей, собираемых в их пользу.

Ключевые слова: монголы, Русь, налоговая политика, перепись, подать

Во время монгольского нашествия Александр Невский был одним из младших князей – он княжил в Новгороде и в столкновениях с монголами участия не принимал. В это время великим князем был Юрий Всеволодович, а после его гибели – Ярослав Всеволодович, брат Юрия и отец Александра. Именно во время княжения Ярослава Всеволодовича происходит формирование налоговой политики монголов в русских землях.

Самое раннее известие об установлении системы сбора податей на Руси – свидетельство францисканского монаха Плано Карпини. Он пишет: «…в бытность нашу в Руссии, был прислан сюда один Саррацин, как говорили, из партии Куйюк-кана и Бату, и этот наместник у всякого человека, имевшего трех сыновей, брал одного, как нам говорили впоследствии; вместе с тем он уводил всех мужчин, не имевших жен, и точно так же поступал с женщинами, не имевшими законных мужей, а равным образом выселял он и бедных, которые снискивали себе пропитание нищенством. Остальных же, согласно своему обычаю, пересчитал, приказывая, чтобы каждый, как малый, так и большой, даже однодневный младенец, или бедный, или богатый, платил такую дань, именно, чтобы он давал одну шкуру белого медведя, одного черного бобра, одного черного соболя, одну черную шкуру некоего животного, имеющего пристанище в той земле, название которого мы не умеем передать по-латыни, и по-немецки оно называется ильтис (iltis), поляки же и русские называют этого зверя дохорь (dochori), и одну черную лисью шкуру. И всякий, кто не даст этого, должен быть отведен к Татарам и обращен в их раба»[1].

Плано Карпини повествует о переписи, проведенной в Киевской земле в конце 1245 – начале 1246 г.[2] Это известие прямо связывает перепись

---

[1] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 55.

[2] *Горский А. А.* Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. 2014. Т. 10 (157). С. 64.

с установлением дани. Упоминание, что учитывались даже младенцы, свидетельствует о том, что переписывалось все мужское население независимо от возраста. По тому же принципу учитывалось население Великой Армении в 1314 г. Перепись в Киевской земле заложила основу монгольской налоговой политики в русских землях.

Во время великого княжения Александра Невского на Руси прошли еще две переписи.

Зимой 1257/1258 г. состоялась перепись на Северо-Востоке Руси, в землях Суздальской, Рязанской и Муромской. О событии повествует Лаврентьевская летопись: «тое же зимы приехаша численици, исщетоша всю землю Сужальскую и Рязаньскую и Мюромьскую, и ставиша десятники, и сотники, и тысящники, и темники, и идоша в Ворду; толико не чтоша игуменовъ, чернецовъ, поповъ, крилошанъ, кто зрить на святую Богородицю и на владыку»[3].

Согласно летописному известию, от переписи были освобождены представители духовенства, что соотносится с данными более поздних источников – ярлыков, выданных ордынскими правителями русским митрополитам. Эти документы провозгласили налоговый иммунитет представителям русского духовенства.

Перепись 1257 г. провели численники. В русских источниках нет указания на административную принадлежность этих чиновников – действовали они от имени великого хана или правителя Золотой Орды. В тексте китайской летописи «Юань-ши» есть указание о назначении в 1257 г. некоего Китая особым уполномоченным, даругачи, «по умиротворению и охране порядка у русских»[4]. Приезд монгольского чиновника Китая русские источники не фиксируют. Если представитель хана и был назначен, то, похоже, ему не обязательно было лично присутствовать при проведении переписи. Он мог контролировать процесс, не находясь на территории русских княжеств.

Сообщение «Юань-ши» прямо указывает на то, что перепись на Северо-Востоке Руси была проведена в интересах прежде всего Монгольской империи. Неясен принцип учета населения Суздальской, Рязанской и Муромской земель. Некоторые ученые посчитали единицей учета дворы[5]. А. А. Горский пришел к выводу об учете на Северо-Востоке Руси мужского населения работоспособного возраста[6].

---

[3] ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 474–475.

[4] Золотая Орда в источниках. М., 2009. Т. 3. С. 195.

[5] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: историко-географическое исследование. Монголы и Русь: история татарской политики на Руси. 2-е изд. СПб., 2006. С. 224–226; *Allsen T.* Mongol Census Taking in Rus', 1245–1275 // Harvard Ukrainian Studies. 1981. Vol. 5. No. 1. P. 49.

[6] *Горский А. А.* Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности. С. 68–71.

Перепись на Северо-Востоке Руси прошла в рамках общеимперских мероприятий, санкционированных великим ханом Мунке (Менгу) в середине XIII в. В 1252 г. перепись провели в Китае, 1253 г. – в Иране, в 1254 г. – в Армении. Мероприятия проводились с целью упорядочения системы сбора дани.

Зимой 1259/1260 г. монгольская перепись прошла в Новгороде. Некоторые требования монголы предъявили новгородцам в 1257 г. Тогда в город приехали монгольские послы в сопровождении Александра. Они потребовали с города «десятины тамгы». Новгородцы платить монголам не захотели, они ограничились дарами. Очевидно, монголов это устроило – никаких конфликтов не последовало[7].

В историографии высказывалось предположение о том, что в 1257 г. монголы попытались провести в Новгороде перепись, но из-за сопротивления горожан попытка не удалась[8]. Однако приравнивать требование выплатить «десятины тамги» к проведению переписи, «числа», оснований нет. В это время перепись проходила на территории Северо-Восточной Руси. Ее организовали особые монгольские чиновники – «численники». В Новгород же явились послы, и требовали они не «число», а «десятины тамгы».

Иначе дело обстояло в 1259 г. Тогда в Новгород прибыла целая делегация: «приѣхаша оканьнии татарове сыроядци Беркаи и Касачикъ с женами своими, и инѣхъ много; и бысть мятежь великъ в Новѣгородѣ, и по волости много зла учиниша, беруче туску оканьнымъ татаромъ»[9]. В городе начались волнения, монголы обратились за помощью к Александру Невскому. Вмешательство князя позволило предотвратить восстание, в городе удалось провести перепись: «И почаша ѣздити оканьнии по улицамъ, пишюче домы христьяньскыя… и отъехаша оканьнии, вземше число»[10].

Летопись свидетельствует о возможном подворном характере новгородской переписи. Известны имена должностных лиц, осуществивших мероприятие, – Беркай и Касачик. На основе летописного известия нельзя сделать вывод об административной принадлежности этих чиновников. А. Н. Насонов и Т. Олсен видят в Беркае представителя центрального аппарата[11]. Согласно «Юань-ши», в 1253 г. писец (битекчи) Берке «внес в реестр количество дворов и населения русских»[12].

---

7 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ). М.; Л., 1950. С. 82.

8 *Чечулин Н. Д.* Начало в России переписей и ход их до конца XVI в. СПб., 1889. С. 6; *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства… С. 224–225. Примеч. 7.

9 НПЛ. С. 82.

10 Там же.

11 *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства… С. 223–224; *Allsen T.* Mongol Census Taking in Rus', 1245–1275. P. 44.

12 Золотая орда в источниках. Т. 3. С. 190.

Проведение переписи находилось под контролем не только представителей великого хана, но также улусных правителей. На этом основании можно предположить, что если Беркай представлял интересы великого хана Мунке, то второй упомянутый летописью чиновник, Касачик, являлся представителем золотоордынского хана. При участии представителей великого, а также улусного правителей прошла перепись в Киевской земле. Также при участии представителей центральной и улусной администрации прошла перепись в Армении. В середине XIII в. Золотая Орда еще не вышла из состава Монгольской империи. Вполне естественно, что представитель центральной администрации принял участие в переписи, прошедшей на Руси, подчиненной Золотой Орде.

Летопись не называет должности Беркая и Касачика. Из других данных следует, что переписи в русских землях проводили баскаки (Киевская земля) и численники (Суздальская, Рязанская и Муромская земли). Если верно предположение о тождестве писца Берке, отмеченного «Юаньши», и Беркая, прибывшего в Новгород, то можно определить должность одного из монголов, действовавших в Новгороде в 1259 г.

Таковы основные мероприятия по формированию налоговой политики монголов. Главным инструментом установления даннической зависимости являлись переписи. Переписи в русских землях состоялись посредством нескольких мероприятий, проведенных в разных регионах и в разное время. На рубеже 1245–1246 гг. перепись прошла в Киевской земле, зимой 1257/1258 г. – в землях Суздальской, Рязанской и Муромской, зимой 1259/1260 г. – в Новгороде. Первую перепись на Руси санкционировал великий хан Гуюк. По его повелению примерно в то же время, зимой 1247/1248 г., провели перепись в Китае. Второй этап учета населения связан с именем великого хана Мунке. Во время его правления география переписных мероприятий существенно расширилась. Они охватили Китай (1252 г.), Иран (1253 г.), Армению (1254 г.). Характерная черта монгольских переписей – проведение их в зимнее время.

Проведение учета населения владений Золотой Орды, от Кавказа до Новгорода, шло медленно. Это обстоятельство Т. Олсен объясняет рядом факторов, способствовавших затягиванию процесса проведения переписи русского населения. Среди них – кончина правителей улуса Джучи Бату и Сартака, а также отсутствие на Руси квалифицированных административных кадров[13]. Стоит отметить, что не только на Руси, но и в Китае зафиксирована перепись разных регионов в разное время. Она проводилась в 1233, 1236, 1247/1248 и 1258 гг.[14]

Переписи на Руси были организованы по инициативе великих ханов и связаны с сериями общеимперских мероприятий. Чиновники, прово-

[13] *Allsen T.* Mongol Census Taking in Rus', 1245–1275. P. 43–44.

[14] Золотая Орда в источниках. Т. 3. С. 168, 171, 179, 197.

дившие переписи, в ряде случаев представляли администрацию великого хана. Проведение переписей на территории Руси не приобрело регулярный характер. После мероприятий 50-х гг. XIII в. состоялась только одна перепись, в 1273 г.[15]

Переписи установили систему сбора дани. Судя по летописному сообщению о восстаниях в Ростове, Владимире, Суздале и Ярославле в 1262 г., дань собиралась по системе откупов: «Избави Бог от лютаго томленья бесурменьскаго люди Ростовьския земля, вложи ярость въ сердца крестьяномъ, не терпяще насилья поганыхъ, изволиша вѣчь и выгнаша из городовъ из Ростова, изъ Володимеря, ис Суждаля, из Ярославля. Окупахуть бо ти оканьнии бесурмене дани и от того велику пагубу людемъ творяхуть»[16].

Существование системы откупов в Монгольской империи зафиксировано уже при великом хане Угедее во второй четверти XIII в. Чиновники, изгнанные из городов Северо-Восточной Руси, принадлежали, скорее всего, имперской администрации. На это указывает то обстоятельство, что после расправы с монгольскими сборщиками дани никаких санкций со стороны Золотой Орды не последовало. А. Н. Насонов убедительно обосновал тезис о том, что поездка Александра Невского в Орду имела причиной не избиение откупщиков, а происходивший в то время на Руси воинский набор[17]. Городские восстания 1262 г. не повлияли на отмену откупной системы. В конце XIII в. баскак Ахмат откупал дань в Курском княжестве[18].

Источники содержат сведения о наименованиях податей, собираемых монголами во времена Александра Невского.

В новгородском летописании зафиксировано требование монгольских послов в 1257 г. «десятины тамгы». Термин «тамга» имеет несколько значений: ‘печать, клеймо’, а также ‘налог, который должен платить торговец, желавший импортировать свои товары в определенный город и продавать их там’[19]. Основное значение тамги – родовой знак. Впоследствии он трансформировался в знак собственности, которым клеймили скот. Происхождение тамги у кочевых племен связано с возникновением и развитием института собственности на скот[20]. Армянский историк Киракос Гандзакеци свидетельствует о том, что монголы повсеместно отби-

---

[15] ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 243; СПб., 1889. Т. 16. С. 55.

[16] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 476.

[17] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства… С. 255–256.

[18] ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 79.

[19] *Doerfer G.* Türkische und Mongolische elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1965. Bd 2. S. 554.

[20] *Сагалаев А. М., Октябрьская И. В.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск, 1990. С. 22; *Pochekaev R. Yu.* Tamgha and

рали у населения лошадей. При этом каждый монгольский военачальник клеймил свой скот и животных, отобранных у местных жителей[21]. На основе этого известия, а также тезиса М. Ф. Владимирского-Буданова о том, что монгольская перепись населения состояла из исчисления людей и движимого имущества – скота, Ю. В. Кривошеев трактовал требование тамги с Новгорода в качестве попытки пересчитать и (или) поклеймить коней[22]. Сведения ярлыка Менгу-Тимура (1267 г.), в котором тамга упоминается среди других выплат в пользу монголов, опровергают подобное значение тамги в русских землях. С Новгорода потребовали тамгу в качестве налога с городского торгового населения, хорошо известного в государстве Хулагуидов[23]. С новгородцев его потребовали в размере десятины. Похожее требование было предъявлено в 1237 г. рязанским князьям. С них просили «десятины во всемь: и в людехъ, и въ князехъ, и въ конихъ, во всякомь десятое»[24]. Новгороду монголы предъявили более мягкие требования – десятину не «во всем», а только с городского населения. В государстве Хулагуидов размер тамги составлял 10 % стоимости каждой сделки, то есть фактически тамга представляла собой десятину[25].

Новгородское летописание фиксирует выплату особого сбора, туски. Кроме рассказа Новгородской первой летописи, туска упоминается в новгородской берестяной грамоте № 218, датируемой серединой – второй половиной XIII в.: «У Осипа … гривне на туске»[26].

В. Г. Тизенгаузен отождествляет этот термин с тюрк. «тузгу» а также «тургу» (или «таргу») и определяет как ‘провиант и подарки для прибывающих владетелей или послов’[27]. Трактовку В. Г. Тизенгаузена принял М. Н. Тихомиров[28]. Л. В. Черепнин, сравнивая новгородские берестяные грамоты № 215 и 218, утверждал, что слово «туска» равнозначно тер-

---

the Struggle against It: on the History of Medieval Turkic-Mongol Taxation System // Golden Horde Review. 2014. No. 4 (6). P. 79.

21 *Киракос Гандзакеци.* История Армении. М., 1976. С. 168.

22 *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995. С. 213; *Кривошеев Ю. В.* Монголы и Русь. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 2003. С. 184–185.

23 *Бабаян Л. О.* Социально-экономическая и политическая история Армении в XIII–XIV вв. М., 1969. С. 267–268.

24 НПЛ. С. 74.

25 *Петрушевский И. П.* Иран и Азербайджан под властью Хулагуидов // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 245.

26 *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963. С. 38–39.

27 *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 304.

28 *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955. С. 273.

мину «дар»[29]. Иначе понимала туску А. Л. Хорошкевич. Она высказала предположение о туске как соляной пошлине[30]. Позднее исследовательница отказалась от подобной трактовки, признав ее менее обоснованной[31]. Она связала туску берестяной грамоты № 218 с летописным известием о переписи в Новгороде 1259 г. По ее мнению, туска взималась в денежной форме и выплачивалась она за чернь боярами, которые получали за это высокий процент[32]. И. Г. Добродомов отрицал понимание туски в качестве фискально-экономического термина. Он пришел к выводу об этнографическом значении туски. Туска преподносилась в качестве подарка прибывающему гостю, регулярным налоговым сбором она не являлась[33]. Ю. В. Селезнев связал туску с обеспечением проезда и пребывания ордынских послов и должностных лиц. По мнению исследователя, туска включала фураж, продовольствие, утварь и иное обеспечение движения чиновников[34].

О туске (тузгу) в пользу монголов во время завоевательных походов в Средней Азии довольно часто упоминает Джувейни[35]. Согласно свидетельствам персидского историка, туска предоставлялась не постоянным представителям монгольской власти, а тем, кто находился в пути и отправлялся в дальнейший путь. Туску составляли провизия и другие припасы. Такое же понимание термина отображено в «Древнетюркском словаре»: *tuzγu* – подношение еды, припасов в дорогу близким или родственникам[36]. Кроме того, согласно рассказам персидского историка, туска выступала выражением покорности. При подходе Чингисхана к городу Балх «главные люди города вышли, чтобы провозгласить свое подчинение и служение и поднесли все виды *тузгу* и дары. После этого, чтобы произвести перепись, он приказал вывести всех людей на равнину и пересчитать»[37].

---

[29] *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969. С. 255.

[30] *Хорошкевич А. Л.* Городские движения на Руси второй половины XIII – конца XVI в. // Социально-экономическое развитие России. М., 1986. С. 42.

[31] *Хорошкевич А. Л.* Монголы и Новгород в 50-е гг. XIII в. (по данным берестяных грамот № 215 и 218) // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 70.

[32] Там же. С. 71.

[33] *Добродомов И. Г.* Туска (об одном гапаксе Новгородской первой летописи) // 90 лет Н. А. Баскакову. М., 1996. С. 75–78.

[34] *Селезнев Ю. В.* «Татарский проезд» – фискальное обеспечение административного управления и транспортных коммуникаций Золотоордынского государства (на территории русских земель) // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 3. С. 593.

[35] The History of the World-Conqueror / Transl. by J. A. Boyle. Manchester, 1997. P. 102, 130, 144, 158, 213, 218, 500, 609, 616.

[36] Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 594.

[37] The History of the World-Conqueror. P. 130.

Похожая ситуация наблюдалась в Новгороде в 1259 г. – монголы потребовали туску и провели перепись. Вероятно, требование туски с Новгорода было требованием не просто содержания, но признания городом монгольской власти. Это обстоятельство могло стать дополнительным фактором бурной негативной реакции новгородцев.

Иных сведений русских источников о наименованиях сборов в пользу монголов во времена Александра Невского не обнаружено. Наиболее информативны в этом отношении ярлыки, выданные ордынскими правителями русским митрополитам, но наиболее ранний из сохранившихся ярлыков, Менгу-Тимура, датируется 1267 г. Он был составлен спустя четыре года после смерти Александра. Небольшой промежуток времени между кончиной князя и составлением ярлыка допускает применение ретроспективного подхода. Он позволит представить, какие виды выплат в пользу монголов могли существовать во времена Александра Невского.

Ярлык Менгу-Тимура гласит: «Дань ли или иное что ни будеть, тамга, поплужное, ям, воина кто чего ни попросить и рькли были дати, кто паки того у нас не ведаеть, вси ведаем. И мы, богу молясь, и их грамоты не изыначили. Тако молвя по первому пути, которая дань, или поплужное, или подвода, или корм кто ни будеть, да не просять; ям, воина, тамга не дають»[38]. Документ упоминает следующие наименования выплат: «дань», «тамга», «поплужное», «ям», «воина», «подвода», «корм».

«Дань» – общеславянское обозначение подати. Она выступает главным поземельным налогом и сохраняет это значение в XIII–XIV вв. Наряду с особым термином, «выход», «данью» назывались выплаты в Орду[39]. Тамга упоминалась выше. Это налог с городского торгово-ремесленного населения. Поплужное упоминается только в ярлыке Менгу-Тимура. Эта выплата по смыслу совпадает с податью, носившей название «рало». Рало – налог с пахотного орудия или земельного участка, обрабатываемого этим орудием[40]. Ям – ямская, почтовая, повинность. Впоследствии ям стал собираться русскими князьями в свою пользу. Первое упоминание в качестве «внутрирусской» повинности содержится в жалованной грамоте тверских князей Отрочу монастырю 1362–1364 гг.[41] «Воина» – поборы, связанные с ведением войны[42]. Подвода – транспортная повинность[43]. Корм – содержание населением воинских контингентов или должностных лиц государственного управления[44].

---

[38] Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3. С. 467.

[39] *Горский А. А.* Русское средневековое общество: историко-терминологический справочник. СПб., 2019. С. 97–101.

[40] Там же. С. 286.

[41] Там же. С. 379.

[42] Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 2. С. 310.

[43] *Горский А. А.* Русское средневековое общество… С. 261.

[44] Там же. С. 197.

Таковы основные черты налоговой политики монголов во времена Александра Невского. Подводя итог, можно отметить, что Александр Невский не влиял на формирование даннической системы. Она получила начало еще 1240-е гг., а при Александре Невском приобрела законченный вид. Также можно сказать, что монгольская налоговая политика на Руси складывалась в русле налогового управления другими покоренными регионами. Ведущая роль в этом процессе принадлежала не столько Золотой Орде, сколько Монгольской империи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963.

Бабаян Л. О. Социально-экономическая и политическая история Армении в XIII–XIV вв. М., 1969.

Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995.

Горский А. А. Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. 2014. Т. 10 (157). С. 58–79.

Горский А. А. Русское средневековое общество: историко-терминологический справочник. СПб., 2019.

Добродомов И. Г. Туска (об одном гапаксе Новгородской первой летописи) // 90 лет Н. А. Баскакову. М., 1996. С. 75–78.

Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Золотая Орда в источниках. М., 2009. Т. 3.

Киракос Гандзакеци. История Армении. М., 1976.

Кривошеев Ю. В. Монголы и Русь. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 2003.

Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: историко-географическое исследование. Монголы и Русь: история татарской политики на Руси. 2-е изд. СПб., 2006.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3.

Петрушевский И. П. Иран и Азербайджан под властью Хулагуидов // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 228–259.

ПСРЛ. М., 1997. Т. 1.

ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1.

ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16.

ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.

Сагалаев А. М., Октябрьская И. В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск, 1990.

Селезнев Ю. В. «Татарский проезд» – фискальное обеспечение административного управления и транспортных коммуникаций Золотоордынского государства (на территории русских земель) // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 3. С. 591–599.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 2.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. 2.

Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955.

Хорошкевич А. Л. Городские движения на Руси второй половины XIII – конца XVI в. // Социально-экономическое развитие России. М., 1986. С. 38–48.

Хорошкевич А. Л. Монголы и Новгород в 50-е гг. XIII в. (по данным берестяных грамот № 215 и 218) // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 69–73.

Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.

Чечулин Н. Д. Начало в России переписей и ход их до конца XVI в. СПб., 1889.

Allsen T. Mongol Census Taking in Rus', 1245–1275 // Harvard Ukrainian Studies. 1981. Vol. 5. No. 1. P. 32–53.

Doerfer G. Türkische und Mongolische elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1965. Bd 2.

Pochekaev R. Yu. Tamgha and the Struggle against It: on the History of Medieval Turkic-Mongol Taxation System // Golden Horde Review. 2014. No. 4 (6). P. 77–95.

The History of the World-Conqueror / Transl. by J. A. Boyle. Manchester, 1997.

Svetlana A. Maslova

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

TAX POLICY OF THE MONGOLS DURING THE REIGN OF ALEXANDER NEVSKY

The article examines the main features of the Mongolian tax policy in Rus during the reign of Alexander Nevsky (1249–1263). The paper lists the main measures aimed at the formation of the tax policy of the Mongols and the names of taxes collected in their favor.

Keywords: the Mongols, Rus, tax policy, census, submit

Ф. Д. Подберезкин
Центральная научная библиотека им. Якуба Коласа
НАН Беларуси, Минск, Беларусь

МОЖЕТ ЛИ «СХИЗМАТИК» БЫТЬ РЫЦАРЕМ? СТАТУС РУССКОГО ВОИНА В ЛИВОНСКИХ ХРОНИКАХ XIII в.

В статье рассматривается вопрос о применении концепта рыцарства по отношению к русским воинам в контексте русско-ливонских отношений XIII в. Основываясь на текстах «Хроники Ливонии» Генриха и «Ливонской Старшей рифмованной хроники», а также с помощью сравнительного анализа параллельных сюжетов европейского рыцарского эпоса делается попытка определить статус воинов Руси, с точки зрения Рижской церкви и братьев Немецкого ордена. Хронист Генрих употребляет термин *milites* в отношении ливонских крестоносцев из немецких земель, поэтому русские (как и другие окрестные народы) так не называются. Для аудитории рифмованной хроники характерно использование нескольких терминов, означающих рыцарей, при этом русские всадники могли определяться как *helt, stoltze man*. С помощью сравнения сюжетов рыцарского эпоса, ливонских хроник и русского летописания удалось выявить куртуазные практики и литературные мотивы в ливонских и русских источниках XIII в.: дарование турнирной лошади, соблюдение принципов *fair play,* институт заложничества, вассальные обычаи, рыцарский визит престижа. В связи со сказанным автор полагает, что европейский концепт рыцарства может применяться в отношении русских воинов в контексте ливонского культурного фронтира XIII в.

Ключевые слова: *рыцарство, Ливония, Русь, milites, русские воины, «Хроника Ливонии», «Ливонская Старшая рифмованная хроника», helt, stoltze man, fair play, заложничество, визит престижа, столкновение культур*

Центральной парадигмой современной историографии русско-ливонских отношений в XIII в. является «столкновение культур», где основное внимание уделяется вопросам «культурных трансферов» и взаимовлияний[1]. В связи с этим приобретают новую актуальность те сообщения источников, которые свидетельствуют о рецепции и взаимодействии сходных социальных групп Руси и Ливонии – аспект, ранее «выпадавший» из парадигмы «цивилизационного противостояния», господствовавшей в российской, советской и немецкой историографии XX в.

Предметом настоящего исследования является концепт рыцарства как группы вооруженных воинов с особой этической программой

[1] *Selart A.* Livland und die Rus' im 13. Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien, 2007; The Clash of Cultures on the Medieval Baltic Frontier. London; New York, 2009.

в контексте русско-ливонских конфликтов и союзов XIII в.[2] Допустимо ли сравнивать ливонских *milites/ritter* и русскую конную рать? Может ли рыцарство как концепт-явление латинской культуры распространяться на русских воинов? Предварительные наблюдения на этот счет высказывал В. Д. Назаров, выделивший объективные сходства в социальной трансформации русского служилого боярства и европейского рыцарства в XIII–XV вв.[3] А. Е. Мусин (преимущественно на русском материале) обратился к вопросу о влиянии христианских идей на воинскую культуру русских *milites Christi*[4]. Задача настоящего исследования – попытаться решить вопрос о «русских рыцарях», с точки зрения ливонских крестоносцев. Основными источниками служат исторические нарративы, написанные в среде епископа Рижского («Хроника Ливонии» Генриха (далее – *ГЛ*)) и для аудитории братьев-рыцарей Немецкого ордена («Ливонская Старшая рифмованная хроника» (далее – *СРХ*)). С одной стороны, необходимо проанализировать значения *milites* и *ritter* в их связи с литературной традицией и рыцарским эпосом XIII в. С другой стороны, попытаемся выявить те кейсы взаимодействия латинян и «схизматиков» в ливонских источниках, которые были типичными для европейского рыцарства.

В *ГЛ* название *milites* применяется в отношении ленников епископа Рижского Альберта, а также братьев Ордена меченосцев (*milicia Christi,*

---

[2] Речь идет о концепте рыцарства, характерном для куртуазной традиции XIII в. Новая «педагогическая и культурная идея», согласно которой знатный воин-христианин инкорпорировал добродетель христианского смирения в свою знатность, доблесть в физическое превосходство представляла в большей степени литературную оппозицию брутальным привычкам нобилитета начала XIII в., чем отражала социальную действительность. О реальном воплощении куртуазного концепта со стороны знати принято говорить не ранее середины XIII в. (*Bumke J.* The Concept of Knighthood in the Middle Ages. New York, 1982. P. 120). В настоящей статье ставится вопрос о куртуазном концепте рыцарства в отношении русских воинов, отраженном в ливонских источниках XIII в. В случае Пруссии и Ливонии в указанный период мы имеем дело со спецификой «рыцарствующих» монахов («божьих дворян») и рыцарей, декларативно принявших «знак креста». Это дает основания полагать, что концепт *milites* ливонских источников на периферии крестоносного движения в большей степени отражал реальное положение дел, чем в «традиционных» эпицентрах куртуазной культуры.

[3] *Назаров В. Д.* Этос служилого боярства на Руси XIII–XV вв. (к вопросу о параллелях с европейским рыцарством) // Долгое Средневековье. Сборник в честь профессора А. А. Сванидзе. М., 2011. С. 178–189. За указание на эту статью благодарю историка В. Б. Перхавко (Москва). А. Н. Кирпичников доказал, что русская конница по технологическим параметрам была сходна с европейским рыцарством (*Kirpičnikov A. N.* Die russischen Waffen des 9.–13. Jahrhunderts und westeuropäische Einflüsse auf ihre Entwicklung // Gladius. Madrid, 1968. Vol. 7. P. 45–74).

[4] *Мусин А. Е.* Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005.

fratres miliciae Christi)[5]. В *CPX* встречаются *ritter* и более конкретное *brudere* (братья Ордена меченосцев, с 1237 г. – Немецкого ордена)[6]. Согласно наблюдениям И. Бумке, средневерхненемецкая литература изобилует упоминаниями рыцарей (*ritter*), однако «лишь малое количество свидетельств указывает на их социальную роль и положение в обществе»[7]. Неясно, в какой степени поэтический концепт *ritter* в *CPX* означал группу вооруженных пилигримов Ливонии XIII в. с особым этосом. В ряде случаев понятия *ritter* и *ritterlichkeit* в *CPX* употребляется в более широком смысле, чем *milites* у Генриха, и могут относиться к *королевским* и *епископским мужам*, вооруженным пилигримам, братьям Ордена, кнехтам и даже морякам[8]. Нам не удалось выявить ни одного случая в ливонских письменных источниках XIII в., когда одно из этих понятий использовалось бы для обозначения русских воинов.

Вряд ли справедливо утверждать, что православный воин по определению не мог быть «удостоен» звания *ritter/miles* в тех коннотациях, которые были свойственны латинской правовой культуре: в XIII в. засвидетельствовано немало случаев, когда термином *milites* обозначались даже сарацины, являвшиеся королевскими ленниками; воины нехристианского исповедания в статусе рыцаря были популярными героями рыцарского эпоса[9]. В отличие от источников права и литературной традиции, *milites* в крестоносных хрониках используются для определения христианских воинов католического исповедания, отправившихся в *expeditio* или *peregrinatio* для обеспечения миссионерской работы или защиты Святой земли. Истоки такой двойственности в христианском концепте *milites* присутствуют в новозаветной традиции. В евангельском тексте Вульгаты римские воины сохраняют античное обозначение *milites* как воинскую профессию или занятие (Лк 9: 14), но уже апостол Павел развивает идею доброго воина Христа (*bonus miles Christi*, 2 Тим 2: 3), который ведет брань против *властей и миропра̀вителей тьмы века сего* (Еф 6: 12). У Генриха *peregrinus* и *miles* являются взаимозаменяемыми (например: *milicia peregrino-*

[5] Heinrichs Livländische Chronik (далее – HCL). Hannover, 1955. S. 249. На русский язык *miles* в большинстве случаев переводится как *рыцарь* (см. переводы ливонских источников: *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М., 2020).

[6] Livländische Reimchronik mit Anmerkungen, Namensverzeichnis und Glossar (далее – LR). Paderborn, 1876. S. 391.

[7] *Bumke J.* The Concept of Knighthood in the Middle Ages. P. 7.

[8] LR. S. 16, 50, 176.

[9] *Engl R.* Abd al-Azīz von Lucera (gest. 1301). Aufstieg und Fall eines muslimischen Ritters im Königreich Sizilien // Christen und Muslime in der Capitanata im 13. Jahrhundert. Archäologie und Geschichte. Trier, 2018. S. 234; *Мэлори Т.* Смерть Артура. М., 1991. Кн. 2. С. 351–352. За указание на сюжеты Артуровского эпоса благодарю историка А. В. Мартынюка (Минск).

rum, peregrinus miles)[10]. В перечне свидетелей договора о вступлении князя Герцике Всеволода в ленные отношения с епископом Рижским 1209 г. *milites* отделяются от *nobiles*, причем под первыми разумеются исключительно *milites Christi*[11]. Таким образом, *рыцари* в *ГЛ* – это те ленники или братья Ордена, кто принял на себя знак креста, чтобы воевать для Господа (*sub cruce Deo militare*)[12]. Поэтому русские воины не называются *milites*, так как они, по мнению хрониста, *покоряют страны не для возрождения к вере Христовой, а ради податей и добычи*[13]. По той же причине Генрих не удостоил звания *milites* и датчан, которые *собирают чужой урожай* и помогают русским против рижан[14].

Созвучное русскому названию *рыцарь* средневерхненемецкое слово *ritter* из *CPX* не являлось единственным термином, которым могли обозначаться знатные всадники. В сюжетах рифмованной «Императорской хроники» (*Kaiserchronik*) XII в. *rîter* синонимично слову *helt* (*герой, воин*)[15]. Похожий смысл в средневерхненемецкой литературе XIII в. имеют обозначения *man, dienestmann, ritter*[16]. В *CPX man* иногда называются вассалы (*kuniges man*)[17]. Эквивалентом данного обозначения у Генриха может служить *vir* (*муж*). Князь Кукейноса, вассал епископа Альберта Вячко, сам имевший в распоряжении зависимых воинов[18], получил от епископа в подчинение *viros strennuos, milites*. Последние называли его господином и отцом (*dominus vel pater suus*), то есть Вячко считался их сюзереном[19]. Продолжая обычай отождествления *held* и *ritter/ritterlichkeit* немецкой поэзии, автор *CPX* повествует о *helde*, отправившихся в рыцарский поход (*ritterlîche vart*) против русских Герцике[20]. Далее автор хроники называет *helt* Дмитрия Александровича, сына *суздальского короля* Александра Ярославича[21]. Возможным эквивалентом *helt* в *ГЛ* может служить *prepotens de Nogardia* (*силач/богатырь из Новгорода*), упомянутый в связи с походом новгородцев и псковичей в эстонские земли (1218 г.)[22].

---

[10] HCL. S. 29, 31, 50.

[11] Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch, nebst Regesten. Reval, 1853. Bd 1. S. 20–21. Договор 1209 г., по всей вероятности, был хорошо известен Генриху.

[12] HCL. S. 20.

[13] Ibid. S. 202.

[14] Ibid. S. 170, 173, 181.

[15] Например, рыцарь Конлатин (*Conlatînus*) является одновременно *rîter, furst* и *helt* (Die Kaiserchronik eines Regensburger Geistlichen. Hannover, 1892. S. 160).

[16] *Kotzenberg W.* Man, Frouwe, Juncfrouwe. Drei Kapitel aus der mittelhochdeutschen Wortgeschichte. Berlin, 1907. S. 22, 36–37; *Bumke J.* The Concept of Knighthood in the Middle Ages. P. 60.

[17] LR. S. 49, 53, 176.

[18] HCL. S. 48 (*cum viris suis*).

[19] Ibid. S. 56–57.

[20] LR. S. 16.

[21] Ibid. S. 175.

[22] HCL. S. 149.

Рассмотрим те случаи, которые могут свидетельствовать об осуществлении рыцарских практик в отношении Руси.

В начале 1206 г. епископ Рижский Альберт решил восстановить дружбу и доверие (*amicitia et familiaritas*), которую полоцкий князь Владимир оказывал миссионеру Мейнарду. Главой посольства был аббат Дюнамюнде Теодорих, а в качестве дара избран конь с боевым вооружением (*dextrarius cum armatura*)[23]. История о посольстве Теодориха является единственным сюжетом в *ГЛ*, где упоминается тип рыцарской лошади *dextrarius*. В латинских письменных источниках конца XII в. *dextrarius* характеризовался как самая крупная и дорогая лошадь, которая использовалась на турнирах и во время военных походов[24]. Владение этой лошадью не только подтверждало светский статус рыцаря *per se*. *Dextrarius* был основной боевой лошадью крестоносцев как в Святой земле[25], так и в Прибалтике[26], то есть полоцкий князь наделялся равным статусом с крестоносцем. Таким образом, дорогой подарок епископа Альберта свидетельствует о том, что полоцкого князя в Риге считали полноценным рыцарем, который достоин иметь ту же лошадь, что и лучшие *milites*. Лишение боевой лошади – случайное или вынужденное – могло означать лишение высокого рыцарского звания. В средневерхненемецкой версии цикла «Ланселот в прозе» (XIII в.) повествуется, как у рыцарей Круглого стола Ланселота и Мордреда украли боевых лошадей. Встретившийся в лесу гном говорит, что сэры более недостойны сидеть за столом короля, раз другие рыцари так легко забрали их коней[27]. Полоцкий князь также лишился лошади – по словам Генриха, послы епископа на пути подверглись нападению литовцев и *потеряли все, что брали с собой, но явились к князю здоровы-*

[23] Ibid. S. 32–33. Конь в качестве дипломатического дара был универсальной практикой Средневековья, Русь не была исключением (см.: *Мининкова Л. В.* Дар в традиции домонгольской Руси: культурно-символическое наполнение и политическое содержание // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. СПб., 2015. Вып. 4. С. 24, 25, 28; за указание на эту работу благодарю историка П. И. Гайденко (Москва)).

[24] *Davis R. H. C.* The Medieval Warhorse. Origin, Development and Redevelopment. London, 1989. P. 66–67; The Medieval Horse and Its Equipment c. 1150–1450. London, 1995. P. 7.

[25] *Hyland A.* The Medieval Warhorse from Byzantium to the Crusades. Sutton, 1996. P. 151, 158.

[26] *Ekdahl S.* Das Pferd und seine Rolle im Kriegswesen des Deutschen Ordens // Das Kriegswesen der Ritterorden im Mittelalter. Toruń, 1991. S. 35. В XIII в. немцы завозили боевых лошадей в Пруссию из Тюрингии, Саксонии и Мейсенской марки (*Рогачевский А. Л.* Кульмская грамота – памятник права Пруссии XIII в. СПб., 2002. С. 196–197).

[27] *Ackerman-Alt B.* Das Pferd und seine epische Funktion im mittelhochdeutschen „Prosa-Lancelot". Berlin; New York, 1990. S. 150.

ми и невредимыми[28]. Мотив рыцаря без лошади есть в «Повести о житии» великого князя Александра Ярославича, когда автор упоминает о пленных рыцарях, идущих *подле коний*. Этим русский агиограф подтверждает взаимосвязь рыцаря и его *dextrarius*. Вероятно, этот сюжет представляет собой трансляцию известного куртуазного мотива[29].

Применение принципа *fair play* в контексте турнира или сражения может свидетельствовать о рыцарском отношении к оппоненту. Предполагалось, что истинный рыцарь должен чтить соперника, равного себе по статусу, сохранять ему жизнь в случае победы над ним[30]. Генрих несколько раз упоминает, как вооруженные пилигримы после успешного захвата русских замков некоторых убивали, а некоторым оставляли жизнь из христианских соображений; в большинстве случаев хронист не уточняет, каков был статус тех, кого пощадили[31]. Характерный эпизод передан в истории об осаде и взятии Дерпта (1224 г.). В замке был некий *вассал великого короля Суздаля* (великого князя Владимирского Юрия Всеволодовича). Братья Ордена меченосцев оставили ему жизнь[32]; ему надлежало сообщить о происшедшем своему господину[33]. Знатный русский воин каким-то образом убедил братьев, что является вассалом Юрия Всеволодовича[34]. Во всяком случае, *milites Christi* признали в нем рыцаря, снабдив его одеждой и хорошей лошадью[35].

Более распространенными вариантами обхождения со знатным пленником были заложничество и выкуп. Братья брали в заложники так называемых *stoltze man*[36]. Вариантами перевода *stoltze man* на современный немецкий язык являются эпитеты *hochgeboren, ritterlich, standesbewusst,*

---

[28] HCL. S. 33. А. Селарт отмечал, что историей об ограблении Генрих хотел оправдать итоговую неудачу посольства, возглавляемого аббатом Теодорихом: ведь без подарка трудно было рассчитывать на лояльность полоцкого князя (*Selart A.* Livland und die Rus' im 13. Jahrhundert. S. 86).

[29] *И ведяхут босы подле коний, иже именують себе божии ритори* (Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 434).

[30] *Mazurkiewicz M.* Średniowieczna geneza idei *fair play* I jej funkcjonowanie we współczesnym sporcie – od turniejów rycerskich do nowoczesnego współzawodnictwa na arenach sportowych // Ethos rycerski w kulturze. Tradycje I kontynuacje. Katowice, 2017. T. 1. W kręgu średniowiecza. S. 137.

[31] HCL. S. 58, 70, 203.

[32] В отличие от других русских и их князя Вячко, которых убили из мести (HCL. S. 204).

[33] HCL. S. 205.

[34] Вполне вероятно, что именно этот *вассал* сообщил ливонцам сведения о битве на Калке, которые легли в основу соответствующего сюжета *ГЛ* (HCL. S. 186–187).

[35] Дихотомия хорошей лошади / тощей кобылы, бедных и пышных одежд как элементов рыцарского статуса является бродячим сюжетом рыцарского эпоса, см., например, сюжеты о сэре Балине и сэре Торе из Артуровского цикла (*Мэлори Т.* Смерть Артура. М., 1991. Кн. 1. С. 62, 63, 90).

[36] LR. S. 37.

heldenhaft (*благородный, рыцарский, уверенный в своем звании, геройский*)[37]. Сами пилигримы называли себя *stoltze helden*[38]. Отсюда можно предположить, что рыцари брали в плен тех, кто в их представлении также был знатным воином, равным им по статусу. Примечательно, что древнерусская формула заложничества *поимаша руками* имеет прямой эквивалент в *ГЛ* – *rapuerunt de manibus suis*[39]. Среди известных ливонских заложников в русском плену находились брат епископа Рижского Теодорих фон Буксгевден и князь Ярослав Владимирович, сын псковского князя Владимира Мстиславича Торопецкого[40].

По отношению к зависимой русской знати применялись те же требования исполнения вассальной службы, как и к латинским рыцарям. Генрих сообщает, как в 1214 г. вассалы епископа Альберта, рыцари из Кукейноса Мейнард, Иоанн и Иордан обвинили другого вассала епископа, князя Герцике Всеволода в ненадлежащем исполнении своих обязанностей по отношению к своему «отцу». Всеволод не внимал увещеваниям рыцарей и в конечном итоге утратил свой лен[41].

Обратимся к известному сюжету из «Повести о житии» великого князя Александра Ярославича о посольстве рыцаря Андреяша к молодому князю. Некий брат Немецкого ордена (*божий слуга*) Андреяш, *силен от Западныя страны*, услышал о славе Александра и пришел посмотреть на его *дивный възраст* и *премудрость*. Об этом узнает *римский король полунощныя страны* и собирает войско, чтобы бросить вызов Александру[42]. В контексте данного исследования не так важно, насколько достоверным является сообщение «Повести» о посольстве Андреяша[43]. Отметим сюжетные параллели этого рыцарского визита престижа, которые можно наблюдать в европейской куртуазной традиции – в частности, в балладах Марии Французской (XII в.). Один из ее героев услышал о славе другого, неизвестного ему соперника. Он отправился в путешествие для сражения с ним, будучи *премного удивлен, что здесь и другие имеют такую славу, когда он хотел быть первым в мире*[44]. Возможно, с помощью бродячего литературного мотива автор «Повести» вписывал князя Александра Ярославича в куртуазный контекст его времени.

---

[37] *Köbler G.* Mittelniederdeutsches Wörterbuch, 3. A. 2014 [Electronic resource]. URL: http://www.koeblergerhard.de/mnd/mnd_s.html (date of access: 28.06.2021).

[38] LR. S. 115.

[39] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ). М.; Л., 1950. С. 57; HCL. S. 140.

[40] HCL. S. 139–140; НПЛ. С. 72, 74; LR. S. 52.

[41] HCL. S. 116–117.

[42] Памятники литературы Древней Руси. XIII в. С. 428.

[43] *Selart A.* Livland und die Rus' im 13. Jahrhundert. S. 138.

[44] Цит. по: *Оссовская М.* Рыцарь и Буржуа: Исследования по истории морали. М.; СПб., 2017. С. 83–84.

* * *

В настоящем исследовании предпринималась попытка взглянуть на русских воинов с латинской перспективы и выяснить, каким статусом обладали князь и его конная рать в ливонских исторических нарративах XIII в. Ливонская специфика – переплетение епископской («Хроника Ливонии» Генриха) и орденской («Ливонская Старшая рифмованная хроника») историографических традиций – делает возможным анализ рецепции русских воинов как со стороны латинских «книжников», так и со стороны братьев-рыцарей.

Особенности употребления рыцарской терминологии в ливонских хрониках позволяют утвердительно ответить на поставленный вопрос о возможности переноса концепта-явления «рыцарство» на знатных русских воинов в контексте исторических нарративов русско-ливонских отношений XIII в. Концепты рыцарства в *ГЛ* и *CPX* подразумевают разные обозначения той группы знатных вооруженных всадников, для которых в современных русском и немецком языках приняты единообразные именования *рыцарь/Ritter*. *Milites* у Генриха подразумевают немецких (*тевтонских*) крестоносцев, а не знатных всадников с особым статусом. Поэтому *Rutheni,* равно как и *Dani*, не называются *milites*. Иная перспектива наблюдается в устной традиции и историографии Немецкого ордена (*CPX*), для которой характерно восхищение противником. Автор *CPX* в отношении русских воинов использует два именования, которые в средневерхненемецкой литературе могли использоваться для обозначения рыцаря, знатного воина: *helt* и *stoltze man*. Посредством этих понятий русская военная элита наделялась знакомыми чертами и воспринималась как «своя» среди аудитории рифмованной хроники – братьев Немецкого ордена.

Рассмотренные случаи символической коммуникации русских князей и их воинов с латинянами подтверждают практическое применение рыцарских концептов. Причем внутренняя логика подобных упоминаний как в ливонских, так и в русских источниках позволяет предположить, что процесс носил обоюдный характер. Насколько целесообразно было дарить турнирную лошадь полоцкому князю, который не оценил бы ее по достоинству? Стали бы братья Немецкого ордена чествовать пленного русского вассала, если бы тот не убедил их в своем благородстве? Может ли рыцарство увещевать непокорного русского вассала, если не считает его членом своей группы? Зачем содержать почетных заложников без расчета на соответствующее обхождение со стороны врага? Откуда авторы русской княжеской агиографии могли заимствовать бродячие сюжеты куртуазной литературы? Каждый из этих аргументов in contrarium указывает как на общий, предварительный характер изложенных здесь наблюдений, так и на необходимость более глубоких исследований в области этических взаимоотношений социальных групп Древней Руси и латинского мира.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М., 2020.

Мининкова Л. В. Дар в традиции домонгольской Руси: культурно-символическое наполнение и политическое содержание // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. СПб., 2015. Вып. 4. С. 18–30.

Мусин А. Е. Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005.

Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1991. Кн. 1–2.

Назаров В. Д. Этос служилого боярства на Руси XIII–XV вв. (к вопросу о параллелях с европейским рыцарством) // Долгое Средневековье. Сборник в честь профессора А. А. Сванидзе. М., 2011. С. 178–189.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Оссовская М. Рыцарь и Буржуа: Исследования по истории морали. М.; СПб., 2017.

Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981.

Рогачевский А. Л. Кульмская грамота – памятник права Пруссии XIII в. СПб., 2002.

Ackerman-Alt B. Das Pferd und seine epische Funktion im mittelhochdeutschen „Prosa-Lancelot". Berlin; New York, 1990.

Bumke J. The Concept of Knighthood in the Middle Ages. New York, 1982.

Davis R. H. C. The Medieval Warhorse. Origin, Development and Redevelopment. London, 1989. P. 66–67.

Die Kaiserchronik eines Regensburger Geistlichen. Hannover, 1892.

Ekdahl S. Das Pferd und seine Rolle im Kriegswesen des Deutschen Ordens // Das Kriegswesen der Ritterorden im Mittelalter. Toruń, 1991. S. 29–49.

Engl R. Abd al-Azīz von Lucera (gest. 1301). Aufstieg und Fall eines muslimischen Ritters im Königreich Sizilien // Christen und Muslime in der Capitanata im 13. Jahrhundert. Archäologie und Geschichte. Trier, 2018. S. 231–251.

Heinrichs Livländische Chronik. Hannover, 1955.

Hyland A. The Medieval Warhorse from Byzantium to the Crusades. Sutton, 1996.

Kirpičnikov A. N. Die russischen Waffen des 9.–13. Jahrhunderts und westeuropäische Einflüsse auf ihre Entwicklung // Gladius. Madrid, 1968. Vol. 7. P. 45–74.

Köbler G. Mittelniederdeutsches Wörterbuch, 3. A. 2014 [Electronic resource]. URL: http://www.koeblergerhard.de/mnd/mnd_s.html (date of access: 28.06.2021).

Kotzenberg W. Man, Frouwe, Juncfrouwe. Drei Kapitel aus der mittelhochdeutschen Wortgeschichte. Berlin, 1907.

Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch, nebst Regesten. Reval, 1853. Bd 1.

Livländische Reimchronik mit Anmerkungen, Namensverzeichnis und Glossar. Paderborn, 1876.

Mazurkiewicz M. Średniowieczna geneza idei *fair play* I jej funkcjonowanie we współczesnym sporcie – od turniejów rycerskich do nowoczesnego współzawodnictwa na arenach sportowych // Ethos rycerski w kulturze. Tradycje I kontynuacje. Katowice, 2017. T. 1. W kręgu średniowiecza. S. 133–147.

Selart A. Livland und die Rus' im 13. Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien, 2007.

The Clash of Cultures on the Medieval Baltic Frontier. London; New York, 2009.

The Medieval Horse and Its Equipment c. 1150–1450. London, 1995.

Philip D. Podberezkin
Central Scientific Library named after Yakub Kolas of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

COULD THE "SHISMATIC" BECOME A KNIGHT? STATUS OF THE RUSSIAN WARRIOR IN THE LIVONIAN CHRONICLES OF THE 13TH CENTURY

The article examines applicability of the concept of knighthood to Russian warriors in the context of the Russian-Livonian relations of the 13th century. The study is based on the *Livonian Chronicle of Henry*, *Livonian Rhymed Chronicle* as well as on the comparative analysis of the similar plots of the European chivalric epos. The author tries to define the status of Russian warriors in terms of the Livonian church community and the brothers of the Teutonic Order. Henry applies the term *milites* regarding the crusaders from the German lands; the Russians and the other nations do not fit this criterion. The intended audience of the *Livonian Rhymed Chronicle* used more than one term for knighthood; the Russian horsemen could be defined as *helt, stoltze man.* Comparing the plots of the chivalric epos, Livonian and Russian chronicles, the author identified the courtly practices and literary motives in the Livonian and Russian sources of the 13th century: practice of presenting a tournament horse, following the principles of the *fair play,* hostage-taking practices, vassal customs, chivalric prestige visit. Thus, the author concludes, that the European concept of knighthood can be applied to the Russian warriors in the context of the Livonian cultural frontier of the 13th century.

Keywords: knighthood, Livonia, Russia, milites, Russian warriors, Chronicle of Livonia, Livonian Rhymed Chronicle, helt, stoltze man, fair play, hostage taking, a prestige visit, clash of cultures

О. И. Дзярнович
Институт истории НАН Беларуси, Минск, Беларусь

РЕЛИГИОЗНЫЙ СТАТУС ПРАВОСЛАВНЫХ В ПРИБАЛТИЙСКО-НЕМЕЦКИХ ХРОНИКАХ XIII–XIV вв.

Проникновение духовно-рыцарских орденов в Южную Балтию в конце XII в. создало новую ситуацию систематических контактов структур Римско-католической церкви с православными христианами Руси. Постепенно выявились различия в позиции властей и церкви Пруссии и Ливонии. Тевтонский орден в Пруссии придерживался наступательной позиции против язычников (концепция Божьей кары) и не искал компромиссов с православными. Ливония была более интегрирована в хозяйственный и конфессиональный контекст региона и была более склонна к вариативности конфессиональной политики. В целом же Римско-католическая церковь рассматривала православных как схизматиков, то есть отколовшихся от Вселенской церкви. Но для Римско-католической церкви православные не являлись еретиками.
Ключевые слова: *католическо-православные отношения, Юго-Восточная Балтия, Русь, прибалтийско-немецкие хроники*

1.

Военно-политическое и религиозное проникновение духовно-рыцарских организаций и торговых корпораций в Юго-Восточном регионе Балтийского моря стало масштабным экспериментом, который имел долговременные последствия. В резул ьтате поступательного процесса, который можно охарактеризовать как политическая и экономическая экспансия, в регионе были созданы орденские государства, сеть городов, а также разветвленная структура Римско-католической церкви.

Несмотря на то что эта военная и хозяйственная экспансия происходила на землях язычников – балтов и прибалтийских финнов, новые колонизационные германо-римские структуры столкнулись с интересами христиан восточного обряда. Хотя эти контакты со стороны возникших государств в Пруссии и Ливонии имели разную глубину взаимодействия и привели к неодинаковым последствиям. В любом случае, в историописании немецких рыцарских орденов в Прибалтике, которое представлено прибалтийско-немецкими хрониками, проблематика контактов с восточными христианами требовала не только своей политической наррации, но и канонических оценок.

2. Пруссия: концепция Божьей кары язычникам

После установления своего контроля над землями пруссов немецкое Орденское государство неизбежно столкнулось с Литвой. Последней из прусских земель была завоевана Судовия – одна из крупнейших и сильнейших земель, расположенная на юго-востоке прусского этноса. В 1283 г. Орден вышел прямо к границам Литвы. Петр из Дусбурга отразил это событие в сообщении о том, что пруссы прекратили сопротивление после того, как последний независимый лидер ятвягов Скурдо и его воины ушли в Литву в 1283 г.[1] Этот исход довольно точно фиксирует факт завоевания Пруссии, закрепившийся в историографии.

Петр из Дусбурга также отметил перспективы дальнейшего военного противостояния в регионе: «В год от Рождества Христова 1283, в то время, когда от начала войны с народом пруссов протекло уже 53 года и все народы в упомянутой земле были побеждены и уничтожены, так что не уцелело ни одного, который бы смиренно не склонил выю свою пред священной Римской церковью, вышеупомянутые братья дома Тевтонского начали войну с тем народом, могучим и упрямым и закаленным в сражениях, который был ближайшим к земле Прусской и жил за рекой Мемелем [Неман] в земле Литовской»[2]. Фрагмент текста с этой сентенцией (№ 221) у Петра из Дусбурга называется «Explicit bellum Prussie. Incipit bellum Lethowinorum» («Окончена Прусская война. Начинается Литовская война»).

В тот год магистр Пруссии Конрад фон Тиберг вместе с рыцарями Ордена по льду перешли Мемель (Неман) и, войдя в Литовскую землю, штурмовали замок Бисена[3]. Той же зимой, но уже в 1284 г. отряды Тевтонского ордена впервые штурмовали Гродно (Garthe у Петра из Дусбурга): «…magister, necdum bello infidelium saciatus, congregavit validum exercitum, et… processit contra castrum Gartham»[4]. Примечатель-

---

[1] *Petri de Dusburg.* Chronicon terrae Prussiae / Hrsg. M. Toeppen // Scriptores Rerum Prussicarum. Leipzig, 1861. Bd 1. № 219 (214). P. 146; *Петр из Дусбурга*. Хроника земли Прусской / Пер., статья, примеч., библиограф. В. И. Матузовой. М., 1997. № 219. С. 137.

[2] ≪Anno domini MCCLXXXIII eo tempore, quo ab incepto bello contra geniem Pruthenorum fluxerant jam LIII anni, et omnes naciones in dicta terra expugnate essent, et exterminate, ita quod unus non superesset, qui sacrosancte Romane ecclesie non subiceret humiliter collum suum, fratres domus Theutonice predicti contra gentem illam potentem et durissime cervicis exercitatamque in bello, que fuit vicinior terre Prussie, ultra flumen Memele in terra Lethowie habitans, inceperunt bellum in hunc modum≫ (Petri de Dusburg. Chronicon terrae Prussiae. № 221 (216). P. 146; *Петр из Дусбурга.* Хроника земли Прусской. № 221. С. 138).

[3] *Petri de Dusburg.* Chronicon terrae Prussiae. № 222 (217). P. 147; *Петр из Дусбурга*. Хроника земли Прусской. № 222. С. 138.

[4] *Petri de Dusburg.* Chronicon terrae Prussiae. № 223 (218). P. 147; *Петр из Дусбурга*. Хроника земли Прусской. № 223. С. 138–139.

но, что по отношению к язычникам хронист использует эпитет infidelium, в то время как наиболее распространенным термином был paganus. Сама эта фраза открыта для интерпретации. После войны с неверными-язычниками рыцари Ордена фактически начали другую войну, так как Гарта (Гродно) была христианским городом. В XIII в. кроме церкви в замке, известной как Нижняя[5], в Гродно имелись также каменная Пречистенская церковь[6] на посаде и Борисоглебская церковь[7]. Высказывались версии о существовании в XIII в. на территории Окольного города (Нового замка) Воскресенской церкви и Малой церкви на северо-восточном посаде[8]. В любом случае, визуальное количество сакральных объектов в Гродно XIII в. было достаточным для немецких рыцарей, чтобы они могли понять: перед ними христианский город. Историограф Тевтонского ордена Петр из Дусбурга умолчал об этой особенности объекта орденского нападения. Но Гродно стало частью «Литовской войны» Ордена.

В противостоянии с Литвой Орден выступает с позиции «Божьей кары», которая неизменно преследует язычников из Литвы, осмелившихся нападать на орденские земли и совершать над христианами и их святынями святотатства[9]. Основная идея этой концепции – небесная кара неизбежно следует за преступления против христиан. Эта концепция нашла свое отображение на страницах прусских хроник XIV в. – Петра из Дусбурга, «Старшей Оливской хроники», «Новой Прусской хроники» Виганда из Марбурга. При всем том прусские хронисты разли-

---

[5] *Трусаў А. А., Собаль В. Е., Здановіч Н. І.* Стары замак у Гродне XI–XVIII стст.: Гісторыка-археалагічны нарыс. Мінск, 1993. С. 18–19. Н. Н. Воронин датировал первый этап разрушений Нижней церкви пожаром 1183 г., а второй – серединой XIII в. (*Воронин Н. Н.* Древнее Гродно. М., 1954. С. 127–129). Другую версию даты постройки гродненских памятников – 1170-е гг. – см.: *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв. Л., 1982. (Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1-47). С. 102; *Он же*. Зодчество Древней Руси. Л., 1986. С. 128–132. Возможно, окончательное разрушение Нижней церкви связано как раз с первым орденским штурмом и его следует датировать 1284 г.

[6] *Чернявский И. М.* Пречистенская церковь XII в. в Гродно // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983. С. 119–121; *Он же*. Новый памятник Гродненской архитектурной школы XII в. // Древнерусское искусство. Художественная культура X – первой половины XIII в. М., 1988. С. 73–76.

[7] Единственная, которая сохранилась из памятников Гродненской архитектурной школы XII в. (см.: *Аляксееў Л. В.* Гродна і помнікі Панямоння. Мінск, 1996. С. 35–41).

[8] *Краўцэвіч А. К.* Гарады і замкі Беларускага Панямоння XIV–XVIII ст.: Планіроўка, культурны слой. Мінск, 1991. С. 71. Іл. 14: Тапаграфія г. Гродна 11–12 ст.

[9] *Риер Я. А.* Феномен «Божьей кары» язычников Литвы за нападения на христианские земли Ордена в немецких хрониках XIV в. // Религия и общество. Сборник научных статей XIV Международной научно-практической конференции. Могилев, 2020. С. 109–110.

чали русинов и язычников-литовцев[10]: «Rutenos et paganos» (Виганд из Марбурга); «die Russin und heydin» (Иоганн фон Посильге). Соответственно и орденские рейды в Литву совершаются «contra Lithwanos et Ruthenos»[11]. В связи с этим показателен эпизод со штурмом Гродненского замка в 1364 г.

Этот рейд был организован великим маршалом и комтуром Кёнигсберга Геннингом Шиндекопом в конце зимы 1364 г. (на Великий пост: 6 февраля – 24 марта). Маршал имел намерение идти на осаду Гродно и «на рутенов» («in obsidionem Garten, temptans eciam super Rutenis»)[12]. Одним из непосредственных руководителей операции был Ульрих граф фон Ганау (Hanau), который специально для этого вернулся из Ливонии. Этот рейд был характерен также тем, что в нем принимали участие английские рыцари, которые прибыли для своеобразного военного турне на языческих землях. Присутствие англичан (а также, возможно, шотландцев) повлияло на весь ход военной операции. Довольно неожиданно между участниками похода возник культурно-идеологический конфликт: англичане развернули хоругвь св. Георгия, небесного покровителя Англии. Это вызвало неудовольствие фон Ганау. Хронист Виганд из Марбурга не объяснил причины претензии фон Ганау. Возможно, они заключались в том, что англичане были только участниками похода, а своей хоругвью они сигнализировали о лидерстве. Кроме того, св. Георгий был покровителем всего рыцарства. В любом случае, конфликт между предводителем похода и англичанами описывается как острый, и только вмешательство братьев Ордена не позволило вспыхнуть столкновению, а хоругвь была передана немцу Куно фон Ганштайну.

Поход в окрестностях Гродно проходил жестоко, «с нечеловеческими уничтожениями» («quam inhumaniter devastant»)[13]. Но дальше произошло совершенно неожиданное событие. Гродненский князь «rex dictus Patrike» вступил в переговоры с маршалом Ордена, приведя с собой женщин и детей. Кроме того, Патрик/Патрикей устроил угощение пивом с медом, как это было принято у русинов: «cerevisiam cum medone propinans more Ruthenorum»[14]. Таким образом, вместо уничтожения языческого поселения состоялся пир в христианском городе. Пир выступил в качестве социально-политического института решения конфликта, но непосредственной причиной прекращения похода против Гродно стал,

[10] *Саганович Г. Н.* Русь в прусских хрониках XIV–XV вв. // Славяне и их соседи. М., 1999. Вып. 9. Славяне и немцы: 1000-летнее соседство: мирные связи и конфликты. Средние века – раннее Новое время. С. 103.

[11] *Wigands von Marburg.* Die Chronik Wigands von Marburg // Scriptores rerum Prussicarum / Hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig, 1863. Bd 2. S. 497.

[12] Ibid. S. 316.

[13] Ibid. S. 318.

[14] Ibid.

как оказалось, неожиданный для рыцарей-«гостей» христианский статус этого города[15].

3. Ливония – более эластичная модель христианизации

В отличие от орденской Пруссии, становление Ливонской конфедерации с первого этапа ее формирования происходило в постоянном и непосредственном контакте с землями Руси, как Белорусского Подвинья, так и Пскова и Новгорода. Соответственно, межконфессиональные отношения, а не только необходимость христианизации язычников довольно рано попали в центр внимания клириков и лидеров Ордена в Ливонии. Одним из наиболее полных источников по теме католическо-православных отношений в Балтийском регионе является «Хроника Ливонии» Генриха, который был, как полагают, священником в северной латгальской области Имера. Генрих составил хронику по распоряжению епископа Ливонии Альберта с целью подготовки отчета к прибытию папского легата.

Отличительная черта автора «Хроники Ливонии» в вопросе христианизации язычников заключается в признании мирных способов катехизации[16], что контрастировало с практикой Ордена в Пруссии. Есть у Генриха и свое в определенном смысле цельное видение статуса восточного христианства. В первую очередь следует отметить, что Генрих признавал статус христиан за православными, используя в диалоге между епископом Альбертом и князем Герцике Всеволодом такие характеристики, как «fratres conchristianas» («братья во Христе») и «tuorum conchristianorum» («твоих христианских единоверцев»)[17].

Генрих Латвийский неоднократно подчеркивает, что католический священник Мейнард, будущий рижский епископ, получил разрешение полоцкого князя Владимира на миссию среди ливов, которые платили дань Полоцку[18]. В этом смысле Полоцкая епархия могла восприниматься рижским клириком как легитимная, каноническая и автономная церковно-административная единица[19]. Для Генриха были очевидны различия двух обрядов, но в его глазах православное крещение являлось каноническим. Это проявилось в рассказе о крещении жителей латгальской области Имера. Находясь под давлением литвы и ливов, имерцы с радостью приняли Слово Божие, но решили бросить жребий, от кого принять крещение –

---

15 *Narbutt T.* Dzieje starożytne narodu litewskiego. Wilno, 1839. T. 5. S. 130–131.

16 *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М., 2020. С. 64.

17 Там же. С. 101–102.

18 Там же. С. 90–91.

19 *Сердюк Б. В.* «Хроника Ливонии» как иллюстрация осмысления средневековым латинским клириком актуальной конфессиональной обстановки // Актуальные проблемы источниковедения. Материалы VI Международной научно-практической конференции, Витебск, 23–24 апреля 2021 г. Витебск, 2021. С. 414.

от русских из Пскова, как это уже сделали латгалы из Толова, или от латинян. Выбор пал на латинян[20]. Одним из результатов этой акции стало посвящение в духовный сан Генриха – ученика крестителя Имеры священника Алебранда. Именно этот Генрих ассоциируется с автором «Хроники Ливонии»[21].

С другой стороны, для ливонцев были приемлемы акты профанирования сакральных предметов в православных церквях. В один из походов рижан вместе с ливами и леттами на Псков и «Новгородское королевство» летты дошли до одной из церквей недалеко от Новгорода и захватили там иконы, колокола и кадила. Кроме чисто практического интереса в захвате материальных ценностей[22], следует все же согласиться с мнением, что в этом акте присутствовал также символический смысл[23]. В конце концов, Генрих считал, что тем самым «смыто было оскорбление, нанесенное русскими Ливонской Церкви» («et cessavit opprobrium Rutheriorum adversus Lyvonensem ecclesiam»)[24]. Но тут следует обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, разграбление церкви осуществили неофиты-латгалы, а не немецкие поселенцы Риги; во-вторых, этот ливонский поход был ответом на подобную операцию Пскова в союзе с литовцами в районе Вендена.

Для полноты картины следует добавить, что Генрих довольно подробно описывает реакцию православных на прибытие в Ригу в 1225 г. папского легата Вильгельма Моденского, к которому отправились послы из Новгорода, а также «Виссевалдус, король Герцике». Вообще же приходили «люди из всех окрестных земель, чтобы видеть легата Римской курии»[25]. А еще в одном вассальном Полоцку княжестве Кукенойс легат «преподал правила святого учения живущим там тевтонам, русским, летам и селонам». При этом легат убеждал тевтонов «не обижать подданных чрезмерными тяготами и недолжными поборами, прилежно учить их вере Христовой, вводить христианские обычаи, уничтожая обряды язычников, воспитывать людей и добрым примером и словом»[26].

В «Хронике Ливонии» содержится концептуальная сентенция, которая в концентрированном виде передает отношение автора хроники к христианам восточного обряда. Речь идет о судьбе католической церкви в Эстонии, которая характеризуется как «маленькая и слабая» и «подвергалась тогда многим тягостям войны и подобна была женщине родящей,

---

[20] *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь… С. 97, 134.

[21] *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. Рязань, 2009. С. 101, 274.

[22] *Сердюк Б. В.* «Хроника Ливонии» как иллюстрация осмысления средневековым латинским клириком актуальной конфессиональной обстановки. С. 415.

[23] *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь… С. 220. Примеч. 14.

[24] Там же. С. 118, 156.

[25] Там же. С. 126, 164.

[26] Там же. С. 126, 164.

терпящей печаль и боль, пока не родит»[27]. Истинной и первой по трудам матерью для церкви Эстонской стала церковь Ливонская. Но, замечает Генрих, многие матери ложно присваивают и обманом влекут к себе эту дочь. И одна из них – «это русская мать, всегда бесплодная и бездетная, стремящаяся покорять страны не для возрождения к вере Христовой, а ради податей и добычи»[28]. Таким образом, для Генриха Русская церковь – это мать-церковь, но бесплодная, то есть выпадающая их всемирной системы Христианской церкви.

4. Позиция Апостольской столицы

Один документ эпохи Генриха Латвийского проливает свет на мотивы подобного отношения. 8 февраля 1222 г. папа Гонорий III направил послание, известное как послание судьям в Ливонии. В самом начале, в narratio, он излагает сущность проблемы, о которой ему сообщил епископ Ливонской церкви: «некоторые рутены, поселившиеся в Ливонии, придерживаются греческого обряда, проклиная латинское крещение как нечестивое дело, не соблюдают праздники и святой пост, расторгают заключенные среди неофитов браки». Последнее обстоятельство заставляет видеть в этих «некоторых рутенах», расторгающих браки, собственно православных миссионеров, так как только священники могли совершать подобные акты. Одновременно мы видим, что инициаторами послания папы стали ливонские клирики во главе со своим епископом. В dispositio папа Гонорий III распорядился «во избежание соблазна для неофитов следовать за ними, нужно принуждать этих рутенов к соблюдению латинского ритуала в тех случаях, когда известно, что они, упорствуя в греческом обряде, поступают вопреки источнику, т. е. Римской церкви»[29]. Таким образом, конкурентное отношение в завоевании новой паствы прочитывается в этом послании 1222 г. очень выразительно.

В своем новом послании от 16 ноября 1224 г., накануне отправки легата в Ливонию, папа Гонорий III обратился на этот раз к христианам Руси («universis Christi fidelibus per Russiam»). В этом документе римский понтифик поднял вопрос противостояния язычникам в Ливонии и обратился к теме оказания щедрой помощи христианам. Гонорий III призвал русских князей (как можно понять) в том числе и к финансовой помощи ливонским епископам: «Наставляем и увещеваем всех вас, вменяя во отпущение грехов ваших, чтобы от достатка вашего, посланного от Бога, ради столь похвального дела раздавать им жертву милостыни, за что жертвователю воспоследует всяческое благо»[30]. В чем-то этот документ вызы-

[27] *Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии. С. 224.
[28] Там же. С. 225.
[29] *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь… С. 250.
[30] Там же. С. 262.

вает удивление, так как текст выдержан в духе единства церкви, несмотря на присущие различия и разногласия.

Но уже 17 января 1227 г., после возвращения легата Вильгельма Моденского из его миссии в Ливонию и встречи с послами Новгорода и Пскова, папа издает послание совсем иной тональности. На этот раз понтифик призывает «королей Руси» («Universis Regibus Russie») «отказаться от всех заблуждений, которые совершали … из-за недостатка проповедников, за что Господь, разгневавшись на вас, доныне подвергал вас многим бедствиям». В этом случае понтифик настаивает на том, чтобы русские князья постигли истину католической веры. Очевидно, что в этом документе проявились завышенные ожидания со стороны лидеров Католической церкви, которые возникли в период после поражения русских князей на Калке в 1223 г. и в преддверии ожидаемой масштабной монгольской экспансии.

Описанные послания и изменения позиции Апостольской столицы в целом укладываются в концепцию межконфессиональных отношений древнерусских земель и Балтийского региона в XIII в. Если в начале века прослеживается тенденции к сближению христиан западного и восточного обрядов, то после 30-х гг. XIII в.[31] две христианские традиции вступают в стадию активной конфронтации. Уточним только, что это утверждение не полностью соотносится с историей Великого княжества Литовского, которое создало свою модель межконфессиональных отношений.

Заключение

С конца XII в., с начала немецко-латинской колонизации Юго-Восточного региона Балтийского моря, немецкие поселенцы, политические структуры и представители Римско-католической церкви вступили в контакт с православным населением и политическими структурами древнерусских княжеств, соседних с прибалтийскими территориями, – в первую очередь, с Полоцком, Псковом и Новгородом. Кроме того, соприкосновение, конфликтные и мирные ситуации в отношениях с новым государственным образованием – Великим княжеством Литовским и Русским – тоже предполагало контакт с православным населением этого государства. В результате этого активного контакта католическо-православные отношения в регионе Юго-Восточной Балтии из вопроса догматического перешли в политический, но в любом случае Римско-католической церкви в Пруссии и Ливонии необходимо было формулировать свою религиозно-каноническую позицию. Следует отметить, что «прусская» и «ливонская» позиции имели значительные различия. Тевтонский орден в Пруссии придерживался радикальной наступательной позиции против язычников в виде концепции Божьей кары и не искал компромиссов с православны-

[31] *Флоря Б. Н.* У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). СПб., 2004. С. 7.

ми русинами. В свою очередь, Ливонская конфедерация формировалась на иной, более разнообразной этнокультурной и политической базе и поэтому была в большей степени склонна к компромиссам. Кроме того, Церковь в Ливонии более активно апеллировала к позиции Римской курии. В целом же Римско-католическая церковь рассматривала православных как схизматиков, то есть христиан, отколовшихся от Единой, Вселенской и Апостольской церкви, но не считала их еретиками. Католическая церковь признавала, что Православные церкви – это истинные церкви, сохранившие апостольскую преемственность и истинные таинства. И эта политико-религиозная позиция было определенным вызовом для Православной церкви и русских князей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аляксееў Л. В. Гродна і помнікі Панямоння. Мінск, 1996.

Воронин Н. Н. Древнее Гродно. М., 1954.

Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Рязань, 2009.

Краўцэвіч А. К. Гарады і замкі Беларускага Панямоння XIV–XVIII ст.: Планіроўка, культурны слой. Мінск, 1991.

Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М., 2020.

Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской / Пер., статья, примеч., библиограф. В. И. Матузовой. М., 1997.

Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв. Л., 1982. (Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1-47).

Раппопорт П. А. Зодчество Древней Руси. Л., 1986.

Риер Я. А. Феномен «Божьей кары» язычников Литвы за нападения на христианские земли Ордена в немецких хрониках XIV в. // Религия и общество. Сборник научных статей XIV Международной научно-практической конференции. Могилев, 2020. С. 108–110.

Саганович Г. Н. Русь в прусских хрониках XIV–XV вв. // Славяне и их соседи. М., 1999. Вып. 9. Славяне и немцы: 1000-летнее соседство: мирные связи и конфликты. Средние века – раннее Новое время. С. 100–104.

Сердюк Б. В. «Хроника Ливонии» как иллюстрация осмысления средневековым латинским клириком актуальной конфессиональной обстановки // Актуальные проблемы источниковедения. Материалы VI Международной научно-практической конференции, Витебск, 23–24 апреля 2021 г. Витебск, 2021. С. 414–415.

Трусаў А. А., Собаль В. Е., Здановіч Н. І. Стары замак у Гродне XI–XVIII стст.: Гісторыка-археалагічны нарыс. Мінск, 1993.

Флоря Б. Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). СПб., 2004.

Чернявский И. М. Пречистенская церковь XII в. в Гродно // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983. С. 119–121.

Чернявский И. М. Новый памятник Гродненской архитектурной школы XII в. // Древнерусское искусство. Художественная культура X – первой половины XIII в. М., 1988. С. 73–76.

Narbutt T. Dzieje starożytne narodu litewskiego. Wilno, 1839. T. 5.

Petri de Dusburg. Chronicon terrae Prussiae / Hrsg. M. Toeppen // Scriptores Rerum Prussicarum. Leipzig, 1861. Bd 1. P. 5–219.

Wigand von Marburg. Die Chronik Wigands von Marburg // Scriptores rerum Prussicarum / Hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig, 1863. Bd 2. S. 453–662.

Aleh I. Dziarnovich
Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

RELIGIOUS STATUS OF THE ORTHODOX IN THE BALTIC-GERMAN CHRONICLES OF THE 13TH – 14TH CENTURIES

The penetration of spiritual and knightly Orders in the Southern Baltic at the end of the 12th century created a new situation of systematic contacts between the structures of the Roman Catholic Church and Orthodox Christians in Rus. Differences in the positions of the authorities and the Church of Prussia and Livonia gradually emerged. The Teutonic Order in Prussia professed an offensive position against the pagans (the concept of God's punishment) and did not seek compromises with the Orthodox. Livonia was more integrated into the economic and confessional context of the region and was more prone to variability in the confessional politics. On the whole, the Roman Catholic Church regarded the Orthodox as schismatics, i.e. those deviated from the Ecumenical Church. But the Orthodox were not heretics for the Roman Catholic Church.

Keywords: Catholic-Orthodox relations, South-Eastern Baltic, Rus, Baltic-German Chronicles

К. В. Вершинин
ИРИ РАН, Москва, Россия

НЕИЗВЕСТНЫЕ СПИСКИ СЛОВ СЕРАПИОНА ВЛАДИМИРСКОГО

В статье изложены сведения о неизвестных в научной литературе списках слов Серапиона Владимирского (список первого слова, датируемый концом XIV в., и два списка пятого слова – XV и XVII вв.), а также анонимном слове, предположительно принадлежащем Серапиону. На основании более исправного чтения в одном из списков предложено датировать пятое слово 1275 г.

Ключевые слова: древнерусская литература, текстология, Серапион Владимирский, Паисиевский сборник

В эпоху Александра Невского русские люди, недавно пережившие катастрофу монгольского нашествия, пытались объяснить случившееся и найти путь к избавлению от иноплеменного гнета. Церковь видела этот путь в борьбе с грехом и нравственном обновлении. Именно об этом размышлял один из выдающихся книжников своего времени – киево-печерский архимандрит, затем владимирский епископ Серапион. Хотя главные свои деяния он совершил после смерти Александра Ярославича, его, несомненно, можно считать современником князя – как пастырь и писатель Серапион сформировался по меньшей мере в 40–50-е гг. XIII в.

К наследию Серапиона Владимирского принято относить пять слов, из которых четыре были написаны им в 1273–1275 гг., а одно (первое) – возможно, раньше[1]. Рукописная традиция слов сложилась по-разному. Первое, второе и третье благодаря включению в сборники устойчивого состава – Измарагд и Златоуст – сохранились в многочисленных, трудно поддающихся учету рукописях. Четвертое до недавнего времени было известно в двух списках в составе Златой цепи 1-го типа[2], а пятое

[1] *Творогов О. В.* Серапион, епископ Владимирский // СККДР. Л., 1987. Вып. 1. С. 387–390.

[2] *Крутова М. С.* Методические рекомендации по описанию славянорусских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Новосибирск, 1990. Вып. 5. Ч. 1 («Златая цепь»). С. 8, 164. Существует еще два списка XVI–XVII вв., где такой же текст приписан митрополиту Кириллу (*Исаченко Т. А.* Смоленская «наказная» грамота Всероссийского митрополита Макария (по рукописи МДА № 108). Из истории Стоглава. М., 1996. С. 11; *Вершинин К. В.* Мерило Праведное в истории древнерусской книжности и права. М.; СПб., 2019. С. 231), поэтому принадлежность четвертого слова Серапиону может быть оспорена. Однако этот вопрос я оставляю за рамками данной работы.

слово – в единственной рукописи, Паисиевском сборнике (РНБ. Собрание Кирилло-Белозерского монастыря. № 4/1081. Первая четверть XV в.; далее – *П*). Ниже излагаются сведения о нескольких пока не введенных в научный оборот списках слов Серапиона.

1. В настоящее время можно указать еще два списка пятого слова: РГБ. Ф. 209 (Собрание П. А. Овчинникова). № 286. Последняя четверть XV в. (далее – *О*). Л. 284–286[3] и ГИМ. Собрание Е. В. Барсова. № 1430. Вторая четверть – середина XVII в. (далее – *Б*). Л. 72–73 об. В этом слове Серапион укоряет паству за «маловерие» и языческие обычаи. Значение указанных рукописей выходит за рамки простого археографического дополнения к истории бытования слов владимирского епископа. Судя по составу, *О* и *Б* восходят к сборнику, аналогичному Паисиевскому. Статьи последнего передаются в *О* и *Б* в том же (за редким исключением) порядке, хотя не все и в разном количестве. При этом в *О* их меньше, чем в *Б*, и, следовательно, этот последний список не может восходить к первому. Обе рукописи не содержат статей, отсутствующих в *П*, если не считать того случая, когда они восполняют его механическую лакуну: «Заповедь святых апостол» (*О*. Л. 279 об.; *Б*. Л. 53), по-видимому, читалась в *П* на утраченном листе между л. 68 и 174[4]. Возможно, в Паисиевском сборнике были помещены (на месте лакуны между л. 173 и 180?) также «Слово о крестящихся» и «Слово от Феодорита», следующие в *О* за словом Кирилла Философа о небесных силах (Л. 277 об.–278 об.). Это обстоятельство заслуживает дополнительных разысканий, так как в случае подтверждения нашей гипотезы можно будет существенно удревнить историю текстов, впоследствии получивших широкое распространение в связи с полемикой о крестном знамении.

Вернемся, однако, к пятому слову Серапиона Владимирского. Ряд чтений позволяет утверждать, что *О* и *Б* не только имели общий протограф («от злобы обычаа вашего», «прожигаете огнем» против «…обычая своего», «пожагаете…» в *П*), но и восходят к списку более древнему, чем Паисиевский сборник («налѣзеная в торгу»[5] против «найденая…» в *П*). При этом *Б* здесь оказывается более исправным, чем *О*: так, только в нем находим очевидно правильное «гигантѣне огнемъ пожже». В *П* и *О* «гигантѣне» (по форме соотносящееся со следующим ниже этнонимом «содомляне») оказалось понято как «на гиганты» (следует отметить, что в *Б* окончание слова – «не» – помещено над строкой, возможно, как в антиграфе).

---

[3] Список был обнаружен Л. В. Мошковой, которой я приношу сердечную благодарность за сведения о нем.

[4] Правильный порядок листов в рукописи нарушен (л. 174–179 должны находиться между л. 68 и 69).

[5] В списке *О* ошибочно: «тургу».

Но наибольший интерес представляет фрагмент текста, содержащий исторические сведения. Число людей, утонувших «в Лясѣхъ от умноженья дождя», в *О* и *Б* передается как 3000 (в *П* – 600), что следует признать первоначальным чтением (в *П* небрежно написанное в антиграфе «г» со знаком тысячи понято как «х»). Известие о землетрясении и наводнении в Диррахии (Дураццо) в *О* передано так: «Драчь град 4 лѣта стоалъ от моря потоплен и нынѣ в море есть» (Л. 284 об.), тогда как в *П* и *Б* читаем: «4000 лѣт». Эти загадочные «4000» смущали еще Е. В. Петухова, не решавшегося, однако, заключить, из каких источников Серапион почерпнул столь легендарные сведения о возрасте города[6]. Между тем в одном из новонайденных списков мы имеем явно архетипное чтение, вполне естественно указывающее срок, прошедший от землетрясения до написания слова. Заметим, что в своем издании пятого слова В. В. Колесов, не имея рукописных данных, сделал точно такую же конъектуру («4000 лѣт» > 4 лѣта»)[7], но, к сожалению, никак ее не прокомментировал, из-за чего она осталась незамеченной.

Последнее из упомянутых чтений позволяет с большой точностью датировать пятое слово Серапиона. В литературе, начиная с классического исследования Е. В. Петухова, принято датировать землетрясение в Диррахии 1273 г., хотя еще предшественник ученого, Н. Я. Аристов (опираясь, вероятно, на собственные расчеты), предложил дату 1271 г.[8] Она была отвергнута Е. В. Петуховым как неосновательная. Сложность в данном случае заключается в том, что о событиях в Диррахии известно из хроники Георгия Пахимера, не содержащей абсолютных дат. Однако спустя несколько десятилетий Д. Никол независимо от Н. Я. Аристова подтвердил его версию, предложив обоснованную хронологию изложенных Пахимером событий[9]. Британский византинист датирует землетрясение мартом 1271 г. Следовательно, принимая чтение «4» вместо «4000», пятое слово Серапиона Владимирского можно относить самое раннее к весне 1275 г. (в этом году епископ скончался, так что наш памятник – едва ли не последнее его сочинение[10]). Итак, новые списки позволяют весьма точно датиро-

---

6 *Петухов Е. В.* Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888. С. 33–34.

7 Слова и Поучения Серапиона Владимирского / Подгот. текста, пер. и коммент. В. В. Колесова // БЛДР. СПб., 2005. Т. 5. С. 382.

8 *Аристов Н. Я.* Заметка о поучениях епископа Серапиона // Труды Третьего Археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. Киев, 1878. Т. 2. С. 45.

9 *Nicol D. M.* The Relations of Charles of Anjou with Nikephoros of Epiros // Byzantinische Forschungen. 1972. Bd 4. S. 178.

10 Точная дата смерти Серапиона неизвестна. Часто фигурирующая в справочниках дата (12 июля) является датой его памяти, которая, очевидно, не случайно установлена близко к памяти мч. Серапиона (13 июля).

вать произведение – случай, безусловно, редкий для древнерусской книжности старшего периода.

2. Новые данные о рукописной традиции слов Серапиона Владимирского можно обнаружить и в хорошо известном исследователям пергаменном сборнике конца XIV в. ГИМ. Собрание А. С. Уварова. № 589-4° (далее – *У*), переписанном в ростовском «Григорьевском затворе». Здесь читается один из древнейших списков первого слова, где проповедник призывает к покаянию и напоминает о страшных знамениях – признаке последних времен. Список остался никем не замеченным, так как не выделен в тексте ни заголовком, ни киноварным инициалом, а кроме того, разорван на две части из-за неправильного порядка листов. Начало слова помещается на последней странице рукописи (Л. 306 об.), сразу после неполного «Слова Иоанна Златоустаго о казнех Божиих» из Златоструя (оно обрывается на словах «уклонишася вослед҃ъ суетныхъ бѣсъ»), а окончание – на л. 56–56 об. Текст на л. 56 об. наведен поверх прежнего, потертого, другим почерком. Вероятно, этот лист некогда был в рукописи последним – он загрязнен существенно больше соседних.

Хотя первое слово Серапиона Владимирского распространено в древнерусской книжности больше других, Уваровский список в силу своей древности заслуживает внимания: как известно, помимо него к XIV в. относятся лишь два – в Златой цепи РГБ. Ф. 304/I (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 11 и Измарагде 1-й редакции РГБ. Ф. 256 (Собрание Н. П. Румянцева). № 186 (далее – Рум. 185)[11]. Текст слова в этих двух старших списках сильно различается[12]. Наш список относится к тому же изводу, что и Рум. 186. Возможно, слово Серапиона попало в Измарагд древнейшей редакции из сборника, подобного Уваровскому, где помещалось рядом со словом из Златоструя (откуда и атрибуция Иоанну Златоусту, и сходство заглавий – в Измарагде слово Серапиона называется «Слово Иоанна Златоустаго о казнех божиих и о ратех»).

В *У* читается и анонимное «Поучение о тщаньи церковнем и говор деющих в ней» (Л. 11–13 об.), которое также может принадлежать Серапиону[13]. В пользу его авторства говорит прежде всего характерное обращение к слушателям: «Тѣмже и азъ, грѣшьныи пастухъ вашь…»

[11] Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. (Рукописные книги) / Отв. ред. Д. М. Буланин. СПб., 2014. С. 255–256.

[12] *Петухов Е. В.* Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. Прибавление. С. 1–4.

[13] Русское происхождение «Поучения» вполне удостоверяется упоминанием «звоненья колоколного», формой причастия «не мога» и другими лингвистическими приметами.

(Л. 12 об.), «азъ грѣшныи» (Л. 13 об.); ср.: «А[зъ] бо, грѣшныи вашь пастухъ… », «якоже а[зъ], грѣшныи отець вашь… », «Аз бо, грѣшныи… »[14]. Для В. А. Колобанова оно послужило одним из аргументов для атрибуции Серапиону «Поучения к попом», где встречается фраза: «Аз бо, грешный епископ ваш… »[15]. Кроме того, в «Поучении о тщаньи церковнем» встречается выражение «плач и клятва»: «аще кто, чюжая отимая, силою плачь и клятву на ся взимая… » (Л. 12 об.); ср. в пятом слове Серапиона: «Почто плачь и клятву на ся влечеши?»[16]. Это выражение не встречается больше ни в одном другом памятнике. Можно также отметить менее показательный (восходящий к чину Крещения) топос «отступите дѣлъ сотонин» (Л. 13); ср. «дѣлъ сотониных» в первом слове Серапиона[17].

Сколь ни малы приведенные текстуальные схождения, они представляют большую редкость и, на наш взгляд, могут служить основанием для предположения, что в *У* сохранилось еще одно (шестое?) слово Серапиона Владимирского. Как и в достоверных творениях епископа, тема победы над грехом сочетается здесь с осуждением двоеверцев (ходящих к «чародеям», «волхвам» и «узолникам»), а ясность и простота языка – с риторическим мастерством и убедительностью.

Не исключено, что памятник представляет собой запись устной беседы. В нем книжник обращается к людям, слушающим проповедь после Литургии, и цитирует слова заамвонной молитвы («святи любящая благолепие дому Твоему… »). В тексте с ошибочной ссылкой на прп. Моисея Мурина (на память?) пересказан эпизод из Жития прп. Павла Препростого, известный по Прологу (1 апреля) и Скитскому патерику[18] (вместе со входящими в храм святой видит ангелов или бесов, смотря по состоянию души этих людей). В переработанном виде «Поучение» вошло в состав Измарагда 2-й редакции (глава 150: «Поучение святых отец душеполезно»), где житийный эпизод оказался устранен – вероятно, оставшийся неопознанным и признанный сомнительным[19].

«Поучение о тщаньи церковнем» издается нами ниже по единственному известному списку — ГИМ. Собрание А. С. Уварова. № 589-4°.

---

[14] Первое, второе, пятое слова. См.: Петухов Е. В. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. С. 3, 4, 14.

[15] Колобанов В. А. О Серапионе Владимирском как возможном авторе «Поучения к попом» // ТОДРЛ. Л., 1958. Т. 14. С. 160.

[16] Петухов Е. В. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. Прибавление. С. 15.

[17] Там же. С. 3.

[18] См., например: ГИМ. Чудовское собрание. № 18. Л. 110 об.–113.

[19] Эта редакция издана: Пономарев А. И. Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. СПб., 1897. Вып. 3. С. 266.

Поучѐкъ ѡ тщаньи цр҃квнмь и говоръ дѣющи҂ в неї ⁘ Мало нѣчто хощю побесѣдовати к вашеи любви. понеже вижю вы тщаща҃ къ бж҃твнѣи цр҃кви. кгда услышите звоненьк колоколнок тогда с радостью течете въ цр҃квь на мл҃тву. ѡвъ рукодѣлык повергъ. инъ торгованьа лишивъсѧ. а инъ wрудьа житинскаа wставивъ. вси въскорѣ сбираютесѧ. и стоимъ вси послушающе бж҃твныхъ писании гл҃ть бо икрѣи ст҃и любащаа бл҃голѣпик дому твоєму ты ꙗ прослави бж҃твною силою твоею. ст҃ити хощеть и прославити хощеть. бл҃жть трудъ вашь блажить любовь вашю. самъ бо гь҃ на не||(Л. 11об.)беси и на зе҃ мн҃ами невидимъ кстъ прѣвидимъ намъ бж҃твныи свои wбразъ и ст҃ыа кго цр҃кви. кгда бо къ цр҃кви притечемъ. кгда wбразъ кго пр҃тыи оузримъ. како видѣхомъ самого ба҃. кгда руцѣ въздежемъ кгда воздъхнемъ кгда прослезимъ кгда грѣхи помянемъ. уже гь҃ савашфъ услыша мл҃тву нашю. слышасте моисѣа мюрина сѣдаща предъ цр҃квью. и смотраща входащихъ въ цр҃квь и видѣ чл҃вка идуща въ цр҃квь всего черна и смрадна и велми плакаше ѡ немь. кгда же идаху по ѿпущеньи изъ цр҃кви. тогоже чл҃вка монсии видѣ бѣла и велми свѣтла. приимъ чл҃вка того за руку вопиаше радуасѧ. прите҃ видите чл҃вколюбык влк҃ы нашего. коль въскорѣ милуеть родъ члвч҃кыи. сшедшимъсѧ всѣмъ людемъ. повелѣ повѣдати чл҃вку житык свок. wн же не мога утаити изрече всю истину гл҃ѧ. wч҃е азъ въ грѣсѣхъ мнозѣхъ пре||(Л. 12)быхъ дни своа. придохъ нынѣ въ цр҃квь. и слышахъ исаию пр҃рка чтома паче же ба҃ устъı кго гл҃ща. измыитесѧ и чти҃ будете ѿнмѣте лукавьствиа ѿ дш҃ь вашихъ. се слышавъ помыслихъ в собѣ. к тому не сгрѣшати. но ходити ми в заповѣди гни҃. и ѡ преднихъ грѣсѣхъ плакати ми ї҃ каатисѧ до см҃рти. се мысла изидохъ изъ цр҃кви. вижте чада чл҃вклюбик ба҃ нашего. которыи wц҃ь тако любить сна҃. такоже бъ любить родъ члвч҃кии. толико сии чл҃вкъ помысли ѿ грѣхъ ѿступити. и покаанык приати. сцевѣдець҃ же гь҃ вѣдыи чл҃вка wбращенык ѿ грѣхъ. не пожда но въскорѣ изліа на нь свѣтъ бж҃твныи. мракъ ѿгна черность погуби. поревнуите любимии мои снв҃е сему чл҃вку. не помышлаите житинскихъ мыслии въ бж҃твнѣмь дому. гла҃ инъ да не слышитсѧ разѣ мл҃твы и пѣныа и почитаныа бж҃твныхъ словесъ. помышлаите грѣхы своа. помы||(Л. 12об.)шлаите что ѿвѣщаете праведному судьи. помышлаите престати ѿ грѣхъ и простретисѧ на бл҃гаа дѣла да не вотще будеть трудъ вашь. да и англъ хранитель цр҃кви сеа приноситъ къ бу҃ входъ вашь. съ страхомь и трепетомь стоаныє ваше терпѣнькмь. съ мл҃твою и с молчаькмь и с оумиленькмь. вѣдѣти бо вы велю ꙗко англъ хранитель всакои цр҃кви даетсѧ ѿ ба҃ и стрежеть аще недостоинъ входить въ цр҃квь та всѧ къ бу҃ приноситъ. аще кто прелюбодѣиствомь wсквернисѧ. аще кто убиствомь руцѣ wкровави. аще кто чюжаа ѿимаа силою плачь и клтву на сѧ вземаа. аще кто вражду имѣа на друга во июдинъ чинъ внидє. аще кто къ чародѣкмъ и к волъхвомъ и ко узолникомъ ходитъ. та всѧ англъ къ бв҃и приноситъ. тѣмже самъ гь҃ заповѣда апломъ. апли҃ же ст҃лмъ предаша. недостоинымъ не дати входа въ бе҃||(Л. 13)ственую цр҃квь. тѣмже и азъ грѣшьныи пастухъ вашь засвѣдительствую вамъ. ѿступите дѣлъ сотони҃. покаанькмь wмыитесѧ. ї҃ слезами

просвѣтитесѧ. слышасте мытаре wправдавшасѧ смѣренькмь. грабитель бѣаше немлтвъ. чюжаꙗ всхищаꙗ. въ цр҃кви вшедъ wбѣщасѧ бу неложно всего зла wступити. и беспрестани вопиаше сгрѣшихъ гн҃и прости мѧ. главою w землю толкъи. не смѣꙗ на нб҃о очью възвести w̃ ба̃ услышанъ бы̃. и изиде изъ цр҃кви ни кдиного грѣха имѣꙗ на собѣ. сему поревнуите чада моꙗ любимаꙗ. васъ бо радь створи сию притчю хъ. хотѧ вы привести къ wц҃ю своемy на нб҃о. хощеть бо всѧ спти ни кдиному погибнути. млтвъ бо кость любить члвчкъи родъ и славитсѧ w̃ всеꙗ твари. двдъ бо гл҃ть мти гнѧ исполнисѧ всѧ землѧ. самъ гь̃ извѣщаꙗ члвколюбьe свое гл҃а притчю w блуднѣмь сн҃у како wбращающасѧ прикмлеть. како весе||(Л. 13об.)литсѧ. како закалаютъ телець упитѣнъи како съзываютъ англкъыꙗ силы. и велить радоватисѧ съ собою w кдиномъ грѣшницѣ wбратившемъсѧ w̃ пути злаго. и притекше ко истиньному покаанью. и напитаютъ вы wц҃ь нбнъи тѣла и крови сн҃а своего кдиночадаго. и въ пришествие его на землю просвѣтитесѧ аки сл҃нце на нб҃си и лица ваша не постыдатсѧ. да и азъ грѣшнъи вашего радь wбращеныа къ бу̃ приму мьзду w̃ оц҃а и сн҃а и стго дха и нъ

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аристов Н. Я. Заметка о поучениях епископа Серапиона // Труды Третьего Археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. Киев, 1878. Т. 2. С. 41–48.

Вершинин К. В. Мерило Праведное в истории древнерусской книжности и права. М.; СПб., 2019.

Исаченко Т. А. Смоленская «наказная» грамота Всероссийского митрополита Макария (по рукописи МДА № 108). Из истории Стоглава. М., 1996.

Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. (Рукописные книги) / Отв. ред. Д. М. Буланин. СПб., 2014.

Колобанов В. А. О Серапионе Владимирском как возможном авторе «Поучения к попом» // ТОДРЛ. Л., 1958. Т. 14. С. 159–162.

Крутова М. С. Методические рекомендации по описанию славянорусских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Новосибирск, 1990. Вып. 5. Ч. 1 («Златая цепь»).

Петухов Е. В. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888.

Пономарев А. И. Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. СПб., 1897. Вып. 3.

Слова и Поучения Серапиона Владимирского / Подгот. текста, пер. и коммент. В. В. Колесова // БЛДР. СПб., 2005. Т. 5. С. 370–385, 518–520.

Творогов О. В. Серапион, епископ Владимирский // СККДР. Л., 1987. Вып. 1. С. 387–390.

Nicol D. M. The Relations of Charles of Anjou with Nikephoros of Epiros // Byzantinische Forschungen. 1972. Bd 4. S. 170–194.

Konstantin V. Vershinin
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

UNKNOWN COPIES OF SERMONS BY SERAPION OF VLADIMIR

The paper contains information about the copies of Sermons by Serapion of Vladimir, which were previously unknown in the scientific literature (a copy of the 1st Sermon dating back to the end of the 14th century and two copies of the 5th Sermon dating back to the 15th and 17th centuries), as well as an anonymous Sermon, presumably belonging to Serapion. On the basis of a better reading in the one of these copies, it was proposed to date the 5th Sermon to 1275.
Keywords: *Old Russian literature, textual criticism, Serapion of Vladimir, Paisios's Miscellany*

М. К. Юрасов
ИРИ РАН, Москва, Россия

ВОСТОЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ БЕЛЫ IV ПОСЛЕ БИТВЫ ПОД ЯРОСЛАВЛЕМ (ЯРОСЛАВОМ)

После монгольского нашествия венгерский король Бела IV попытался завладеть Галичем, посадив в нем своего зятя Ростислава Михайловича, однако польско-венгерское войско потерпело поражение под Ярославлем в 1245 г. После этого по причине резкого обострения отношений с Австрией Бела пошел на сотрудничество с Даниилом Романовичем, признав за ним право на Галич. Помимо этого, Арпады и их окружение осознали необходимость возвращения в Венгрию части половцев, бежавших из страны после убийства их вождя Котяна в Пеште в 1241 г.

Ключевые слова: *средневековая Венгрия, Древняя Русь, половцы, Галич, венгерско-австрийские конфликты, Бела IV, Ростислав Михайлович, Даниил Романович, Котян*

В конце XII – первой трети XIII в. венгерские принцы неоднократно занимали галичский княжеский стол, а один из них сын Андраша II (1205–1235) Калман даже носил в 1214–1219 гг. официальный титул галичского короля. Поскольку он погиб в битве с вторгшимися в Венгрию монголами в 1241 г., его брату, королю Беле IV, пришлось маскировать свои планы восстановления венгерской власти над Галичем. Поэтому после возвращения орд Бату-хана из Юго-Восточной Европы в Поволжье венгерский король поддержал в качестве претендента на галичский стол представителя черниговской ветви Рюриковичей Ростислава Михайловича (ум. в 1262 г.), выдав за него свою дочь Анну[1]. Это означало присоединение Белы IV к лагерю противников владимиро-волынского князя Даниила Романовича (1211–1246), также претендовавшего на Галич, поскольку его отец Роман Мстиславич в 1199 г. создал единое Галицко-Волынское княжество.

Канадский историк Мартин Димник подчеркивает еще одну причину, побуждавшую Белу IV к борьбе за Галич: стремление использовать в дальнейшем город и подчинявшуюся ему территорию в оборонительных целях для предупреждения новых нашествий монголов на Венгрию[2]. Однако вернуть Галицию в состав Венгрии в тогдашних условиях было крайне тяжело. Преодоление последствий монгольского разорения и намерение

[1] Источники не сообщают о времени заключения этого брака, но общепринятой является его датировка 1243 г.

[2] *Dimnik M.* Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev. Toronto, 1981. P. 122.

австрийского герцога Фридриха II Воинственного (1230–1246) закрепить за собой три приграничных венгерских замковых округа (комитата), которые Бела IV отдал ему в залог, скрываясь в Австрии после поражения от монголов в Мухской битве, состоявшейся 11 апреля 1241 г., не позволяли королю Венгрии оказать эффективную помощь своему ставленнику для захвата галичского княжеского стола. Поэтому Беле IV пришлось привлечь силы своего польского зятя – краковского князя Болеслава V Стыдливого (1243–1279). Решающее сражение венгерско-польского войска, поддерживавшего Ростислава Михайловича, к которому присоединились галичские бояре, с полками Даниила и Василька Романовичей, помощь которым оказали половцы, произошло 17 августа 1245 г. под г. Ярославлем (Ярославом), недалеко от польско-русской границы. Армия Ростислава и находившегося вместе с ним его отца Михаила Всеволодовича потерпела сокрушительное поражение. В. Т. Пашуто ставил эту победу Романовичей над их внутренними и внешними врагами в один ряд с Невской битвой и Ледовым побоищем, подчеркивая, что тем самым была пресечена попытка венгров и поляков поучаствовать в разделе разоренных монголами русских земель, что сближало их с другими интервентами – шведами и тевтонскими рыцарями[3].

Неудачно сделанная ставка на Ростислава Михайловича заставила Белу IV кардинально поменять приоритеты на русском направлении своей внешней политики. Король решил не способствовать более осуществлению планов зятя утвердиться в Галицкой земле, признав права Романовичей на владение всей Юго-Западной Русью. Быстрого замирения с Даниилом требовали, прежде всего, резко обострившиеся венгерско-австрийские отношения. Фридрих II Воинственный не мог смириться с тем, что германский император Фридрих II Гогенштауфен (1212–1250) заставил его заключить мир с Белой IV, который к тому же пытался породниться с одним из врагов австрийского герцога – баварским герцогом Оттоном II Сиятельным (1231–1253). Бела IV, в свою очередь, не ограничивался сдерживанием австрийского натиска, его войско также появлялось на землях противника. В январе 1246 г. отряды Фридриха австрийского вновь вторглись в Венгрию, а решающее сражение между венграми и австрийцами состоялось 15 июня того же года уже на австрийской территории, недалеко от пограничной реки Лайты. Одним из отрядов в нем командовал Ростислав Михайлович. Войско венгерского короля было разгромлено, но в битве погиб Фридрих II Воинственный, спровоцировав своей смертью начало войны за австрийское наследство.

Для Романовичей же позитивный результат победы под Ярославлем вскоре был омрачен прибытием в начале осени того же 1245 г. монголь-

[3] *Пашуто В. Т.* Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956. С. 197.

ского посла Моуци (Могучея), передавшего требование Бату-хана: «Дай Галич!»[4]. Уже 26 октября 1245 г. Даниил Романович отправился в ханскую ставку и возвратился на родину, скорее всего, весной 1246 г.[5] Эта поездка положила конец неопределенности в отношениях Романовичей с татарами и упрочила положение князей. Летописец прямо связывает с ней союз Даниила и Белы IV[6]. Хотя Ростислав Михайлович, ставший в 1247 г. правителем (баном) населенной южными славянами пограничной венгерской области Мачва, до конца своих дней носил титул «князя Галиции», Бела IV уже весной 1246 г. направил послов к Даниилу Романовичу с заявлением о прекращении поддержки планов Ростислава и предложением о династическом браке между венгерской принцессой и сыном Даниила[7].

Король явно боялся Даниила, получившего поддержку от Батыя[8]. Тогда же Даниил, скорее всего, оказал военную помощь Беле IV, причем роль ее была настолько важной, что в некоторых средневековых источниках встречается миф о том, что австрийского герцога Фридриха II якобы убил «русский король» (Даниил Галицкий)[9]. В августе 1247 г. в венгерском городе Зойоме, куда прибыли Даниил Романович с сыном Львом и киевским митрополитом Кириллом II (1247–1281), был заключен мирный договор между Арпадами и Романовичами, скрепленный браком дочери Белы IV Констанции со Львом Даниловичем. Там же был совершен взаимный обмен пленными[10].

Интересным источником, в котором просматривается стремление Белы IV объяснить смену своих внешнеполитических приоритетов, является его послание римскому папе Иннокентию IV (1243–1254), за которым в венгерской историографии закрепилось название «татарского письма». Оно подписано королем 11 ноября без указания года. Подавляющее большинство исследователей поддерживает датировку, предложенную Шенга Тору, – 1247 г.[11] В этом послании венгерский король информирует понтифика о заключении мирного соглашения с Даниилом Романовичем. Главной причиной, побудившей его отказаться от борьбы за Га-

---

4 ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 805.

5 Отъезд Даниила датируется летописцем днем св. Дмитрия (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 806), а о времени его возвращения можно говорить лишь приблизительно, предполагая, что он пробыл в ставке Бату два-три месяца.

6 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 809.

7 Там же. О датировке см.: *Грушевський М.* Хронологія подій Галицько-Волинской літописи // Записи Наукового товариства ім. Шевченка. 1901. Т. 12. С. 33.

8 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 809.

9 См. об этом: *Майоров А. В.* Даниил Галицкий и Фридрих Воинственный: русско-австрийские отношения в середине XIII в. // Вопросы истории. 2011. № 7. С. 32–52.

10 *Font M.* Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek. Szeged, 2005. 250. l.

11 Обзор мнений см.: Ibid. 250. l., 481. jegyz.

лич, Бела называет опасность нового татарского нашествия[12]. Безусловно, страхи венгерского короля оказались преувеличенными, но в тогдашней ситуации, когда государи европейского католического мира не вполне могли осмыслить происходившие к востоку от «подковы» Карпатских хребтов политические процессы, связанные со становлением будущей Золотой Орды, это было вполне оправданно. Главной же причиной замирения Белы с Даниилом, несомненно, было желание обеспечить безопасность восточных границ Венгерского королевства в обстановке начавшейся борьбы заСавстрийское наследство.

Исследователями достаточно хорошо изучена история взаимоотношений Белы IV с Ростиславом Михайловичем и Даниилом и Васильком Романовичами, которая показывает политическую гибкость венгерского короля, умело использовавшего силы и возможности названных русских князей для достижения своих целей на западном и южном направлениях внешней политики Венгрии. Однако этим не исчерпывается контекст взаимоотношений Белы с Восточной Европой. Венгерская исследовательница Марта Фонт обратила также внимание на то, что после поражения под Ярославлем кардинально изменилась политика венгерских королей и в отношении половцев[13]. Хотелось бы подробнее остановиться на этом аспекте внешнеполитической истории правления Белы IV.

В первой половине XIII в. венгерские короли и их окружение делили половцев (которых венгры называют *кунами*) на две группы племен. Одна из них проживала на территории будущего Валашского княжества (современная Румыния) и являлась объектом политической экспансии Арпадов. После разгрома на р. Калке сюда иммигрировала значительная часть половецких племен, правитель которых Бортц (Барс) в 1227 г. принял христианство и признал сюзеренитет венгерского короля над подконтрольными ему половцами. В 1229 г. в Кунской области было создано епископство с центром в г. Милко, а в 1233 г. титул наследника венгерского престола начинался словами «перворожденный сын короля Венгрии… » (*primogenitus regis Hungariae...*), а заканчивался выражением: « … и король Кумании» … *Comaniaeque rex*). Монгольское нашествие (1241/1242 г.) уничтожило кунское епископство и закрепило разделение молдавских и валашских половцев на два этнических массива, однако сюзеренитет венгерского короля над Куманией, в принципе, сохранился[14].

Более драматично складывались отношения у Арпадов с той группой западных половцев, которых возглавлял Котян, также участвовавший в

---

[12] См. об этом: *Senga T.* IV. Béla külpolitikája és IV. Ince pápához intézett „tatár-levele” // Századok. 121 (1987). 585, 606–609. l.

[13] *Font M.* Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek. 249. 1.

[14] *Páloczi Horvát A.* Kunország // Korai magyar történeti lexikon (9–14. század) / Főszerk. Kristó Gy (далее – KMTL). Budapest, 1994. 384. l.

битве на Калке. Как известно, Котян был тестем галичского князя Мстислава Мстиславича Удатного (1219–1227), являвшегося врагом венгерского короля Андраша II (1205–1235), что предопределило поддержку Котяном зятя в борьбе с венграми. Однако разорение ордами Бату-хана Северо-Восточной Руси, за которым последовали набеги на южнорусские земли, заставило Котяна и его окружение искать защиты у Белы IV. Так в 1239 г. половцы оказываются на территории Венгерского королевства[15], причем в самом его центре. Такой «политический эксперимент», когда степняки получили место для поселения не на окраине средневекового государства с целью защиты его границ (традиция, идущая от римских федератов), а в непосредственной близости от одной из венгерских столиц, имел трагические последствия. Местное венгерское население, давно позабывшее кочевые обычаи своих предков, отнеслось к кунам Котяна как к варварам, а через несколько дней после появления орд Бату на территории Венгрии (март 1241 г.) оно обвинило кунов в том, что те были засланными лазутчиками и тайными союзниками монголов, следствием чего стала устроенная в Пеште резня, в ходе которой погибли Котян и его окружение[16].

Уцелевшие после попытки их полного истребления половцы-куны вынуждены были бежать из Венгрии и искать себе новых покровителей и союзников среди врагов Белы IV[17], поэтому они принимали участие в битве под Ярославлем 17 августа 1245 г. на стороне Даниила и Василька Романовичей[18]. Последнее обстоятельство на фоне разгрома венгерско-польского войска в этом сражении побудило правящую верхушку Венгерского королевства пересмотреть свое отношение к западным кунам. Бела IV и его окружение трезво рассудили, что если продолжать считать этих степняков своими врагами, то они и дальше будут помогать тем восточным соседям Венгерского королевства, с которыми Арпады находятся в состоянии войны, – русским князьям или ордынцам. Половцам-кунам вновь было разрешено поселяться на территории Венгрии[19], а дочь одного из половецких «князей»[20] вышла замуж за наследника венгерского престола – будущего Иштвана V (1270–1272).

---

[15] *Kristó Gy.* Nem magyar népek a középkori Magyarországon. Budapest, 2003. 219. l.

[16] Описанию убийства Котяна посвящена гл. 24 «Горестной песни» магистра Рогерия (*Rogerii* carmen miserabile / Ed. L. Juhász // SRH. Budapestini, 1938. Vol. 2. P. 566–567).

[17] *Vásáry I.* Az Arany Horda. Budapest, 1986. 40. l.

[18] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 802.

[19] *Pauler Gy.* A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt. Budapest, 1899. II. k. 148. l.; *Györffy Gy.* A magyarság keleti elemei. Budapest, 1990. 307. l.

[20] В отечественной историографии господствует мнение, согласно которому отцом будущей венгерской королевы Эржебет (Елизаветы) был Котян (см.: *Плетнева С. А.* Половцы. М., 1990. С. 180; *Она же.* Котян // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. С. 421). Венгерские исследователи называют отцом Эржебет «князя» кунов Сейхана (*Kristó Gy.* V. István // KMTL. 294. l).

Таким образом, активное участие Белы IV в войне за наследство австрийских Бабенбергов было обеспечено не только прочным тылом на востоке, созданным путем установления им тесного союза с соседними польскими и русскими князьями, но и активным привлечением различных групп половцев, кочевавших на землях к востоку и юго-востоку от границ владений Венгерской короны. Последнее постепенно привело к появлению на территории Венгерского королевства районов, где половцы составляли подавляющее большинство населения (*куншагов*). В правление же внука Белы IV и половецкого князя (Сейхана или Котяна) – Ласло IV Куна (1272–1290) – королем была предпринята попытка сделать кунов первым сословием государства, что едва не привело Венгрию к масштабной гражданской войне и, в конечном счете, стоило жизни считавшему себя половцем венгерскому монарху.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Грушевський М. Хронологія подій Галицько-Волинской літописи // Записи Наукового товариства ім. Шевченка. 1901. Т. 12. С. 1–72.

Майоров А. В. Даниил Галицкий и Фридрих Воинственный: русско-австрийские отношения в середине XIII в. // Вопросы истории. 2011. № 7. С. 32–52.

Пашуто В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956.

Плетнева С. А. Половцы. М., 1990.

Плетнева С. А. Котян // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. С. 421.

ПСРЛ. М., 1998. Т. 2.

Dimnik M. Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev. Toronto, 1981.

Font M. Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek. Szeged, 2005.

Györffy Gy. A magyarság keleti elemei. Budapest, 1990.

Kristó Gy. V. István // Korai magyar történeti lexikon (9–14. század) / Főszerk. Kristó Gy. Budapest, 1994. 294. l.

Kristó Gy. Nem magyar népek a középkori Magyarországon. Budapest, 2003.

Páloczi Horvát A. Kunország // Korai magyar történeti lexikon (9–14. század) / Főszerk. Kristó Gy. Budapest, 1994. 384–385. l.

Pauler Gy. A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt. Budapest, 1899. II. k.

Rogerii carmen miserabile / Ed. L. Juhász // SRH. Budapestini, 1938. Vol. 2. P. 543–588.

Senga T. IV. Béla külpolitikája és IV. Ince pápához intézett „tatár-levele" // Századok. 121 (1987). 585, 606–609. l.

Vásáry I. Az Arany Horda. Budapest, 1986.

Mikhail K. Yurasov
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

EASTERN DIRECTION OF BELA IV'S FOREIGN POLICY AFTER THE BATTLE OF YAROSLAVL

After the Mongol invasion, the Hungarian King Bela IV tried to take possession of Galich, putting his son-in-law Rostislav Mikhailovich in it, but the Polish-Hungarian army was defeated near Yaroslavl in 1245. After that, due to the sharp deterioration of relations with Austria, Bela went to cooperate with Daniil Romanovich, recognizing his right to Galich. In addition, the Arpads and their entourage realized the necessity of returning some of the Polovtsy to Hungary, who had fled the country after the murder of their leader Kotyan in Pest in 1241.
Keywords: medieval Hungary, Old Rus, Polovtsy, Galich, Hungarian-Austrian conflicts, Bela IV, Rostislav Mikhailovich, Daniil Romanovich, Kotyan

I I. АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ: ИСТОРИЯ ЦЕРКОВНОГО ПОЧИТАНИЯ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

М. Б. Свердлов
Санкт-Петербургский Институт истории РАН; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ В ЛЕТОПИСНЫХ СВОДАХ XIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.: ОТ РЕАЛЬНОСТИ К СИМВОЛУ И МИФУ

Исторические источники и контекст русской истории XIII–XVI вв. позволяют проследить эволюцию конкретных сведений о деяниях князя Александра Ярославича как защитника русских земель от иноземных вторжений в их символизированное и сакрализированное военно-политическое осмысление. Оно стало органической составной частью народных мифологизированных представлений об историческом прошлом России.
Ключевые слова: Александр Невский, историческая реальность, летописи, символ, миф, сакральность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00-134.

В научной литературе изучению и изложению биографии Александра Невского, его деяний посвящено бесчисленное множество работ. В их содержании можно отметить два основных направления. Одно из них – научные исследования, в которых анализируются множественные объективные факторы и их следствия в деятельности Александра Невского (в историографии второй половины XX – начала XXI в. работы И. П. Шаскольского, В. Т. Пашуто, А. Н. Кирпичникова, Ю. К. Бегунова, В. А. Кучкина и многих других)[1]. Сейчас раскрываются новые возможности их изучения, учитывая антропологический подход, а также обращение к контексту его эпохи и хранимой в веках исторической памяти. Биографию и деяния Александра Невского, его отношения с Ордой следует изучать не только на основании анализа всего комплекса исторических источников, но также в контексте истории летописания. Другое направление – их мифологизированное изложение.

Первыми по времени летописными записями об Александре стали сведения новгородских летописцев, которым, вероятно, было свойственно ежегодное ведение летописи[2]. Согласно Новгородской первой летопи-

[1] В соответствии с ограниченными возможностями жанра статьи библиографические указания и научная дискуссия по частным вопросам здесь и далее в значительной мере сокращены.

[2] Литературу и дискуссии по данному вопросу см.: *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 79–84 и след.; *Гимон Т. В.* Новгородское летопи-

си старшего извода (далее – НПЛ), они кратко указывали, в какие годы Ярослав Всеволодович оставлял в Новгороде своих малолетних детей, Федора и Александра, с его княжими мужами представлять великокняжескую власть отца. Сообщил новгородский летописец о том, что в 1236 г. Ярослав Всеволодович «посадил» одного пятнадцатилетнего Александра княжить в Новгороде, о его женитьбе там в 1239 г.[3]

Кратко изложил новгородский летописец в тексте под 1240 г. о разгроме Александром с новгородцами и ладожанами шведов, которые стали лагерем на Неве в устье Ижоры, о захвате «немцами» (Тевтонским орденом) Пскова, об их военных действиях на западе новгородских владений, о «распре» Александра с новгородцами и его отъезде в Переяславль. Конкретно, без художественных образов новгородский летописец написал о примирении Александра с новгородцами, о его победах с новгородцами и с братом Андреем над «немцами» в 1241–1242 гг., включая сражение на Чудском озере, а также над «Литвой», напавшей в 1245 г. на русские земли. После краткого, но обстоятельного изложения последовавших событий он сообщил одной строкой: в 1246 г. «поѣха князь Олександръ в Татары». Также он написал о возвращении князя из Орды в 1250 г. и о радости новгородцев в связи с этим[4]. Уже в качестве великого князя Владимирского Александр решал в 1255 г. традиционные политические распри в Новгороде, что завершилось его умиротворением. Так что новгородский летописец закончил свое повествование словами: «И сѣде князь Олександръ на своемь столѣ»[5].

Эти и многие последующие сведения новгородского летописца стали в научных исследованиях основой исторических разысканий о деяниях князя Александра Ярославича. Но, как известно, летопись является историко-литературным произведением. Уже из повествования новгородского летописца о сражении на Неве 15 июля 1240 г. следует, что шведы понесли значительные потери. Но при этом сообщались сведения, которые преувеличивали потери противника и преуменьшали собственные. По словам летописца, были убиты вымышленный шведский воевода Спиридон и шведский епископ. На два корабля были положены тела шведских «вятшихъ мужь». Их отправили «к морю», то есть в Швецию, а остальных убитых «бещисла» шведов бросили в выкопанную яму. Многие шведы были ранены. В войске Александра Ярославича из погибших названы по именам четыре человека, а всего погибло только двадцать новгородцев и ладожан[6].

сание XI –середины XIV в. как социокультурное явление. АДД. М., 2014.

[3] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ). М.; Л., 1950. С. 66, 67, 70, 74.

[4] Там же. С. 77–80.

[5] Там же. С. 80–81.

[6] Там же. С. 77.

В указании такого соотношения потерь выразилась традиционная для победителей характеристика сражения. Такие преувеличения становились художественной правдой литературных произведений. В повествовании НПЛ они свидетельствовали о появлении эпического начала в историко-литературном изложении победы русского войска под руководством Александра Ярославича. Такая его характеристика как гениального полководца нашла идейное и религиозное развитие в его Житии, созданном, вероятно, в 1260-е гг.[7]

Новгородские летописцы кратко, информативно и объективно излагали события правления Александра Ярославича как князя Новгородского, а после 1250 г. и великого князя Владимирского. Такими текстами являются повествование о ледовой битве на Чудском озере 5 апреля 1242 г., когда было побеждено войско Тевтонского ордена и остановлена его агрессия против новгородских владений. Таким же стало изложение трагических событий 1257 и 1259 гг., когда Александр был вынужден в качестве великого князя защищать ордынских данников и численников от мятежных новгородцев. В 1257 г. сына своего Василия, который являлся новгородским князем-наместником, он пощадил, а «дружину его казни: овому носа урѣзаша, а иному очи выимаша, кто Василья на зло повелъ»[8]. «Дружина» в данном случае – ‘ближайшие к князю люди’[9].

Сведения НПЛ о поездках Александра «в Орду» или в «Татары» кратки и не информативны: поездка в 1246 г., возвращение в 1250 г., поездка 1262–1263 гг. Они не сообщают цели таких поездок и их результаты[10].

Между тем в русских землях нарастал народный протест против произвола ордынских чиновников, против чужеземной власти. В 1262 г. произошло народное восстание, сведения о котором сохранились в северо-восточной летописной традиции. Была она продолжена и в московском летописании конца XV в.[11] Но в Никоновской летописи это сообщение заменено повествованием о том, что ордынцы были изгнаны из русских земель по совместному решению князей[12]. Некоторые историки интерпретировали это известие как свидетельство о руководстве Александра Ярославича этим движением. Однако оснований для такого мнения нет. Достаточно сравнить тексты Лаврентьевской и Никоновской летописей:

---

7 Житие Александра Невского / Подгот. текста, пер. и коммент. В. И. Охотниковой // БЛДР. СПб., 1997. Т. 5. С. 358, 515; *Конявская Е. Л.* О Житии Александра Невского // Исторический вестник. 2021. № 35 (182). С. 61.

8 НПЛ. С. 82–83.

9 Словарь русского языка XI–XVII веков. М., 1977. Вып. 4. С. 363.

10 НПЛ. С. 79–80, 82–83.

11 ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 476; М.; Л., 1949. Т. 25. С. 144.

12 ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. С. 143.

Лаврентьевская летопись	Никоновская летопись
Избави Богъ от лютаго томленья Бесурьменьскаго люди Ростовьския земля. Вложи ярость въ сердца крестьяномъ, не терпяще насилья поганыхъ. Изволиша вѣчь и выгнаша из городов из Ростова, изъ Володимеря, ис Суждаля, изъ Ярославля. *Окупахуть* бо тя оканьнии бесурмене дани и от того велику пагубу людемъ творяхуть, *роботяще рѣзы*, и *многы души* крестьяньскыя раздно ведоша. Видѣвше же человеколюбець Богъ, послуша моленья Матерня, избави люди своя от великыя бѣды. *Том же лѣте убиша Изосиму преступника …*	Того же лѣта съвѣтъ бысть на Татарове по всѣмъ градомъ Рускимъ, их же посажа властителеи царь Батыи по всѣмъ градомъ Русскимъ, и по убиении Батыевѣ сынъ его Сартакъ и по семъ инии. Князи же Рустии, согласившеся межи собою, и изгнаша Татаръ изъ градовъ своихъ, бе бо отъ нихъ *насилие, откупаху* бо богатыя у татаръ дани и корыстоваахуся сами, и *мнози люди* убозии въ *ростѣхъ работаху*. И тако князи рустии изгнаша татаръ, а иныхъ избиша, а инии отъ нихъ крестишася во имя Отца и Сына и святаго Духа. *Тогда же убиша въ Ярославлѣ и Изосиму отступника …*

Первоначальная редакция Никоновской летописи была составлена при митрополичьей кафедре в конце 20-х гг. XVI в. Она является компиляцией, в которой использованы местные летописцы, повести, сказания, жития святых, записи народного эпоса, архивные документы. Ее текст был литературно и идеологически обработан под влиянием идеологии и условий значительной концентрации великокняжеской власти в правление Ивана III и Василия III[13]. К этим наблюдениям можно добавить, что при изложении событий истории Руси X–XI вв. в ней содержатся сообщения, которые не подтверждаются всем комплексом сохранившихся исторических источников того времени и являются домыслом, но это – особая источниковедческая проблема.

Таким образом, в новых условиях Великого княжества Московского в Никоновской летописи не следовало писать о народном восстании против ордынцев в русских землях. Теперь это должны были совершить русские князья совместно. Они победоносно совершили это изгнание, а некоторые из «татар» в 1262 г. крестились. Поэтому можно предположить, что и данный текст Никоновской летописи вымышленный.

Существенным является вопрос о появлении прозвища Александра Ярославича – Невский. В списках новгородских и обобщенно названных «русских» князей он назван Александром Храбрым[14]. В списке князей русских, который предшествует Комиссионному списку НПЛ, он назван «Александръ велики, храбрыи, Невьскыи»[15]. По мнению А. В. Сиренова,

[13] *Клосс Б. М.* Летопись Никоновская // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 49.
[14] НПЛ. С. 471, 560.
[15] Там же. С. 468.

этот список был составлен между 1406 и 1417 гг., а соединение таких названий свидетельствует о неустойчивости прозвища Александра[16].

Такая конкретизация времени появления данного списка русских князей позволяет разъяснить основной смысл происхождения прозвища Невский как единственного. Московский князь Василий Дмитриевич (1389–1425), продолжая политику своих предшественников на московском столе, попытался присоединить в 1397 г. к своему княжеству принадлежавшую Новгороду Двинскую землю. В уставной грамоте он определил систему управления ею московским наместником. Однако Новгород отбил это нападение и вернул под свое владение Двинскую землю.

Вероятно, соединение прозвищ «велики, храбрыи, Невьскыи» должно было показать в обстоятельствах конца XIV – первой четверти XV в. особое значение князя Александра Ярославича для Новгорода в его прошлом и настоящем. Выбор Невской битвы 15 июля 1240 г., а не сражения на льду Чудского озера 5 апреля 1242 г. объясняется тем, что Чудское озеро находилось на землях, принадлежавших тогда Псковской республике. Так что в конце XIV – первой четверти XV в. Александр, ранее, вероятно, местночтимый святой, о деяниях которого повествовало его Житие, стал символом борьбы Новгорода за свою территориальную целостность.

Между тем московский натиск на Новгород продолжался. После победы московского войска над новгородским ополчением в 1456 г. и заключения Яжелбицкого мира великий московский князь Василий Васильевич Темный (1425–1462) начал интеграцию Новгородской республики в состав своего княжества. В частности, были отменены новгородские вечевые законодательные постановления («вечевые грамоты»), новгородская печать была заменена печатью великого князя московского. Победа войска Ивана III Васильевича (1462–1505) над новгородским ополчением в Шелонской битве 14 июля 1471 г. имела следствием полное включение новгородских земель в состав Великого княжества Московского.

Символическое значение Александра Невского как князя-воина, святого покровителя северо-западных русских земель значительно возросло в связи с активной политикой Ивана III за выход к Балтийскому морю, строительством в 1492 г. на реке Нарва ивангородской крепости – тогда святой Александр Невский как символ приобрел общерусское значение. Поэтому его канонизация в 1547 г. на московском соборе при митрополите Макарии стала лишь завершением процесса становления общерусского культа святого Александра Невского, символа защитника русских земель от врагов.

В таком свойстве Александр Невский был мифологизирован в русском народном сознании и литературном творчестве. Примером этого

[16] *Сиренов А. В.* О прозвищах древнерусских князей // Петербургский исторический журнал. 2017. № 2. С. 186–187.

является северное русское предание, записанное в Устюжской летописи первой четверти XVI в., имеющей общерусское содержание. В ней прослеживаются связи текста о восстании 1262 г. с предшествующим летописанием, сообщающим о его общенародном содержании: «Бысть вечье на бесермены по всем градом руским… ». Их насилия объяснены расселением ордынцев по городам и постоянным пребыванием в них сборщиков дани – *ясащников*. Далее повествуется о причине строительства в Устюге на Сокольей горе «церкви Рожество Иванна (так!) Предтечи»: «А на Устюзе городе тогда был ясащик Буга богатырь и взял у некоего крестьянина (христианина. – *М. С.*) дщерь девицу насилием за ясак на постелю. И приде на Устюг грамота от великаго князя Александра Ярославича, что татар бити, и девка сказала Буге. И он, пришед на вечье, и даби челом устюжаном на их воле, и крестися, а з девицею венчася, и наречено бысть имя ему Иванн». Далее излагаются бытовые подробности, соединенные с пророческим сном: «Се ж бысть чюдо дивно. Сеи Буга-Иван сед на конь, поеде с соколом на утицы, и бысть во утри день красен. И одержим бысть сном, и взыде на гору, и слез с коня, и привяза за древо, а сокол посади на луку у седла, а сам ляже на землю и усну. И явися ему во сне Иванн Предоотечя, глаголя: “На сем месте постави церковь мою во имя мое”», что Буга-Иван совершил[17]. В устюжском и архангелогородском летописании повествование о Буге-Иване приведено как в связи с восстанием 1262 г.[18], так и без его упоминания[19], что свидетельствует о его первоначальном самостоятельном существовании в качестве фольклорного произведения. На такое его свойство указывает также лексика данного текста. В Вологодской летописи повествования о Буге-Иване нет, а под 1262 г. ошибочно написано, что тогда Александр Ярославич умер[20].

Я. С. Лурье, который обстоятельно исследовал историю летописания XIV–XV вв., отметил в начальной части Устюжской летописи следы литературного творчества XIV–XV вв., предположил восхождение ее протографа, Севернорусского свода 1470-х гг., к общему протографу с ростовским сводом начала XV в. и включение в ее текст местных устюжских известий, в том числе рассказа о татарском «ясащике» Буге-богатыре[21].

Литературная природа данного повествования, основанного на фольклорной традиции, очевидна. Это – распространенное и в наши дни народное объяснение происхождения местной достопримечательности или топонима, подобное «народной этимологии». Но его автор был знаком также с летописями, продолжавшими древнюю традицию народ-

[17] ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 3–6, 70.
[18] Там же. С. 30, 70, 129.
[19] Там же. С. 104, 110.
[20] Там же. С. 165.
[21] *Лурье Я. С.* Общерусские летописные своды XIV–XV вв. Л., 1976. С. 190–201; *Он же.* Летопись Устюжская // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 67.

ного и новую версию княжеского происхождения восстания 1262 г. В данном случае в мифологизированном народном сознании происхождение устюжской церкви Иоанна Предтечи на Сокольей горе соединено с символическим образом Александра Ярославича как народного героя, освободителя от ордынцев, победителя врагов России.

Таким образом, исторические источники и контекст русской истории XIII–XVI вв. позволяют проследить эволюцию конкретных сведений о деяниях князя Александра Ярославича как защитника русских земель от иноземных вторжений в их символизированное и сакрализированное военно-политическое осмысление. Оно стало органической составной частью народных мифологизированных представлений об историческом прошлом России. Символическое значение святого Александра Невского как защитника древних русских владений на северо-западе Восточной Европы, победителя шведского войска, которое в эти владения вторглось, имело большое значение для Петра Великого, которому пришлось отвоевывать эти земли у Шведского королевства, захватившего их в начале XVII в. Поэтому после основания Санкт-Петербурга там был построен Александро-Невский монастырь, в который торжественно перенесены мощи Александра Невского из Владимира. Святой стал небесным покровителем столицы Российской империи и ее северо-западного региона.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001.

Гимон Т. В. Новгородское летописание XI – середины XIV в. как социокультурное явление. АДД. М., 2014.

Клосс Б. М. Летопись Никоновская // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 49–50.

Конявская Е. Л. О Житии Александра Невского // Исторический вестник. 2021. № 35 (182). С. 60–75.

Лурье Я. С. Общерусские летописные своды XIV–XV вв. Л., 1976.

Лурье Я. С. Летопись Устюжская // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 67–68.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Житие Александра Невского / Подгот. текста, пер. и коммент. В. И. Охотниковой // БЛДР. СПб., 1997. Т. 5. С. 358–369, 515–518.

ПСРЛ. М., 1997. Т. 1.

ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10.

ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25.

ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37.

Сиренов А. В. О прозвищах древнерусских князей // Петербургский исторический журнал. 2017. № 2. С. 184–193.

Словарь русского языка XI–XVII веков. М., 1977. Вып. 4.

Michail B. Sverdlov
Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences; Russian State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia

ALEXANDER NEVSKY IN CHRONICLES OF THE 13TH TO THE FIRST HALF OF THE 16TH CENTURY: FROM REALITY TO SYMBOLS AND MYTHS

Historical sources and the context of the Russian history in the 13th to the first half of the 16th centuries make it possible to study the evolution of real information about Alexander Nevsky's acts as a defender of the Russian land from foreign invasions in their symbolized and sacred military and political comprehension. It became an organic part of people's mythic ideas about the Russian history.

Keywords: *Alexander Nevsky, historical reality, Russian chronicles, a symbol, a myth, sacred*

В. В. Долгов
Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО КАК ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ И АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ

В статье рассматривается развитие исторических оценок деятельности Александра Невского. Автор выделяет несколько периодов этого процесса. Первый период – древнерусский. В ходе этого периода была заложена основа представлений об историческом значении деятельности Александра Невского. Второй период – XVIII–XIX вв. Это время становления и развития отечественной исторической науки в настоящем смысле слова. Для этого периода характерна ориентация на летописные конструкции в изложении фактов биографии князя и в оценке его деятельности. В XX в. существенное влияние на оценку исторического значения деятельности князя оказали вненаучные социокультурные и политические факторы (фильм С. Эйзенштейна, Великая Отечественная война, «перестройка» и проч.). Сначала это привело к усилению положительной оценки деятельности князя, а затем к резкой его переоценке в негативном ключе. Современные исследования деятельности Александра Невского решают проблему формирования научных оценок, свободных от влияния политической конъюнктуры.
Ключевые слова: историческое значение, Александр Невский, Древняя Русь

Дискуссии вокруг личности и деятельности князя Александра Невского ведутся по разным поводам. Однако интенсивность и общественный резонанс этих дискуссий совсем неодинаков. Например, спорные вопросы генеалогии или место расположения шведского лагеря на Неве обсуждаются во вполне академической манере, достаточно спокойно. Ситуация меняется, когда речь заходит об исторической оценке деятельности князя.

Разобраться с этапами и факторами формирования исторических оценок деятельности Александра Невского – цель этой статьи.

Однако прежде чем перейти к историографической конкретике, необходимо предпринять небольшой теоретический экскурс и определиться с базовым понятием.

I. Что такое историческая оценка?

С позиций исторического материализма, определение и вынесение исторической оценки не было сложным делом. Событие, в котором можно было разглядеть ростки новой реальности, формирующейся в «недрах»

старой общественно-исторической формации, следовало оценивать как важные, судьбоносные. В случае же, если событие никак не демонстрировало связи с исторической динамикой, оно рассматривалось как стоящее «на обочине» исторического процесса и потому не такое важное.

Исторический материализм ушел в прошлое. Вместе с ним ушла и связанная с ним система координат. Отечественные историки стали сторониться абстрактно-теоретической постановки вопроса об оценке событий. Такой подход выглядел несовременным.

Меж тем в западной исторической науке тема исторического значения получила весьма широкую разработку. Интересно, что подъем интереса западных ученых к методам оценки событий пришелся на начало 1990-х гг. То есть как раз на то время, когда в новой России эта тема стала третироваться как проявление методологической отсталости.

Роберт Филипс, весьма авторитетный исследователь из Университета Уэллса, в своей статье с говорящим названием «Historical significance – the forgotten 'Key Element'?» вопрошает: «If history teaching is not about demonstrating the importance and significance of our subject, then what is it about?»[1].

Испанские исследователи А. Эгеа-Виванкос и Л. Ариас-Феррер (Университет Мурсии) так обозначают суть понятия «историческое значение»: «These are understood as structural elements, second-order concepts or organizing concepts, and are specified in competencies to respond to and give meaning to historical questions and to understand the past as it is understood in history research»[2]. То есть «historical significance» – это то, что придает истории смысл.

Профессор Университета Британской Колумбии Питер Сейшас организовал проект под названием «The Historical Thinking». Историческое значение – один из краеугольных камней, на которых, с точки зрения участников проекта, базируется правильное историческое мышление: «The historical thinking framework promoted by The Historical Thinking Project revolves around six historical thinking concepts: historical significance, cause and consequence, historical perspective-taking, continuity and change, the use of primary source evidence, and the ethical dimension of history»[3]. Понима-

---

[1] «Если преподавание истории не направлено на демонстрацию важности и значимости нашего предмета, тогда зачем оно нужно?» (*Philips R.* Historical Significance – the Forgotten 'Key Element'? // Teaching History. 2002. No. 106. P. 14).

[2] «Они понимаются как структурные элементы, концепции второго порядка или организующие концепции, которые дают достаточную компетенцию для того, чтобы отвечать на исторические вопросы и придавать им смысл, а также понимать прошлое, как оно понимается в исторических исследованиях» (*Egea-Vivancos A., Arias-Ferrer L.* What is Historically Significant? Historical Thinking through the Narratives of College Students // Educação e Pesquisa, 44. October 26, 2017. P. 2).

[3] «Рамки исторического мышления, продвигаемые The Historical Thinking Project, вращаются вокруг шести концепций исторического мышления: историческое

ние «исторического значения», предложенное П. Сейшесом, весьма элементарно: «Significant events include those that resulted in great change over long periods of time for large numbers of people»[4].

Как видим, западные ученые на интересующую нас тему высказываются весьма определенно. В общем и целом, направление поиска сводится к стремлению найти такие формы понимания и, соответственно, преподавания истории, которые давали бы понимание взаимосвязи событий.

В современной отечественной научной исторической литературе теоретическая основа исторической оценки разработана плохо. Большей частью исследователи-историки исходят из весьма смутного стихийно сложившегося понимания исторического значения. В рамках настоящей работы за основу взят подход Питера Сейшеса, согласно которому историческая оценка подразумевает оценку воздействия событий на последующую жизнь большого количества людей.

Изначально фундаментом для оценочной деятельности историков служили характеристики событий, сложившиеся в древнерусской литературе. Причем нужно иметь в виду, что разные этапы развития древнерусской литературной традиции фиксировали разные оценки. Набор их был относительно невелик.

II. Оценки, сложившиеся в древнерусской книжности

1. Оценка Новгородской первой летописи. Наиболее простым и до известной степени непосредственным повествованием о Невской битве является сообщение Новгородской первой летописи старшего извода, составленное современником «по горячим следам». Узнав о грозящей угрозе, молодой князь Александр немедля с отрядом новгородцев и ладожан «приде на ня, и победи я силою святыя Софья и молитвами владычица нашея богородица и приснодевица Мария, месяца июля въ 15»[5]. Автор летописи оценивает битву как значительное, но не грандиозное событие. В тексте отсутствуют сложные риторические конструкции, широкие исторические и (или) библейские параллели – все то, что обычно в па-

значение, причина и следствие, историческая перспектива, непрерывность и изменение, использование свидетельств из первоисточников и этическое измерение истории» (About The Historical Thinking Project. URL: https://historicalthinking.ca/about-historical-thinking-project (date of access: 20.05.2021)).

[4] «К значимым событиям относятся те, которые привели к значительным изменениям за длительные периоды времени для большого количества людей» (Historical Significance. URL: https://historicalthinking.ca/historical-significance (date of access: 20.05.2021); см. Также: Seixas P. Students' Understanding of Historical Significance // Theory & Research in Social Education. 1994. Vol. 22. Issue 3. P. 281–304).

[5] ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 77.

радигме летописного стиля использовал книжник для того, чтобы придать описанию события «всемирно-исторический масштаб», как это сделано, например, в описании монголо-татарского нашествия.

При этом в тексте можно увидеть положительную оценку достигнутой победы и удовлетворение молодецкой удалью юного князя.

Цель захватчиков, согласно летописной версии: оккупация Ладоги и всей области новгородской.

Кроме того, в описании битвы ясно читается стремление красиво подать результат, представив его как «чистую победу», в ходе которой урон, понесенный противником, многократно превосходит потери новгородской стороны: шведы загрузили мертвыми телами «вятшихъ» мужей два корабля, а остальных «бещисла» зарыли в выкопанную яму. Новгородцев же вместе с ладожанами пострадало двадцать человек. Пожалуй, таким образом битву мог описывать ее участник, воин, воспринимавший событие относительно непосредственно, вне книжного контекста. Это не означает, конечно, что сам пономарь Тимофей или поп Иоанн, предполагаемые авторы летописного текста, непременно принимали участие в битве. Однако проработка текста информаторов-участников могла быть различна и по своему вектору, и даже просто по степени трансформации. Описание Невской битвы практически не несет следов экзегетической обработки.

2. Оценка Жития Александра Невского. Если летописное повествование, скорее всего, было непосредственной реакцией на событие, то Житие написано младшим современником князя много после произошедшего события. Версия Жития – результат весьма масштабной аналитической работы.

Если в Новгородской первой летописи цель похода шведов обозначена как захват Ладоги и Новгородской земли, то в Житии цель захватчиков определена несколько иначе. В плане территориальных захватов отличия нет: это по-прежнему Ладога и, шире, вся Новгородская земля. Однако эта цель показывается в произведении не просто как утилитарное желание обрести контроль над территорией, а как вызов самому князю, продиктованный тем, что Александр – правитель выдающихся качеств: силой как Самсон, мудростью как Соломон и проч. То есть в данном случае мы имеем дело с отождествлением князя и его земли. Вызов правителю проявляется в намерении овладеть его землей. Речь не идет о всей Руси, поскольку Александр не был тогда старшим русским князем. Но следует обратить внимание, что в обоих случаях планы захватчиков носят отчетливо территориальный характер. Это подчеркивается и в житийном пассаже, изображающем молитву князя перед битвой: «Боже превѣчный, основавый небо и землю и положивы предѣлы языком, повелѣ жити не прѣступающе в чюжую часть»[6].

[6] Житие Александра Невского / Подгот. текста, пер. и коммент. В. И. Охотниковой // БЛДР. СПб., 1997. Т. 5. С. 358.

3. Оценка Софийской первой летописи. Следущим (не только по порядку рассмотрения, но и по очередности возникновения) является вариант, который можно условно назвать вариантом Софийской первой летописи. Однако представлен он не только в ней, но еще и в редакции Жития, один из списков которой по рукописи XVI в. впервые был опубликован В. Мансиккой[7]. Эту редакцию принято называть Особой. Аналогичный вариант содержится и в другой версии Жития, называемой Редакцией Василия-Варлаама[8].

Общим элементом для всех указанных текстов является утверждение, что князю Александру пришлось противостоять шведам не просто в намерении захватить Ладогу и Новгород, не просто отстаивать свою княжескую честь от посягательств, но и защищать себя самого и «люди Словенския» от перспективы быть обращенными в рабство. Согласно Софийской первой летописи, шведы и их король «помысли въ себе победити его, или руками яти, а Великий Новгород пленити и вся грады ихъ и люди Словенския къ себе въ работу створити»[9].

Собственно, оценка значения Невской битвы прямо зависела от оценки намерений шведского отряда. Базовыми являются претензии территориального характера, на которые со временем наслоилось их стремление причинить урон чести и достоинству самого князя, а также планы по порабощению славянского населения.

Оценка самого князя при всех фазах развития текстовой традиции оставалась вполне стабильной. Князь изображался как исполненный всяческих достоинств правитель. При этом не следует переоценивать степень почитания, которое воздавалось Александру Невскому в допетровский период. Церковное поклонение было весьма обстоятельным. Однако нужно принять во внимание, что в Древней Руси (до XVI в.) Александро-Невских храмов построено не было, а мощи его, обретенные при Дмитрии Донском, так и остались покоиться в утратившем столичный статус Владимире. Они не были перенесены для особого поклонения в Москву. Хотя этого можно было бы ожидать, учитывая, что Александр был прародителем московской правящей династии[10].

Содержание прочих редакций Жития так или иначе сводится к перечисленным вариантам.

Таково было древнерусское наследие.

---

[7] *Мансикка В.* Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913. (Памятники древней письменности и искусства. № 180). Ч. 2. С. 11–14.

[8] *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М., 1915. Ч. 2. С. 124–137.

[9] ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 177.

[10] Ср. историю борьбы за мощи святых Бориса и Глеба.

III. Оценки в исторической науке Нового времени

Рассмотрим теперь, что с оценкой деятельности князя Александра Невского произошло в Новое и Новейшее время.

Классики русской исторической науки в общем и целом придерживались версии событий, сложившейся в древнерусской традиции. Уже В. Н. Татищев, рассказывая об Александре, следовал агиографическим и летописным оценкам. И даже содержащееся в его труде известие о жалобе Александра хану Сартаку на брата Андрея никак не влияло на общий панегирический тон повествования. Вслед за В. Н. Татищевым, высокую оценку деятельности князя давали и другие историки XVIII–XIX вв. Даже Н. И. Костомаров, в целом скептически и даже едко описывая деятельность признанных героев русской истории, сделал для Александра Невского исключение. Биография князя дана в его «Жизнеописаниях» в обычном для отечественной историографии (и необычном для Н. И. Костомарова) благожелательном тоне[11]. Александр Невский занимал достойное место в череде персонажей русской истории, не теряясь на общем фоне, но и не выступая из него слишком сильно.

Причина такого единодушия дореволюционных историков видится в том, что древнерусские источники при непредвзятом подходе оставляют не слишком много свободы для научного творчества. Все более или менее ясно и просто. Официальное утверждение церковно-государственного культа Александра, связанное с основанием новой столицы на Неве, мало повлияло на собственно исследовательский процесс.

IV. Оценки, выработанные советской историографией

В XX в. ситуация существенно изменилась. Причины этих изменений были связаны с внутренней логикой развития исследовательской мысли лишь опосредованно. Скорее сыграли роль факторы, связанные с функционированием науки как социального института.

Импульс к изменению ситуации был дан появлением гениального фильма С. Эйзенштейна «Александр Невский». Именно этот фильм возвел Александра Невского в ранг национального героя. Причем нужно иметь в виду, что выбор С. Эйзенштейна, судя по имеющимся воспоминаниям, был обусловлен отнюдь не научными обстоятельствами. Н. И. Клейман, советский и российский киновед и историк кино, рассказывал в интервью такую байку, которая, впрочем, похожа на правду: «Тема была выбрана неслучайно. Когда Эйзенштейн вышел из опалы, ему дали на выбор

[11] *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1993. С. 78–89.

два уже купленных сценария: “Минин и Пожарский” Виктора Шкловского и “Александр Невский” Петра Павленко. Оба заказа делались в рамках “оборонного кино”: всем было ясно, что надвигается война, и руководство страны приняло решение делать оборонные фильмы, показывающие славу русского оружия и поднимающие дух народа. Есть рассказ Михаила Ромма о том, как Эйзенштейн, встретив его, спросил, какой сценарий он бы выбрал. Ромм ответил, что, конечно, “Минина и Пожарского”: все-таки XVII век, известно, как люди выглядели и что там происходило. А что известно об эпохе Невского?! “Вот поэтому, – ответил Эйзенштейн, – мне и надо брать «Александра Невского». Как я сделаю, так оно и будет”»[12].

Гениальный фильм произвел впечатление. Эпоха Александра Невского привлекла к себе внимание советских историков. Его биография стала предметом целой серии специальных монографий. Оценки деятельности князя медленно, но верно поползли вверх. Большое влияние на оценку деятельности Александра Невского оказала Великая Отечественная война. В свете произошедших в XX в. событий борьба князя с немецкими рыцарями стала выглядеть не просто как борьба с обычным неприятелем, одним из многих. И Невская битва, и Ледовое побоище стали восприниматься как предтеча, как начальный этап борьбы СССР с гитлеровской Германией. Важно понимать, что дело в данном случае было не только в эмоциональном и идеологическом фоне, на котором формировался советский исторический нарратив. Войны XIII и XX вв. выглядели как события единой смысловой цепи, в которую деятельность Александра включалась вполне естественно (как элемент «русско-немецкого противостояния»). Понятно, что мы можем усомниться в интеллектуальной добросовестности такого синтеза. Однако внутренняя логика в нем определенно была.

V. Оценки в постсоветской историографии

Смена эпох и конец советской исторической науки отразились на оценках деятельности князя Александра самым непосредственным образом. И в этом процессе также социальные факторы сыграли более существенную роль, чем внутренние интенции исследовательской работы.

Впрочем, научная целесообразность в пересмотре старых данных может быть все-таки обнаружена при должном желании. Ровно в той мере, в какой вообще имеет смысл иногда пересматривать старые концепции.

[12] «Александр Невский». Как создавался один из главных патриотических русских фильмов, почему замыслам Эйзенштейна помешал Иосиф Сталин и какие кадры в фильме лишние. Киновед и бывший директор Музея кино Наум Клейман рассказал Arzamas о кинокартине «Александр Невский». URL: https://arzamas.academy/materials/348 (дата обращения: 20.05.2021).

Формирование «светского почитания» Александра Невского в советское время, конечно, несколько ограничило свободное исследование его биографии и деятельности. Критический разбор накопленных данных на новом уровне был вполне уместен. Нельзя сказать, что науке стали доступны какие-то новые источники или умозаключения, взывавшие к критическому пересмотру имеющихся концепций. Однако в качестве интеллектуальной профилактики научная калибровка нового методологического инструментария была бы полезна.

«Социальные факторы» оказали более существенное воздействие.

Во-первых, ученые перестроечной и постперестроечной поры осознали важность широкого общественного резонанса. Да и читатель жаждал скандальных ниспровержений и «открытия исторической правды». Таким образом, интересы ученых и читающей публики в существенной мере совпали. Наиболее востребованным форматом стала научно-популярная книга, в которой анонсировалось какое-нибудь «ниспровержение основ». В этом смысле Александр Невский подходил для «разоблачений» как нельзя лучше именно в силу его популярности, сложившейся еще в советское время. Такие книги, статьи и выступления не замедлили появиться. Были среди них качественные, взывающие к дискуссии и пробуждающие мысль. В числе качественных следует назвать курсы лекций И. Н. Данилевского[13]. Но больше было работ низкой познавательной ценности. Социальный эффект в виде общественного резонанса в равной степени обеспечивался как качественной работой, так и некачественной. Это очевидным образом способствовало увеличению числа работ низкой познавательной ценности.

Во-вторых, существенное воздействие на обсуждение личности Александра Невского оказывал и оказывает политический раскол в обществе. Он воспринимается самими исследователями как помеха, уводящая работу в сторону от правильного курса. Неоднократно предпринимались попытки отринуть эмоции и взяться за дело с холодной головой. Но, увы, попытки эти были не вполне успешны. Причины провалов коренились не столько в отсутствии у историков трезвого разумения и самообладания, сколько в самой дискурсивности, диктующей свои правила. Допустим, если исследователь стремился подвергнуть научной критике сложившуюся систему оценок деятельности князя, его тоже начинали подозревать в политической ангажированности и в стремлении развить под видом научного текста некую «клеветническую» идеологическую конструкцию. Напротив, если исследователь не акцентировал в своем труде, что Невская битва была мелким пограничным столкновением, то его научные критики и оппоненты автоматически записывали его в «патриоты»,

[13] *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (XI–XII вв.) Курс лекций. М., 1998.

«ретрограды», «апологеты» и дальнейшую дискуссию volens-nolens приходилось развивать в этом ключе. Иных вариантов дискуссии не возникало, и историку приходилось поддерживать то, что есть, ибо дискуссия в науке лучше, чем ее отсутствие.

Реакцией на вал «разоблачительных» изданий в новейшей историографии стало небольшое число концептуальных работ, в которых наметилась тенденция к отходу от увлеченности «жареными» фактами в пользу взвешенного научного подхода[14].

Таким образом, пережив взрыв интереса, вызванного фильмом С. Эйзенштейна и работой советских идеологов, оценка деятельности князя в XX–XXI вв. прошла последовательно несколько фаз. В настоящий момент конвенциональная оценка входит в состояние гомеостаза, примерно равного тому, который существовал в дореволюционной науке. Фильм С. Эйзенштейна перестал быть фактором массовой культуры. Это обстоятельство должно повлиять и на историческую оценку его деятельности. Пережив всплеск общественного внимания, образ князя Александра Невского вернется в обычный ряд героев отечественной истории. Его жизнь и деятельность вновь станут объектом спокойного научного исследования и школьного изучения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

«Александр Невский». Как создавался один из главных патриотических русских фильмов, почему замыслам Эйзенштейна помешал Иосиф Сталин и какие кадры в фильме лишние. Киновед и бывший директор Музея кино Наум Клейман рассказал Arzamas о кинокартине «Александр Невский». URL: https://arzamas.academy/materials/348 (дата обращения: 20.05.2021).

Горский А. А. Русь: От славянского расселения до Московского царства. М., 2004.

Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (XI–XII вв.) Курс лекций. М., 1998.

Житие Александра Невского / Подгот. текста, пер. и коммент. В. И. Охотниковой // БЛДР. СПб., 1997. Т. 5. С. 358–369, 515–518.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1993.

Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. Александр Невский: эпоха и память. Исторические очерки. СПб., 2018.

[14] *Горский А. А.* Русь: От славянского расселения до Московского царства. М., 2004; *Хрусталев Д. Г.* Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. СПб., 2009; *Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А.* Александр Невский: эпоха и память. Исторические очерки. СПб., 2018.

Мансикка В. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913. (Памятники древней письменности и искусства. № 180).

ПСРЛ. М., 2000. Т. 3.

ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5.

Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М., 1915.

Хрусталев Д. Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. СПб., 2009.

About The Historical Thinking Project. URL: https://historicalthinking.ca/about-historical-thinking-project (date of access: 20.05.2021).

Egea-Vivancos A., Arias-Ferrer L. What is Historically Significant? Historical Thinking through the Narratives of College Students // Educação e Pesquisa, 44. October 26, 2017. P. 1–16.

Historical Significance. URL: https://historicalthinking.ca/historical-significance (date of access: 20.05.2021).

Philips R. Historical Significance – the Forgotten 'Key Element'? // Teaching History. 2002. No. 106. P. 14–19.

Seixas P. Students' Understanding of Historical Significance // Theory & Research in Social Education. 1994. Vol. 22. Issue 3. P. 281–304.

Vadim V. Dolgov
Udmurt State University, Izhevsk, Russia

"HISTORICAL SIGNIFICANCE" OF THE ACTIVITIES OF ALEXANDER NEVSKY AS A NARRATIVE CONSTRUCTION AND ANALYTICAL METHOD

The article examines the development of historical assessments of the activities of Alexander Nevsky. The author identifies several periods of this process. The first period is the era of Old Rus. The basic ideas about the historical significance of the activities of Alexander Nevsky was laid at that time. The second period is the 18th – 19th centuries. That time was the time of formation and development of the Russian historical science. Scientists of that time worked within the framework of the construction of the chronicles of Old Rus. In the 20th century, various socio-cultural and political factors (the film by S. Eisenstein, the Great Patriotic War, Perestroika, etc.) had an impact on the assessment of the historical significance of the Prince's activities. At first, this led to an increase in the positive assessment of the activities of Prince Alexander Nevsky, and then to a sharp reappraisal of him in a negative way. Modern studies of the activities of Alexander Nevsky seek to resolve the problem of forming scientific assessments free from the influence of political conjuncture.
Keywords: historical significance, Alexander Nevsky, Old Rus

П. С. Стефанович
НИУ ВШЭ; ИРИ РАН, Москва, Россия

«ПОЛК» АЛЕКСАНДРА В НЕВСКОЙ БИТВЕ ПО ЖИТИЮ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Автор статьи анализирует список шести героев Невской битвы, помещенный в Житие Александра Невского. Он заключает, что список построен иерархически и отражает как состав русского войска в битве, так и социальные группы в княжеском окружении. Важное место в статье занимает полемика с «дружинной» концепцией А. А. Горского.
Ключевые слова: Александр Невский, Житие Александра Невского, военная история, социальная история, элита

Житие, или Повесть о житии, Александра Невского (далее – Житие) – важнейший источник сведений не только о личности князя и его деяниях, но и по политической и социально-политической истории Руси середины XIII в. Эти сведения сравнительно надежны, так как Житие было написано вскоре (через год-два) после смерти князя (1263 г.) его современником и близким ему человеком, вероятно, во Владимире или даже точнее – во владимирском Рождественском монастыре[1]. В то же время, разумеется, надо учитывать своеобразные литературные черты этого памятника и тенденциозность автора в прославлении своего героя, опиравшуюся на определенные идеологические посылы.

В данном случае анализируется описание людей, отметившихся героическими подвигами в Невской битве 15 июля 1240 г. Этот рассказ Жития о «шести храбрых» – довольно известный эпизод, который часто пересказывается в исторических трудах, посвященных Александру и его эпохе. Но некоторые детали рассказа и весь он в целом заслуживают комментариев, которые до сих пор в научной литературе не предлагались в виде отдельного исследования. Кроме того, эти комментарии, как представляется, помогут разрешить разногласия, которые существуют сегодня между историками, предлагающими разные модели социального строя Древней Руси и, прежде всего, по-разному интерпретирующими место и роль элиты древнерусского общества. На сегодняшний день в научной литературе фигурируют две основные интерпретации такого рода. Одна восходит к концепциям, предложенным еще в XIX в., и ее в настоящее время наиболее последовательно

[1] См.: *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – начало XX в. М., 1990. Вып. 1. С. 36–39.

отстаивает А. А. Горский[2]. Другая модель представлена в моих работах 2012 и 2013 гг.[3]

Ключевым в модели А. А. Горского является понятие дружины, широко употреблявшееся в древнерусских летописях для обозначения лиц, сопровождавших и окружавших князя. Он видит в этих лицах «организацию военно-служилой знати» или «корпорацию» «служилых людей» (так в работе 1989 г.[4]), «институт», «организацию служилых людей» или «организацию социальной элиты» (так в недавней работе[5]). При такой трактовке древнерусское слово *дружина* понимается как terminus technicus именно для обозначения княжеских служилых людей, а самим историком используется затем как соответствующее научное понятие.

Вообще, А. А. Горский исходит из строгой корреляции между терминологией и отражаемой ею реальностью. Такой подход ведет его к двум принципиальным тезисам. Во-первых, встречая в источниках конца XI – конца XII в. выражения «старшая дружина» и «младшая дружина», историк понимает их тоже как точные термины и считает, соответственно, «корпорацию»/«организацию» дружины двусоставной и иерархичной. В «старшую дружину» входили, по его мнению, бояре, в «младшую» – отроки и (позднее) детские. Во-вторых, фиксируя в источниках XIII в. более редкое употребление слова *дружина*, А. А. Горский заключает, что с начала XIII в. и сама «организация служилых людей князя» трансформируется в некую другую, обозначавшуюся словом *двор*[6].

На мой взгляд, представлять лиц, каким-то образом служивших князю или оказывавших ему некие услуги, *корпорацией* – это анахронизм для домонгольского периода. Тем самым просто переносятся реалии Московского государства XVI–XVII вв., где сложился особый класс служилых людей, обязанных службой государю и называвших себя его «холопами», на древнюю эпоху, когда жестких обязательных норм службы не существовало ни в теории, ни на практике (в среде свободных людей). Исходя из общеевропейских моделей, предложенных в медиевистике, я прибегаю не к древнерусскому слову *дружина* (семантически широкому и расплывчатому, а значит, малопригодному в качестве социологического термина), а к современному термину *элита*. Это дает возможность выстроить соци-

---

[2] См., прежде всего: *Горский А. А.* Древнерусская дружина. М., 1989; *Он же.* Русское средневековое общество. Историко-терминологический справочник. М., 2019. С. 21–29, 127–138.

[3] *Стефанович П. С.* Бояре, отроки, дружины: Военно-политическая элита Руси в X–XI вв. М., 2012; *Он же.* Элита Древнерусского государства (конец X – первая половина XIII в.) // Российская государственность: опыт 1150-летней истории. Материалы Международной научной конференции (Москва, 4–5 декабря 2012 г.). М., 2013. С. 39–49.

[4] *Горский А. А.* Древнерусская дружина. С. 82–83, 86.

[5] *Горский А. А.* Русское средневековое общество… С. 136–138.

[6] Ср.: Там же. С. 106.

альную иерархию Древней Руси, ориентируясь не на критерий службы, а на критерии, которые действительно определяли статус человека в эпоху раннего Средневековья, – доступ к власти (в смысле господства публичноправового характера), капитал, престиж. В этом случае две основные группы/категории элиты выделяются на протяжении всего Средневековья (и даже, mutatis mutandis, вплоть до падения сословного строя в России уже к началу XX в.): высшая знать и низшая (мелкая). К этим двум могли примыкать другие социальные группы – прежде всего, торгово-финансовые и церковные, и все вместе они составляли элиту. О какой-то *организации* этих довольно разнородных групп говорить затруднительно.

Для высшей знати как закрепилось одно обозначение *боярин/бояре* к началу XI в., так оно и сохранялось до эпохи Нового времени (что показывает стабильность и значимость этой социальной категории). Группы лиц, не имевшие поддержки в родовой аристократии, были неустойчивы, меняли функции и конфигурацию в зависимости от исторических условий и нужд центральной власти, которую они обслуживали и от которой зависели, и для их обозначения мы видим целый калейдоскоп названий от X–XI до XVI–XVII вв. Смена названий *дружина* и *двор* не была одномоментной, и долгое время – фактически с середины XII в. (когда фиксируется значение слова *двор* как окружение князя и появляется термин *дворянин*) до конца XV в. (когда слово *дружина* становится скорее литературным) – эти слова употреблялись параллельно, нередко синонимически. Семантическая спецификация второго названия была обусловлена трансформацией (происходившей долго и сложно как раз с XII до XIV–XV вв.) не элиты как таковой, а политического строя – от общего совладения Рюриковичей над Русской землей (с возможностью перемещения князей со стола на стол) к удельно-патримониальному порядку (где владетельные князья были привязаны к своему наследственному уделу). В условиях московского самодержавия закрепился уже настоящий terminus technicus – «государев двор», обозначавший собственно класс/корпорацию служилых людей.

Предлагаемый ниже анализ данных Жития покажет, в какую из концепций они лучше вписываются, и тем самым позволит верифицировать соответствующие модели – «дружинную» и «элитную». Прежде чем приступать к этому анализу, надо добавить еще некоторые пояснения, имея в виду, прежде всего, что речь идет о битве с участием князя, прибывшего в Новгород на договорных условиях. Во-первых, к середине XIII в. в Новгороде уже давно сложилась своя знать (боярство), и она составляла основную политическую и военную силу республики. Приглашенные князья приезжали в Новгород со своими людьми, и этих людей называли в Новгороде, по крайней мере, уже с середины XII в. «двором»[7]. Во-вто-

[7] *Назаров В. Д.* «Двор» и «дворяне» по данным Новгородского и Северо-Восточного летописания // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 104–123.

рых, данные Жития следует оценивать с учетом сообщения о Невской битве в Новгородской первой летописи (далее – НПЛ). Это сообщение в целом соответствует рассказу Жития, но кое в чем его дополняет или корректирует. В частности, в данном случае важны указания летописца, что на битву Александр пошел «с новгородци и с ладожаны» и что со стороны новгородцев и ладожан погибло 20 «мужей» (причем указаны 4 имени павших)[8].

Противостояние шведов и руси в целом подано автором Жития не в сухом фактологическом, а в приподнято-эмоциональном стиле с очевидной идейно-религиозной тенденцией. Он понимает это противостояние не как этническое или государственное, а как столкновение лично правителей, причем правота одного из них обосновывается с религиозной точки зрения. Шведы ни разу не названы шведами, а русь – русью. Зато выделяются фигуры предводителей: во главе первых – «король части Римьскыя от полунощныя страны», во главе вторых – «святой князь Александр, сын Ярославль, а внук Всеволож». В описании Невской битвы автор несколько раз называет противников руси «римлянами», подчеркивая их принадлежность Римской церкви. Целью похода «короля» на Неву выставляется желание «пленить» «землю Александрову», в которую зачисляется, очевидно, и Новгород[9].

Важный элемент рассказа – всяческое выделение и подчеркивание божественной помощи Александру. Начало борьбы ознаменовано молитвой князя в Софийском соборе и знаменитой речью («не в силах Бог, но в правде»). Затем вводится важный эпизод о помощи Бориса и Глеба. Заканчивается рассказ о битве утверждением о помощи ангела Господня «при побѣдѣ Александровѣ». Вмешательство потусторонних сил представляется автором Жития постоянным и естественным. Такие факты, как, например, тот, что на Неву никакой «король» не приходил, автор просто игнорирует и конструирует свой миф.

Несмотря на эту общую парадигму, в которой работал автор Жития, само военное столкновение описано реалистически, и больше всего достоверности нарративу придает именно рассказ о подвигах «великолепной шестерки». Если даже подбор героев и описание подвигов в той или иной мере были приукрашены или стилизованы, в социальной терми-

[8] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ). М.; Л., 1950. С. 77. Имена погибших никак не коррелируют со списком героев в Житии.

[9] *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 162. Здесь и далее текст приводится по списку Псковской летописи, который Ю. К. Бегунов считал основным для выделяемого им «I вида первой редакции» Жития (наиболее близкого к оригиналу) (см.: Там же. С. 16–19, 186). Однако важно учитывать также список Лаврентьевской летописи 1377 г. как древнейший (тоже принадлежащий к «первой редакции», по Ю. К. Бегунову, но другого вида). Как увидим ниже, это особенно важно именно для фрагмента с описанием шести героев.

нологии и вообще отражении именно социальных реалий не следует ожидать тенденциозности или «литературщины».

В общих определениях войско шведов характеризуется такими словами и выражениями: «силу велику», «корабля многы полков своих», «в силѣ тяжцѣ», «сила ратных», «середи полку ихъ» или «на полкъ». О войске Александра говорится так: «(князь) нача крѣпити дружину свою», «поиде в малѣ дружинѣ, не съждався съ многою силою своею» (это перед битвой), «ис полку его», «полци Олександрови», «полку Олександрову» (во время битвы).

Все эти определения имеют военный смысл, о войске говорится именно как о группе военных. В этом контексте «дружина» выступает синонимом «полка». «Дружина своя» или «в мале дружине» – эти выражения имеют в виду не каких-то особых приближенных князя, а просто тех, кто оказался в тот момент рядом с князем и был готов выйти в поход, – как новгородцев, так и тех, кто пришел с ним из Владимирской земли.

Рассмотрим теперь сам рассказ о «шести храбрых». Текст рассказа передаю в упрощенном виде с выделением смысловых фрагментов[10]:

«Здѣ же явишася 6 мужь храбрых с самѣм с ним ис полку его.

Единъ именем Гаврило Олексичь. Се наѣха на шнеку, видѣв королевича, мча подъ руку, и възъѣха по досцѣ и до самогу короблю, по неи же хожаху с королевичем, иже текоша передъ ним, а самого, емше, свергоша и с конем в воду з доскы, и Божьею милостью невреженъ бысть. И пакы наѣха, и бися с самѣм воеводою середи полку ихъ.

2 – именем Сбыславъ Якуновичь новгородець. Се наѣха многажды на полкъ ихъ и бьяшется единѣм топоромъ, не имѣя страха въ души своеи. И паде нѣколико от руку его, и подивишася силѣ и храбръству его.

3-и – Яковъ, родомъ полочанинъ, ловчии бѣ у князя. Се наѣха на полкъ с мечемъ, и похвали его князь.

4 – новгородець именемь Мѣша. Се пѣшь натече на корабли и погуби 3 корабли з дружиною своею.

5-и – от молодыхъ его именем Сава. Се въѣха в шатеръ великии королевъ золотоверхии и подъсѣче столпъ шатерныи. Полци Олександрови, видѣвше шатра паденье, възрадовашася.

[10] Текст передается по Лаврентьевской летописи: ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1. Вып. 2. Стб. 479–480. В псковской рукописи, основной для «I вида первой редакции» Жития, весь эпизод с шестью героями Невской битвы пропущен. Ю. К. Бегунов восполняет этот пропуск по некоей рукописи XVII в. того же «I вида первой редакции» (описание рукописи: *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 209). Однако поскольку этот эпизод есть в древнейшем списке в Лаврентьевской летописи, на мой взгляд, именно к ней было бы предпочтительно обращение в случае с этим отрывком Жития. Между Лаврентьевской рукописью и той, которую взял Ю. К. Бегунов, есть некоторые разночтения, и на них ниже обращается внимание.

6-и – от слугъ его именем Ратмѣръ. Се бися пѣшь, и оступиша и мнози. Он же от многых ранъ паде и тако скончася.

Си же вся слышах от господина своего великого князя Олександра и от инѣхъ, иже в то время обрѣтошася в тои сѣчи».

О Гавриле Алексиче, фигурирующем первым в списке, ничего не известно из источников XIII в. Однако позднейшие родословия некоторых московских боярских родов упоминают его как отца тверского боярина Акинфа Великого, который в конце XIII в. боролся против Москвы, но потомки которого закрепились на службе московских князей. В некоторых родословных легендах XVI в. Гаврила Алексич происхождением связывается с Новгородом, и С. Б. Веселовскому и В. Л. Янину эта связь казалась вероятной[11]. Но С. Б. Веселовский эту мысль высказывал чисто гипотетически ad marginem, а те (весьма натянутые) доводы, которые приводил В. Л. Янин, легко опровергаются[12]. Никаких надежных данных в пользу новгородского происхождения Гаврилы нет, и вероятной остается лишь его связь с Акинфом, фиксируемая в синодиках 1530-х гг.[13]

Помещение подвига Гаврилы Алексича на первое место и само описание подвига – особенно упоминание коня под ним и указание на то, что он бился непосредственно со шведским «воеводою», – говорят о том, что этот человек был высокого социального статуса и был хорошо известен автору Жития и его аудитории. Очевидно, Гаврило Алексич был боярином, который пришел с князем Александром в Новгород (из Переяславля или Владимира), с князем же оттуда ушел, а его потомки остались потом во Владимирском великом княжестве.

В отличие от Гаврилы в Житии специально отмечено происхождение второго героя – «новгородца» Сбыслава Якуновича. Это выдает взгляд автора, писавшего во Владимире и смотревшего на события в Новгородской земле извне. Геройство Сбыслава состояло, прежде всего, в том, что он бился «единѣм топоромъ». Видимо, автор, отмечая это обстоятельство как выдающееся, исходил из того, что Сбыслав *мог бы* использовать и другое (более изощренное) оружие. Выбирать оружие мог богатый человек. Вкупе с указанием отчества Сбыслава это говорит в пользу его высокого (боярского) статуса. В НПЛ дважды упоминается Сбыслав

---

[11] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 196; *Янин В. Л.* Церковь Бориса и Глеба в Новгородском детинце. (О новгородском источнике Жития Александра Невского) // Янин В. Л. Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 250–251.

[12] *Хрусталев Д. Г.* Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. СПб., 2009. Т. 1. С. 233–235. Правда, сам Д. Г. Хрусталев предполагает в Гавриле ладожанина (Там же. С. 237). Справедливо критикуя чужие догадки, автор зачем-то добавляет свои, еще меньше обоснованные.

[13] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 45–46.

Якункович (sic!) – под 6737 (1229) г. среди новгородской знати в окружении князя Михаила Черниговского и в списке посадников[14]. По хронологии смены посадников исполнение должности Сбыславом Якунковичем надо относить к периоду между 1243 и 1255 гг.[15] Ничто не противоречит отождествлению Сбыслава Якуновича, упомянутого в Житии, со Сбыславом Якунковичем, посадничавшим в Новгороде.

Третьим в списке указан снова человек, чуждый Новгороду и оказавшийся там с князем. Яков, ловчий Александра, отличился в бою, сражаясь мечом – оружием, которым обладали только знатные и богатые люди. Владимирец снова указывает происхождение героя – полочанин. Вероятно, появление боярина из Полоцка в окружении Александра надо связывать с браком князя – в 1239 г., то есть за год до Невской битвы, он женился на дочери полоцкого князя Брячислава[16]. Из других источников о Якове ничего не известно.

Четвертый герой Миша[17] – новгородец, как и Сбыслав. Он сражался «с дружиною своею», то есть во главе некоего отдельного отряда, причем они «погубили» три корабля шведов. Вне зависимости от того, что именно понимать под этой «дружиной» (к этому вопросу я еще вернусь), Мишу надо считать человеком выдающегося статуса – очевидно, новгородским боярином. В этом сходятся как будто все исследователи, анализировавшие житийный список героев. Разногласия возникли в другом: можно ли отождествить этого Мишу с кем-то из тех людей, кто упомянут в НПЛ в сообщениях о событиях середины XIII в. под именами *Миша* и *Михаил*.

В летописи имя *Миша* упоминается всего несколько раз: под 6736 (1228), 6740 (1232) и 6765 (1257) гг., причем последний раз сказано о его убийстве[18]. Согласно стратификации новгородского владычного летописания, предложенной А. А. Гиппиусом, все эти статьи приходятся на ту часть летописи, которая вышла из-под пера пономаря Тимофея, работавшего в период, когда кафедру занимали архиепископы Спиридон и Далмат (1226–1274 гг.)[19]. Маловероятно, что один летописец называл одним уменьшительным именем *Миша* разных людей. Ведь он упоминал еще несколько людей под именем *Михаил*, различая их по отчествам, про-

[14] НПЛ. С. 68, 164, 472.

[15] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003. С. 227 и по указателю имен.

[16] НПЛ. С. 77.

[17] Передача звука «и» ятем, как в Лаврентьевской летописи («Мѣша»), объяснима, поскольку тогда ять мог передавать звук, близкий «и» (вероятно, дифтонг). Ср. как передается имя Ратмир – «Ратмѣръ».

[18] НПЛ. С. 66, 71–72, 82.

[19] *Гиппиус А. А.* Новгородская владычная летопись и ее авторы XII–XIV вв. (История и структура текста в лингвистическом освещении) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2004–2005. М., 2006. С. 214–215.

звищам или другим уменьшительным именам («Михаль», «Михалко»). К тому же именно с именем *Миша*, ставшим патронимическим, в историю вошел боярский клан Мишиничей-Онцифоровичей, представители которого упоминаются и в летописи, и в берестяных грамотах, происходящих из раскопок в Неревском конце. Все это склоняет к тому, чтобы видеть в летописном и в житийном Мише одного человека – новгородского боярина, участвовавшего в политической жизни Новгорода в 1220–1250-х гг., основателя неревского боярского рода[20].

Против такого отождествления высказывались некоторые исследователи, предлагая разные комбинации в соотношении имени *Миша* и тех или иных персонажей летописи или других текстов. Некоторые из их доводов опирались на сведения родословных легенд XVI в. (возводивших к Мише, герою Невской битвы, не неревское боярство, а прусское), и эти доводы выглядят самыми слабыми, прежде всего в силу крайней сомнительности и ненадежности самих легенд[21]. Еще один аргумент сводится к тому, что Миша, упомянутый в статье 1228 г. как посол князя Ярослава Всеволодича (тогда княжившего в Новгороде), не может быть тождествен Мише, упомянутому в статье 1232 г. среди противников этого князя, а значит, надо различать двух Миш (причем каждого из них можно уже отождествлять с разными летописными Михаилами)[22]. Не углубляясь сейчас в анализ бурных событий, происходивших в Новгороде в эти годы, замечу только, что перемена лояльности по отношению к тем или иным приглашенным в Новгород князьям была нередким делом среди новгородского боярства и политическая позиция отдельных бояр определялась, прежде всего, внутренними «раскладами», а не ориентацией на князей, постоянно менявшихся в городе[23]. Так что этот аргумент имеет только относительное значение. На мой взгляд, все-таки наиболее естественной и предпочтительной является версия об одном Мише.

---

[20] См.: *Арциховский А. В.* К истории Новгорода // Исторические записки. М., 1938. Т. 2. С. 110; *Молчанов А. А.* Боярин Миша – предок новгородских феодалов Мишиничей // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков, 1988. С. 103–105.

[21] См. обзор мнений о Мише и критику разных построений: *Хрусталев Д. Г.* Северные крестоносцы… С. 234–237.

[22] *Мусин А. Е.* К истории некоторых боярских родов Великого Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2002. Вып. 16. С. 82–92. Ср. также: *Гиппиус А. А.* «До Александра и Исакия»: к вопросу о происхождении младшего извода Новгородской первой летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 1 (43). С. 21–23.

[23] Ср. выше о Сбыславе Якун(к)овиче: в 1229 г. он выступает в окружении князя Михаила Всеволодича черниговского, а в 1240 г. оказывается уже в войске под командованием Александра Ярославича.

О пятом герое в Лаврентьевской летописи сказано так: «от молодыхъ его именем Сава». Формально подходя к тексту, можно было бы думать, что «его» относится к Мише, четвертому герою, и тогда Савву надо было бы причислить к людям новгородского боярина. Но, оценивая контекст в целом, надо признать, что под «его» должен был иметься в виду главный герой и битвы, и всего повествования – князь Александр. Другое дело, что в некоторых списках Жития, в том числе тех, которые, по Ю. К. Бегунову, отразили редакцию, наиболее близкую оригиналу («I вида первая редакция»), в этой характеристике Саввы вообще опущено слово «его» и сказано так: «от молодыхъ людии именем Сава»[24]. Такая версия текста подразумевает, что Савва мог и не состоять непосредственно в окружении князя, а просто относился к некоей категории «молодых людей». Исходя из текстологической схемы Ю. К. Бегунова, следовало бы предпочесть вариант «от молодыхъ людии», но надо учитывать, что списки с этим вариантом датируются только XVII в. (как говорилось выше, в древнейшем псковском списке этой редакции весь рассказ о шести храбрецах опущен).

На мой взгляд, в пользу скорее варианта Лаврентьевской летописи свидетельствует не только древность списка, но опять-таки контекст перечисления героев. О всех героях автор Жития говорит из владимирской перспективы, выделяя двух местных «новгородцев», а остальных как бы по умолчанию относя к тем, кто пришел непосредственно с князем из Владимирской земли. В этой перспективе пятого и шестого героев, о происхождении которых эксплицитно не сказано, надо относить именно к княжеским («владимирским») людям. О шестом герое так и сказано: «от слугъ его именем Ратмѣръ», причем все списки «Первой редакции» дают эту характеристику именно с «его». Характеристика Саввы, сформулированная по тому же образцу, должна была иметь и то же определение: «от молодыхъ *его*».

Таким образом, среди собственно княжеских людей, сражавшихся на Неве, помимо бояр (Гаврилы Алексича и Якова), были еще «молодые» (Савва) и «слуги» (Ратмир). Статус последних был низким. Это следует не только из порядка перечисления героев, но и из описания подвигов Саввы и Ратмира. О Савве сказано, что он «въеха» в шатер шведских военачальников, то есть он сражался на коне, а это свидетельствует о его относительном достатке или близости к князю (если он получил коня от князя). Между тем Ратмир сражался пешим. И он – единственный среди перечисленных героев – погиб. Тех, кто располагал конем и разным оружием, а то и «дружиной своей» (как Миша), было труднее убить в сражении, чем тех, кто сражался в пехоте и мог легко быть отре-

[24] *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 167.

зан от своих (как Ратмир, которого «оступиша мнози»), – очевидно, эти люди были и беднее, и проще.

Выводы.

Если говорить о терминологии, надо отметить использование слова *дружина*, важнейшего в «дружинной модели» социального строя Древней Руси. С одной стороны, в Житии это слово обозначает вообще все войско, которое пошло в поход с Александром из Новгорода. Никакого социального смысла оно не имеет и фактически выступает синонимом слова *полк*. С другой стороны, в одном месте оно характеризует значительно более узкий круг лиц – тех, кто сражался под началом новгородского боярина Миши.

В книге 2012 г. я подробно обосновал тезис, что бояре в домонгольской Руси располагали своими собственными военными слугами (как и в позднейшее время, когда этих слуг называли послужильцами; в их роли выступали и боевые холопы). В XI–XII вв. обычно эти слуги назывались отроками, но есть несколько примеров, когда их отряды обозначаются словом «дружина». В ряд этих примеров я зачислил и соответствующее место Жития, считая, что «своя дружина» Миши – это его собственные люди. Недавно А. А. Горский, который настаивает, что дружиной могла называться только «организация служилых людей» во главе с князем, попытался дезавуировать все примеры, подобранные мной[25]. Меня эта попытка совсем не убеждает[26], но именно в случае с Мишей из Жития надо признать, что трактовка А. А. Горского имеет право на существование. Историк считает, что «слово “дружина” здесь обозначает не личных слуг Миши, а употребляется в том значении, в котором оно сохраняется в “ордынскую” эпоху – “военный отряд”, в данном случае подразделение войска, находившееся под командованием Миши»[27].

Действительно, слово *дружина* могло означать и войско в целом, и один отряд, причем даже внутри одного произведения или контекста (но совсем не только в «ордынскую эпоху», а на протяжении всего Средневековья). Много примеров такого рода из источников XI–XII вв. (часто с метонимией, очень характерной для употребления этого слова) приведены в моей книге, и они как раз подтверждают тезис о расплывчатости (нетерминологичности) слова. Можно было бы допустить, что и в Житии мы имеем дело с такой ситуацией: дружиной обозначено и все войско

[25] *Горский А. А.* Русское средневековое общество… С. 136–137.

[26] Заново разбирать все примеры здесь неуместно (да и вообще, по-моему, нет необходимости – стороннему наблюдателю и так все должно быть ясно).

[27] *Горский А. А.* Русское средневековое общество… С. 137.

Александра, и отряд Миши как «подразделение» войска. Однако такой интерпретации противоречат другие соображения.

С одной стороны, автор Жития перечислял героев, имея в виду их индивидуальные подвиги (один напал на воеводу, другой рубился топором и т. п.). В этом контексте достижения, указанные под «именем» Миши, должны оцениваться именно как его личные – а в таком контексте естественно упомянуть его «дружину» как людей, преданных и обязанных ему лично («вскормленных» им), но не как «подразделение», которым он лишь командовал. С другой стороны, само представление о Невской битве как регулярном сражении с централизованным командованием, в котором могут быть какие-то «подразделения войска», совершенно неадекватно для древнерусских реалий XIII в. и вообще эпохи Средневековья. Военные действия совершались тогда не по единому плану и по воле некоего главнокомандующего, а складывались из действий отдельных отрядов («полков»), сформированных по принципам личной преданности и землячества. В данном случае это очевидно: разнородность «полков Олександровых» подчеркнута и Житием, и летописью, которые в один голос сообщают, что Александр вышел в поход с новгородцами (и ладожанами, по летописи) как некоей отдельной единицей или общностью. У новгородского боярина, конечно, должны были быть свои военные слуги. Содержание таких слуг было обычным делом не только вообще для знатных людей на Руси, но особенно как раз для новгородских бояр той эпохи. Достаточно указать хотя бы на один пример: под 6763 (1255) г. НПЛ рассказывает о противостоянии посадника Онания с боярином Михалком Степаничем, упоминая, что у Михалка был «свои полкъ»[28]. Контекст не позволяет сомневаться, что этот «полк» составляли именно личные («свои») слуги боярина и он не был «подразделением» некоего общеновгородского войска или чего-то подобного[29]. Эти соображения склоняют все-таки к признанию, что «своя дружина» Миши – это были его собственные военные слуги.

В целом, даже вне зависимости от того, как трактовать упоминание «своей дружины» Миши, употребление слова *дружина* в Житии не соответствует представлению об «организации» или «институте» княжеских людей. Впрочем, А. А. Горский оговаривается, что данные Жития вообще иррелевантны этому представлению, поскольку «действие Жития происходит в более позднюю эпоху, когда дружину в качестве организации служилых людей князя сменил княжий “двор”»[30]. Можно было бы упрекнуть историка в том, что в своих работах он нигде и никак не объясняет, чем

[28] НПЛ. С. 81–82, 308–309.

[29] Некоторые исследователи, кстати, именно с этим Михалком отождествляют Мишу из Жития.

[30] *Горский А. А.* Русское средневековое общество… С. 137.

собственно по сути (а не по терминам) различались «организации» дружины и двора и почему смену этих «организаций» надо относить точно к началу XIII в. Но здесь можно даже не углубляться в эти общие вопросы, а ограничиться простыми наблюдениями над данными источника. Оставаясь в рамках анализа Жития и имея в виду оговорку А. А. Горского, обращу внимание на один факт: в Житии отсутствует слово *двор*. Хотя автор Жития сравнительно пространно рассказывает не только о военных и политических деяниях князя, но и о людях, которые его окружали и поддерживали, странным образом он ни разу не прибегает к этому – столь важному для «дружинно-дворовой» теории А. А. Горского – обозначению «организации служилых людей князя». О дружине говорится, хотя по теории не должно, а двора нет, хотя он должен быть… Очевидно, на материалах этого произведения теория дает сбой.

Возвращаясь к самим реалиям, описанным в Житии, в заключение надо подчеркнуть иерархичность и структурированность списка, которые отражают разграничительные линии в среде людей, собравшихся под рукой Александра на Неве. Четыре первых места в списке шести героев занимают бояре. Можно предположить, что внимание автора просто больше привлекали представители аристократии, но можно думать, что люди, выдающиеся в социальном плане, были более заметны и на поле боя – и вооружением, и выучкой, и поддерживавшими их слугами. Среди самих подвигов, описанных в Житии, в чисто военном плане более важны и впечатляющи именно деяния бояр (Савва и Ратмир и не нанесли противнику урона как такового; их действия носили скорее символический характер). В ту эпоху значение знати было решающим в военном отношении.

Характерно также, что из четырех указанных бояр двое, то есть половина, были новгородцами. Из Жития не видно, чтобы автор имел какие-то особые симпатии или антипатии по отношению к Новгороду. Скорее всего, упоминание двух новгородских бояр говорит просто об объективно большом значении новгородцев в «полках Олександровых». В науке существует мнение, что «победа над шведами была достигнута преимущественно силами дружины самого князя Александра»[31]. Это мнение (вообще основанное лишь на догадках) данные Жития не подтверждают: даже из владимирской перспективы автора нельзя было не упомянуть новгородских бояр. Скорее против мнения свидетельствуют и показания новгородского летописца, который говорит о 20 погибших новгородских «мужах». Если учитывать, что под «мужами» имелись в виду люди заметные и состоятельные (а о «черных людях» обычно и не упоминалось[32]), потери надо оценивать как существенные (в соответствии с масштабом

[31] *Кучкин В. А.* Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 25.

[32] Ср., например, сообщение о погибших в битве при Раковоре: НПЛ. С. 87.

битвы, разумеется) – а раз такие потери, значит, и участие новгородцев в битве было значительным.

Из двух упомянутых бояр Александра один был пришлый – из Полоцка. Это – свидетельство того, что аристократия вокруг князей складывалась из разных элементов: были «свои», «местные» (Гаврила Олексич), а были «пришлые» (такие, как Яков). Это было естественным следствием политического порядка, принятого на Руси, когда князья не сидели на одном «столе», а переходили из одной земли и волости в другую и заключали разного рода союзы с другими князьями, что влекло и перемещение служилых людей.

Группу «молодых», которую представлял Савва, надо понимать, на мой взгляд, в первую очередь именно как возрастную (по прямому смыслу слова). Ранее, критикуя мысль о «младшей дружине» как о некоей институционализированной части «организации служилых людей князя», я выдвинул тезис, что и под выражением «младшая дружина» (встречающимся, кстати, всего дважды в древнерусских источниках), и под «молодыми», «молодью», «молодцами» и т. п. обозначениями скрывались действительно молодые люди, только начинавшие свою карьеру при княжеском дворе и, вероятно, хуже экипированные и не располагавшие зависимыми людьми[33]. Социальное происхождение этих людей, вероятно, могло быть разным, не исключено, что кто-то представлял и аристократические рода (особенно размножившиеся или обедневшие). Не случайно, что все эти обозначения встречаются в военном контексте – по-видимому, в условиях мирного времени играло бóльшую роль именно происхождение людей, и тогда они «распределялись» по придворно-родовой иерархии, а в военной обстановке эти «молодые» проявляли себя как отдельная группа.

Более устойчивой в социальном плане была группа «слуг», представленная Ратмиром. В эпоху Александра Невского так стали называть незнатных служилых людей, для которых ранее (в XI–XII вв.) использовались разные обозначения: гриди, отроки, милостники, детские и проч. В XIII–XV вв. различали слуг «вольных» и «невольных», а устойчивой формулой для обозначения важнейших лиц на службе князя стало выражение «бояре и вольные слуги» (как в межкняжеских договорах Северо-Восточной Руси середины XIV – начала XVI в.) – и в этом выражении можно видеть характеристику высшей и низшей знати.

В целом, список героев Невской битвы адекватно отражает не только состав русского войска (прежде всего, его двусоставность – людей князя, пришедших с ним из «низовской» Руси, и новгородцев), но и состав

[33] *Стефанович П. С.* Бояре, отроки, дружины… С. 245–246. Ср. аналогию «молодым» и «слугам» Жития в выражении Галла Анонима «pueros et juvenes», которое разбирается в книге отдельно: Там же. С. 275.

окружения князя. Это окружение можно было назвать «дружиной» (словом из лексики Жития) или «двором» (как говорили в Новгороде о людях князя[34]), но, как выясняется, важнее (и для современников, и для историков сегодня) являются не эти общие обозначения, а указания на отдельные социальные группы и характеристика облика и действий конкретных людей, представлявших эти группы.

Последовательный анализ этого списка не подтверждает «дружинную» модель А. А. Горского, который критикует меня за некие (мнимые) упущения терминологического характера, оставляя в стороне саму суть исторической проблемы: какой была структура верхушки (элиты) древнерусского общества и каковы были механизмы отношений разнородных социальных групп в ее составе между собой и с князем. И в книге 2012 г., и в других публикациях я не отказываю исследователям в праве использовать любые термины, в том числе и *дружина*. Проблема, прежде всего, не в том, как называть социальную реальность, а в том, как понимать ее (и в локальном, конкретном историческом контексте, и в широком). Данные Жития показывают, что, даже если оставить терминологические вопросы (хотя и они решаются явно не в пользу концепции А. А. Горского), «дружинная» модель не работает в ее центральном звене: никакой «корпорации» или «организации» «служилых людей» в источнике не видно. Люди только под непосредственной властью Александра (не считая новгородцев) представляются в социальном отношении весьма разнородными по статусу и происхождению: боярин владимирского происхождения и боярин «пришлый» из Полоцка, молодежь, выделяющаяся в военном отношении, и низшая знать. Совокупность этих людей нельзя назвать корпорацией, а о какой-то организации можно говорить лишь в военных предприятиях, но и тогда войско-«дружина» оказывается крайне разнородным. В то же время эти люди близки друг другу по тем самым критериям, которые были выделены в начале, – приобщенность к власти, материальный достаток, престиж. Не случайно, что к ним было приковано внимание и автора Жития; прославляя их, он по-своему тоже структурировал социальную реальность, выделяя в ней нечто лучшее, избранное, выдающееся – элитное.

[34] В частности, к этому слову прибегает и летописец Тимофей, когда сообщает об уходе Александра из Новгорода зимой 1240–1241 гг. вскоре после Невской битвы: «выиде князь Олександръ из Новагорода… со всемь дворомь своимь» (НПЛ. С. 78).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Арциховский А. В. К истории Новгорода // Исторические записки. М., 1938. Т. 2. С. 108–131.

Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965.

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

Гиппиус А. А. Новгородская владычная летопись и ее авторы XII–XIV вв. (История и структура текста в лингвистическом освещении) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2004–2005. М., 2006. С. 114–251.

Гиппиус А. А. «До Александра и Исакия»: к вопросу о происхождении младшего извода Новгородской первой летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 1 (43). С. 18–30.

Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989.

Горский А. А. Русское средневековое общество. Историко-терминологический справочник. М., 2019.

Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – начало XX в. М., 1990. Вып. 1. С. 15–69.

Кучкин В. А. Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 18–33.

Молчанов А. А. Боярин Миша – предок новгородских феодалов Мишиничей // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков, 1988. С. 103–105.

Мусин А. Е. К истории некоторых боярских родов Великого Новгорода // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород, 2002. Вып. 16. С. 82–92.

Назаров В. Д. «Двор» и «дворяне» по данным Новгородского и Северо-Восточного летописания // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 104–123.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1. Вып. 2.

Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: Военно-политическая элита Руси в X–XI вв. М., 2012.

Стефанович П. С. Элита Древнерусского государства (конец X – первая половина XIII в.) // Российская государственность: опыт 1150-летней истории. Материалы Международной научной конференции (Москва, 4–5 декабря 2012 г.). М., 2013. С. 39–49.

Хрусталев Д. Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. СПб., 2009. Т. 1.

Янин В. Л. Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003.

Янин В. Л. Церковь Бориса и Глеба в Новгородском детинце (О новгородском источнике Жития Александра Невского) // Янин В. Л. Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 245–253.

Petr S. Stefanovich
National Research University Higher School of Economics;
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

"REGIMENT" OF ALEXANDER IN THE BATTLE OF THE NEVA ACCORDING TO THE LIFE OF ALEXANDER NEVSKY

The author of the article analyses the list of six heroes of the battle of the Neva presented in the Life of Alexander Nevsky. He concludes that the list is hierarchically structured and reflects both a composition of the Russian troops in the battle and social groups at the prince's court. A polemic with the "druzhina" theory by Anton A. Gosky is an important part of the article.
Keywords: Alexander Nevsky, Life of Alexander Nevsky, military history, social history, elite

Ch. J. Halperin
Bloomington, Indiana, USA

ALEXANDER NEVSKII AND THE SUZDALIAN LAND

The author refers to the concept of the "Suzdalian Land", for which Alexander Nevskii was called a "sun" by Metropolitan Kirill according to the "Life". Comparing the text of the "Life" with the chronicle data, he comes to the conclusion that this concept rarely went beyond the toponym and was not mythically saturated. In the middle of the 15th century the "Suzdalian" Land was replaced in the "Life" by the "Russian" one (in the *Sofia First Chronicle*), which later became useful when designing the "pantheon" of the predecessors of grand princes of Moscow.

Keywords: the Life of Alexander Nevskii, the Suzdalian Land, grand princes of Moscow

I wish to thank Donald Ostrowski for consultation.

According to Iu. K. Begunov's Reconstruction of the First Redaction of the "Life" of Alexander Nevskii, at Nevskii's funeral Metropolitan Kirill declared that "the sun has set in the Suzdalian Land". In addition, when Nevskii's brother Andrei aroused Batu's ire, Batu sent Nevrui to attack the Suzdalian Land[1]. In the text's Second Redaction, in the *Sofia First Chronicle*, this sentence reads that the sun had set in the Rus' Land[2]. This paper will examine what the "Suzdalian Land" meant in medieval and early modern texts.

Begunov assumed that he knew the meaning of "Suzdalian Land". Because the text was written in the Rozhdestvenskii Monastery in Vladimir in the 1280s, the Primary Redaction associates Alexander with the Suzdalian Land. The "Life" portrays Nevskii as a Vladimirian and Suzdalian prince[3]. Begunov contrasts Nevskii's more modest status to that of his father Grand Prince Iaroslav who was the "intercessor" (*zastupnik*) of the Rus' Land. He conceptualizes the "Suzdalian Land" as an expression of local identity. Except for D. Ostrowski, the other scholars cited below accept Begunov's dating

[1] *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели русской земли». М.; Л., 1965. P. 192 (Nevrui), 194 (Kirill). I follow the translation in *Ostrowski D.* The Galician-Volynian Chronicle, the Life of Alexander Nevskii and the Thirteenth-Century Military Tale // Palaeoslavica. 2007. Vol. 15. № 2. P. 323. on the ubiquity of the setting sun symbolism see Ibid. P. 323 and *Isoaho M.* The Image of Alexandr Nevskiy in Medieval Russia: Warrior and Saint. Leiden; Boston, 2006. P. 126–127. Cf. *Мансикка В.* Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913. (Памятники древней письменности и искусства. № 180). Ч. 2. P. 12, 13, 14.

[2] ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. P. 191.

[3] *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели русской земли». P. 57.

of the First Redaction, but even Ostrowski considers the Rus' Land in Kirill's eulogy a secondary reading.

F. B. Schenk asserts that upon Nevskii's death the title of "Grand Prince" lost some of its political weight because the prestige of the city of Vladimir declined, which explains the passage in Nevskii's "Life" restricting his fame to the Suzdalian Land. According to the *Laurentian Chronicle* in 1249 Nevskii received a Mongol charter for the throne of "Kiev and the entire Rus' Land" while his brother Andrei was assigned the Suzdalian Land[4]. Political disagreements soon undid this division of power. Nevskii displaced his brother in the Suzdalian Land. Nevskii enjoyed only local veneration after his demise. The "idea of a unified land of Rus' [*zemlia Rusi*] gave way to the narrower concept of the Suzdalian Land". The "Life" embodies nostalgic Suzdalian "appanage patriotism"[5].

M. Isoaho follows Begunov in concluding that if the sun set in the "land of Suzdal" (in her translation) upon Nevskii's death, then the "Life" was written in the city of Vladimir[6]. Isoaho suggests that the revision of the location of the setting sun in the *Sofia First Chronicle* was "logical" because in the *Novgorodian First Chronicle*, Younger Redaction, Nevskii is already a Russian prince, no longer a local prince. He serves not only Novgorod and Pskov but all his Russian subjects[7].

In his revisionist analysis of the literary history of the "Life" Ostrowski dates the original, secular military tale of Nevskii, authored by a layman, to the latter thirteenth century. A century later a cleric inserted sufficient hagiographic motifs to transform it into a chronicle tale. Neither the military tale nor the chronicle tale mentioned the Suzdalian Land or the Rus' Land. The earliest redaction of the "Life" arose in the middle of the fifteenth century, no earlier than after the composition of the *Novgorod First Chronicle*, Older Recension, one of its sources. The author of the First Redaction made further interpolations, including the two references to the Suzdalian Land.[8] Not very long after that the compiler of the *Sofia First Chronicle* changed "Suzdalian Land" to "Rus' Land"[9].

---

[4] ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Col. 472.

[5] *Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007. P. 65, an authorized translation by Elena Zemskovaia and Maiia Lavrinovich of *Schenk F. B.* Aleksandr Nevskij heiliger-fürst-nationalheld: Eine Erinnenungsfigur im russischen kulturellen Gedachtnis (1263–2000). Cologne, 2004. I infer that by "land of Rus'" Schenk means "Rus' Land".

[6] *Isoaho M.* The Image of Alexandr Nevskiy in Medieval Russia: Warrior and Saint. P. 122.

[7] Ibid. P. 231–236.

[8] *Ostrowski D.* Redating the Life of Alexander Nevskii // Rude & Barbarous Kingdom Revisited: Essays in Russian History in Honor of Robert O. Crummey. Bloomington, IN, 2008. P. 23–39.

[9] *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели русской земли». P. 59 n. 128 infers that a sentence in Mansikka's Second (see *Мансик-*

To understand the significance of the Suzdalian Land in the First Redaction of Nevskii's "Life" we need to examine references to it in chronicles and other sources during the twelfth to fifteenth centuries.

The *Laurentian Chronicle* may contain some passages from the "Life" but not the setting-sun metaphor. The obituary of Grand Prince Vsevolod "Big Nest" notes that he ruled the Suzdalian Land for 37 years. There was great joy in the Suzdalian Land in 1217 when Iurii Vsevolodovich was born there. In 1237 the Tatars did much evil to the Suzdalian Land and made war upon the Suzdalian Land. There was great joy in the city of Vladimir and the entire Suzdalian Land in 1252 upon Nevskii's safe return from the Tatars. In 1257 Tatar census-takers "counted" the "entire Suzdalian, Riazanian, and Muromian Lands". In 1300 because of the Tatars Metropolitan Maksim moved to the Suzdalian Land[10].

The *Hypatian Chronicle* also records the joy in the Suzdalian Land at the birth of Iurii Vsevolodovich and Batu's attack on the Suzdalian Land. It adds that two of Batu's generals besieging Kiev in 1240 had previously "taken" the Bolgarian Land (Grand Bolgar on the Volga River) and the Suzdalian Land[11].

The *Life of Metropolitan Petr*, who moved from Vladimir to Moscow, written in the fourteenth century, opines that "thus did God praise the Suzdalian Land, and the city called Moscow"[12].

If the Primary Redaction of the "Life" were composed in the 1280s it could have been utilized by the Older Recension of the *Novgorod First Chronicle*. It was not. This chronicle reads that Metropolitan Kirill said at Nevskii's funeral that Nevskii had labored for "Novgorod and the entire Rus' Land". Sub anno 1304 the chronicler noted the great "troubles" (*zamiatnia*) in the Suzdalian Land resulting from the feud between princes Mikhail'

ка В. Житие Александра Невского… Ч. 2. P. 14) and Third Redactions that there would never be another prince like Nevskii in the Suzdalian Land probably originated in the First Redaction but was deleted because it might be taken as a negative judgment of Nevskii's descendants, subsequent Muscovite princes. However Muscovite princes rapidly assimilated themselves to the myth of the Rus' Land, which would have obviated any comparison to Nevskii's status in the Suzdalian Land. *Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти… P. 65 and *Isoaho M.* The Image of Alexandr Nevskiy in Medieval Russia: Warrior and Saint. P. 119, 124, accept Begunov's conclusion; *Ostrowski D.* Dressing a Wolf in Sheep's Clothing: Toward Understanding the Composition of the Life of Alexander Nevskii // Russian History. 2013. № 40. P. 49 n. 29 contests it.

[10] Русские летописи. Рязань, 2001. Т. 12. P. 415, 418, 439, 441, 451, 461. Ibid. P. 449, in 1251 Maksim traveled from the Suzdalian Land to Novgorod; ergo Novgorod was not part of the Suzdalian Land.

[11] Русские летописи. Рязань, 2001. Т. 11. P. 444, 519, 522.

[12] *Кучкин В. А.* «Сказание о смерти митрополита Петра» // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. P. 59–79.

of Tver and Iurii Daniilovich (Kalita) of Moscow[13]. Thus the Older Recension of the *Novgorod First Chronicle* not only contains a different eulogy by Metropolitan Kirill, but associates Nevskii with the Rus' Land.

The Younger Recension of the *Novgorod First Chronicle* does contain passages from the "Life" such as on Nevrui and the Suzdalian Land and for 1304, but not the setting sun[14]. But Metropolitan Kirill lauds Nevskii's labors for "Novgorod and Pskov and the Rus' strength (*sila*) [or variant: Land]". In 1378 the Tatars invaded the Suzdalian Land to attack Prince Dmitrii Konstantinovich, who ruled in Nizhnii Novgorod in the Suzdalian Land[15].

Novgorod did not always associate northeastern Rus' princes with the Rus' Land. In treaties with Grand Princes of Vladimir from 1264 to 1471 Novgorodian scribes described the territory ruled by them as the "Suzdalian Land". Only the Muscovite version of the 1471 treaty reads "Rus' Land"[16]. Of course the city of Vladimir was in the Suzdalian Land, but its grand princes came from Tver' or Moscow.

The *Novgorod Fourth Chronicle* shared a common source with the *Sofia First Chronicle* but they do not coincide concerning Nevskii and/or the Suzdalian Land. Sub anno 1152 the *Novgorod Fourth Chronicle* noted that Iurii Vladimirovich founded many churches in the Suzdalian Land in the cities of Vladimir, Suzdal' and Iur'ev. References to the Suzdalian Land sub anno 1237 and 1240 derive from the *Laurentian Chronicle* but the *Novgorod Fourth Chronicle* makes the object of the Tatar invasion of 1237 both the Suzdalian Land and the Rostovian Land, as if they were separate[17].

The *Novgorod Fourth Chronicle* did not utilize the "Life" of Nevskii". Nevskii's death was noted only in passing[18]. The *Novgorod Fourth Chronicle* did not even repeat the laud to Nevskii's service for Novgorod and the Rus' Land found in both recensions of the *Novgorod First Chronicle*.

In 1377 the Tatars attacked the Suzdalian Land. Sub anno 1389, in the text of the so-called *vita* of Dmitrii Donskoi definitely found in the common source of the *Novgorod Fourth* and *Sofia First Chronicles*, it identified

[13] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (hereafter – NPL). М.; Л., 1950. P. 83–84, 92. Cf. the Archeographic Commission manuscript (Ibid. P. 469) (Donald Ostrowski called my attention to the chronological ignorance of this passage that Ivan Kalita received a charter to rule the Rus' Land on Nevskii' death, when 65 years separated the two events, 1263, 1328).

[14] NPL. P. 304, 332.

[15] Ibid. P. 306, 375. "Strength" here means "total armed forces". Cf. *Isoaho M.* The Image of Alexandr Nevskiy in Medieval Russia: Warrior and Saint. P. 181.

[16] *Halperin Ch. J.* Novgorod and the "Novgorodian Land" // Cahiers du monde russe. 1999. T. 40. № 3. P. 356–360.

[17] ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. Ч. 1. P. 153 (1152), 217 (1237), 226 (1240).

[18] Ibid. P. 234.

Dmitrii Donskoi's widow, Evfrosiniia, daughter of Grand Prince Dmitrii Konstantinovich of Nizhnii Novgorod, as coming from the Suzdalian Land[19].

The *Novgorod Fourth Chronicle* devotes considerable attention to the princely wars in 1216. Princes fought over the right to rule the "entire Suzdalian Land". The narrative mentions the strength and the regiments of the Suzdalian Land. It also includes a speech by an unnamed boyar of Prince Iurii Vsevolodovich to him and to his brother Prince Iaroslav Vsevolodovich extolling the military prowess of the Suzdalian Land. In the days of the princes' ancestors, grandfathers, and fathers, it never happened that "any army had entered the strong Suzdalian Land and left [having achieved its] goal. Even if the entire Rus' Land [including the] Galician, Kievan, Chernigovian, Riazanian, Smolenskian, and Novgorodian [Lands united], no one could succeed in opposing such strength". Princes Iurii and Iaroslav and their armies enthusiastically endorse the boyar's peroration[20].

The enumeration of "lands" that were part of the Rus' Land extends beyond the Dnieper River valley triangle of Kiev and Chernigov, minus Pereiaslavl'. Because the Suzdalian army was defeated, this seeming paean to the Suzdalian Land is actually a cautionary tale of the perils of arrogance. No other passage known to me contains such assertions of the military superiority of the Suzdalian Land to the Rus' Land, which presupposed that they were geographically discrete. This passage was compiled no earlier than the common source of the *Novgorod Fourth* and *Sofia First Chronicles*[21].

The *Sofia First Chronicle* modifies the 1152 reference to Iurii Volodimerovich by adding Pereiaslavl' to the list of cities in the Suzdalian Land in which he built churches. It contains some references to the Suzdalian Land sub anno 1216 found in the *Novgorod Fourth Chronicle* but not its extended narrative of Iurii's boyar's speech. The *Sofia First Chronicle* repeats the 1237, 1240, 1304 and 1389 references to the Suzdalian Land found in the *Novgorod Fourth Chronicle* but changes the "Suzdalian Land" to "Suzdal'" sub anno 1377. It regurgitates the entire First Redaction of the "Life" of Nevskii". In 1246 Iaroslav restores the Suzdalian Land after Batu's depredations. Nevrui's attack on the Suzdalian Land derives from the "Life". Iaroslav suffered greatly on behalf of the Rus' Land. However, on Nevskii's death the sun set in the Rus' Land. Nevskii "labored for the Rus' Land and Novgorod and Pskov", a passage borrowed from the *Novgorod First Chronicle,* Older Recension[22].

[19] Ibid. P. 306–307 (1377), 352 (1389).

[20] Ibid. P. 188–193 (1216).

[21] Later these annals appeared in the late fifteenth-century manuscript of the Suzdal'skaia letopis' (Русские летописи. Т. 12. P. 469–472) and slightly revised in the Nikon Chronicle (ПСРЛ. М., 1965. Т. 10. P. 72

[22] ПСРЛ. Т. 5. P. 160 (1152), 172 (1216), 173 (1237), 175 (1240), 186 (1246), 191 (1262 for the setting sun on Nevskii's death), 204 (1304), 236 (1377), 243 n. * (1389).

The inconsistency in the *Sofia First Chronicle* of "land" terminology stands out. Iaroslav suffered for the Rus' Land but he restored the Suzdalian Land. Nevskii acts mostly in the Suzdalian Land but on his death the son set in the Rus' Land.

Chronicles compiled after the *Sofia First Chronicle* repeat previous references to the Suzdalian Land but also create newer ones. However their original passages relate only to historical events no later than 1420. Comprehensive examination of their sometimes intriguing content must be left to another time.

References to the Suzdalian Land reveal several previously overlooked anomalies.

Begunov's thirteen manuscripts of the First Redaction, save one to which I will return, date to after the compilation of the *Sofia First Chronicle*, the Second Redaction. Yet sixteenth- and seventeenth-century stand-alone manuscripts of the "Life" still read that the sun set in the "Suzdalian Land", not the "Rus' Land". The only possible exception is the manuscript of *Laurentian Chronicle* from the late fourteenth century, but its folios on Nevskii's death were lost, so it is impossible to determine in which land the sun set upon his demise. Apparently no scholar has explained how or why the change in the conception of Nevskii's "homeland" (literally "home land") embodied in the *Sofia First Chronicle* did not intrude into the manuscript tradition of the autonomous "Life"[23]. No scribe altered the traditional text even after Nevskii's 1547 elevation to "national" saint, a saint in all territory subject to the Russian Orthodox Church[24]. To my knowledge the only chronicle-text of Nevskii "Life" that situates the setting sun in the Suzdalian Land is a late-fifteenth century manuscript of the *Pskov Second Chronicle*[25].

The "Suzdalian Land" never rose to the level of a major myth and only rarely exceeded a geographic meaning. Its geographic parameters, moreover, could fluctuate, and its capital was not Suzdal' but Vladimir, and in one case could de facto be Moscow. No one ever fought for the Suzdalian Land, labored for the Suzdalian Land, or suffered for the Suzdalian Land, let alone died for the Suzdalian Land. It might be more accurate to refer to the "Suzdalian land" than the "Suzdalian Land", because it was a phrase more than a concept, let alone a myth. The most effusive laud of the Suzdalian Land, sub anno 1216 in the *Novgorod Fourth Chronicle* is, ironically, actually critical of the "advocates" of the Suzdalian Land for their arrogance.

---

[23] The conservatism of the manuscripts of the "Life" on this passage makes it necessary to qualify *Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти… P. 94 that the Sofia First Chronicle revision of the "Life" influenced all future redactions and Ibid. P. 181 n. 38 that in the "Life" Kirill speaks of the Suzdalian Land but in redactions from the Muscovite period the Rus' Land.

[24] I borrow this formulation from *Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти… P. 58.

[25] Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. P. 14, 15.

Although the chronicles that contain all of or only excerpts from Nevskii's "Life" repeat some of its references to the Suzdalian Land and those very same chronicles include other references to the Suzdalian Land, in no chronicle does the sun ever set in the Suzdalian Land.

In passages that connect Nevskii (or his father) to the Rus' Land, the "Rus' Land" meant not "Russia" but the original Rus' triangle of Kiev, Chernigov and Pereiaslavl'. Therefore other sentences that connect Nevskii (or his father) to the Suzdalian Land, despite Schenk, do not diminish their status or reflect increasing provincialism or declining "national" patriotism. Suzdalian princes, despite Isoaho, were just as "Russian" as any Rus' princes.

By approximately the middle of the fifteenth century, when according to Ostrowski the First Redaction of Nevskii's "Life" was composed in which the sun set in the Suzdalian Land or, in the consensus opinion, when the Second Redaction revised that passage to refer to the Rus' Land, the Suzdalian Land had lost all contemporary relevance. Ostrowski dismisses the narrow window between the compilation of the two redactions of the "Life" by observing that it does not take much time take to change a single word in a text. It does not, but the question is how long it took to reconceptualize Nevskii's status by revising the identity of his realm. Regardless, beginning in the middle of the fifteenth century compilers of chronicles had no inhibition at inventing or manipulating historical references to the Suzdalian Land, so Ostrowski's chronological schema of the evolution of the "Life" is not impossible.

Why the compiler of the *Sofia First Chronicle* chose to replace the geographically accurate but politically irrelevant location of the setting sun in the Suzdalian Land with the ideologically potent but historically anachronistic Rus' Land requires further study, but the timing can hardly have been coincidental. By the time that the common source of the *Novgorod Fourth* and *Sofia First Chronicles* was compiled, Muscovite monopolization of the myth of the Rus' Land was complete[26]. The Rus' Land meant the Grand Principality of Moscow, which had already incorporated the Grand Principality of Vladimir. The Rus' Land was inscribed on Grand Prince Vasilii II's coins[27]. Affiliating Nevskii to the Rus' Land by changing one word in Metropolitan Kirill's eulogy in the Nevskii "Life" was all it took for Moscow to acquire Nevskii as a defender. However, why the compiler of the *Sofia First Chronicle* made that change remains a separate issue.

[26] *Halperin Ch. J.* The Russian land and the Russian tsar: the emergence of Muscovite ideology, 1380–1408 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1976. Bd 23. S. 7–103.

[27] *Alef G.* The Political Significance of the Inscriptions on Muscovite Coinage in the Reign of Vasilii II // Speculum. 1959. № 34. № 1. P. 6.

SOURCES AND LITERATURE

Alef G. The Political Significance of the Inscriptions on Muscovite Coinage in the Reign of Vasilii II // Speculum. 1959. № 34. № 1. P. 1–19.

Halperin Ch. J. The Russian land and the Russian tsar: the emergence of Muscovite ideology, 1380–1408 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1976. Bd 23. S. 7–103.

Halperin Ch. J. Novgorod and the "Novgorodian Land" // Cahiers du monde russe. 1999. T. 40. № 3. P. 345–364.

Isoaho M. The Image of Alexandr Nevskiy in Medieval Russia: Warrior and Saint. Leiden; Boston, 2006.

Ostrowski D. The Galician-Volynian Chronicle, the *Life of Alexander Nevskii* and the Thirteenth-Century Military Tale // Palaeoslavica. 2007. Vol. 15. № 2. P. 307–324.

Ostrowski D. Redating the *Life of Alexander Nevskii* // Rude & Barbarous Kingdom Revisited: Essays in Russian History in Honor of Robert O. Crummey. Bloomington, IN, 2008. P. 23–39.

Ostrowski D. Dressing a Wolf in Sheep's Clothing: Toward Understanding the Composition of the *Life of Alexander Nevskii* // Russian History. 2013. № 40. P. 41–67.

Schenk F. B. Aleksandr Nevskij heiliger-fürst-nationalheld: Eine Erinnenungsfigur im russischen kulturellen Gedachtnis (1263–2000). Cologne, 2004.

Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели русской земли». М.; Л., 1965.

Кучкин В. А. «Сказание о смерти митрополита Петра» // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 59–79.

Мансикка В. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913. (Памятники древней письменности и искусства. № 180).

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2.

ПСРЛ. М., 1962. Т. 1.

ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. Ч. 1.

ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5.

ПСРЛ. М., 1965. Т. 10.

Русские летописи. Рязань, 2001. Т. 11.

Русские летописи. Рязань, 2001. Т. 12.

Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007.

Чарльз Гальперин
Блумингтон, Индиана, США

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И СУЗДАЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ

Автор обращается к понятию «Суздальская земля», чьим «солнцем», согласно Житию, назвал Александра Невского митрополит Кирилл. Сопоставляя текст Жития с летописными известиями, он приходит к выводу, что это понятие редко выходило за рамки топонима и не являлось мифически насыщенным. В середине XV в. «Суздальская» земля была заменена в Житии на «Русскую» (в Софийской I летописи), что впоследствии пришлось кстати при оформлении «пантеона» предшественников московских великих князей.
Ключевые слова: Житие Александра Невского, Суздальская земля, московские великие князья

Д. А. Ляпин
Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, Елец, Россия

МОТИВ НАРУШЕНИЯ ГРАНИЦ В «ЖИТИИ БЛАГОВЕРНОГО И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА»

В центре внимания автора находится текст молитвы Александра Невского в храме Святой Софии перед знаменитой битвой 1240 г. из «Жития благоверного и великого князя Александра». Этот эпизод нашел отражение почти во всех редакциях произведения, включая и тот вариант, что сохранился в Лаврентьевской летописи 1377 г. В молитве князь обращается к Богу с напоминанием о том, что каждый народ должен жить в пределах своих территориальных границ. Этот «пограничный мотив» в сюжетной линии характерен и для других памятников древнерусской литературы. Особую актуальность он приобрел в эпоху формирования единого Русского государства.
Ключевые слова: Александр Невский, Невская битва, границы, жребий, Лаврентьевская летопись, «Задонщина», Повесть временных лет, Летописная повесть о Куликовской битве

«Житие благоверного и великого князя Александра» (далее – Житие) – выдающийся памятник литературы Древней Руси[1]. Данное произведение обладает большими художественными достоинствами и сочетает в себе элементы, характерные как для светской, так и для церковной средневековой литературы. В. А. Кучкин датировал первоначальный вид Жития 1263–1265 гг.[2] Сегодня считается установленным тот факт, что автором произведения был инок Рождественского монастыря во Владимире, близкий некогда к князю Александру[3]. Существует более десяти редакций Жития XV–XVII вв. Первоначальная редакции Жития фрагментарно сохранилась в Лаврентьевской летописи 1377 г. Это свидетельствует о популярности данного произведения, что неудивительно, ведь фигура его главного героя – князя Александра Невского – со временем приобре-

[1] *Галко В. И.* «Повесть о житии и о храбрости» кн. Александра Невского // Письменные памятники истории Древней Руси. Аннотированный каталог-справочник. СПб., 2003. С. 193–195; *Бегунов Ю. К.* К вопросу об изучении Жития Александра Невского // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 348–357; *Конявская Е. Л.* О Житии Александра Невского // Исторический вестник. 2021. Т. 35 (182). С. 60–75; *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – начало XX в. М., 1990. С. 36–39.

[2] *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.). С. 36–39.

[3] *Конявская Е. Л.* О Житии Александра Невского. С. 71.

тала все большее значение в контексте идеологии первоначально Московского княжества, а затем и России[4].

Конечно, как памятник средневековой литературы Житие содержит множество символов, иносказаний и важных для своего времени идей. В центре нашего внимания будет моление князя Александра в храме Святой Софии, которое он совершает, узнав о нападении на новгородские территории шведов в 1240 г. При этом агиограф особенно подчеркивает, что «король страны римской» не просто совершал набег, но планировал захват всей «земли Александра». Текст моления в версии Лаврентьевской летописи следующий: «Боже хвалныи и праведныи, Боже великыи и крѣпкыи, Боже превѣчныи, создавыи небо и землю и постави предѣлы языкомъ, ты повелѣ жити, не преступая въ чюжю часть»[5].

Как видим, в своем молении Александр ни о чем не просит Бога, а только упоминает о Его повелении всем народам «жити, не преступая въ чюжю часть», то есть жить, не нарушая чужих границ. По всей вероятности, автор рассматриваемого текста стремился донести до читателя идею о том, что нарушение русских границ, задуманное рыцарями, не может закончиться успешно уже потому, что противоречит Божественному закону о святости пределов проживания каждого из народов.

Итак, автор Жития целенаправленно указывал на то, что нарушение пределов Русской земли не может закончится безнаказанно: Бог обязательно накажет любого, посягнувшего на это.

Отмеченная нами «пограничная тема» Жития находит аналогии в канонической литературе, которая оказывала заметное влияние на поэтику древнерусских книжников. Тема святости границ вполне могла быть навеяна библейскими аллюзиями. К примеру, Книга Иисуса Навина подробно рассказывает об установлении священных границ расселения израильских родов «пред лицом Господним…» (Нав 19: 51; см. также: Нав 17: 1, 14; 18: 10, 11 и далее). Эта же тема прослеживается в 47-й и 48-й главах Книги пророка Иезекииля (Иез 47: 20; 48: 1–8, 21, 22–28).

Идеологический контекст моления Александра Невского имеет параллели в более ранних памятниках литературы Древней Руси. Подобный сюжет имеется в Повести временных лет (далее – ПВЛ): здесь рассказывается, как сразу после Потопа сыновья Ноя, Сим, Хам и Иафет разделили землю между собой, а потом поклялись «не преступати никому в жребии братень. И живяхо каждо въ своеи части»[6].

---

[4] Там же. С. 71–72; *Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007. С. 22–23.

[5] ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1. Стб. 5.

[6] Повесть временных лет / Подгот. текста, пер. и коммент. Д. С. Лихачева; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е. СПб., 1996. С. 7.

Данная апокрифическая история была значима для книжника XII в., поскольку он стремился показать читателю греховность и пагубность вражды между братьями Ярославичами. В рассказе об этом он еще раз специально подчеркнул, что «велик бо есть грех преступати заповедь отца своего». Затем для поучительного примера автор ПВЛ привел историю войны евреев и хананеян: «ибо исперва преступиша сынове Хамови на землю Сифову, по 400 лет отмьщение приняша от Бога; от племене бо Сифова суть и Евреи, иже избиша Хананейско племя, и восприяша свой жребий и свою землю… »[7].

Следует отметить, что мотив «жребия» присутствует и в «Слове о полку Игореве», хотя его смысл здесь отличен: «Връже Всеславъ жребій одѣ вицю себѣ любу» (по Л. А. Дмитриеву)[8] или «…на седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребій о девицю себѣ любу» (по А. А. Зимину)[9]. В переводе О. В. Творогова этот отрывок читается так: «На седьмом веке Трояна бросил Всеслав жребий о девице ему милой»[10]. Предполагаем, что эту фразу можно понять и в другом смысле. Всеслав вернул себе положенный ему, как старшему в роду, жребий (то есть долю, владение), тем более что далее в тексте говорится о захвате им «золотого престола киевского».

Итак, идея жребия как особой, священной территории, отведенной каждому народу, впервые встречается в ПВЛ. Само слово «жребий» не значило, конечно, случайности, а, напротив, указывало на божественное волеизъявление. Каждый народ, получавший свой жребий, должен жить в пределах однажды установленных границ. Тем не менее можно констатировать, что в литературе домонгольского периода «пограничная тема» большого развития не получила и обнаружила себя уже в произведениях XV в.

Автору «Задонщины» идея священных границ была нужна, чтобы показать победу на Куликовом поле в 1380 г. как Божественное возмездие татарам за вторжение в русские пределы в 1223 г. Он не сообщает об этом своему читателю прямо, но вместо этого отсылает его к известному рассказу ПВЛ о разделе земель Симом, Хамом и Иафетом. Неслучайно уже в самом начале автор именует русских потомками Иафета, а татар – потомками Сима, также и их земли представлены в завязке сюжета как «Симов жребий» и «жребий Афетов»[11]. Таким образом, потомки Сима в 1223 г.

---

[7] Там же. С. 78–79.

[8] Екатерининская копия «Слова о полку Игореве» по Л. А. Дмитриеву // Русский исторический сборник. М., 2004. Т. 1. С. 313.

[9] Реконструкция текста Слова о полку Игореве // Зимин А. А. Слово о полку Игореве. СПб., 2006. С. 488.

[10] Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святослава, внука Олега / Пер. О. В. Творогова // Повести Древней Руси. М., 2002. С. 312.

[11] Тексты «Задонщины» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 535, 547–548, 550–551.

нарушили клятву своего прародителя, вторгнувшись в пределы чужого жребия, а значит, победа на Куликовом поле в 1380 г. была неминуема, будучи по сути отмщением за совершенное когда-то татарами беззаконие.

Создатель «Задонщины», сообщая о движении Мамая к русским границам, уверен, что пришло время «возвеселить» Русскую землю, а в «Симов жребий» «возверзить печаль». По списку Ундольского читаем: «возвѣселим Рускую землю и возвѣрзем печаль на восточную страну в Симов жребий»[12]. В Ждановском списке находим такой вариант: возвеселимъ Рускую землю, возверзимъ печаль на восточную сторону в Симъ жребии»[13]. В списке Синодального собрания интересующая нас фраза звучит так: «иж(е) жребие воздати на силу поганого царя Момая»[14].

Итак, идея о «возвержении печали» в «Симов жребий» в качестве отмщения за нарушение границ является для «Задонщины» особенно важной[15].

В другом произведении Куликовского цикла – Летописной повести о Куликовской битве – Дмитрий Донской, узнав о намерении Мамая напасть на Русскую землю, восклицает: «Господи, не велѣлъ еси въ чюжии предѣль преступати, аз же, Господи, не преступих»[16]. После великий князь говорит о том, что Мамай вторгся в Русскую землю и потому заслуживает кары от Бога за нарушение русских пределов.

Таким образом, мотив нарушения границ, нашедший отражение в молитве Александра Невского, читающейся в его Житии, прослеживается в ПВЛ, «Задонщине» и Летописной повести о Куликовской битве. Два последних памятника относятся к эпохе XV в., когда «пограничная» тема была значима для складывающегося единого Русского государства. В сознании средневекового книжника не только конкретные, реальные, но и сакральные границы приобретали важное политическое значение. Может быть, отчасти и поэтому история о жизни Александра Невского была столь популярна в XV – начале XVI в., а сам князь со временем получил хорошо известный сегодня образ святого защитника русских границ.

---

[12] Там же. С. 535.

[13] Там же. С. 547–548.

[14] Там же. С. 550–551.

[15] См.: *Ляпин Д. А.* Потомки Иафета: сакральное пограничье и мотив отмщения в «Задонщине» // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2019. № 1 (11). С. 74–84.

[16] Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода // Памятники Куликовского цикла / Под ред. Б. А. Рыбакова, В. А. Кучкина. СПб., 1998. С. 35.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бегунов Ю. К. К вопросу об изучении Жития Александра Невского // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 348–357.

Галко В. И. «Повесть о житии и о храбрости» кн. Александра Невского // Письменные памятники истории Древней Руси. Аннотированный каталог-справочник. СПб., 2003. С. 193–195.

Екатерининская копия «Слова о полку Игореве» по Л. А. Дмитриеву // Русский исторический сборник. М., 2004. Т. 1. С. 299–316.

Конявская Е. Л. О Житии Александра Невского // Исторический вестник. 2021. Т. 35 (182). С. 60–75.

Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – начало XX в. М., 1990. С. 15–69.

Ляпин Д. А. Потомки Иафета: сакральное пограничье и мотив отмщения в «Задонщине» // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2019. № 1 (11). С. 74–84.

Повесть временных лет / Подгот. текста, пер. и коммент. Д. С. Лихачева; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е. СПб., 1996.

ПСРЛ. Л., 1926–1928. Т. 1. Вып. 1–3.

Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода // Памятники Куликовского цикла / Под ред. Б. А. Рыбакова, В. А. Кучкина. СПб., 1998. С. 28–62.

Реконструкция текста Слова о полку Игореве // Зимин А. А. Слово о полку Игореве. СПб., 2006. С. 484–489.

Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святослава, внука Олега / Пер. О. В. Творогова // Повести Древней Руси. М., 2002. С. 303–315.

Тексты «Задонщины» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 535–556.

Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007.

Denis A. Lyapin
Bunin Yelets State University, Yelets, Russia

MOTIVE FOR VIOLATING THE BORDERS IN THE LIFE OF THE BLESSED AND GRAND DUKE ALEXANDER

The author focuses on the text of the prayer of Alexander Nevsky in the Church of St. Sophia before the famous battle of 1240 from the Life of the Blessed and Grand Prince Alexander. This episode was reflected almost in all the redactions of the work, including that preserved in the Laurentian Chronicle of 1377. In his prayer, the prince appeals to God with a reminder that every nation should live within its borders. This "borderline motive" of the plot is also characteristic of other monuments of the Old Russian literature. It acquired relevance in the era of the formation of a single Russian State.
Keywords: Alexander Nevsky, Battle of the Neva, borders, Laurentian Chronicle, Zadonshchina, Tale of Bygone Years, Chronicle of the Kulikovo Battle

М. Гардзанити
Университет Флоренции, Флоренция, Италия

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ В «СКАЗАНИИ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ»

(Перевод Н. Н. Жуковой)

В наиболее известном произведении Куликовского цикла «Сказание о Мамаевом побоище» значительную роль играет князь Александр Невский, фигура которого прежде всего очерчена в Житии Александра Невского. Автор считает, что можно обнаружить преемственность и эволюцию в представлении этого важного лица Древней Руси в этих текстах, а также провести сравнение идеи войны в Древней Руси и Западном мире и проследить за распространением рыцарской культуры в первой половине XV в.
Ключевые слова: Александр Невский, Житие Александра Невского, «Сказание о Мамаевом побоище», идея войны, рыцарская культура

Введение

В известном памятнике Куликовского цикла «Сказание о Мамаевом побоище» (далее – «Сказание»)[1] важную роль играет князь Александр Невский, о котором подробно рассказывается прежде всего в Житии Александра Невского (далее – Житие)[2]. Сравнивая эти тексты, которые хотя и тесно связаны между собой, но восходят к разным эпохам, можно увидеть преемственность и эволюцию в изображении этого важного лица Древней Руси[3].

В прошлом мы рассматривали «Сказание» с точки зрения идеи «Русской земли» и центрального положения, обретенного Москвой, ана-

[1] Л. А. Дмитриев определяет «Сказание» как «центральное произведение Куликовского цикла» (Сказания и повести о Куликовской битве / Под ред. Л. А. Дмитриева, О. П. Лихачевой. Л., 1982. С. 332). Краткая характеристика произведения содержится в статье, написанной самим Л. А. Дмитриевым (*Дмитриев Л. А.* Сказание о Мамаевом побоище // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 371–384). Мы следуем широко распространенному тезису о том, что произведение восходит к первым десятилетиям XV в.

[2] Краткая характеристика произведения содержится в статье, написанной В. И. Охотниковой (*Охотникова В. И.* Повесть о житии Александра Невского // СККДР. Л., 1987. Вып. 1. С. 354–363). Мы придерживаемся традиционной датировки Жития ближайшими годами после смерти главного героя.

[3] В прошлом Ч. Дж. Гальперин, возможно, преувеличил значение Жития, заявив, что оно представляет собой «интеллектуальную и текстовую модель» «Сказания» (см.: *Halperin Ch. J.* The Russian land and the Russian tsar: the emergence of Muscovite ideology, 1380–1408 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1976. Bd 23. S. 32. № 101; в более общем плане о «Сказании» см. S. 23–37), но связь между этими двумя произведениями отрицать нельзя.

лизируя взаимосвязь между городом, территорией и границей[4], затем мы сосредоточили внимание на переплетении цитат и ссылок на исторические события и лиц, связанных как со Священным Писанием, так и с культурной традицией средиземноморского мира, начиная с персонажей классической античности, а также с многовековой традицией Древней Руси. Это переплетение цитат позволяет интерпретировать «Сказание» как театрализованное поминовение битвы и павших в ней посредством форм молитвы и житийного повествования[5].

1. Девиз Александра Невского

В важнейшем отрывке «Сказания» при рассказе о совете князей перед битвой делается ссылка непосредственно на князя Александра и его слова:

«Князь же великий нача думати з братом своим и с новонареченною братиею, с литовьскыми князи: "Здѣ ли пакы пребудемъ или Донъ перевеземся?" Рекоша же ему Олгордовичи: "Аще хощеши крѣпкаго въйска, то повели за Донъ возитися, да не будеть ни единому же помышлениа въспять; а о велицей силѣ не помышляй, яко **не в силѣ Богъ, нъ в правдѣ**: Ярославъ, перевезеся рѣку, Святоплъка побѣди, прадѣд твой князь великий Александръ, Неву-реку перешед, короля побѣди, а тебѣ, нарекши Бога, подобаеть то же творити. И аще побиемъ, тъ вси спасемся, аще ли умрем, тъ вси общую смерть приимемъ от князей и до простых людей. Тебѣ же нынѣ, государю великому князю, оставити смеръtнаа, буйными глаголы глаголати и тѣми словесы крѣпится въйско твое: мы убо видим, яко много множество избранных витязей в въйску твоем"»[6].

---

[4] Этот интерес возник в ходе работы Международного семинара по историческим исследованиям «От Рима до Третьего Рима. Эйкумена и город. Империя и локализации от Рима до Константинополя и Москвы» (21–23 апреля 2004 г.) с учетом «русского пространства» в его связи с идеями города, империи и границ, которые сложились с Римской империей (в переработанном варианте доклад опубликован: *Гардзаниты М.* Москва и «Русская земля» в Куликовском цикле // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 1 (23). С. 105–112).

[5] С этой точки зрения мы зашли так далеко, что стали говорить о «мистерии» и «священном действии» (*Гардзаниты М.* Библейские цитаты в церковнославянской книжности. М., 2014. С. 103–120). В нашей последней статье сформулирован тезис, что «Сказание» свидетельствует о том, как Великое княжество Московское ассимилировало эллинско-христианский хронотоп, развивая его в концепции «православного христианства» и Руси, в которой город Москва занимает центральное место (*Garzaniti M.* Le origini medievali della "santa Russia". La commemorazione della battaglia di Kulikovo (1380) nella Narrazione del massacro di Mamaj // Reti Medievali Rivista [web-site]. 2016. T. 17. № 1. P. 1–36. URL: http://rivista.retimedievali.it (date of access: 15.06.2021)).

[6] Ссылка дана на издание основной редакции в книге: Сказания и повести о Куликовской битве, перепечатанное в БЛДР: Сказание о Мамаевом побоище /

Нам кажется важным понять некоторые аспекты этого отрывка и, прежде всего, выделить основную цитату из Жития: «яко не в силах Богъ, нъ в правдѣ». Привожу полное изложение данного фрагмента:

«Александръ же, слышав словеса сии, разгорѣся сердцемъ, и вниде в церковъ святыя Софиа, и, пад на колѣну пред олътаремъ, нача молитися съ слезами: “Боже хвалный, праведный, Боже великый, крѣпкый, Боже превѣчный, основавый небо и землю и положивы предѣлы языком, повелѣ жити не прѣступающе в чюжую часть”. Въсприимъ же пророческую пѣснь, рече: “Суди, Господи, обидящим мя и возбрани борющимся со мною, приими оружие и щитъ, стани в помощь мнѣ”. И, скончавъ молитву, въставъ, поклонися архиепископу. Епископъ же бѣ тогда Спиридонъ, благослови его и отпусти. Он же, изшед ис церкви, утеръ слезы, нача крѣпити дружину свою, глаголя: “**Не в силах Богь, но въ правдѣ**. Помянемъ Пѣснотворца, иже рече: «Сии въ оружии, а си на конѣх, мы же во имя Господа Бога нашего призовемь, тии спяти быша и падоша, мы же стахом и прости быхом»”. Сии рѣк, поиде на нихъ в малѣ дружинѣ, не съждався съ многою силою своею, но уповая на Святую Троицу»[7].

Выделенные нами слова стали широко распространенной русской пословицей, которую в прошлом также употреблял Л. Н. Толстой в одном из своих обращений, встречаем ее даже в недавнем фильме А. Звягинцева «Левиафан» (2014 г.)[8]. В вышеупомянутом издании Жития не предлагается никаких пояснений, в то время как в издании «Сказания», на которое мы ссылаемся, в примечании указывается библейская цитата (Пс 142: 11–12), на наш взгляд, не соответствующая тексту[9]. Однако, похоже, этот девиз имеет библейское происхождение. Фактически его слова напоминают от-

---

Подгот. текста В. П. Бударагина и Л. А. Дмитриева, пер. В. В. Колесова, коммент. Л. А. Дмитриева // БЛДР [Электронный ресурс]. СПб., 1999. Т. 6. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4982 (дата обращения: 15.06.2021).

[7] Ссылка дана на цифровое издание первой редакции в БЛДР: Житие Александра Невского / Подгот. текста, пер. и коммент. В. И. Охотниковой // БЛДР [Электронный ресурс]. СПб., 1997. Т. 5. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4962 (дата обращения: 15.06.2021), см. также издания в работах В. Мансикки (*Мансикка В.* Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913. (Памятники древней письменности и искусства. № 180)) и Ю. К. Бегунова (*Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели русской земли». М.; Л., 1965).

[8] О философско-теологическом подходе к девизу см.: *Семенков В. Е.* «Не в силе Бог, но в правде…». Комментарий к известному высказыванию Александра Невского // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. Вып. 3. С. 183-189.

[9] Сказание о Мамаевом побоище. Примеч. 77. Ср. Пс 142: 11-12 в Геннадиевской Библии: «Имени твоего ради г҃и живиши мⷭ. правдою твоею изведеши ѿ печали д҃шю мою. и милостїю твоею потребиши врагы моа. и погубиши всⷭ стужающⷭ д҃ши моей. ꙗко азъ рабъ твой есмь» (Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. М., 1997. Т. 4. Псалтирь).

рывок из Книги премудрости Соломона, в котором предлагается та же идея. «Помышляющии неправо» говорят в утвердительной форме: «да будеть же намъ крѣпость законъ правдѣ» (ср. Прем 2: 11). Использование слова «крѣпость» в библейской цитате может вызвать некоторое недоумение, при этом необходимо учитывать, что как в Житии, так и в «Сказании» соответствующее ему слово «сила» используется постоянно. Кроме того, библейские цитаты часто оказываются адаптированными к контексту[10]. Мы находим термины «сила» и «крепость» вместе и как синонимы в отрывке из Книги пророка Захарии: «не въ силу велику, ни въ крѣпость, но дх҃омъ моимъ, гл҃етъ гь҃ вседръжитель» (Зах 4: 6). Надо заметить, что выражение «великая сила» встречается в «Сказании» именно перед девизом князя Александра. То же самое выражение с тем же смыслом употребляется и в Книге пророка Иезекииля: «И не въ силѣ велицѣ и не въ народѣ мнозѣ сътворитъ же с нимъ фараонъ брань» (Иез 17: 17)[11].

Если мы сравним тексты, то увидим чередование форм множественного и единственного числа слова «сила». Принимая во внимание, что в первом издании Жития это слово почти всегда встречается в единственном числе, можно предположить, что единственное число присутствовало и в оригинале, это, по-видимому, подтверждает реконструкция Ю. К. Бегунова. К тому же форма единственного числа встречается и в основной редакции «Сказания». Более того, «сила» является ключевым понятием в Житии, служащим, в первую очередь, для описания, вместе с такой добродетелью, как храбрость, характера князя Александра, который с самого начала сравнивается своей «силой» с Самсоном. Но в более общем смысле это слово используется, чтобы определить армию, войска, то есть в значении ‘военной силы’.

В «Сказании» это понятие употребляется в значении ‘божественной силы’ и ‘военной силы’. При сравнении армии, развернутой против татар, с армией Израиля эта концепция сочетается с идеей храбрости на фоне библейского образа: «мужеством бысть Гедеоновы снузници, Господь бою силою въоружилъ их».

В обоих произведениях девиз звучит в ожидании битвы. В Житии он произносится устами самого князя, который обращается к своей дру-

[10] Однако нельзя исключить происхождение девиза из монашеской, святоотеческой или апокрифической литературы, вдохновленной Священным Писанием. Наличие такого типа изречения в устах правителей подтверждается печатью с изображением князя Дмитрия Донского с надписью: «Все сѧ минетъ». Хотя его библейское происхождение очевидно, в прошлом А. А. Турилов предложил интересное объяснение на основе апокрифической литературы (*Турилов А. А.* «Все ся минеть». Отголосок легенды о царе Давиде в русской сфрагистике и книжности // Славяне и их соседи. М., 1994. Вып. 5. Еврейское население Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Средние века – Новое время. С. 107–115).

[11] За цитатами мы обращаемся, как и в случае с предыдущим отрывком из Книги премудрости Соломона, к Острожской Библии.

жине, чтобы подбодрить ее. Он подготовился к сражению, помолившись в Софийском соборе и получив благословение новгородского архиепископа Спиридона. В «Сказании» этот девиз вспоминают князья, пришедшие на помощь из Великого княжества Литовского, во время совета, предшествовавшего битве. Они сами побуждают князя Дмитрия произнести ободряющую речь, обращенную к своему войску, в котором находится «множество избранных витязей». Незадолго до этого в «Сказании» упоминались эти воины в рассказе о разведчиках, посланных князем Дмитрием в авангард «избранных своих витязей», имена которых указаны для сохранения их памяти в будущем.

В Житии значение девиза следует понимать в свете такого библейского отрывка: «Сии въ оружии, а си на конѣх, мы же во имя Господа нашего призовемь, тии спяти быша и падоша, мы же стахом и прости быхом» (ср. Пс 19: 8–9). Идея божественной помощи, ясно выраженная в этом фрагменте, находит подтверждение в помощи ангельского воинства во время битвы («полкъ Божий на въздусѣ»), что позволяет автору сравнивать Александра с Иисусом Навином при завоевании Иерихона, но также и с ветхозаветным царем Езекией (последний встречается в редакции Лаврентьевской летописи). В «Сказании», как мы уже отмечали, через библейские и литургические цитаты и ссылки развертывается структурированное провиденциальное видение Куликовской битвы. Это ясно проявляется в цитате, присутствующей в предисловии к произведению: «Господь же нашь Богъ, царь и творецъ всеа твари, елико хощеть, тъ и творить» (ср. Пс 113: 11; 134: 6). Наличие выражения «великая сила» для введения девиза напоминает, как мы уже указывали, некоторые библейские отрывки (Зах 4: 6; Иез 17: 17), которые показывают восприятие библейского контекста девиза князя Александра в «Сказании».

Внимательно изучив «Сказание», можно также отметить в нем более четкое размышление о событии, которое содержит указания общего характера, относящиеся если не собственно к разработке политической доктрины, то по крайней мере к базовому этическому отношению, характеризующемуся одновременно сильным историческим реализмом и идеей провиденциальной концепции истории. Это можно вывести из суждения в «Сказании» о создании коалиции, сформированной против князя Дмитрия, в котором используются слова псалмопевца и песнь пророчицы Анны, напоминающие лейтмотив произведения: «Не сътвори ближнему своему зла (Пс 14: 3) и не рой, ни копай врагу своему ямы (ср. Пс 56: 7). На Бога Творца въскладай. Господь Богъ можеть живити и мертвити (ср. 1 Цар 2: 6)»[12]. Эти слова, которые снова читаются в молитве жены князя, подчеркивают божественное всемогущество и представляют со-

[12] Песнь пророчицы Анны (1 Цар 2: 1–10) – ключевой текст в византийско-славянской литургии.

бой важнейший отзвук на вышеупомянутый первоначальный библейский ключ. Неслучайно такая же цитата встречается в «Послании на Угру» Вассиана Рыло к Ивану III (1480 г.), в котором архиепископ Ростовский и Ярославский увещевает великого князя без колебаний выступить против хана Ахмата[13].

Эта концепция проявляется в шагах, предпринимаемых князем по мере приближения конфликта. Дмитрий старается уйти от любой инициативы военного характера, чтобы избежать кровопролитных сражений и разрушения территории. Церковная власть играет основную роль в этой стратегии, о чем свидетельствуют действия митрополита Киприана в «Сказании», в частности ситуация, когда митрополит побуждает князя Дмитрия послать к хану «миссию примирения», напоминая нам о том, как митрополит Кирилл наставлял князя Александра перед его поездкой в Каракорум. Когда война становится неизбежной, человек полагается в первую очередь на божественное благословение. Как усиление действий новгородского архиепископа Спиридона, о котором говорится в Житии, можно рассматривать в «Сказании» благословение митрополита Киприана и в первую очередь действия преподобного Сергия[14].

Таким образом, в «Сказании» девиз Александра Невского служит подтверждением видения войны, направленной не столько на завоевание и подчинение, сколько на защиту, осуществляющуюся согласно божественному плану, от которого только и зависит победа (не полагаясь исключительно на силы армии). Кроме того, при изображении павших в битве мучеников реализуется топос, уходящий своими корнями в традицию воинственных мучеников древности, и через фигуры Бориса и Глеба можно увидеть эволюцию этой идеи в Древней Руси, что требует отдельного исследования[15]. Мы не можем исключить и влияние балканской славянской традиции, посвященной битве на Косовом поле. Не будем забывать,

---

[13] Ср.: Послание на Угру Вассиана Рыло / Подгот. текста Е. И. Ванеевой, пер. О. П. Лихачевой, коммент. Я. С. Лурье // БЛДР [Электронный ресурс]. СПб., 1999. Т. 7. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5070 (дата обращения: 15.06.2021).

[14] Ср.: *Гардзанити М.* Библейские цитаты в церковнославянской книжности. С. 111–112.

[15] Эти особенности привели к тому, что «Сказание» стало ассоциироваться с житийным рассказом (*Клосс Б. М.* Избранные труды. М., 2001. Т. 2. Очерки по истории русской агиографии XII–XVI вв.). Однако оно далеко от формы, обнаруживаемой в Житии великого князя Дмитрия Ивановича, которое Ч. Дж. Гальперин анализирует вместе со «Сказанием», справедливо называя его «вершиной московской идеологии» (*Halperin Ch. J.* The Russian land and the Russian tsar: the emergence of Muscovite ideology, 1380–1408. P. 78). Остаются по-прежнему актуальными и проливающими свет на данную проблему размышления Р. Пиккио о библейских ключах этого важного агиографического сочинения (*Picchio R.* The Function of Biblical Thematic Clues in the Literary Code of "Slavia Orthodoxa" // Slavica Hierosolymitana. 1977. No. 1. P. 28–31).

что текст «Сказания» обычно рассматривается в связи с окружением митрополита Киприана Цамблака и его преемников.

2. Александр Невский и историческая память

В молитве князя Дмитрия накануне битвы, после эпизода видения Бориса и Глеба, второй раз упоминается фигура князя Александра:

«въздѣв руцѣ на небо, нача плакатися, глаголя: “Владыко Господи человѣколюбче! Молитвъ ради святых мученикъ Бориса и Глѣба помози ми, якоже Моисию на Амалика и пръвому Ярославу на Святоплъка, и **прадѣду моему великому князю Александру на хвалящегося короля римъскаго, хотящаго разорити отечьство его**. Не по грѣхом моим воздай же ми, нъ излий на ны милость свою, простри на нас благоутробие свое, не дай же нас въ смѣх врагом нашим, да не порадуются о нас врази наши, и **рекуть страны невѣрных: «Гдѣ есть Богъ их, на нь же уповаша?»** Нъ помози, Господи, христианом, ими же величается имя твое святое!”».

Эта молитва, в которой говорится о «римском короле», подразумевая шведского противника, выступившего против князя Александра в битве на Неве, опирается на видоизмененную цитату из Псалтири «рекуть страны невѣрных: “Гдѣ есть Богъ их, на нь же уповаша?”» (ср. Пс 78: 10)[16]. В воззвании князя ветхозаветный образ заступничества Моисея в битве против амаликитян, уже присутствующий в молитве князя Александра в Житии, подчеркивает важность заступничества святых Бориса и Глеба.

Нам кажется, что разработка исторической памяти о Куликовской битве представляет собой важное изменение перспективы в отношении Жития. Чтобы подчеркнуть это, необходимо рассмотреть в «Сказании» как действенность совета, так и, прежде всего, присутствие героев, которые в большинстве своем погибнут в сражении.

В Житии Александра Невского сказано: «Здѣ же явишася 6 мужь храбрых с самѣм с ним ис полку его». Среди них есть те, кто сражается верхом, и те, кто идет в пешем строю. А чуть дальше говорится о «множестве храбрых, яко же древле у Давыда царя силнии, крѣпции».

В «Сказании», как мы видели, используется неоднократно слово «витязь», от германского *viking-*, которое довольно поздно распростра-

[16] Нам кажется ошибочной ссылка на Пс 41: 11 в издании «Сказания о Мамаевом побоище» в БЛДР. Ср. эти цитаты в Геннадиевской Библии: «Внегда скрушахуса кости моа, понашаху ми врази мои. внегда гл҃ати имь мнѣ на всакь дн҃ь. где е(с) б҃ъ твои» (Пс 41: 11); «да некогда рекутъ азыцы, где е(с) б҃ъ ихъ. и оувѣстъса въ азыцѣхъ пре(д) wчима нашима, w҃мщенїе крови рабъ твои(х) пролитыа» (Пс 78: 10) (Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. Т. 4).

нилось в восточнославянской рукописной традиции, вероятно, из земель Великого княжества Литовского, вызывая в памяти рыцарские подвиги[17].

В Житии для обозначения рыцарей-крестоносцев употребляется слово «ритори», также германского происхождения – от *Ritter*, отличное от более поздней формы «рыцарь» и заимствованное через посредство польского языка, который прямо напоминает о наличии меча и тевтонских рыцарских орденов[18]. Оно употребляется только тогда, когда упоминается поражение тевтонских рыцарей на Чудском озере (1242 г.) и анонимный автор смеется над их самомнением: «бяше множество полоненых в полку его, и ведяхут босы подле коний, иже именують себе Божии ритори». Во времена Александра образ рыцаря, кажется, отождествлялся в первую очередь с рыцарями-крестоносцами, которых, как снова пишет анонимный автор, считают «слуги Божия», имея в виду существование религиозного ордена. Это не отменяет того факта, что в войске Александра есть конные воины, заслужившие славу своими подвигами. Серия печатей князя Александра на коне свидетельствует о начале распространения рыцарской культуры на Руси[19].

Чтобы понять изменение перспективы, произошедшее в «Сказании», мы должны вспомнить, в частности, эпизод поединка, в котором монах сражается с богатырем печенегов. Этот эпизод, который играет фундаментальную роль в представлении битвы, не только имеет малую историческую достоверность, но, прежде всего, кажется необычным для восточной традиции, в которой монахам и духовенству категорически запрещалось брать в руки оружие или нести воинскую службу[20]. Он отражает адаптацию рыцарской традиции в восточнославянском мире. В поединке монах Александр Пересвет противостоит воину-печенегу, который сравнивается с гигантом Голиафом и которому анонимный автор приписывает необыкновенные размеры, как филистимлянину из библейского текста (1 Цар 17: 4). После обращения за помощью к игумену Сергию, который в ответ молится за все русское воинство, инок, одетый в монашеские одежды, выходит на рыцарский поединок, в котором погибает вместе со своим противником[21].

---

[17] *Фасмер М.* Русский этимологический словарь. 2-е изд. М., 1986. Т. 1; *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1999. Т. 1.

[18] *Фасмер М.* Русский этимологический словарь. 2-е изд. М., 1986. Т. 3.

[19] См.: *Хорошкевич А. Л.* «Конные печати» Александра Невского в традиции средневековой сфрагистики // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 140–145.

[20] О недостаточной исторической достоверности этого события см.: *Кучкин В. А.* Дмитрий Донской и Сергий Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 106–108. Запрет на воинскую службу для монахов и духовенства восходит к Халкидонскому собору (VII канон), но западная традиция религиозных рыцарских орденов, как мы видели, была хорошо известна на Руси.

[21] В «Сказании» описано монашеское облачение самых суровых подвижников («Бѣ же на главѣ его шелом архангельскаго образа, въоруженъ скимою повелѣ-

Упоминание преподобного Сергия важно тем, что позволяет напомнить: именно он доверил князю двух монахов-воинов, на чьей монашеской одежде («скиме») был нашит крест. Игумен также пометил князя крестом, предсказывая его победу. Связь с преподобным подтверждается и его благословением, направленным «всему православному воинству» после его прибытия, 8 сентября, в день битвы. Все это показывает продвинутый процесс приобщения к рыцарскому идеалу и в то же время его переосмысление в свете восточнохристианской традиции.

Роль креста как победного знака («неподкупного оружия») и фигура Константина заслуживают отдельного разговора. В то же время динамика уже начавшегося на Балканах усвоения рыцарского образа должна быть глубже изучена как в византийской культуре, так и в славянском мире. Восточнохристианская традиция, по сути, не осталась равнодушной к модели западного рыцаря. С этой точки зрения можно было бы рассмотреть распространение эпической поэмы «Дигенис Акрит», но прежде всего Александрии Сербской. Надо подчеркнуть, что оба их главных героя упомянуты в Похвале князю Александру Невскому, присутствующей в Особой редакции Жития, в то время как влияние «Александрии Сербской» очевидно в «Сказании»[22].

3. Александр Невский и переправа

Еще один важный элемент для интерпретации отрывка из «Сказания» с девизом Александра, процитированного в начале данной статьи, – это переправа через реку Дон, событие, имеющее символическое значение. Пересечь реку означает пересечь границу, и, согласно провиденциальному видению «Сказания», это можно сделать только с божественной помощью. Вот почему делаются отсылки к тому, что Ярослав сделал в прошлом, чтобы настичь предателя Святополка[23], а Александр Невский – чтобы победить шведов на Неве. Именно в этом контексте два литовских князя вспоминают девиз Александра Невского.

Переход через реку приобретает значение, далеко выходящее за рамки исторической реконструкции. Когда войско приближается

нием игумена Сергиа»), но в то же время возникает классический образ турнира с поединком на копьях и падением выбитых из седла рыцарей. Прежде чем атаковать противника, монах успевает попросить прощение у «отцов и братьев», как это бывает в монашеских завещаниях, а также попросить о молитве своего брата и дать благословение своему сыну, находящемуся в войске.

[22] Ср.: *Петров А. Е.* «Александрия сербская» и «Сказание о Мамаевом побоище» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 2 (20). С. 54–64.

[23] Упоминается битва под Любечем (1016 г.), когда князь Ярослав Мудрый перешел Днепр, чтобы сразиться со Святополком (см.: Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 215).

к Дону, князь Дмитрий не просто оказывается перед естественной границей, которая открывает Русь восточным степям, но и перед границей, отделяющей христианский мир с Москвой и ее «божественным законом» от пространства языческого, от Востока, откуда приходит Мамай и где нет городов, а есть лишь те опасные и разрушительные силы, присутствие которых указывает на приближение конца света[24]. В этом универсальном горизонте первый Рим редко появляется и, в любом случае, показывает себя чуждым и врагом, выражением господствующей и разрушительной силы в соответствии с традицией, которая уже прочно укоренилась во времена князя Александра Невского (1221–1263 гг.)[25].

Заключение

Часто отмечается, что отсутствие на Руси разработки политической доктрины и незначительное проникновение рыцарской культуры происходило якобы из-за церковного и монашеского контроля над письменной традицией, которая продолжала навязывать клише древней византийско-славянской культуры. Только в более поздний о рыцарская культура проникла в восточнославянский мир. Однако нам кажется, что из сравнения Жития и «Сказания» можно увидеть взаимосвязь между Древней Русью и Западным миром в отношении идеи войны и распространения рыцарской культуры, которые формируются в первой половине XV в.

Допуская, что «Сказание» было написано в окружении митрополита Киприана и его преемников, мы оказываемся в контексте, связанном с балканской традицией и дебатами, которые начались в Византии и на Балканах о возможности крестового похода против Османов. Все еще должна была быть жива память не только о битве на Косовом поле, но и о битве при Никополе (1396 г.), закончившейся поражением западной кавалерии во главе с королем Венгрии Сигизмундом Люксембургским (1368–1437 гг.). В годы, последовавшие за Констанцским собором (1414–1418 гг.), обсуждалась не только возможность созвать вселенский собор для примирения между Восточной и Западной Церквами, но также важный вопрос, следует ли применять силу и, следовательно, организовывать крестовые походы для борьбы с неверными и раскольниками. Ректор Краковского университета Павел Влодкович (Paweł Włodkowic, ок. 1370 – 1435/1436 гг.) принял участие в Констанцском соборе, разъясняя участникам тезисы своего трактата «О власти папы и императора в отношении к неверным» (*De potestate papae et imperatoris respectu infidelium*). Утверждая,

[24] Ср.: *Гардзанити М.* Библейские цитаты в церковнославянской книжности. С. 114.

[25] Ср.: *Кудрявцев О. Ф.* Александр Невский и папство // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 159–172.

что распространять веру должны «богословы», а не «воины», он разработал теорию справедливой войны и права народов. Заметим, что прошло лишь несколько лет после катастрофического поражения Тевтонского ордена от польско-литовской армии (Грюнвальдская битва 1410 г.).

Этот сложный исторический контекст неизбежно отсылает нас к отношениям Великого княжества Московского с Великим княжеством Литовским и западными державами. В этом плане антилатинская позиция «Сказания» ясна и указывает на то, что Великое княжество Литовское теперь заняло место крестоносцев, противников Александра Невского, став полностью чуждым Руси. Его союз с татарами даже не считается предательством, поскольку его князь, «Олгордъ Литовский», говорит нам анонимный автор, «почитаеть законъ латыньскый Петра Гугниваго»[26]. Таким образом, Великое княжество Литовское становится в «Сказании» символом латинского мира, как это имело место только в первые десятилетия после Куликовской битвы.

В «Сказании», однако, в отличие от Жития, идея мира, разделенного между христианами и язычниками, кажется, уже полностью усвоена, чего еще нет в Житии. Те же предзнаменования, привычные перед битвами, обретают новое значение и подвергаются явному процессу христианизации. Слушая голос земли, князь Дмитрий Боброк, выступающий в роли предсказателя, слышит два женских голоса, языческий и христианский, которые печалятся по поводу предстоящего кровопролития: традиционный образ двух матерей, уже присутствующий в «Слове о законе и благодати» и прилагаемый киевским митрополитом к синагоге и церкви, становится символом мира, разделенного между христианами и язычниками[27]. Мы находимся в начале новой эры, в которой конфессиональная принадлежность и ее защита словом (и оружием) становятся фундаментальным элементом не только для Запада, но и для всей Европы.

Эти соображения заставляют нас задуматься о постоянных отношениях Руси с Западом, диалектическом взаимодействии различных позиций, что предполагало знание друг друга и привело в позднем Средневековье к эволюции ментальных структур у восточных славян и на Балканах. Этот процесс подчеркивает способность к адаптации и к реагированию на сложные обстоятельства, как это было в отношениях с татарами, что приводит к развитию альтернативных культурных моделей, которые позже стали частью культурной памяти Руси.

[26] См.: *Ведюшкина И. В.* Петр Гугнивый и Петр Монг // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2004. № 12. С. 309–312.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели русской земли». М.; Л., 1965.

Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. М., 1997. Т. 4. Псалтирь.

Ведюшкина И. В. Петр Гугнивый и Петр Монг // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2004. № 12. С. 309–312.

Дмитриев Л. А. Сказание о Мамаевом побоище // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 371–384.

Гардзанити М. Москва и «Русская земля» в Куликовском цикле // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 1 (23). С. 105–112.

Гардзанити М. Библейские цитаты в церковнославянской книжности. М., 2014.

Житие Александра Невского / Подгот. текста, пер. и коммент. В. И. Охотниковой // БЛДР [Электронный ресурс]. СПб., 1997. Т. 5. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4962 (дата обращения: 15.06.2021).

Клосс Б. М. Избранные труды. М., 2001. Т. 2. Очерки по истории русской агиографии XII–XVI вв.

Кудрявцев О. Ф. Александр Невский и папство // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 159–172.

Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергий Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 103–126.

Мансикка В. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913. (Памятники древней письменности и искусства. № 180).

Охотникова В. И. Повесть о житии Александра Невского // СККДР. Л., 1987. Вып. 1. С. 354–363.

Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998.

Петров А. Е. «Александрия сербская» и «Сказание о Мамаевом побоище» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 2 (20). С. 54–64.

Послание на Угру Вассиана Рыло / Подгот. текста Е. И. Ванеевой, пер. О. П. Лихачевой, коммент. Я. С. Лурье // БЛДР [Электронный ресурс]. СПб., 1999. Т. 7. URL. http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5070 (дата обращения: 15.06.2021).

Семенков В. Е. «Не в силе Бог, но в правде… ». Комментарий к известному высказыванию Александра Невского // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. Вып. 3. С. 183-189.

Сказание о Мамаевом побоище / Подгот. текста В. П. Бударагина и Л. А. Дмитриева, пер. В. В. Колесова, коммент. Л. А. Дмитриева // БЛДР [Электронный ресурс]. СПб., 1999. Т. 6. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4982 (дата обращения: 15.06.2021).

Сказания и повести о Куликовской битве / Под ред. Л. А. Дмитриева, О. П. Лихачевой. Л., 1982.

Турилов А. А. «Все ся минеть». Отголосок легенды о царе Давиде в русской сфрагистике и книжности // Славяне и их соседи. М., 1994. Вып. 5. Еврейское население Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Средние века – Новое время. С. 107–115.

Хорошкевич А. Л. «Конные печати» Александра Невского в традиции средневековой сфрагистики // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 140–145.

Фасмер М. Русский этимологический словарь. 2-е изд. М., 1986.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1999. Т. 1.

Garzaniti M. Le origini medievali della "santa Russia". La commemorazione della battaglia di Kulikovo (1380) nella Narrazione del massacro di Mamaj // Reti Medievali Rivista [web-site]. 2016. T. 17. № 1. P. 1–36. URL: http://rivista.retimedievali.it (date of access: 15.06.2021).

Halperin Ch. J. The Russian land and the Russian tsar: the emergence of Muscovite ideology, 1380–1408 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1976. Bd 23. S. 7–103.

Picchio R. The Function of Biblical Thematics Clues in the Literary Code of "Slavia Orthodoxa" // Slavica Hierosolymitana. 1977. No. 1. P. 1–31.

Marcello Garzaniti
University of Florence, Florence, Italy

ALEXANDER NEVSKY IN THE LEGEND OF THE BLOODY BATTLE OF MAMAI

In *The Legend of the Bloody Battle of Mamai*, the most famous work in the Kulikovo Cycle, a significant role is played by Prince Alexander Nevsky, whose figure is primarily outlined in *The Life of Alexander Nevsky*. The author believes that it is possible to find continuity and evolution in the representation of this important figure of Old Rus in these texts, as well as to compare the idea of war in Old Rus and the Western world, and follow the spread of the knightly culture in the first half of the 15th century.

Keywords: Alexander Nevsky, the Life of Alexander Nevsky, the Legend of the Bloody Battle of Mamai, the idea of war, chivalrous culture

Д. Ю. Кривцов
Нижегородская епархия Русской Православной Церкви,
Нижний Новгород, Россия

ОБРАЗ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В СТЕПЕННОЙ КНИГЕ

В статье рассматриваются основные черты того образа великого князя Александра Невского, который был создан на страницах Книги Степенной царского родословия в 1560-х гг. книжниками митрополита Макария, а затем получил развитие в восходящих к Степенной книге редакциях Жития Александра Невского – в редакции Ионы Думина 1591 г., редакции Викентия 1672 г., Владимирской переработке думинской редакции конца XVII в. Раскрывается присущий данному образу пафос вероисповедной вооруженной борьбы против католического Запада и одновременного духовного противостояния языческой Орде, возможного благодаря сверхъестественной помощи Александру Невскому со стороны Небесных сил. Отмечается несовместимость образа Александра Невского в Степенной книге и популярных ныне представлений о «евразийском цивилизационном выборе» этого князя.

Ключевые слова: Александр Невский, митрополит Макарий, Иона Думин, Степенная книга, православие, католичество, язычество, Орда, евразийство

В Книге Степенной царского родословия, созданной в 1560-х гг. по инициативе митрополита Макария, практически всю VIII степень занимает Житие святого князя Александра Невского[1]. Использовав предшествующие редакции княжеского Жития и пополнив их данными летописей, книжники митрополита Макария сумели не только создать масштабное полотно жизни и деяний Александра Ярославича, но и придать его деяниям вполне определенное идеологическое наполнение. Образ Александра Невского, представленный в Макариевской Степенной книге, впоследствии постоянно привлекал внимание русских средневековых писателей, которые регулярно принимались за составление новых редакций его Жития. В 1591 г. архиепископ Вологодский и Великопермский Иона

[1] Общую характеристику этого Жития см.: *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 239–240; *Мансикка В.* Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913. (Памятники древней письменности и искусства. № 180). С. 143–165; *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). С. 109–110; *Охотникова В. И.* Повесть о житии Александра Невского // СККДР. Л., 1987. Вып. 1. С. 361; *Усачев А. С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. С. 384–386 и др.; *Конявская Е. Л.* Александр Невский в исторических источниках // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 217.

Думин, взяв за основу текст VIII степени отредактированной им около 1589 г. Степенной книги, создал самую полную версию Жития благоверного великого князя[2]. Житие Александра Невского в редакции Ионы Думина в дальнейшем послужило базой для новых агиографических трудов. В 1672 г. архимандрит Владимирского Рождественского монастыря Викентий переработал редакцию Ионы Думина, сократив ее[3]. Еще одна переработка редакции Ионы Думина была осуществлена во Владимире в конце XVII в.[4]

Весь круг вышеназванных историческо-агиографических сочинений содержит оригинальную трактовку образа Александра Невского, существенно отличную от его изображения в литературных произведениях, не входящих в данный круг. И хотя историки практически единодушны в признании Книги Степенной царского родословия ключевым идеологическим памятником позднего русского Средневековья, интереса к Житию Александра Невского в составе Степенной книги и зависящих от нее редакций исследователи почти не проявляли[5]. А между тем анализ этих редакций позволит оценить значение фигуры Александра Невского в рамках той исторической, политической и вероисповедной концепции, которая разрабатывалась в середине XVI в. в окружении митрополита Макария и которая определяла идейный характер крупнейших культурных проектов макариевской эпохи – Великих Миней Четиих и Книги Степенной царского родословия.

В данной связи уместно обратиться к наблюдениям американского профессора Дэвида Б. Миллера о том, что Макарий «был более бескомпромиссно отчужден от Запада, чем какой-либо иной клирик из предшествующей истории Руси», из-за чего в Великих Минеях Четиих «мы обнаруживаем… почти все анти-Латинские произведения, переведенные

---

[2] О Житии Александра Невского в редакции Ионы Думина см.: *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. С. 312–313; *Мансикка В.* Житие Александра Невского... Ч. 1. С. 177–200; *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития… Ч. 1. С. 110–112. Текст этой редакции опубликован: *Мансикка В.* Житие Александра Невского... Ч. 2. С. 50–124.

[3] О редакции архимандрита Викентия см.: *Мансикка В.* Житие Александра Невского… Ч. 1. С. 200–203; *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития… Ч. 1. С. 110–111.

[4] Об этой переделке см.: *Мансикка В.* Житие Александра Невского… Ч. 1. С. 203–217; *Охотникова В. И.* Повесть о житии Александра Невского. С. 362.

[5] Пренебрежительное отношение к Житию Александра в редакциях Степенной книги и Ионы Думина было откровенно выражено Н. И. Серебрянским: «оба эти жития в историческом отношении не имеют ровно никакой ценности, а в отношении литературном одинаково служат показателем только отрицательных сторон в агиографической работе в XVI в.» (*Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития… Ч. 1. С. 109).

на славянский, либо созданные на Руси»[6]. Но при этом мы не можем принять следующее утверждение американского исследователя: «Оба Жития Александра Невского, выполненные по поручению Макария, демонстрируют анти-Латинскую направленность, в той же мере соответствующую XVI веку, как и веку XIII»[7]. Как показано в специальной работе К. А. Костромина, в Первоначальной редакции Жития Александра Невского, созданной в 80-х гг. XIII в., «антилатинское содержание явно не выражено и практически отсутствует», и лишь очень постепенно отношение древнерусских агиографов к Западу от спокойно-нейтрального трансформируется в негативное, пока, наконец, после 1547 г. Житие Александра Невского в редакции Василия-Варлаама, книжника макариевского круга, не превращается в «антилатинский памфлет»[8].

К. А. Костромин не касался Жития Александра Невского ни в редакции Степенной книги, ни в редакции Ионы Думина, хотя в них антилатинские тенденции, ярко проявившиеся в сочинении Василия-Варлаама, не только продолжаются, но и переходят на еще более высокий конфронтационный уровень. Основным выражением неприятия западных католических соседей Руси было у Василия-Варлаама обильное «награждение» их негативными эпитетами[9]. Тот же самый прием мы встречаем и в Степенной книге, где противостоящие Александру Невскому западноевропейские рыцари определяются как «богомерзкие немцы», «лукавии немцы», «поганые иноплеменники»[10]. А у Ионы Думина и количество негативных эпитетов, и их экспрессивность уже просто зашкаливают: «преокаянныя Латыни», «богоненавистные Латыни», «безбожные Латыни», «богомерзкие Римляне», «богомерзкие Немцы», «беззаконные Немцы», «безбожные Немцы», «поганые Немцы», «нечестивые Немцы»[11].

Эти эпитеты наглядно отражают духовное отчуждение православных русских от латинян-немцев, но еще ничего не говорят об отношении латинян к православным. Такое отношение в Степенной книге и в Житии редакции Ионы Думина раскрывается в словах молитвы, произносимой князем Александром Ярославичем накануне Невской битвы: «И ныне, Владыко прещедрыи, слыши словеса гордаго варвара сего, похваляющася

---

[6] *Миллер Д. Б.* Великие Минеи Четьи и Степенная книга митрополита Макария и истоки русского национального самосознания // Макариевские чтения. Можайск, 2004. Вып. 11. Патриарх Иоаким и его время. С. 313.

[7] Там же. С. 317.

[8] *Костромин К., прот.* Св. Александр Невский и латинский Запад глазами древнерусских агиографов // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, ваидеях. 2020. № 1 (12). С. 124–130.

[9] Там же. С. 129.

[10] Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии. М., 2007. Т. 1. Житие св. княгини Ольги. Степени I–X. С. 522, 523, 524.

[11] *Мансикка В.* Житие Александра Невского… Ч. 2. С. 69, 74, 77, 79, 80, 82 и др.

разорити святую веру православную и пролиати хотяща кровь христианьскую!»[12]. Здесь варвары-латиняне отчетливо представлены конфессиональными врагами, сознательно и активно стремящимися к уничтожению православия. Устремления эти воплощаются на практике, когда немцы «у Пскова пожгоша и не токмо домы христианьскиа и села, но и святыя Божиа церкви со всем благолепием огнем попалиша. Христианьство же губяху и пленяху»[13].

Антилатинская тема в Степенной книге и в Житии редакции Ионы Думина приобретает еще и определенный геополитический аспект – борьбы против синхронизированной агрессии с Востока и Запада, когда «краль чясти Римъскиа… исполнися зависти и ненависти, и възгордеся в мысли своеи, яко время си улучи, ведяще бо, иже тогда отинуду Батыево пленение Руси. Краль же от своея страны надеяшеся оставшую Русь поглотити»[14]. Такая ситуация, изображенная на страницах литературных сочинений во второй половине XVI в., вполне укладывается в стереотипы евразийской доктрины, которые на протяжении XX–XXI столетий регулярно навязывались фигуре Александра Невского.

Но если в Степенной книге Александр Невский отверг западный «цивилизационный выбор», явившись на ее страницах непримиримым и победоносным борцом за православных христиан с «безбожными латинянами», то означает ли это, что он сделал выбор в пользу Востока? Тут стоит вновь вспомнить наблюдения Дэвида Б. Миллера, согласно которым Макарий являлся человеком, «чье историческое самосознание было охвачено воспоминанием о монголо-татарском “мусульманском” господстве над христианской Русью»[15]. И как раз «века татарского владычества представляли для Макария затруднения в его стремлении подтвердить московские притязания длительной историей царства»[16]. А поэтому «мученичество неизбежно становилось главной темой агиографических трудов, касающихся ранних лет татарского владычества. Александр Невский заслужил святость благодаря своей покорности татарам и благодаря жертвованию своей жизни для спасения своего народа, – в большей мере, чем благодаря победам над шведами и немцами»[17]. Принципиально похожие оценки мы находим и у М. Исоахо. Для нее именно тема жертвенного подвига в Орде Александра Невского и его отца – великого князя Ярослава Всеволодовича становится центральной. Появление этой темы иссле-

[12] Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам… С. 519; *Мансикка В.* Житие Александра Невского… Ч. 2. С. 70.

[13] Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам… С. 522–523.

[14] Там же. С. 519; *Мансикка В.* Житие Александра Невского… Ч. 2. С. 68.

[15] *Миллер Д. Б.* Великие Минеи Четьи и Степенная книга митрополита Макария и истоки русского национального самосознания. С. 304.

[16] Там же. С. 305.

[17] Там же. С. 307.

довательница отмечает во Второй редакции Жития Александра Невского и тщательно прослеживает ее развитие вплоть до Степенной книги и Жития в редакции Ионы Думина[18].

Изображенные книжниками митрополита Макария и Ионой Думиным страдания великого князя Ярослава Всеволодовича во время его хождений в Орду никак не укладываются в представления о мирном русско-ордынском союзе. Страдания эти прямо сопоставляются с мученической смертью в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора[19], и через такое сопоставление обосновывается вывод о том, что Ярослав Всеволодович также был причтен Богом к наследию праведных[20], «ко избранному стаду праведных селения»[21]. Характер конфликта между князем Ярославом и «безбожным царем Батыем» в Степенной книге изображается как религиозный. Ярослав Всеволодович «за вся люди своя веры ради православныя богопротивное веление возрази, его же ради и нужное истомление подъятъ, православию же многу пользу и ослабу приобрете»[22]. А под пером Ионы Думина вероисповедное значение конфликта доводится до предела, поскольку «поганым Татарам» приписывается желание «веру християнскую в Рустей земли повредити и святые церкви разорити и богомерскиа прелести персидскыя волшебное идолослужение… в Руси предложити»[23].

Для Александра Ярославича жертвенное поведение его отца в Орде становится образцом для подражания. Получив от «злочестивого царя Батыя» повеление явиться к нему, князь Александр вспоминает, как «святыи отець его Ярослав… шед в Орду и тамо положи живот свои», и решается сам идти в Орду «избавы ради христианьскиа», «подобяся благои ревности благочестивого си отца»[24]. Однако жертвовать жизнью в Орде Александру Невскому не пришлось. Из одной поездки туда он возвратился с дарами и честью[25]. И хотя смерть настигает его во время возвращения из другой ордынской поездки, но ни в Степенной книге, ни у Ионы Думина эта смерть не ставится в связь с враждебными действиями татар против русского князя[26].

---

[18] *Isoaho M.* The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia: Warrior and Saint. Leiden; Boston, 2006. P. 320–337, 347–362.

[19] Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам… С. 525; *Мансикка В.* Житие Александра Невского… Ч. 2. С. 85.

[20] Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам… С. 525.

[21] *Мансикка В.* Житие Александра Невского… Ч. 2. С. 85.

[22] Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам… С. 525.

[23] *Мансикка В.* Житие Александра Невского… Ч. 2. С. 85.

[24] Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам… С. 525–526; *Мансикка В.* Житие Александра Невского… Ч. 2. С. 88–89.

[25] Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам… С. 526; *Мансикка В.* Житие Александра Невского… Ч. 2. С. 89.

[26] Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам… С. 532; *Мансикка В.* Житие Александра Невского… Ч. 2. С. 99.

Благополучное возвращение Александра Невского из потенциально опасного хождения к Батыю требовало своего объяснения. От составления Первоначальной редакции Жития Александра в конце XIII в. и вплоть до эпохи митрополита Макария оно оставалось весьма кратким и невнятным. Батый просто удивился («подивися»), увидев Александра, и почтил его[27]. Чем, собственно, было вызвано такое благосклонное удивление, агиографы не разъясняли. Определенные разъяснения мы встречаем в тексте Жития Александра Невского, составленном в середине XVI в. Василием-Варлаамом: «безбожный царь Батый… подивися» «и честь воздав… велию» Александру, «видев блаженного красоту лица и величество тела и храбрость»[28]. Такое эстетическое восхищение со стороны врага внешним видом героя и его воинскими доблестями восходит к традициям героического рыцарского эпоса. Применительно к Житию Александра Невского на это было указано еще Н. И. Серебрянским[29].

Однако составители Степенной книги, а вслед за ними и Иона Думин взялись объяснить характер отношений между князем Александром и ордынскими правителями не в эпико-героическом, а в богословско-христианском контексте. Поэтому, переписав обычный рассказ об удивлении царя Батыя, они добавили к нему многозначительную сентенцию: «Тако Бог удивляя избранныя своя, яко и нечестивым влагаше в ум, еже стыдетися и почитати их»[30]. Так, почести, оказанные Батыем Александру, предстали не проявлением собственной доброй воли ордынского владыки, но лишь следствием божественного внушения, сопровождаемого еще и чувством стыда у «нечестивого».

Действуй татары по своей воле, они постарались бы еще во время Батыева погрома Руси уничтожить и Александра Ярославича, и его отца Ярослава Всеволодовича, как были уничтожены тогда другие русские князья. Видимо, так представлялось дело Ионе Думину, когда он писал о том, что «окаянный Батый, зверь лютъ и безстуден… восхоте и оставшаа отъ христиан погубити… поиде к Великому Нову граду на великаго князя Ярослава и на чад его»[31]. Но еще в основном источнике сочинения Ионы Думина – Степенной книге – сообщалось, что «доити поганым възбрани некая сила божественая, и не попусти им нимало приближитися… к пределом Великаго Новаграда»[32]. Иона Думин персонифицировал эту боже-

[27] *Мансикка В.* Житие Александра Невского… Ч. 2. С. 7 (Первоначальная редакция); С. 24 (Владимирская редакция); С. 134 (Лихачевский список Жития Александра Невского).

[28] Там же. С. 7.

[29] *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития… Ч. 1. С. 88–90.

[30] Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам… С. 526; *Мансикка В.* Житие Александра Невского… Ч. 2. С. 89.

[31] *Мансикка В.* Житие Александра Невского… Ч. 2. С. 63.

[32] Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам… С. 518.

ственную силу, включив в свою редакцию Жития Александра Невского рассказ о чудесном явлении Батыю во сне архангела Михаила, после которого «злочестивый и богомерский он царь, страхом объят быв, скоро возвратися вспять и изчезе, гоним страхом божиим восвояси»[33].

Благодаря этой же силе везде, «идеже и инде прилучится… пребывати» князьям Ярославу Всеволодовичу и Александру Ярославичу «и въиньствовати сопротивных и враждующих литву и немець, и везде Божиим заступлением нимало не ратоваху на них суровии они татари»[34]. Здесь выходит, что Русь в XIII в. была избавлена от войны одновременно на два фронта не выбором в пользу Востока, как это представляется в евразийской концепции, а тем, что Божественная сила остановила Восток своим духовным оружием.

Итак, можно констатировать, что в Степенной книге и в ряде связанных с ней историко-агиографических сочинений Александр Невский предстает в образе борца за веру, защищающего христианский русский народ и русское православие на двух направлениях. На Западе борьба ведется с оружием в руках против «безбожных латинян» и приносит победы на поле боя. А на Востоке борьба переносится на духовное поле, где в пользу Александра и Руси непосредственно действуют Вышние силы, чудесным образом принуждающие к миру «поганых татар».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

Конявская Е. Л. Александр Невский в исторических источниках // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 199–218.

Костромин К., прот. Св. Александр Невский и латинский Запад глазами древнерусских агиографов // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2020. № 1 (12). С. 124–130.

Мансикка В. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913. (Памятники древней письменности и искусства. № 180).

Миллер Д. Б. Великие Минеи Четьи и Степенная книга митрополита Макария и истоки русского национального самосознания // Макариевские чтения. Можайск, 2004. Вып. 11. Патриарх Иоаким и его время. С. 304–327.

Охотникова В. И. Повесть о житии Александра Невского // СККДР. Л., 1987. Вып. 1. С. 354–363.

Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М., 1915.

[33] *Мансикка В.* Житие Александра Невского… Ч. 2. С. 64.

[34] Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам… С. 518.

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии. Житие св. княгини Ольги. Степени I–X. М., 2007. Т. 1.

Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009.

Isoaho M. The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia: Warrior and Saint. Leiden; Boston, 2006.

Demetry Yu. Krivtsov

Nizhny Novgorod Diocese of the Russian Orthodox Church, Nizhny Novgorod, Russia

IMAGE OF ALEXANDER NEVSKY IN THE BOOK OF ROYAL DEGREES

The article examines the main features of the image of the Grand Duke Alexander Nevsky, which was created on the pages of the Book of Royal Degrees in the 1560s by the scribes of Metropolitan Macarius, and then developed in the editions of the Life of Alexander Nevsky going back to the Book of Royal Degrees – in the edition of Iona Dumin of 1591, the edition of Vikenty of 1672, the Vladimir revision of the Dumin's edition of the end of the 17th century. The pathos is revealed, which is inherent in this image of the religious armed struggle against the Catholic West and the simultaneous spiritual confrontation of the pagan Horde, possibly thanks to the supernatural help to Alexander Nevsky from the Heavenly Forces. The incompatibility of the image of Alexander Nevsky in the Book of Royal Degrees and the now popular ideas about the "Eurasian civilizational choice" of this prince is noted.

Keywords: Alexander Nevsky, Metropolitan Macarius, Iona Dumin, Book of Royal Degrees, Orthodoxy, Catholicism, paganism, Horde, Eurasianism

А. Е. Тарасов
МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И ЦЕРЕМОНИИ ВСТРЕЧ В МИНИАТЮРАХ ЛИЦЕВОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА

Статья посвящена анализу четырех торжественных встреч, участником которых был Александр Невский, изображенных на миниатюрах Лицевого летописного свода. Сделано предположение, что особенности одной из миниатюр, выходящей за рамки трафаретных изображений крестного хода, могут отражать попытку миниатюристов дополнить текст символикой зрительных образов.

Ключевые слова: крестный ход, церемониальный крест, напрестольный крест, княжеский посох, крестоцелование, церемонии

Александру Невскому в Лицевом летописном своде (далее – ЛЛС) посвящено более сотни миниатюр[1]. По мнению А. А. Амосова, блистательные победы князя, отраженные в ЛЛС, «как бы возобновляют мажорные тона изложения отечественной истории, поблекшие после повествования о Батыеве нашествии»[2]. Большинство этих миниатюр иллюстрирует Житие князя, помещенное в Лаптевский том (далее – Лаптев.)[3]. Другие миниатюры изображают эпизоды из жизни Александра Невского, введенные в ЛЛС помимо Жития: до описания «Неврюевой рати» включительно в Голицынском томе (далее – Голиц.) и от погребения Константина Угличского до кончины Александра Ярославича в Остермановском первом томе (далее – Остерман. I), а также сюжеты, в которых Александр Невский присутствует опосредованно (например, изгнание из Новгорода

---

[1] В исследовании мной использовалась электронная версия «народного издания» ЛЛС, выполненного ООО «Фирма АКТЕОН» (URL: http://akteon-elib.ru/ (дата обращения: 04.07.2021)). В электронной версии, повторяющей печатную, листы томов ЛЛС расположены в хронологическом порядке повествования.

[2] *Амосов А. А.* Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998. С. 167.

[3] Факсимильное издание: Житие Александра Невского. Текст и миниатюры Лицевого летописного свода XVI в. Л., 1990; В «народном издании» ЛЛС Житие Александра Невского разнесено по двум книгам: Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. М., 2014. URL: http://www.akteon-elib.ru/New_Edition/LITsIeVOI-LIeTOPISNYI-SVOD.-Russkaia-lietopisnaia-istoriia.-Knigha-5./V/#zoom=z (дата обращения: 04.07.2021). Кн. 5. С. 475–512 (Л. 898–926 об.); М., 2014. URL: http://www.akteon-elib.ru/New_Edition/LITsIeVOI-LIeTOPISNYI-SVOD.-Russkaia-lietopisnaia-istoriia.-Knigha-6./V/#zoom=z$ (дата обращения: 04.07.2021). Кн. 6. С. 1–28 (Л. 927–940 об.).

сына Александра Ярославича Василия (Остерман. I. Л. 5)[4]. Именно в Лаптев., Голиц. и Остерман. I томах, охватывающих XIII в., помещена бóльшая часть миниатюр с изображением Александра Ярославича[5].

Житие Александра Невского («О велицем князе Александре Ярославиче») – одно из нескольких лицевых житий-циклов, читающихся в составе ЛЛС[6]. Среди них также «Повесть о епископе Стефане Пермском», «Повесть древняя списанная о жизни Михаила Александровича Тверского», «Вмале сказание о княгине Евдокии», «Повесть о митрополите Алексии», Житие преподобного Сергия Радонежского[7]. В. В. Морозов отмечал, что изучение миниатюр ЛЛС, представляющих циклы, позволяет выявить «как творческие возможности отдельных мастеров, так и отдельные составляющие общей "программы"» памятника. По мнению исследователя, Житие Александра Невского – один из самых привлекательных миниатюрных циклов ЛЛС[8].

Я хотел бы обратить внимание на сюжет, несколько раз повторяющийся в миниатюрах ЛЛС, которые посвящены Александру Ярославичу. Это торжественные встречи, на которых присутствует князь. В ЛЛС торжества по случаю встречи самого Александра Невского изображены трижды. 1) Начало его второго княжения в Новгороде: «Въ лѣто 6750. Прииде князь великий Александръ Ярославичъ в Новъгород, с ним же и архиепископъ Спиридонъ и с боляры; новогородцы же срѣтоша его съ кресты во вратѣх града» (Лаптев. Л. 927). 2) После Ледового побоища: «Възвра-

[4] В «народном издании» ЛЛС соответствующие листы Голиц. и Остерман. I также помещены в кн. 5 и 6.

[5] *Шишка Е. А.* Пять исторических портретов: современники монгольского нашествия на Русь в книжных миниатюрах XIV–XVII веков // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2020. № 1 (12). С. 161. В других томах миниатюры, посвященные Александру Невскому, могут изображать события, связанные с его почитанием (например, «О явлении на воздусе святаго и великаго князя Александра Невскаго и о пожаре Володимерскомъ» в 6999 г. в Шумиловском томе ЛЛС).

[6] Еще А. Е. Пресняков обратил внимание, что редакция Жития Александра Невского в составе ЛЛС составлена из фрагментов летописей Никоновской и Воскресенской, а также Степенной книги (*Амосов А. А.* Лицевой летописный свод Ивана Грозного… С. 80). Степенная книга оказала существенное влияние и на другие сюжеты ЛЛС, посвященные Александру Невскому, в частности, из нее заимствованы статьи «Хожение Александрово в Орду» и «Плѣнение Неврюево» (*Пресняков А. Е.* Московская историческая энциклопедия XVI века. СПб., 1900. С. 38).

[7] *Назарова Г. А.* Миниатюры Жития Алексия митрополита Московского из Лицевого летописного свода // Лики летописи. М., 2010. Ч. 1. К 70-летию доктора исторических наук Валентина Викторовича Морозова. С. 39, 58.

[8] *Морозов В. В.* Лицевой летописный свод в контексте отечественного летописания XVI в. М., 2005. С. 241.

тившу же ся великому князю Александру со славною побѣдою… и якоже приближися великий князь Александръ къ граду Пскову, и срѣтоша его съ кресты игумени и попове в ризах, и народ многъ пред градомъ, поющи Господеви славу…» (Лаптев. Л. 939 об.). 3) В ходе примирения после конфликта с новгородцами из-за посадника Далмата: «И вниде князь Александръ Ярославичь в Новъгородъ, и срѣте его архиепископъ Далматъ со кресты и со всѣмъ священным собором» (Остерман. I. Л. 8). Также в ЛЛС изображена торжественная встреча митрополита Кирилла, в которой встречающим является сам князь: «И срѣте его с честию великою с предними мужи князь велики Александръ Ярославич; также срѣтиша его со кресты весь священный соборъ, анхимандриты и игумены и со множествомъ народомъ» (Лаптев. Л. 996 об.).

Все четыре раза в тексте ЛЛС отмечается, что встречи проводились «со кресты». Домонгольский церемониал встречи светских и духовных лиц известен нам лишь в общих чертах[9], но не приходится сомневаться, что в торжественных случаях тогда, как и в более позднее время, важнейшей составляющей встречи являлся крестный ход[10], факт которого и отражает летописная формула «со кресты». На четырех миниатюрах ЛЛС, где Александра Невского либо торжественно встречают, либо он сам является встречающим, кресты изображены. Также маркерами крестного хода здесь являются хоругви (4 раза), выносные иконы с изображением Спаса (2 раза), рипиды (2 раза). При этом в трех из четырех случаев встречающие несут процессионный крест, а в одном случае – напрестольный (миниатюра, посвященная началу второго княжения Александра Ярославича в Новгороде).

Анализ других миниатюр ЛЛС показывает, что для изображения торжественной церемонии, сопровождающейся крестным ходом, миниатюристы использовали именно образ процессионного креста, в большинстве случаев в парной связке «процессионный крест – хоругвь», дополняемой иногда рисунками рипид или икон. Таковы, например, миниатюры, изображающие выход христиан навстречу татарам из Новгорода-Северского (Голицын. Л. 224 об.), встречу владимирцами князей Мстислава и Ярополка Ростиславичей (Лаптев. Л. 317), встречу владимирцами князя Михалко Юрьевича (Лаптев. Л. 327 об.), закладку храма Воздвижения Креста

[9] См., например: *Лаушкин А. В.* «Възвращение с побѣдою»: Домонгольские княжеские церемонии в свете возможных параллелей // Восточная Европа в древности и Средневековье. XXXII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2020. С. 142–143; *Он же*. Вход новопоставленного епископа Пахомия в Ростов 28 января 1215 года: Выбор дня для торжественной церемонии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2019. Вып. 89. С. 49–66.

[10] *Романов Г. А.* Городские крестные ходы XIV–XVI вв. (по материалам Москвы и Новгорода). АКД. М., 1997. С. 4.

Голиц., л. 264 - Участники Суздальского съезда 1229 г. целуют крест Юрию Всеволодовичу.

во Владимире (Лаптев. Л. 838), поклонение частице «от Страстей Господнихъ» (Лаптев. Л. 839 об.), освящение церкви Бориса и Глеба в Ростове (Лаптев. Л. 841), освящение Спасо-Преображенского собора в Ярославле (Лаптев. Л. 895), освящение Благовещенской церкви на Городище (Остерман. I. Л. 402 об.; вместо хоругви изображены рипиды), несколько встреч митрополита Исидора (Голицын. Л. 476 об.–477 об.), встречу образа Николы Великорецкого в 1555 г. (Синодальный том[11]. Л. 177), встречу Ивана Грозного в Свияжске (Царственная книга[12]. Л. 519 об.), освящение Благовещенского храма в Казани (Царственная книга. Л. 633 об.) и др.[13] Ключевым предметом, который маркирует на миниатюрах ЛЛС крестный ход, очевидно, является именно процессионный крест. Он мог изображаться без иных атрибутов крестного хода и даже в отсутствие указания на шествие «со кресты» в тексте, если крестный ход подразумевался в рамках того торжества, о котором в ЛЛС идет речь. Например, так изображено освящение церкви в Вышгороде (Голицын. Л. 16).

Как же объяснить то, что на миниатюре, посвященной началу второго княжения Александра Невского, в изображении крестного хода, встречающего князя, отсутствует процессионный крест, но нарисован крест напрестольный?

Обращу внимание на ряд миниатюр Остермановского второго тома ЛЛС (далее – Остерман. II)[14], посвященных Куликовской битве. На одной из них изображена встреча Дмитрия Ивановича Донского епископом Коломенским Герасимом по пути на Куликово поле. Крестный ход здесь маркируется процессионным крестом, хоругвью, а также напрестольным кре-

---

[11] Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. М., 2014. Кн. 22. URL: http://www.akteon-elib.ru/New_Edition/LITsIeVOI-LIeTOPISNYI-SVOD.-Russkaia-lietopisnaia-istoriia.-Knigha-22./V/#zoom=z (дата обращения: 04.07.2021).

[12] Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. М., 2014. Кн. 21. URL: http://www.akteon-elib.ru/New_Edition/LITsIeVOI-LIeTOPISNYI-SVOD.-Russkaia-lietopisnaia-istoriia.-Knigha-21./V/#zoom=z (дата обращения: 04.07.2021).

[13] А. В. Арциховский, сравнивая изображение в ЛЛС католических и православных процессионных крестов, указывал: «В первых трех случаях он (католический крест. – А. Т.) противопоставлен русскому кресту, тоже четырехконечному, но более сложному по фигуре, имеющему ромбические утолщения центра и концов; кресты здесь вообще таковы» (*Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 137). Автор, безусловно, имеет в виду православные процессионные кресты, однако непонятно, относится ли фраза «кресты здесь вообще таковы» к ЛЛС в целом или только к тем случаям, которые он рассматривает в связи со сравнением.

[14] Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. М., 2014. Кн. 9. URL: http://www.akteon-elib.ru/New_Edition/LITsIeVOI-LIeTOPISNYI-SVOD.-Russkaia-lietopisnaia-istoriia.-Knigha-9./V/#zoom=z (дата обращения: 04.07.2021).

стом, который держит в правой руке Герасим. Миниатюре соответствует текст: «И Герасимъ епископъ Коломеньский срѣте его в градныхъ вратѣхъ со кресты» (Остерман II. Л. 61 об.). На обратном пути Дмитрия Донского снова встречает владыка Герасим «во вратѣх градных со живоносными кресты и со святыми иконами, со всѣм священным соборомъ». Атрибутами крестного хода здесь выступают процессионный крест, хоругвь и две иконы, напрестольного креста в руках Герасима или кого-либо еще из присутствующих нет (Остерман II. Л. 115 об.). Затем Дмитрий Донской входит в Москву, где «срѣте его отецъ его Киприанъ митрополитъ Киевский и всея Русии со кресты со всѣмъ священным соборомъ». Крестный ход на миниатюре маркируется процессионным крестом, хоругвью и иконой, напрестольного креста нет (Остерман II. Л. 117). Через одну миниатюру показано благословение Дмитрия Донского и Владимира Храброго митрополитом Киприаном «честным крестомъ» – митрополит протягивает князьям напрестольный крест (Остерман II. Л. 118 об.).

Архиерейские благословения, даже если о кресте не упоминается в тексте, иногда могли изображаться в ЛЛС так, как это отражено на миниатюре благословения Киприаном князей-победителей в Куликовской битве. Например, таково благословение Ивана Грозного митрополитом Афанасием (Синодальный том. Л. 533 об.). Полагаю, напрестольный крест в руке епископа Герасима на миниатюре встречи Дмитрия Донского воспроизводит именно такую модель – встреча князя архиереем подразумевала, что владыка преподаст благословение.

Однако в миниатюре из Жития Александра Невского напрестольный крест держит рядовой клирик. И вот теперь необходимо отметить, что в ЛЛС напрестольные кресты наиболее часто изображаются миниатюристами в сценах крестоцелования. Такие кресты (в большинстве случаев с голгофой) находятся на аналоях или прямоугольных подносах (если только это не упрощенные изображения аналоев): Голиц. Л. 46 об., 62, 74 об., 83, 109 об., 152 об., 177 об., 218, 221 об., 264, 283 об.; Лаптев. Л. 3, 39 об., 41, 45 об., 57 об., 137, 142 об., 167, 209, 226 об., 227, 239 об., 311 об., 313, 314, 317, 330, 333 об., 357 об., 394, 450, 454 об., 461 об., 467 об., 500, 508 об., 515, 516–518, 621, 622 об., 658 об., 663 об., 665, 687, 701, 724, 731 об., 749 об., 789, 800, 801 об., 802, 822, 832 об., 886 об.; Остерман. I. Л. 7 об., 444 об., 505, 639 и др.

Рассматривая текстологию сюжета о втором призвании Александра Невского в Новгород в ЛЛС, В. В. Морозов отметил, что в источниках этого сюжета (Никоновская летопись, Воскресенская летопись, Степенная книга) отсутствуют указания на какие-либо обстоятельства встречи князя новгородцами. Введение в ткань повествования встречи Александра Ярославича «со кресты» он объяснил отражением особого понимания мироустроения авторами ЛЛС и их стремлением к этикетности, когда торжественная встреча «более приличествовала прибытию святого кня-

зя»[15]. В то же время мы видим, что крестный ход на соответствующей миниатюре маркирован необычно – отсутствует процессионный крест, обязательный атрибут его изображения в ЛЛС. Но при этом нарисован напрестольный крест, обычно использовавшийся миниатюристами ЛЛС для изображения архиерейского благословения и, гораздо чаще, в сценах крестоцелования.

Возможно, данная особенность всего лишь случайность, пример невнимательности миниатюриста или иной причины, не связанной с целенаправленным созданием образа. Однако не исключаю и другого объяснения. Согласно наблюдениям О. И. Подобедовой над миниатюрами ЛЛС, «крестное целование как знак верности нередко заменяется символическим изображением аналоя с лежащим на нем крестом. … И наличие этого символа верности определяет эмоциональную окраску и подчеркивает направленность данной сцены»[16]. В рассматриваемом случае аналоя нет, но сохраняется напрестольный крест – средоточие верности[17]. Не эту ли верность новгородцев своему слову хотел подчеркнуть миниатюрист? Сцене встречи Александра Невского предшествуют две миниатюры. На одной из них архиепископ Спиридон с «предними мужи» новгородскими испрашивает прощения у Ярослава Всеволодовича за размолвку с его сыном и просит восстановить княжение Александра Ярославича в Новгороде (Лаптев. Л. 925 об.). На другой Ярослав Всеволодович «даде им сына своего князя Александра» (Лаптев. Л. 926).

Любопытно, что на миниатюре Лаптев. Л. 927 Александр Невский изображен с Т-образным светским посохом в руке, в то время как на трех миниатюрах с процессионным крестом посоха в руках князя нет. Как отмечал еще А. В. Арциховский, в изображении миниатюристов ЛЛС посох («жезл») наряду с головным убором был важной княжеской инсигнией, а также атрибутом новгородских посадников – «это единственная категория лиц не монархического звания, которым данный атрибут присваивается»[18]. На миниатюре Лаптев. Л. 927 посох имеет только Александр Невский, никто из встречающих посох не держит. Подчеркнутая принадлежность посоха именно князю на этой миниатюре, полагаю, может рассматриваться в одной связке с напрестольным крестом – торжества Александра Ярославича, восстанавливающего правду в его отношениях с Новгородом.

---

[15] *Морозов В. В.* Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI в. С. 24.

[16] *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965. С. 287.

[17] Показательно, что в сценах нарушения крестоцелования крест не изображается.

[18] *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. С. 118–119. О символике посоха также см.: *Пчелов Е. В.* Посох, скипетр, жезл: Из истории регалий Московского царства // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2012. № 21 (121). С. 159–173.

Лаптев., л. 927 - Встреча Александра Невского новгородцами. Начало его второго княжения в Новгороде.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Амосов А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998.

Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.

Житие Александра Невского. Текст и миниатюры Лицевого летописного свода XVI в. Л., 1990.

Лаушкин А. В. Вход новопоставленного епископа Пахомия в Ростов 28 января 1215 года: Выбор дня для торжественной церемонии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2019. Вып. 89. С. 49–66.

Лаушкин А. В. «Възвращение с побѣдою»: Домонгольские княжеские церемонии в свете возможных параллелей // Восточная Европа в древности и Средневековье. XXXII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2020. С. 142–143.

Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. М., 2014 [Электронное издание]. Кн. 5. URL: http://www.akteon-elib.ru/New_Edition/LITsIeVOI-LIeTOPISNYI-SVOD.-Russkaia-lietopisnaia-istoriia.-Knigha-5./V/#zoom=z (дата обращения: 04.07.2021).

Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. М., 2014 [Электронное издание]. Кн. 6. URL: http://www.akteon-elib.ru/New_Edition/LITsIeVOI-LIeTOPISNYI-SVOD.-Russkaia-lietopisnaia-istoriia.-Knigha-6./V/#zoom=z$ (дата обращения: 04.07.2021).

Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. М., 2014 [Электронное издание]. Кн. 9. URL: http://www.akteon-elib.ru/New_Edition/LITsIeVOI-LIeTOPISNYI-SVOD.-Russkaia-lietopisnaia-istoriia.-Knigha-9./V/#zoom=z$ (дата обращения: 04.07.2021).

Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. М., 2014 [Электронное издание]. Кн. 21. URL: http://www.akteon-elib.ru/New_Edition/LITsIeVOI-LIeTOPISNYI-SVOD.-Russkaia-lietopisnaia-istoriia.-Knigha-21./V/#zoom=z$ (дата обращения: 04.07.2021).

Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. М., 2014 [Электронное издание]. Кн. 22. URL: http://www.akteon-elib.ru/New_Edition/LITsIeVOI-LIeTOPISNYI-SVOD.-Russkaia-lietopisnaia-istoriia.-Knigha-22./V/#zoom=z$ (дата обращения: 04.07.2021).

Морозов В. В. Лицевой летописный свод в контексте отечественного летописания XVI в. М., 2005.

Назарова Г. А. Миниатюры Жития Алексия митрополита Московского из Лицевого летописного свода // Лики летописи. М., 2010. Ч. 1. К 70-летию доктора исторических наук Валентина Викторовича Морозова. С. 39–62.

Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965.

Пресняков А. Е. Московская историческая энциклопедия XVI века. СПб., 1900.

Пчелов Е. В. Посох, скипетр, жезл: Из истории регалий Московского царства // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2012. № 21 (121). С. 159–173.

Романов Г. А. Городские крестные ходы XIV–XVI вв. (по материалам Москвы и Новгорода). АКД. М., 1997.

Шишка Е. А. Пять исторических портретов: современники монгольского нашествия на Русь в книжных миниатюрах XIV–XVII веков // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2020. № 1 (12). С. 159–173.

Arkadiy E. Tarasov
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ALEXANDER NEVSKY AND SOLEMN MEETING CEREMONIES IN THE MINIATURES OF THE ILLUSTRATED CHRONICLE OF IVAN THE TERRIBLE

The article is devoted to the analysis of four solemn meetings, which were attended by Alexander Nevsky, as depicted in the miniatures of the Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible. It has been suggested that the features of one of the miniatures, which goes beyond the stencil images of the procession, may reflect an attempt by miniaturists to supplement the text with symbolism of visual images.

Keywords: procession, ceremonial cross, altar cross, prince's staff, kissing of the cross, ceremonies

А. А. Романова
Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

ЗАМЕТКИ О ПОЧИТАНИИ «НОВЫХ ЧУДОТВОРЦЕВ» В КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОМ МОНАСТЫРЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

В работе изложены наблюдения над практикой почитания «новых чудотворцев» в Кирилло-Белозерском монастыре до начала XVII в. на примере памяти св. Александра Невского.

Ключевые слова: рукописи Кирилло-Белозерского монастыря, почитание Александра Невского, месяцесловная память, Обиходники, указатели чтений

Празднование «новым чудотворцам», утвержденное на соборах середины XVI в., оказало большое влияние на богослужебную практику крупных монастырей. Включение новых памятей в месяцесловы богослужебных книг и в сборники богослужебных текстов шло постепенно. На примере хорошо сохранившейся библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря можно проследить, каким образом происходило добавление новых памятей, в том числе и памяти благоверного князя Александра Невского, в месяцесловы богослужебных книг.

По-видимому, в непродолжительное время после собора 1547 г. в обители св. Кирилла было принято решение выделить памяти «новым чудотворцам» в отдельный раздел указателя соборных чтений, вошедших в монастырские Обиходники, или краткие богослужебные уставы. В научный оборот указатели чтений были введены Н. К. Никольским[1]. В Обиходниках Кириллова монастыря указатели соборных чтений – произведений со ссылками на конкретные кирилловские рукописи, где можно их найти, – составляют три главы. Значимость их для богослужения подчеркивается тем, что они поставлены в начале: первая из них включает чтения на неподвижные праздники («Подобает ведати, в которых книгах чтутся слова святым» (глава 1, чтения с сентября по август), а две другие – на подвижные («Неделя о мытари и фарисеи почнется соборник Постной

[1] *Никольский Н. К.* Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1897. См. также: *Шибаев М. А.* Рукописи Кирилло-Белозерского монастыря XV века. Историко-кодикологическое исследование. М.; СПб., 2013. С. 23–46; *Романова А. А.* Указатели уставных чтений монастырских библиотек второй половины XVI в. // Федоровские чтения. М., 2007. С. 131–141.

и Синоксарь» (глава 2, чтения до Пасхи), «А от Пасхи начинается книга 50-ца в полдесть» (глава 3)). А вот отдельная глава 4 кирилловских указателей («Сий указ новым чюдотворцом, на кийждо день указася коемуждо праздновати») содержит перечень «новых чудотворцев» и является ценным источником для истории канонизации святых в Русской церкви. Макарий (Веретенников) исследовал один из списков – хранящийся ныне в собрании Оболенского в РГАДА, но эта глава присутствует и в других списках Обиходника[2]. На то, что идея выделения в 4-ю главу имен «новых чудотворцев» возникла после собора 1547 г., а не позднее, указывают включенные в нее имена. В Список «новых чудотворцев» вошли святые, празднование которым установлено на соборе 1547 г.: памяти архиепископа новгородского Иоанна, Никона Радонежского, Александра Невского, Михаила Клопского, Павла Обнорского, Макария Калязинского, митрополита Ионы, Зосимы Соловецкого, Пафнутия Боровского, Дионисия Глушицкого и Александра Свирского[3]. Список 4-й главы крайне лаконичен и не содержит лишних эпитетов по отношению ко всем новым святым: в отношении же великого князя Александра Ярославича упомянуто только: «Месяца того же [ноября] 23, великому князю Александру Невскому». Несмотря на значительное расширение перечня «новых чудотворцев» в дальнейшем, в составе указателя чтений количество имен новых святых не увеличилось и не поменялось. Даже в списках Обиходника, датируемых XVII в., редактирование 4-й главы не велось, хотя практического значения она уже не имела. Как представляется, причиной этому могло стать постоянное расширение списка святых, которым устанавливалось празднование, а также внесение указаний на необходимые чтения в основной текст первой главы Обиходника.

---

[2] *Макарий (Веретенников).* Макарьевские соборы 1547 и 1549 годов и их значение // Русская художественная культура XV–XVII вв. М., 1998. (Государственный историко-культурный музей-заповедник Московский Кремль. Материалы и исследования. 11). Прил. III. С. 17 – публикация текста главы по списку РГАДА. Ф. 201. № 58. Л. 55 об.–57.

[3] Память св. Александра присутствует практически во всех списках, перечисляющих святых, которым было установлено празднование в 1547 г., за редким исключением: список окружной грамоты митрополита Макария, направленной в Вологду и Белоозеро, не упоминает имени князя Александра (ААЭ. СПб., 1836. Т. 1. № 213. С. 203–204), предположительно этот пропуск был случайным (см.: *Мусин А. Е.* Соборы митрополита Макария 1547–1549 гг. и проблема авторитета в культуре XVI в. // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья. XVI в. СПб., 2003. С. 153; *Жуков А. Е.* Список соборной грамоты 1547 г. о прославлении новых чудотворцев в составе сборника митрополита Новгородского и Великолуцкого Исидора // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4 (78). С. 42. Примеч. 15). Конечно, можно предположить, что такого рода ошибка и стала причиной того, что празднование св. Александру не сразу получило распространение, но сведения, приводимые в 4-й главе Обиходника, это предположение не подтверждают.

Как отметил Н. К. Никольский, первая редакция кирилло-белозерских Обиходников, включившая в себя три главы указателя, появилась, судя по упоминаемым в ней рукописям, не ранее 1554 г. – при этом перечень святых из главы 4 дополнен не был. Это не означает, что редактирование текста Обиходника не велось – рукописи, принадлежащие к одной редакции Обиходника (первой, по классификации Н. К. Никольского), содержат далеко не идентичный текст указателей. Кроме того, не во всех списках условно выделяемой первой редакции Обиходников присутствуют указатели чтений. Из перечисленных Н. К. Никольским списков первой редакции (РНБ. Собрание Кирилло-Белозерского монастыря (далее – Кир.-Бел.). № 730/987, 731/988, 742/999, 60/1137, 819/1076; Софийское собрание. № 1164 (далее – Соф. 1164); Основное собрание рукописной книги. Q.I.52 (далее – Q.I.52))[4] их нет в рукописях Соф. 1164 и Q.I.52 – объяснение этому можно будет найти в ходе дальнейшего исследования текстологии кирилловских Обиходников.

Подготовленный Н. К. Никольским к изданию текст отражает наиболее раннюю редакцию указателя чтений[5]. В нее еще не внесены указания на то, где брать чтения на «память» новых русских чудотворцев.

Ранняя редакция указателя Кирилло-Белозерского монастыря представлена списками РНБ. Кир.-Бел. № 60/1137, конца XVI в. (по нему была подготовлена публикация в книге Н. К. Никольского) и (с небольшими разночтениями) Кир.-Бел. № 730/987, 1570-х гг. (обе рукописи подробно описаны в исследовании Н. К. Никольского). Эта же редакция указателя представлена в списках XVII в., в составе более поздних редакций Обиходника: РНБ. Кир.-Бел. № 733/990. «Обиходник Кирилова монастыря, живет у уставщика в кельи». 1630-е гг. Л. 189–216, главы без нумерации; РНБ. Кир.-Бел. № 748/1005. «Книга Обиходничек церковной скорописной в четверть», тетради с указателем – 1640-е гг. Л. 192–219 об., главы 1–3, глава 4 отсутствует.

Важное различие между списками указателя чтений, также отмеченное Н. К. Никольским, состоит в том, что в кирилловских указателях редактированию подвергались указания на рукописи, из которых следует брать чтения на тот или иной день. Главы указателя чтений известны как в первой редакции Обиходника, так и в списках, отличающихся от этой редакции по составу, но взаимоотношение этих списков должно стать предметом отдельного исследования.

Редакция с изменениями известна в списках конца XVI – первой половины XVII в.: РНБ. Кир.-Бел. № 731/988. «Обиходник церковной в

[4] *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века. Управление. Общинная и келейная жизнь. Богослужение. СПб., 2006. С. 264. Примеч. 1.

[5] Там же. С. 285–296.

книгохранителни живет в церкви, по кельям не дают». 1580–1590-е гг. Л. 68–85 об.; Кир.-Бел. № 819/1076. Конец XVI в. Л. 12–50; РГАДА. Ф. 201. № 58. Конец XVI – начало XVII в. Л. 7–57; РНБ. Кир.-Бел. № 742/999. 1620–1630-е гг. Л. 4–25; Кир.-Бел. № 743/1000. «Книга обиходник писменая». Первая четверть XVII в. Л. 178–206 об. (нумерация глав отсутствует, текст глав указателя помещен в середину рукописи). Извод той же редакции указателя, отличающийся от остальных списков отсутствием «указа новым чудотворцам» (глава 4), представлен в списке еще одной редакции церковного Обиходника Кирилловского монастыря, принадлежавшем старцу того же монастыря, книжнику Матфею Никифорову, – РНБ. Софийское собрание. № 1162. Вторая четверть XVII в. Л. 451–464 об.[6]

Наиболее существенные отличия от ранней редакции состоят в следующем. Во-первых, в тексте месяцесловной части указателя (глава 1) появились пояснения, в каких книгах брать чтения на память русских святых – «новых чудотворцев», и этот перечень не совпадает с помещенным в главу 4. Отметим, что память Александра Невского в подавляющее большинство списков не включена[7]. В обновленную главу 1 вошли памяти Иоанна Новгородского, Савватия Соловецкого, Павла Обнорского, Михаила Клопского, Макария Калязинского, Ионы митрополита, Зосимы Соловецкого, Пафнутия Боровского, Дионисия Глушицкого, Никиты Переяславского, Прокопия Устюжского, Авраамия Смоленского и Александра Свирского. В целом текст главы 1 остался достаточно стабильным, хотя отдельные списки были дополнены (например, в некоторых списках появилась и память князя Александра – РНБ. Кир.-Бел. № 731/988. Конец XVI в. Л. 72: «Князю Александру Невскому в болшем в сентябрьском собор(нике) 17 лис(тов)»)[8]. Также в одной из рукописей (РНБ. Кир.-Бел. № 743/1000) под 14 июля добавлено указание на чтение подвижнику, празднование которому было установлено уже после Макарьевских соборов: «Стефану Махрищьскому в новом соборнике в полдесть 39 листов» (Л. 196).

В указателях чтений ссылки на одни рукописи менялись на другие. Как можно заключить из характеристик рукописей в более ранних вариантах и в более поздних, замены в списке диктовались, в частности, состоянием рукописи (чтения из «ветшаной Минеи» сменились на чтения

[6] *Шаблова Т. И.* Келарский обиходник Матфея Никифорова старца Кирилло-Белозерского монастыря 1655/1656 г. М., 2002. С. 29. Примеч. 52; С. 184, 190. Примеч. 46.

[7] Ср.: *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века… С. 243.

[8] По наблюдениям Н. К. Никольского, систематическое пополнение Обиходника памятями отдельных святых, празднование которым было установлено при митрополите Макарии, датируется XVII в. (*Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века… С. 244).

«из болшого соборника»). В поздней редакции появились указания на то, как удобнее находить текст: если он помещался ближе к концу, добавлялась рекомендация «чти от нижния дски». Отдавалось также предпочтение тем сборникам, в которых находились нужные чтения подряд для ряда дней. Если в ранней редакции имелись ссылки примерно на 30 монастырских рукописей, то в поздней редакции это количество уменьшилось на треть.

На этом этапе редактирование кирилловских указателей не закончилось: следующий этап изменения указателей чтения состоял в редактировании не первой, а второй и третьей глав указателя, посвященных подвижным праздникам: в двух близких по составу Обиходниках РНБ. Кир.-Бел. № 818/1075, второй половины 1620-х гг., и РНБ. Софийское собрание. № 1163, середины XVII в., эти главы были объединены в одну. Отдельная глава с перечислением порядка празднования памяти «новых чудотворцев» встречается в Обиходниках и отдельно от указателей: так, в рукописи второй четверти XVII в. РНБ. Кир.-Бел. № 751/1008 в главе 145 помещен «Указ о святых великих новых чюдотворцов празнуемых от понедельника светлыа недели и до недели всех святых». Разночтения в памятях русских святых, для которых подбирались чтения из книг монастырской библиотеки, позволяют утверждать, что решение о том, кому полагается чтение Жития, а кому нет, принималось внутри монастыря, скорее всего, игуменом, в соответствии с формулировкой «аще настоятель изволит».

Появление указателей чтений был вызвано рядом причин, в том числе изменениями устава, увеличением количества рукописей в монастырской библиотеке, а также установлением на московских соборах 1547–1549 гг. общецерковного празднования ряду русских святых. Подбор нужных чтений осуществлялся как путем составления/переписки новых рукописей (соборников), где нужные слова/жития/поучения подбирались в календарном порядке, так и путем составления указателей, благодаря которым возможно было быстро отыскать нужное чтение в уже имеющихся в монастырской библиотеке рукописях. Существуют убедительные свидетельства в пользу того, что указания монастырских Обиходников позволили создать новые сборники, используемые для чтения «на соборе», которые было удобнее использовать[9].

Н. К. Никольский отметил, что кирилловская «богослужебная практика в XVI в. держалась консервативного направления при установле-

[9] См.: *Новикова О. Л.* Организация «соборного» чтения в Кирилло-Белозерском монастыре в XVI – начале XVII столетия // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXIII Международной научной конференции. М., 2020. С. 305–307; *Духанина А. В., Карбасова Т. Б., Башнин Н. В.* Агиографический сборник 70-х годов XV в. СПбИИ РАН. Кол. Н. П. Лихачева. № 161 – «Толстый соборник» Кирилло-Белозерского монастыря // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 4 (82). С. 135–140.

нии новых обрядов», и эта тенденция не ограничивалась Обиходниками. Память далеко не всех святых, празднование которым было установлено при митрополите Макарии, одновременно была учтена богослужебной практикой второй половины XVI в. в Кириллове[10]. Памяти «новых чудотворцев» могли помещаться обособленно: в сборнике рубежа XVI–XVII вв., включающем Книгу праздничную и Книгу кормовую Кирилло-Белозерского монастыря, отдельно помещены «тропари и кондаки святым иже в ряду не писаны в святцех, святым преподобным и новым чюдотворцом» (РНБ. Основное собрание рукописной книги. Q.XVII.269. Л. 104–132, в том числе на л. 110–110 об., под 23 ноября, тропарь и кондак «святому князю Александру Невскому»).

Процитированное наблюдение Н. К. Никольского можно проиллюстрировать примером из Следованной Псалтири РНБ. Кир.-Бел. № 112/369, первой трети XVII в. Здесь чтения из Евангелия и Апостола на памяти «новых чудотворцев» выделены в отдельный раздел (без заголовка); на л. 584: «ноября в 23 день… Того же числа князю Александру Невскому на утрение еуангелие от Иванна зачало 36, на литоргии и постол зачало 213, еуангелие от Матфея 43».

Каждый случай «пропуска» памяти «новых чудотворцев» следует рассматривать отдельно, в том, что касается св. Александра, можно объяснить это следующим образом. Почитание Александра Ярославича долгое время было связано прежде всего с местом его погребения, то есть с Владимирским Рождественским монастырем, иноком которого Михаилом была составлена Служба св. Александру к собору 1547 г. О почитании князя Александра как владимирского святого свидетельствуют, например, Святцы 1626 г. (РНБ. Кир.-Бел. № 516/773. 1626 г.), где под 23 ноября значится: «…в тои ж день благовернаго князя Александра Невскаго, иже в Володимере, нов(ого) чюдо(творца), преставися в лето 6771» (Л. 16 об.). Почитался св. Александр и в Москве, как покровитель великокняжеского дома: в послании 1480 г. митрополита Геронтия на Угру в помощь Ивану III призываются молитвы русских святых, в том числе «…сродника вашего святаго старца князя Александра Невского»;[11] и с установлением празднования память св. Александра в Москве увековечивается в живописи, литературе и архитектуре. Но до Кириллова эта тенденция доходит не сразу, и, несмотря на однозначное указание церковных властей, внесение памяти св. Александра Невского в месяцесловы богослужебных книг в монастыре на протяжении второй половины XVI в. не носит систематического характера. Не способствовало распространению почитания св. князя и факти-

[10] *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века… С. 241–244.

[11] Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 1. № 90. С. 138.

ческое отсутствие церковного почитания перед установлением празднования[12], и отсутствие иконописной традиции: икон с изображением князя от XVI в. сохранилось немного, и они преимущественно московского происхождения, изображения князя ранее середины XVI в. не сохранились[13]. По данным Описи Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г., в монастыре не было ни одной иконы с изображением св. Александра.

Можно привести пример рукописей второй половины XVI в., где памяти Александра Невского нет (РНБ. Кир.-Бел. № 259/516. Часовник; Кир.-Бел. № 86/343. Л. 133 об., нет имени Александра в статье «А в Кирилове монастыре сице глаголют новых чудотворцев»). Иногда отсутствие памяти может быть объяснено пропуском – как в случае с кирилловской рукописью, в которой тропарь и кондак Александру помещены не в календарном порядке, а в отдельный раздел (РНБ. Кир.-Бел. № 80/337. Псалтирь следованная рубежа XVI–XVII вв.; в основном тексте месяцеслова имени Александра Невского нет; после пасхалии и лунного течения помещено указание: Петру митрополиту тропарь (Л. 622 об.) и «Месяца ноября 23 день успение великаго князя Александра Ярославича Невьскаго новаго чюдотворца …» (Л. 623)).

В рукописной традиции можно наблюдать разные варианты наименования князя Александра Ярославича. В святцах, входящих в следованную Псалтирь третьей четверти XVI в. (РНБ. Кир.-Бел. № 98/355), указано: «В тои ж день Успление великаго князя Александра Ярославича Володимерскаго и Новогороцкаго и всея Руси самодержца новаго чюдотворца» (Л. 270–270 об.) – есть именование «новый чудотворец», но нет указания «святой». Так же в Часослове конца XVI в. РНБ. Кир.-Бел. № 253/513. Л. 291: «В тои ж день успение великаго князя Александра Невскаго» (тропарь, кондак), Часослове рубежа XVI–XVII вв. РНБ. Кир.-Бел. № 293/550. Л. 132: «В тои ж день успение великаго князя Александра Невскаго… », в Трефолое конца XVI в. РНБ. Кир.-Бел. № 450/707. Л. 59–73 об.: «Месяца того ж 23 преставление великого князя Александра Невскаго новаго чюдотворца».

Обращает на себя внимание то, что святым в святцах князя Александра не называют, не именуется он и благоверным, его иноческое имя не упоминается (что ставит, на наш взгляд, под сомнение утверждение, согласно которому князь Александр почитался в этот период прежде всего как инок). Во второй половине XVI в. память «нового чудотворца» Александра вносилась в кирилловские месяцесловы нерегулярно, не отмечается и однозначное отнесение его к тому или иному чину святых.

---

[12] *Сиренов А. В.* Александр Невский в культуре России, Средневековья и Нового времени // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2016. М., 2017. С. 371.

[13] См.: *Абраменко Н. М.* Образ Александра Невского в древнерусском искусстве // Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. М., 2021. С. 498.

Представляется вероятным, что унификация в тексте месяцесловов именования князя Александра Невского связана с распространением печатных богослужебных книг, хотя и здесь поначалу имелись разночтения: в святцах Устава 1610 г. под 23 ноября: «преставление святого благовернаго князя Александра Невскаго и всея Росии чюдотворца», а в ноябрьской Минее 1610 г.: «и святого благовернаго великаго князя Александра Невскаго Владимерьскаго и Новгородскаго, нареченаго во иноцех Алексия, а служба ему писана после сего канона». Иноческое имя святого князя, впрочем, по-прежнему употреблялось нерегулярно. По крайней мере, в Святцах РНБ. Кир.-Бел. № 503/760 второй четверти XVII в. в чтении под 23 ноября (Л. 82–83 об.) имеется такое указание: «…преставление святого благовернаго князя Александра Невскаго и Всея Русии чюдотворца…».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ААЭ. СПб., 1836. Т. 1.

Абраменко Н. М. Образ Александра Невского в древнерусском искусстве // Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. М., 2021. С. 490–577, 660–664.

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 1.

Духанина А. В., Карбасова Т. Б., Башнин Н. В. Агиографический сборник 70-х годов XV в. СПбИИ РАН. Кол. Н. П. Лихачева. № 161 – «Толстый соборник» Кирилло-Белозерского монастыря // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 4 (82). С. 131–144.

Жуков А. Е. Список соборной грамоты 1547 г. о прославлении новых чудотворцев в составе сборника митрополита Новгородского и Великолуцкого Исидора // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4 (78). С. 40–47.

Макарий (Веретенников). Макарьевские соборы 1547 и 1549 годов и их значение // Русская художественная культура XV–XVII вв. М., 1998. (Государственный историко-культурный музей-заповедник Московский Кремль. Материалы и исследования. 11). С. 5–22.

Мусин А. Е. Соборы митрополита Макария 1547–1549 гг. и проблема авторитета в культуре XVI в. // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья. XVI в. СПб., 2003. С. 146–155.

Никольский Н. К. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1897.

Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века. Управление. Общинная и келейная жизнь. Богослужение. СПб., 2006.

Новикова О. Л. Организация «соборного» чтения в Кирилло-Белозерском монастыре в XVI – начале XVII столетия // Вспомогательные исторические

дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXIII Международной научной конференции. М., 2020. С. 305–307.

Романова А. А. Указатели уставных чтений монастырских библиотек второй половины XVI в. // Федоровские чтения. М., 2007. С. 131–141.

Сиренов А. В. Александр Невский в культуре России, Средневековья и Нового времени // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2016. М., 2017. С. 368–380.

Шаблова Т. И. Келарский обиходник Матфея Никифорова старца Кирилло-Белозерского монастыря 1655/1656 г. М., 2002.

Шибаев М. А. Рукописи Кирилло-Белозерского монастыря XV века. Историко-кодикологическое исследование. М.; СПб., 2013.

Anastassia A. Romanova
The Russian Academy of Sciences Library, Saint Petersburg, Russia

SOME WORDS ON DEVOTION OF "NEW MIRACLE WORKERS" IN KIRILLO-BELOZERSKY MONASTERY IN THE LATTER HALF OF THE 16TH CENTURY

The article deals with the practice of devotion of "new miracle workers" in the second half of the 16th century, by the example of St. Prince Alexander Nevsky in Kirillo-Belozersky Monastery.

Keywords: manuscripts from the Kirillo-Belozersky Monastery, devotion of prince Alexander Nevsky, menologies, monastery regulations, indices of texts

А. В. Духанина
ИРИ РАН, Москва, Россия

РУКОПИСНАЯ И СТАРОПЕЧАТНАЯ ТРАДИЦИИ ПРОЛОЖНОЙ РЕДАКЦИИ ЖИТИЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

В 40-е гг. XVI в. появилась Проложная редакция Жития Александра Невского, представляющая собой сокращенный вариант Редакции Василия-Варлаама. Она была составлена псковскими книжниками для пополнения Пролога в связи с общерусским прославлением святого князя на Макарьевском соборе 1547 г. В отредактированном виде эта редакция вошла под 23 ноября во второе издание Пролога (1642–1643 гг.), в составе которого переиздавалась, подвергаясь правке, на протяжении XVII–XVIII вв. После перенесения мощей Александра Невского в Санкт-Петербург в 1723–1724 гг. и изменения дня памяти святого князя на 30 августа Гавриил Бужинский по заказу Синода составил на основе Проложной редакции новую редакцию Жития, которая, в свою очередь, стала основой для еще одной редакции, включенной под 30 августа в печатный Пролог 1792 г., где оказалось, таким образом, уже две редакции Жития Александра Невского.
Ключевые слова: агиография, текстология, Житие Александра Невского, Проложная редакция, печатный Пролог

Житие Александра Невского изучается с XIX в., однако и по сей день рукописная и старопечатная традиции произведения остаются во многом слабо исследованными. Специалист по агиографии святого князя Ю. К. Бегунов в своих обзорах конца XX – начала XXI в. называл 20 или 21 редакцию текста[1], хотя этим числом количество созданных редакций, конечно же, не исчерпывается. При этом можно говорить о хорошо разработанной рукописной традиции только для двух первых редакций текста – Первоначальной и Основной, – имеющих критические издания[2]. Бóльшая же часть редакций находится на той стадии изучения, которая представлена в дореволюционной работе В. Мансикки[3], по сей день остающейся един-

[1] *Бегунов Ю. К.* Житие Александра Невского в русской литературе XIII–XVIII веков // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 163–171; *Он же.* Александр Невский. Жизнь и деяния святого и благоверного великого князя. М., 2003. С. 187–188.

[2] См.: *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965; *Begunov Yu. K.* Die Vita des Fürsten Aleksandr Nevskij in der Novgoroder Literatur des 15. Jahrhunderts // Zeitschrift für Slavistik. 1971. Bd 16. H. 1. S. 88–109.

[3] *Мансикка В.* Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913. (Памятники древней письменности и искусства. № 180).

ственным трудом, комплексно освещающим рукописную традицию Жития святого князя[4].

Одной из таких редакций является Проложная редакция Жития. Она была известна уже в XIX в. по единственному списку в составе так называемого Румянцевского сборника – рукописи середины XVI в. РГБ. Ф. 256 (Собрание Н. П. Румянцева). № 397 (далее – Рум. 397) (Л. 348г–351г, 353а–в)[5]. В. Мансикка выявил ее источники и рассмотрел текст главным образом с точки зрения особенностей редакторской работы[6]. Он указал также, что Проложная редакция Жития Александра Невского была включена в печатный Пролог[7]. Существующие на данный момент издания этой редакции связаны с публикацией текстов печатного Пролога 1675 г.[8] Больше исследователи к ней не обращались (по классификации Ю. К. Бегунова, это 9-я редакция Жития, которая ошибочно датируется концом XVI в.[9]). Однако история этой редакции заслуживает более детального освещения: текст неоднократно правился, вошел в печатный Пролог, вместе с которым получил широкое распространение, и впоследствии стал источником новых редакций в XVIII в. Этому и посвящена настоящая статья.

В 40-е гг. XVI в. появились сразу две пространные редакции Жития Александра Невского, созданные для Великих Миней Четиих: Владимирская, или Слово похвальное Александру Невскому, и Редакция Василия-Варлаама, псковского книжника, автора целого ряда редакций житий и служб русским и славянским святым[10]. Составление новых пространных редакций житий русских святых для Великих Миней Четиих было лишь одним из направлений инициированного митрополитом Макарием во второй четверти XVI в. процесса унификации почитания рус-

[4] Подробный обзор современного состояния изучения рукописной и старопечатной традиций Жития см.: *Духанина А. В.* Рукописная и старопечатная традиции Жития Александра Невского // Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. М., 2021. С. 92–169, 652–655.

[5] См.: *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 251.

[6] *Мансикка В.* Житие Александра Невского… Ч. 1. С. 165–170.

[7] Там же. С. 165.

[8] Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Под ред. А. И. Пономарева. СПб., 1896. Вып. 2. Ч. 1. С. 55–58; *Державина О. А.* Древняя Русь в русской литературе XIX в. (Сюжеты и образы древнерусской литературы в творчестве писателей XIX века). Пролог. Избранные тексты. М., 1990. С. 243–246.

[9] *Бегунов Ю. К.* Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII в. об Александре Невском // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 72; *Он же.* Житие Александра Невского в русской литературе XIII–XVIII вв. С. 164; *Он же.* Александр Невский… С. 187–188.

[10] О Василии-Варлааме см.: *Дмитриева Р. П.* Василий (в иноках Варлаам) // СККДР. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 112–116; *Макарий (Веретенников), архим.* Василий // ПЭ. М., 2004. Т. 7. С. 72–74.

ских и славянских святых, который нашел свое официальное выражение в церковных соборах 1547 и 1549 гг., где было установлено общецерковное празднование памяти нескольких десятков подвижников[11]. На соборе 1547 г. состоялась общерусская канонизация и святого князя Александра Невского.

Унификация почитания святых предполагала упорядочение литургической практики, в рамках которого собирались или создавались новые службы святым, а также проложные редакции житий. Более ранняя Проложная редакция Жития Александра Невского не известна. Возможно, в этом качестве сначала использовалась так называемая Особая редакция, списки которой XVI–XVII вв. встречаются в Прологах[12]. Однако, как и в случае с некоторыми другими житиями, проложный текст, посвященный Александру Невскому, составлялся в середине XVI в. заново. Основным источником для него стала новая редакция Жития, недавно созданная Василием-Варлаамом.

В Проложной редакции Житие получило заглавие: **сѵ̑тго бл҃гов҃ѣрнаго великаго кн҃зѧ александ҃ра невъ́ска҃г. новаго чюдв҃ а ц о р о** (без обозначения жанра) – и начинается словами: **Сеи оубо бы҃ бл҃гов҃ѣ́рныи, и хр҃тѡлюбивыи великїи кн҃ѧ҃з александ҃ръ. сн҃ъ ꙗрославичь. в҃ноукъ великомоу кн҃зю всеволждоу в҃ладимеровичю**… (Рум. 397. Л. 348г).

При составлении Проложной редакции Жития текст Василия-Варлаама был сокращен: из него были убраны предисловие и послесловие, а также рассказы о взятии Копорья, Ледовом побоище, литовском походе, диспуте с послами папы римского. Основное внимание в Проложной редакции уделено двум эпизодам из жизни князя – Невской битве и первой поездке в Орду, причем последний сохранен почти полностью и потому занимает значительное место в тексте. Тем самым составитель Проложной редакции смог подчеркнуть две стороны деятельности Александра: воина, победителя врагов Руси и поборника православной веры. Остальные сюжеты подверглись сокращению: составитель Проложной редакции опускает прямую речь персонажей, молитвы, ряд исторических деталей. Кроме того, текст существенно упрощается в стилистическом отношении: из него убираются рассуждения, цитаты, риторические фигуры. Помимо основного источника – Редакции Василия-Варлаама – составитель Проложной редакции привлек дополнительный источник, вероятнее всего, Владимирскую редакцию Жития, к которой в отдельных чтениях близок рассказ о чуде с «душевной грамотой» и из которой, видимо, взято монашеское имя Александра – Алексий[13].

---

[11] См.: *Ткачев Е. В.* Канонизация. Канонизация святых на Соборах 1547 и 1549 гг. // ПЭ. М., 2012. Т. 30. С. 303–307.

[12] Списки редакции см.: *Beginov Yu. K.* Die Vita des Fürsten Aleksandr Nevskij… S. 105.

[13] См.: *Мансикка В.* Житие Александра Невского… Ч. 1. С. 169–170.

Близкий подход к составлению проложной редакции наблюдается в целом ряде русских и славянских проложных статей, вошедших в Румянцевский сборник, в частности в проложных редакциях житий княгини Ольги[14], Иоанна Новгородского[15], Саввы Крыпецкого[16], Александра Свирского[17], Стефана Пермского[18], Авраамия Ростовского[19] и др. В основе всех этих произведений лежат пространные редакции соответствующих житий, текст которых в основном сокращался механически и подвергался стилистическому упрощению, иногда с привлечением отдельных сведений из дополнительного источника, что позволяет атрибутировать все эти проложные редакции одному кругу авторов. Можно говорить о составлении во второй четверти XVI в. целого комплекса проложных редакций житий и сказаний, посвященных русским и славянским святым и праздникам[20].

Этот комплекс готовился для включения в Пролог: списки Пролога, куда вошли статьи из этого комплекса, относят в литературе к так называемым Макарьевским видам (вариантам) Псковской редакции простого Пролога (для сентябрьской половины года) и Пространной редакции простого Пролога (для мартовской половины года)[21]. Работа над состав-

[14] См.: *Карпов А. Ю.* Житие княгини Ольги в редакции псковского книжника Василия (в иночестве Варлаама) // Очерки феодальной России. М., 2003. Вып. 7. С. 72–83.

[15] См.: *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973. С. 177–178.

[16] См.: *Охотникова В. И.* Псковская агиография XIV–XVII вв. СПб., 2007. Т. 2. Жития преподобных Евфросина Псковского, Саввы Крыпецкого, Никандра Псковского. С. 498–501.

[17] См.: *Соболева А. Е.* Проложное Житие Александра Свирского: реконструкция ранних этапов истории текста // Slověne. 2016. Т. 5. № 1. С. 158–162.

[18] См.: *Духанина А. В.* Вторая Проложная редакция Жития Стефана Пермского, связанная с общерусской канонизацией святителя // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 4 (74). С. 130–136.

[19] См.: *Духанина А. В.* Проложная редакция Жития Авраамия Ростовского в составе печатного Пролога (к вопросу о происхождении) // Вестник церковной истории. 2019. № 1/2 (53/54). С. 156–157.

[20] *Духанина А. В.* К вопросу о происхождении русских статей в составе печатного Пролога 1642–1643 гг. (на материале житий Авраамия Ростовского, Дионисия Глушицкого, Исайи Ростовского и Исидора Твердислова) // Тринадцатые Загребинские чтения: сборник статей по итогам международной научной конференции (3–4 октября 2018 г.). СПб., 2019. С. 277–298; *Она же.* Вторая Проложная редакция Жития Стефана Пермского… С. 136–141.

[21] См.: *Фет Е. А.* Новые факты к истории древнерусского Пролога // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 53–70; *Чистякова М. В.* Макарьевские варианты Псковской и Пространной редакций Простого пролога // Latopisy Akademii Supraskiej. Białystok, 2011. Vol. 2. Kościół prawosławny na Bałkanach i w Polsce – wzajemne relacje oraz wspólna tradycja. С. 163–172.

лением новых проложных редакций велась в Пскове. Там же был составлен и Румянцевский сборник, куда вошло большинство статей этого комплекса[22].

Таким образом, нет сомнений в псковском происхождении Проложной редакции Жития Александра Невского[23]: на это указывает и выбор источника – редакции псковича Василия-Варлаама, и включение Проложной редакции в Румянцевский сборник и Макарьевский вариант Псковской редакции простого Пролога. Тем самым редакция продолжает псковскую литературную традицию Жития[24].

Румянцевский сборник, датируемый серединой XVI в., содержит самый ранний известный на сегодняшний день список Проложной редакции Жития Александра Невского, а значит, редакция появилась, вероятнее всего, в 40-е гг. XVI в. Еще два списка этой редакции обнаружены нами в составе двух Прологов, относящихся к Макарьевскому варианту Псковской редакции простого Пролога: РГБ. Ф. 98 (Собрание Е. Е. Егорова). № 1299 (далее – Егор. 1299), второй половины 50-х – начала 60-х гг. XVI в. (Л. 237б–241а); РНБ. Собрание А. А. Титова. № 1220 (далее – Тит. 1220), конца 60-х – 70-х гг. XVI в. (Л. 225г–229б). Надо сказать, что разночтения в этих трех списках немногочисленны и объясняются главным образом писцовыми ошибками.

Как упоминалось выше, уже В. Мансикка заметил, что Проложная редакция Жития Александра Невского была включена в печатный Пролог. Впервые она появляется во втором издании сентябрьского тома Пролога 1642 г. (а не в первом издании 1641 г., как ошибочно указывал Ю. К. Бегунов в своих классификациях редакций Жития[25], не обращаясь к истории печатного Пролога).

Во второе издание Пролога (1642–1643 гг.)[26], по указу царя, должны были войти статьи, посвященные русским святым[27], которых в первом

---

[22] Подробнее о сборнике см.: *Духанина А. В.* Вторая Проложная редакция Жития Стефана Пермского… С. 137–141.

[23] Которое предполагал уже Н. И. Серебрянский (*Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М., 1915. Ч. 1. С. 217).

[24] Об этом неоднократно писал Ю. К. Бегунов (см.: *Бегунов Ю. К.* Александр Невский в псковской литературе XV–XVI вв. // Zeitschrift für Slawistik. 1976. Bd 21. H. 3. S. 311–318; *Он же.* Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII в. об Александре Невском. С. 77).

[25] *Бегунов Ю. К.* Житие Александра Невского в русской литературе XIII–XVIII вв. С. 164, 169; *Он же.* Александр Невский… С. 187–188. Заметим, что Ю. К. Бегунов выделяет печатный текст в отдельную редакцию – 12-ю.

[26] Первый том, на сентябрьскую половину года, вышел в 1642 г., второй, на мартовскую половину года, – в 1643 г.

[27] Об этом сообщается в Послесловии (см.: Пролог (сентябрь – февраль). М., 1642. Л. 904 об.–905).

издании насчитывались единицы (всего 7 русских в томе на сентябрьскую половину года), в связи с чем второй его том так и не вышел[28]. Для пополнения Пролога русскими статьями, согласно материалам архива Приказа книгопечатного дела, 31 октября 1641 г. «из Симонова монастыря взята книга Пролог с сентября да и Чюдова монастыря взята книга Пролог с марта для переводу… »[29]. «Пролог с марта» из Чудова монастыря сохранился – это Пролог на март – август ГИМ. Синодальное собрание. № 241, 20-х гг. XVII в., ставший рукописным корректурным экземпляром для издания тома Пролога на мартовскую половину года[30]. А вот Пролог «из Симонова монастыря», откуда брались русские статьи для сентябрьской половины года, в том числе и Житие Александра Невского (помещаемое под 23 ноября), к сожалению, до нас не дошел. Однако можно утверждать, что он относился к Макарьевскому варианту Псковской редакции простого Пролога и по составу русских и славянских статей был близок к Прологам второй половины XVI в. Егор. 1299 и Тит. 1220. Так Проложная редакция Жития Александра Невского времени митрополита Макария оказалась в печатном Прологе (см. стемму в конце настоящей статьи).

Сопоставление списков Проложной редакции Жития Александра Невского XVI в. и текста в издании Пролога 1642 г. позволяет говорить об общем протографе списка Егор. 1299 и предполагаемого списка в составе рукописного Пролога «из Симонова монастыря» – антиграфа-черновика текста Жития в печатном Прологе 1642 г. В частности, и в списке Егор. 1299, и в печатном Прологе, в отличие от других списков, опущено слово **цр҃ю**, а имя хана дано в варианте **Беркалю**, ср.: **а ст҃ы҃й кн҃зь алексан҆дръ w҃иде в ѻ҆доу к цр҃ю бер҆каю** (Рум. 397. Л. 353а) – **а ст҃ын кн҃зь але҃андръ w҃иде к҆ беркалю во wрдѫ** (Пролог. М., 1642. Л. 406 об.)[31]. Вывод об общем протографе указанных списков подтверждается и обращением к текстологии другой проложной редакции макарьевского времени, перешедшей в печатный Пролог 1642 г., – Жития Авраамия Ростовского[32].

---

[28] См.: *Круминг А. А.* Редакции славянского печатного Пролога (предварительные заметки) // Славяноведение. 1998. № 2. С. 46–60.

[29] РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 37. Л. 293 об. Цит. по: *Дадыкин А. В.* О производстве и распространении первых двух изданий Пролога на Московском печатном дворе (по данным Архива Приказа книгопечатного дела) // Поздеева И. В., Пушков В. П., Дадыкин А. В. Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1618–1652 гг.: От восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона: Исследования и публикации. М., 2001. С. 120.

[30] В этом качестве рукопись указана уже архиепископом Сергием (Спасским) в XIX в.: *Сергий (Спасский), архиеп.* Полный месяцеслов Востока. М., 1875. Т. 1. Восточная агиология. С. 281.

[31] Здесь и далее ссылки на печатный Пролог даются в тексте статьи, при этом имеется в виду первый том, на сентябрьскую половину года, что специально не оговаривается.

[32] *Духанина А. В.* Проложная редакция Жития Авраамия Ростовского… С. 161.

В печатном варианте Проложная редакция Жития Александра Невского имеет заглавие: **память с҃таго и бл҃говѣрнаго кн҃зѧ алеѯандра невскаго, новаго чюдотворца**, где появилось жанровое обозначение («память») и было опущено слово «великий» в титуле[33]. Инципит: **Сей оубо бысть бл҃говѣрныи, и хр҃толюбивыи кн҃зь великїи алеѯандръ, сн҃ъ ꙗрославль. внѹкъ великомѹ кн҃зю всеволодѹ, сн҃ѹ владимировѹ…** (Прол. М., 1642. Л. 403). Уже по первой фразе, где отчества на *-вич* заменяются конструкциями «*сын* + притяжательное прилагательное», видно, что текст редакции макарьевского времени при подготовке к печати повергся правке.

Принципы и особенности редактирования текстов для включения в печатный Пролог 1642–1643 гг. неоднократно описывались на материале правки в корректурном экземпляре второго тома – упомянутом выше Прологе ГИМ. Синодальное собрание. № 241[34]: тексты подвергались языковой правке, включавшей правку орфографии, пунктуации, диакритических знаков; в них исправлялись ошибки и описки; делалась стилистическая правка, индивидуальная и связанная с общими тенденциями к архаизации языка и поновлению лексики, а также могли вноситься содержательные изменения. В итоге в составе печатного Пролога оказались новые варианты проложных редакций макарьевского времени, в большей или меньшей степени текстуально отличающиеся от списков XVI – начала XVII в. Эти варианты можно назвать печатными видами соответствующих проложных редакций.

Подобной правке подвергся и текст Жития Александра Невского, что хорошо видно при сопоставлении его рукописных и печатного вариантов[35].

В печатном виде были изменены многие морфологические формы и конструкции. Так, множественное число заменяется на двойственное в рамках тенденции к архаизации языка, ср.: **и тоу изѣбиени̑ выша всеволодичи̑ кн҃зи̑ юрьи и васи̑ко ѿ бе҃зѣбо̑на батыа** (Рум. 397. Л. 350в) > **и тѹ изѣбїена быста, всеволожа кн҃зя прнопаматнаа, юрїи и василко ѿ бе҃зѣбожнаго батыа** (Прол. М., 1642. Л. 405); и под.[36] При этом изменения могут

[33] Последнее, возможно, связано с ориентацией на печатные святцы – в Уставе 1610 г. под 23 ноября читается: **преставленїе с҃тго бл҃говѣрнаго кн҃зя алексан҆дра нев҆скаго. и всеѧ росїи чюдотворца** (Устав. М., 1610. Л. 420).

[34] См., например: *Духанина А. В.* Житие Стефана Пермского в составе печатного Пролога // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75). С. 36–40. Там же см. библиографию.

[35] В отличие от статей мартовской половины года, мы не располагаем наглядно представленной правкой, поскольку рукописный корректурный экземпляр (Пролог «из Симонова монастыря») сентябрьского тома печатного Пролога 1642 г. до нас не дошел.

[36] Любопытно, что в разных экземплярах издания 1642 г., над которыми работали, очевидно, разные наборщики, наблюдаются небольшие разночтения, связанные в том

приводить к появлению неудачных синтаксических конструкций, ср.: **и тако емоу живоущоу в̀ великомъ новѣградѣ. и ѿ бга порѹченьнѹю властъ добрѣ правѧше** (Рум. 397. Л. 349а) > **и такѡ емоу живоущѹ, в̀ великомъ новѣградѣ, и ѿ бга порѹченнѹю емоу власть добрѣ правѧщѹ** (Пролог. М., 1642. Л. 403), где личный глагол был заменен на «дательный самостоятельный», в результате чего фраза лишилась сказуемого.

Ряд замен, сделанных при подготовке текста Проложной редакции к печати, можно отнести к поновлению лексики. К примеру, в 2 случаях убирается слово **полки**: один раз оно заменяется на слово **воины** (**посе**м **же кра**л̂ **събравъ силоу мнѡгоу бе**з̑ **бога. и напо**л̂**ни корабла многи полъко**в **свои**х (Рум. 397. Л. 349б) > **посемъ собравъ краль силѹ многѡнародънѹ. и наполни корабли мнѡги вѡины своими** (Пролог. М., 1642. Л. 403 об.)), а второй – на **многи люди** (**и посе**м **ти**ж **бе**з̑**божнѣ**и̑ **нем**ц̑**ы собра**в̑**шеса на бг̑охранимыи гра**д̂ **п**ц̑**ков. и по**л̂**ки из**б̑**ивше п**ц̑**ковскїа** (Рум. 397. Л. 350б) > **И посемъ тїи же безбожнїи нѣмцы собравшеса, на бг̑охранимыи градъ п̑сковъ, и мнѡги люди избивше п̑сковъскїа** (Пролог. М., 1642. Л. 404 об.))[37]. Наречие **вворзѣ**, читающееся в списках Проложной редакции XVI в. (ср.: **и ре**ч̂ **бори**с̑**, брате глѣбе. поеде**м **в**б̑**ворзе да поможе**м **сро**д̂**никоу свѣмоу великомоу кн̑зю алексадро**н̂**у на бе**з̑**божныа не**м**цы** (Рум. 397. Л. 349г)), заменяется в печатном Прологе на **вскорѣ** (Пролог. М., 1642. Л. 404); и др.

В отдельных случаях текст проясняется. Скажем, к фразе **слышав̑ше кра**л̂ **ѿ ни**х **моужествѡ ст̑го кн̑зѧ алексадра** (Рум. 397. Л. 349б) в печатном Прологе добавляется вывод: **и подивисѧ** (Пролог. М., 1642. Л. 403 об.). Особое внимание справщики уделяют действующим лицам, четко указывая их в тех случаях, где они недостаточно явно определены, ср.: **а инїи || кн̑зи роускїа мнѡзѣ, чти ради. и славы свѣта сего волю бе**з̑**божнаго сътвѡриша** (Рум. 397. Л. 350в–г) > **а инїи кн̑зи рѹ̑скїа земли, мнѡзи чести ради и славы свѣта сего, волю безбожнаго цар҃а сотвѡриша** (Пролог. М., 1642. Л. 405) – здесь, в рассказе о поездке в Орду, такое пояснение необходимо, так как тот же эпитет «безбожный» применяется в тексте выше и по отношению к шведскому «кралю».

числе с разной степенью последовательности при использовании двойственного числа, ср. на л. 404: **и видѣ насадъ единъ. и посредѣ насада стоѧщѹ ст̑ѹю мч̑нкѹ бориса и глѣба во wдежа**х **червленахъ, и рѹцѣ своа держащѹ на рамѹ… и рече борисъ, брате глѣбе пойдемъ вскорѣ, да поможема сродникѹ нашемѹ, великомѹ кн̑зю алеѯандрѹ, на безбожныа нѣмцы… кн̑зь же прослави бг̑а и ст̑ѹю мч̑нкѹ бориса и глѣба** (Музей книги РГБ (3 экз.); ГИМ. Собрание А. И. Хлудова (печатное). № 145) – **и видѣ насадъ единъ. и посредѣ насада стоѧста ст̑аа мч̑нка борисъ и глѣбъ во wдежа**х **червленахъ, и рѹцѣ своа держаста на раме… и рече борисъ, брате глѣбе пойдемъ вскорѣ, да поможемъ сродникѹ нашемѹ, великомѹ кн̑зю алеѯандрѹ** (sic!)**, на безбожныа нѣмцы… кн̑зь же прослави бг̑а и ст̑ыхъ мч̑нкъ бориса и глѣба** (ГИМ. Собрание «Меньших». № 1999).

[37] Однако в одном случае слово **полки** было сохранено: **и всѧ полки своа ст̑ыи посла съ сн̑омъ своимъ** (Пролог. М., 1642. Л. 406 об.).

Наконец, ряд правок касается смысловой стороны Жития. Так, уже при первом упоминании войска шведов в Проложной редакции проявляется антилатинская направленность текста, наследуемая из Редакции Василия-Варлаама[38]: **посе же кралъ събравъ силоу мнѡгоу безъ бога. и напони корабла многи полъкове свои** (Рум. 397. Л. 349б), однако при подготовке текста к печати в этом контексте конфессиональный акцент был нивелирован – справщик подчеркнул многонациональность шведского войска: **силу многонародъну** (Пролог. М., 1642. Л. 403 об.), хотя остальные антилатинские эпитеты он уже не счел нужным менять. Из других стилистических правок отметим следующую: **безбѡжныи цр҃ь батыи и мнѡги земла поплени. и пр҃индѣ на роускоую землю и грады славныа вѕа и пожже владме, и росто. попоущеемъ бжиимъ грѣхъ ради нашихъ** (Рум. 397. Л. 350в) > **Посем же в то время безбожныи царь батыи, мнѡги земли поплѣни. и приинде на роускоую землю, и грады мнѡги вѕа || и пожже, владимирь и ростовъ, и пр҃ѡчїи попоущеніемъ бжіимъ, грѣхъ ради нашихъ** (Пролог. М., 1642. Л. 404 об.–405) – здесь справщик заменяет эпитет **славныи** на **многи**, подчеркивая тяжесть последствий Батыева нашествия, чему служит и добавление слов **и пр҃ѡчїи.**

Как видим, правка при подготовке Проложной редакции к печати разнонаправленная, при этом последовательной ее назвать трудно – в большей степени это индивидуальная правка того, что обращало на себя внимание справщика в рамках общих тенденций.

Впоследствии виды проложных редакций русских житий в составе печатного Пролога имели самостоятельные старопечатную и рукописную традиции: их текст переиздавался в составе последующих изданий Пролога, выдержавшего на протяжении XVII–XVIII вв. 15 переизданий, с которых могли делаться и рукописные копии (см. стемму для Жития Александра Невского), при этом как переиздаваемый, так и переписываемый текст мог редактироваться[39].

По наблюдениям А. А. Круминга[40], наибольшими изменениями в составе статей и наиболее значительной смысловой и стилистической правкой текстов характеризуются три первых полных издания Пролога (1642–1643, 1659–1660, 1661–1662 гг.). Самым полным по составу стало издание 1661–1662 гг., следующие издания содержат уже незначительные вставки нового материала или пропуски, а также небольшую правку. Эти выводы подтверждаются на материале Жития Александра Невского, текст

[38] О редактуре Василия-Варлаама, под пером которого текст Жития превратился в «антилатинский памфлет», см.: *Костромин К., прот.* Св. Александр Невский и латинский Запад глазами древнерусских агиографов // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2020. № 1 (12). С. 129.

[39] Подробно этот вопрос на материале Жития Стефана Пермского исследован в статье: *Духанина А. В.* Редакция Жития Стефана Пермского в составе печатного Пролога: текстология и кодикологическое значение // ТОДРЛ. СПб., 2020. Т. 67. С. 135–174.

[40] *Круминг А. А.* Редакции славянского печатного Пролога (предварительные заметки).

которого стабилен, но в переизданиях имеются случаи редактирования, которые сохраняются и дополняются новыми в последующих изданиях.

В первом переиздании 1659 г., вышедшем после Никоновской церковной реформы, в подтитловом написании формы слова **исусъ** с одной «и десятеричной» добавляется «и восьмеричное»: **ис҃а** (Пролог. М., 1659. С. 943)[41]; здесь находим последовательную замену прилагательного **роусскій** на **рwссїйскій**[42]. Справщики обращали также внимание на повторы: так, в характеристике Филиппа (Пелгусия) **бг҃обоѧзнивъ сын и бомсѧ бг҃а** (Пролог. М., 1642. Л. 404) заменили слово **бг҃обоѧзнивъ** на **блг҃оговѣинъ** (Пролог. М., 1659. С. 938); по-видимому, попытка убрать повтор наблюдается и в следующем случае: **Приведенѹ же емоу бывшѹ предъ царѧ. ст҃ыи же предста предъ царемъ**… (Пролог. М., 1642. Л. 406) > **Приведенѹ же емѹ бывшѹ пред҃ царѧ. Ст҃ый же ста пред҃ царемъ**… (Пролог. М., 1659. С. 942). С поновлением лексики связана замена: **приспѣваетъ же памать ст҃аго, того же м҃ца въ к҃г, дн҃ь** (Пролог. М., 1642. Л. 406 об.) > **Совершаетъсѧ же памать ст҃агw, того же м҃ца, въ к҃г, дн҃ь** (Пролог. М., 1659. С. 943). Ряд правок касался морфологических форм слов.

При подготовке второго переиздания 1661 г. особое внимание справщика привлекли эпитеты при описании западных врагов – «немцев»[43]. Как отмечалось выше, Проложная редакция повторяет в этом отношении чтения своего источника – Редакции Василия-Варлаама, который всех врагов Руси характеризует как «безбожных», то есть ‘язычников, нехристиан; нечестивых’[44], – и ордынцев во главе с Батыем, и «немцев» во главе с их «кралем» Нестером Велгером, причем «немцы» могут именоваться также синонимичным эпитетом «поганые», что, как замечает К. Костромин, отражает антилатинскую направленность текста, написанного Василием-Варлаамом[45]. Эти эпитеты сохранялись в первых двух изданиях Проложной редакции[46]. В третьем издании было решено исправить имеющуюся в тексте, так сказать, терминологическую неполиткорректность, ведь христиане, пусть и другой конфессии – «римляны», не являются «безбожными» и не могут именоваться так же, как язычники-ордынцы.

---

[41] В издании постраничная пагинация.

[42] За одним исключением – при первом использовании этого слова: … **сн҃ѹ владимїровѹ, просвѣтившагw рѹ҃сскѹю ꙁемлю ст҃ымъ кр҃щенїемъ** (Пролог. М., 1659. С. 936). Уже в следующем издании этот недочет был исправлен.

[43] Остальные правки в этом переиздании единичны и касаются главным образом морфологических форм.

[44] Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1. С. 93.

[45] *Костромин К., прот.* Св. Александр Невский и латинский Запад глазами древнерусских агиографов. С. 129.

[46] За исключением рассмотренной выше замены, когда при подготовке текста к первому изданию шведские войска, описанные как «сила многа без Бога», получили нейтральную характеристику: «сила многонародна».

В итоге все эпитеты при описании «немцев» были последовательно заменены: «безбожные» и «поганые» стали «схизматиками», «неистовыми» или «лукавыми», а «безбожный» «краль» – «отступником»:

Пролог. М., 1659	Пролог. М., 1661
Такоже и ѻц҃ѹ его ꙗрославѹ не бѣ вѣдомо, таково нахожденїе безбожны[x] (С. 937)	Такоже и ѻц҃ѹ его ꙗрославѹ не бѣ вѣдомо, таково нахожденїе схизматикѡвъ (Л. 456 об.)
…и прїиде на неву рѣкѹ, идѣже безбожнїи стоахѹ, їюлїа мц҃а въ ѕ҃і, въ день недѣлный (С. 938)	И прїиде на неву рѣкѹ, идѣже схизматики стоахѹ, їюлїа мц҃а въ ѕ҃і, въ день недѣлный (Л. 456 об.)
И рече борисъ: братє глѣбе пойдеⁿ вскорѣ, да поможема сродникѹ нашемѹ, великомѹ кн҃ю алеѯандрѹ, на безбожныѧ нѣмцы (С. 938)	И рече борисъ: братє глѣбе пойдемъ вскорѣ, да поможема сродникѹ нашемѹ, великомѹ кн҃зю алеѯандрѹ, на неистовыѧ нѣмцы (Л. 456 об.)
И въ шестый часъ дне сѣстѹписа с безбожными римлѧны. и бж҃їю помощїю, и пречтыѧ в҃цы, и посовїеⁿ хр҃товѹ мч҃нкѹ бориса и глѣба, избїено бысть безбожныхъ многое || мнѡжество. и безбожнаго краля блж҃енный самъ оуѧзви мечемъ в лице (С. 938–939)	И въ шестый часъ дне сѣстѹписа со схизматики римлѧны, и бж҃їею помощїю, и пречтыѧ в҃цы, и посовїемъ хр҃товѹ мч҃нкѹ бориса и глѣба, избїено бысть схизматикъ мнѡгое мнѡжество, и ѿстѹпника краля, блж҃енный самъ оуѧзви мечемъ в лице (Л. 457)
И такѡ избавленъ бысть великїй новъградъ ѿ поганыхъ нѣмецъ. и не єдиною избави великїй новъградъ ѿ плѣна поганыхъ нѣмецъ. И посемъ тїи же безбожнїи нѣмцы собравшесѧ, на бг҃охранимый градъ псковъ… (С. 939)	И такѡ избавленъ бысть великїй новъградъ ѿ лѹкавыхъ нѣмецъ: и не єдиною избави великїй новъградъ ѿ плѣна лѹкавыхъ нѣмецъ. И посемъ тїи же лѹкавїи нѣмцы собравшесѧ, на бг҃охранимый градъ псковъ… (Л. 457)
И паки блж҃енный кн҃зь алеѯандръ, и с братомъ своимъ кн҃земъ андреємъ… и избиста поганыхъ нѣмецъ, мнѡгое мнѡжество (С. 939)	И паки блж҃енный кн҃зь алеѯандръ, и съ братомъ своимъ кн҃земъ андреємъ… и избиста лѹкавыхъ нѣмецъ, мнѡгое мнѡжество (Л. 457)
И такѡ великїй кн҃зь алеѯандръ избави градъ псковъ ѿ плѣна поганыхъ, помощїю ст҃ыѧ трц҃ы, и мл҃твами прест҃ыѧ в҃цы. и землю ихъ шедъ плѣни, и пожже, и многихъ поганыхъ мечемъ погѹби. И не сїе токмѡ храбрство великагѡ кн҃зѧ алеѯандра над погаными нѣмцы… (С. 939)	И такѡ великїй кн҃зь алеѯандръ, избави градъ псковъ ѿ плѣна лѹкавыхъ, помощїю ст҃ыѧ трц҃ы, и мл҃твами прест҃ыѧ в҃цы. И землю ихъ шедъ плѣни, и пожже, || и мнѡгихъ неистовныхъ мечемъ погѹби. И не сїе токмѡ храбрство великагѡ кн҃зѧ алеѯандра над лѹкавыми нѣмцы… (Л. 457–457 об.)

Смысловой дифференциации эпитетов «безбожные» и «поганые» в первоначальном тексте Проложной редакции нет, но можно заметить, что сначала автор преимущественно использует эпитет «безбожные» (встречается всего 7 раз), а затем переключается на эпитет «поганые» (всего 6 раз). Так же не обнаруживается смыслового распределения между эпитетами «схизматики», «неистовые» или «лукавые» в печатном тексте 1661 г., и так же здесь сначала предпочтение отдается слову «схизматики» (всего 4 раза), которое после упоминания «отступника-краля» сменяется эпитетом «лукавые» (всего 6 раз), причем и в первом блоке (со словом «схизматики»), и во втором блоке (со словом «лукавые») по одному разу используется слово «неистовые/неистовные», возможно, для «разбавления» основного эпитета. Тем самым слово «безбожные» заменяется в ходе правки преимущественно словом «схизматики», а слово «поганые» – словом «лукавые», однако можно ли в выявленном соотношении эпитетов усматривать смысловую корреляцию – остается под вопросом, поскольку «безбожные» оказываются в одном случае «лукавыми», а кроме того, и «безбожные», и «поганые» становятся по одному разу «неистовыми/неистовными».

Несомненно, эта правка связана с церковной реформой середины XVII в., в ходе которой в том числе уточнялось отношение к «латинянам». Здесь можно вспомнить, что на Московских соборах 1655–1656 гг. было отменено постановление 1620 г., требующее повторного крещения переходящих в православие католиков, униатов и протестантов. Отстаивая эту позицию, патриарх Антиохийский Макарий III, в частности, писал в 1657 г.: «Мы признаем их священство и никогда не хиротонисали вновь латинских священников при обращении их в православие, также должны признавать и их крещение. Они только схизматики, а схизма не творит человека неверным и некрещеным, а творит только отлученным от Церкви»[47]. Это высказывание, хоть и связано с каноническими вопросами, довольно точно объясняет смысл правки в издании Пролога 1661 г.

В пяти последующих изданиях Пролога (1675, 1685, 1689, 1696 и 1702 гг.) в тексте Жития встречаются лишь единичные правки отдельных морфологических форм. Например, в изданиях 1685 и 1689 гг. некоторые формы двойственного числа заменяются формами множественного числа, хотя последовательной замены всех форм двойственного числа в тексте в итоге проведено не было. Меняется флексия в рамках категории одушевленности в издании 1675 г.: **такоже и ницихъ миловаше** (Пролог. М., 1661. Л. 455 об.) > **такwже и ницыѧ миловаше** (Пролог. М., 1675. Л. 313 об.); управление в издании 1685 г.: **аще хощеши противитисѧ со мною** (Пролог. М., 1675. Л. 314) > **аще хощеши противитисѧ мнѣ** (Пролог. М., 1685.

[47] Цит. по: *Суттнер Э. Х.* Христианство Востока и Запада: В поисках зримого проявления их единства. М., 2004. С. 293.

Л. 353 об.); наконец дается верное согласование в издании 1702 г. (вместо несогласованной формы, повторявшейся в 7 изданиях XVII в.): **внѹкъ великомѹ кн҃зю всеволодѹ, сынѹ владимі҃ровѹ, просвѣтившагѡ рѡссі҃йскѹю зе҃млю сѵ҃тымъ кр҃щені҃емъ** (Пролог. М., 1696. Л. 365 об.) > **внѹкъ великомѹ кн҃зю всеволодѹ, сн҃ѹ владимі҃ровѹ, просвѣтившемѹ рѡссі҃йскѹю зе҃млю сѵ҃тымъ кр҃щені҃емъ** (Пролог. М., 1702. Л. 390 об.); и др. Начиная с издания 1702 г. числа пишутся словами. С 1718 г. текст Жития уже вовсе не правится и с тем объемом правок, которые накопились в нем к изданию 1702 г., последовательно перепечатывается вплоть до конца XVIII в. (в изданиях 1718, 1735, 1747, 1752, 1755, 1765, 1779 и 1792 гг.).

При этом с изданий Пролога могли делаться списки. Наличие правок в изданиях позволяет во многих случаях достаточно уверенно определить издание-антиграф. Известные нам три списка Проложной редакции XVII в.: Научная библиотека Томского госуниверситета. В-760 (далее – ТГУ В-760). Л. 382–388; РГБ. Ф. 722 (Собрание единичных поступлений). № 205 (далее – Единичн. 205). Л. 76–85, оба – 40-х гг. XVII в. (после 1643 г.); РГБ. Ф. 98 (Собрание Е. Е. Егорова). № 73 (далее – Егор. 73). Л. 203–206 об., 60–80-х гг. XVII в., – сделаны с первого издания (см. стемму).

Таким образом, старопечатная традиция печатного вида Проложной редакции Жития Александра Невского на 23 ноября благополучно продолжается вплоть до конца XVIII в. Между тем, как известно, после торжественного перенесения в 1723–1724 гг. мощей Александра Невского из Владимира в Санкт-Петербург Петр I приказал изменить день церковного празднования памяти святого князя с 23 ноября на 30 августа; по инициативе Петра II в 1727 г. был возвращен прежний день памяти Александра Невского (23 ноября), и лишь в 1730 г. при Анне Иоанновне окончательно днем памяти святого князя стало 30 августа. Как видим, печатный Пролог оказался довольно консервативен по отношению к этому изменению: сама Проложная редакция так и перепечатывалась под 23 ноября до конца XVIII столетия. Тем не менее смена дня памяти не сразу, но все же нашла отражение в печатном Прологе. И этот процесс связан с другой редакцией Жития (см. стемму).

В связи с перенесением мощей архимандриту Троице-Сергиевой лавры Гавриилу Бужинскому, одному из талантливых проповедников своего времени[48], была поручена задача составить новую Службу Александру Невскому и проложную статью («синаксарь»), где было бы освещено это событие[49]. «Синаксарь» был озаглавлен: **ПРѢНѢ-**

[48] О Гавриле Бужинском см.: *Бландов А. А.* К биографии епископа Гавриила (Бужинского) – проповедника и переводчика первой трети XVIII в. // Христианское чтение. 2013. № 1. С. 8–24.

[49] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи (далее – ПСП). СПб., 1876. Т. 4. 1724–1725

СЕНЇЄ ЧТНЫХЪ МОЩЕЙ СТАГѠ Бгговѣрнагѡ великагѡ кнѧзѧ Алеѯандра Невскагѡ иѯ Владимїра въ Цр҃твующїй градъ ст҃агѡ Петра, єже бысть въ лѣто ѿ рж҃тва хр҃това ѧѱкд (Книга житий святых (июнь – август). М., 1764. Л. 552 об.)[50], хотя значительная часть текста является собственно Житием святого князя, что позволило Ю. К. Бегунову (с учетом перенесения даты памяти) рассматривать ее как новую редакцию Жития, а не Сказание о перенесении мощей (мы следуем этой традиции). Приступая к работе над проложной статьей, Гавриил Бужинский обратился в Синод и получил указание использовать в качестве источника текст из печатного Пролога[51]. Под рукой у него могло быть одно из 7 изданий, вышедших с 1661 по 1718 г.: наличие в тексте фразы **и многихъ неистовныхъ мечемъ погѹби** (Книга житий святых (июнь – август). М., 1764. Л. 554) свидетельствует о том, что он не мог использовать более раннее издание, где еще сохранялся прежний эпитет при упоминании врагов, замененный в издании 1661 г. на «неистовные»[52].

Любопытно, что Гавриил Бужинский также поменял эпитеты: он не счел приемлемым акцентировать внимание на конфессиональной принадлежности «своих», как он называл всех западных врагов Руси в своей редакции[53], и потому все «схизматики» и «лукавые» стали у него «сопротивными», ср.:

Проложная редакция (Пролог. М., 1661)	**Редакция Гавриила Бужинского (Книга житий святых (июнь – август). М., 1764)**
И прїиде на невѹ рѣкѹ, идѣже <u>схиѯматики</u> стоѧхѹ… (Л. 456 об.)	**И пришедъ на Невѹ рѣкѹ, ѡполчисѧ не далече <u>сопротивнагѡ</u> воинства**… (Л. 553 об.)

января 28. С. 188. № 1347. Редакция исследована Ю. К. Бегуновым, который сначала определил ее в своих классификациях как 16-ю (*Бегунов Ю. К.* Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII в. об Александре Невском. С. 72–84), а затем как 17-ю (*Бегунов Ю. К.* Александр Невский… С. 188). Публикации текста известны только в старопечатных изданиях.

[50] Здесь и далее текст Редакции Гавриила Бужинского цитируется по доступному нам изданию в составе «Книги житий святых».

[51] «…оной синаксарь сочинить из обретающагося в прологе жития ево, приложив к тому из бывшей с Шведами и окончавшейся миром войны краткую историю и пренесение его святых мощей, по приличию…» (ПСП. Т. 4. С. 248. № 1390).

[52] Определить конкретное издание нет возможности, так как текст источника существенно переработан и особенности отдельных изданий в новой редакции не нашли отражения.

[53] См.: *Бегунов Ю. К.* Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII в. об Александре Невском. С. 77.

И въ шестый часъ дне съступисѧ со схизматики римляны, и бжїею помощїю, и пречтыѧ бцы, и пособїемъ хртовъ мнкъ бориса и глѣба, избїено бысть схизматикъ мнгое мнжество, и ступника крала, блженный самъ оуязви мечемъ в лице (Л. 457)	И егда сразишасѧ съ сопротивными, тогда избиша сопротивныхъ множество велїе, и стый Алеѯандръ самъ язви въ лице Короля ихъ (Л. 554)
И такw избавленъ бысть великїй новъградъ w лукавыхъ нѣмецъ (Л. 457)	И такw Бжїею, Бгоматере, и стыхъ мученикwвъ Бориса и Глѣба помощїю, преславнюю полчи побѣдu, и землю Iжерскюю, и великїй Новградъ свободи w сопротивныхъ (Л. 554)
И посемъ тіи же лукавїи нѣмцы собравшесѧ, на бгохранимый градъ псковъ (Л. 457)	Паки онїнже сопротивницы собравшесѧ, нападоша на градъ Псковъ (Л. 554)

Первое издание книги Гавриила Бужинского со Службой и «синаксарем» вышло 24 апреля 1725 г.[54], и на протяжении этого и следующего годов было напечатано около 12 тысяч экземпляров. С середины XVIII в. Житие Александра Невского в Редакции Гавриила Бужинского было включено под 30 августа в Синодальное издание Четьих Миней, основанное на «Книге житий» святителя Димитрия Ростовского, в которой отдельного Жития Александра Невского под 23 ноября не было[55]. Первое издание новой «Книги житий» вышло в 1759 г., и впоследствии она многократно переиздавалась значительными тиражами.

Что касается печатного Пролога, то впервые память о перенесении мощей нашла отражение в издании 1779 г., где под 30 августа дается лишь запись об этом событии: **И пренесенїе мощей стагw блговѣрнагw великагw кнzа алеѯандра невскагw изz владимїра въ царствующїи градъ стагw петра** (Пролог (март – август). М., 1779. Л. 661). Однако в следующем издании было решено поместить уже и текст. И в издании Пролога 1792 г. мы находим под 30 августа новую, неизвестную исследователям, редакцию Жития Александра Невского[56]: она основана на Редакции Гавриила Бужинского, текст которой пополнен некоторыми историческими сведениями, в ней

[54] Месяца августа 30 дня. Служба благодарственная Богу в Троице святей славимому на воспоминание заключенного мира между Империею Российскою и короною свейскою. В той же день празднуется и перенесение мощей святого благоверного великого князя Александра Невского. СПб., 1725.

[55] Димитрий Ростовский составил лишь небольшую память.

[56] Пролог (март – август). М., 1792. Л. 661–666 об.

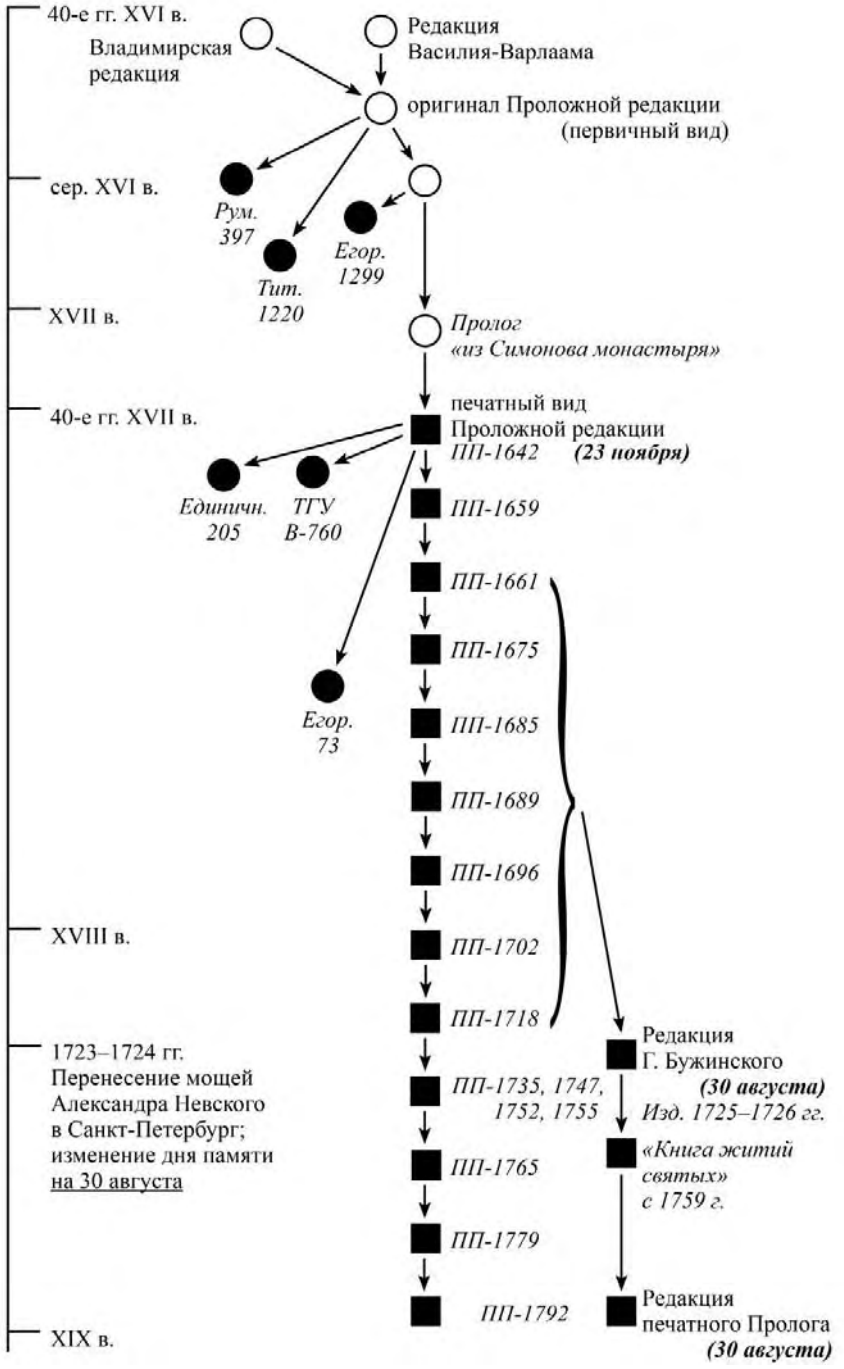
отсутствующими[57]. Таким образом, издание Пролога 1792 г. содержало уже 2 проложные статьи, посвященные Александру Невскому: собственно Проложную редакцию Жития под старым днем памяти (23 ноября) и Сказание о перенесении мощей с новой редакцией Жития под 30 августа, определенным, видимо, как день перенесения мощей.

Включение в печатный Пролог, издания которого выходили тысячами экземпляров[58], сделало возникшую в XVI в. Проложную редакцию одним из наиболее доступных для массового читателя вариантов Жития в XVII–XIX вв. Старопечатная традиция была продолжена Редакцией Гавриила Бужинского, получившей еще большее распространение и, в свою очередь, ставшей источником для второй редакции в составе печатного Пролога. Все это говорит о важном месте Проложной редакции в русской культуре.

[57] Обстоятельства появления и специфика текста выявленной нами редакции Жития Александра Невского под 30 августа в составе Пролога 1792 г. издания нуждаются в изучении. Возможно, ее составление было связано с освящением Троицкого собора Александро-Невского монастыря и перенесением в него мощей святого князя 30 августа 1790 г.

[58] Так, первые издания Пролога имели тираж в 1200 или 2400 экземпляров (*Дадыкин А. В.* Издания книги Пролог на Московском печатном дворе в третьей четверти XVII в. // Федоровские чтения – 2003. М., 2003. С. 188–189).

Общая стемма рукописной и старопечатной традиций Проложной редакции Жития Александра Невского

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965.

Бегунов Ю. К. Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII в. об Александре Невском // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 72–84.

Бегунов Ю. К. Александр Невский в псковской литературе XV–XVI вв. // Zeitschrift für Slawistik. 1976. Bd 21. H. 3. S. 311–318.

Бегунов Ю. К. Житие Александра Невского в русской литературе XIII–XVIII веков // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 163–171.

Бегунов Ю. К. Александр Невский. Жизнь и деяния святого и благоверного великого князя. М., 2003.

Бландов А. А. К биографии епископа Гавриила (Бужинского) – проповедника и переводчика первой трети XVIII в. // Христианское чтение. 2013. № 1. С. 8–24.

Дадыкин А. В. О производстве и распространении первых двух изданий Пролога на Московском печатном дворе (по данным Архива Приказа книгопечатного дела) // Поздеева И. В., Пушков В. П., Дадыкин А. В. Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1618–1652 гг.: От восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона: Исследования и публикации. М., 2001. С. 117–156.

Дадыкин А. В. Издания книги Пролог на Московском печатном дворе в третьей четверти XVII в. // Федоровские чтения – 2003. М., 2003. С. 176–197.

Державина О. А. Древняя Русь в русской литературе XIX в. (Сюжеты и образы древнерусской литературы в творчестве писателей XIX века). Пролог. Избранные тексты. М., 1990.

Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973.

Дмитриева Р. П. Василий (в иноках Варлаам) // СККДР. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 112–116.

Духанина А. В. Вторая Проложная редакция Жития Стефана Пермского, связанная с общерусской канонизацией святителя // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 4 (74). С. 129–150.

Духанина А. В. Житие Стефана Пермского в составе печатного Пролога // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75). С. 36–40.

Духанина А. В. Проложная редакция Жития Авраамия Ростовского в составе печатного Пролога (к вопросу о происхождении) // Вестник церковной истории. 2019. № 1/2 (53/54). С. 145–172.

Духанина А. В. К вопросу о происхождении русских статей в составе печатного Пролога 1642–1643 гг. (на материале житий Авраамия Ростовского, Дионисия Глушицкого, Исайи Ростовского и Исидора Твердислова) // Тринадцатые Загребинские чтения: сборник статей по итогам международной научной конференции (3–4 октября 2018 г.). СПб., 2019. С. 277–298.

Духанина А. В. Редакция Жития Стефана Пермского в составе печатного Пролога: текстология и кодикологическое значение // ТОДРЛ. СПб., 2020. Т. 67. С. 135–174.

Духанина А. В. Рукописная и старопечатная традиции Жития Александра Невского // Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. М., 2021. С. 92–169, 652–655.

Карпов А. Ю. Житие княгини Ольги в редакции псковского книжника Василия (в иночестве Варлаама) // Очерки феодальной России. М., 2003. Вып. 7. С. 66–88.

Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

Книга житий святых (июнь – август). М., 1764.

Костромин К., прот. Св. Александр Невский и латинский Запад глазами древнерусских агиографов // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2020. № 1 (12). С. 125–130.

Круминг А. А. Редакции славянского печатного Пролога (предварительные заметки) // Славяноведение. 1998. № 2. С. 46–60.

Макарий (Веретенников), архим. Василий // ПЭ. М., 2004. Т. 7. С. 72–74.

Мансикка В. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913. (Памятники древней письменности и искусства. № 180).

Месяца аугуста 30 дня. Служба благодарственная Богу в Троице святей славимому на воспоминание заключенного мира между Империею Российскою и короною свейскою. В той же день празднуется и перенесение мощей святого благоверного великого князя Александра Невского. СПб., 1725.

Охотникова В. И. Псковская агиография XIV–XVII вв. СПб., 2007. Т. 2. Жития преподобных Евфросина Псковского, Саввы Крыпецкого, Никандра Псковского.

Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Под ред. А. И. Пономарева. СПб., 1896. Вып. 2. Ч. 1.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1876. Т. 4. 1724–1725 января 28.

Пролог (сентябрь – февраль). М., 1642.

Пролог (сентябрь – февраль). М., 1659.

Пролог (сентябрь – февраль). М., 1661.

Пролог (сентябрь – февраль). М., 1675.

Пролог (сентябрь – февраль). М., 1685.

Пролог (сентябрь – февраль). М., 1696.

Пролог (сентябрь – февраль). М., 1702.

Пролог (март – август). М., 1779.

Пролог (март – август). М., 1792.

Сергий (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. М., 1875. Т. 1. Восточная агиология.

Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М., 1915.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1.

Соболева А. Е. Проложное Житие Александра Свирского: реконструкция ранних этапов истории текста // Slověne. 2016. Т. 5. № 1. С. 148–183.

Суттнер Э. Х. Христианство Востока и Запада: В поисках зримого проявления их единства. М., 2004.

Ткачев Е. В. Канонизация. Канонизация святых на Соборах 1547 и 1549 гг. // ПЭ. М., 2012. Т. 30. С. 303–307.

Устав. М., 1610.

Фет Е. А. Новые факты к истории древнерусского Пролога // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 53–70.

Чистякова М. В. Макарьевские варианты Псковской и Пространной редакций Простого пролога // Latopisy Akademii Supraskiej. Białystok, 2011. Vol. 2. Kościół prawosławny na Bałkanach i w Polsce – wzajemne relacje oraz wspólna tradycja. С. 163–172.

Begunov Yu. K. Die Vita des Fürsten Aleksandr Nevskij in der Novgoroder Literatur des 15. Jahrhunderts // Zeitschrift für Slavistik. 1971. Bd 16. H. 1. S. 88–109.

Alexandra V. Dukhanina
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

HANDWRITTEN AND PRINTED TRADITIONS OF THE PROLOGUE REDACTION OF THE LIFE OF ALEXANDER NEVSKY

In the 1540s, there appeared the Prologue Redaction of the Life of Alexander Nevsky, which was an abbreviated version of the Vasily-Varlaam's Redaction. It was compiled by Pskov scribes to supplement the Prologue in connection with the all-Russian glorification of the Holy Prince at the Makaryevsky Council in 1547. On November 23, an edited form of this redaction was included in the second edition of the Prologue (1642–1643), as part of which it was reprinted, being edited, during the 17th – 18th centuries. After the transfer of the relics of Alexander Nevsky to St. Petersburg in 1723–1724 and the change of his memorial day to August 30, Gavriil Buzhinsky, by order of the Synod, compiled a new redaction of the Life on the basis of the Prologue Redaction, which, in turn, became the basis for another redaction, included in the printed Prologue of 1792 on August 30, where there were already two redactions of the Life of Alexander Nevsky.

Keywords: hagiography, textual criticism, the Life of Alexander Nevsky, Prologue Redaction, printed Prologue

Г. А. Емельяненко
ИРИ РАН, Москва, Россия

ОСОБЕННОСТИ ПОВЕСТВОВАНИЯ ОБ АЛЕКСАНДРЕ НЕВСКОМ В ИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА 1617–1652 гг.

Образ Александра Невского всегда занимал важное место в летописании и других памятниках древнерусской книжности. Наиболее отчетливо нарратив об Александре Невском как святом благоверном князе, воине и прямом предке правящей московской ветви династии Рюриковичей отразился в памятниках XVI в., таких как Никоновская летопись, Степенная книга, Лицевой летописный свод, в редакциях Жития Александра Невского, созданных в этот период. Однако в ряде памятников русской книжности первой половины XVII в. наблюдается любопытный феномен лаконичности повествования об Александре Невском – крайне ограниченный набор сообщаемых сведений о жизни и деятельности этого князя, что представляет собой резкий контраст с памятниками предыдущего столетия.
Ключевые слова: Александр Невский, великий князь Владимирский, летописи, Русский хронограф, Свод 1652 г., Повесть о зачале Москвы, Хронограф Пахомия

Начиная с конца XIII в. образ князя Александра Ярославича Невского занимал важное место в книжности Северо-Восточной Руси и позднее Московского государства.

Кульминацией популярности образа Александра Невского стало повествование о нем в таких памятниках XVI в., как Воскресенская летопись, Никоновская летопись, Степенная книга царского родословия. Также можно отметить Лицевой летописный свод, в котором содержится множество миниатюр, иллюстрирующих правление и жизнь Александра Невского.

В каждом из этих памятников одно из ключевых мест занимает описание военно-политических аспектов деятельности князя, в особенности Невской битвы, а также битвы на Чудском озере.

В следующем же столетии применительно к изображению Александра Невского в некоторых памятниках исторической книжности наблюдается довольно примечательное изменение.

С одной стороны, привычная модель повествования об Александре не была забыта в первой половине XVII в. Один из памятников летописания начала XVII в. – Пискаревский летописец – полностью заимствует повествование об Александре Невском из таких памятников XVI в., как Воскресенская и Никоновская летописи, не предлагая, таким образом, каких-либо изменений к сложившемуся в предыдущем столетии нарративу[1].

[1] ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 89–97.

Также не следует забывать, что в XVII в. продолжала иметь широкое хождение Степенная книга, в том числе создавались новые редакции этого памятника[2].

Однако в некоторых других памятниках мы видим совершенно отличную картину. Одним из важнейших памятников XVII в. является Русский хронограф, а именно две его новые редакции 1617 и 1620 гг.

Набор сведений об Александре Невском, сообщаемый текстом Хронографа, значительно более ограничен, чем в памятниках XVI в. Впервые князь упоминается, будучи «оставленным» в Новгороде Ярославом Всеволодовичем, отправившимся княжить во Владимир после гибели своего брата великого князя Юрия в 1238 г.: «В лѣта 6746-е прииде Ярославъ Всеволодовичь из Великого Новаграда, братъ великаго кн(я)зя Юрья, в Володыимеръ на великое кн(я)ж(е)ние, а в Новѣградѣ остави с(ы)на своего Александра»[3].

Затем Александр упоминается в числе 6 выживших во время Батыева нашествия сыновей Ярослава и других князей: «Покры же его Б(о)гъ от Батыя великаго кн(я)зя Ярослава и 6 с(ы)новъ его с нимъ: Александръ, Андрѣи, Констянтин, Афонасеи, Даниил, Михаил да Святослав з Дмитриемъ с(ы)ном своим, Иван Всеволодович, Владимир Констянтинович, Василии Всеволодович, два Василковичи Борисъ и Глебъ – сии всии сохранени быша»[4].

После сообщения о смерти Ярослава Всеволодовича упоминается о поездке Александра в Орду к Батыю, а также рассказывается о занятии великого княжения сначала братом Ярослава Святославом, а затем Михаилом Ярославичем: «В лѣто 6753-е преставися кн(я)зь великии Ярослав Всеволодовичь во Ордѣ, и прииде кн(я)зь из Новагорода Александръ Ярославичь и поиде во Орду к Батыю. Видѣв же его, Батыи удивися величеству и добротѣ его и, почтив его, отпусти. По Ярославе сяде на великое кн(я)ж(е)ние брат его Святослав и пребысть едино лѣто. И согна его кн(я)зь Михаило Ярославичь»[5].

Далее в тексте сообщается о смерти Михаила Ярославича в бою с литовцами на Протве, после чего великокняжеский престол занимает Александр Невский: «В лѣто 6757-е кн(я)зи росиистии литву побили. Тогда убиен бысть кн(я)зь великии Михаилъ Ярославичь Московскии на Потрове (так в рукописи, имеется в виду р. Протва. – *Г. Е.*). И по нем сяде в Володимерѣ на великое кн(я)ж(е)ние брат его Александръ Ярославич Невскии»[6].

---

[2] *Сиренов А. В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2010. С. 266–265.

[3] РГБ. Ф. 37 (Собрание Т. Ф. Большакова). № 415. Л. 302.

[4] Там же. Л. 302–302 об.

[5] Там же. Л. 303.

[6] Там же. Л. 303 об.

Завершается повествование об Александре Невском сообщением о его смерти, перечислением его сыновей и упоминанием перехода великокняжеского престола к Ярославу Ярославичу Тверскому: «В лѣто 6771-е преставися кн(я)зь великии Александръ Ярославич Невскии в чернцѣх и в схимѣ и положен бысть в Володимерѣ во ц(е)ркви св(я)тыя Б(огоро)д(и)цы ч(е)с(т)наго и славнаго ея р(о)ж(де)ства. Сего с(ы)нове: Василии, Димитрии, Андрѣи, Данил Московскии. В лѣто 6772-г(о) по нем сяде в Киевъ[7] на великое кн(я)ж(е)ние братъ его Ярославъ Ярославич Тверскии»[8].

Эта часть текста, повествующая об Александре Невском, была практически без изменений унаследована в рассматриваемой редакции от предыдущей редакции 1512 г.[9] В редакция 1620 г. эти фрагменты также полностью повторяются[10].

Таким образом, никаких важных редакционных правок в эту часть текста не вносилось.

В случае с Хронографом недостаток внимания к личности Александра Невского и его деятельности можно объяснить глобальностью повествования этого памятника, в котором история Руси до 1453 г. представлена лишь как история одного из православных государств, наряду с Византией, Сербией и Болгарией. В тексте Хронографа статьи по истории Руси не представляют единого повествования, а перемежаются со статьями о других «царствах». Такая организация текста неизбежно приводит к сжатости отдельных известий.

Однако модель повествования об Александре Невском, характерная для Хронографа, прослеживается и в более позднем памятнике – патриаршем Своде 1652 г. В отличие от Хронографа, текст Свода 1652 г. полностью посвящен истории Руси и Российского государства.

Повествование об Александре Невском в Своде 1652 г. в основном повторяет текст Хронографа. Впервые князь упомянут, будучи «оставленным» в Новгороде своим отцом Ярославом Всеволодовичем, отправившимся во Владимир на великое княжение: «В лѣто 6746 прииде братъ его Ярославъ из Новагорода в Володимерь на великое кн(я)жение. А в Новѣграде остави с(ы)на своего Александра»[11].

---

[7] В ряде списков Хронографа редакции 1617 г. вместо Владимира упоминается Киев. В частности, в одном списке (РГБ. Ф. 228 (Собрание Д. В. Пискарева). № 164. Л. 432–434 об.) говорится о том, что в 6746 г. Ярослав Всеволодович пришел из Новгорода на великое княжение в Киев. Однако в статье о наследовании великокняжеского престола Ярославом Ярославичем Тверским речь идет уже о Владимире.

[8] РГБ. Ф. 37 (Собрание Т. Ф. Большакова). № 415. Л. 304.

[9] ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22. Ч. 1. С. 399–401.

[10] РГБ. Ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского). № 726. Л. 673–673 об., 675, 676–676 об.

[11] РГБ. Ф. 37 (Собрание Т. Ф. Большакова). № 423. Л. 48 об.

Как и в тексте Хронографа, Александр упоминается среди 6 сыновей Ярослава и других князей, переживших Батыево нашествие: «Укры его Б(о)гъ от Батыя и 6 с(ы)новъ его: сего Александра, Андреа, Костянтина, Афонасия, Данила, Михайла да Святослава з Димитриемъ – с(ы)номъ своимъ, Иванъ Всеволодич, Владимеръ Костантиновичь, Василей Всеволодич, два Василковичи Борисъ [и] Глебъ»[12].

Описание политической расстановки сил в Северо-Восточной Руси после смерти Ярослава Всеволодовича несколько отличается от текста Хронографа: «В лѣто 6756 преставися великий кн(я)зь Ярославъ Всеволодичь в Ордѣ. По немъ бысть с(ы)нъ его великии кн(я)зь Михаилъ Ярославичь на Москвѣ, а Александръ Невскии в Суздале»[13].

Таким образом, здесь идет речь о вокняжении Михаила Ярославича в Москве, а Александра Ярославича в Суздале. В отличие от текста Хронографа, здесь ничего не сказано о вокняжении во Владимире Святослава Всеволодовича после смерти его брата Ярослава. В то же время ничего не упоминается о восшествии Михаила Ярославича именно на великокняжеский престол – сообщается лишь о его вокняжении «на Москве». Однако Александр Невский здесь упомянут как получивший княжение в Суздале, причем об этом сказано после сообщения о вокняжении Михаила в Москве. Таким образом, можно предположить, что в тексте подразумевается старшинство московского княжеского стола по сравнению с суздальским.

В отличие от текста Хронографа, где о поездке Александра к Батыю говорится предельно кратко, в тексте Свода 1652 г. читается куда более пространное сообщение:

«Присла же Батый ко кн(я)зю Александру Невъскому послы своя во градъ Суздаль г(лаго)ля: “Мнѣ поклонишася мнози ц(а)рства и языци. Ты ли единъ не хощеши покоритися мнѣ. И аще хощеши соблюсти землю свою, то, пришед, поклонися мнѣ, якоже и прочий кн(я)зи рустии поклонишася мнѣ и власти своя пріяша от мене и честь велію. Слышах бо тя храбра и велика теломъ”.

Александръ же, слышавъ сия, печален бѣ, велми боляше д(у)шею и недоумѣяшеся, что сотворити о семъ, и сказа еп(и)с(ко)пу. Епископъ ж поучивъ с(вя)таго еже страдати за Хр(и)ста и причастивъ с(вя)таго тѣла и крове Хр(и)стовы. И тако с(вя)тый пойде. Егда же прийде с(вя)тый и возвѣстиша Батыю о немъ, и повелѣ быти к себѣ. Волхвом же хотящим вести с(вя)таго сквозѣ огнь, яко обычаи имъ бяше. С(вя)тый же не йде и не поклонись твари. Волхвы же, поругани от с(вя)таго, возвѣстиша о семъ Батыю. Он же повелѣ его с честию привести к себѣ красоты ради лица его. Приведену же бывшу ему и ста пред ц(а)ремъ и поклонися ему г(лаго)ля:

[12] Там же. Л. 48 об.

[13] Там же. Л. 51 об.

“Царю, тебе кланяюся, понеже Б(о)гъ тебе почтилъ ц(а)рствомъ, а твари не покланяюся”. Ц(а)рь же, видѣвъ красоту лица его и величество тѣла, и похвали его пред всѣми, и почти, посла его к кановичемъ во Орду з братом его кн(я)зь Андрѣемъ»[14].

Рассказ о поездке Александра в Орду в Своде 1652 г., по-видимому, заимствован из Жития Александра Невского в редакции Василия-Варлаама, созданной в эпоху митрополита Макария[15].

Стоит отметить, что редакция Василия-Варлаама, как и другие редакции Жития, содержит подробное повествование обо всем этапе правления Александра Невского как князя Новгородского, а затем великого князя Владимирского, включая описание Невской битвы и битвы на Чудском озере, однако составитель Свода 1652 г., по-видимому, счел нужным позаимствовать оттуда только фрагмент о поездке в Орду.

Следует также отметить, что в отличие от краткого сообщения Хронографа, помимо поездки к Батыю, в данном фрагменте кратко упоминается о поездке Александра и его брата Андрея «к кановичемъ», то есть в Каракорум. Также, в отличие от Хронографа, здесь есть косвенное указание на цель поездки к Батыю: последний высказывает недовольство тем, что Александр все еще не покорился ему, а значит, приезд в Орду должен был стать выражением покорности. Однако, как и в тексте Хронографа, здесь напрямую не упоминается о том, что Батый выдал Александру ярлык на великое княжение.

Дальнейшее сообщение об Александре Невском и его восшествии на великокняжеский престол в тексте Свода 1652 г. почти не отличается от такового в Хронографе: «В лѣто 7657 кн(я)зи рустии литву побиша. Тогда убиенъ бысть кн(я)зь Михаилъ Ярославичь Московской на Поротвѣ. В то же время прииде из Орды братъ его кн(я)зь Александръ Ярославичь Невский и сяде на великое кн(я)жение в Володимере»[16].

Стоит отметить, что, как и в ранее рассмотренных фрагментах текста, Михаил Ярославич не называется великим князем (ранее было упомянуто только о его вокняжении в Москве).

Завершается повествование о князе сообщением о его смерти, перечислением его детей и сообщением о вокняжении Ярослава Ярославича: «В лѣто 6771 великий кн(я)зь Александръ Невский приятъ иноческий образъ и нареченъ бысть Алексѣй, того же лѣта и преставися ноября в 14 день. Сего с(ы)нове: Василии, Димитрии, Андрей, Даниилъ Московский. По немъ сяде на великое кн(я)жение братъ его Ярослав Ярославичь Тверский. Кн(я)жилъ 8 лѣтъ и преставися»[17].

---

[14] Там же. Л. 51 об.–52.

[15] *Мансикка В.* Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913. (Памятники древней письменности и искусства. № 180). С. 43–45.

[16] РГБ. Ф. 37 (Собрание Т. Ф. Большакова). № 423. Л. 53.

[17] Там же. Л. 53 об.

Итак, несмотря на ряд особенностей, в Своде 1652 г. прослеживается, в целом, та же модель повествования об Александре, что и в Хронографе.

В то же время известно, что составители этого Свода были знакомы со Степенной книгой. В частности, оттуда была заимствована статья «О Болгарех великих, иже живяху над великою Волгою»[18]. Кроме того, в Своде 1652 г. присутствует элемент деления на «степени»: часть текста, повествующая о правлении Владимира Святославича, озаглавлена именно как «степень 1-я великаго князя Владимера»[19].

Однако составитель Свода 1652 г., по-видимому, сознательно не воспользовался богатым материалом об Александре, содержащимся в Степенной книге.

К этой же группе текстов можно отнести так называемую Повесть о зачале Москвы первого вида, создание которой М. А. Салмина относит ко второй четверти XVII в.[20] Текст повести преподносит версию основания города «на крови» убитого боярина Кучки по приказу Юрия Долгорукого, последующий заговор Кучковичей против Андрея Боголюбского и далее кратко повествует об истории Москвы вплоть до 1493 г.

Упоминается в Повести и Александр Невский. Набор сведений здесь в общих чертах совпадает с другими рассмотренными памятниками. Впервые Александр фигурирует в тексте, будучи «оставленным» в Новгороде Ярославом Всеволодовичем: «Того же 746-го году прииде из Великаго Новограда брат великого князя Юрия, Ярослав Всеволодовичь и седе на великом княжении во Владимере, а сына своего, князя Александра остави в Великом Новеграде»[21].

После смерти Ярослава Александр также отправляется из Новгорода во Владимир, а оттуда в Орду к Батыю, где последний, удивившись его «доброте», с почестями отпускает его: «Того же 746-го году преставися князь великий Ярославъ Всеволодичь во Орде нужною смертию. И прииде из Великого Новаграда во Владимер великий князь Александръ Ярославичь и поиде к Батыю во Орду. Видев же его Батый, удивися величеству и доброте его и, почтив его, отпусти»[22].

Завершается эта часть текста сообщением о смерти Александра «в иноках и схиме»: «В лето 771-е ноября в 14 день преставися великий князь Александръ Ярославичь Невский, во иноцех и в схиме, и положенъ бысть в Володимере в церкви Рожества Пресвятыя Богородицы. Сего сынове: Василий, Димитрий, Андрей, Данило Московский. И по нем начаша

[18] *Лаврентьев А. В.* Свод 1652 г. – памятник русского летописания XVII века. Дис. … канд. истор. наук. М., 1984. С. 46–47.
[19] РГБ. Ф. 37 (Собрание Т. Ф. Большакова). № 423. Л. 16.
[20] *Салмина М. А.* Повести о начале Москвы. М., 1964. С. 79–81.
[21] Там же. С. 182.
[22] Там же.

княжити в Руской земли братия и сынове его и сын его, великий князь Данило Московский»[23].

Схожесть этого фрагмента с текстом Хронографа неудивительна – одним из основных источников Повести М. А. Салмина называет именно Хронограф редакции 1512 г.[24]

Тем не менее здесь присутствует одно заметное отличие от рассмотренных выше текстов Хронографа и Свода 1652 г. В Повести ничего не говорится о наследовании великокняжеского престола после смерти Ярослава Всеволодовича сначала Святославом Всеволодовичем, а затем Михаилом Ярославичем. Наследником Ярослава на великокняжеском престоле сразу обозначается Александр.

В остальном же текст совпадает по набору биографических сведений об Александре с рассмотренными ранее памятниками. Ни о внешней, ни о внутренней политике князя ничего не сообщается, за исключением поездки к Батыю.

Впрочем, в случае Повести о зачале Москвы такой набор сведений может быть объяснен самим характером памятника. Сюжет об Александре Невском никак не связан с историей основания Москвы и фактически служит в тексте для тематического перехода от сюжета о разорении Москвы Батыем к части о правлении в Москве Даниила Александровича.

Отдельно также стоит отметить один из хронографов особого состава – Хронограф астраханского архиепископа Пахомия, созданный в 1649–1650 гг.[25] В целом, текст этого памятника сохраняет тенденцию в повествовании об Александре Невском, характерную для рассмотренных ранее текстов: в нем полностью игнорируется военно-политическая деятельность Александра как новгородского князя, отсутствуют сообщения о Невской битве и битве на Чудском озере. Однако здесь есть ряд важных отличий.

Центральным сюжетом повествования об Александре в Хронографе Пахомия является то, что он якобы унаследовал «царскую утварь» (легендарный дар Константина Мономаха Владимиру Мономаху) от Ярослава Всеволодовича, которому она также досталась по наследству: «…Кн(я)зь же Ярославъ Всеволодовичь приимъ отчее благословение и прежереченную ц(а)рскую утварь и паки отходитъ на удѣлное княжение в Великии Новъград. В лѣто же 6664-г(о) году [живо]творящии кр(е)стъ Хр(и)ст(о)въ, егоже присла ц(а)рь Констянтин ц(а)реградскои ко ц(а)рю и великому кн(я)зю Володимеру Всеволодовичю Мономаху, и порфиру, и виссонъ, и златую гривну, и венец ц(а)рскии предаде на сохранение вто-

[23] Там же. С. 183.

[24] Там же. С. 45–46.

[25] *Савинов М. А.* Хронограф Пахомия – памятник русской исторической мысли XVII в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2009. № 1. С. 38.

рому своему с(ы)ну кн(я)зю Александру Ярославичю Невскому, еще ему сущу в Великомъ Новѣграде»[26].

Далее сообщается о приходе из Великого Новгорода в Орду к Батыю. Говорится, что Бог наказывает русских князей, передав их под власть «нечестивого царя». При этом, в отличие от текста Русского хронографа и патриаршего Свода 1652 г., здесь не сказано о том, что в эту поездку Александр отправился по требованию Батыя, и никак не упоминается об обстоятельствах его пребывания в Орде: «И в лѣто 6756-г(о) году кн(я)зь Александръ Ярославич Невскои поиде из Великаго Новаграда во Орду ко ц(а)рю Батыю, понеже наказуетъ Б(о)гъ руских кн(я)зеи – вдаде их под державу нечестивому Батыю ц(а)рю»[27].

Из Орды Александр возвращается, уже получив Великое княжение Владимирское, а также получив во владение Киев, Москву и «всю Русскую землю». Сюжет с получением Александром ярлыка на княжение в Киеве и «всей Русской земле» известен еще по Лаврентьевской летописи[28]. Добавление же в этот перечень Москвы, безусловно, является новшеством, призванным подчеркнуть ее будущую роль как центра русских земель: «И в лѣто же убо 6760-г(о) году прииде из Орды великии кн(я)зь Александръ Ярославичь Невскои и сяде на великое кн(я)жение в Володимере, он же владѣя Киивымъ и Москвою и всею Рускою землею. А был на великом кн(я)жении 12 лѣтъ»[29].

После этого упоминается, что сыновья Александра Василий, Андрей и Дмитрий были бездетны, вследствие чего Александр передал символы власти (включая шапку Мономаха) Даниилу Александровичу и повелел ему быть князем Московским и всея Руси. В тексте прямо говорится о переходе с этого момента великого княжения из Владимира в Москву: «С(ы)нове же его великаго кн(я)зя Александра Ярославича Невскаго: Василеи без детеи, Дмитрии, Андреи без детеи, Данило Московскои. Сии же кн(я)зь Данило Александровичь произыде в ц(а)рское колѣно. Великому же кн(я)зю Александру Ярославичю, еще здраву ему сущу, предаде с(ы)ну своему кн(я)зю Данилу Александровичю животворящии кр(е)стъ, и багряницу, и виссонъ, и златую гривну, и венецъ Маномаховъ и повеле быти великимъ кн(я)земъ на Москвѣ и над всею Рускою землею сему с(ы)ну своему великому кн(я)зю Данилу Александровичю Московскому и всея Русии. От сего убо времени преиде великое кн(я)жение из Володимера на Москву»[30].

Таким образом, в случае с Хронографом Пахомия мы имеем дело с предельно «москвоцентричным» текстом. Александр здесь – это пре-

[26] РГБ. Ф. 29 (Собрание И. Д. Беляева). № 2. Л. 439 об.–440.
[27] Там же. Л. 440.
[28] ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1. Вып. 2. Стб. 472.
[29] РГБ. Ф. 29 (Собрание И. Д. Беляева). № 2. Л. 440 об.–441.
[30] Там же. Л. 441.

жде всего князь, якобы передавший своему сыну – московскому князю Даниилу – великое княжение, сделав, таким образом, Москву столицей.

Подводя итог, следует заключить, что рассмотренные тексты объединяет предельная лаконичность сведений об Александре Невском.

Ни один из четырех рассмотренных памятников не сообщает ничего о его деятельности как новгородского князя, включая Невскую битву и битву на Чудском озере. В каждом из рассматриваемых фрагментов центральную роль играет поездка Александра в Орду к Батыю и последующее восшествие его на великокняжеский престол.

Восходит эта модель повествования, по-видимому, к Хронографу 1512 г. При этом если в XVI в. такая лаконичность Хронографа была исключением среди других текстов, то в первой половине XVII в. эта модель повествования без изменений перешла в Хронографы редакций 1617 и 1620 гг., а затем повлияла и на ряд других текстов.

Вряд ли можно с точностью установить причину такой избирательности в повествовании, однако можно сделать ряд предположений.

С одной стороны, интерес к личности Александра Невского в XVI в. и ранее был не в последнюю очередь вызван тем, что он был прямым предком московской ветви Рюриковичей. Для новой династии Романовых, несмотря на их попытки заявить о родстве с Рюриковичами, Александр Невский не мог считаться прямым предком, в силу чего мог частично угаснуть интерес к его личности.

В то же время рассмотренные здесь тексты концентрируются на истории государства – «царства» (в случае Повести о зачале Москвы – города), тогда как такие тексты XVI в., как Степенная книга, рассказывали прежде всего об истории династии[31]. В этой парадигме Александр Невский, по-видимому, представлял интерес именно как великий князь Владимирский, в то время как его деятельность в качестве новгородского князя (к которой, по большей части, относятся военно-политические аспекты деятельности князя) выпадала из внимания авторов рассматриваемых текстов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Лаврентьев А. В. Свод 1652 г. – памятник русского летописания XVII века. Дис. … канд. истор. наук. М., 1984.

Мансикка В. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913. (Памятники древней письменности и искусства. № 180).

[31] На такое изменение нарратива, в частности, обращал внимание А. В. Сиренов: *Сиренов А. В.* Концепция династической монархии в России // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства. М., 2017. С. 350.

ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1. Вып. 2.

ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22. Ч. 1.

ПСРЛ. М., 1978. Т. 34.

Савинов М. А. Хронограф Пахомия – памятник русской исторической мысли XVII в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2009. № 1. С. 38–44.

Салмина М. А. Повести о начале Москвы. М., 1964.

Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2010.

Сиренов А. В. Концепция династической монархии в России // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства. М., 2017. С. 345–357.

Georgy A. Emelianenko

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

SPECIFICS OF THE NARRATION ABOUT ALEXANDER NEVSKY IN RUSSIAN HISTORICAL LITERATURE OF 1617–1652

The image of Alexander Nevsky always took an important part in chronicles and other pieces of medieval Russian literature. The most distinct narrative about Alexander Nevsky as a saint and pious prince, warrior and direct ancestor of the ruling Moscow branch of the Rurikid dynasty can be seen in the texts of the 16th century such as the Nikon Chronicle, the Book of Royal Degrees, the Illuminated Chronicle and contemporary redactions of the Life of Alexander Nevsky. However, in some of pieces of Russian historical literature of the first half of the 17th century one can see the curious phenomenon of briefness of narration about Alexander Nevsky and extremely limited amount of corresponding data about his life and deeds which makes a strong contrast with historical texts of the previous century.

Keywords: Alexander Nevsky, Grand Duke of Vlaimir, Chronicles, Russian Chronograph, Chronicle Compilation of 1652, Tale of the Origins of Moscow, Pachomius' Chronograph

Л. П. Тарасенко
ГИМ, Москва, Россия

ИКОНОГРАФИЯ БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО ПО ПАМЯТНИКАМ ИКОНОПИСИ И ПРОРИСЯМ XVII–XVIII вв. ИЗ СОБРАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В статье представлена и проанализирована коллекция образов благоверного князя Александра Невского XVII–XVIII вв., хранящаяся в Историческом музее. Акцент автором сделан на древнейшей житийной иконе святого из собора Василия Блаженного, ее истории и содержании, предложено уточнение датировки и определен круг хронологически и стилистически близких произведений.
Ключевые слова: древнерусское искусство, иконография, агиография, житийная икона, иконные образцы, благоверные князья, царские мастера, Оружейная палата, музейные коллекции

При огромном внимании историков к фигуре благоверного князя Александра Невского, великого полководца, правителя, бескомпромиссно следовавшего вере отцов и заложившего основы международной политики государства, трудов, посвященных его иконографии, относительно немного[1]. Показательно, что в 2007 г. вышел первый том Православной энциклопедии с небольшой статьей, посвященной этому святому, и емкой, но краткой иконографической справкой[2]. 800-летний юбилей со дня рождения князя Александра Невского подвигнул специалистов-гуманитариев самых разных направлений на изыскания, связанные с его историей и почитанием. Весной 2021 г. в серии «Святые России» вышел капитальный коллективный труд, в котором основные аспекты жизни благоверного князя, а также его агиография и обширная
представлены максимально полно[3]. В издание вошла большая часть образов Александра Невского из собрания Исторического музея, в том числе и ранее не публиковавшихся.

---

1 *Шляпкин И. А.* Иконография святого благоверного великого князя Александра Невского. Пг., 1915; Бегунов Ю. К. Житие Александра Невского в станковой живописи начала XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 311–326; *Саенкова Е. М., Герасименко Н. В.* Иконы святых воинов: Образы небесных защитников в византийском, балканском и древнерусском искусстве. М., 2008. С. 227–233.

2 *Назаренко А. В., Квливидзе Н. В.* Александр Ярославич Невский // ПЭ. М., 2007. Т. 1. С. 541–544.

3 Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. М., 2021.

Прославление благоверного князя произошло на Макарьевском соборе 1547 г. Первые сохранившиеся бесспорные образы святого относятся к середине XVI в. Не исключено, учитывая давно установившееся местное почитание святого[4] и раннее возникновение его Жития[5], что у гроба Александра во Владимирском Рождественском монастыре и до канонизации были иконы, но сведений, подтверждающих это, не сохранилось. Подобное неоднократно имело место в истории православной и собственно русской святости[6].

Как уже ранее отмечали исследователи, одновременно появились два варианта иконографии святого: в монашеском и в княжеском облачении. К древнейшим сохранившимся моленным образам относится таблетка середины XVI в. из Софийского собора Великого Новгорода «Преподобные Иоанн Рыльский, Авраамий Ростовский и благоверный князь Александр Невский» с изображением князя-инока (Новгородский государственный областной музей-заповедник). Этот же, «преподобнический», вариант иконографии сохранился и во фресковых циклах XVI в. кремлевских Благовещенского и Архангельского соборов[7]. В княжеском одеянии Александр изображался в книжных миниатюрах и в храмовых

[4] *Шляпкин И. А.* Иконография святого благоверного великого князя Александра Невского. С. 8; *Духанина А. В.* Рукописная и старопечатная традиции Жития Александра Невского // Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. М., 2021. С. 92–93.

[5] *Охотникова В. И.* Повесть о житии Александра Невского // СККДР. Л., 1987. Вып. 1. С. 354–363; Духанина А. В. Рукописная и старопечатная традиции Жития Александра Невского. С. 92.

[6] *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в Русской церкви. Изд. 2-е. М., 1903. С. 274; *Бакалова Е.* Реликвии у истоков культа святых // Восточнохристианские реликвии. М., 2003. С. 33; *Власов А. Н.* Литературная история жития праведного Прокопия, Устюжского чудотворца // Житие святого праведного Прокопия Устюжского. М., 2003. С. 113; *Тарасенко Л. П.* К истории почитания преподобного Макария Желтоводского и Унженского в XVI – первых десятилетиях XVII в. // Кенозерские чтения – 2011. Человек и среда: гармония и противоречия. Архангельск, 2012. С. 200–204. Бывало, что у гробниц уже прославленных святых не было их изображений. У рак Саввы Крыпецкого в 1584–1587 гг., Ферапонта Можайского в Лужецком монастыре в 1596–1598 гг., святителя Иоанна Новгородского и князя Владимира Ярославича в 1617 г. не было икон (см.: *Мельник А. Г.* Гробница святого в пространстве русского храма // Восточнохристианские реликвии. М., 2003. С. 544).

[7] *Сизов Е. С.* «Воображены подобия князей». Стенопись Архангельского собора Московского Кремля. Л., 1969; *Самойлова Т. Е.* Тема царской и княжеской святости в росписях Благовещенского собора // Царский храм. Святыни Благовещенского собора в Кремле. М., 2003. С. 24–38; *Она же.* Княжеские портреты в росписи Архангельского собора Московского Кремля. Иконографическая программа XVI века. М., 2004; *Она же.* Путь в Святую Землю. Корсунская легенда в росписи лоджии Архангельского собора и ее диалог с наружными фресками Благовещенского собора // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография са-

росписях. После известного указа 1724 г. Святейшего Правительствующего Синода Александра Невского стали писать в княжеском облачении и на иконах. В старообрядческой культуре традиция изображения князя в иноческом образе сохраняется и впоследствии[8].

В иконописных подлинниках Александр Невский представлен как средовек с недлинной аккуратной бородой в схимническом одеянии, в покрывающем голову капюшоне[9]. Этой иконографической традиции принадлежат образы «святого благоверного великого князя Александра Невского, нареченного во иноцех Алексий»[10] в произведениях XVII – первой трети XVIII в. из собрания ГИМ.

Икона «Благоверный князь Александр Невский, с житием в 36 клеймах» из Покровского собора – древнейший сохранившийся житийный образ Александра Невского (Ил. 1, см. цв. вклейку)[11]. Традиция его изучения насчитывает уже не один десяток лет[12]. Икона считается произве-

---

кральных пространств. М., 2009. С. 633–670; Она же. Святые князья в стенописи Архангельского собора. М., 2015.

[8] Например, образ «Благоверный князь Александр Невский и преподобная Матрона» второй половины XIX в. (ГИМ).

[9] *Абраменко Н. М.* Образ Александра Невского в древнерусском искусстве // Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. М., 2021. С. 501.

[10] Об иноческом имени святого Александра см.: *Соколов Р. А.* Жизнь после смерти: прославление Александра Невского в лике святых // Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. М., 2021. С. 205.

[11] «Благоверный князь Александр Невский, с житием в 36 клеймах». Дерево, левкас, темпера. Размер – 125 × 99 см. ГИМ. 103794/ ПС–I 689. Основа состоит из трех досок, скрепленных двумя врезными встречными шпонками. Основа повреждена жучком-точильщиком, крупная утрата древесины справа, более мелкие – по нижнему и верхнему краям. Живописный слой иконы имеет значительные утраты и потертости. Подписи к клеймам сохранились частично, также сильно потерты. Нет именующих надписей в среднике. В публикациях есть указание на наличие пространной надписи в среднике, которая принадлежала одному из снятых поновительских слоев (об этом см.: ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-4/10. Реставрационный протокол). Икона прошла реставрацию в XVIII в. и 1803 г. В XX в. была реставрирована в 1924 г. известным мстерским потомственным художником-реставратором Е. И. Брягиным, который снял два слоя записи. Затем в 1959 г. С. И. Масленицыным были проведены работы по укреплению основы и красочного слоя (см.: *Бегунов Ю. К.* Житие Александра Невского в станковой живописи начала XVII в. С. 312).

[12] *Снегирев И. [М.]* Памятники московской древности. М., 1842. С. 349 (автором отмечено: «…писанный искусною кистию на золоте; …вероятно, XVI века и в Византийском стиле»); *Смирнова Э. С.* Отражение литературных произведений о Борисе и Глебе в древнерусской станковой живописи // ТОДРЛ. М.; Л., 1959. Т. 15. С. 326; *Бегунов Ю. К.* Житие Александра Невского в станковой живописи начала XVII в. С. 311–326; *Назаренко А. В., Квливидзе Н. В.* Александр Ярославич Невский. С. 544; *Саенкова Е. М., Герасименко Н. В.* Иконы святых воинов… С. 230–231; Покровский собор: Храм Василия Блаженного на Красной площади

дением московского мастера и датируется очень широко – концом XVI – первой третью XVII в., хотя стилистика за этот период эволюционировала очень заметно и возможно, на наш взгляд, уточнение его датировки.

Происхождение образа точно не известно. В конце XVIII в. икона уже находилась в приделе Входа Господня в Иерусалим собора Покрова на Рву.

Происходит образ, скорее всего, из разобранной в 1770 г. церкви Александра Невского в Московском Кремле, которая была построена в 1681–1688 гг. у Тайницких ворот. Утварь и иконы оттуда были переданы в Покровский собор по указу Экспедиции строения Кремлевского дворца, учрежденной в 1768 г. для надзора за возведением Большого Кремлевского дворца Василия Баженова.

Но история Александровской церкви началась значительно раньше. Впервые она упомянута в документах под 1625 г. Церковь была расположена на Ивановской площади рядом с храмом Черниговских чудотворцев (1577 г.), напротив Ивановской колокольни. У известного знатока старой Москвы Н. А. Скворцова было предположение, что церковь Александра Невского была построена в Кремле значительно ранее 1625 г.[13] Эту гипотезу проанализировал автор капитального исследования об иконе Александра Невского с житием Ю. К. Бегунов, отметив, что на планах Москвы Годуновском начала XVII в. и Сигизмундовом 1610 г. на Ивановской площади этого храма нет[14]. Впрочем, храм 1625 г. также не отражен на современных ему планах Кремля.

В 1626 г. эта Александровская церковь сильно пострадала в пожаре. В 1630 г. был построен новый храм, скорее всего, на месте предшествующего. Для возобновленной церкви в 1631 г. по указу Филарета Никитича были переданы 25 икон «на золоте», утварь, книги и др.[15] Известные царские мастера работали над украшением нового храма. Так, Назарий Истомин Савин написал шесть пядничных образов Спасителя, Богородицы, мученика Феодора Пергийского и преподобного Михаила Малеина, за что получил деньги из Патриаршего казенного приказа[16]. Среди образов нового храма в Описи келейной патриаршей казны упомянута мест-

/ Авт.-сост. Т. Г. Сарачева, М. Ю. Галкина. М., 2014; Образы русских святых в собрании Исторического музея / Авт.-сост. Л. П. Тарасенко. М., 2015. С. 34–39 (первое издание) (автор текста Л. П. Тарасенко).

13 *Скворцов Н. А.* Московский Кремль. Упраздненные монастыри, соборы, церкви и подворья. Из печатных и рукописных источников (Окончание) // Русский архив. М., 1893. № 9. С. 27.

14 *Бегунов Ю. К.* Житие Александра Невского в станковой живописи начала XVII в. С. 320–322.

15 Опись келейной казны патриарха Филарета Никитича 1630, августа 26 // РИБ. СПб., 1876. Т. 3. Стб. 894, 903, 946–949, 957–958 и др.

16 Словарь русских иконописцев XI–XVII вв. / Ред.-сост. И. А. Кочетков. М., 2003. С. 572.

ная икона «Благоверного князя Александра Невского» справа от царских врат, к которой была сделана пелена[17]. Но идентифицировать ее с исследуемым памятником невозможно, так как в тексте нет никаких уточнений относительно размера, иконографии и других характеристик иконы.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении сведения не помогают проследить историю образа из Покровского собора. Вопрос о происхождении и времени создания иконы остается, строго говоря, открытым.

Обратимся к иконе. Относительно небольшой вытянутый по вертикали средник окружен 36 житийными клеймами. В среднике представлен святой в схиме, с покрытой головой, у него короткая аккуратная борода. Правая рука приподнята со сложенными для крестного знамения перстами, в левой, опущенной, был, скорее всего, свернутый свиток. Фигура несколько непропорциональна, сильно вытянута, верхняя часть ее чуть укорочена.

Первые одиннадцать клейм посвящены событиям земной жизни Александра Невского, остальные – его посмертным чудесам. В первых клеймах традиционные события для житийного цикла: Рождение, Крещение, Обучение грамоте. В клейме 10 представлен Александр, принимающий послов папы Иннокентия IV Галда и Гемонда. Далее (клеймо 11) – поездка Александра Невского в Орду к царю Сартаку для того, чтобы «отмолить людей своих», восставших против гнета «иноверных», от гнева татар. Клеймо 12 иллюстрирует события последних дней жизни князя: принятие пострига (слева) и преставление.

Клейма 13–36 посвящены посмертным чудесам, которые начались уже при погребении: Александру должны были вложить в руку разрешительную молитву (духовную грамоту), но он сам взял хартию (клеймо 13). В клейме 14 представлено погребение святого (Ил. 2, см. цв. вклейку). В следующем клейме иллюстрируется чудо о помощи Александра Невского своему сроднику Димитрию Донскому. Согласно Житию, монастырскому иноку во время ночной молитвы было видение: по просьбе двух таинственных черноризцев помочь великому князю Димитрию Александр восстал из гроба и исчез из храма. На следующий день Димитрий победил в Куликовской битве. Это событие послужило основанием для вскрытия захоронения. В присутствии митрополита была разрыта могила князя и обретены его нетленные мощи, которые были положены в соборе и стали источником чудес (клеймо 16).

Кроме батальных сцен, все сюжеты житийного цикла показаны в соборе Владимирского Рождественского монастыря, около гробницы святого. В ряде клейм изображена охватывающая строения розовая или се-

[17] Опись келейной казны патриарха Филарета Никитича 1630, августа 26. Стб. 958. Пелена была общей для всех четырех икон правой части местного ряда.

рая монастырская стена, имеющая в зависимости от общей композиции клейма различные формы и декорированная по-разному. Храм обозначен как одноглавая церковь с рядами треугольных и полуциркульных кокошников, с боковыми приделами, увенчанными главками. Около гробницы, покрытой богатой, с крупным орнаментом, тканью[18], икона с поясным изображением Александра Невского в схиме, перед ней – свеча. Этот надгробный образ, без сомнения, был древнейшим в иконографии князя, а представленный на иконе антураж отражает тот надгробный комплекс, который сложился у места упокоения благоверного князя к моменту написания иконы.

Завершает цикл (клейма 32–36) чудо при Молодях. Согласно тексту Жития, иноку Рождественского монастыря Антонию было видение во время нашествия крымского хана Девлет-Гирея на Русь в 1572 г. Молясь ночью, он увидел, как к монастырю подъехали два светлых юноши-всадника, которые вошли в монастырь, затем – в храм и направились к гробнице Александра Невского. Перед гробом князя сами зажглись свечи. Святые попросили Александра помочь «сроднику», царю Ивану Васильевичу. Князь-инок встал из гроба; у ворот их ждали три коня. Святые поскакали к усыпальнице великих князей владимирских в Успенском соборе призвать их на помощь. Вскоре уже семь всадников перелетели через городскую стену и понеслись в сторону древнего Ростова, где обретались мощи царевича Петра.

Литературным источником клейм, как установлено Ю. К. Бегуновым, является редакция Жития святого, составленная архимандритом Рождественского монастыря Ионой Думиным (ум. до 1616 г.) к 1591 г.[19], позднее (к 1594 г.) дополненная самим автором[20]. Самая ранняя из предлагаемых специалистами дат создания иконы ГИМ – конец XVI в. – опирается на год завершения редакции Жития Ионы Думина.

На наш взгляд, особенности художественного языка произведения позволяют говорить о его создании в 1620-х – начале 1630-х гг. Для иконописи этого времени характерно уплощение пространства благодаря архитектурным формам, которые образуют своего рода орнаментальный фриз, отсутствие четких разделений между клеймами и, как следствие, соединение композиций друг с другом в непрерывный рассказ (это особенно заметно в батальных сценах – клейма 7–8, 32–36). Композиции клейм усложнены и, помимо основного сюжета, содержат дополнительные повествовательные линии. Компонуя сюжет, мастер при необходимости смело

[18] Сохранились лицевой покров 1613 г. (Владимиро-Суздальский музей-заповедник) и крышка гроба с написанным на ней образом князя 1695 г. (Государственный Эрмитаж).

[19] *Бегунов Ю. К.* Житие Александра Невского в станковой живописи начала XVII в. С. 314–320.

[20] *Буланин Д. М.* Иона Думин // СККДР. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 430–432.

срезает рамкой изображения. Белые и цветные постройки имеют черные дверные проемы, которые «заземляют» невесомые здания. Фигуры персонажей также не имеют веса: они или стоят на «цыпочках», или изображены так, что удерживаются в вертикальном положении вопреки законам притяжения. В целом, типы ликов, моделировка фигур, архитектурные формы, их орнаментика и цветовое решение, рисунок горок напоминают выполненные царскими мастерами иконы послесмутного времени.

Среди сохранившихся образов собора Чудова монастыря Московского Кремля есть довольно близкая аналогия нашему произведению. Это исполненное в 1627–1628 гг. «Благовещение, с Акафистом» Третьяка Гаврилова Кущникова, опубликованное В. А. Меняйло в каталоге икон Чудова монастыря[21]. Материалы о новгородце Третьяке Гаврилове Кущникове, работавшем вплоть до 1639 г., представлены И. А. Кочетковым в статье 1989 г. и в Словаре русских иконописцев IX–XVII вв.[22] Икону Третьяка и образ Александра Невского из ГИМ объединяют подход к пространственному решению клейм, к передаче архитектурных форм и их орнаментации, светлая насыщенная цветовая палитра. Пропорциональный строй фигуры Александра Невского с несколько укороченным верхом перекликается с пропорционированием деисусного ряда этого собора[23]. Даже некоторые недочеты в построении фигур комплекса иконостаса, особенно заметные в ряду пророков, напоминают неточности в рисунке фигуры Александра Невского (ср. с положением левой руки святого)[24].

Скорее всего, образ Александра Невского написан мастером, работавшим в соборе Чудова монастыря в 1627–1628 гг. и хорошо знакомым с произведениями, созданными для собора; вряд ли самим Третьяком Гавриловым Кущниковым, но современником, близким Третьяку по выучке и художественным принципам. Икона из ГИМ могла быть предназначена для первого, построенного около 1625 г., собора и перенесена после пожара в храм 1630 г. Но не исключено и создание иконы для церкви 1630–1631 гг. Автор образа – кремлевский мастер, близкий иконописцам, работавшим в Чудове монастыре в конце 1620-х гг.

---

[21] *Меняйло В. А.* Иконы Чудова монастыря Московского Кремля. Каталог. М., 2015. С. 57–59.

[22] *Кочетков И. А.* Иконописание в Чудовом монастыре по данным расходных книг 1585–1586 и 1628–1629 годов // История и реставрация памятников Московского Кремля. М., 1989. (Материалы и исследования. Государственные Музеи Московского Кремля. 6). С. 77–83; Словарь русских иконописцев IX–XVII вв. С. 373.

[23] Иконы «Святитель Петр митрополит Московский», «Преподобный Иоанн Лествичник» (см.: *Меняйло В. А.* Иконы Чудова монастыря Московского Кремля… С. 148–149, 162–163, 170–171).

[24] «Пророк Иона», «Праотец Рувим» (см.: *Меняйло В. А.* Иконы Чудова монастыря Московского Кремля… С. 220–221, 243).

Большой интерес представляет икона Александра Невского в молении Спасителю (поступила в составе собрания П. И. Щукина[25], происхождение неизвестно) (Ил. 3, см. цв. вклейку). Облик святого на иконе очень выразителен: тонкий аскетичный лик инока, согбенная поза молитвенника создают неожиданный для князя – защитника Отечества образ. Святой изображен на фоне райского пейзажа с рощами и цветами на сферическом поземе, которые появились в русской иконописи второй половины XVII в. Надпись на верхнем поле, сохранившаяся частично, соответствует тексту иконописных подлинников: «Святой благоверный князь Александр Невский в монашестве Алексий». Подобные надписи имеются и на некоторых других памятниках. В иконе есть редкая иконографическая особенность – борода святого довольно большая, формируется отдельными «космочками» и напоминает бороду преподобного Пафнутия Боровского. Датировать образ можно концом XVII в. Об этом периоде говорит решение пространства, характер пейзажа, моделировка одежд и личное. Сохранилось немало икон конца XVII – начала XVIII в., происходящих из владимиро-суздальских земель, в том числе и образы особо чтимых в регионе святых. Близких аналогий иконе из собрания П. И. Щукина не удалось найти, но цветовое богатство, теплый колорит, общая декоративность позволяют предположить, что автором был местный владимирский художник.

Образ Александра Невского в иноческом одеянии в молении Богоматери с Младенцем, в великолепном серебряном позолоченном рамочном окладе написан мастером, следовавшим стилистическим принципам московской Оружейной палаты (Ил. 4, см. цв. вклейку). Орнаментика басменного оклада с характерной плотностью расположения декоративных мотивов, выраженной рельефностью, разнообразием довольно крупных цветов, плодов, листьев, завитков типична для рубежа XVII–XVIII вв. Фигура святого с чуть склоненной головой массивна, по высоте заполняет все пространство ковчега. Изображения Богоматери с Младенцем Христом, представленные в левом углу ковчега в небесном сегменте, отличаются, напротив, хрупкостью и изяществом. Этот контраст, кажется, должен создать ощущение мощи молитвенного предстояния князя-защитника перед небесными покровителями его Отечества. Происхождение образа неизвестно. Он мог быть создан и в Москве, и в провинции, в которой стиль Оружейной палаты получил широкое распространение с последней трети XVII в.

Икона «Благоверный князь Александр Невский и преподобный Сергий Радонежский» входила в состав собрания видного коллекционера XIX в. Н. М. Постникова, происхождение ее неизвестно (Ил. 5).

[25] Огромное и разнообразное собрание П. И. Щукина было передано им в дар Историческому музею в 1905 г.

Ил. 5. Преподобный Сергий Радонежский и благоверный князь Александр Невский, в молении Господу Вседержителю. Центральная Россия (Владимир?). Конец XVII –начало XVIII в. Дерево, левкас, шелк, темпера; 30,7х25,4. ГИМ 34810/250 И VIII 4692

Образ близок по времени написания к предшествующей иконе, но по исполнению проще и представляет собой произведение местного мастера. Ему близка по характеру колорита, обилию розового колера, по упрощенно трактуемому живоподобию икона «Богоматерь Боголюбская, с припадающим благоверным князем Андреем Боголюбским» из Покровского монастыря в Суздале (Владимиро-Суздальский музей-заповедник).

В огромной коллекции прорисей ГИМ иконография святого князя представлена немногими произведениями XIX в. и единственным листом первой половины XVIII в. Это великолепный иконный образец «Благоверный князь Александр Невский в молении Богоматери с Младенцем, с первым посмертным чудом» (Ил. 6)[26]. Чуду с «духовной грамотой» придавалось огромное значение. Оно обязательно входило в состав клейм житийных икон, в отдельных случаях являлось основным сюжетом произведения. О востребованности данного извода говорит плохая сохранность листа, многократно использованного. Прорись представляет собой оттиск, сделанный с иконы конца XVII – начала XVIII в., что подтверждается характером архитектуры, укрупненностью изображения, обильной

[26] *Морозова З. П.* Иконные образцы XVII – начала XIX века. Иконография русских святых. М., 1994. № 8.

орнаментикой, самим обликом святого. Это обратный перевод (Иисус Христос благословляет левой рукой, левая же рука Богоматери в молении). Тщательная прорисовка плохо отпечатавшихся линий придает цель-

Ил. 6. Благоверный князь Александр Невский в молении Богоматери с Младенцем, с первым посмертным чудом. Иконный образец. Первая половина XVIII в. Бумага, сажа, оттиск; 24х19. ГИМ 34810/250 И VIII 4692.

ность художественному произведению, делая его миниатюрным графическим шедевром.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абраменко Н. М. Образ Александра Невского в древнерусском искусстве // Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. М., 2021. С. 490–577, 660–664.

Бакалова Е. Реликвии у истоков культа святых // Восточнохристианские реликвии. М., 2003. С. 19–44.

Бегунов Ю. К. Житие Александра Невского в станковой живописи начала XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 311–326.

Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. М., 2021.

Буланин Д. М. Иона Думин // СККДР. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 430–432.

Власов А. Н. Литературная история жития праведного Прокопия, Устюжского чудотворца // Житие святого праведного Прокопия Устюжского. М., 2003. С. 109–122.

Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской церкви. Изд. 2-е. М., 1903.

Духанина А. В. Рукописная и старопечатная традиции Жития Александра Невского // Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. М., 2021. С. 92–169, 652–655.

Кочетков И. А. Иконописание в Чудовом монастыре по данным расходных книг 1585–1586 и 1628–1629 годов // История и реставрация памятников Московского Кремля. М., 1989. (Государственные Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. 6). С. 77–83.

Мельник А. Г. Гробница святого в пространстве русского храма // Восточнохристианские реликвии. М., 2003. С. 533–552.

Меняйло В. А. Иконы Чудова монастыря Московского Кремля. Каталог. М., 2015.

Морозова З. П. Иконные образцы XVII – начала XIX века. Иконография русских святых. М., 1994.

Назаренко А. В., Квливидзе Н. В. Александр Ярославич Невский // ПЭ. М., 2007. Т. 1. С. 541–544.

Образы русских святых в собрании Исторического музея / Авт.-сост. Л. П. Тарасенко. М., 2015.

Опись келейной казны патриарха Филарета Никитича 1630, августа 26 // РИБ. СПб., 1876. Т. 3. Стб. 875–1000.

Охотникова В. И. Повесть о житии Александра Невского // СККДР. Л., 1987. Вып. 1. С. 354–363.

Покровский собор: Храм Василия Блаженного на Красной площади / Авт.-сост. Т. Г. Сарачева, М. Ю. Галкина. М., 2014.

Саенкова Е. М., Герасименко Н. В. Иконы святых воинов: Образы небесных защитников в византийском, балканском и древнерусском искусстве. М., 2008.

Самойлова Т. Е. Тема царской и княжеской святости в росписях Благовещенского собора // Царский храм. Святыни Благовещенского собора в Кремле. М., 2003. С. 24–38.

Самойлова Т. Е. Княжеские портреты в росписи Архангельского собора Московского Кремля. Иконографическая программа XVI века. М., 2004.

Самойлова Т. Е. Путь в Святую Землю. Корсунская легенда в росписи лоджии Архангельского собора и ее диалог с наружными фресками Благовещенского собора // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. М., 2009. С. 633–670.

Самойлова Т. Е. Святые князья в стенописи Архангельского собора. М., 2015.

Сизов Е. С. «Воображены подобия князей». Стенопись Архангельского собора Московского Кремля. Л., 1969.

Скворцов Н. А. Московский Кремль. Упраздненные монастыри, соборы, церкви и подворья. Из печатных и рукописных источников (Окончание) // Русский архив. М., 1893. № 9. С. 5–35.

Словарь русских иконописцев IX–XVII вв. / Ред.-сост. И. А. Кочетков. М., 2003.

Смирнова Э. С. Отражение литературных произведений о Борисе и Глебе в древнерусской станковой живописи // ТОДРЛ. М.; Л., 1959. Т. 15. С. 312–329.

Снегирев И. [М.] Памятники московской древности. М., 1842.

Соколов Р. А. Жизнь после смерти: прославление Александра Невского в лике святых // Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. М., 2021. С. 198–241, 655–656.

Тарасенко Л. П. К истории почитания преподобного Макария Желтоводского и Унженского в XVI – первых десятилетиях XVII в. // Кенозерские чтения – 2011. Человек и среда: гармония и противоречия. Архангельск, 2012. С. 200– 214.

Шляпкин И. А. Иконография святого благоверного великого князя Александра Невского. Пг., 1915.

Liudmila P. Tarasenko
State Historical Museum, Moscow, Russia

ICONOGRAPHY OF THE BLESSED PRINCE ALEXANDER NEVSKY IN MONUMENTS OF ICON PAINTING AND ICON DESIGNS OF THE 17TH – 18TH CENTURIES FROM THE STATE HISTORICAL MUSEUM COLLECTION

The author introduces and analyzes the collection of icons of the Blessed Prince Alexander Nevsky of the 17th –18th centuries, presented in the State Historical Museum. The main attention is paid to the oldest hagiographic icon of the saint, its history and content, the dating and the circle of the nearest masterpieces.

Keywords: Old Russian art, iconography, hagiography, a hagiographic icon, icon designs, blessed princes, tsar's masters, Armory Chamber, museum collections

Л. Б. Сукина
Институт программных систем РАН,
Переславль-Залесский, Россия

ОБРАЗ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В ВИЗУАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ «РОДОСЛОВИЯ» ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII – НАЧАЛА XVIII в.

В статье анализируется круг изображений Александра Невского, включенных в композиции древ «родословия» царской власти Рюриковичей и Романовых. Ранее их не рассматривали в контексте развития иконографии образа князя. В общих чертах они соответствуют его иконографическому канону, сложившемуся в XVII в. Но, по сравнению с другими, традиционными изображениями Александра Невского (на иконах, фресках, книжных миниатюрах, произведениях лицевого шитья и ювелирного искусства) того же времени, они более вариативны, так как служили частью сложных иконографических программ, визуализирующих идею «благоверия» царствующей династии.
Ключевые слова: Александр Невский, изображение, иконография, родословное древо, царская династия

Статья подготовлена при поддержке Германского исторического института в Москве. Стипендиальный научно-исследовательский проект «Воображаемое древо: спиритуальное родословие династии Романовых в визуальной культуре Русского государства XVII – начала XVIII века» (2020).

Ранняя иконография Александра Невского неплохо изучена[1]. Однако сравнительно небольшой, но важный круг его изображений не попал в поле зрения исследователей. Это образы князя, включенные в композиции древ «родословия» царской власти второй половины XVII – начала XVIII в. В настоящей работе мы впервые вводим большинство из них в научный оборот и уделим специальное внимание их иконографическим особенностям.

Изображения древ спиритуальной генеалогии светской и церковной власти появились в русской культуре, вероятно, еще в XVI в., в эпоху первого царя Ивана Грозного. Возрождение интереса к визуальным кон-

[1] См., например: *Шляпкин П. А.* Иконография святого благоверного великого князя Александра Невского. Пг., 1915; *Бегунов Ю. К.* Иконография святого благоверного великого князя Александра Невского // Князь Александр Невский и его эпоха. СПб., 1995. С. 172–176; *Квливидзе Н. В.* Иконография Александра Невского // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 267–284.

струкциям символического «родословия» русских государей произошло после укрепления на престоле династии Романовых, при царе Алексее Михайловиче. В правление его потомков, включая Петра I, средневековая иконография древ сохраняла свою актуальность, трансформируясь и дополняясь новыми деталями и смыслами.

В основе всех иконографических композиций лежала династическая концепция царской власти, созданная еще при Рюриковичах и представленная в своем завершенном виде в Степенной книге. Она активно использовалась и при первых Романовых, обосновывавших собственную легитимность «родственными» связями с родом Рюрика[2]. Из древнерусских князей в конструкцию царского родословия включались в основном «предки» и «сродники», удостоенные святости. Александру Невскому, от которого вела свой род московская великокняжеская династия, среди них принадлежало особое место.

Из всех известных нам иконографических изводов древа спиритуальной генеалогии царского рода образ Александра Невского отсутствует в трех случаях: на миниатюре «Древо святых князей Древней Руси» из Синодика Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле 1656 г. (Ярославский музей-заповедник. № 15585. Л. 104 об.), гравюре «Род правых благословится» из книги Лазаря Барановича «Меч духовный» (Киев, 1666. Л. 2) и гравированном титуле книги Иоанна Максимовича «Алфавит собранный, рифмами сложенный» (Чернигов, 1705). Все три композиции составлялись со специфическими целями (коммеморация событий Смутного времени, прославление царя Алексея Михайловича, которому предстоит возглавлять своих подданных на Страшном суде, хвала роду государя Петра Алексеевича и его наследника Алексея Петровича) и включали предельно узкий круг специально отобранных образов.

Самое раннее изображение Александра Невского в составе удостоенных святости создателей Московского государства мы видим на известном произведении Симона Ушакова «Похвала иконе Богоматерь Владимирская» («Насаждение древа Московского государства») 1663 г. (Государственная Третьяковская галерея. Инв. 28598)(Ил. 1., см. цв. вклейку)[3]. Примечательно, что медальон с поясным изображением князя находится на правой ветви виноградного куста, вместе с преподобными и юродивыми, а не на левой, где изображены митрополиты, патриархи, князь Михаил Черниговский, царь Федор Иванович и царевич Дмитрий Угличский.

---

[2] См.: *Сиренов А. В.* Концепция династической монархии в России XVII – первой половины XVIII в. // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства. М., 2017. С. 345–357.

[3] Аргументацию новой датировки и общее описание иконографии см.: *Гладышева Е. В.* Похвала иконе «Богоматерь Владимирская» (Древо государства Московского) // Симон Ушаков – царский изограф / Государственная Третьяковская галерея. М., 2015. С. 110–117.

Александр Невский представлен здесь в монашеском облике и в подписи назван «преподобным князем» (в то время как Михаил Черниговский – «благоверным князем»), но при этом фигурирует под своим мирским именем, а не иноческим – Алексий. На свитке, который он держит в левой руке, читается текст: «Радуйся, яко рай пищный (полный сладости – *Л. С.*) процветаеши». Князь облачен в оранжево-охристый «испод», вишнево-коричневую монашескую «ризу» и голубовато-зеленый куколь. Жестом хвалы правой рукой он представляет зрителю центральный медальон с образом Богоматери Владимирской.

Аналогичное изображение Александра Невского в образе преподобного присутствует и на прориси «Похвала иконе Богоматерь Владимирская» 1680-х гг. (Собрание М. С. Бывшева) (Ил. 2)[4]. Как установил А. В. Сиренов, в данной композиции, по сравнению с произведением Симона Ушакова, несколько изменен состав медальонов – исключены почти все преподобные и добавлены три церковных иерарха и один князь или царь[5]. Подписи на прориси отсутствуют, и мы не можем с полной уверенностью судить, как на иконе, с которой она была сделана, титуловалась персона Александра Ярославича.

Прорись была выполнена методом «слепка» с какого-то не дошедшего до нас изображения древа Московского государства (но не с произведения Симона Ушакова, о чем свидетельствуют серьезные различия в размерах и деталях иконографии), поэтому ее композиция зеркально перевернута. Медальон с изображением Александра Невского находится не справа, а слева, на нижнем отростке ветви. Но образ князя-схимника уверенно опознается по характерным иконографическим нюансам его монашеского облачения (заостренный куколь) и небольшой закругленной бороде.

Обратим внимание, что медальон с Александром Невским и на иконе, и на прориси помещен в самой нижней части правой/левой ветви, близко к ее корню – это свидетельствует о том, что князь здесь представлен как первопредок рода, создавшего Московское государство, и одновременно как один из его чтимых святых. Напомним, что государственное древо на иконе Симона Ушакова насаждают Иван Калита и митрополит Петр.

Изображение Александра Невского в монашеском обличии в обеих рассмотренных композициях, возможно, обусловлено не только существовавшей в то время иконографической традицией, но и эсхатологическим и коммеморативным содержанием их сюжетов. Может быть, соста-

[4] Иконопись Оружейной палаты: из частных собраний / Сост. Н. И. Комашко. М., 2017. С. 156–157.

[5] *Сиренов А. В.* Идея династической монархии в России и родословные древа русских царей XVII–XVIII вв. // Родословные древа русских царей XVII–XVIII веков. М., 2018. С. 16.

вителям этой иконографии было важно подчеркнуть, что перед смертью князь принял схиму, что свидетельствовало о его благоверии и благочестии (эти качества выделяются и в его Житии).

Иконографически близкие образы Александра Невского в куколе схимника обнаруживаются в композициях древ, напрямую связанных с концепцией царского родословия в Степенной книге. Это миниатюры «Изображение степеней» из списка Степенной книги 1670 г. (РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). № 4288. Л. 61 об.) (Ил. 3, см. цв. вклейку)[6] и «Древо русских князей и царей» из Синодика Воскресенского Новоиерусалимского монастыря начала 1680-х гг. (ГИМ. Собрание Воскресенского Новоиерусалимского монастыря. № 66. Л. 76) (Ил. 4, см. цв. вклейку)[7].

На древе из Степенной книги представлены только князья и цари династии Рюриковичей. Их фигуры в рост изображены на кончиках многочисленных ветвей, отходящих от единого мощного ствола виноградного куста. Александр Невский – четвертый сверху на левой стороне древа. Он облачен в монашескую мантию. Его голову покрывает схимнический куколь. Как и другие персонажи, князь обращается с жестом моления к стоящему на вершине древа Владимиру Святому. Изображение имеет подпись: «Вел[икий] кн[я]зь Александръ Невский». Из потомков Александра Невского в монашеских облачениях изображены Даниил Московский, Иван Калита, Василий III и Иван Грозный. Голова Даниила, как и у отца, покрыта схимническим куколем. Остальные представлены с непокрытыми головами. В подписях к фигурам Василия III и Ивана Грозного указаны мирские и монашеские имена. Александр Невский, его сын и внук поименованы как миряне, но все трое с титулом «великий князь».

Аналогичный иконографический принцип был использован в миниатюре Синодика Воскресенского Новоиерусалимского монастыря. К Рюриковичам здесь были лишь добавлены трое представителей династии Романовых (Михаил Федорович, Алексей Михайлович и Федор Алексеевич). Фигуре Александра Невского отведено то же место, что и на миниатюре из Степенной книги, – он четвертый сверху, слева. И так же облачен в красную мантию и зеленый куколь. В подписи к изображению он назван: «Кн[я]зь Александръ Невский» (из владимирских и московских князей до Ивана III «великим» здесь титулован только Всеволод Большое Гнездо).

---

[6] См. также: Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Музейное собрание. Описание. М., 1997. Т. 2. С. 356–357; Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2007. Т. 1. С. 78–79.

[7] См. также: Собрание памятников церковной старины в ознаменование трехсотлетия царствования дома Романовых / Сост. А. И. Речменский. М., 1913. Кат. 97; *Грибов Ю. А.* Лицевые рукописи Ярославского Поволжья второй половины XVII века: вопросы атрибуции // От Средневековья к Новому времени. Сборник статей в честь О. А. Белобровой. М., 2006. С. 402–403.

Ил. 2. Прорись иконы «Похвала иконе Богоматерь Владимирская». 1680-е (?) гг. Фрагмент.

Несмотря на явное иконографическое сходство, изображения Александра Невского на описанных выше иконах и миниатюрах имеют одно существенное различие. На иконах он изображен с нимбом как чтимый русский святой. На миниатюрах, в соответствии с текстом «Степенной книги», князь представлен, в первую очередь, как один из русских государей, пусть и удостоенный святости[8]. Как и другие Рюриковичи и, соответственно, Романовы, он лишен нимба. Возможно, так проявилось влияние западноевропейской визуальной генеалогии, в которой (в отличие от ви-

[8] См.: *Усачев А. С.* Особенности представления древнерусских князей в Степенной книге и специфика композиции памятника (на материале жизнеописаний кн. Владимира Святославича, Александра Ярославича и Дмитрия Ивановича) // Восточная Европа в Древности и Средневековье: политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 16–18 апреля 2007 г. М., 2007. С. 278–284.

зантийского и поствизантийского мира) в эпоху Возрождения и раннего барокко утвердилась традиция светской трактовки образов династов из владетельных домов.

Изображения Александра Невского в монашеском одеянии были распространены в иконописи и фреске второй половины XVI – XVII в. Самое раннее описание его иконографии сохранилось в новгородском иконописном подлиннике XVI в. Оно предельно кратко: «Преподобный Александр Невский. Аки Георгий; риза киноварь, испод лазорь»[9]. Упоминание Георгия Победоносца стало для некоторых исследователей аргументом в пользу существования «воинской иконографии» князя[10] (хотя такие изображения XVI–XVII вв. или более раннего времени неизвестны[11]). Вышеописанные миниатюры показывают, что киноварная риза и лазоревый испод могли принадлежать и его иноческому образу.

Известно, что одновременно с монашеской разрабатывалась и княжеская иконография Александра Невского. В богато расшитой шубе или узорчатом платье (свите) и плаще (корзно), окантованном золотой тесьмой, в княжеской шапке князь изображен на клеймах иконы XVII в. из собора Василия Блаженного (ГИМ), на миниатюрах различных томов Лицевого летописного свода 1570-х гг., в росписи Архангельского собора Московского Кремля 1652–1666 гг., воспроизводящей фрески 1565 г., и в некоторых других случаях.

В княжеском образе Александр Невский представлен в большой фресковой композиции «Родословное древо Рюриковичей» на своде паперти Спасо-Преображенского собора Новоспасского монастыря в Москве (Ил. 5, см. цв. вклейку). Первоначальная роспись была выполнена в конце 1680-х гг. костромской артелью во главе с учеником Гурия Никитина Кинешемцева Василием Осиповым Колпашниковым (Калпашниковым)[12]. Композиционно она, вероятно, восходит к «Древу Иессееву» во фресковом декоре Благовещенского собора и несохранившимся фрескам Золотой палаты Московского Кремля с изображениями русских князей.

Образы Рюриковичей в росписи Новоспасского монастыря заключены в овальные медальоны. Вкупе они составляют масштабную (длина расписанного свода 10 м) картину родственных связей династии. У корня древа изображены княгиня Ольга, князь Владимир Святой, князья-страс-

[9] Иконописный подлинник новгородской редакции по софийскому списку конца XVI века с вариантами из списков Забелина и Филимонова. М., 1873. С. 7.

[10] См., например: *Бегунов Ю. К.* Иконография святого благоверного великого князя Александра Невского. С. 173–174.

[11] О возможных вариантах «воинской» иконографии Александра Невского см.: *Квливидзе Н. В.* Иконография Александра Невского. С. 270–271.

[12] *С[негирев] И. [М.]* Родословное древо государей российских, изображенное на своде паперти соборной церкви Новоспасского ставропигиального монастыря / Изд. архимандритом оного монастыря Аполлосом. М., 1837.

тотерпцы Борис и Глеб. На вершине находились изображения царей Ивана Грозного и Федора Ивановича (сейчас в ГИМ), а также царевича Дмитрия. В основное древо включены изображения 68 лиц, принадлежавших к великокняжеским и удельным династиям. Отдельно от главной династической «лозы» Владимиро-Суздальской и Московской Руси, в арках изображены чтимые при царских дворах Рюриковичей и Романовых святые: князь Федор Ярославский (Смоленский) с сыновьями и князь Михаил Черниговский с боярином Федором.

Медальон с Александром Невским размещен не на «стволе» древа, протянувшемся вдоль центральной оси свода, а на одном из его откосов, вплотную к ребру креста. Он продолжает ряд изображений князей Владимиро-Суздальского дома. Фигура Александра Невского изображена в рост, в легком повороте влево. Раскрытой ладонью согнутой в локте левой руки князь указывает на соседний медальон с изображением неустановленной персоны (подпись утрачена, иконографические аналоги пока не обнаружены). Судя по всему, это кто-то из его сыновей. Правой рукой Александр Невский прижимает к плечу «золотой» жезл, напоминающий по форме скипетр. Князь одет в багряное платье, отделанное золотистым позументом. На его плечи накинут плащ из расшитой золотом и серебром золотой парчи с голубого цвета подбоем. На голове – княжеская шапка из ткани «лазоревого» цвета с узкой меховой опушкой. Изображение сопровождает подпись: «Святой благовер[ный] князь Александр Невский».

К сожалению, эта фреска дошла до нас не в первозданном состоянии. В 1837 г. роспись была поновлена. При реставрации 2010 г. поздние прописи изображений и надписей были сохранены, но некоторые детали позволяют судить, что в целом их вид соответствует первоначальному рисунку и, возможно, колориту.

Наиболее типологически близко к фреске из Новоспасского монастыря изображение Александра Невского в Архангельском соборе Московского Кремля 1652–1666 гг. Хотя оно и является частью общей программы поминальных княжеских портретов, но не включено в единую композицию как элемент, чье художественное решение зависит от приемов компоновки целого. Поэтому фигура князя в этом случае изображена фронтально.

Княжеская иконография Александра Невского отличается от монашеской и атрибутами. В иноческом облике он представлен или с пустыми руками, или держащим в одной из них развернутый либо свернутый свиток. В княжеском образе Александра изображали с небольшим крестом (Архангельский собор) или длинным жезлом-посохом (Лицевой летописный свод). На фреске Новоспасского монастыря появляется, как уже отмечалось выше, скипетр. Эта новая деталь подчеркивает «царский» характер всей композиции древа Рюриковичей (все остальные князья также изображены со скипетрами в руках).

Необходимо отметить, что древо в Новоспасском монастыре является единственным из всей рассматриваемой группы, которое может быть уверенно связано с царским заказом. Роспись основного объема и паперти Спасо-Преображенского собора была осуществлена по распоряжению государей Петра и Ивана Алексеевичей при участии цариц Натальи Кирилловны, Прасковьи Федоровны и Марфы Матвеевны и всех старших и младших царевен (теток и сестер правящих царей), о чем сообщается в надписи на стене храма[13].

О том, что скипетры в руках у князей были уже в первоначальном варианте росписи, свидетельствует изображение таких же атрибутов на фреске «Род царствия благословится» 1716 г. (?) на своде западной галереи церкви Ильи Пророка в Ярославле (Ил. 6, см. цв. вклейку). Роспись предположительно была выполнена артелью ярославского иконописца Федора Игнатьева[14].

В этой фреске была повторена иконографическая схема гравюры «Род правых благословится» из книги Лазаря Барановича «Меч духовный». Но по сравнению с образцом древо царствующего рода Романовых было существенно расширено за счет включения новых персонажей[15]. Теперь на нем была изображена не просто семья царя Алексея Михайловича, а вся мужская ветвь династии Романовых, начиная с Михаила Федоровича. Композиция также включает изображения некоторых «предков» и святых «сродников» царского рода.

Среди последних особое место отведено Александру Невскому. Он изображен там, где на гравюре был помещен царевич Симеон Алексеевич. Но между этими изображениями есть принципиальное иконографическое различие. Царевич Симеон находится в чаше цветка, венчающего нижний боковой отросток древа, а цветок Александра Невского произрастает прямо из центрального ствола. Под ним, у корня древа – изображение Владимира Святого, над ним, на вершине – основатель царской династии Романовых Михаил Федорович.

Изображение Александра Невского на этом древе – поясное, фронтальное. Левая рука князя согнута в локте и поднята, кисть сложена в благословляющем жесте. В правой руке – уже знакомый нам скипетр. Как и другие персоны на древе, Александр облачен в царское платье с золотыми

---

[13] См. ее публикацию: *Дмитриев И. Д.* Московский первоклассный Новоспасский Ставропигиальный монастырь в его прошлом и настоящем: Историко-археологический очерк. М., 1909. С. 12.

[14] *Бусева-Давыдова И. Л., Рутман Т. А.* Церковь Ильи Пророка в Ярославле. М., 2002. С. 68–70.

[15] Подробнее см.: *Сукина Л. Б.* «Род царствия благословится»: два случая интерпретации богоизбранности правящего дома Романовых в русской художественной культуре второй половины XVII – начала XVIII в. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 3. С. 115–131.

оплечьем, поясом и иными расшитыми золотом украшениями. Ткань его одежды лазоревого цвета. На нем нет княжеского плаща, подобного тем, что накинуты на плечи святых Бориса и Глеба, которые изображены возле отдельно стоящих деревьев. Несмотря на подпись «Бл[а]г[о]в[е]рный кн[я]зь Александръ», Невский представлен здесь не в княжеском, а в царском облике. Это дополнительно подчеркивает венчающая его голову зубчатая корона с заполненным верхом (сродни императорскому венцу, в каких изображали государей Византийской и Священной Римской империй).

Примечательной деталью двух последних композиций являются нимбы над головами не только святых, включая Александра Невского, но и всех остальных лиц. Это соответствует византийской традиции изображения царских особ.

Обобщая все вышесказанное, следует отметить, что, несмотря на значительное разнообразие образов Александра Невского в визуальных конструкциях «родословия» царской власти, в общих чертах они соответствуют сложившемуся в XVII в. иконографическому канону. Его развернутого описания с вариантами не существует. В Сводном иконописном подлиннике XVIII в. содержится только характеристика монашеской иконографии святого князя: «…брада аки Козмина, в схиме, кудерцы видеть маленько из-под схимы, риза преподобническая, испод дымчат, в руке свиток сжат, сам телом плечист»[16]. В других редакциях подлинника указывается, что Александр Невский «подобен Ефрему Сирину», а «борода руса, мала, аки Златоустова», преподобническая риза «багрова»[17]. Но везде в описаниях присутствуют схима и видимые из-под нее «кудерцы». Поэтому изображения Александра Невского в монашеском облике сравнительно одинаковы и различаются ракурсами фигуры, жестами рук, атрибутами и цветом «испода». Во всех (монашеских и княжеских) образах мы видим предписанные подлинником кудрявые русые волосы и короткую закругленную бородку. Но по сравнению с другими, более традиционными изображениями Александра Невского (на иконах, фресках, книжных миниатюрах, произведениях лицевого шитья и ювелирного искусства) того же времени его образы в композициях древ более вариативны. Они соответствуют не только общему канону, но и задачам сложных иконографических программ, целью которых была визуализация идеи «благоверия» царствующей династии, осуществляющей свою власть под божьим покровительством. При обозрении всех сохранившихся изображений древ нетрудно проследить эволюцию образа Александра Невского в «визуальной генеалогии» царской власти. Сначала его изображали

[16] Сводный иконописный подлинник XVIII века // Вестник Общества древнерусского искусства при Московском Публичном музее: 1874–1876. М., 1876. С. 67.

[17] См.: *Маркелов Г. В.* Святые Древней Руси. СПб., 1998. Т. 2. Свод описаний. С. 42.

как чтимого в Московском государстве преподобного, затем благоверным князем (предком русских царей) и, наконец, равным средневековым императорам святым «сродником» – покровителем царствующего рода Романовых.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бегунов Ю. К. Иконография святого благоверного великого князя Александра Невского // Князь Александр Невский и его эпоха. СПб., 1995. С. 172–176.

Бусева-Давыдова И. Л., Рутман Т. А. Церковь Ильи Пророка в Ярославле. М., 2002.

Гладышева Е. В. Похвала иконе «Богоматерь Владимирская» (Древо государства Московского) // Симон Ушаков – царский изограф / Государственная Третьяковская галерея. М., 2015. С. 110–117.

Грибов Ю. А. Лицевые рукописи Ярославского Поволжья второй половины XVII века: вопросы атрибуции // От Средневековья к Новому времени. Сборник статей в честь О. А. Белобровой. М., 2006. С. 391–403.

Дмитриев И. Д. Московский первоклассный Новоспасский Ставропигиальный монастырь в его прошлом и настоящем: Историко-археологический очерк. М., 1909.

Иконописный подлинник новгородской редакции по софийскому списку конца XVI века с вариантами из списков Забелина и Филимонова. М., 1873.

Иконопись Оружейной палаты: из частных собраний / Сост. Н. И. Комашко. М., 2017.

Квливидзе Н. В. Иконография Александра Невского // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 267–284.

Маркелов Г. В. Святые Древней Руси. СПб., 1998. Т. 2. Свод описаний.

Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Музейное собрание. Описание. М., 1997. Т. 2.

Сводный иконописный подлинник XVIII века // Вестник Общества древнерусского искусства при Московском Публичном музее: 1874–1876. М., 1876. С. 17–126.

Сиренов А. В. Концепция династической монархии в России XVII – первой половины XVIII в. // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства. М., 2017. С. 345–357.

Сиренов А. В. Идея династической монархии в России и родословные древа русских царей XVII–XVIII вв. // Родословные древа русских царей XVII–XVIII веков / Сост. А. В. Сиренов. М., 2018. С. 8–27.

С[негирев] И. [М.] Родословное древо государей российских, изображенное на своде паперти соборной церкви Новоспасского ставропигиального монастыря / Изд. архимандритом оного монастыря Аполлосом. М., 1837.

Собрание памятников церковной старины в ознаменование трехсотлетия царствования дома Романовых / Сост. А. И. Речменский. М., 1913.

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2007. Т. 1.

Сукина Л. Б. «Род царствия благословится»: два случая интерпретации богоизбранности правящего дома Романовых в русской художественной культуре второй половины XVII – начала XVIII в. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 3. С. 115–131.

Усачев А. С. Особенности представления древнерусских князей в Степенной книге и специфика композиции памятника (на материале жизнеописаний кн. Владимира Святославича, Александра Ярославича и Дмитрия Ивановича) // Восточная Европа в Древности и Средневековье: политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 16–18 апреля 2007 г. М., 2007. С. 278–284.

Шляпкин П. А. Иконография святого благоверного великого князя Александра Невского. Пг., 1915.

Liudmila B. Sukina
Institute of Software Systems of the Russian Academy of Sciences, Pereslavl-Zalessky, Russia

ALEXANDER NEVSKY'S IMAGE IN VISUAL CONSTRUCTIONS OF THE "GENEALOGY" OF TSARIST POWER IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 17TH – EARLY 18TH CENTURIES

The article analyzes the range of Alexander Nevsky's images included in the compositions of the trees of the "genealogy" of the royal power of the Riurikids and Romanovs. Previously, they were not considered in the context of the development of the iconography of the prince's image. In general terms, they correspond to his iconographic canon, which took shape in the 17th century. But compared to other, traditional Alexander Nevsky's images (on icons, frescoes, book miniatures, works of facial sewing and jewelry art) of the same time, they are more varied, as they served as a part of complex iconographic programs visualizing the idea of "holiness" of the reigning dynasty.

Keywords: Alexander Nevsky, an image, iconography, a family tree, a royal dynasty

Р. А. Соколов
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

ЗАМЕТКИ О ПЕРЕНЕСЕНИИ МОЩЕЙ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В 1723–1724 ГГ.

Перенесение мощей Александра Невского из Владимира в Санкт-Петербург (1723–1724 гг.), предпринятое по инициативе Петра I, было прервано на несколько месяцев остановкой в Шлиссельбурге. В этот период мощи находились в церкви Иоанна Предтечи, расположенной на Ореховом острове непосредственно в крепости. С этим фактом может быть связано создание хранящейся в Кирилло-Белозерском музее-заповеднике иконы, сюжетом которой стало как раз перенесение мощей этого святого.
Ключевые слова: Александр Невский, история России, историческая память, российская культура, история Шлиссельбурга

Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 21-48-04402.

К вопросу о перенесении из Владимира в Санкт-Петербург мощей Александра Невского, предпринятом по инициативе Петра Великого в 1723–1724 гг., исследователи обращались неоднократно[1]. Об этом мероприятии, которое должно было укрепить престиж и самого императора, и основанной по его воле Северной столицы, известно достаточно много благодаря сохранившимся источникам, а также тому факту, что наиболее важный из них – «Юрнал» (журнал), содержащий подневное описание пути сопровождавшей саркофаг процессии, – был опубликован еще в XIX в. Этот документ донес сведения, вероятно, если не обо всех, то о подавляющем большинстве перипетий путешествия[2]. Дополнением к этому служит исходящая документация Синода и Сената, а также «доношения» около-

[1] См., например: *Рункевич С. Г.* Александро-Невская лавра, 1713–1913. СПб., 1913. С. 255–272; *Цветаев Д.* Перенесение мощей Александра Невского из Владимира в Санкт-Петербург (по архивным документам) // Святой благоверный великий князь Александр Невский и древний Городецкий Федоровский монастырь. Нижний Новгород, 2009. С. 81–99; *Стецюра Т. Д.* Святой благоверный князь Александр Невский // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2009. С. 235–239; *Соколов Р. А., Мещенина А. А.* Историческая память об Александре Невском в эпоху Петра I и его преемников // Canadian-American Slavic Studies. 2018. Vol. 52. Is. 4. P. 369–385.

[2] Юрнал Владимирского Рождественного монастыря архимандрита Сергия (С 14 июля по 1-ое октября 1723 г.) // Описание документов и дел, хранящихся в архивах Святейшего Синода. СПб., 1878. Т. 3. (1723 г.). Стб. CXXXI–CLII.

ничего М. В. Собакина[3], сопровождавшего мощи на всем пути вместе с архимандритом Владимирского Рождественского монастыря Сергием.

В литературе справедливо закрепилось мнение, согласно которому изначально важнейшей целью Петра было устроить так, чтобы останки святого были доставлены в посвященный ему Александро-Невский монастырь именно 30 августа, что позволяло бы укрепить за этим торжественным днем годовщины заключения Ништадтского мира статус церковного праздника.

Такая практика – установление памяти святого в день перенесения его мощей – полностью соответствовала православной традиции, и государь непременно желал ее использовать. Подобные прецеденты, конечно, имелись: показателен пример памяти Николы Вешнего – святого Николая Чудотворца 9 (22) мая, всегда особенно почитавшегося у православных нашей страны. Свидетели-иностранцы также трактовали действия императора именно в традиционном контексте русской православной культуры. Г.-Ф. Бассевич по этому поводу писал в своих «Записках»: «…Почестью, оказанною памяти святого, служившего так достойно Богу и Отечеству, император очистил себя от подозрения в намерении уничтожить совершенно поклонение, воздаваемое греческою церковью своим патронам на небе»[4]. Изданный в июне 1723 г. синодский указ также ссылался на прецедент – осуществленное в 1652 г. перенесение мощей святителя Филиппа из Соловецкого монастыря в Москву[5]. Иначе говоря, был сделан акцент на том, что перенесение мощей святого, направленное по факту на укрепление идеологии империи, должно было осуществиться, тем не менее, строго в рамках православных канонов и с опорой на существовавшую традицию.

Совершая свой долгий переход, процессия проследовала через многие города и веси, местное духовенство и верующие встречали ее, оказывая всевозможные почести. В некоторых местах память о торжественном прохождении сохранялась на протяжении длительного времени и даже обросла малоправдоподобными легендами. Как минимум одно такое сказание зафиксировано документально и связано с иконой-скульптурой, хранящейся в настоящее время в Троицкой церкви села Ворша Собинского района Владимирской области. А. С. Клемешев (Ил. 1, см. цв. вклейку), составивший подробное описание этого памятника, справедливо оха-

---

[3] *Цветаев Д.* Перенесение мощей Александра Невского из Владимира в Санкт-Петербург… С. 95–99.

[4] *Бассевич Г.-Ф.* Записки графа Бассевича, служащие к пояснению некоторых событий из времен царствования Петра Великого // Юность державы. М., 2000. С. 424.

[5] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской империи (далее – ПСП). СПб., 1875. Т. 3. 1723. С. 102. № 1065.

рактеризовал его как самое древнее скульптурное изображение князя[6]. Наиболее вероятная его датировка – первая четверть XVIII в. (датировка специалистов Музея имени Андрея Рублева), причем, как представляется, верхняя граница может быть конкретизирована изданным 15 июня 1724 г. указом о запрете изображать впредь Александра Невского на иконах как схимника. Этим распоряжением существовавший прежде иноческий канон был заменен великокняжеским[7], и вряд ли духовенство церкви, расположенной на оживленной Владимирке, пошло бы на прямое нарушение этого требования духовного начальства сразу после его издания.

Вернемся к бытующему в современной Ворше преданию. Согласно его сюжету, создание скульптуры стало следствием того, что в 1723 г. при переходе процессии через реку Воршу рухнул мост, что было понято как «нежелание» святого «идти» в Санкт-Петербург. Для исправления положения государь дал обет изготовить икону-скульптуру. Еще один вариант сказания гласит, что мощи были вовсе утрачены во время «аварии» и вновь обретены после указанного выше обещания императора[8].

Не будем останавливаться подробно на фольклорных моментах, скажем лишь, что все подобные «известия» полностью противоречат документальному источнику – тому самому «Юрналу»[9]. Его составитель был крайне заинтересован в том, чтобы каждое вызванное объективными причинами промедление и все форс-мажорные ситуации тщательно фиксировались, поскольку необходимо было иметь максимум оправданий опозданию к 30 августа в Санкт-Петербург (нарушение данного срока изначально обусловил поздний выход из Владимира (11 августа)). Потому архимандритом Сергием было тщательно зафиксировано, например, обрушение моста через реку Шолову, одновременно с которым оборвались помочи, «и ношатые люди на силу с мощми из реки назад возвратились и изыскав через ту реку шли в брод глубиною в аршин и больши с великою нуждою»[10]. Более серьезные последствия имела переправа через Звегинку: «ношатые люди восмь человек переломали себе ноги, – понеже прилучились мосты узкие…»[11]. Случались и другие происшествия подобного рода.

А что же в Ворше, которая прежде именовалось селом Дмитриевским[12] и под этим именем попала на страницы «Юрнала»? Вот описание

---

6 *Клемешов А. С.* Памятники Александру Невскому // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 335–337.

7 ПСП. СПб., 1876. Т. 4. 1724–1725 января 28. С. 148. № 1318.

8 Сообщение настоятеля Троицкого храма села Ворша отца Михаила (Алексеева).

9 Юрнал Владимирского Рождественного монастыря архимандрита Сергия… Стб. CXXXI–CLII.

10 Там же. Стб. CXXXVI.

11 Там же. Стб. CXL.

12 См.: Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1863. [Вып. 6]. Владимирская губерния. С. 12. № 260.

прохода через это место: «В 13 день [августа] от тое реки Колокши в путь пошли в 3 часу дня, для того, что привезли от Заруднева клеенку и на ковчег убирали; и шли до села Дмитриевского; из того села встретили святаго мощи со кресты священникъ да диакон с протчими многими народы за версту, и в том месте архимандрит облачался». Как видим, ни о каком происшествии, и даже просто переходе через реку, источник не сообщает, хотя сам населенный пункт в нем упомянут[13]. Для дальнейшего изложения важно подчеркнуть, что, во-первых, сам факт перехода процессии через село стал поводом для создания легенды и, во-вторых, это же увязано с появлением иконы, в данном случае выполненной в форме скульптуры.

Легенды Ворши невольно вспомнились автору настоящих строк в 2015 г. во время посещения экспозиции Кирилло-Белозерского историко-архитектурного художественного музея-заповедника (далее – КБИАХМЗ), в которой среди прочих шедевров заинтересованный взгляд человека, неравнодушного к теме исторической памяти об Александре Невском, сразу выделит небольшую икону, посвященную перенесению его мощей[14]. Общим в обоих памятниках является иноческий канон изображения князя, а также их связь с перенесением мощей святого. В живописном изображении уже в силу его сюжета эта связь вообще выглядит бесспорной, однако по определенным причинам в тот момент проанализировать возможные обстоятельства появления иконы из Кирилло-Белозерского монастыря не удалось.

В 2020 г. научные редакторы книги «Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах» (Ж. Г. Белик и Р. А. Соколов)[15] посчитали важным поместить изображение этого памятника в издание, и его высококачественная копия музеем-заповедником была предоставлена, что позволило вернуться к вопросу возможного исторического контекста его появления. Научное описание артефакта подготовила Л. М. Харлапенкова, отметившая, что он поступил в фонды музея-заповедника в 1924–1930-х годах из Казанского собора города Кириллова и датируется XVIII в.[16]

Присмотримся к иконе внимательнее. Князь на ней представлен дважды: во гробе и в молении к образу Богородицы. В обоих случаях на нем иноческие одежды. На заднем фоне виден одноглавый храм с большим, выполненным явно не в древних русских традициях сводом-куполом,

[13] Юрнал Владимирского Рождественного монастыря архимандрита Сергия… Стб. CXXXV.

[14] Икона «Благоверный князь Александр Невский, со сценой перенесения мощей». XVIII в. Дерево, темпера. 29 × 26 см. КБИАХМЗ. Инв. № ДЖ-125. (Ил. 2, см. цв. вклейку)

[15] Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. М., 2021.

[16] Там же. С. 101.

к которому как бы прилегает некая постройка, напоминающая трапезную, а на ней имеется еще три главки.

Создание иконы могло быть связано не только с перенесением 1723–1724 гг., но и с менее известным событием: переложением мощей князя 1 июля 1697 г., когда они были торжественно перемещены митрополитом Суздальским Илларионом и епископом Тамбовским Леонтием в новую «сребровызолоченную» раку. Эта рака находилась возле южных дверей Рождественского собора (сохранилось его изображение по состоянию на середину XIX в.[17]). Там был сделан катафалк в три ступени, а двери наполовину заложили кирпичом, вставив в оставшийся проем окно[18]. Сама рака, изготовленная «в царствующемъ великомъ граде Москве великого государя золотыя полаты серебрениками Никифоромъ Макарьевымъ сыном Пшеничнымъ стоварыщи»[19], была устроена патриаршим ризохранителем Боголепом Яковлевым, его стараниями делал вклады в Рождественский монастырь патриарх Адриан[20]. От украшения раки не осталась в стороне и царская семья (Петр и его первая супруга Евдокия), пожаловавшая дорогие ткани. Вообще, судя по данным Вкладной книги Рождественского монастыря, перенесение останков князя во вновь устроенную раку стало делом по истине общим, и помимо Боголепа, патриарха, государя в нем участвовали многие другие люди, среди которых упоминаются и светские, и духовные особы[21]. Все это говорит о широком отклике, который среди верующих нашло организованное Боголепом перенесение мощей и обустройство места их сохранения.

Сказанное не исключает и иных версий происхождения иконы; оно конечно, могло быть связано и с событиями 1723–1724 гг., которые к тому же, как было отмечено выше, изначально должны были стать поводом для установления нового церковного праздника. И вновь стоит вспомнить указ 15 июня 1724 г., наложивший запрет на изображение князя в образе инока: в данном случае он служит верхним датирующим признаком иконы, на которой Александр оба раза представлен в монашеском, а не в великокняжеском облачении.

---

[17] См. публикацию: *Зашляпин Б. Д.* Мемориальный комплекс гробницы благоверного князя Александра Невского. История создания // Гробница святого и благоверного великого князя Александра Невского: История и реставрация. СПб., 2021. С. 13.

[18] *Тихонравов К. Н.* Богородице-Рождественский монастырь во Владимире. Владимир, 2002. С. 41.

[19] Вкладная книга Владимирского Рождественского монастыря // Труды Владимирского губернского статистического комитета. Владимир, 1864. Вып. 3. С. 34–35.

[20] *Сиренов А. В.* Патриарший ризохранитель Боголеп и два памятника монастырской книжности конца XVII в. // Очерки феодальной России. М., 2003. Вып. 7. С. 238–255.

[21] Вкладная книга Владимирского Рождественского монастыря. С. 31–35.

В момент издания указа мощи находились в одном из храмов Шлиссельбурга (с сентября 1723 по август 1724 г.). «Юрнал» не указывает, в какой конкретно церкви, но это можно выяснить из контекста его повествования. Прежде всего, известно, что это была каменная постройка (боялись пожара). Кроме того, из содержания документа ясно, что церковь находилась в ограде стен, в которых имелись ворота. В этот период каких-либо укреплений на материковой части Шлиссельбурга возведено не было[22], следовательно, там не было и воротных проемов, габарит которых не соответствовал бы размерам раки.

К тому же, внимательно читая текст, не сложно убедиться и в том, что финальный путь к городским стенам и собственно к храму мощи и сопровождавшие их люди проделали по воде. Приведем соответствующие отрывки.

«В 20 день [сентября 1723 г.] ездили в город… **градские ворота** (здесь и далее выделено нами. – *Р. С.*) и церковные двери вымеривали против ковчега святаго, как бы можно пройтить; и по осмотру и по мере как в **градских воротах**, так и в церковных дверях с ковчегом пройтить невозможно… И в 21 день [сентября 1723 г.] против вышеписаннаго с указу из Слюшенбурха в Санкт-Питербурх в Святейший Правительствующий СИНОД и прибытии с мощми святаго в Слюшенбурх и о вымеривании против ковчега **градских ворот** и церковных дверей, что святаго мощи с ковчегом в город внести и в **каменной церкви** поставить невозможно… доношением репортовано…

[29 сентября 1723 г.] получили… указ, что раку с мощми святаго, из новосоделаннаго ковчега выняв, поставить в Шлютельбурхе в церкви…

В 1 день [октября] по вышеписанному указу, разобрав клеенку от мощей святаго и подняв со оного места, ковчег поставили **на судно** и **от той пристани пошли к городу** в 9 часу пополунощи на бечеве и на завознех, дошли **до пристани городской**… а потом, подняв ковчег с мощми Святаго из судна, пошли в город… ковчег несли людьми до церкви, а как принесли к церкви и выняли из ковчега раку с мощми святаго и внесли в церковь…»[23].

Понятно, что под такое описание подходит лишь расположенная на Ореховом острове отвоеванная у шведов в 1702 г. Шлиссельбургская крепость (Нотебург, Орешек), в которой тогда имелся единственный каменный храм – святого Иоанна Предтечи[24]. Его максимально подробное описание на основе археологических, мемуарных и архивных источников

---

[22] Автор настоящей работы выражает искреннюю признательность П. Е. Сорокину за консультацию по данному вопросу.

[23] Юрнал Владимирского Рождественного монастыря архимандрита Сергия... Стб. CL–CLII.

[24] См. также: *Зашляпин Б. Д.* Мемориальный комплекс гробницы благоверного князя Александра Невского… С. 39, 83. Примеч. 74.

составил А. Н. Кирпичников. Согласно приведенным им данным, каменную церковь зафиксировала уже составленная в 1568 г. опись Орешка. После захвата крепости шведами здание было приспособлено под кирху, и на планах XVII–XVIII вв. оно предстает небольшим, бесстолпным, почти квадратным в плане, одноапсидным зданием, к которому усилиями тех же шведов был пристроен деревянный зал.

После того как Орешек был отвоеван, храм вновь стал православным (посвящен Иоанну Предтече), а пристройка превратилась в ризницу. В 1725 г. (следовательно, уже после перенесения мощей) ризницу перебрали, то есть, по сути, перестроили, а около 1770 г. и каменную церковь, и дополнявшую ее деревянную часть разобрали. Однако перед этим «архитектурный помощник» С. Густышев осмотрел здание и снял чертежи (1758 г.), сохранившиеся в архиве и опубликованные А. Н. Кирпичниковым[25] (Ил. 4, см. цв. вклейку).

Возвращаясь к иконе из Кирилло-Белозерского монастыря, отметим, что связь ее сюжета с пребыванием мощей в Шлиссельбурге может быть одной из версий, которую целесообразно дополнительно изучить, наряду с другим вариантом: переложением останков князя в 1697 г. (Рождественский храм во Владимире). Во всяком случае, изображение князя в иноческих одеждах после синодального указа 15 июня 1724 г., на наш взгляд, полностью исключено по крайней мере в сцене моления. Так или иначе, глубокий и всесторонний анализ всех нюансов представленной на этой иконе сцены – одна из научных задач, обращение к решению которой представляется значимым. Этот вопрос актуализирует то обстоятельство, что изображение сцены перенесения мощей Александра на отдельной иконе – сюжет почти исключительный. Широко известны изображения, подобные типолитографии А. И. Мамонтова (1862 г.), или фрагмент декора Больших южных (внутренних) дверей Исаакиевского собора (1845–1849 гг., И. П. Витали)[26]. На них в центре внимания неизменно предстает Петр Великий: император правит галерой, на которой расположен ларец с мощами. Известны также иконы, на которых перенесение мощей Александра дано в виде отдельных клейм (например, житийный образ последней трети XIX в., происходящий из села Холуй (собрание М. М. Авдонина))[27]. Однако образа, аналогичного хранящемуся в Кирилло-Белозерском музее-заповеднике, на данный момент не выявлено, в том числе в ходе подготовки новейших изданий, имеющих значение каталогов[28].

---

[25] *Кирпичников А. Н.* Древний Орешек. Историко-археологические очерки о городе-крепости в истоке Невы. Л., 1980. С. 87–90.

[26] Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. С. 254, 275.

[27] Там же. С. 88–89.

[28] Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010; *Регинская Н. В., Цветков С. В.* Благоверный князь православной Руси – святой воин Александр Не-

Резюмируя рассмотренные материалы, подчеркнем, что проблематика, связанная с перенесением мощей Александра Невского в 1723–1724 гг. и с историей их почитания в целом, в настоящее время не может считаться полностью изученной. Новые результаты может дать привлечение к ее исследованию новых источников, интерпретация которых, с одной стороны, позволит получить ответы на многие спорные вопросы, а с другой – станет поводом для новых плодотворных дискуссий в ученом сообществе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010.

Бассевич Г.-Ф. Записки графа Бассевича, служащие к пояснению некоторых событий из времен царствования Петра Великого // Юность державы. М., 2000. С. 325–426.

Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. М., 2021.

Вкладная книга Владимирского Рождественского монастыря // Труды Владимирского губернского статистического комитета. Владимир, 1864. Вып. 3. С. 1–46 (2-я пагинация).

Зашляпин Б. Д. Мемориальный комплекс гробницы благоверного князя Александра Невского. История создания // Гробница святого и благоверного великого князя Александра Невского: История и реставрация. СПб., 2021. С. 8–85.

Кирпичников А. Н. Древний Орешек. Историко-археологические очерки о городе-крепости в истоке Невы. Л., 1980.

Клемешов А. С. Памятники Александру Невскому // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 335–358.

Мироненко М. Д. Образ святого Александра Невского в русском искусстве XVI – начала XXI вв. СПб., 2021.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской империи. СПб., 1875. Т. 3. 1723.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской империи. СПб., 1876. Т. 4. 1724–1725 января 28.

Регинская Н. В., Цветков С. В. Благоверный князь православной Руси – святой воин Александр Невский. СПб., 2010.

Рункевич С. Г. Александро-Невская лавра, 1713–1913. СПб., 1913.

вский. СПб., 2010; *Мироненко М. Д.* Образ святого Александра Невского в русском искусстве XVI – начала XXI вв. СПб., 2021; Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах; Святой благоверный великий князь Александр Невский. Образы и символика. Каталог выставки [Государственного Эрмитажа]. СПб., 2021.

Святой благоверный великий князь Александр Невский. Образы и символика. Каталог выставки [Государственного Эрмитажа]. СПб., 2021.

Сиренов А. В. Патриарший ризохранитель Боголеп и два памятника монастырской книжности конца XVII в. // Очерки феодальной России. М., 2003. Вып. 7. С. 238–255.

Соколов Р. А., Мещенина А. А. Историческая память об Александре Невском в эпоху Петра I и его преемников // Canadian-American Slavic Studies. 2018. Vol. 52. Is. 4. P. 369–385.

Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1863. [Вып. 6]. Владимирская губерния.

Стецюра Т. Д. Святой благоверный князь Александр Невский // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2009. С. 219–266.

Тихонравов К. Н. Богородице-Рождественский монастырь во Владимире. Владимир, 2002.

Цветаев Д. Перенесение мощей Александра Невского из Владимира в Санкт-Петербург (по архивным документам) // Святой благоверный великий князь Александр Невский и древний Городецкий Федоровский монастырь. Нижний Новгород, 2009. С. 81–99.

Юрнал Владимирского Рождественного монастыря архимандрита Сергия (С 14 июля по 1-ое октября 1723 г.) // Описание документов и дел, хранящихся в архивах Святейшего Синода. СПб., 1878. Т. 3. (1723 г.). Стб. CXXXI–CLII.

Roman A. Sokolov
Herzen Russian State Pedagogical University;
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

NOTES ON THE TRANSFER OF THE RELICS OF ALEXANDER NEVSKY IN 1723–1724

The transfer of the relics of Alexander Nevsky from Vladimir to St. Petersburg (1723–1724) was initiated by Peter I. This process was interrupted for several months by a stop in Shlisselburg. During this period, the relics were located in the fortress on the Orekhovy Island in the Church of St. John the Baptist. This fact may be associated with the creation of an icon kept in the Kirillo-Belozersky Reserve Museum. The transfer of the saint's relics became the plot of this icon.

Keywords: Alexander Nevsky, history of Russia, historical memory, Russian culture, history of Shlisselburg

Я. Э. Зеленина
ГИМ, Москва, Россия

ОБРАЗ СВЯТОГО АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В КНЯЖЕСКОЙ ИКОНОГРАФИИ XVIII – НАЧАЛА XX в.: МЕЖДУ САКРАЛЬНЫМ И ИСТОРИЧЕСКИМ

Богатая и во многом уникальная традиция изображения благоверного князя Александра Невского рассматривается в контексте развития княжеской иконографии. На протяжении столетий в образах церковного искусства по-разному иллюстрировались представления о нем как о святом и об историческом герое, порождая новые иконографические и художественные решения. На смену традиционному священному образу приходят идеи сакрализации образа князя как особого покровителя монарха, иконы сближаются с генеалогическими княжескими циклами.

Ключевые слова: княжеская иконография, иконопись, академическое искусство, тезоименитый святой

Богатейшая иконография благоверного великого князя Александра Невского до недавнего времени рассматривалась только в единичных обобщающих статьях, где кратко отмечены главные тенденции ее развития[1], или же в связи с публикацией группы памятников, посвященных русским святым[2]. Однако в последнее десятилетие и особенно в текущем юбилейном году появились исследования и каталоги, в которых представлены значительные изобразительные материалы, включающие и широко известные образы святого князя, произведения именитых художников, и впервые вводимые

[1] См., в частности: *Шляпкин И. А.* Иконография св. благоверного великого князя Александра Ярославича Невского. Пг., 1915; *Бегунов Ю. К.* Житие Александра Невского в станковой живописи начала XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 311–326; *Квливидзе Н. В.* Александр Ярославич Невский. Иконография // ПЭ. М., 2000. Т. 1. С. 543–544.

[2] *Саенкова Е. М., Герасименко Н. В.* Иконы святых воинов: Образы небесных защитников в византийском, балканском и древнерусском искусстве. М., 2008. С. 227–233; Святые земли Русской / Государственный Русский музей. СПб., 2010. С. 68–75, 228–231, 234–235. Ил. 30–35, 142, 143, 145; Образы русских святых в собрании Исторического музея / ГИМ; Сост. Л. П. Тарасенко. М., 2015. С. 34–43. № 6, 7 (авторы Л. П. Тарасенко, М. А. Гамова); Дорогами Святой Руси: Иконы русских святых из собрания Николая Паниткова. Каталог выставки / Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева; Сост. Н. И. Комашко. М., 2020. С. 74–77. Кат. 16 (автор И. Л. Бусева-Давыдова). См. также: *Маркелов Г. В.* Святые Древней Руси: Материалы по иконографии (прориси, переводы, иконописные подлинники). СПб., 1998. Т. 1. № 1–5; Т. 2. С. 42–43.

в научный оборот иконы из музейных, церковных и частных собраний[3]. Учитывая эти капитальные издания и наличие общих обзоров иконографии святого, попробуем взглянуть на нее с немного иной точки зрения, а именно в контексте традиции изображения русских князей, некоторых сводных иконописных княжеских программ. Рассмотрим, как в иконографии Александра Ярославича сочетаются особенности типичного для Средневековья священного образа и восприятия спустя столетия великого князя как исторического героя, жившего в определенную эпоху.

На первый взгляд, общая тенденция развития иконографии благоверного князя Александра Невского, причисленного к лику святых в 1547 г., должна выглядеть следующим образом. От сравнительно условных средневековых изображений – к более достоверным, отражающим реалии эпохи; от сакрального моленного образа – к произведению религиозного и даже светского искусства. Но так ли это было на самом деле? Ведь и в XVIII и в XIX столетиях, когда стремление к перенесению акцентов в сторону историзма проявилось более отчетливо, образы этого широко почитаемого святого приобретали нередко довольно оригинальные, почти мифические формы.

Общеизвестно, что в древности святого Александра Невского писали преимущественно в монашеском одеянии, прославляя венец его жития, а не прижизненные подвиги как правителя и военачальника. Согласно концовке ранней «Повести о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра», он «остави же земное царство и бысть мних, бе бо желание его паче меры аггельскаго образа», «сподоби же его Бог и болший чин приати – скиму»[4]. Этот смысловой акцент, наряду с первым зафиксированным чудом, «дивным и памяти достойным», – о «душевной» (духовной) грамоте, которую лежащий в гробнице в схиме князь принял из рук священника, давали импульс формированию именно монашеской иконографии. В схиме и в соответствии с видением – верхом на коне святой изображен, например, в посмертном явлении 1491 г. на миниатюре в Шумиловском томе Лицевого летописного свода 1570-х гг.[5] (Ил. 1).

Следует отметить, что это было свойственно типу изображения всех князей, принимавших «ангельский образ» в течение жизни или на ее излете. Преимущественно в схиме представлены благоверные князья Феодор Ярославский, Кассиан Грек, Игнатий Прилуцкий, Даниил Москов-

[3] *Регинская Н. В., Цветков С. В.* Благоверный князь православной Руси – святой воин Александр Невский. СПб., 2010; *Мироненко Д. Г.* Образ святого Александра Невского в русском искусстве XVI – начала XXI в. СПб., 2020; Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. М., 2021; Святой благоверный великий князь Александр Невский: Образы и символика. Каталог выставки / Государственный Эрмитаж. СПб., 2021.

[4] Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 438.

[5] РНБ. Основное собрание рукописной книги. F.IV.232. Л. 449 об.

ский, Игорь Черниговский и др. (причем их иконография, по сравнению с образом святого Александра Невского, часто имела более устойчивый характер). Даже благоверные супруги – такие, как Петр и Феврония Муромские – на иконах облачены в монашеские ризы. Иначе сложилась традиция изображения князей-мучеников, пострадавших от рук неверных или погибших на поле брани (князья Георгий Всеволодович, Михаил Черниговский), равноапостольных просветителей Руси (князь Владимир), полководцев и храмоздателей, скончавшихся внезапно или во время эпидемии (псковские князья Всеволод и Довмонт) и т. п. Если члены одной семьи – например, благоверный князь Михаил Тверской и преподобная Анна Кашинская – окончили жизнь в разных чинах святости, то на иконах их писали в соответствующей одежде.

Таким образом, тот духовный чин, которого достигал князь при жизни, все-таки был определяющим в традиции его изображения, несмотря на прижизненные заслуги правителя. Именно такой подход был характерен для древнерусского искусства, и он основывался, в случае со святым Александром Невским, на конкретном историческом факте, отмеченном в раннем агиографическом тексте. Этот факт был гораздо важнее, чем историческая оценка личности князя и его политической деятельности.

Вторая заметная особенность иконописного образа Александра Ярославича – его средний возраст. По иконописным подлинникам он – «плечистый телом» средовек (ростом «велик и леп лицем») с небольшой русой бородой, в схиме, из-под которой немного видны «кудерцы», со свернутым свитком в руке, напоминающим о духовной грамоте[6]. Все это также соответствует биографии князя и делает его образ узнаваемым, поскольку схимников средних лет в сонме русских святых очень мало. Сравнительная молодость князя – отличительная черта его изображений даже в поздний период, когда, согласно четкой классификации Д. Г. Мироненко, получили распространение княжеский, императорский и воинский типы иконографии святого[7].

В эпоху позднего Средневековья уже появились княжеские циклы – в первую очередь, знаменитые Титулярники, где изображение благоверного князя Александра Невского представляет собой не священный образ, а своеобразный исторический портрет-«персону», хотя и, конечно, условного характера[8]. Прежде всего, это связано с функцией «Большой

---

[6] *Маркелов Г. В.* Святые Древней Руси… Т. 2. С. 42–43; Сводный иконописный подлинник XVIII века по списку Г. Филимонова. М., 1874. С. 199.

[7] *Мироненко Д. Г.* Иконография святого Александра Невского. Дис. … канд. искусствоведения. СПб., 2013. В 2 т.

[8] РГАДА. Ф. 135. Отд. V. Рубр. III. № 7. Л. 26 (29); см.: Портреты, гербы и печати Большой государственной книги 1672 г. СПб., 1903. № 17; Царский титулярник / Под общ. ред. Ю. М. Эскина. М., 2007. (Книжная память России). Кн. 1. Л. 26 (29); Святой благоверный великий князь Александр Невский… С. 194–195. Кат. 71.

государевой книги» 1672 г. как дипломатического справочника. Нимб на миниатюре в первом экземпляре Титулярника – средневековый символ правителя, который есть у Рюриковичей начиная с равноапостольного Владимира, но отсутствует у царей-современников и иностранцев. Однако на миниатюре с изображением древа русских государей, созданной не ранее 1682 г., в Синодике Воскресенского Новоиерусалимского монастыря святой Александр Невский, как и другие принявшие постриг князья, предстает как схимник, что опять же определяется предназначением книги и необходимостью церковного поминовения князей в соответствии с их статусом[9]. Тем не менее княжеский тип иконографии святого не приобрел такого значения, как императорский, и впоследствии он развивался эпизодически, в основном в произведениях русско-византийского стиля, когда под влиянием «художественной археологии», зарисовок и изучения памятников старины, в том числе костюма, возник интерес к исторической реконструкции древней княжеской одежды разных столетий. Но таких образцов (в частности, когда князь одет в плащ-корзно, а не в более распространенную на изображениях шубу) в иконографии святого, к сожалению, немного[10] (Ил. 2).

Великий князь Александр Ярославич – едва ли не единственный святой, общепринятая традиция изображения которого в церковном искусстве изменилась внезапно и существенно в силу конкретных исторических обстоятельств – под влиянием преобразований царя Петра I, избравшего Александра Невского своим покровителем и защитником новой северной столицы. Указ Святейшего Синода от 15 июня 1724 г. гласил: «…отныне того святого в монашеской персоне никому отнюдь не писать, – и о том послать куда надлежит крепкие из Синода указы, в Сенат для известия сообщить ведение немедленно. А писать тот святого образ во одеждах великокняжеских» (редкий случай, когда иконография святого оговаривалась синодальными постановлениями)[11]. В тексте никак не мотивируется такое решение, не указывается, какими должны быть великокняжеские одеяния. Это церковное постановление появилось в связи с перенесением мощей

[9] ГИМ. Собрание Воскресенского Новоиерусалимского монастыря. № 66; см.: Родословные древа русских царей XVII–XVIII веков / Сост. А. В. Сиренов. М., 2018. С. 36, 54–55 (автор Л. Б. Сукина).

[10] *Мироненко Д. Г.* Иконография святого Александра Невского. Т. 1. С. 69–107; Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. С. 140, 643.

[11] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1876. Т. 4. 1724–1725, января 28. С. 148. № 1318. Отметим, что, например, в указах об открытии мощей святителя Димитрия Ростовского 1757 г. ничего не сказано о его изображении на иконах (Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1912. Т. 4. 1753 – 28 июня 1762 г. С. 283–286, 293–294. № 1543, 1546, 1547, 1553).

князя в Санкт-Петербург, во время которого, как известно, лежавшая на раке икона святого была заменена на новую, отвечающую актуальным церковным предписаниям[12]. Создатели Лицевого летописного свода[13], некоторых икон и прорисей[14], сюжетных эстампов[15], демонстрируя эпизоды из жития великого князя, посчитали более правдоподобным показать его мощи в схимническом облачении. Средневековая иконография сохранялась, как мы знаем, в среде старообрядцев, хранителей древнего благочестия. Малоизвестный репрезентативный образ святого, наименованного преподобным князем, из стенописи Покровского собора при Рогожском кладбище в Москве, вероятно, первой четверти XIX в., по своему масштабу и центральному положению в интерьере храма сродни древним иконографическим образцам (хотя, по некоторым сведениям, иконы с образом благоверного князя в схиме изымались у староверов)[16] (Ил. 3). Этот тип изображения сохранялся и на периферии Российской империи[17], а затем получил новый импульс на рубеже XIX и XX столетий в иконописной среде, ориентированной на любителей церковной старины.

Новый иконографический тип благоверного князя Александра Невского показывал в корне изменившиеся представления о святости, когда подчеркивалось его служение как мудрого самодержца, политика, военачальника. Княжеский чин ставился выше монашеского, как и Синод действовал от имени императора. Более того, не современный правитель стремился походить на своего династического предшественника, а на внешний облик последнего переносились реалии современной эпохи. Авторы работ по иконографии святого подробно описывают новейшее,

---

[12] *Рункевич С. Г.* Александро-Невская лавра, 1713–1913. СПб., 1913. С. 265, 268; см. также: *Иванникова А. П.* Образ Александра Невского в русской культуре // Святой благоверный великий князь Александр Невский… С. 28–30. В середине XIX в. был создан живописный образ на «большую» раку святого: благоверный князь изображен в рыцарских доспехах и горностаевой мантии, глаза закрыты, руки сложены на груди (Государственный Эрмитаж; см.: Святой благоверный великий князь Александр Невский… С. 49–50. Ил. 36; С. 119. Кат. 4).

[13] См., например: РНБ. Основное собрание рукописной книги. F.IV.232. Л. 451 об.

[14] См., например, иконный образец XVIII в. из собрания ГИМ и иконы того же времени из Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника и коллекции Н. С. Паниткова (Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. С. 98–101, 200–201).

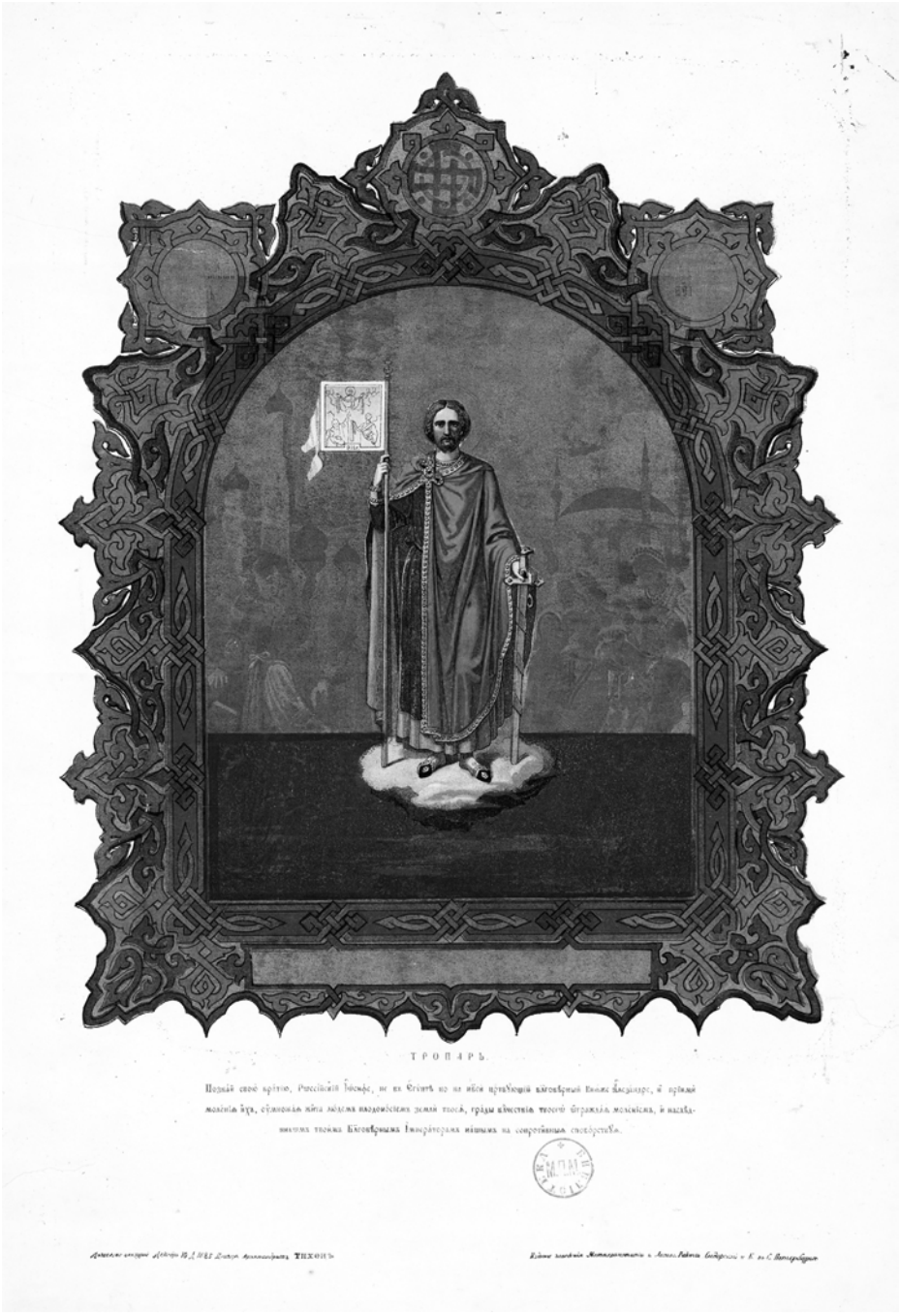
[15] См., например, клейма с перенесением мощей святого Александра Невского из Владимира в Санкт-Петербург «в присутствии императора Петра Великого» на раскрашенных литографиях мастерских А. П. Руднева 1860 г., А. А. Абрамова 1862 г., на литографии А. В. Морозова 1873 г. (РГБ).

[16] Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. С. 289 (автор Н. В. Пивоварова).

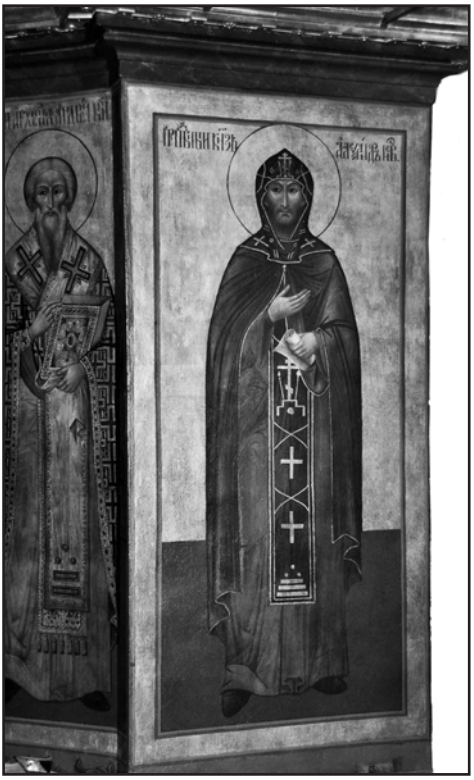
[17] *Белик Ж. Г.* Образ Александра Невского в искусстве Нового времени // Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. С. 589–591.

Ил. 1. «О явлении на воздусе святого и великаго князя Александра Невскаго». Миниатюра Шумиловского тома Лицевого летописного свода. 1570-е гг. РНБ

Ил. 2. Благоверный князь Александр Невский. Хромолитография. 1885 г. Санкт-Петербург. РГБ

Ил. 3. Благоверный князь Александр Невский. Роспись Покровского собора при Рогожском кладбище в Москве. Первая четверть XIX в. (с поновлениями начала XX в.)

по сути коронационное, одеяние святого, воспроизводимое в столичной живописи в соответствии со вкусами императора[18]. Это, прежде всего, горностаевая мантия и императорский венец, другие инсигнии государственной власти – скипетр, держава, орденские знаки. Такой подход становится характерным для иконографии многих святых (князей, святителей, преподобных), которых писали не в древнем облачении, а в бытовавшем в синодальной церкви. Противоречат древней русской традиции и рыцарские латы, вошедшие в церковную иконографию под влиянием изображений европейских монархов[19]. Все это имеет мало общего с историческим подходом к иконографии, но свидетельствует о сакрализации другого

[18] *Мироненко Д. Г.* Иконография святого Александра Невского. Т. 1. С. 113–116; Т. 2. Приложения. С. 162–171; *Белик Ж. Г.* Образ Александра Невского в искусстве Нового времени. С. 581, 583.

[19] *Мироненко Д. Г.* Иконография святого Александра Невского. Т. 1. С. 111, 154; Т. 2. Приложения. С. 169–171.

рода – верховного авторитета монарха, ярким воплощением которой стал иконописный образ святого Александра Невского.

Исследователи отмечали влияние императорского портрета, в частности изображений самого Петра I, на иконографию святого[20]. С жанром портрета на иконах соотносится и окружающая обстановка – пространство интерьера с портьерой, аналой или стол (где-то, возможно, символизирующий княжеский престол) с регалиями власти, которые князь демонстрирует своим жестом[21]. Снятый венец, надолго вошедший в иконографию святого – очевидно, под влиянием атрибутики с портретов европейских и российских государей, – полюбившийся и распространенный даже в поздних тиражных народных образках, в православной среде мог быть трактован не как отказ от бремени власти, а как прикровенное указание на благочестие князя, особое молитвенное состояние его духа или даже как аллюзия на последующее монашество. В иконостасе нижнего храма Николо-Богоявленского морского собора в Санкт-Петербурге, выполненном в 1755–1757 гг. известным мастером Миной Лукичом Колокольниковым[22], сопоставлены единоличный образ святого в местном ряду и размещенный под ним редчайший сюжет: ангел вручает князю монашескую мантию. В «петровскую» и последующую иконографию святого вошли не только инсигнии власти, но и атрибуты доблестного военачальника – меч-палаш, иногда обнаженный, а также щит и рыцарский шлем, порой лежащие на земле. Закономерно возникновение и конных вариантов иконографии святого, но таких произведений до нас дошло немного[23].

При всем многообразии поздних изображений святого Александра Невского в его иконописной традиции можно выделить определенные периоды, характеризующиеся преобладанием тех или иных образцов. В XVIII столетии они связаны в основном с Александро-Невским монастырем и храмами Санкт-Петербурга. Профессиональные художники создавали значительные произведения, а гравюры, литографии и книжные репродукции способствовали их распространению. В XIX в. особенное значение приобрели работы академистов, предназначавшиеся для «программного» убранства новых столичных соборов – Казанского и Исаакиевского в Санкт-Петербурге, храма Христа Спасителя в Москве. Эталонные оригиналы авторитетных живописцев адаптировались и видоизменялись в художественной среде. Многие иконы имеют историческую

[20] Там же. Т. 1. С. 115–116, 121–127.

[21] В церковной иконографии святителя Димитрия Ростовского, сформировавшейся в середине XVIII в. под влиянием портретов, на столе размещались Распятие и книги, указывавшие на ученые занятия митрополита.

[22] *Исакова Е. В., Шкаровский М. В.* Никольский Морской собор и другие морские храмы Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 24–26, 28.

[23] См., например: Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. С. 112, 260–261, 302, 458.

и мемориальную ценность, отмеченную надписями или сведениями о бытовании.

Так, на пластине киота для образа начала 1840-х гг. из собрания ГИМ, иконографически соотносимого с произведением В. Л. Боровиковского (Государственная Третьяковская галерея)[24], выгравирован текст: «Высочайше пожалованъ Александровскому Брестскому кадетскому корпусу Императоромъ Николаемъ I, размѣромъ въ ростъ при рожденіи Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича»; на раме помещена чеканная надпись: «АПРЕЛЯ 17го ДНЯ 1818го ГОДА» – дата рождения будущего императора Александра II[25] (Ил. 4, см. цв. вклейку). В церковном искусстве академического направления императорская мантия становится столь безусловным атрибутом святого Александра Невского, что делает его образ узнаваемым даже при утрате именующих надписей. На одном из этюдов В. Л. Боровиковского 1810-х – первой половины 1820-х гг. с образом Богоматери «Всех скорбящих Радость» из Государственного Русского музея предстоящий слева молодой святой предположительно идентифицируется специалистами как великомученик Георгий Победоносец[26]. Сходство его с князем Александром Ярославичем налицо, если бы не одна деталь – плащ его не имеет горностаевого подбоя, и связать фигуры предстоящих (напротив изображен, вероятно, святитель Николай Чудотворец) с покровительством императорской фамилии, к сожалению, нельзя.

Несколько академических изображений благоверного князя Александра Невского принадлежит авторству В. К. Шебуева[27], но лишь некоторые из них, в частности образ 1819 г. для иконостаса церкви Святого Духа при Академии художеств (Государственный Русский музей), где князь был написан по рекомендации А. Н. Оленина в русском костюме, или, точнее, «в русском вооружении» (на доспехи накинута горностаевая мантия), дали импульс развитию определенной иконографической линии, нашли свою интерпретацию в «низовом» слое иконописания[28]. Возможно, в каких-то произведениях художники исторического жанра, создавая образы для храмов, имели в виду уже не возраст князя перед кончиной, а те годы, когда произошла знаменитая Невская битва[29]. Некий исторический акцент можно усмотреть и в появлении в целом ряде изображений стяга с оплеч-

[24] Владимир Лукич Боровиковский (1757–1825): Религиозная живопись / Государственный Русский музей. СПб., 2009. С. 13, 70–71, 100–101, 103. Кат. 30, 50. Ил. 36.

[25] Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. С. 601, 604 (авторы Л. А. Маркина, М. А. Гамова).

[26] Владимир Лукич Боровиковский… С. 56–57, 99. Кат. 20. Ил. 26.

[27] *Круглова В. А.* Василий Кузьмич Шебуев (1777–1855). Л., 1982. С. 62–64, 121, 123. Кат. 42, 102; Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. С. 308, 602–603 (авторы П. Ю. Климов, И. В. Миронова).

[28] *Иванникова А. П.* Образ Александра Невского в русской культуре. С. 44–45.

[29] *Круглова В. А.* Василий Кузьмич Шебуев (1777–1855). С. 62.

ным или Нерукотворным образом Спасителя. Мотив воинского знамени приобретает различные художественные формы, нередко в поздних народных иконах святого остается только традиционный дополнительный образ Спаса Нерукотворного.

В XIX в., когда святой Александр Невский стал соименным покровителем трех российских императоров, акцент в развитии его иконографии был перенесен на имперские художественные ансамбли и отдельные иконы, связанные с важными событиями в жизни государя и его семьи. Образ князя вводили во многие храмовые иконостасы в России и за ее пределами, указывая на их особый статус и на время создания – он как бы становится символом современных исторических событий. Благодаря теме тезоименитства, специфически трактованной в храмовом убранстве и программных произведениях, предписание петровского времени имело большое значение и спустя столетие, не ограничивалось рамками одной эпохи. Например, иконостас домовой церкви мученицы царицы Александры в здании Русской духовной миссии в Иерусалиме с иконами благоверного князя Александра Невского и равноапостольной Марии Магдалины 1863 г. интересен еще и тем, что вскоре после изготовления подвергся переделке. Исполненные в известной столичной мастерской В. М. Пешехонова образы царских святых через несколько лет были заменены на новые, где благоверный князь Александр написан по другому образцу, как воин, без княжеской шапки на голове[30].

Одна из икон святого выполнена в начале 1880-х гг. крестьянином-иконописцем из села Утёвка Самарской губернии Григорием Николаевичем Журавлевым, с рождения лишенным возможности двигать руками и ногами, о чем свидетельствуют подписи на его произведениях. На образе, созданном, судя по заметке на оборотной стороне, по заказу самарского губернатора А. Д. Свербеева, который оказывал покровительство одаренному мастеру, и хранящемся в настоящее время в частном собрании, на нижнем поле читается: «Крест. Села Утевки Григорій Журавлевъ писалъ Зубами. А не руками»[31]. В своей работе художник использовал в основном тиражированные образцы – эстампы, книжные репродукции, открытки. Необычной деталью является небольшой золотой крест над поднятой к груди рукой святого, который изредка, но встречается на его иконах.

Удалось выявить оригинал, к которому восходит этот иконографический тип, чрезвычайно распространенный в последней трети XIX в.,

[30] *Зеленина Я. Э., Белик Ж. Г.* Первые русские храмы в Иерусалиме: Троицкий собор и церковь мученицы Александры: История создания. Художественное убранство. М., 2011. С. 49–50, 56, 114.

[31] Вопреки невозможному: Нерукотворные иконы Григория Журавлева. Каталог выставки / Сост. И. В. Крамарева, Т. Ю. Конякина. М., 2021. С. 76–77. Кат. 8 (автор Я. Э. Зеленина); Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. С. 166–167 (автор Я. Э. Зеленина).

Ил. 5 (слева). Благоверный князь Александр Невский. «В память события 4 апреля 1866 г.». Литография по рисунку П. С. Шильцова. 1896 г. РГБ

Ил. 6 (справа). Благоверный князь Александр Невский. Икона из собора Равноапостольной Марии Магдалины в Варшаве. 1867–1869 гг.

имеющий множество иконописных повторений и вариаций. Можно сказать, что это самый популярный, широко разошедшийся образец в поздней иконографии благоверного князя. На литографии 1896 г. по рисунку П. С. Шильцова (РГБ) отмечено, что она изготовлена «в память события 4 апреля 1866 года» (то есть спустя тридцатилетие после покушения Д. В. Каракозова на жизнь императора Александра II у ворот Летнего сада) «с образа… находящагося в часовне, на месте, где драгоценнейшая жизнь Благочестивейшаго Государя Императора была спасена Волею Всевышняго» (Ил. 5). В часовне находился образ письма Т. А. Неффа, впоследствии замененный мозаикой[32]. Значимость академического образца, факт чудесного царского избавления, удачно найденное художественное решение здесь соединились, благодаря чему точные и творческие реплики с этого оригинала получили известность по всей России. Они встречаются

[32] Вопреки невозможному… С. 77; *Иванникова А. П.* Образ Александра Невского в русской культуре. С. 52–53. Ил. 38.

как в виде отдельных икон, так и в составе групп святых или многочастных композиций[33].

С темой помощи тезоименитого святого царю и его семье связано появление ряда новых изводов и мемориальных икон[34]. Представительный образ святого из русского собора Равноапостольной Марии Магдалины в Варшаве[35] был «сооружен усердием всех чинов местных войск Варшавскаго Военнаго Округа, в память избавления Божественным Промыслом возлюбленнаго Монарха Императора Александра IIго от руки убийцы, во время бытности Его Императорскаго Величества в Париже» 25 мая 1867 г. (Ил. 6). Существовали совместные изображения благоверного князя Александра Невского и преподобного Иосифа Песнописца – тезоименитого святого О. И. Комиссарова, спасшего жизнь императору при покушении в 1866 г.[36] Образы подносились государю к коронационным торжествам, в связи с рождением наследника, по случаю трагической кончины членов императорской фамилии[37].

Конкретное историческое событие часто давало импульс появлению особой иконографии, хотя и построенной по классическому принципу семейных икон или святых, чья память совершается в определенный день. Они не вносили существенных новшеств в уже существовавшую традицию, но отражали народное восприятие произошедшего как следствия заступничества святых. К их числу принадлежат произведения, созданные после 1861 г. по случаю отмены крепостного права (на иконе из частного собрания – с царскими святыми на полях) или после чудесного спасения во время крушения поезда с членами семьи императора Александра III на станции Борки под Харьковом 17 октября 1888 г.[38]. Эти новые изводы – отклики на резонансные события российской истории – продолжают тему сакрализации государственной власти и небесной помощи помазанникам

---

[33] См., например: Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. С. 84, 117, 137, 152, 187, 326 и др.

[34] Многочисленные примеры распространения почитания святого и освященных в его честь храмов и часовен, связанных с памятными событиями в жизни императорской семьи, см.: *Иванникова А. П.* Образ Александра Невского в русской культуре. С. 51–52, 55–57.

[35] Русские храмы и обители в Европе / Авт.-сост. В. В. Антонов, А. В. Кобак. СПб., 2005. С. 165–167.

[36] Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. С. 232–233, 306–307. На иконе 1867 г. из частного собрания между фигурами на поземе помещен текст: «Икона сїѧ Написана въ ✗А҃Ѡ҃Ѯ҃З годъ, [в]ъ памѧть Соб[ыт]їѧ бывшаго Д го Апрелѧ ✗А҃Ѡ҃[Ѯ҃S го]дъ, тоесть въ памѧть Чⷣднаго из[б]авленїѧ ѿ [смерт]и Госⷣдаря Императора Алеѯандра Нико[л]аевича, рⷣк[о]ю Простаго Человека Їѡсифа ив[ано]вича Комисарова».

[37] Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. С. 110, 117, 640.

[38] Там же. С. 147, 151–153, 325, 614.

Божиим. Церковно-государственные торжества, юбилеи также способствовали появлению новых типов изображения, включающих образ святого Александра Невского. И на иконе, посвященной 300-летию рода Романовых, с группой соименных царям святых[39], и на большой программной композиции «Прославленная святыня тысячелетнего благостояния России» (РГБ), к 1000-летию России, напоминающей иконостас, образ князя является центральным, чем подчеркивается его особое место в небесной иерархии.

В XVIII–XIX столетиях получили распространение светские исторические циклы портретов великих князей – различные композиции с генеалогическим «древом» или «таблицей» Рюриковичей и Романовых, известные в живописи, декоративно-прикладном искусстве и преимущественно в гравюре[40]. Они различаются по составу, числу персоналий, порядку их расположения. Иконография святого Александра Невского, который, будучи великим князем, обязательно изображался и в сокращенных, и в многофигурных композициях и портретных сериях, в основном (особенно в XIX в.) близка его иконописным образам, за исключением наличия нимба и типа наименования. В росписи парадных сеней Исторического музея, выполненной артелью Ф. Г. Торопова в 1883 г., прославленные церковью князья выделяются нимбами и соответствующими надписями, несмотря на светское назначение убранства интерьера.

Отдельного исследования заслуживают новые иконописные изводы, построенные не по династической последовательности: в одной композиции объединены только святые русские князья. Неоднократно публиковавшаяся икона «всех святых российских великих князей, княгинь и княжон роду царскаго» мастерской В. М. Пешехонова 1860-х гг. из собора Равноапостольного князя Владимира в Санкт-Петербурге[41] остается не описанной и не проанализированной с точки зрения иконографической специфики и размещения в клеймах образов благоверных князей, их иерархии. Несмотря на наличие в надписях дней памяти святых, фигуры сгруппированы отчасти по хронологии жизни, а также по географическому и семейному принципам. Вместе с тем на иконе мастера Космы Михайлова «Образ святых благоверных князей Русския земли», созданной немного раньше, в 1857 г., «тщанием и замышлением» калужского губерна-

[39] Церковь Небесная: Изображение Соборов святых в русской иконописи XVI – начала XX века / Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева; Сост. Я. Э. Зеленина, Л. П. Тарасенко. М., 2020. С. 19, 82, 190. Кат. 41 (автор О. С. Никольская); Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. С. 194–195 (автор Н. И. Комашко).

[40] Обширный материал по этой теме собран в издании А. В. Сиренова: Родословные древа русских царей XVII–XVIII веков.

[41] Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. С. 290–291 (автор А. С. Преображенский).

тора графа Д. Н. Толстого для устроенной С. С. Ланским домовой церкви Благовещения в здании Министерства внутренних дел (Государственный музей истории религии), фигуры князей распределены по датам их кончины и тоже с указанием дня памяти. Можно видеть, что многие князья, очевидно, под влиянием иконографии святого Александра Невского облачены в подбитые горностаем шубы. Составлена новая программа с особым выбором святых княжеского рода, но сохранен древнерусский минейный порядок расположения фигур по регистрам.

Надо сказать, что князь Александр Невский был тезоименитым святым не только у императоров, и не обнаруживается никаких особых иконографических примет, которые позволили бы с определенностью выделить изображения царского патрона, если они не введены в определенный контекст или ансамбль. Характерный образец соименного покровительства и отчасти исключение – вклад 1905 г. А. А. Либеровского в Донской монастырь (ГИМ)[42], где святой, лишенный горностая в своей мантии, как кажется, наделен и чертами портретного сходства с заказчиком (Ил. 7, см. цв. вклейку). По традиционной схеме построены композиции с небольшим сонмом Владимирских святых, и князь Александр Ярославич иногда изображается на них в монашеской одежде, в соответствии с древней иконографией[43]. Даже в самых упрощенных «расхожих» иконах конца XIX – начала XX в. сохраняются особенности изображения князя, полюбившиеся в народе (не только императорская мантия, регалии, но в отдельных случаях и стол с лежащей на нем княжеской шапкой)[44]. В то же время при выборе мастерами-ремесленниками четырех житийных клейм предпочтение отдано самым традиционным сюжетам и композициям: отказ от поклонения идолам, постриг в монашество, чудо с духовной грамотой и перенесение мощей.

Таким образом, можно говорить о том, что иконография святого Александра Невского, который был великим князем, схимником, а в XVIII–XIX столетиях стал небесным покровителем российских императоров, уникальна и разнообразна, по сравнению с более устойчивыми традициями изображения других русских князей, не имевшими таких характеристик

---

[42] Надпись на серебряной пластине: «Сія икона Александра Невскаго пожертвована А. А. Либеровскимъ 1905 г. Сентября 17 дня». Вместе с этой иконой вложен образ мученицы Веры – тезоименитой святой супруги А. А. Либеровского. См.: Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. С. 190–191 (автор Л. П. Тарасенко).

[43] Церковь Небесная… С. 149, 151, 221–222. Кат. 105, 107 (авторы Я. Э. Зеленина, С. А. Кирьянова).

[44] Один из примеров см.: Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. С. 88–89 (автор Ж. Г. Белик). Подобные иконы хранятся в собрании Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева (Госкаталог РФ. № 7826517, 7826518, 11610067).

и импульсов в развитии. Возможно, она оказала влияние на иконографию некоторых из них, например, благоверного князя Даниила Московского. И в средневековое время, и в имперский период иконописный образ Александра Ярославича имел характерные особенности, которые выделяли его в ряду других святых и делали узнаваемым. Это свидетельствует о своеобразии и исторической основе его изображений. На протяжении столетий сакральный и исторический аспекты его иконографии взаимодействовали между собой, вызывая к жизни новые композиционные и художественные решения, но первый все-таки преобладал: на смену традиционному священному образу приходят идеи сакрализации образа святого как особого покровителя монарха. Вместе с тем и в ранний период, и в XIX столетии многие типы изображения князя и композиции с его участием строились по классическим средневековым схемам. В позднее время иконы святых князей сближаются по иконографии с династическими княжескими циклами. Новации петровского времени, наделившие великого князя Александра Ярославича чертами европейского монарха и русского императора, были переработаны и адаптированы в народной среде.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бегунов Ю. К. Житие Александра Невского в станковой живописи начала XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 311–326.

Белик Ж. Г. Образ Александра Невского в искусстве Нового времени // Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. М., 2021. С. 578–649, 664.

Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. М., 2021.

Владимир Лукич Боровиковский (1757–1825): Религиозная живопись / Государственный Русский музей. СПб., 2009.

Вопреки невозможному: Нерукотворные иконы Григория Журавлева. Каталог выставки / Сост. И. В. Крамарева, Т. Ю. Конякина. М., 2021.

Дорогами Святой Руси: Иконы русских святых из собрания Николая Паниткова. Каталог выставки / Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева; Сост. Н. И. Комашко. М., 2020.

Зеленина Я. Э., Белик Ж. Г. Первые русские храмы в Иерусалиме: Троицкий собор и церковь мученицы Александры: История создания. Художественное убранство. М., 2011.

Иванникова А. П. Образ Александра Невского в русской культуре // Святой благоверный великий князь Александр Невский: Образы и символика. Каталог выставки / Государственный Эрмитаж. СПб., 2021. С. 6–67.

Исакова Е. В., Шкаровский М. В. Никольский Морской собор и другие морские храмы Санкт-Петербурга. СПб., 2003.

Квливидзе Н. В. Александр Ярославич Невский. Иконография // ПЭ. М., 2000. Т. 1. С. 543–544.

Круглова В. А. Василий Кузьмич Шебуев (1777–1855). Л., 1982.

Маркелов Г. В. Святые Древней Руси: Материалы по иконографии (прориси, переводы, иконописные подлинники). СПб., 1998. Т. 1–2.

Мироненко Д. Г. Иконография святого Александра Невского. Дис. … канд. искусствоведения. СПб., 2013. В 2 т.

Мироненко Д. Г. Образ святого Александра Невского в русском искусстве XVI – начала XXI в. СПб., 2020.

Образы русских святых в собрании Исторического музея / ГИМ; Сост. Л. П. Тарасенко. М., 2015.

Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1876. Т. 4. 1724–1725, января 28.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1912. Т. 4. 1753 – 28 июня 1762 г.

Портреты, гербы и печати Большой государственной книги 1672 г. СПб., 1903.

Регинская Н. В., Цветков С. В. Благоверный князь православной Руси – святой воин Александр Невский. СПб., 2010.

Родословные древа русских царей XVII–XVIII веков / Сост. А. В. Сиренов. М., 2018.

Рункевич С. Г. Александро-Невская лавра, 1713–1913. СПб., 1913.

Русские храмы и обители в Европе / Авт.-сост. В. В. Антонов, А. В. Кобак. СПб., 2005.

Саенкова Е. М., Герасименко Н. В. Иконы святых воинов: Образы небесных защитников в византийском, балканском и древнерусском искусстве. М., 2008.

Сводный иконописный подлинник XVIII века по списку Г. Филимонова. М., 1874.

Святой благоверный великий князь Александр Невский: Образы и символика. Каталог выставки / Государственный Эрмитаж. СПб., 2021.

Святые земли Русской / Государственный Русский музей. СПб., 2010.

Царский титулярник / Под общ. ред. Ю. М. Эскина. М., 2007. (Книжная память России). Кн. 1.

Церковь Небесная: Изображение Соборов святых в русской иконописи XVI – начала XX века / Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева; Сост. Я. Э. Зеленина, Л. П. Тарасенко. М., 2020.

Шляпкин И. А. Иконография св. благоверного великого князя Александра Ярославича Невского. Пг., 1915.

Yana E. Zelenina
State Historical Museum, Moscow, Russia

IMAGE OF ST. ALEXANDER NEVSKY IN THE PRINCELY ICONOGRAPHY OF THE 18TH – EARLY 20TH CENTURIES: BETWEEN SACRAL AND HISTORICAL SIGNIFICANCE

The rich and in many ways unique tradition of depicting the St. Prince Alexander Nevsky is considered in the context of the development of princely iconography. Over the centuries, in the images of church art, the ideas of him as a saint and a historical hero were illustrated in different ways, giving rise to new iconographic and artistic solutions. The traditional sacred image was replaced with the idea of sacralizing the prince's image as a special patron of the monarch; icons were assimilated to the genealogical cycles of princes.
Keywords: princely iconography, icon painting, academic art, patron saint

И. Чекова
Софийский университет им. святого Климента Охридского, София, Болгария;
Кёльнский университет, Кёльн, Германия

СВЯТОЙ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ В БОЛГАРСКОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИВОПИСИ

На стенах христианских храмов Болгарии разных исторических периодов изображены восточнославянские святые. Они написаны вместе с болгарскими, общеславянскими и сербскими святыми, иллюстрируя славянское духовное единство. Среди них важное место занимает образ князя Александра Невского, небесного покровителя императора Александра II, инициатора Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в результате которой Болгария была освобождена от османского ига. Возможно, болгарская интеллигенция, к которой относились и иконописцы, познакомилась с Житием Александра Невского еще до Освобождения, по «Книге житий святых» Димитрия Ростовского.
Ключевые слова: *Александр Невский, восточнославянские святые, болгарская христианская живопись времени позднего Возрождения, после Освобождения Болгарии 1878 г., Нового времени и современности*

После Освобождения Болгарии от Османского ига в результате русско-турецкой войны в ряде болгарских храмов появляются изображения св. князя Александра Невского. Причина в том, что этот русский князь, прославившийся подвигами на реке Неве и на Чудском озере, является духовным покровителем и соименником императора Александра II – начавшего русско-турецкую войну и чтимого в Болгарии как освободителя.

На стенах христианских храмов Болгарии разных исторических периодов изображены восточнославянские святые. Ко времени Средневековья относятся фрески свв. Бориса и Глеба в церкви Св. Апостолов Петра и Павла в Велико Тырново, XVI в. Большее количество изображений восточнославянских святых встречается в главных очагах духовной жизни времени болгарского Возрождения и первых лет после Освобождения Болгарии – в Рильском, Троянском и Преображенском монастырях, а также в Белёвой церкви близ г. Самоков, в Долнолозенском монастыре близ Софии, в церкви Св. Георгия в Долни Лозен, в церкви Введения во храм Богородицы в с. Сапарево, в церкви Св. Николы в с. Тополница, в Германском монастыре Св. Ивана Рильского близ Софии, в церкви Введения во храм Богородицы в г. Панагюрище и в Митрополитской церкви Успения Богородицы в Самокове. В этих храмах видим чаще всего образы св. Димитрия Ростовского, реже св. Александра Невского, св. Феодосия Печерского, свв. Бориса и Глеба, единичны изображения св. царевича Димитрия Московского, св. Ольги, св. Антония Печерского, св. Всеволода

Псковского, св. Игоря Киевского и св. Арсения Тверского. Восточнославянские святые (названные художниками русскими) соседствуют с болгарскими, общеславянскими, сербскими, а иногда и с чешскими святыми. Авторами росписей являются преимущественно представители Самоковской школы иконописцев: Иван Образописов, Димитр Зограф, Захарий Зограф, Никола Образописов и его помощники Христо Захариев, Димитр Христов, Христо Георгиев и Коста Геров, а также братья Никола и Иван Доспевские, реже – предположительно представители Разложко-Банской школы и другие менее известные художники, такие как Милош Яковлевич и Марко Минов[1].

Во время зрелого болгарского Возрождения усиливаются народно-патриотические тенденции в обществе и культурные связи между Болгарией, с одной стороны, Россией и Украиной – с другой. Иконописцы начинают изображать в храмах все больше славянских святых – болгарских, общеславянских, восточнославянских и сербских. Это является знаком повышенного народного самосознания болгар во время Возрождения, выражением панславянских идей и отпором греческой религиозной ассимиляции. Рядом с болгарскими святыми часто изображаются восточнославянские святые, что иллюстрирует болгарскую веру в освободительную миссию России, в ее духовную и военную мощь.

Интерес болгарских художников к восточнославянским святым в XIX в. отражает возросшее взаимодействие Болгарии с Россией и Украиной. Эти контакты усиливаются на втором (с 20–50-х гг. XIX в. до Крымской войны (1853–1856 гг.)) и третьем (с Крымской войны до Освобождения Болгарии в 1878 г.) этапах Возрождения. Они проявляются в разных сферах: в общественной жизни и в борьбе за национальное освобождение; в книжном деле и образовании, в религиозно-духовной сфере посредством языка богослужебных книг, большая часть которых идет из России; в церковной живописи и др.[2] Значительное число болгарских возрожденческих

---

[1] *Чекова И.* Восточнославянские святые в болгарской христианской живописи // Мир русского слова и русское слово в мире. Материалы XI Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Варна, 17–23 сентября 2007 г. София, 2007. Т. 7. Русская литература: История и современность. С. 574–581; *Она же.* Източнославянски светци в българската християнска агиография и живопис // Руската литература – културни диалози. Материали от Международната научна конференция, посветена на 75-годишния юбилей на проф. Ангел Анчев. Велико Търново, 2008. С. 23–42; *Она же.* Източнославянски светци в храмовете на следосвобожденска България // Юбилеен сборник 35 години катедра «Обща и сравнителна литературна история». Велико Търново, 2010. С. 11–24; *Она же.* Изображения на източнославянски светци в български храмове през Средновековието и Възраждането // Старобългарска литература. 2013. Кн. 48. (Светци и свети места на Балканите. Т. 2). С. 286–310 и приложение с иллюстрациями.

[2] *Чекова И.* Източнославянски светци в българската литература // Трети Международен конгрес по българистика, 23–26 май 2013 г. Кръгла маса «Кирилометo-

книжников – это русские воспитанники (Н. Геров, Д. Чинтулов, В. Друмев, Л. Каравелов, Хр. Ботев, Н. Бончев, Р. Жинзифов, В. Попович и др.) и (или) деятели, прилагающие целенаправленные усилия для распространения русских книг в Болгарии (З. Княжевски, Н. Геров и др.). В России имеются важные центры болгарской культурной и общественной жизни, где развивается деятельность болгарской эмиграции и учащихся: Одесса, Москва, Николаев и др. «По различни пътища българи търсят помощ и подкрепа както за националноосвободителните си стремежи и борби, така и за просветните си и книжовни начинания»[3].

Болгарская интеллигенция снабжается проповеднической и житийной литературой на русском языке, художественными произведениями русских и других европейских авторов, учебными пособиями (хрестоматии, учебники), историческими и научными сочинениями. Четьи-минеи (или «Книга житий святых») св. Димитрия Ростовского превращаются в настольную книгу православной интеллигенции на Балканах. Перевод сочинений выдающегося проповедника в Болгарии начинается в 1835 г. Отдельные его произведения в оригинале или в переводе проникают в прессу и образовательную литературу времени болгарского Возрождения[4]. Посредством житий святых читатели укрепляют свою христианскую и народную идентичность, из них черпают информацию о календарном праздновании и жизни разных святых, как общехристианских, так и славянских. Болгарский художник Никола Образописов прямо указывает в своей тетради с записями заказов («Счетник»), что брал образы Людмилы, Вячеслава, Бориса и Глеба из «Книги житий святых» Димитрия Ростовского. Можем допустить, что болгарские читатели эпохи Возрождения были знакомы по ней и с Житием Александра Невского.

В конце XIX – начале XX в., в период, охватывающий послеосвобожденческую действительность и белоэмигрантскую волну 20-х гг. XX в., в Болгарию проникают русские книги и иконы, что содействует дальнейшей популяризации св. Александра Невского и других восточнославянских святых.

В хронологическом порядке рассмотрим изображения св. Александра Невского в болгарской церковной живописи со времени позднего Во-

---

диевистика». София, 2014. С. 235–249.

[3] *Аретов Н.* Руско-български литературни взаимоотношения през Възраждането // Енциклопедия на българската възроженска литература. Велико Търново, 1996. С. 646–650. См. также: *Павлова Р.* Болгарско-русские и русско-болгарские языковые связи. София, 1979. С. 166–178; *Минкова Л.* Български възрожденци в Русия. София, 2005. С. 327–341.

[4] *Дылевский Н.* Творения святителя, историографа, книжника и проповедника святого Димитрия Ростовского в контексте болгарского Возрождния // Годишник на Софийския университет «Св. Кл. Охридски», Център за славяно-византийски проучвания «Иван Дуйчев». 2001. Т. 91 (10). С. 19–24; *Боева Л.* Проблемы русской литературы XI–XVIII вв. София, 1985. С. 343–348.

зрождения и первых десятилетий после Освобождения Болгарии до начала XXI в. Возможно, что существуют также фрески и иконы, неизвестные автору данной статьи.

1. В 1883 г. авторы фресок в церкви Св. Николы в с. Тополница, Дупнишко – Милош Яковлевич и Марко Минов – создают замечательную композицию с образом русского князя Александра Невского[5] (Ил. 1.1, см. цв. вклейку). Образ св. Александра Невского становится популярным среди болгарских иконописцев после решения о строительстве храма-памятника в честь святого покровителя императора Александра II, чтимого как освободителя Болгарии[6].

На западной стене в первом регистре в полный рост изображены св. Васа Солунская (названная Софийской), св. Георгий Софийский, св. Александр Невский с крестом и белым знаменем и св. царь Иоанн Шишман с крестом и болгарским триколором, с коронованным львом посередине. Последовательность трех цветов флага – зеленый, белый и красный – совпадает с таковой на знаменах первой и второй болгарских легий (созданных Г. С. Раковским и болгарскими эмигрантами в Белграде для вооруженной борьбы против османского господства), Болгарского революционного центрального комитета (БРЦК), подготавливавшего болгарскую национальную революцию, и русско-болгарского добровольческого батальона, участвовавшего в Сербско-турецкой войне. Иоанн Шишман – последний правитель Второго Болгарского царства перед захватом страны турками-османами. Царь изображен с короной и нимбом, хотя нет сведений о его официальной канонизации. Замысел этой композиции, в которой рядом стоят русские и болгарские святые правители, можно прочесть следующим образом: с помощью св. Александра Невского, небесного заступника императора Александра II, и усилиями болгарских революционеров Болгария возвращает свою государственность, потерянную при царе Иоанне Шишмане.

2. Второе в хронологическом порядке изображение св. Александра Невского находится в Германском монастыре Св. Ивана Рильского Чудотворца, который находится близ Софии (Ил. 2.1, см. цв. вклейку). Пять больших икон иконостаса – св. Ивана Рильского, Богородицы с Младенцем, Иисуса Христа, св. Иоанна Предтечи и св. Николая Мирликийского Чудотворца – выполнены Николой и Иваном Доспевскими в 1886 г. Под иконой Христа, в резьбе по дереву вплетена маленькая икона русского святого воина Александра Невского. Можем предположить, что она также принадлежит кисти братьев Доспевских. В своей книге о болгарских мо-

[5] *Гергова И.* Агиографската концепция на Никола Образописов // Годишник на Софийския университет «Св. Кл. Охридски», Център за славяно-византийски проучвания «Иван Дуйчев». 2004. Т. 94 (13). С. 246; *Димитров В.* Зографската фамилия Минови и тяхното стенописно наследство. София, 2012. С. 224.

[6] *Гергова И.* Агиографската концепция на Никола Образописов. С. 246.

настырях, в которую включен и Германский монастырь, Георгий Чавры-ков не указывает имена авторов фресок и икон, а только определяет их как самоковских иконописцев[7].

Никола (Николаки Димитров Доспевски) и Иван (Йованчо Димитров Доспевски) – сыновья Димитра Зографа и братья Станислава Доспевского, который оказывает сильное влияние на них и по возвращении из России обучает их в стиле русской религиозной живописи XIX в. и академизма[8]. Напомним, что их отец (согласно другим мнениям – их брат) – автор изображения трех восточнославянских святых – Димитрия Ростовского, Феодосия Печерского и Антония Печерского – в главной церкви Богородицы Рильского монастыря. Так намечается предшествующая иконописная, а также семейная традиция изображения русских святых в роду самоковских зографов.

3. Традиция изображать славянских святых в болгарских храмах продолжена в творчестве Николы Образописова, сына Ивана Николова Образописова из Самокова. Его произведения принадлежат к позднему болгарскому Возрождению и отмечают переход к Новому времени. Он очень продуктивный художник: с 1863 до 1899 г. выполнил росписи более чем в 20 церквях, сам или со своими помощниками Христо З. Зографским, Димитром Христовым и Костой Геровым. Пренебрегая общехристианскими святыми, иконописец изображает славянских на самом заметном месте в нижнем регистре церквей[9].

Н. Образописов создает в разных церквях ряд живописных образов восточнославянских святых, среди которых: св. Димитрий Ростовский, св. Ольга, св. Феодосий Печерский, св. Игорь Киевский, св. Всеволод, князь Псковский; св. Арсений Тверской, св. Димитрий, князь Московский, и интересующий нас образ св. Александра Невского в церкви Введения во храм Богородицы (1895 г.) в Панагюрище[10]. Здесь русский князь-воин изображен рядом с болгарским царем Давыдом (Ил. 3.1, см. цв. вклейку).

В своем «Счетнике» под 1883 г. Н. Образописов упоминает, что им написаны также иконы: «владетел руски Александър Невски» в Рильском монастыре и «Владимир и Александър Невски» в Видине[11].

Н. Образописов обращается в своем творчестве к болгарским, русским и чешским святым. Эти образы выражают русофильские настроения

---

[7] *Чавръков Г.* Български манастири. София, 1974. С. 192–193.

[8] *Мавродинов Н.* Връзките между българското и руското изкуство. София, 1955. С. 89.

[9] *Гергова И.* Агиографската концепция на Никола Образописов. С. 235–246, 448–449 (фотоснимки страниц из «Счетника» Н. Образописова); *Петева-Филова Е.* Никола Образописов. София, 1994.

[10] *Гергова И.* Агиографската концепция на Никола Образописов. С. 244.

[11] *Василиев А.* Български възрожденски майстори. Живописци. Резбари. Строители. София, 1965. С. 452; *Чекова И.* Изображения на източнославянски светци в български храмове през Средновековието и Възраждането. С. 297.

иконописца, радость победы русских и болгар в Русско-турецкой войне (1877–1878 гг.), благодарность России и панславянские идеи о христианском единстве в Болгарии после Освобождения.

В коллекции Митрополитской церкви Успения Богородицы в Самокове хранятся две неопубликованные иконы св. Александра Невского[12], чье авторство неизвестно.

4. Далее следуют изображения русских святых (вместе с болгарскими и общехристианскими святыми) в храмах, посвященных Русско-турецкой войне и возникших в послеосвобожденческой Болгарии совместными усилиями болгар и русских. Это храм-памятник «Рождество Христово» (1885–1902 гг.) в г. Шипка и храм-памятник «Св. Александр Невский» в Софии (1904–1912 гг.).

Храм-памятник «Рождество Христово» в г. Шипка построен по проекту академика А. Й. Томишко и под руководством архитекторов А. Н. Померанцева и А. Н. Смирнова. Идея строительства храма в память о погибших в Шипкинской эпопее принадлежит Ольге Скобелевой, матери генерала Скобелева, и графу Н. П. Игнатьеву, много лет являвшемуся послом России в Турции и сторонника болгарской национальной идеи освобождения.

При освящении шипкинского храма в 1902 г. был готов только главный иконостас и была сделана единственная роспись – «Христос Пантократор» П. Мясоедова в центральном куполе. Иконостас был спроектирован и выполнен в ателье архитектора А. Ю. Ягна в Санкт-Петербурге, а иконы для него написаны в русском монастыре Св. Пантелеимона на Святой горе Афон в 1901 г.[13] Большие алтарные иконы «Успение Богородицы» и «Св. Александр Невский» находятся в южной части иконостаса (Ил. 4; Ил. 4.1, см. цв. вклейку). Над ними изображен «Собор архангелов», сбоку от которого, между иконами св. Климента и св. Пантелеимона, расположены изображения св. Сергия и св. княгини Ольги, а в медальонах – св. Иоанн мученик Болгарский, св. Баян князь Болгарский и др. «Така според изискванията на организационния комитет монасите от "Св. Пантелеймон" успяват да вплетат в иконостаса историческото и православно достойнство на двете държави. С това още тогава те предопределят логиката на бъдещото цялостно изписване на Храм-паметника "Рождество Христово"»[14].

В 1952 г. начинается подготовка к внешней и внутренней реставрации храма. Изготовлен проект полной внутренней росписи темперной живописью, в которой участвует русский художник Н. Е. Ростовцев, русский

[12] *Гергова И.* Агиографската концепция на Никола Образописов. С. 246. Бел. 51.

[13] *Добрев М.* Храм-паметник «Рождество Христово» край град Шипка 1902–2002. София, 2002. С. 75–79 и др.

[14] Там же. С. 80.

Ил. 4. Храм-памятник «Рождество Христово» в г. Шипка (1885-1902)

эмигрант в Болгарии после 1921 г. и воспитанник Художественной академии в Софии. В своих картинах Н. Ростовцев стремится сочетать храмовую стилистику XVII–XVIII вв. с одухотворенностью, мистикой и сказочной романтикой, присущей русским художникам конца XIX в. В. М. Васнецову и М. В. Нестерову. В 1957 г. художественный совет при Союзе болгарских художников определяет команду, на которую было возложено внутреннее украшение храма: руководитель – Николай Ростовцев; участники – Карло Йорданов, иеромонах Николай Шелохов, Пантелей Сеферов, Асен Дочев, Александр Сорокин, Георги Белостойнев, М. Маковкин и Пеню Пиндев, Господин Георгиев. Ростовцев подготавливает четыре большие композиции в наосе и притворе, 14 изображений святых в рост и 24 образа святых в медальонах, которые распределяет по трем стенам храма, а также орнаментальное украшение четырех колонн[15]. Можем допустить авторство Ростовцева и в композициях, связанных с Александром Невским.

В 1958–1959 гг. осуществляется вторая, значительно более масштабная роспись храма-памятника «Рождество Христово», которая придает законченный вид его внутреннему убранству. Росписи на северной стене и северных колоннах храма посвящены болгарским святым, а симметричные, соответственно, с южной стороны – русским святым. Этим временем датируются два изображения Александра Невского: первое – на колонне, отделяющей притвор от наоса, где князь написан в рост и в воинских доспехах (Ил. 4.2, см. цв. вклейку), и второе – над южным входом храма, где воссоздан сюжет чуда из Жития Александра Невского. Роспись рассказывает о молитве князя накануне битвы со шведами 15 июля 1240 г. (в день памяти св. Владимира, крестителя Русской земли) и видении воина Филиппа (Ил. 4.3, см. цв. вклейку). Филипп замечает на море ладью, в которой плывут святые братья Борис и Глеб, сыновья князя Владимира. Они одеты в красные мантии и по-братски держат руки на плечах друг у друга. Так воин Александра Невского узнает об их желании помочь своему сроднику в предстоящей битве и видит знак счастливого исхода битвы.

5. Храм-памятник «Св. Александр Невский» в Софии – следующий храм, посвященный Освобождению Болгарии от Османского ига (Ил. 5). Это самый большой храм в Болгарии. Он построен по проекту архитектора А. Н. Померанцева, который опирается не столько на русские, сколько на византийские и болгарские архитектурные традиции. Храм должен напоминать Св. Софию в Царьграде, чтобы подчеркнуть связь между Софией и византийским Царьградом[16]. В грандиозном начинании по росписи храма в 1911 г. участвуют прежде всего известные русские и болгарские художники. Они создают внушительные образцы поздней христианской

[15] Там же. С. 82–96.

[16] *Мавродинов Н.* Връзките между българското и руското изкуство. С. 116.

иконописи[17]. Святительский репертуар в храме очень широк – общехристианские, южнославянские, восточнославянские, западнославянские и балканские святые. Восточнославянские святые присутствуют на фресках разных художников: св. Ольга, св. Владимир, свв. Борис и Глеб, св. Феодор Смоленский с сыновьями свв. Давыдом и Константином, св. Сергий Радонежский, свв. Зосима и Саватий Соловецкие и св. Серафим Саровский.

В храме есть 5 изображений св. Александра Невского. На западном фасаде под колокольней находится мозаичное изображение Александра Невского, чей автор – известный болгарский художник Антон Митов[18]. Живописная копия мозаичной иконы св. Александра Невского вместе с иконой свв. Кирилла и Мефодия хранится в помещении для священников, расположенном в юго-западном углу храма (Ил. 5.1, см. цв. вклейку). Соседство двух икон напоминает о периоде истории храма, когда развертывается дискуссия в связи с его именем и он временно переименовывается в честь славянских первоучителей. В центральном иконостасе станковая икона св. Александра Невского – дело рук Василия Савинского[19] (Ил. 5.2, см. цв. вклейку). Уменьшенные копии иконостасных икон алтарных патронов – св. Александр Невский, св. Борис, свв. Кирилл и Мефодий – были поставлены на специальных аналоях-постаментах перед иконостасами для целования. Они написаны Петко Клисуровым в 1913 г. по заказу Святого Синода[20], но сегодня их нет перед иконостасами. Во время фотосъемки фресок на балконе за хорами мне удалось обнаружить еще одно изображение св. Александра Невского – на картине небольшого размера, поставленной внизу и прислоненной к стене. Она изображает шествие и благословление князя и его войска, вероятно, перед Невской битвой (Ил. 5.3, см. цв. вклейку).

6. Позже в Болгарии возникают русские храмы, воздвигнутые на средства живущей в Болгарии русской общины: русская церковь Св. Николая (1913 г.) в Софии и русская церковь Св. Пантелеимона (1923 г.) в софийском районе Княжево. Кроме общехристианских святых в них имеются изображения прежде всего русских и в меньшем количестве болгарских святых.

В церкви Св. Николая встречаются три изображения русского князя – в алтаре, у входа в храм и в крипте (Ил. 6.1, см. цв. вклейку). Большое количество образов Александра Невского объясняется тем, что первоначально строители задумывали назвать церковь в его честь, но после

[17] *Паскалева К.* Храм-паметник «Александър Невски». София, 1986. С. 2–9.

[18] *Радкова Р.* Храм-паметник «Св. Александър Невски». София, 1999. С. 109.

[19] *Паскалева К.* Храм-паметник «Александър Невски». С. 71; *Радкова Р.* Храм-паметник «Св. Александър Невски». С. 111.

[20] *Радкова Р.* Храм-паметник «Св. Александър Невски». С. 110.

решения о строительстве храма-памятника «Св. Александр Невский» в Софии русская церковь была посвящена св. Николаю.

7. В русской церкви Св. Пантелеимона в Княжево можно увидеть две иконы князя – одна бумажная, более старая и другая деревянная, новая (Ил. 7.1, 7.2, см. цв. вклейку).

8. К новейшим изображениям восточнославянских святых – 90-х гг. XX в. – относятся фрески церкви Св. Троицы в жилом комплексе «Св. Троица» в Софии. Здесь они формируют самостоятельный ряд на западной стене, справа при вхождении во внутреннюю часть храма: св. Антоний (Печерский?), св. Киприан (Тырновский?), св. Серафим Саровский, св. Александр Невский (Ил. 8.1, см. цв. вклейку). С другой стороны западной стены «смотрят» изображения болгарских святых: св. Паисий Хилендарский, св. Софроний Врачанский, св. Феодосий Тырновский и св. Лазарь. В духе возрожденческой живописи в церкви соседствуют болгарские и русские святые.

9. В женском монастыре Покрова Богородицы в Самокове (основанном в 1772 г., церковь построена в 1837–1839 гг.), насколько мне известно, находится новейшее избражение св. Александра Невского в болгарских храмах (2001 г.) (Ил., 9.1, 9.2, см. цв. вклейку). Св. Александр Невский в церкви монастыря – роспись по заказу Александра Мишонова; возможно, такой выбор связан с личным именем заказчика, ищущего

Ил. 5. Храм-памятник «Св. Александр Невский» в Софии (1904-1912 г.)

Ил. 10. Церковь св. Александра Невского, община Добричская, область Добрич (2012 г.) Фотография предоставлена от администрации села Р. Илчевой. Выражаю благодарность коллеге за возможность опубликовать ее..

духовное покровительство святого с тем же именем. Роспись расположена рядом со сценой «Вхождение в Иерусалим», заказанной болгарской певицей Лили Ивановой в связи с празднованием ее именин на Вербное Воскресенье.

Исследуя присутствие св. Александра Невского в духовном пространстве Болгарии, Радослава Илчева указывает на строительство четырех храмов на территории страны, посвященных святому. Кроме кафедрального собора в Софии, есть и три менее известных храма: церковь св. Александра Невского в Бакаджикском Спасском монастыре вблизи г. Ямбол (1884 г.); придел св. Александра Невского в старейшем храме в г. Русе – кафедральном соборе Святой Троицы (1884 г.) и церковь в с. Житница, община Добричская, область Добрич (возведенная в 2012 г. на месте старой с таким же посвящением, построенной непосредственно

после Освобождения) (Ил. 10). Церковь в с. Житница является вторым после Кафедрального патриаршего собора действующим храмом в честь святого князя на территории Болгарии[21].

Систематизированные памятники болгарской христианской живописи конца XIX – начала XX в. показывают нередкое присутствие образа св. Александра Невского в болгарских храмах после освобождения Болгарии от Османского ига. Особое внимание к нему определяется, во-первых, тем, что святой князь является небесным патроном царя-освободителя Александра II; во-вторых, строительством храма-памятника «Св. Александр Невский» в Софии в знак благодарности павшим русским воинам за освобождение Болгарии в 1877–1878 гг.; в-третьих, тем, что болгарские художники обращаются к изображению славянских святых в болгарских храмах –восточнославянских, сербских, а иногда и чешских – как символу общеславянского духовного единства.

Изображения св. Александра Невского середины и конца XX в. следуют традиции подобного изображения русских и болгарских святых предшествующего периода, подчеркивая духовную общность двух православных народов.

Новейшее изображение князя-воина в начале XXI в. иллюстрирует проникновение его образа в нашу современность в качестве частного дара от носителя имени Александр, уповающего на небесное покровительство святого.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аретов Н. Руско-български литературни взаимоотношения през Възраждането // Енциклопедия на българската възроженска литература. Велико Търново, 1996. С. 646–650.

Боева Л. Проблемы русской литературы XI–XVIII вв. София, 1985.

Василиев А. Български възрожденски майстори. Живописци. Резбари. Строители. София, 1965.

Гергова И. Агиографската концепция на Никола Образописов // Годишник на Софийския университет «Св. Кл. Охридски», Център за славяно-византийски проучвания «Иван Дуйчев». 2004. Т. 94 (13). С. 235–246.

Димитров В. Зографската фамилия Минови и тяхното стенописно наследство. София, 2012.

Добрев М. Храм-паметник «Рождество Христово» край град Шипка 1902–2002. София, 2002.

Дылевский Н. Творения святителя, историографа, книжника и проповедника святого Димитрия Ростовского в контексте болгарского Возрождния //

[21] *Илчева Р.* Св. Александр Невский в духовном пространстве современной Болгарии // Царицын Православный. 2021. № 5 (25). С. 48–53; № 6 (26). С. 57–60.

Годишник на Софийския университет «Св. Кл. Охридски», Център за славяно-византийски проучвания «Иван Дуйчев». 2001. Т. 91 (10). С. 19–24.

Ильчева Р. Св. Александр Невский в духовном пространстве современной Болгарии // Царицын Православный. 2021. № 5 (25). С. 48–53; № 6 (26). С. 57–60.

Мавродинов Н. Връзките между българското и руското изкуство. София, 1955.

Минкова Л. Български възрожденци в Русия. София, 2005.

Павлова Р. Болгарско-русские и русско-болгарские языковые связи. София, 1979.

Паскалева К. Храм-паметник «Александър Невски». София, 1986.

Петева-Филова Е. Никола Образописов. София, 1994.

Радкова Р. Храм-паметник «Св. Александър Невски». София, 1999.

Чавръков Г. Български манастири. София, 1974.

Чекова И. Восточнославянские святые в болгарской христианской живописи // Мир русского слова и русское слово в мире. Материалы XI Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Варна, 17–23 сентября 2007 г. София, 2007. Т. 7. Русская литература: История и современность. С. 574–581.

Чекова И. Източнославянски светци в българската християнска агиография и живопис // Руската литература – културни диалози. Материали от Международната научна конференция, посветена на 75-годишния юбилей на проф. Ангел Анчев. Велико Търново, 2008. С. 23–42.

Чекова И. Източнославянски светци в храмовете на следосвобожденска България // Юбилеен сборник 35 години катедра «Обща и сравнителна литературна история». Велико Търново, 2010. С. 11–24.

Чекова И. Изображения на източнославянски светци в български храмове през Средновековието и Възраждането // Старобългарска литература. 2013. Кн. 48. (Светци и свети места на Балканите. Т. 2). С. 286–310 и приложение с илюстрации.

Чекова И. Източнославянски светци в българската литература // Трети Международен конгрес по българистика, 23–26 май 2013 г. Кръгла маса «Кирилометодиевистика». София, 2014. С. 220–249.

Iliana Chekova
Sofia University, Sofia, Bulgaria; Cologne University, Cologne, Germany

SAINT ALEXANDER NEVSKY IN BULGARIAN CHRISTIAN PAINTING

East Slavic saints are depicted on the walls of Christian churches in Bulgaria of different historical periods. They were painted together with Bulgarian, all-Slavic and Serbian saints, illustrating Slavic spiritual unity. Among them, the image of Prince Alexander Nevsky, the heavenly patron of Emperor Alexander II, the initiator of the Russo-Turkish war of 1877–1878, as a result of which Bulgaria was liberated from the Ottoman yoke, occupies an important place. Often referring to the *Book of Lives of Saints* by Dmitry Rostovsky, it is possible that the Bulgarian intelligentsia, including icon painters, became acquainted with the Life of St. Alexander Nevsky before the Liberation.
Keywords: Alexander Nevsky, East Slavic saints, Bulgarian Christian painting of the late Renaissance, after the Liberation of Bulgaria in 1878, Modernity

О. В. Калугина
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

ОБРАЗ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В РУССКОЙ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ПЛАСТИКЕ

Статья посвящена проблеме эволюции запечатления образа князя Александра Невского в отечественной монументальной пластике. Рассматриваются иконографические источники, художественные приемы и особенности композиции и авторского решения образа, демонстрируемые в монументах XX в. Одновременно ставится проблема необходимости анализа многочисленных творческих ошибок, с одной стороны, и причин повышенного внимания к образам далекого прошлого – с другой.

Ключевые слова: монументальная пластика, композиция, образное решение, стилизация, иконография

Проблема увековечивания памяти Александра Невского в монументальной пластике чрезвычайно осложняется отсутствием иконографических источников, даже самых приблизительных, которые позволили бы представить себе реальную наружность князя. Лицевой летописный свод Ивана Грозного (Царь-книга) оставил нам описание его внешности, которое вряд ли можно охарактеризовать иначе, как баснословное: «Аще бо и честию земнаго царствиа почтенъ бысть от Бога, и сопруга име и чада прижи, но смиренную мудрость стяжа паче всех человек, бе же возрастом великъ зело, красота же лица его видети яко Иосифа Прекраснаго, сила же его бе яко часть от силы Самсоновы, гласъ же его слышати яко труба въ народе»[1]. Естественно, такой источник, созданный в середине XVI в., мало чем может помочь скульптору-монументалисту.

С другой стороны, увековечивание памяти Александра Невского берет свое начало еще в древнерусском искусстве, но поскольку князь принял перед смертью схиму и был в дальнейшем канонизирован Русской православной церковью, то его изображения носят сугубо иконописный характер и представляют его именно в образе монаха, а не воина и государственного деятеля. Такой иконографический ряд также не сможет помочь ваятелю, даже если учесть, что и в монументальной живописи Александр Невский был запечатлен, например, на фреске Архангельского собора Московского Кремля в росписи юго-восточного столпа, выполненной в 1666 г.

Новым шагом, отчасти приближающим нас к избранной теме, было сооружение знаменитой серебряной раки для мощей Александра Невско-

[1] Лицевой летописный свод [Электронный ресурс]. Т. 6. С. 8. URL: http://www.sterligoff.ru/books/Rus_Kniga%206.pdf (дата обращения: 20.04.2021).

го, якобы чудесным образом спасенных в страшном пожаре, разразившемся во Владимире в 1491 г. и не пощадившем Рождественский монастырь с церковью и гробом Александра Невского[2]. В нашу задачу не входит реконструкция этого события, поэтому заметим только, что создание раки проходило в два этапа. Первоначально была подготовлена так называемая «малая рака», или «малый ковчег», – деревянный саркофаг, созданный в 1695 г. по инициативе суздальского митрополита Иллариона в процессе восстановления после пожаров 1681 и 1689 гг. В этой работе принимали участие мастера Оружейной палаты и якобы местный мастер серебряных дел. Последнее вызывает определенные сомнения, так как малый ковчег был обшит медными позолоченными пластинами, а при Елизавете в 1746–1751 гг. он был помещен в обшитый серебром «большой ковчег»[3]. Стоит подчеркнуть, что уже при Петре I указом Синода от 15 июня 1724 г. было предписано изображать на иконах святого в великокняжеских, а не в монашеских одеждах.

Мы можем смело отнести раку с мощами Александра Невского к первому примеру монументального увековечивания его памяти в эпоху Нового времени, так как в итоге сформировался целый мемориальный комплекс, включивший в себя, помимо собственно «ковчега», большую пятиярусную пирамиду, два пьедестала с трофеями и два подсвечника[4]. В настоящее время это самое большое ювелирное произведение из серебра в мире, оно весит 1,5 тонны и, несомненно, может быть отнесено к типу монументально-декоративной пластики. Однако предметом нашего исследования является все-таки подлинно монументальная скульптура, в которой в Новейшее время в изобилии представлен образ князя Александра Невского.

Первый пример запечатления Александра Невского в монументальной пластике относится к 1862 г., когда в Великом Новгороде был открыт монумент 1000-летию России, выполненный по эскизу графика-баталиста М. О. Микешина. Для работы над скульптурным воплощением его

---

[2] *Климов П. Ю.* Святой Александр Невский в русской церковно-монументальной живописи второй половины XIX – начала XX века (Семирадский, Васнецов, Нестеров) // Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции. Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. Новгород, 1996 [Электронный ресурс]. URL: http://www.bibliotekar.ru/rusNevskiy/7.htm (дата обращения: 20.03.2021).

[3] *Завадская Л. А.* Рака Александра Невского в собрании Эрмитажа // Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции. Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. Новгород, 1996. С. 55–64.

[4] *Титов А. А.* Дополнение к историческому, географическому и топографическому описанию Санкт-Петербурга, с 1751 по 1762 год, сочиненное А. Богдановым. М., 1903. С. 121.

замысла пригласили молодых мастеров – учащихся Императорской Академии художеств – в качестве реальных исполнителей рисованных проектов. Так, в горельефном фризе основания памятника было представлено 109 фигур, где в сегменте «Военные люди и герои», выполненном молодым ваятелем А. М. Любимовым, впервые воспроизведен светский облик Александра Невского в скульптуре. Нам ничего не известно о других работах А. М. Любимова, который остался в истории русского искусства только как исполнитель 36 фигур для одного из разделов горельефа, достаточно грамотно справившийся со своей задачей[5].

Важно подчеркнуть, что фактически так была заложена иконографическая традиция представления князя в пластике, и, естественно, облик его был достаточно сильно идеализирован. Князь, с учетом иконописного обычая, представлен благоговейно приложившим правую руку к груди, что в контексте древнерусской культуры означало дар сердечной молитвы, намекая на монашеское завершение жизни князя. Одновременно этот жест в светской трактовке имеет в виду искренность и готовность принять ответственность, что также вполне соответствует истории жизни князя, зачастую выбиравшего неожиданные и не всегда популярные политические решения.

Накинутый на плечи плащ с меховой опушкой, края которого соединены аграфом, или фибулой, также много значили для человека, осведомленного в нормах религиозного искусства. Так, в современном наставлении будущим иконописцам, обучающимся в Санкт-Петербургской духовной академии, разъясняется, что «увидев на плаще воина фибулу, каждый понимал, что ее обладатель служит царю – **и на иконах эта небольшая деталь символизирует, что мученики и другие угодники Божии, изображаемые в воинских одеждах, принадлежат воинству небесному и служат своему Царю – Господу Иисусу Христу** (выделено нами. – *О. К.*)»[6].

В дальнейшем запечатление образа князя как бы разделилось по формальному признаку, поскольку устанавливались как монументальные бюсты, так и полнофигурные, и даже многофигурные, композиции. Первым среди них, следуя принципу историзма, отметим установленный в Переславле-Залесском в 1958 г. бронзовый бюст работы скульптора С. М. Орлова (см. обложку), славу которому принес памятник Юрию Долгорукому в Москве. До этого момента Орлов преимущественно работал в малой пластике, создавая в фарфоре исключительно выразительные композиции

[5] *Kalugina O. V.* The Monument to Millennium of Russia: Bringing the Idea to Life. From History of Reigns to History of Culture // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. Искусствоведение. 2019. Т. 9. № 4. С. 668.

[6] Иконография. Одежды воинов // Санкт-Петербургская духовная академия. Иконописное отделение. Публикации [Электронный ресурс]. URL: https://icon.spbda.ru/2017/03/23/ikonografiya-odezhdy-voinov/ (дата обращения: 10.04.2021).

на темы народных сказок и в духе юмористического жанра малой пластики. Однако в 1943 г. им была выполнена в фарфоре работа «Александр Невский», которая не имеет ничего общего с решением монументального бюста, поскольку представляет князя в созерцании тел погибших рыцарей в окружении крестьян, очевидно, символизирующих освобождение русских земель[7].

Следует отметить, что еще до начала Великой Отечественной войны возник другой важный источник вдохновения для монументалистов нашей страны, а именно образ князя, блестяще сыгранный Николаем Константиновичем Черкасовым в фильме С. М. Эйзенштейна «Александр Невский», вышедшем на экраны в 1938 г. С тех пор популярность фигуры князя возросла чрезвычайно. Есть основания предполагать, что и сам Эйзенштейн отчасти мог при воссоздании образа Невского опираться на изваяние работы Любимова в Новгородском памятнике, поскольку сходство выглядит вполне очевидным. В обоих случаях авторы пренебрегают тем фактом, что мать Александра Ярославича Феодосия (Ростислава) Мстиславна была внучкой половецкого хана Котяна. Однако восточных черт мы в облике князя не обнаружим. Он представлен мужчиной чисто славянской внешности, и это закрепится в иконографии князя вплоть до наших дней.

К чести С. М. Орлова, он ушел от буквального копирования портрета Черкасова и к тому же достаточно верно представил облачение русского воина первой половины XIII в., что и мотивирует нас к анализу этого памятника, хотя в дальнейшем предполагается сосредоточиться только на полнофигурных композициях. Куполообразный шлем с кольчатой бармицей вполне соответствует формам охранительного облачения дружинника этой эпохи, однако на шлеме отсутствуют традиционный шпиль для яловца и наносник, что характерно для более поздних вариантов облачения русского воина. Скорее всего, это говорит не о незнании скульптором деталей костюма, а о сознательном отказе от элемента, мешающего восприятию волевого лица князя. При этом в целом создание данного бюста вписывалось во вновь формирующуюся традицию установки памятника «на родине героя», что, в свою очередь, со всей очевидностью коннотировалось с античной традицией почитания героев в их родных полисах.

Спустя почти 30 лет внимание к фигуре Александра Невского неожиданно снова резко возрождается. В 1985 г. в Великом Новгороде появится новый – уже отдельно стоящий – памятник князю работы академика Ю. Л. Чернова. Открытие памятника было приурочено к 41-й годовщине освобождения Новгорода от фашистов, что находит убедительные исторические ассоциации с защитой русских земель Александром Невским

[7] *Нерсесов Н. Я.* Сергей Михайлович Орлов. М., 1956. С. 32.

Ю. Л. Чернов. Александр Невский. В. Новгород. 1985

от западных захватчиков. Памятник стоит на берегу Волхова и отличается своеобразным обобщенным пластическим решением. Образ при этом откровенно романтизирован, что выражается в развевающейся накидке, широко раскрытой ладони правой руки. Хотя данный жест ассоциируется с готовностью к откровению, но вряд ли эти свойства были присущи опытному и жесткому политику, каковым являлся Александр Невский.

Следующим по времени установки стал памятник Александру Невскому работы скульптора И. И. Лукина, воздвигнутый в Городце в 1993 г. Данное событие было приурочено к 730-летию памяти князя, который именно здесь и «почил в Бозе» по дороге из Орды. Однако это трагическое событие никак не отразилось на представленном образе Ярославича. Он изображен полным сил воином, в торжественной позе правителя и полководца, в полном боевом облачении, с традиционным штандартом с образом Спаса Нерукотворного в правой руке, опирающимся на массивный щит. В одеянии князя сохраняются определенные черты, присутствующие

уже в монументальном бюсте Орлова, но кольчуга заменена пластинчатой накладкой, возникшей, однако, в охранительном облачении русского воина только в конце XIII в. Явной ошибкой автора является изображение креста на щите Невского, поскольку владимирские князья предпочитали стилизованное изображения волка или льва. Иконография этих животных хорошо изучена, и мы не можем сейчас на ней останавливаться, заметим только, что она прочно связывала языческую и христианскую символику, что вообще, как известно, являлось характерной чертой древнерусской художественной культуры. Появление креста, причем в достаточно поздней традиции его изображения, скорее всего, было связано с активизацией роли церкви в социальной жизни России в начале 1990-х гг., что порой воспринималось как признак духовного возрождения и ассоциировалось с подъемом национальной культуры.

В целом памятник достаточно грамотно выполнен, несмотря на отсутствие большого опыта монументальных работ у его автора. Изваяние отлично поставлено в ландшафте, организуя набережную Волги и эффектно презентуя город с реки. В то же время определенная академическая сухость лепки и явная декларативность образного решения несколько снижают общее впечатление от монумента.

В настоящее время в Федоровском монастыре Городца можно увидеть еще один памятник Александру Невскому, выполненный в 2014 г. молодым выпускником Строгановской академии П. Добаевым. Позиционируя себя в качестве «православного скульптора», автор на самом деле работает в рамках декоративной стилизации под Средневековье и в целом последовательно отступает от православной традиции, никогда не приветствовавшей воплощения христианских образов в скульптуре. Александр Невский представлен в образе некоего духовного лица, в неясного происхождения облачении, хотя хорошо известно, что схиму он принял за несколько часов до кончины и вряд ли мог успеть облачиться в подобающие одеяния. Условная более декоративная, нежели скульптурная, трактовка лица и облачения резко контрастирует с натуралистически вылепленными кистями рук, напоминающими скорее не ладони воина, а копии с рук мадонн северного Возрождения. В целом работа отличается эклектизмом и более расчетом на эффект неожиданности, чем на действительно оригинальное воплощение образа князя.

В том же 1993 г., когда был установлен памятник Невскому на набережной в Городце, его память была увековечена и в Пскове. Авторы памятника, скульптор И. И. Козлов и архитектор П. С. Бутенко, информации о которых пока найти не удалось, создали интересную многофигурную композицию, увенчивающую гору Соколиху, обеспечивая господство монумента над окружающим ландшафтом (см. обложку). Поскольку памятник в основном воспринимается с большого расстояния, брутальный язык его пластики выглядит вполне адекватным. То же можно сказать и о схема-

И. И. Лукин. Александр Невский. Городец. 1993

тичности лепки лиц и фигур этой композиции в целом. Оригинальность монумента заключается в том, что он посвящен не только князю-военачальнику, но и его дружине, освободившей Псков от нашествия западных иноверцев в 1242 г. На одну явную погрешность образного решения в данном монументе все-таки необходимо указать. Имеется в виду пластика головы и передней части корпуса княжеского коня, в которую явно вторглась традиция иконописного происхождения. На фоне условных рубленых форм фигур дружинников, да и самого князя, декоративный изгиб изящной шеи коня выглядит абсолютно чужеродным элементом. Намекнуть таким образом на святость князя автору явно не удалось, а вот некоторое нарушение целостности пластического решения стало очевидным.

Начиная с 2000-х гг. установка памятников Александру Невскому приобретает новые масштабы. Так, в 2000 г. воздвигается памятник кня-

зю в Курске работы В. М. Клыкова, очевидно, решившего таким образом украсить столицу своей малой родины. Памятник эффектно поставлен на Красной площади и неплохо организует пространство, однако убедительность образа явно снижает тяготение Клыкова к декоративности и стилизации. Чрезмерно тяжелый меч мог бы выступать достаточно условным символом, но натурализм портретного и общего решения вызывает ощущение дисгармонии. Наручи никогда ничем не украшались, так как это утяжеляло доспехи и сковывало движения рук, а на ноги только у тяжелой конницы надевались кольчужные чулки, а не богато разукрашенные поножи. Как уже отмечалось, князь должен быть представлен в кольчуге, а не в коротком пластинчатом одеянии. В целом автор следует

В.М. Клыков. Александр Невский. Курск. 2000

уже вполне сложившейся иконографии, но обилие декоративных и исторически неоправданных деталей отвлекает зрителя от собственно образного решения памятника.

В 2002 г. воздвигнут конный монумент на площади Александра Невского в Санкт-Петербурге, в создании которого участвовала группа ваятелей: В. Г. Козенюк, А. А. Пальмин и А. С. Чаркин. В. Г. Козенюк был автором идеи и общей композиции, над которой работал с 1967 г. После его безвременной кончины в 1997 г., согласно его воле, Пальмин и Чаркин завершили работу над памятником, установка которого была приурочена к приближающемуся юбилею города. В целом памятник хорошо держит площадь, его силуэт элегантен, но совершенно очевидно, что авторы ориентируются на парадные изваяния эпохи Возрождения, не привнося ничего нового ни в композицию, ни в образное решение[8].

В произведении угадывается стремление воздействовать на чувство национальной гордости россиян, в поддержке которого они так нуждались в эти тяжелейшие годы, но монумент словно прибыл к нам из стабильности середины XX столетия и его язык невнятен современнику. Так, не ясен смысл повелительного жеста князя, столь важную роль играющего в монументальной пластике в целом. В определенных точках фигура выглядит как пытающаяся сохранить утрачиваемое равновесие. При этом величественное и спокойное движение коня мало согласовано с ходульным поднятием на стремена всадника. Впрочем, возможно, именно этот смысл, даже вопреки воли авторов, неожиданно проявился в скульптуре в тот исторический период, когда страна пыталась демонстрировать пафос новизны и с трудом сохраняла социальное и политическое равновесие.

В 2003 г. скульпторы И. А. Черноглазов и И. Н. Новиков установили памятник Александру Невскому во Владимире. Присутствие такого монумента, несомненно, было оправдано тем, что Ярославич был великим князем Владимирским и город имеет право гордиться уроженцем и правителем своей земли. Дискуссии о месте и необходимости установки такого монумента велись десятилетиями и хорошо отражены в местной прессе. В итоге скульптура поставлена вблизи Богородице-Рождественского монастыря, где был первоначально захоронен князь и откуда его останки перемещались в новую столицу империи.

Может быть, в силу камерности пространства авторы сориентировали свое решение на станковое истолкование образа. Так, большое внимание уделено выражению лица и деталям костюма. В композиции есть

[8] Подробнее см.: *Калугина О. В.* Современная монументальная пластика России как аллюзия образов XIX века. По материалам конкурса на памятник патриарху Гермогену // Искусство XIX–XX веков: сближения и конфликты. Сборник научных статей Московского государственного академического художественного института имени В. И. Сурикова. М., 2013. С. 337–348.

В.Г. Козенюк, А.А. Пальмин., А.С. Чаркин. Александр Невский. Санкт-Петербург, 2002

и определенные противоречия. Князь представлен не в воинском облачении, но при этом со щитом и препоясанным мечом. Попытка соединить достаточно лирическое образное решение с признаками полководческой деятельности князя выглядит не вполне убедительной.

Нельзя признать удачным и полный некоего сентиментального романтизма памятник в Усть-Ижоре работы академика В. Э. Горевого, установленный в 2003 г. Изваяние выглядит некой сведенной в одном памятнике коллекцией решений, уже ранее применявшихся в других композициях, как, например, попирание вражеских символов наподобие мону-

мента Е. В. Вучетича в Трептов-парке в Берлине. Ярославич одет в правильную кольчугу, но кокетливый жест маленькой кисти, опирающейся на рукоять меча, как и слишком декоративно трактованные складки плаща, никак не согласуется с представлением о суровом воине Средневековья. И не имело смысла помещать меч на поясе князя и одновременно включать его в набор вражеских атрибутов, поскольку мечи были совершенно одинаковые, что у шведов, что у русских. С учетом того, что собственно памятник посвящен одной из главных битв на Неве, князю следовало придать гораздо более воинственный вид, а композицию выстроить менее запутанно.

Не вполне удачным выглядит и памятник в Петрозаводске, установленный в 2010 г. по гораздо более ранней модели скульптора В. Г. Козенюка. Совершенно очевидно, что от доработки памятника без участия автора трудно ждать хороших результатов. Установщики явно сэкономили на постаменте, который пропорционально никак не сочетается с достаточно крупной фигурой князя. Вся композиция отличается абсурдностью решения, выразившейся в какой-то длинной рубахе, в которую облачен князь, и висящем в воздухе приложенном к груди мече. Как и в петербургском монументе, логика отсутствует в утрированных жестах стилизованных кистей рук и маловыразительной трактовке корпуса.

Одним из самых новых монументов стал памятник Александру Невскому, выполненный поэтом и актером В. Б. Цыгановым для Калининграда и установленный в 2018 г. Очевидно, автор стремился представить князя как защитника православной веры, однако использование в качестве задней заставки изображения так называемого «новгородского креста» выглядит крайне спорным. Ведь исследователи до сих пор не пришли к единому мнению по поводу того, является ли такая композиция православным крестом, или заимствованным из Скандинавии символом, или даже языческим атрибутом. Легкая поступь князя с мечом в руке, одетого в кольчугу, усиленную пластинчатой бригандиной, выглядит не очень убедительно. Видимо, автор недостаточно учел тот факт, что это облачение достигало 30 кг веса. Об уместности данного монумента в городе до сих пор идут острые дискуссии. Будем надеяться, что история рассудит этих оппонентов.

Перечень памятников князю Александру Невскому не исчерпывается рассмотренными выше. Их немало расположено за пределами Российской Федерации, на территории бывшего Советского Союза. Как видим, удачных решений не так уж много, что в целом отражает ситуацию с монументальной пластикой в нашей стране. Мы также, ввиду ограниченности объема данной публикации, не уделили внимания бюстам и монументальным рельефам, посвященным нашему герою. Тем не менее предпринятый анализ заставляет задуматься над целым рядом проблем. Во-первых, каково качество проектов, не прошедших полноценный конкурс, зачастую по-

ставленных по воле мецената, в связи с наличием застоявшейся в мастерской модели или ввиду приближения каких-то памятных дат и т. д. Во-вторых, необходимо самым тщательным образом исследовать мотивацию постановки памятника именно этому персонажу. Монументальная пластика остро реагирует на моральное состояние общества, и причины, по которым общепринятый положительный социальный идеал активно ищется в далеком прошлом, заставляют серьезно задуматься о социально-психологической подоплеке такого феномена. И наконец, следует поставить вопрос о механизме принятия решения о постановке каждого памятника, поскольку его открытие есть торжественный, но не отягощенный ответственностью шаг, а снос превращается всегда в символическое действо, граничащее с актом вандализма[9]. Так насколько же должны быть повышены требования к качеству возводимых монументов, насколько взвешенными должны быть эти решения, чтобы в дальнейшем необходимость сноса монструозных идолов не отзывалась эхом массовых ликвидаций на ближних и дальних подступах России.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Завадская Л. А. Рака Александра Невского в собрании Эрмитажа // Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции. Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. Новгород, 1996. С. 55–64.

Иконография. Одежды воинов // Санкт-Петербургская духовная академия. Иконописное отделение. Публикации [Электронный ресурс]. URL: https://icon.spbda.ru/2017/03/23/ikonografiya-odezhdy-voinov/ (дата обращения: 10.04.2021).

Калугина О. В. Конкурсы на возведение монументов в современной России: проблема выбора и художественного качества // Искусство скульптуры в XX–XXI веках: мастера, тенденции, проблемы. М., 2017. С. 38–46.

Калугина О. В. Современная монументальная пластика России как аллюзия образов XIX века. По материалам конкурса на памятник патриарху Гермогену // Искусство XIX–XX веков: сближения и конфликты. Сборник научных статей Московского государственного академического художественного института имени В. И. Сурикова. М., 2013. С. 337–348.

Климов П. Ю. Святой Александр Невский в русской церковно-монументальной живописи второй половины XIX – начала XX века (Семирадский, Васнецов, Нестеров) // Александр Невский и история России. Материалы науч-

[9] *Калугина О. В.* Конкурсы на возведение монументов в современной России: проблема выбора и художественного качества // Искусство скульптуры в XX–XXI веках: мастера, тенденции, проблемы. М., 2017. С. 38–46.

но-практической конференции. Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. Новгород, 1996. [Электронный ресурс]. URL: http://www.bibliotekar.ru/rusNevskiy/7.htm (дата обращения: 20.03.2021).

Лицевой летописный свод [Электронный ресурс]. Т. 6. URL: http://www.sterligoff.ru/books/Rus_Kniga%206.pdf (дата обращения: 20.04.2021).

Нерсесов Н. Я. Сергей Михайлович Орлов. М., 1956.

Титов А. А. Дополнение к историческому, географическому и топографическому описанию Санкт-Петербурга, с 1751 по 1762 год, сочиненное А. Богдановым. М., 1903.

Kalugina O. V. The Monument to Millennium of Russia: Bringing the Idea to Life. From History of Reigns to History of Culture // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. Искусствоведение. 2019. Т. 9. № 4. С. 655–670.

Olga V. Kalugina
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

IMAGE OF ALEXANDER NEVSKY IN THE RUSSIAN MONUMENTAL PLASTIC

The article is devoted to the problem of the evolution of imprinting the image of Prince Alexander Nevsky in the Russian monumental plastic art. The article examines the iconographic sources, artistic techniques and features of the composition and the author's solution of the image, demonstrated in the monuments of the 20th century. At the same time, the problem is raised of the need to analyze numerous creative mistakes, on the one hand, and the reasons for increased attention to the images of the distant past, on the other hand.
Keywords: monumental plastic, composition, visual solution, stylization, iconography

М. В. Шкаровский
Центральный государственный архив Санкт-Петербурга,
Санкт-Петербург, Россия

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ ОБ АЛЕКСАНДРЕ НЕВСКОМ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ В XX В.

На протяжении многих веков святой князь Александр Невский пользовался большим почитанием верующих на Северо-Западе России, но особенное распространение оно получило в XX в. Центром этого почитания была Свято-Троицкая Александро-Невская лавра, где пребывают мощи князя. К 1917 г. в Санкт-Петербурге было создано около 30 храмов св. князя Александра Невского, часть из которых сохранилась до настоящего времени. С именем князя была связана обширная топонимика в Северной столице России. К 1917 г. в Петрограде существовало большое число учреждений и организаций с именем св. князя Александра Невского. Среди них были предприятия, учебные и благотворительные учреждения, приюты и дома призрения. Все они оказались закрыты или переименованы в первые годы советской власти. Новые подобные учреждения были созданы в 1990–2010-е гг. В XX в. образ Александра Невского получил значительное отражение в историографии, искусстве и литературе Северной столицы. Одной из главных наград Российской империи, СССР и Российской Федерации являлся орден Александра Невского, которым были награждены десятки петербуржцев. В последние десятилетия в Санкт-Петербурге и Ленинградской области были воздвигнуты семь памятников св. князю Александру Невскому и созданы два посвященных ему музея.
Ключевые слова: святой князь Александр Невский, историческая память, Северо-Запад России, Санкт-Петербург, Александро-Невская лавра

На протяжении многих веков святой князь Александр Невский пользовался большим почитанием верующих на приневских и приладожских землях, но особенное распространение оно получило в XX в. Центром этого почитания была Свято-Троицкая Александро-Невская лавра. С 30 августа 1724 г., согласно указу Петра I, здесь пребывали мощи святого князя. В 1743 г. императрица Елизавета Петровна учредила в день перенесения мощей крестный ход из столичного кафедрального собора в Александро-Невский монастырь. С тех пор ежегодно 30 августа по окончании литургии все столичное духовенство во главе с митрополитом в белых облачениях крестным ходом направлялось по Невскому проспекту к лавре. Этот праздник был более значим для города, чем день кончины святого Александра Невского. 30 августа 1790 г. состоялось освящение монастырского собора Пресвятой Троицы и перенесение в него мощей святого князя. Собор стал также капитульным храмом кавалеров ордена святого Александра Невского[1].

[1] *Рункевич С. Г.* Свято-Троицкая Александро-Невская лавра. 1713–1913. СПб., 2001. С. 295–297.

Летом 1917 г. специальной церковной комиссией рака была вскрыта, хранившаяся там кукла с восковой головой князя уничтожена, а сами мощи помещены в кипарисовый ларец, установленный в раке[2]. Весной 1922 г. во время проведения кампании по изъятию церковных ценностей для подрыва авторитета Русской православной церкви было решено использовать и такой казавшийся беспроигрышным советским властям метод, как вскрытие мощей святого Александра Невского. 8 мая 1922 г. Большой президиум Петроградского губисполкома, заслушав вопрос о вскрытии раки с мощами св. князя Александра Невского, постановил: вскрытие мощей произвести во время изъятия серебряной раки Александра Невского. Само вскрытие произошло 12 мая[3].

С ноября 1922 г. мощи находились в Москве, сначала в Наркомате юстиции, затем в Центральном антирелигиозном музее. После его ликвидации в 1948 г. мощи святого князя были переданы в созданный в 1930-е гг. в закрытом Казанском соборе на Невском проспекте Музей истории религии. Возвращение верующим в 1989 г. мощей св. князя Александра Невского, которые более 40 лет находились в запасниках Музея истории религии и атеизма, стало важнейшим событием для всей Русской православной церкви[4].

Александро-Невская лавра в качестве действующего монастыря была закрыта в октябре 1933 г. В следующем году закрыли Свято-Троицкий собор, однако в период блокады в нем работала выставка, посвященная князю Александру Невскому. В 1950–1960-е гг. в Духовском корпусе лавры действовала митрополичья крестовая церковь св. князя Александра Невского, закрытая в период антирелигиозных «хрущевских» гонений. В 1957 г. был вновь открыт Свято-Троицкий собор[5]. Возрождение лавры началось в середине 1996 г. С этого времени в монастыре было написано большое количество икон святого князя, подготовлена и издана энциклопедия храмов св. князя Александра Невского и т. д. В 2004 г. лаврой была учреждена литературная премия святого Александра Невского.

К 1917 г. в Санкт-Петербурге было создано около 30 храмов св. князя Александра Невского, которые можно разделить на несколько категорий. К первой относятся церкви полковые и при государственных учреждениях: при Сенате, Министерстве иностранных дел, Государственном банке, Училищном совете Синода, Управлении протопресвитера армии и флота и др. Ко второй можно отнести церкви дворцовые и при учебных заведениях: при Аничковом дворце, Николаевской военной академии,

[2] К истории освидетельствования мощей св. Александра Невского // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2000. Вып. 23. С. 32–34.

[3] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 1000. Оп. 1. Д. 320. Л. 33.

[4] Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф. 2. Оп. 7. Д. 13.

[5] ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 4. Д. 14. Л. 25–26.

Михайловской артиллерийской академии, Институте инженеров путей сообщения, Смольном институте, Александровском институте и др. Далее шли церкви больничные и при общинах сестер милосердия: при Адмиралтейском госпитале, Александровской больнице, Гомеопатической больнице, общинах сестер милосердия: Александровской, св. Евгении. Четыре храма имелось при благотворительных заведениях: при Обществе благотворения в память 19 февраля 1861 г., при благотворительных учреждениях Ремесленного общества, при Доме трудолюбия Петровского общества вспоможения бедным, при детском приюте в память великого князя Олега Константиновича. Существовали три кладбищенских храма: на Преображенском, Успенском (Северном) и Шуваловском кладбищах, а также церковь св. князя Александра Невского при подворье Александро-Свирского монастыря. Все они оказались закрыты в 1918–1939 гг. Однако в конце XX в. некоторые из них вновь были возрождены. Первой стала Александро-Невская церковь в Шувалове, открытая в 1966 г.[6]

В XIX–XX вв. было устроено и несколько десятков зарубежные храмов св. князя Александра Невского, до 1917 г. в основном находившихся в ведении митрополита Петроградского: в Париже, Копенгагене, Софии, Белграде, Варшаве, Таллине и других городах. Следует упомянуть, что в 1964 г. ленинградские специалисты участвовали в позолоте куполов собора св. князя Александра Невского в Софии[7], а насельники Александро-Невской лавры в 2000–2010-е гг. оказывали помощь церкви св. князя Александра Невского в Бизерте (Тунис).

С именем св. князя Александра Невского была связана обширная топонимика в Санкт-Петербурге. В 1767 г. в Адмиралтейской части были образованы три предместья, в том числе Александро-Невское. В 1865 г. Каретная часть была переименована в Александро-Невскую. 24 марта 1917 г. административно-полицейские части оказались ликвидированы, и на их основе было создано 18 административных районов, в том числе Невский, в составе которого имелся Александро-Невский подрайон, ликвидированный в 1922 г. В 1788–1790 гг. была устроена площадь вблизи лавры, названная Александро-Невской. В 1923 г. ее переименовали в Красную, но в 1952 г., к 250-летию города, она вновь стала называться площадью Александра Невского[8]. История переименований идущей рядом улицы Александра Невского полностью повторяет переименования площади: Александро-Невская (в 1902–1933 гг.), улица Красной площади (1933–1956 гг.) и Александра Невского (с 1956 г.) соответственно. В 1967 г. был открыт вестибюль станции метро «Площадь Александра Невского-1», а в 1991 г. – станции метро «Площадь Александра Невского-2».

[6] ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 42. Д. 1089. Л. 52–53.
[7] ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 42. Д. 608. Л. 59–59 об.
[8] ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 3. Д. 44. Л. 1.

К 1917 г. в Петрограде существовало значительное количество учреждений и организаций с именем св. князя Александра Невского. Среди них были предприятия (например, Александро-Невский механический завод), учебные и благотворительные учреждения: Александро-Невская духовная семинария в XVIII в., Александро-Невское духовное училище в 1820–1918 гг., приюты и дома призрения. Все они оказались закрыты или переименованы в первые годы советской власти. Новые подобные учреждения были созданы в 1990–2010-е гг., в частности, в 2002 г. открыта православная гимназия благоверного князя Александра Невского[9]. Активную роль в общественной жизни города играли существовавшее в 1898–1918 гг. Александро-Невское общество трезвости (с 1914 г. Всероссийское Александро-Невское братство трезвости) и созданное в январе 1918 г. для защиты лавры Александро-Невское братство (просуществовавшее до его разгрома ОГПУ в 1932 г. и возрожденное в 2000-е гг.)[10]. В Северной столице было создано несколько кораблей «Александр Невский»: фрегат (в 1861 г.), крейсер (в 1951 г.)[11] и атомная подводная лодка (2010 г.).

В XX в. образ Александра Невского получил значительное отражение в историографии, искусстве и литературе. Среди петроградских ученых, изучавших жизнь и деятельность князя, прежде всего, следует назвать Георгия Петровича Федотова (1886–1951), уже в эмиграции в Париже в 1931 г. опубликовавшего книгу «Святые Древней Руси (X–XVII ст.)». Из ленинградских исследователей середины XX в. выделяются Игорь Павлович Шаскольский (1918–1995), написавший монографию «Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв.», и Эрнест Карлович Паклар (1908–1950), организовавший несколько экспедиций по изучению места Ледового побоища, результаты которых были опубликованы уже после его кончины (*Паклар Э. К.* Где произошло Ледовое побоище? // Исторические записки. М., 1951. Т. 37. С. 304–316)[12]. Их труды продолжали известные историки Северной столицы Владимир Васильевич Мавродин (1908–1987) – автор вышедшей в 1943 г. книги «Ледовое побоище» и Анатолий Николаевич Кирпичников (1929–2020), написавший монографию «Военное дело на Руси в XIII–XV вв.». Многолетними исследователями темы «Александр Невский» являются современные петербургские историки Юрий Владимирович Кривошеев (род. 1955 г.) и Роман Александрович Соколов (род. 1976 г.), совместно написавшие несколько монографий: Александр Невский: эпоха и память. Исторические очерки. СПб., 2009; «Александр

[9] ЦГА СПб. Ф. 10135. Оп. 3. Д. 105.
[10] ЦГА СПб. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 11; 13.
[11] ЦГА СПб. Ф. 1511. Оп. 160. Д. 137. Л. 1–45.
[12] ЦГА СПб. Ф. 4331. Оп. 4. Д. 1963. Л. 17 об.–18.

Невский»: создание киношедевра. Историческое исследование. СПб., 2012; Исследования и исследователи: 800-летию великого государственного деятеля России – Александра Невского посвящается. СПб., 2018.

В литературе во второй половине XX в. образ Александра Невского нашел отражение в произведениях ленинградских писателей: Василия Григорьевича Янчевецкого (Яна, 1875–1954) – в повести «Юность полководца: Историческая повесть из жизни Александра Невского», Дмитрия Михайловича Балашова (1927–2000) – в повести «Господин Великий Новгород» и романе «Младший сын» и генерал-майора Георгия Николаевича Караева (1891–1984), написавшего вместе с Александром Сергеевичем Потресовым повести «Загадка Чудского озера» и «Путем Александра Невского».

Из петербургских художников, запечатлевших образ святого князя в XX в., выделяются: Валентин Александрович Серов (1865–1911) и Михаил Васильевич Нестеров (1862–1942). Из обширной фильмографии наиболее известен фильм 1938 г. «Александр Невский» режиссера Сергея Михайловича Эйзенштейна по сценарию Петра Андреевича Павленко, музыку к которому написал Сергей Сергеевич Прокофьев. О личности Александра Невского С. М. Эйзенштейну было известно с самого детства, так как еще маленьким мальчиком он проводил много времени в Санкт-Петербурге у своей глубоко верующей бабушки Ираиды Матвеевны, которая жила недалеко от Александро-Невской лавры. Князя в фильме сыграл известный ленинградский актер Николай Константинович Черкасов[13].

В последние десятилетия в Санкт-Петербурге (2002 г.), Пушкине (1990 г., к 750-летию Невской битвы) и Усть-Ижоре (2002 г.) были воздвигнуты памятники св. князю Александру Невскому, автором которых являлся скульптор Валентин Григорьевич Козенюк (1938–1997). Кроме того, в 2000 г. в Константино-Еленинском монастыре (пос. Ленинское Выборгского района Ленинградской области) был установлен памятник св. князю Александру Невскому, коленопреклоненному перед иконой Божией Матери, скульптора Альберта Серафимовича Чаркина. В 2021 г. в Ленинградской области планируется открыть еще два памятника князю – в г. Тосно и с. Сойкино.

Одной из главных наград Российской империи, СССР и Российской Федерации был орден Александра Невского. Впервые подобный орден оказался учрежден в 1725 г. и просуществовал до 1917 г. Среди его кавалеров-петербуржцев были: митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский), император Николай II, цесаревич Алексей Николаевич, генералиссимус А. В. Суворов, фельдмаршал М. И. Кутузов, адмирал Ф. Ф. Ушаков, генералы М. А. Милорадович, Д. С. Дохтуров,

[13] См.: *Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А.* «Александр Невский»: создание киношедевра. Историческое исследование. СПб., 2012.

Н. Н. Раевский и др. Вновь орден Александра Невского был учрежден в 1942 г.[14] Им награждали в основном в годы Великой Отечественной войны. В число его кавалеров вошли ленинградцы: Е. А. Иванов, Н. И. Магерин, Г. Л. Пальмский, В. П. Фокин, В. А. Шаляпин, М. А. Жук, И. В. Снежка, В. А. Бариков, А. Н. Володин, Б. К. Феофанов и др. В Российской Федерации орден Александра Невского был учрежден в 2010 г. Им наградили несколько петербуржцев: митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира (Котлярова), В. А. Гергиева, Б. Б. Пиотровского, А. И. Фирсенкова, Б. В. Грызлова, Г. А. Полтавченко, С. В. Степашина и др.

Особое значение среди мест почитания св. князя Александра Невского на Северо-Западе России имеет мемориальный комплекс в пос. Усть-Ижора на месте Невской битвы. В него входят каменный храм св. князя Александра Невского, построенный в 1798–1799 гг. (архитекторы В. И. и П. В. Нееловы), закрытый в 1934 г. и возвращенный верующим в 1992 г.[15] Рядом с храмом были установлены два памятника святому благоверному князю Александру Невскому: памятный знак «Часовня на месте Божией помощи в день Невской битвы» с погрудным бронзовым скульптурным портретом Александра Невского внутри (скульптор В. Г. Козенюк), освященный в 2002 г., и памятник князю на береговом склоне (скульптор Владимир Эмильевич Горевой; архитектор В. В. Попов), открытый в 2002 г. В 2009 г. был создан Музей-панорама «Невская битва 1240 г.» в пос. Усть-Ижора.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

К истории освидетельствования мощей св. Александра Невского // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2000. Вып. 23. С. 29–34.

Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. «Александр Невский»: создание киношедевра. Историческое исследование. СПб., 2012.

Рункевич С. Г. Свято-Троицкая Александро-Невская лавра. 1713–1913. СПб., 2001.

[14] ЦГА СПб. Ф. 1516. Оп. 11. Д. 328. Л. 1–3; Д. 338. Л. 1.

[15] ЦГА СПб. Ф. 2017. Оп. 1. Д. 18. Л. 61.

Mikhail V. Shkarovsky
Central State Archive of Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia

HISTORICAL MEMORY OF ALEXANDER NEVSKY IN THE NORTH-WEST OF RUSSIA IN THE 20TH CENTURY

For many centuries, the holy Prince Alexander Nevsky enjoyed great veneration on the part of the faithful in the North-West of Russia, which became especially widespread in the 20th century. The center of this veneration was the Holy Trinity Alexander Nevsky Lavra, where the relics of the prince reside. By 1917, about 30 churches of St. Prince Alexander Nevsky were created in St. Petersburg, some of which have survived to the present day. The prince's name was associated with an extensive toponymy in the Northern capital of Russia. By 1917, there were a significant number of institutions and organizations in Petrograd bearing the name of St. Prince Alexander Nevsky. Among them, there were enterprises, educational and charitable institutions, orphanages and care homes. All of them were closed or renamed in the first years of the Soviet regime. New similar institutions were created in the 1990s–2010s. In the 20th century, the image of Alexander Nevsky was significantly reflected in historiography, art and literature of the Northern capital. The Order of Alexander Nevsky has been one of the main awards of the Russian Empire, the USSR and the Russian Federation, which has been awarded to dozens of Petersburg citizens. In recent decades, seven monuments to St. Prince Alexander Nevsky have been erected in St. Petersburg and the Leningrad Region, and two museums dedicated to him have been created.

Keywords: Saint Prince Alexander Nevsky, historical memory, North-West of Russia, Saint Petersburg, Alexander Nevsky Lavra

Д. Пицкова
Карлов университет, Прага, Чехия

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ – НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ, СВЯТОЙ ИЛИ ПРЕДАТЕЛЬ?

Многие поколения русских людей считают Александра Невского выдающимся деятелем русской истории, но выяснить, кем на самом деле был обожаемый князь, – трудная задача для ученых. Взгляды историков сильно разнятся по этому вопросу. Следовательно, необходимо оценить действия князя Александра как правителя в более широкой исторической перспективе.
Ключевые слова: вторая жизнь, русская культурная память, национальный герой, святой князь, Невская битва, битва на Чудском озере, татарское господство

Статья написана в Карловом университете в рамках программы PROGRES Q09: История – Ключ к пониманию глобализированного мира.

Александр Невский веками играл важную роль в русской культурной памяти, однако его образ многократно претерпевал существенные изменения в корреляции с пониманием коллективной идентичности в российской истории. Ему поклонялись как святому, монаху и чудотворцу, прославляли как важного государственного деятеля и основателя династии, считали непобедимым военачальником и защитником Российского государства. Но кем был на самом деле князь Александр? Изучить его жизнь и личность как реального исторического персонажа – очень непростая задача. Исторические источники времен самого Александра предоставляют лишь отрывочные сведения о нем, в то время как более поздние свидетельствуют в гораздо большей мере о традиции, которая формировалась вокруг личности князя со временем.

Был ли Александр Невский действительно фигурой чрезвычайной исторической значимости, безупречным национальным героем, которого не заботило ничего, кроме благополучия русской земли и народа, которых он должен был защищать как от агрессии со стороны Запада, чьей целью было навязать католическую веру православным, так и от жестоких монгольских завоевателей с Востока? По мнению многих поколений российских ученых, а также государственных деятелей, духовенства, согласно культурной и коллективной памяти, это действительно так. Однако правда намного сложнее. Тем не менее я хотела бы попытаться ответить на вопрос, какова была на самом деле историческая роль князя Александра. Верно ли он воспринимался как святой князь, национальный герой или же он был предателем своего народа?

Самыми значительными событиями в жизни князя Александра традиционно считаются два победных сражения, в которых он командовал в самом начале своей карьеры: Невская битва и Ледовое побоище. Историки ведут уже много лет горячие дискуссии об их значении, и сегодня многие не сомневаются в том, что они не были событиями мирового значения и обрели это измерение в русской коллективной памяти только со временем. В противовес этому другие исследователи считают до сих пор актуальным тезис, который высказал финский историк Г. А. Донер в 1929 г. По его мнению, две последовательные военные кампании западных соседей – шведских, датских и ливонских сил – против Пскова и Новгорода были результатом планов, которые закулисно координировались папской курией, чтобы использовать ослабление Руси монгольской экспансией для ее завоевания и католицизации[1]. Эта интерпретация была принята и развита многими российскими учеными[2]. Среди наиболее авторитетных был И. П. Шаскольский, который, тем не менее, признал, что не нашел источников, подтверждающих эту гипотезу[3]. Некоторые немецкие исследователи оценили эти события лишь чуть более трезво: рыцари Ордена обосновались в Прибалтике и начали готовить крупное мероприятие с целью интеграции Северо-Западной Руси как в политическом, так и в церковном отношении в орденское государство. Важную роль сыграл в этом вопросе папа Григорий IX[4]. Таким образом, княжества на Северо-Западе подверглись угрозе одновременно с двух сторон, потому что монголы напали на них с востока[5].

Я не отрицаю, что папская курия имела планы в отношении Восточной Европы и хотела обеспечить принятие унии русскими землями. Однако она точно не готовила против них широкомасштабную военную кам-

---

1 *Donner G. A.* Kardinal Wilhelm von Sabina: Bischof von Modena 1222–1234, päpstlicher Legat in den nordischen Ländern († 1251). Helsingfors, 1929. S. 222–229.

2 *Рамм В. Я.* Папство и Русь в X–XV вв. М.; Л., 1959. С. 85–179; *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978. С. 152–190; *Он же.* Папская курия – главный организатор крестоносной агрессии 1240–1242 гг. против Руси // Исторические записки. М., 1951. Т. 37. С. 169–188; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 227–241, 294–297; *Шишов А. В.* Полководческое искусство князя Александра Невского в Невской битве // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 31–32, 36; *Хрусталев Д. Г.* Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. СПб., 2009. Т. 1. С. 247–248, 256–258 и др.

3 *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. С. 155.

4 *Selart A.* Livland und die Rus' im 13. Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien, 2007. S. 147–150, 160.

5 *Pickhan G.* Gospodin Pskov. Entstehung und Entwicklung eines städtischen Herrschaftszentrum. Berlin, 1992. S. 114–115; Handbuch der Geschichte Russlands. Stuttgart, 1981. Bd 1. S. 451; *Christiansen E.* The Northern Crusades. New York, 1997. P. 133–135.

панию, потому что хотела добиться этой цели другими способами. Если бы папская курия спланировала что-то подобное, ей не хватило бы вооруженных сил для реализации такой акции. В конце концов, не сохранилось ни одного папского документа, призывающего к крестовому походу против православных русских[6], и вполне вероятно, что шведы или рыцари в своих нескоординированных военных предприятиях просто стремились действовать в рамках папских намерений[7]. В начале 1240-х гг. русским княжествам не угрожало ни порабощение католическим Западом, ни насильственная католицизация их православных жителей. Оба столкновения не сильно отличались от обычных конфликтов на западной границе Новгородской земли[8], которой время от времени угрожали не только католики – рыцари или шведы, но и, зачастую более решительно, литовцы-язычники. Поэтому однозначно нельзя считать Александра спасителем всей Руси от угрозы католического Запада.

С другой стороны, не стоит недооценивать его достоинства. Между 1240 и 1242 гг. он спас Новгородскую землю от разорения шведами и рыцарями Ордена, которые вторглись прямо на ее территорию, и не позволил шведам закрыть новгородцам жизненно важный выход к морю. В то время князь был еще очень молод и не мог иметь большого полководческого опыта. Тем не менее он проявил себя достойно в этих первых испытаниях[9].

Гораздо сложнее объяснить примирительное отношение Александра с лидерами Орды. На эту тему среди историков ведется еще более бурная дискуссия, чем в случае оценки сражений на Неве и Чудском озере. Русские исследователи часто подчеркивают так называемый восточный выбор Александра, в то время как немецкие историки сомневаются, что князь так четко и программно отнесся к ситуации в своей стране или что у него вообще был какой-то выбор[10]. Одним из первых, кто выступил с теори-

---

[6] *Fonnesberg-Schmidt I.* The Popes and the Baltic Crusades, 1147–1254. Leiden; Boston; Brill, 2007. P. 221–222.

[7] *Линд Д. Г.* Некоторые соображения о Невской битве и ее значение // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 44.

[8] *Назарова Е. Л.* Крестовый поход на Русь 1240 г. (организация и планы) // Восточная Европа в исторической ретроспективе. М., 1999. С. 201.

[9] Дискуссии о значении сражений на Неве и Чудском озере было посвящено несколько статей в сборнике: Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995: *Кирпичников А. Н.* Невская битва 1240 года и ее тактические особенности; *Линд Д. Г.* Некоторые соображения о Невской битве и ее значение; *Хёш Э.* Восточная политика немецкого ордена в XVIII веке. Свой вклад внесли в эту дискуссию в дальнейшем, например: *Нестеренко А. Н.* Александр Невский. Кто победил в Ледовом побоище. М., 2006; *Selart A.* Livland und die Rus' im 13. Jahrhundert. S. 145–151; *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси, 1200–1304. М., 1989. С. 145–146, и др.

[10] *Leitsch W.* Einige Beobachtungen zum politischen Weltbild Aleksandrs Nevskijs // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1978. Bd 25. S. 206; *Philipp W.* Heiligkeit und Herrschaft in der Vita Aleksandr Nevskijs // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1973. Bd 18. S. 62.

ей восточного выбора, был русский историк-эмигрант Г. В. Вернадский. Его взгляды основывались на идеях евразийства, сформулированных в 1920-е гг. Г. В. Вернадский подчеркнул, что Александр, в отличие от галицкого князя Даниила Романовича, осознавал, какая опасность грозит русским со стороны католического Запада, который стремился поработить души русских, в то время как монголы поработили только их тела. Он понимал, что его главная задача – защищать православие, которое является основой русской культуры и национальной идентичности. Его примирительная политика по отношению к монголам была не случайным решением, а преднамеренным и дальновидным политическим актом[11]. Восточный выбор прославлял и другой евразиец, на этот раз советский исследователь Л. Н. Гумилев, как проявление альтруистического патриотизма, которым Александр, по его мнению, значительно отличался от других русских князей того периода, и, таким образом, князь заложил основы традиционного союза русских с азиатскими народами, который развивался до XIX в.[12]

В конце XX в. идеи евразийства вновь появились в российской историографии, и возобновились дебаты о восточном выборе Александра, которые по сей день находят отклик в российском обществе, причем не только в профессиональных кругах. Одним из главных сторонников этой теории был Ю. К. Бегунов, чьи работы представляют значительный исследовательский вклад и в некоторой степени предлагают новую концепцию. По его мнению, католический Запад был большим злом, чем мусульманский Восток, и Александр правильно оценил ситуацию. Он не мог найти союзников в латинской Европе, потому что католическая церковь и Тевтонский орден восточных славян попросту поработили бы, в то время как монголы оставили русским их менталитет, культуру и веру[13].

Хотя современный исследователь И. Н. Данилевский рассматривает роль Александра в русской истории совсем не так, как Ю. К. Бегунов, он считает, что в середине XIII в. Русь выбрала свой путь и выбирала между «социокультурными моделями развития: между Востоком и Западом, это значит между Азией и Европой». Но в отличие от других историков, он считает восточный выбор не прогрессивным, а, напротив, трагическим явлением в русской истории[14].

А. А. Горский отвергает теорию о том, что склонность Александра к монгольским завоевателям была решающим судьбоносным выбором между восточной и западной ориентациями русской политики. По его мне-

[11] *Вернадский Г. В.* Два подвига Александра Невского // Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. 4. С. 318–337.

[12] Л. В. Гумилев объяснил свое видение проблемы в работе: *Гумилев Л. В.* От Руси до России. М., 1992. С. 109–120.

[13] *Бегунов Ю. К.* Александр Невский. Жизнь и деяния святого и благоверного великого князя. М., 2003. С. 124–125, 146.

[14] *Данилевский И. Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2001. С. 217–219, 228.

нию, это было чисто прагматическое решение. Основное влияние на князя оказала его поездка в Каракорум в 1249 г., во время которой он понял, что преодолеть военную мощь монголов невозможно, но в то же время удостоверился, что хан не будет контролировать напрямую русские княжества, а ему будет достаточно уплаты налогов и признания вассальной зависимости. Он также убедил себя, что монголы религиозно терпимы и позволят русским продолжать исповедовать православную веру. Это выгодно отличало их, по мнению князя, от тевтонских рыцарей, которые хотели оккупировать территорию и насильственно христианизировать население[15].

Можно ли под тяжестью этого знания еще считать Александра Невского национальным героем? Прежде чем я попытаюсь ответить на этот вопрос, давайте зададим еще один. Кто на самом деле национальный герой? Тот, кого прославляют современники, но его обожание часто отвергают будущие поколения, или, наоборот, тот, кого начинают чтить после длительного периода потомки? Разве речь не идет больше о том, кого нация ставит сама по разным мотивам на пьедестал героя, то есть о так называемой второй жизни?

В своей второй жизни князь Александр, несомненно, сыграл очень важную роль в русской истории. Это детально проанализировал немецкий историк Ф. Б. Шенк. Вскоре после смерти князя стали воспринимать как святого и национального героя. Это легко объяснить, говорит Ф. Б. Шенк. Александр жил в травмирующее для русского культурного сознания время: опустошительная монгольская экспансия сопровождалась установлением ханского господства над русскими землями, угрозой западным границам со стороны орденских рыцарей, шведов и литовцев. В «темную» эпоху победа Александра казалась современникам «единичным знаком надежды и гордости». Александр Невский стал «слегка размытой памятной фигурой», и отсутствие определенной информации не было препятствием, поскольку его биография открывала широкое поле для интерпретации[16]. Дело в том, что после смерти Александра потребовалось несколько десятилетий, чтобы вновь появился правитель, который не только занимался региональными делами, но и стремился представлять интересы более широкого комплекса русских княжеств. Но Александр защищал их так, как считал нужным, вне зависимости от того, были ли его мотивы альтруистическими, или нет.

Был ли Александр Невский святым, канонизированным Русской церковью, по-настоящему образцовым христианином, стойким поборником

[15] *Горский А. А.* Александр Невский и монголы // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 178.

[16] *Schenk B. F.* Aleksandr Nevskij. Heiliger – Fürst – Nationalheld. Eine Erinnerungsfigur im russischen kulturellen Gedächtnis (1263–2000). Köln; Weimar; Wien, 2004. S. 28–29.

православия и непримиримым врагом католиков? Несомненно то, что он был глубоко верующим средневековым человеком. Однако он определенно не жил и не хотел жить добродетельной жизнью святого. Он не отказывался от мирской жизни, он не отказывался от мирской власти даже ценой уступок Орде. Он не претерпел мученичества, как другой святой среди князей Рюриковичей, его современник Михаил Всеволодович Черниговский. К тому же Александр, несомненно, должен был подчиняться в ходе своего пребывания в Орде языческим обрядам, во время которых, согласно «Сказанию об убиении в Орде князя Михаила», многие «уничтожили свою душу и тело»[17]. Он стал монахом, но только на смертном одре.

И. Н. Данилевский придерживается мнения, что выражение христианского смирения Александра было в мирном принятии владычества Орды в библейском смысле: «Кто противится власти, тот противится приказам Бога»[18]. Однако это мнение поднимает вопрос, почему он выступал против набегов западных захватчиков, которые в конце концов были христианами. Роль защитника западной границы православных русских земель перед завоевателями иной веры выпала на его долю с функцией новгородского князя, которую он выполнял практически с ранних лет. Он также защищал эти границы не только от католиков, крестоносцев и шведских воинов, но и от литовских язычников, которые, как показали дальнейшие события, представляли для русских большую и постоянную опасность, в отличие от католиков. Однако это не было важным ни для кого из авторов многочисленных версий Жития св. Александра или его адорантов.

Если понимать повествование источников, созданных во времена князя Александра, буквально, то перед нами будет образ князя как стойкого сторонника «истинной» веры, никогда не рассматривающего возможности борьбы с монголами с помощью западных монархов или католической церкви и категорически отвергнувшего предложение папы. Однако как только мы подвергаем не очень богатую источниковую базу критической оценке с точки зрения времени и среды, в которой она возникла, мы попадаем в порочный круг односторонних взглядов, соответствующих интересам тогдашней православной церкви. Мысль о том, что князь мог бы получить благодаря союзу с папской курией, не нашла в ней места. «Однако как государственный деятель Александр вряд ли мог позволить себе такую роскошь – быть таким иррациональным пожирателем католиков, как считает русское духовенство XIII века и историки XIX и XX веков», –

[17] Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора / Подгот. текста, пер. и коммент. Л. А. Дмитриева // БЛДР [Электронный ресурс]. СПб., 1997. Т. 5. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4957 (дата обращения: 20.04.2021).

[18] *Данилевский И. Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). С. 221.

полагал австрийский историк В. Лейтч. На самом деле князь был гораздо дальновиднее по отношению к католикам, например, он планировал женить сына на норвежской принцессе, и от его имени был заключен торговый договор Новгорода с немецкими купцами из балтийских стран[19]. Если мы примем эти обстоятельства, мы откроем вместо ярого защитника православия гораздо более жизненно важную фигуру прагматичного правителя, который в своих решениях должен учитывать сложные обстоятельства, в каких находились земли Рюриковичей.

Александр был сторонником православия и не допускал возможности церковной унии с Римом, что также было типично для многих более поздних русских правителей. Он сотрудничал с Русской православной церковью, особенно с митрополитом Кириллом II, и поддерживал ее. Конечно, все это имело также политический контекст. Связь с папской курией, которая давала только обещания, выполнявшиеся лишь частично, как уже смог убедиться на своем опыте галицко-волынский князь и русский король Даниил Романович, казалась Александру малообещающей. Однако если контакты с католиками были выгодны, он не отказывался от них.

Самое сложное – ответить на вопрос, был ли герой сражений на Неве и Чудском озере настоящим предателем русских, который бесчестно вступал в коллаборацию с их врагами. Он действительно сотрудничал с ордынскими ханами или, по крайней мере, действовал так, чтобы не противодействовать их воле. Мы не знаем, что его к этому привело. Возможно, он действительно был убежден, что эта примирительная политика будет для его земли наименее вредоносным решением из данных неблагоприятных возможностей и, может быть, что оно будет только временной мерой. Или выбора у него не было? Руководили ли им чисто корыстные интересы, чтобы получить и сохранить хотя бы формальный пост верховного правителя русских земель? Но кто может проникнуть в идеи и в сложный клубок личных мотивов исторической личности, которой давно нет в живых?

В 1980-е гг. английский историк Джон Феннелл, не обремененный русской национальной гордостью и традициями, представил в монографии «The Crisis of Medieval Russia, 1200–1304», вышедшей также в русскоязычной версии[20], образ Александра Невского, который, должно быть, шокировал российских читателей. Он оценивает деяния Александра весьма критически. «Какие выводы можно сделать из всего того, что мы знаем об Александре, его жизни и правлении? Был ли он великим героем, защитником русских границ от западной агрессии? Спас ли он Русь от тевтонских рыцарей и шведских завоевателей? Стоял ли он непоколебимо на страже интересов православия против посягательств папства? Спасла

[19] *Leitsch W.* Einige Beobachtungen zum politischen Weltbild Aleksandrs Nevskijs. S. 208.
[20] *Fennell J.* The Crisis of Medieval Russia, 1200–1304. London; New York, 1983; *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси, 1200–1304. М., 1989.

ли проводимая им политика уступок Северную Русь от полного разорения татарами? Диктовалось ли его самоуничижение, даже унижения перед татарами в Золотой Орде самоотверженным стремлением к спасению Отчизны и обеспечению ее устойчивого будущего», – спрашивает Дж. Феннелл и указывает, что князь не сделал ничего из того, что способствовало эффективному сопротивлению Орде, но, наоборот, способствовал его прекращению[21]. Американский историк Д. Островски пошел еще дальше, когда оценил Александра как «наиболее выдающегося из первых "коллаборационистов" среди русских князей»[22]. Время от времени появлялся чисто негативный взгляд на его восточную политику также в работах российских историков, например М. М. Сокольского и И. Н. Данилевского[23].

Я бы осмелилась опровергнуть эти суровые осуждения. Александр был, по моему мнению, не предателем, руководствующимся исключительно собственной выгодой, а, безусловно, прагматичным политиком. Это проявилось как в отношении к католическому Западу, особенно к папской курии, так и в отношении к Орде. В защиту его вызывающей сомнения восточной политики необходимо принять во внимание, что ни князь, ни кто-либо из его современников не обладали историческим опытом в подобной ситуации. Кочевники, с которыми русские имели дело до этого времени, угрожали их землям частыми набегами и грабежами, но они никогда не пытались контролировать их. Монгольское господство было совершенно новым и доселе неизвестным явлением в русской истории, и во времена Александра новые условия только формировались. Тогда современники скорее верили, что все скоро закончится и что монголы отступят, как в 1223 г., «неизвестно, откуда они пришли и где они исчезли», как написано в летописях, или что могущественная Монгольская империя распадется, как об этом свидетельствовали споры о власти, о которых, по крайней мере, должны были знать русские князья, вынужденные общаться с монгольскими ханами. Ведь политическая раздробленность была естественным положением вещей в понимании представителей тогдашних земель Рюриковичей. Кто знал, что они находятся в начале долгой и очень сложной исторической эпохи тяжелого рабства?

Александр, несомненно, был одним из самых выдающихся и способных среди других Рюриковичей. Он стремился построить сильную княжескую власть, успешно защищал интересы Новгородской земли от ее западных соседей, а по отношению к монгольским ханам был главным политическим представителем князей Рюриковичей из северного ареала Вос-

[21] *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси, 1200–1304. С. 163.

[22] *Ostrowski D.* Muscovy and the Mongols: Cross-cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589. Cambridge, 1998. P. 22.

[23] *Сокольский М. М.* Неверная память. Герои и антигерои России. М., 1990. С. 193; *Данилевский И. Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). С. 220.

точной Европы. Однако он жил в сложных политических условиях, которые были результатом не только монгольской экспансии и порабощения, но и великой разобщенности князей, создавших ситуацию, поставившую перед Александром трудные задачи и предполагавшую трудные решения. Однако всегда нужно помнить, что из-за специфики сохранившихся источников мы никогда не получим полного ответа на вопрос, кем на самом деле был Александр Невский.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бегунов Ю. К. Александр Невский. Жизнь и деяния святого и благоверного великого князя. М., 2003.

Вернадский Г. В. Два подвига Александра Невского // Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. 4. С. 318–337.

Горский А. А. Александр Невский и монголы // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 173–180.

Гумилев Л. В. От Руси до России. М., 1992.

Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2001.

Кирпичников А. Н. Невская битва 1240 года и ее тактические особенности // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 24–30.

Линд Д. Г. Некоторые соображения о Невской битве и ее значение // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 44–54.

Назарова Е. Л. Крестовый поход на Русь 1240 г. (организация и планы) // Восточная Европа в исторической ретроспективе. М., 1999. С. 190–201.

Нестеренко А. Н. Александр Невский. Кто победил в Ледовом побоище. М., 2006.

Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

Рамм В. Я. Папство и Русь в X–XV вв. М.; Л., 1959.

Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора / Подгот. текста, пер. и коммент. Л. А. Дмитриева // БЛДР [Электронный ресурс]. СПб., 1997. Т. 5. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4957 (дата обращения: 20.04.2021).

Сокольский М. М. Неверная память. Герои и антигерои России. М., 1990.

Феннел Дж. Кризис средневековой Руси, 1200–1304. М., 1989.

Хёш Э. Восточная политика немецкого ордена в XVIII веке // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 65–74.

Хрусталев Д. Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. СПб., 2009. Т. 1.

Шаскольский И. П. Папская курия – главный организатор крестоносной агрессии 1240–1242 гг. против Руси // Исторические записки. М., 1951. Т. 37. С. 169–188.

Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978.

Шишов А. В. Полководческое искусство князя Александра Невского в Невской битве // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 31–37.

Christiansen E. The Northern Crusades. New York, 1997.

Donner G. A. Kardinal Wilhelm von Sabina: Bischof von Modena 1222–1234, päpstlicher Legat in den nordischen Ländern († 1251). Helsingfors, 1929.

Fennell J. The Crisis of Medieval Russia, 1200–1304. London; New York, 1983.

Fonnesberg-Schmidt I. The Popes and the Baltic Crusades, 1147–1254. Leiden; Boston; Brill, 2007.

Handbuch der Geschichte Russlands. Stuttgart, 1981. Bd 1.

Leitsch W. Einige Beobachtungen zum politischen Weltbild Aleksandrs Nevskijs // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1978. Bd 25. S. 202–216.

Ostrowski D. Muscovy and the Mongols: Cross-cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589. Cambridge, 1998.

Philipp W. Heiligkeit und Herrschaft in der Vita Aleksandr Nevskijs // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1973. Bd 18. S. 55–72.

Pickhan G. Gospodin Pskov. Entstehung und Entwicklung eines städtischen Herrschaftszentrum. Berlin, 1992.

Schenk B. F. Aleksandr Nevskij. Heiliger – Fürst – Nationalheld. Eine Erinnerungsfigur im russischen kulturellen Gedächtnis (1263–2000). Köln; Weimar; Wien, 2004.

Selart A. Livland und die Rus' im 13. Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien, 2007.

Dana Picková
Charles University, Prague, Czech

ALEXANDER NEVSKY – NATIONAL HERO, SAINT OR TRAITOR?

Many generations of Russian people consider Alexander Nevsky as an outstanding figure in the Russian history, but finding out who the beloved prince really was is a difficult task for scientists. Historians' views on this issue differ greatly. Therefore, it is necessary to assess the actions of Prince Alexander as a ruler in a broader historical perspective.

Keywords: second life, Russian cultural memory, a national hero, a holy prince, battle of the Neva, battle of Lake Peipsi, Tatar domination

Научное издание

Александр Невский:
личность, эпоха, историческая память.
К 800-летию со дня рождения. Материалы
международной научной конференции
(25—27 мая 2021 г., Москва, Россия)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

По вопросу приобретения книг
издательства «Индрик» обращайтесь по тел.:
+7 (495) 938-01-00
www.indrik.ru
market@indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.
This book as well as other INDRIK publications may be ordered by
www.indrik.ru

Формат 70×100 1/16.
33,0 п. л. Тираж 300 экз.